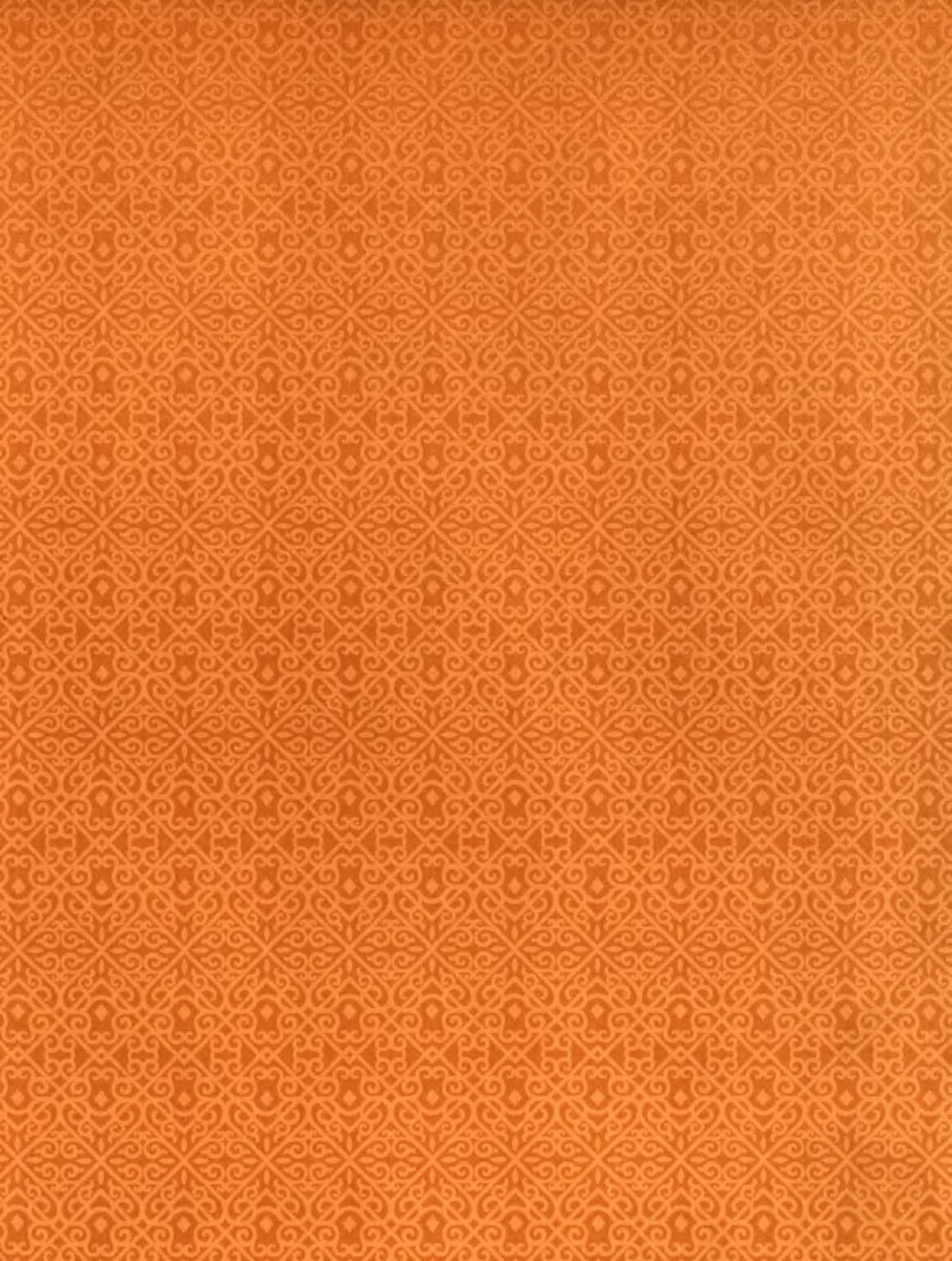

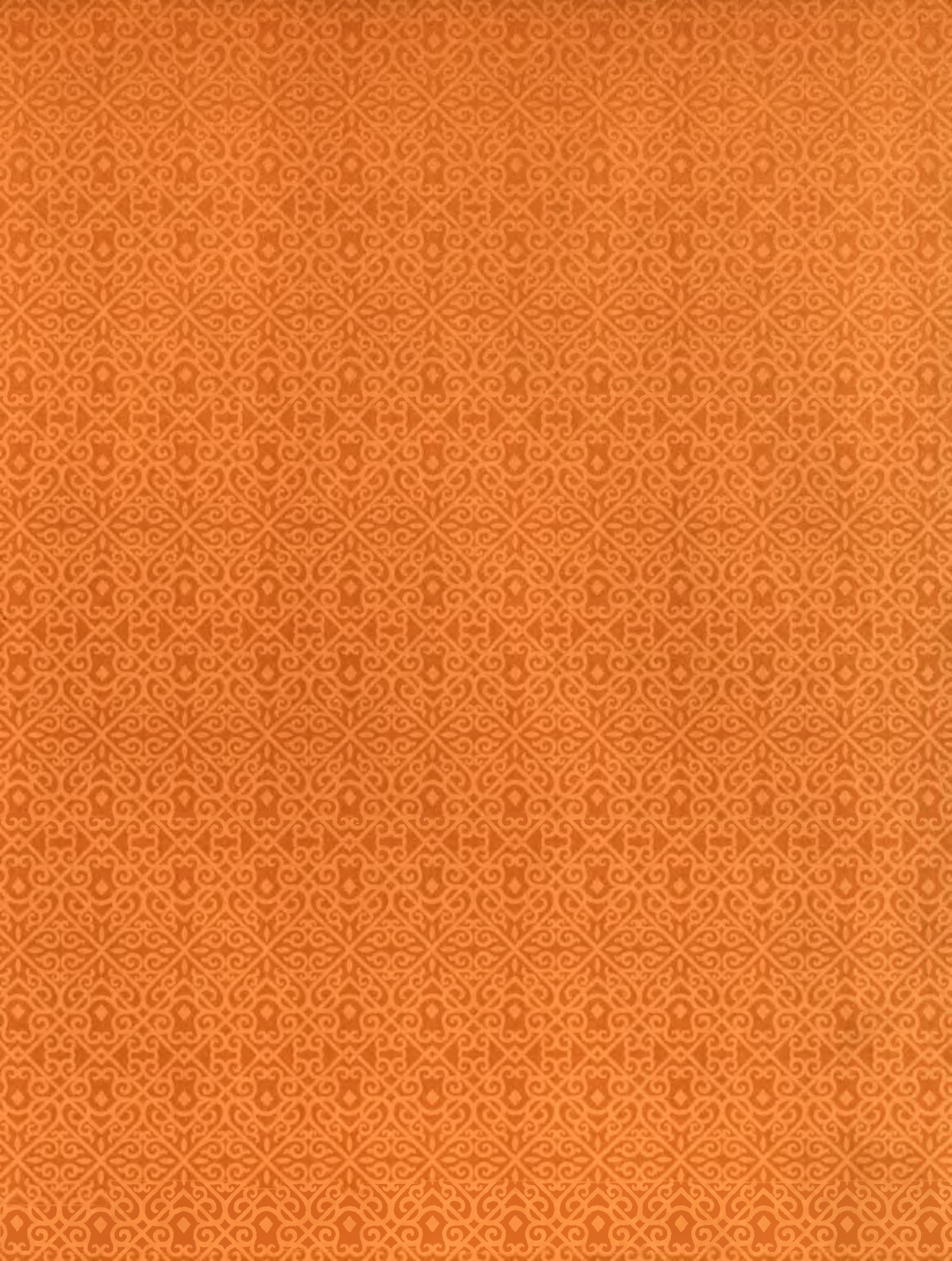

ИСТОРИЯ БУРЯТИИ

I

ИСТОРИЯ БУРЯТИИ

Издание подготовлено в рамках празднования 350-летия
добровольного вхождения Бурятии в состав
Российского государства

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ МОНГОЛОВЕДЕНИЯ, БУДДОЛОГИИ И ТИБЕТОЛОГИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН

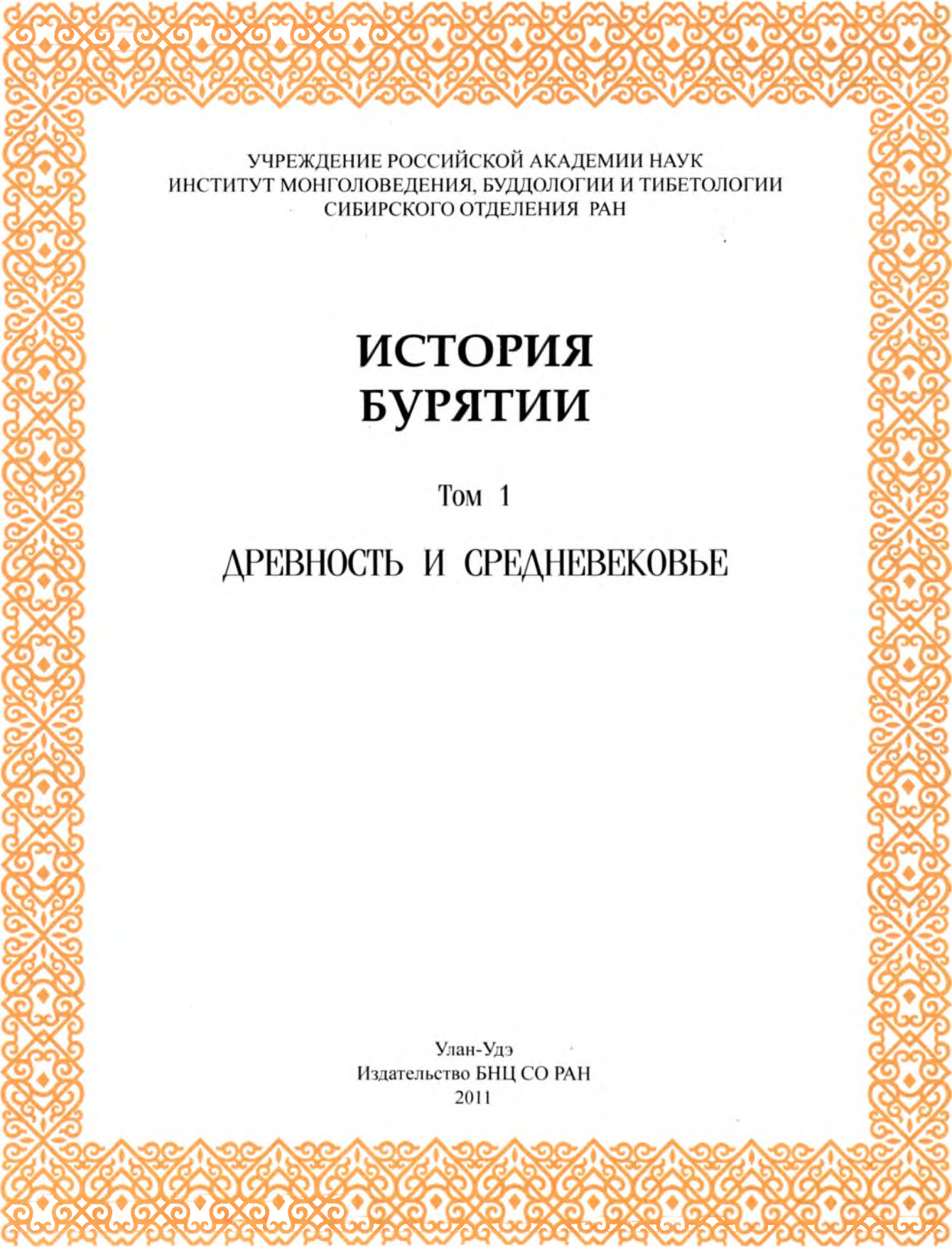
ИСТОРИЯ БУРЯТИИ

В трех томах

Главный редактор и руководитель проекта
член-корреспондент РАН Б. В. Базаров

Редакционная коллегия

акад. А. П. Деревянко; акад. В. И. Молодин; чл.-корр. РАН В. А. Ламин;
д. и. н., проф. Ц. П. Ванчикова; д. и. н., проф. В. И. Дятлов;
д. и. н., проф. Б. С. Елепов; д. и. н., проф. Н. Л. Жуковская;
д. и. н., проф. Н. Н. Крадин; д. и. н., проф. С. И. Кузнецов;
д. и. н., проф. Л. С. Павлинская; д. и. н., проф. Л. Е. Янгут

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ МОНГОЛОВЕДЕНИЯ, БУДДОЛОГИИ И ТИБЕТОЛОГИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН

ИСТОРИЯ БУРЯТИИ

Том 1

ДРЕВНОСТЬ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Улан-Удэ
Издательство БНЦ СО РАН
2011

УДК 94(47)(571054)
ББК 63.3(2)2+63.3(2)4(2Рос.Бур.)
И 907

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Правительства Республики Бурятия

Ответственный редактор д-р ист. н. С. В. Данилов
Научный редактор д-р ист. н., проф. П. Б. Коновалов

Рецензенты:
д-р ист. н., проф. Цэвэндорж
д-р ист. н., проф. Н. Н. Крадин

История Бурятии: в 3 т. Т.1 – Древность и средневековье. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ
И 907 СО РАН, 2011. – 328 с.: ил.
ISBN 9785-7025-0302-1

Первый том «Истории Бурятии» охватывает самый значительный по времени период истории, начинающийся с эпохи палеолита и заканчивающийся поздним средневековьем. На основе новых археологических материалов и сведений письменных источников пересмотрены многие положения прежних концепций древней и средневековой истории региона. Авторы тома, преимущественно профессиональные археологи, постарались избавить широкие круги читателей от археологической специфики, во многом непонятной для непосвященных, и уделить больше внимания общим проблемам истории Байкальского региона и севера Центральной Азии. Книга адресована историкам, археологам и всем интересующимся древней историей Сибири и Центральной Азии.

УДК 94(47)(571054)
ББК 63.3(2)2+63.3(2)4(2Рос.Бур.)

ISBN 9785-7025-0302-1

© Кол-в авторов ИМБТ СО РАН, 2011
© Изд-во БНЦ СО РАН, 2011
© ИП Олоев Д.Т., 2011

Предисловие

Наш коллективный труд выходит в свет на пороге знакового события – 350-летия добровольного вхождения Бурятии в состав Российского государства. Со времени издания первого обобщающего академического труда – двухтомной «Истории Бурятии» – прошло более полувека. Этот крупный историографический факт стал важнейшим этапом в формировании исторического сознания общества и значительной вехой на пути дальнейшего накопления и совершенствования знаний о прошлом, закономерностях развития человечества, особенностях цивилизационного развития. Историческая наука никогда не останавливалась в своем движении, текущие современные события с постоянно меняющимся ритмом, масштабом изменений, совершенствованием общественных представлений и установок позволяли ей накапливать силы, оттачивать аппарат исследования.

Пришла пора подвести итоги сделанного за эти 50 лет, тем более что произошли заметные изменения в научных подходах, появились новые исследовательские направления, введены в оборот ранее недоступные документальные материалы, позволившие пересмотреть некоторые устоявшиеся стереотипы и вернуть истории незаслуженно забытые имена.

За прошедший период вышло множество монографий, коллективных трудов и сборников статей, были проведены конференции, «круглые столы», научные дискуссии. Историческая наука развивалась в сомнениях и поисках. И этот процесс не будет иметь конца, пока жива мысль человека. Наше издание также является частью непрерывного историографического процесса.

За короткое в масштабе истории время наша республика прошла путь от бурятских кочевий и русских островов к многонациональной Бурятии – высокообразованному сообществу с современной инфраструктурой, к новой социокультурной общности, появившейся на стыке мировых цивилизаций, в рамках которой сложился устойчивый диалог Запада и Востока, православия и буддизма.

Авторы исходили из того, что исторический процесс в Бурятии развивался под влиянием целого комплекса факторов, каждый из которых определял тот или иной период: колонизационные процессы, полиэтничность, географический фактор, региональные особенности, внешнеполитические обстоятельства, личностный фактор, влияние духовных начал на эволюцию общества. В издании прослеживается стремление к акцентированному изложению хода развития всех основных сфер общественной и государственной жизни с учетом этих факторов.

Авторский коллектив подготовил «Историю Бурятии» в трех томах, достаточно объемных и информативно насыщенных. В них удалось изложить основные вехи и события региональной истории и важнейшие, определившие их суть факты. При их отборе приоритеты отдавались тем, объективность которых неоднократно была подтверждена документально.

Каждому тому предшествует предисловие, в котором раскрывается концепция исследования данного хронологического периода.

Первый том «Истории Бурятии» охватывает самый значительный хронологический отрезок – с эпохи палеолита до позднего средневековья, когда совершенствование технологий изготовления орудийного комплекса, выработка навыков адаптации к природно-географическим особенностям края свидетельствуют об эволюции самого человека. Развитие хозяйственно-экономического потенциала древних обществ постепенно привело к усложнению социальных отношений и с появлением кочевого скотоводства и кочевого образа жизни – к формированию политической организации и появлению институтов ранней государственности.

В эпоху средневековья тюркскими и монгольскими народами был создан ряд империй, оказавших влияние на ход мировой истории. После падения последнего оплота кочевых империй – Джунгарского ханства – Центральная Азия попадает под власть Российской империи и маньчжурской империи Цин. В это время, на основе средневековых монголов, начинают складываться новые этнические группы монголоязычного населения – халха, ойраты и буряты.

Второй том посвящен периоду с XVII в. до рубежа XIX–XX вв. Это время вхождения Бурятии в состав Российского государства, формирования единого социокультурного пространства, интенсивных процессов взаимодействия и взаимовлияния народов региона. Авторами тома уточнен состав племенных объединений и родов бурят и эвенков, ареалы их расселения, рассмотрены вопросы хозяйственного освоения края, зарождения промышленности и торговли, строительства путей сообщения, основания и роста городов и поселений, формирования управления и самоуправления. Уникальная этническая культура бурят, эвенков и русских представлена во всем разнообразии.

Третий том излагает перипетии бурного, насыщенного событиями XX в. и начала кризисного XXI в. В этот период неоднократно происходили переломы политического, государственного, духовного, материального и иного характера. В Бурятии шли сложные процессы нациестроительства в рамках СССР и Российского государства. В томе анализируются социальные эксперименты 1920–1950-х гг., процесс поиска путей обновления общества в 1960–1980 гг., дается оценка современности, которую нельзя считать окончательной в продолжающем трансформироваться социуме.

Авторский коллектив – археологи, историки, этнографы, социологи – специалисты в разных областях многоотраслевой исторической науки. Ядро коллектива – сотрудники Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. В творческий и редакторский коллектив органично влились преподаватели Бурятского, Иркутского и Кемеровского государственных университетов, Бурятской государственной сельскохозяйственной академии, Восточно-Сибирского государственного технологического университета, Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств, работники аппарата правительства РБ. Мы благодарны за консультационную поддержку научным сообществам Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Владивостока, Монголии.

Сформировавшийся коллектив единомышленников, объединенных общей идеей, владеющих современными методиками исторического исследования, с ответственностью подошел к выполнению поставленной задачи. Ученые располагают богатой документальной базой региональных и центральных архивов, являются обладателями грантов международных фондов, авторами статей и монографий по дискуссионным вопросам, имеют опыт организации международных научно-практических конференций.

Работа над текстом трехтомника поставила перед нами новые сложные и интересные вопросы, которые еще станут предметом горячих научных споров и поиска истины, основой экспериментов, целью экспедиций и, смеем надеяться, творческих находок и удач.

Редколлегия и авторский коллектив академического трехтомника «История Бурятии» выражают глубокую благодарность Президенту и Правительству, Народному Хуралу Республики Бурятия за поддержку настоящего издания.

Руководитель проекта,
ответственный редактор
член-корр. РАН **Б.В. Базаров**

Введение

Первый том «Истории Бурятии» охватывает самый значительный по времени период истории, начинающийся с эпохи палеолита и заканчивающийся поздним средневековьем по европейской хронологической шкале. Основной источниковой базой для написания древнейшей истории региона, охватывающей периоды палеолита, мезолита, неолита, энеолита, бронзового и раннего железного веков, являются археологические материалы, полученные на территории этнической Бурятии с XVIII века до настоящего времени, ставшие ключом к пониманию исторических процессов, протекавших в Бурятии с глубокой древности. Причем внедрение новейших достижений естественных наук, усовершенствование методологии исследований дает совершенно новые знания о жизнедеятельности древнего населения изучаемого региона.

Указанный период, самый длительный, в научном отношении является одним из самых трудоемких для воссоздания подлинной исторической картины жизни населения региона. За это время на нашей территории человек прошел заключительный этап своего формирования и дальнейший путь развития материальной и духовной культуры. Существовавшие на протяжении тысячелетий традиционные системы хозяйства, зародившиеся в

раннем палеолите, основанные на охоте, рыболовстве, собирательстве, продолжают присутствовать уже в рамках новых хозяйственно-экономических систем эпохи энеолита и ранней бронзы. Следует отметить, что земледелие и скотоводство складываются в основном в южных областях этнической Бурятии, в лесостепной и степной зоне. В лесной и горно-таежной зоне охота, рыболовство и собирательство, а местами оленеводство продолжали и продолжают существовать вплоть до этнографической современности. Данное обстоятельство делает возможным привлечение этнографии населения лесных зон для реконструкции отдельных сторон жизнедеятельности древнего населения, жившего в эпоху камня и палеометалла.

Начиная с эпохи поздней бронзы появляются новые виды источников по истории региона – разнообразные письменные источники, происходящие из китайских владений эпохи Шан-Инь, Чжоу, Чжаньго и содержащие информацию о северных народах, населявших территории современных Монголии, Забайкалья, Саяно-Алтайского нагорья, Ордоса, автономного района Внутренняя Монголия, Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая и Тибета. В эпоху поздней бронзы и раннего железа на этой территории, именуемой Централь-

ной, или Внутренней, Азией, обитало население, оставившее после себя следы жизнедеятельности, позволившие выделить археологические культуры, известные в науке как культуры карасукского облика, культура плиточных могил, культура керексуров и так называемые культуры скифского облика. По мнению большинства исследователей, основой хозяйства носителей этих культур было кочевое скотоводство. С этого времени в китайской исторической традиции появляется устойчивое словосочетание, характеризующее их северных соседей: «в поисках воды и травы передвигаются вслед за скотом», т. е. подчеркивающее их кочевой образ жизни.

Значительно увеличивается количество письменных источников о народах, населявших исследуемый регион с конца III в. до н. э. Для этого времени характерно появление своеобразных археологических памятников, вошедших в науку как гуннский, или хуннский, археологический комплекс. Существенно увеличившаяся источниковая основа исследований позволила нескольким поколениям ученых воссоздать картину общества с хорошо выраженной иерархией, отраженной как в письменных источниках, так и в археологическом материале, тесными контактами как с соседними земледельческими народами, стоявшими на более высокой ступени социального и экономического развития, так и с отдаленными кочевыми и полукочевыми народами. Хунну, по мнению большинства исследователей, достигли высокого уровня социального и экономического развития, позволившего им создать отдельные институты раннего государства и стать первой в истории евразийских степей кочевой империей, просуществовавшей около 300 лет. Неослабевающий интерес к истории этого кочевого народа инициирует изучение оставленных им археологических памятников, попытки нового прочтения письменных источников, и на основе их комплексного изучения происходит постепенное понимание внутреннего содержания процессов, приводивших к изменению социального и политического устройства хуннского общества, его эволюции от кочевого общества к раннегосударственному образованию.

Народы, жившие на территории Центральной Азии в более позднее время: сяньби, жужани, тюрки, уйгуры, кидани, монголы – в своем развитии во многом повторяли путь социального, политического и экономического развития, проделанный хунну. Созданные ими государственные образования, за-

частую называемые кочевыми империями, оказывали существенное влияние на ход исторических процессов не только в этой части Азиатского континента, но и по всей Евразии. Следует добавить, что давно подмеченные закономерности в историческом развитии центральноазиатских народов, начиная с хунну, а может быть и населения более раннего времени, до сих пор еще не нашли достаточно аргументированного объяснения. В первую очередь это касается выделенных исследователями особенностей становления своеобразной государственности – наличия харизматического лидера-вождя, создания военной организации, создания административной системы управления, реформирования хозяйственно-экономической деятельности, завоевания обширных территорий, влияния соседних цивилизованных государств. Несмотря на выявление многих составляющих процесса эволюции кочевых обществ, отсутствует пока цельное понимание причин появления кочевого типа хозяйства и формирования кочевого образа жизни, эволюции социальной организации кочевников и образования институтов государственности.

Языковая общность тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских народов породили гипотезы об общности их происхождения, получившей название алтайской праобщности. Подобные теории, вырабатываемые в области языкознания, дублировались и переносились на исторические концепции генезиса центральноазиатских народов, способствуя, во-первых, поискам истоков происхождения современных центральноазиатских народов и, во-вторых, выяснению языковой принадлежности древних скотоводов.

Все эти сложные этнические, социально-политические процессы, происходившие на широком ареале Центральноазиатского региона, происходили и в его северной части, на земле будущей этнической Бурятии, хотя, естественно, они протекали с учетом природно-климатических и географических особенностей региона.

При подготовке концепции первого тома учитывалось то важное обстоятельство, что в географическом отношении южные лесостепные и степные области Бурятии являлись неотъемлемой частью Центральноазиатского региона. По определению географов, центральноазиатские степи длинными языками, по долинам Селенги и Онона, вторгаются в лесные и таежные зоны Северной Азии. Необходимо учитывать также, что и в культурном отношении

население степной Бурятии было неразрывно связано с центральноазиатскими народами. Особенно ярко эта единокультурность проявляется начиная с эпохи бронзы, когда на территории Центральной Азии начинают складываться новые хозяйственные системы, основанные на кочевом скотоводстве, и формируются новые социокультурные реалии – кочевой образ жизни.

Выделение археологами двух больших культурных общностей Центральной Азии – культуры керексурсов (Синьцзян, Тыва, Западная и Центральная Монголия, Западное Забайкалье) и культуры плиточных могил (Восточная и Центральная Монголия, Забайкалье, Хулун-Буирский аймак АРВМ Китая), занимавших громадные территории, положило начало выделению в культурных традициях древнего и средневекового населения региона западной и восточной линий, прослеживаемых в течение всего периода древней и средневековой истории. Именно в это время начинает сказываться влияние подвижного образа жизни, способствовавшего массовым миграциям населения.

В эпоху средневековья особенно четко проявляется этническая неоднородность населения региона, и связано это, по-видимому, не с некими эпохальными тенденциями, а с увеличившимся потоком сведений, получаемых, в первую очередь, из китайских источников, упоминавших большое количество родоплеменных групп средневековых кочевников. Хотя несомненно, что и в более раннее время, скорее всего, также существовало этническое разнообразие, но в силу недостаточности источниковой базы сведений об этом периоде у исследователей гораздо меньше.

Хотя китайскими авторами в источниках делаются попытки определить этническую принадлежность многих кочевых групп, описываемых в династийных хрониках и исторических сочинениях, все же многие из них пока не поддаются определению. Не до конца понятна, например, этническая идентичность хунну, относимых разными исследователями к монгольским или тюркским народам, или к народам, говорившим на ныне вымершем языке. Трудami нескольких поколений исследователей выделена группа народов, относящаяся к монголоязычным народам, по формулировке В. С. Таскина – «народов группы дунху». К ним были отнесены, во-первых, сами дунху, затем ухуань, сяньби, тоба, жужань, шивэй, кидани, туяухуни. Определена этническая принадлежность тюркоя-

зычных народов тюкю, теле, сеяньто, пугу, уйгуров и др. Однако у целого ряда народов, упоминаемых в источниках, например байырку, курыкан, относимых разными исследователями то к монгольским, то к тюркским народам, не совсем понятно этническое происхождение. История Центральной Азии насыщена примерами, когда господство над регионом захватывала этническая группа, дававшая название громадной общности, а впоследствии и целому историческому периоду. Так произошло с хуннским, тюркским, уйгурским, монгольским и др. историческими периодами, называемыми по имени доминирующего этноса. Вместе с тем несомненно, что в состав вновь образованного политического образования входили разнородные этнические группы, занимавшие подчиненное положение, но которые со временем могли усилиться и сменить свой статус на более высокий и даже занять господствующее положение.

Неоценимое значение в познании сложной этнической истории центральноазиатских кочевников приобретает антропология. Увеличивающееся количество данных палеоантропологии с широкой в географическом отношении территории в сочетании с археологическими материалами, сведениями языкознания может дать в конечном итоге общую картину расположения этнических групп в разные периоды истории.

Трудность изложения средневековой истории Центральной Азии в целом и Забайкальского региона в частности в едином текстовом формате заключается в том, что в центральноазиатских степях наблюдается постоянное, подобное броуновскому, движение кочевых родоплеменных групп различной этнической принадлежности (иранских, самодийских, палеоазиатских, тюркских, монгольских, тунгусских, ханьских), продвигавшихся в разных направлениях в пределах Восточной, Центральной и Средней Азии, и закономерности которого только начинают осмысливаться. И прослеживается это движение с глубокой древности, с эпохи каменного века.

Это настоящий калейдоскоп исторических событий: когда в регионе наблюдается смена лидерства этнических групп, происходит постоянная межклановая борьба за власть, за контроль над ресурсами: лучшими пастбищами, водными источниками, полезными ископаемыми, контроль за внешней торговлей, осуществление военных вторжений и распределение добытых ценностей. Приход к власти монгольских и тюркских правителей, усиление

и ослабление воздействия китайского и тунгусского присутствия оказывали влияние на возвышение той или иной этнической группы, особенности которой (ментальные, социально-экономические и др.) придавали каждому историческому периоду свои характерные черты.

Историей одного из самых значительных по своей роли и значению в истории Евразии государства – империи монголов, созданной Чингис-ханом, заканчивается эпоха средневековья. После падения династии Юань распад Монгольской империи в разных частях Евразии продолжался еще длительное время. В монгольских же степях потомки Чингис-хана предпринимали неоднократные попытки объединения страны под знаменем единой империи. То же самое пытались проделать и ойратские ханы, однако неумные амбиции степных властителей, гражданские, междоусобные войны в конце концов привели страну к потере независимости. С утратой независимости монгольские народы сохранили традиционную культуру, язык, не прекратилась их этническая история. Появляются новые этнические группы, истории одной из которых – бурят посвящено настоящее издание.

Этническая Бурятия имела свои собственные закономерности развития, в разные периоды истории ее население, входя в глобальные сообщества, а временами выпадая из бурного течения событий, оказывалось на «задворках истории», что и произошло, когда власть в регионе перешла к двум великим империям Евразии – Российской и маньчжурской империи Цин. С этого времени история Бурятии, как и всей Центральной Азии, принимает иное направление, ход и течение которого будет отражено во втором и третьем томах Истории Бурятии.

Авторы первого тома в основном археологи, специалисты в области палеолита, неолита, бронзового века, железного века и средневековья, сотрудники отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибето-

логии СО РАН и отдела истории этого же института, кафедры всеобщей истории Бурятского государственного университета.

В подготовке к печати глав первого тома приняли участие: Введение – С. В. Данилов; гл. 1 – С. В. Данилов, В. И. Убугунова; гл. 2 – П. Б. Коновалов, Л. В. Лбова; гл. 3, 4, 5 – В. И. Ташак; гл. 6 – Л. Г. Ивашина, Н. В. Цыденова; гл. 7 – Л. Г. Ивашина, А. Д. Цыбиктаров, Н. В. Цыденова, А. И. Симухин; гл. 8 – А. Д. Цыбиктаров, С. В. Данилов, П. Б. Коновалов, А. И. Симухин; гл. 9 – П. Б. Коновалов, С. В. Данилов, Н. Н. Крадин, с использованием материалов Б. С. Шапхаева; гл. 10 – [Б. Б. Дашибалов], Н. В. Именохоев, С. В. Данилов; гл. 11 – П. Б. Коновалов, Б. З. Нанзатов, Д. Д. Нимаев. Сводки материалов по палеоантропологии неолита, бронзового века, хунну, средневековья, осуществленные А. И. Бураевым, вошли в соответствующие главы.

Исторические карты подготовлены Б. З. Нанзатовым с использованием материалов, предоставленных Б. Б. Дашибаловым, С. В. Даниловым, Н. В. Именохоевым, П. Б. Коноваловым, В. И. Ташаком, А. Д. Цыбиктаровым, Н. В. Цыденовой.

Иллюстрации выполнены с использованием фотоматериалов тех же авторов и дополнительно А. И. Симухина и В. И. Урбазаева. Кроме этого использовались фотоматериалы, хранящиеся в фондах Национального музея истории Республики Бурятия, Кяхтинского краеведческого музея им. Обручева, Музея истории Бурятского научного центра.

Именной указатель выполнен А. И. Бураевым и А. Д. Гомбожаповым.

Географический указатель и список сокращений выполнены А. И. Бураевым и Б. Д. Цыбеновым.

Синхронистическая таблица подготовлена С. В. Даниловым, Н. В. Именохоевым, П. Б. Коноваловым, В. И. Ташаком, Н. В. Цыденовой.

Существенная помощь в подготовке библиографии оказана сотрудником библиотеки БНЦ Л. С. Имихеловой.

Физико-географическая характеристика Бурятии

Республика Бурятия расположена в контактной зоне регионов Восточной Сибири, Забайкалья, Центральной Азии, а определяющим фактором географического расположения республики является озеро Байкал, являющееся стягивающим компонентом природо- и этнообразующей среды. В административном отношении Бурятия находится в восточной части Российской Федерации, на западе и севере граничит с Иркутской областью, на востоке – с Забайкальским краем. Южная граница Республики Бурятия совпадает с государственной границей Монголии.

Территория Республики Бурятии в географическом отношении расположена в основном в Западном Забайкалье. Однако представители титульной нации – буряты компактно проживают кроме Бурятии на территории Иркутской области, Забайкальского края и в пограничных аймаках Монголии. Для этой территории устоявшимся географическим понятием становится термин «этническая Бурятия», которая в географическом отношении включает Предбайкалье, Западное и Восточное Забайкалье, т. е. земли, на которых проживало различное по этнической принадлежности население и происходило формирование современного бурятского народа. Данное обстоятельство позволяет нам при рассмо-

тении природных обстановок региона учитывать физико-географические характеристики прилегающих к республике территорий.

Большую часть территории Бурятии занимают горные системы: Прибайкальская с хребтами Баргузинским, Улан-Бургасы, Икатским, Курбинским, Байкальским, Хамар-Дабаном; Селенгинское среднегорье с хребтами Джидинским, Моностойским, Худунским, Цаганским, Цаган-Хуртэйским, Цаган-Дабанским, Ганзуринским, Цаган-Хуртэйским и др. Кроме того, к Бурятии примыкает с юго-востока Хэнтэй-Чикойское нагорье, с севера – Байкало-Становое нагорье, с северо-востока – Витимское плоскогорье и проходящий по западному побережью Байкала Прибайкальский хребет. В юго-западной части республики расположены восточные отроги Восточно-Саянской горной страны.

Горные системы имеют различный геологический возраст, различное орографическое и литологическое строение. Сложное орографическое строение: сочетание гольцов, горных, мелкосопочных, равнинных территорий и межгорных впадин и котловин с разнообразным характером растительности – образует сложные разнообразные ландшафты. Такие ландшафты в сочетании с более мелкими формами рельефа: террасами, конусами выноса,

выветривания, осыпями и др. — создают ландшафтные особенности и способствуют созданию запоминающихся природных объектов.

Наиболее пригодными для жизни людей являются равнины, межгорные впадины, котловины, в которых проходила и проходит основная жизнедеятельность населения.

Наиболее населены центральные и южные районы Бурятии, образующие в основном Селенгинское среднегорье вместе с бассейном р. Селенги. Эта геоморфологическая область представлена сравнительно небольшими колебаниями абсолютных высот. Куполообразные возвышенности высотой 1300–1800 м представлены Моностойским, Ганзуринским, Цаган-Хуртэйским и другими хребтами. Межгорные впадины неглубокие, иногда значительной ширины. Наиболее крупные из них — Гусиноозерско-Удинская с Тамчинской впадиной, Джидинская с Боргойской степью, Тугнуйская, Кудуно-Кижингинская, Бичурская и Кударинская.

Хребты Худунский, Цаганский, Цаган-Хуртэйский, Цаган-Дабанский относятся к внутренним среднегорным хребтам. В качестве главного тектонического элемента выступает Гусиноозерско-Удинская горная система¹. Большая часть хребтов вытянута в восточно-северо-восточном направлении. Абсолютные отметки варьируют от 1200 до 1400 м. Исследованная территория сложена в основном интрузивными и эффузивными породами разных возрастов². Наиболее распространены палеозойские

витимканский и атарханский комплексы. Развиты и эффузивно-осадочные образования хилокской свиты³.

¹ См.: Обручев В. А. Геология Сибири. Т. I. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. — 412 с.

² Атлас Забайкалья (Бурятская АССР и Читинская об-

ласть). — М.: ГУГК, 1967. — 176 с.

³ Налетов П. И. Стратиграфия центральной части Бурятской АССР. — М.: Госгеолтехиздат, 1961. — 280 с.

Хребты Улан-Бургасы, Морской, Зусы, Холмские гольцы расположены в междуречье Уды и нижних течений Селенги и Турки. Эта группа сравнительно невысоких и орографически плохо выраженных хребтов, вершины которых характеризуются преобладанием мягких, округлых форм рельефа, выделена в Улан-Бургасском гольцово-таежном районе¹. Высоты вершин этого района лежат в пределах 1300–1800, а наивысшая достигает 2049 м. Хребты сложены преимущественно древними метаморфическими породами, прорванными гранитами.

Байкало-Становое нагорье находится на севере Республики Бурятия, включает хребты Северо- и Южно-Муйский, Сennyр, Верхнеангарский, Делюн-Уранский с Муйско-Куандинской и Верхнеангарской впадинами. Хребты характеризуются преимущественно альпийскими формами. Особенности этого геоморфологического района является развитие нагорных террас, широкое развитие солифлюкционных процессов, курумов.

На Витимском плоскогорье формируются невысокие (1200–1300 м) горы, имеющие хорошо выраженную поверхность выравнивания. На западе плоскогорье ограничено Икатским хребтом, на востоке – хребтами Яблоново-Черского среднегорья. На севере его естественной границей является южное подножие Ципиканских гор, на юго-западе – Селенгинское среднегорье. Невысокие и широкие увалы с очень мягкими вершинами и склонами протянуты преимущественно с юго-запада на северо-восток. Они чередуются с межгорными понижениями, в которых развиты мерзлотно-провальные озера и заболоченные пади, луговые и степные территории. Межгорные котловины, как правило, небольшие по площади, узкие и вытянутые по форме. Наиболее обширной является Еравнинская котловина, расположенная в южной части плоскогорья.

Основными экологическими нишами, вмещающими селитебные участки с населением, в Бурятии являются лесостепи и степи. Лесостепи в Бурятии подразделяются на горные и равнинные. Основные массивы, занятые горной лесостепью, приурочены к горным хребтам Селенгинского среднегорья (750–1200 м). Лесостепные территории, охватывающие меньшие площади, располагаются

в условиях равнинного рельефа в дельте Селенги (450–500 м), в Еравнинской котловине (950 м), на полого-увалистых наклонных равнинах и на ровных участках среди гор в Бичурском, Тарбагатайском и Тугнуйском межгорных понижениях².

Сосновые леса лесостепного пояса распространены на юге Западного Забайкалья, на правобережье р. Селенги. Они приурочены к межгорным впадинам, предгорным шлейфам и южным склонам гор. Лесостепные белоберезовые леса встречаются в виде колков или полос разного размера на склонах и водоразделах в пределах пологоувалистых равнин, на склонах нижних частей гор, на высотах 500–1100 м. Наиболее крупные массивы березовой лесостепи встречаются в Еравнинской котловине и дельте р. Селенги.

Леса из лиственницы в лесостепном поясе описаны в западной части (Джидинский р-н) и на востоке Бурятии (Еравнинский р-н).

Степной комплекс лесостепи Западного Забайкалья представлен настоящими, горными и луговыми степями. По днищам межгорных котловин и на пологих шлейфах склонов горных хребтов в пределах Джидинского, Селенгинского, Кяхтинского и Еравнинского районов распространены настоящие степи. Сообщества горной степи располагаются по южным крутым склонам (выше 700 м), сочетаясь с сосняками (Джидинский р-н, Тугнуйская котловина, предгорные шлейфы хр. Улан-Бургасы; отроги хр. Малый Хамар-Дабан и др.). Луговые степи в Западном Забайкалье встречаются небольшими участками в составе лесостепного пояса предгорий. Узкой полосой они контактируют с лиственнично-сосновыми и сосновыми лесами и мелкодерновыми степями. Они описаны в Еравнинской котловине, по верховьям рек Уда, Худун, по среднему Хилку.

В Восточном Забайкалье лесостепная зона протягивается в виде широкой, но не сплошной дуги. Она окружает с запада и севера степные равнины (51–53° с. ш.), поднимаясь по склонам хребтов до 800 м на севере и 1000–1200 м на юге. Прерывистый характер лесостепи связан с сильно расчлененным рельефом, в связи с чем закономерности зонального размещения растительности и почв нарушаются проявлением вертикальной поясности. Более или менее четко они прослеживаются на юге Восточ-

¹ Преображенский В. С., Фадеева Н. В., Мухина Л. И., Томилов Г. М. Типы местности и природное районирование Бурятской АССР. – М.: Наука, 1959. – 218 с.

² Решиков М. А. Степи Западного Забайкалья. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 174 с.

ного Забайкалья, где южные участки лесостепи постепенно переходят в степные равнины, а северные участки – в горную тайгу.

В связи с большим разнообразием природных условий лесостепная зона отличается сложным и пестрым составом почв и растительности.

В западной части Забайкальского края лесостепь представлена остепненными травяными сообществами, в центральной и восточной – парковыми травяными белоберезовыми лесами. Для лесостепных комплексов Даурии характерны ерниковые и березово-лиственничные леса. Эти же леса довольно типичны и для низкогорной Оленгуйской, Кыринской и Читинской котловин. В Даурии встречаются также и самобытные черноберезовые и ильмовые леса. Последние широко распространены в Кыринском и Акшинском районах Забайкальского края. Черноберезовые леса произрастают только на востоке территории, в междуречье Шилки и Аргуни (Нерчинско-Заводская и Калганская лесостепь).

В Хангае и отрогах Хэнтэя исследователи оговаривают условность лесостепи. Выделяют «пояс горных степей и леса»¹, или подтаежно-лугово-степной². По мнению И. А. Короткова, лесостепь в Монголии распространена узкой полосой на высотах не более 1200–1300 м, при этом лесостепные леса сочетаются с участками подтаежного леса³. Даже по материалам космической съемки обнаружить четкую грань между «экспозиционными» лесами и лесостепью не удается.

Непременным элементом сложного и контрастного лесостепного ландшафта являются степи. Степи Внутренней Азии относятся к экстраконтинентальному сектору Палеарктики⁴. Самый восточный сектор Евразийской степной зоны распространен на территории Монголии, Забайкалья и Внутренней Монголии. На самом крайнем юго-востоке расположен хребет Хинган, и в связи с инверсией его зональные границы имеют меридиональное направление.

Степи распространены в низкогорьях западного и восточного Хэнтэя, в низкогорьях и среднегорьях Хангая, монгольского и гобийского Алтая, в Баргузинской котловине, на Селенгинском среднегорье, Приононской, Торейской равнинах и др.

Северная граница степных экосистем проходит по 52° с. ш., а южная по 42° с. ш., на юго-востоке несколько южнее.

Основными определяющими условиями развития степных экосистем являются климатические и геологические. Существенные корректировки в развитие степей вносит геоморфология территории. В связи с различными экологическими условиями в горных и равнинных территориях выделены горные и равнинные степные экосистемы. Разнообразие степных экосистем настолько велико, что выделяют пустынные, опустыненные, настоящие, луговые и криофитные степи. Протяженность степных экосистем с запада на восток обуславливает их различия в зависимости от центров становления и формирования растительного покрова.

Степи Внутренней Азии занимают обширную территорию. Они не имеют сплошного ареала, а отделены друг от друга горами и часто носят островной характер. Разнообразные сочетания количества тепла и влаги, гористый характер рельефа, большое влияние подстилающей породы и щебнистости почв в котловинах, предгорьях обуславливают большую специфику рассматриваемых степей. Следует особо отметить, что высокая амплитуда колебаний климатических факторов, контрастность погодных условий в разные годы и крайняя неустойчивость погоды в течение одного сезона приводят к резким колебаниям урожайности травостоя степей. В зависимости от типа степи ее продуктивность может изменяться в 8–10 раз.

Степные сообщества имеют свою конструкцию, опорными элементами которой являются ярусность, мозаичность и узловые сгущения биоты. На ограниченном пространстве отмечается большое разнообразие степных видов. Верхний ярус формируют дерновинные злаки (ковыли, овсяница, житняк и др.), растения нижних ярусов произрастают в условиях недостатка освещения, часто укрыты в степном войлоке и в меньшей степени подвержены резким перепадам температур. В напочвенном ярусе приземистого травостоя характерны розеточные многолетники, имеющие формы крутинок. Подушковидная форма роста этих растений – следствие приспособления к засухе и холоду. В низкорослом

¹ Юнатов А. А. Основные черты растительного покрова МНР. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – 224 с.

² Банникова И. А. Растительный покров: Структура высотной поясности // Горная лесостепь Восточного Хангая (МНР). – М.: Наука, 1983. – С. 89–129.

³ Коротков И. А. Географические закономерности распределения лесов в Монгольской Народной Республике // Ботан. журн. – 1976. – Т. 62. – № 2. – С. 145–153.

⁴ Лавренко Е. М., Карамышева З. В., Никулина Р. И. Степи Евразии. – Л.: Наука, 1991. – 145 с.

травостое преобладают мелкие корневищные осочки, луковичные формы растений. В сухих и полупустынных степях характерным компонентом степей становятся полукустарнички (полынь холодная, прутняк). В ярусности степной растительности реализована одна из граней устойчивости степных экосистем. Одной из особенностей степей является их мозаичность, связанная со многими факторами: неоднородностями рельефа, водными системами, пищевой избирательностью животных, роющей деятельностью грызунов.

Степные пространства Внутренней Азии в течение тысячелетий вмещали человеческие общества и формировали культуру, характеризующуюся как кочевой образ жизни. По данным археологии, экологические ниши, занимаемые населением, не изменились с тех пор, как население перешло к производящим формам хозяйства, к кочевому скотоводству, являвшемуся основным типом хозяйствования с эпохи ранней бронзы вплоть до начала XX века. Так, наиболее ранними археологическими памятниками, оставленными кочевым населением, считаются керексуры и плиточные могилы, датируемые II тысячелетием до н. э., хотя по последним данным в ареале Западной и Южной Сибири, Тыве и Западной Монголии население с навыками ведения скотоводческого хозяйства появилось в III тысячелетии до н. э., т. е. гораздо раньше, чем время существования указанных археологических культур. На протяжении почти пяти тысячелетий на степных просторах Центральной Азии, северной провинцией которой является территория этнической Буря-

тии, господствовали кочевые народы различной этнической принадлежности, создававшие обширные кочевые империи и оказывавшие влияние на ход мировой истории.

До этого на протяжении десятков тысячелетий на территории Бурятии проживало население каменного века, подразделяющегося по своим культурным характеристикам на палеолит, мезолит и неолит. Основными видами хозяйственной деятельности населения этого времени являлись охота, собирательство и рыболовство. В соответствии с хозяйственной направленностью определялся и выбор основных ареалов расселения, обусловленных наличием пищевых ресурсов. Такими районами были места, изобилующие животными и растениями, становящимися объектами охоты и собирательства, а в эпоху мезолита и неолита, с появлением рыболовства, началось освоение рек и озер.

XVI–XVIII века характеризуются притоком населения из европейской части России, Западной и Восточной Сибири. Появление в основном русского населения способствовало развитию пашенного земледелия и формированию в целом иного по содержанию аграрного комплекса. Развитие промышленного производства и последующая индустриализация привели к формированию иных видов хозяйственно-экономической деятельности, что отразилось на демографическом и экологическом состоянии региона. Начинается освоение географических зон, прежде почти не используемых аборигенным населением.

2

глава

История археологических исследований Забайкалья

2.1. Изучение древностей Бурятии в середине XVII – начале XX в.

Археологическая наука в Забайкалье прошла путь от редких эпизодических посещений ученых, дипломатов и научных экспедиций XVII–XVIII вв. до систематических, планомерных изысканий сегодняшнего дня. Первые упоминания об археологических памятниках появились более 300 лет назад, в ходе колонизации огромной, еще не изведанной страны Сибири, когда русское правительство приступило к поискам путей в Восточную Азию, к установлению отношений с Китаем. «От Далая (Байкала) есть город великой каменной со всяким строением, и палаты целы; и говорят, что в том городе от мору люди все пропали, и осталось имение их там; и иноземцы в тот город иттить не смеют, а смотрят все издали; и иные говорят, что в том городе от войны запустение», – записал в своем дневнике Николай Спафарий, первый русский посланник в Китай, проезжая через Забайкалье в 1675 г., описывая, очевидно, один из монгольских городов¹.

При Петре I, благодаря его указам, в частности указам от 16 февраля 1721 г., повелевающим «куриозные вещи, которые находятся в Сибири, покупать сибирскому губернатору, или кому где подлежит, настоящей ценою и, не переплавливая, переслать в Берг и Мануфактур-Коллегию, а в оной по тому ж не переплавливая, об оных докладывать Его Величеству»², внимание к памятникам древности было возведено в ранг государственной важности и положено начало накоплению научных собраний. Первые академические экспедиции 1723–1724, 1733–1774 гг., посланные для изучения природных богатств Сибири, в числе многих задач были обязаны собирать сведения о всевозможных редкостях и памятниках старины. В дневнике Д. Г. Мессершмидта 1724 г. имеются описания древних могильников Забайкалья (на р. Ингоде и Аргуни), названных им, как и алтайские, «скифскими могилами», «могилами-маяками», торчащими из-под земли «подобно окаменевшей армии»; упоминается и о руинах древних поселений за Байкалом³. Участни-

– 1882. – Т. 10. – В. 1. – С. 142.

² Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. – 1830. – Т. 6. – № 3738. – С. 357.

³ Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. – Улан-Удэ,

¹ Спафарий Н. Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая в 1675 г. // Зап. ВСОРГО.

ки Камчатской экспедиции Г. Миллер и И. Гмелин в 1743 г. предприняли первые раскопки древних могил в районе Еравнинских озер. Ими описаны древние рудники меди и серебра и наскальные рисунки в ряде мест. Правда, археологические материалы первых академических экспедиций увидели свет лишь полтора века спустя, в «Сибирских древностях» академика В. В. Радлова, а в труде самого Миллера они отразились еще позже¹. В 1772 г. в Забайкалье побывал естествоиспытатель П. С. Паллас, чья Сибирская экспедиция 1768–1774 гг. собирала материалы по исторической этнографии народов Сибири. Академик Паллас в ряде мест по рекам Шилке и Аргуни и на оз. Бальзино видел «курганы-кладбища» и «плиточные могилы»². Таким образом, первыми дипломатами, путешественниками и сибирскими экспедициями были собраны важные сведения по археологии нашего края.

Вслед за ними почин по сбору материалов был подхвачен политическими ссыльными и местными любителями старины. Одним из образованнейших людей своего времени М. М. Геденштромом были открыты и описаны древние каменные изваяния, как он их назвал «эти достопримечательные столпы»³, получившие впоследствии название «оленные камни». Упомянуты Геденштромом и стоянки около бывшего Тункинского острожка (крепости), и местонахождения каменного века. Примечательно, что этому грамотному сибирскому чиновнику принадлежит мысль о последовательной смене трех культурно-исторических периодов, высказанная за 6 лет до появления известной схемы археологической периодизации Томсена (1836 г.)⁴.

Ранний этап археологических исследований края был бы не полон без имени декабриста Н. А. Бестужева – человека необыкновенной эрудиции, проявившего себя в изучении не только природы и этнографии Забайкалья, но и археологии. Об этом свидетельствуют написанные им статьи: «О

наскальных изображениях вблизи Селенгинска», «Несколько надписей на Селенге», «О найденных ирригационных сооружениях в Забайкалье». Живя в Селенгинске, он собирал археологические находки и отсылал в Центральную Россию⁵. В целом на данном этапе изучения Забайкалья был собран необходимый фонд археологических источников – зафиксированы развалины древних крепостей, курганы и могильники, каменные изваяния и наскальные рисунки, рунические надписи и прочие древности. Этот период, самый длительный в истории археологической науки Забайкалья, продолжается приблизительно с XVII до середины XIX в. Характеризуется он начальным накоплением материала и первыми, подчас наивными попытками его культурно-хронологической классификации и исторического осмысления.

Организованное в 1851 г. Сибирское отделение Императорского русского географического общества в г. Иркутске свои первые шаги в изучении далекого прошлого Сибири начало с Забайкалья. Отсюда русские путешественники XVIII–XIX вв. снова и снова шли вперед, на новые научные подвиги в Гоби, Тибет, к истокам Желтой реки. «Неведомая Азия», которая волновала и влекла к себе поколения путешественников, начиналась за Байкалом, в бурятских степях. Именно здесь, в Забайкалье, «останавливались и бросали последний взгляд в оставшиеся позади дикие степи и пустыни Центральной Азии»⁶. В том же году члену СОРГО, известному поэту, верхнеудинскому учителю Д. П. Давыдову было поручено осмотреть весь Верхнеудинский округ и составить описание всех обнаруженных памятников. Им были найдены и раскопаны плиточные и фигурные могилы, керексуры в Хоринской степи, Иволгинской долине, по рекам Чикой и Джиде, а также был обследован знаменитый теперь Иволгинский «оленный камень»⁷. По поручению СОРГО горный инженер А. Павлуцкий совершает поездку по Нер-

1958. – С. 88.

¹ Радлов В. В. Сибирские древности. 1984. – Т. 1. – Вып. 8. Материалы по археологии России. – № 15. – С. 86–94; Миллер Г. Ф. История Сибири. – М.-Л., 1937.

² Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч. 1–3. – СПб., 1773. – С. 188.

³ Отрывки о Сибири. – СПб., 1830. – С. 65.

⁴ Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – МИА. – № 18. – Ч. 1–2. – М.-Л., 1950. – С. 22–26.

⁵ Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. – Улан-Удэ–Чита, 1994.

⁶ Окладников А. П. Кяхтинский музей и его вклад в археологию Забайкалья // Труды Кяхтинского музея краеведения им. В. А. Обручева и Кяхтинского отделения ВГО. – Т. 18. – Улан-Удэ, 1961. – С. 20–21.

⁷ Давыдов Д. П. О древних памятниках и могильных остатках аборигенов Забайкальской области Верхнеудинского округа: Кн. 2, отд. 1 // Зап. СОРГО. – Иркутск, 1856. – С. 89; Окладников А. П. Оленный камень с р. Иволги // СА. – 1954. – Т. 19. – С. 207–220.

чинскому горному округу, отмечая в своих заметках достопримечательности края¹. В 1861 г. известный собиратель сибирских древностей горный инженер И. А. Лопатин, занимаясь составлением геологической карты Витимского плоскогорья, упоминает о находках баргутских древностей (оросительных каналов, землянок и могильников), распространенных в Баргузинской долине². В 1868 г. совершена поездка в Тунку известное в Европейской России ученого И. С. Полякова, бывшего тункинского казака, зоолога по образованию, первооткрывателя знаменитых Костенок, ученика П. А. Кропоткина. Им были обследованы и обстоятельно описаны поселения древнего человека «на песчаных холмах»³. Вслед за Поляковым в Тункинской долине побывал известный этнограф П. А. Ровинский, продолживший в 1870 г. изучение древностей Бурятии с организации раскопок плиточных могил и керексурсов у с. Новоселенгинск. Интересно, что последний чуть позже участвует в раскопках, которыми руководил И. В. Падерин – секретарь русского консульства в Урге. В своих записках Падерин отмечает, что подобные новоселенгинским сооружения замечены им у деревень Подлопатки, Селендума и в Боргойской степи⁴.

Внимание древним памятникам Бурятии уделяли также известные исследователи Сибири, члены РГО И. Д. Черский, Н. И. Витковский, Н. В. Кириллов, В. А. Обручев. Ими отмечаются пещеры, писаницы, плиточные могилы и керексуры, погребения в берестяных гробах, находки каменных орудий, палеонтологические местонахождения в долинах рек Хилок, Чикой, в среднем течении р. Селенги, в Тункинской долине⁵. Существенно то обстоятель-

ство, отмечает А. П. Окладников, что в Сибири еще не было исследователей, для которых «первобытная археология» была бы областью их научных интересов, а потому работы, связанные с археологическими памятниками, вели зоологи, геологи или просто любознательные чиновники⁶.

С созданием в 1894 г. Троицко-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского русского географического общества отмечается не только активизация краеведческих работ в целом, но и качественное изменение их уровня. Особая роль Кяхты, города, которому судьба отвела роль ворот из России в Центральную Азию, определила и ее особое место в развитии археологической науки⁷.

Из Кяхты начинали свои путешествия по Центральной Азии Г. Н. Потанин, Н. М. Ядринцев, Н. М. Пржевальский, П. К. Козлов, Г. Е. Грум-Гржимайло и др. Троицкосавское общество, созданное как для изучения края, так и с просветительскими целями, «не только объединяло пришлых на далекую окраину и жаждущих умственной работы, но и поддерживалось сочувствующей ему местной интеллигенцией»⁸. Нельзя не упомянуть имен наиболее активных деятелей ТКПОРГО: Д. Клеменца, инициатора и организатора общества, народных учителей А. П. Мостица и П. С. Михно, супругов В. С. и М. И. Моллесон, Я. С. Смолева, не сказать подробнее о деятельности Ю. Д. Талько-Грынцевича, бессменного правителя дел общества на протяжении 14 лет, с именем которого связаны крупные планомерные археологические исследования в Западном Забайкалье, ставшие основополагающим вкладом в изучение древней истории Бурятии.

Ю. Д. Талько-Грынцевичем обследовано более 130 местонахождений археологических памятников и раскопано около 500 могил разного времени. Ему принадлежит первая обобщающая классификация древних погребений Забайкалья и связанная с ней попытка создать общую картину истории этого края: он разделил раскопанные памятники на 4 группы и

¹ Павлуцкий А. Краткое описание так называемых чудских древностей вблизи Кличкинского серебро-свинцового рудника с указанием нахождения их в других местах Нерчинского горного округа // Зап. СОРГО. – Кн. 9–10. – Иркутск, 1867.

² Лопатин И. А. Краткий отчет о действиях Витимской экспедиции в 1865 г. // Зап. ВСОРГО. – 1867. – Кн. 9.

³ Константинов М. В. Каменный век восточного региона... – С. 18–19.

⁴ Падерин И. В. О могилах близ Улясутая и Селенгинска // Изв. ВСОРГО. – 1876. – Т. 7. – № 2–3.

⁵ Кириллов Н. В. Несколько указаний на археологические остатки в Верхнеудинском округе // Изв. ВСОИРГО. – 1897. – Т. 23. – № 2; Хамзина Е. А. Археологические памятники Бурятии. – Новосибирск, 1982; Константинов М. В. Каменный век восточного региона...

⁶ Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. – МИА. № 18. – 1950.

⁷ Окладников А. П. Кяхтинский музей и его вклад в археологию Забайкалья // Тр. Кяхт. музея краеведения и Кяхт. отд. Геогр. об-ва СССР. – 1961. – Т. 18.

⁸ Талько-Грынцевич Ю. Д. Население древних могил и кладбищ забайкальских // Бурятияведение. – 1928. – № 1–3. – С. 12.

попытался определить их этническую принадлежность¹. Эта пионерная попытка такого рода высоко и справедливо была оценена как основополагающий вклад в изучение ранней истории края².

2.2. Археологические исследования в 1920–1950 гг.

1920–1930-е годы в Бурятии характеризуются как подъемом краеведческого движения, так и началом исследований профессиональных археологов. Внимание археологии Бурятии уделяют П. С. и Н. П. Михно, В. В. Попов; начинают свою деятельность сибирской школы археологии и этнологии Б. Э. Петри Г. Ф. Дебеч, Г. П. Сосновский, А. П. Окладников, М. М. Герасимов, с участием Г. П. Сергеева и Э. Р. Рыгдылона проводит работу антирелигиозный музей Бурят-Монгольской АССР. В первые годы после образования Бурят-Монгольской автономной республики археологические изыскания проводились в рамках историко-этнологической секции научного общества им. Д. Банзарова (1924–1930 гг.). Ученый секретарь В. В. Попов осуществлял контроль за выполнением постановления об охране памятников искусства и старины на территории республики, сопровождал научные командировки археолого-разведочного характера члена секции профессора Г. Ц. Цыбикова в Хоринский аймак с целью обследования загадочного объекта, похожего на каменный курган, на г. Сэпхен; председателем Буручком Б. Барадиным открыто несколько писаниц на левобережье р. Онон, напротив оз. Ехэ-Арал в Агинском аймаке. К периоду деятельности Бурят-Монгольского научного общества относится обнаружение и исследование В. В. Поповым комплекса памятников Хайласан, Сутайской усадьбы, Нижне-Березовской стоянки, Нижне-Иволгинского городища. При содействии научного общества проводятся работы А. П. Окладникова в дельте р. Селенги, Г. Ф. Дебеча по р. Уде и на оз. Котокель, П. П. Хороших в долине р. Баргузина, Е. И. Титова на Северном Байкале³.

В 1924 г. внимание Б. Э. Петри привлекают древности Тункинской долины – естественного коридора миграций центральноазиатских народов, где

он открывает и исследует неолитические стоянки и раннебурятские могильники⁴. В этом же году по ходатайству Петри студент иркутского университета Г. Ф. Дебеч получает от Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК) «открытый лист» на проведение работ в Забайкалье. Он совершает несколько маршрутов вдоль р. Уды, Верхнеудинска, Читы, посещает долину р. Брянки, путешествует вдоль р. Селенги до г. Кяхта, посещает Еравнинские озера и Котокель, изучает коллекции Кяхтинского и Читинского краеведческих музеев⁵. В 1925 г. он произвел раскопки средневекового могильника у дер. Зарубино на левом берегу Селенги, описал погребения в дощатых гробах, обернутых в бересту, отнес их к началу II тысячелетия н. э. и предположительно связал с «древними» монгольскими племенами⁶. На основании изученных материалов Дебечем предпринимается попытка картирования памятников и выделения на этой основе археологических культур, за которыми исследователь видит реальные этнические группы⁷.

В Восточном Забайкалье активизируется деятельность местных учреждений, в т. ч. Читинского и Нерчинского музеев, отдельных краеведов. В 1929 г. сотрудник Читинского музея А. И. Махалов раскопал и описал средневековое захоронение на выдувах у Сухого ручья в долине р. Читы с обрядом погребения на спине, вытянутое головой на ССВ, с воткнутыми в изголовье костями задней ноги овцы, с вещами из железа, костей, дерева – оружием, предметами быта и украшениями, обрывками ткани⁸.

Большое значение в исследовании археологических памятников имела 1-я Бурят-Монгольская археологическая экспедиция АН СССР (БМАЭ), организованная Буручком и Академией наук в 1928–1929 гг. и ставшая реальностью в результате специальной поездки председателя Б. Барадина в

¹ Древние аборигены Забайкалья в сравнении с инородцами. – Тр. ТКОПОИРГО. – 1907. – Т. 8. – Вып. 1.

² Окладников А. П. Кяхтинский музей... – С. 30.

³ Коновалов П. Б., Кириллов И. И. Состояние и задачи археологии Забайкалья // По следам древних культур Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1983.

⁴ Петри Б. Э. Далекое прошлое Прибайкалья. – Иркутск, 1928.

⁵ Дебеч Г. Ф. Итоги и задачи палеоэтнологии в Западном Забайкалье: тез. докл. на Вост.-Сиб. краеведч. съезде. – Иркутск, 1925.

⁶ Он же. Могильник железного периода у с. Зарубино. – Бурятияведение. – 1926. – № 2.

⁷ Он же. Антропологический состав населения Прибайкалья в эпоху позднего неолита // Русский антропологический журнал. – 1930. – Т. 19. – Вып. 1–2.

⁸ Махалов А. И. Древнее погребение из долины реки Читы. – Чита, 1930. – С. 3–17.

Москву и Ленинград, где в институтах Академии наук была достигнута договоренность о совместном научном предприятии. Экспедицию возглавил крупный ученый, замечательный советский археолог Г. П. Сосновский. Главной задачей БМАЭ ставилось изучение памятников бронзового и раннего железного веков. За 2 года работы экспедицией была исследована долина р. Селенги на всем протяжении, долины рек Чикой и Джиды; были открыты новые, ранее неизвестные памятники: плиточные и средневековые кочевничьи (начала II тысячелетия н. э.) могильники – Саянтуй, Тапхар, Еныскей, Кумын и др., проведены предварительные раскопки Нижне-Березовской неолитической стоянки, хуннского Нижне-Иволгинского городища, могильника в Ильмовой пади и Темниковского средневекового поселения, определены палеолитические материалы Номохонов, Зарубино, Харанхоя. Экспедицией был собран большой разновременный материал, на основании которого Г. П. Сосновский впервые дал общую характеристику древнейшей истории Бурятии¹.

В 30-х гг. в Бурятии работали М. М. Герасимов, Г. П. Сергеев, Э. Р. Рыгдылон. Выдающийся археолог и антрополог М. М. Герасимов в 1931, 1934–1936 гг. обследует погребения и стоянки нижнего течения р. Селенги и ее устья, обнаруживает новые памятники у с. Татаурово и приступает к раскопкам знаменитого Фофановского могильника, открытого в 1926 г. А. П. Окладниковым². Археологические маршруты Г. П. Сергеева, сотрудника краеведческого музея, зафиксированы в его великолепных дневниках-альбомах (хранятся в фондах МИБ), в них – данные его раскопок Сотниковского могильника, Ацагатских скальных погребений, описание Ангирской, Тологойской писаниц, а также утраченных ныне Онохойской и Сотниковской писаниц.

Первый бурятский археолог Э. Р. Рыгдылон (1906–1957 гг.), принимавший участие в экспедициях Г. П. Сосновского (будучи студентом), и Г. П. Сергеева (будучи аспирантом) в 1935–

1936 гг. совершил разведку по долине р. Уды, открыл новые местонахождения петроглифов по р. Кударе, раскопал несколько плиточных могил в Селенгинском аймаке, обследовал культурные слои Нижне-Березовской стоянки³.

В целом в довоенные годы формируется устойчивый интерес к древностям Бурятии, рассматриваемой в качестве контактного региона в системе сибирских, байкальских и центральноазиатских культур. Экспедиционными исследованиями различных исследовательских центров пополнялся фонд археологических материалов. Исследования, начатые энтузиастами ВСОРГО и продолженные более профессионально подготовленными специалистами, принимают целенаправленный характер, появляются первые научные концепции и культурно-исторические схемы.

В послевоенные годы (1947–1958) в Бурятии работает 2-я Бурят-Монгольская археологическая экспедиция, организованная ИИМК АН СССР и БМНИИКЭ под руководством выдающегося исследователя Азии А. П. Окладникова. И на этот раз инициатива организации этого предприятия исходила из местного научно-исследовательского института и краеведческих музеев Улан-Удэ и Кяхты. Экспедиция ставит своей задачей сплошное археологическое исследование памятников широкого хронологического диапазона – от палеолита до средневековья включительно. В ней начинали научную деятельность Н. Н. Диков, В. Е. Ларичев, А. В. Давыдова, З. А. Абрамова, Е. А. Хамзина, принимали участие антрополог Н. Н. Мамонова, директор Кяхтинского музея Р. Ф. Тугутов и др. Результатом этой экспедиции явилось открытие и изучение более 40 палеолитических местонахождений, большинства известных сегодня петроглифов, многочисленных могильников эпохи бронзы, раннего железа и средневековья. Среди них раскопки Ошурковской стоянки позднего палеолита, Фофановского неолитического могильника, Нижне-Березовского поселения, Нижне-Иволгинского хуннского городища, хуннских могильников в Черемуховой пади и Хужир-Дэби, Тапхарского средневекового могильника, открытие многослойного палеолитического поселения Санный Мыс, Сутай-

¹ Сосновский Г. П. Итоги работ Б.-М. арх. отряда АН СССР в 1928–1929 гг. // Проблемы Б.-М. АССР. Т. 2. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – С. 318–321; Ранние кочевники Забайкалья // КСИИМК. – 1940. – Вып. 8. – С. 36–42; Плиточные могилы Забайкалья // ТОИПК ГЭ. – 1941. – Т. 1. – С. 273–309.

² Герасимов М. М. Река Селенга и Белая // Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг. – М.-Л., 1941.

³ Рыгдылон Э. Р. Отчет об археологических разведках в 1936 г. // Архив ЛОИА, ф. 42, № 397, л. 10, 11; Неолитические находки на Нижне-Березовской стоянке // СА. – 1950. – № 12.

ского и Темниковского средневековых поселений и других памятников. В Восточном Забайкалье была открыта большая серия разновременных памятников палеолита и неолита в долинах рек Ингода, Шилка, Онон, у озер Кенон и Иргень, могильников бронзового и железного веков. Среди них особое внимание привлекли неолитическое погребение и стоянка в Шилкинской пещере, материалы которых послужили А. П. Окладникову основой для характеристики неолитической культуры Восточного Забайкалья¹. У села Агинское раскопано детское погребение хуннского времени, в дощатой домовине и каменном ящике, с костями двух овец в головной части. Погребения в пади Бурхатуй близ с. Будулан и аналогичные погребения в пади Соцал у ст. Оловянной, в устье р. Урдюкан на р. Шилке А. П. Окладников назвал бурхатуйской культурой, датировал промежуточным периодом между хунну и тюрками (II–VIII вв. н. э.) и связал их с су-монголами, о которых сообщал В. Рубрук². Впоследствии подобные погребения М. И. Рижский отнес к шивэйцам³. В этот же период было проведено обследование древних городков по р. Шилке: в Усть-Черной, Луженках и Витчике, которые Окладников связывал с шивэйцами, отмечая сходство полученного из них материала с материалами культуры амурских племен мохэ⁴. Крупными обобщающими результатами в этот период были 2 тома монографии А. П. Окладникова «Неолит и бронзовый век Прибайкалья»⁵, где заложены основы научной культурно-хронологической систематизации древних культур. В монографии Н. Н. Дикова «Бронзовый век Забайкалья»⁶ был обобщен весь накопленный к тому времени мате-

риал, разработана классификация и периодизация памятников и дан культурно-исторический очерк эпохи. Результаты исследований по палеолиту Забайкалья (Окладников, Абрамова), неолиту (Ларичев, Хамзина), по культуре плиточных могил (Ларичев) и хунну (Мамонова и др.) были опубликованы в первом «Археологическом сборнике»⁷. А. В. Давыдова опубликовала к этому времени ряд статей по Нижне-Иволгинскому хуннскому городищу⁸.

Советско-Монгольская историко-этнографическая экспедиция Института археологии АН СССР под руководством С. В. Киселева, работавшая на территории Забайкалья в 1950-е гг., провела целенаправленное изучение памятников монгольского времени – раскопки Кондуйского дворца и Хирхиринского городища. Коллективный труд авторского коллектива «Древнемонгольские города»⁹ является существенным вкладом в изучение средневековой истории Монголии имперского периода. Отдельный отряд этой экспедиции, возглавляемый Ю. С. Гришиным, в течение ряда лет занимался изучением памятников неолита, бронзового и железного веков в Забайкалье, результатом чего явились две монографические работы Гришина¹⁰.

В 1959 г. на территории Бурятии работали отряды Байкальской археологической экспедиции Института археологии АН СССР, руководимой М. П. Грязновым. В составе этой экспедиции М. М. Герасимов вновь возвращается к Фофаново, на антропологических материалах воссоздает графические и скульптурные портреты древних забайкальцев¹¹. Е. А. Хамзина проводит раскопки на Посольской стоянке неолита и ранней бронзы, открытой А. П. Окладниковым в 1949 г.¹².

¹ Окладников А. П. Шилкинская пещера – древний памятник верховьев Амура // Труды Дальневосточной археол. эксп. // МИА. – № 86. – 1960.

² Он же. Бурхатуйская культура железного века в Юго-Западном Забайкалье // Тр. БКНИИ. Сер. Востоковедение. – Вып. 3. – Улан-Удэ, 1960.

³ Рижский М. И. Археологические исследования в Читинской области в 1950–1956 гг. // Сб. рефератов, докладов науч. конф. – Чита, 1958. – С. 11–12.

⁴ Окладников А. П. Археологические работы на Дальнем Востоке в 1954 г. // Тез. докл. на сессии ОИН, Пленуме ИИМК, на УСИЭ им. Миклухо-Маклая. – 1955. – С. 25.

⁵ Он же. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // МИА. – 1950. – № 18; – МИА. – 1955. – № 43.

⁶ Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. – Улан-Удэ, 1958.

⁷ Археологический сборник-I. – Улан-Удэ, 1959.

⁸ Давыдова А. В. Иволгинское городище // СА, XXV: Она же. Новые данные об Иволгинском городище // Труды БКНИИ. – Вып. 3. – Улан-Удэ, 1960.

⁹ Древнемонгольские города. – М.: Наука, 1965.

¹⁰ Гришин Ю. С. Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. – М., 1975; Он же. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. – М., 1981.

¹¹ Герасимов М. М., Черных Е. Н. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. – Л., 1975.

¹² Хамзина Е. А. Археологические исследования в Бурятии за 50 лет // Исследования и материалы по истории Бурятии. – Улан-Удэ, 1973. – С. 29.

2.3. Исследования в 1960–2010 гг.

В 1960–1970-е гг. исследования академика А. П. Окладникова на территории Бурятии осуществлялись в рамках Североазиатской, Дальневосточной и Центральноазиатской экспедиций. Проводятся раскопки палеолитических памятников Санный Мыс, Варварина гора, Усть-Кяхта, на их основе разрабатываются основы культурно-хронологической схемы древнейшей истории региона. Многолетние исследования наскальных рисунков на территории Бурятии и Читинской области А. П. Окладников претворил в двухтомную монографию «Петроглифы Забайкалья»¹. Монография представляет собой не только свод и описание памятников, но и фундаментальное источниковедческое исследование и историко-культурное обобщение.

В 60-х гг. продолжались систематические исследования А. В. Давыдовой Нижне-Иволгинского городища хунну, называемого с тех пор просто Иволгинским. Была вскрыта значительная площадь в южной части памятника, исследовано его оборонительное сооружение (система валов и рвов). Вблизи городища обнаружили и полностью исследовали принадлежащий ему могильник, раскопано свыше 200 могил. Материалы, добытые раскопками этого комплекса памятников, были исследованы А. В. Давыдовой в монографии «Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье», а впоследствии весь огромный материал был доисследован и полностью опубликован раздельно в двух томах – по городищу и по могильнику². В 70-х гг. А. В. Давыдова и С. С. Миняев осуществили раскопки другого хуннского поселения возле с. Дурены на левобережье р. Чикой, многолетние исследования которого увенчались значительными результатами, опубликованными также монографически³.

С 1960–1962 гг. начали свою деятельность археологи Бурятского комплексного научно-исследовательского института (БКНИИ СО АН

СССР) П. Б. Коновалов и Е. А. Хамзина. П. Б. Коновалов провел разведочно-рекогносцировочное исследование в Заиграевском, Бичурском, Кяхтинском и Джидинском районах, раскопку Мухинской неолитической стоянки близ г. Улан-Удэ⁴. В 1963–1964 гг. в связи с подъемом уровня воды в Байкале археологи Улан-Удэ и Иркутска проводили исследования побережий озера. Отряд П. Б. Коновалова прошел по восточному побережью от дельты Селенги до устья Баргузина, зафиксировав серию местонахождений остатков культуры от неолита до железного века. На западном и северном побережье Байкала проводили рекогносцировочные исследования В. В. Свинин и Л. П. Хлобыстин⁵. Материалы отчетов байкальских экспедиций вошли в диссертационные работы Л. П. Хлобыстина (1964) и В. В. Свинина (1970). Отряд Е. А. Хамзиной в 1963–1964 гг. завершил раскопку Посольской стоянки, начатую в составе Байкальской экспедиции 1959 г.⁶, и провел исследования разновременных памятников – от неолита до средневековья – в Баргузинской долине. Результаты этих исследований отражены в Своде археологических памятников Бурятии и в отдельной публикации погребений неолита и ранней бронзы в местности Онкули⁷. В последующие годы Хамзиной продолжены многолетние исследования в Баргузинской долине, где раскапывались погребальные памятники средневековья⁸.

⁴ Коновалов П. Б. Археологические памятники в долине реки Хилок // Этнографический сборник. Вып. 2. – Улан-Удэ, 1961; Он же. К вопросу о дюнных стоянках Забайкалья (по материалам археологической разведки на территории Заиграевского аймака Бурятской АССР) // Кр. сообщ. БКНИИ. Вып. 4. – Улан-Удэ, 1962; Он же. Отчет о раскопках неолитической стоянки Мухино близ г. Улан-Удэ (1962) // Рукописный фонд БФ СО АН СССР. – № 3303.

⁵ Коновалов П. Б., Свинин В. В., Хамзина Е. А., Хлобыстин Л. П. Отчет об археологических исследованиях на Байкале (1963–1964) // Архив БИОН БФ СО АН СССР; Свинин В. В. Археологические исследования на северном побережье озера Байкал в 1963 и 1965 гг. // Отчеты археологических экспедиций за 1963–1965 годы. – Иркутск, 1966.

⁶ Хамзина Е. А. Краткий отчет о работе на Посольской стоянке в 1959 г. // Архив Бурятского краеведческого музея им. М. Н. Хангалова. Археология, п. 1.

⁷ Она же. Археологические памятники Бурятии. – Новосибирск: Наука, 1982; Она же. Ранние погребения в Онкулях (долина р. Баргузин) // Этнографический сборник. Вып. 6. – Улан-Удэ, 1973.

⁸ Она же. Археологические памятники Западного За-

¹ Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья. Ч. 1, 2. – Л.: Наука, 1969, 1970.

² Давыдова А. В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1985; Она же. Иволгинский археологический комплекс, т. 1: Иволгинское городище. – СПб., 1995; Иволгинский археологический комплекс, т. 2: Иволгинский могильник. – СПб., 1996.

³ Давыдова А. В., Миняев С. С. Комплекс археологических памятников у села Дурены. – СПб., 2003.

В 60-е гг. определилось основное тематическое направление археологических исследований Бурятского филиала СО АН СССР – изучение памятников ранних и поздних кочевников Западного Забайкалья. Оно осуществлялось двумя экспедиционными отрядами: Южным – под руководством П. Б. Коновалова по исследованию хуннских памятников в Кяхтинском, Джидинском, Бичурском районах Бурятии и Северным – под руководством Е. А. Хамзиной по исследованию памятников средневековья (тюрко-монгольского периода) в Баргузинском, Курумканском, Прибайкальском, Иволгинском районах. Коновалов провел разведку хуннских местонахождений Юго-Западного Забайкалья с целью выяснения состояния памятников, обновления и уточнения их топо- и картографических характеристик (по современной географической номенклатуре) и развернул многолетние (1963–1975 гг.) раскопки могильников в Ильмовой и Черемуховой падях вблизи г. Кяхты, в междуречье Селенги и Чикоя, в Дэрсуйском Култуке, на левобережье Джиды, в Эдуе, в междуречье Хилка и Чикоя. В результате был накоплен богатый материал о погребальных обрядах, материальной и духовной культуре хунну, который опубликован в монографии «Хунну в Забайкалье»¹. В ней впервые на серийном систематизированном материале охарактеризованы погребально-обрядовый и предметно-инвентарный комплексы хуннской культуры, обсуждены вопросы культурно-исторических связей и хозяйственно-экономические аспекты жизнедеятельности хунну. Материалы раскопанного царского кургана в Ильмовой пади были изданы впоследствии отдельной книгой «Княжеская усыпальница в Суджи (Ильмовая падь, Забайкалье)»². Случилось так, что ранние раскопки больших княжеских / царских курганов хунну в Монголии дали много вещественного материала, но недоставало подробностей об устройстве подобных монументальных сооружений, и новыми раскопками этот пробел был восполнен.

Е. А. Хамзиной в Баргузинской долине, в Баянголе и Телятникове, открыты и раскопаны позднеко-

чевнические (средневековые) могильники, материалы которых в совокупности с материалами Тапхарского могильника в Иволгинской долине, раскопанного ею еще в 1954 г. в составе Бурят-Монгольской археологической экспедиции А. П. Окладникова, составили основу ее диссертации и опубликованной монографии «Археологические памятники Западного Забайкалья (Поздние кочевники)»³. Труд Е. А. Хамзиной является первым монографическим исследованием средневековых могильников на территории Бурятии, в котором предложена авторская периодизация и типология памятников и предпринята попытка дифференцировать их по принадлежности тюркоязычным и монгольязычным группам населения.

Таким образом, к середине 70-х гг. по основной теме исследований БФ СО АН СССР «Ранние и поздние кочевники Забайкалья» были выполнены 2 монографические работы, заполнившие некоторые лакуны в археологии Бурятии и создавшие базу для дальнейшего расширения и углубленного исследования нерешенных проблем.

С 1968 г. начала археологические исследования научный сотрудник Бурятского республиканского музея, а с 1976 г. в Институте общественных наук БФ СО АН СССР Л. Г. Ивашина. Объектом ее полевых работ стали древности восточных районов Бурятии – Еравнинского, Кижингинского, Хоринского. Было открыто и исследовано более полутора десятков стоянок эпохи неолита и ранней бронзы – Хиагда, Харга, Кулькисон, раскопан разновременный могильник на холме Бухусан у оз. Исинга эпохи неолита и железного века, в центральном районе исследованы поселения Мухино и Кибалино. Собранный материал в совокупности с данными предшествующих исследователей систематизирован в диссертации Л. Г. Ивашиной и вошел в ее монографию «Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии»⁴. В ней разработана периодизация памятников в указанных территориальных рамках, подробно освещены хозяйственная деятельность, быт, материальная и духовная культура населения той эпохи, посредством корреляции полученных материалов с культурами сопредельных областей Предбайкалья и Якутии, Восточного Забайкалья и Монголии, охарактеризованы культурно-

байкалья (Поздние кочевники). – Улан-Удэ, 1970.

¹ Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье. – Улан-Удэ, 1976; По следам Ю. Д. Талько-Грынцева (археологическая разведка хуннских погребений в Южном Забайкалье) // Труды БИОН. Сер. Востоковедение. Вып. 12. – Улан-Удэ, 1969.

² Коновалов П. Б. Усыпальница хуннского князя в Суджи (Ильмовая падь, Забайкалье). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008.

³ Хамзина Е. А. Археологические памятники Западного Забайкалья (Поздние кочевники). – Улан-Удэ, 1970.

⁴ Ивашина Л. Г. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. – Новосибирск: Наука, 1969.

исторические связи и региональные особенности развития местных культур.

В 1976 г. в Бурятском институте общественных наук СО АН СССР впервые была создана археологическая тематическая группа под руководством П. Б. Коновалова (сначала в отделе истории, этнографии и археологии, затем в секторе этнографии и археологии). С ее созданием стало возможным расширить культурно-хронологический диапазон исследований от неолита до средневековья включительно, вести целенаправленные исследования по бронзовому веку, расширить исследования средневековых памятников, проводить археологические работы в дальних неисследованных северных районах республики – в бассейне р. Витим, на трассе БАМ, принимать участие в работах Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции АН СССР и АН МНР, развернуть работу по паспортизации памятников истории и культуры Бурятии. Оформилась общая долгосрочная тема группы – «Забайкалье в древности и средневековье». По существу своей деятельности группа работала как сектор археологии.

В 1978 г. начал свою деятельность А. Д. Цыбиктаров – сначала в БИОН СО АН СССР, с 1981 г. в Кяхтинском музее краеведения. Начав с изучения состояния и анализа перспектив исследования памятников эпохи бронзы¹, в дальнейшем он посвятил себя целенаправленному исследованию бронзового века Забайкалья. Основными объектами его раскопок были плиточные могилы и керексуры, одновременно он собирал материал в архивах и музейных фондах в местах распространения этих памятников. Текущие результаты публиковал в статьях и тезисах, весь накопленный материал был обобщен и исследован им в кандидатской диссертации, а затем и в монографическом исследовании². Во 2-й половине 70-х – в 80-е гг. сотрудники тематической группы археологии БИОН и Кяхтинского музея П. Б. Коновалов, С. В. Данилов, Н. В. Именохоев и А. Д. Цыбиктаров занимались исследованиями памятников широкого хронологического диапазона – бронзового и раннего железного веков, эпохи хунну и средневековья. В этот период проведены

раскопки плиточных могил в Кибалино, Пестерево, Бильчире, Улзыте и Чулутах, курганов-керексуров в Подлопатках и Нижнем Бургултае. Новые материалы опубликованы в специальном тематическом сборнике «Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье»³. Новые раскопки керексуров выявили в них разновременный материал (керамика, бронзовые и железные вещи от эпохи бронзы до средневековья), который дал основание для обсуждения спорного в то время вопроса о времени и культурной принадлежности этих памятников, подтверждения их ранней датировки – бронзовым веком. Особое внимание было уделено выяснению конструкции сооружений плиточных могил и керексуров, хроно-стратиграфическому соотношению этих выдающихся памятников древней истории Центральной Азии. После издания книги по культуре плиточных могил А. Д. Цыбиктаров вплотную занялся раскопками керексуров, выяснением их генезиса, определением их места и роли в этнокультурном процессе эпохи бронзы Центральной Азии⁴. Затем им осуществлено монографическое обобщение материалов по культурам энеолита и ранней бронзы Забайкалья и Монголии, в котором предлагается концепция культурно-исторического развития населения Центральной Азии на заре бронзового века⁵.

В плиточных могилах в Ацае, на Гусином озере, раскопанных П. Б. Коноваловым совместно с иркутянами В. В. Свиным и М. А. Зайцевым, выявлены новые детали устройства этих монументальных сооружений, в одной из могил обнаружен случай разноуровневого ярусного расположения костяков,

³ Данилов С. В., Коновалов П. Б. Новые материалы о курганах-керексурах Забайкалья и Монголии // Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье. – Улан-Удэ, 1988; Коновалов П. Б., Данилов С. В. К изучению плиточных могил Забайкалья и Монголии // Там же; Цыбиктаров А. Д. О конструкции погребальных сооружений культуры плиточных могил // Там же.

⁴ Цыбиктаров А. Д. Плиточные могилы и керексуры Южной Бурятии в свете изучения некоторых проблем бронзового века Центральной Азии // Палеоэкология человека Байкальской Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999; Он же. Центральная Азия в эпоху бронзы и раннего железа (проблемы этнокультурной истории Монголии и Южного Забайкалья сер. II – I-й пол. I тыс. до н. э.) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 1. – С. 80–97.

⁵ Цыбиктаров А. Д. Центральная Азия на заре бронзового века (конец III – 1-я половина II тыс. до н. э.). – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2006.

¹ Цыбиктаров А. Д. Бронзовый век Западного Забайкалья // Новое в археологии Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1981.

² Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1998.

из которых нижнее захоронение традиционное, лежащее на спине с вытянутыми ногами, а верхнее – на боку со скорченными ногами, что вносит нечто новое, возможно, неоднозначное понимание социальных и этнических процессов у населения, оставившего подобные захоронения. В указанный период в Бурятии были обнаружены и раскопаны новые местонахождения хуннских памятников – поселения с могильниками в Энхоре, на р. Джиде, и в Баргае, на р. Селенге, могильники Озерное и Улзыт в долине р. Чикоя¹.

В 1977–1990 гг. объектом раскопок археологической группы стали средневековые памятники. Раскапывались могильники близ дер. Кибалино, в Дэрестуйском Култуке, в пади Подчерной, в Энхоре, на г. Хойцгор и в Балеевке. Большинство раскопанных захоронений датируются в достаточно широких хронологических рамках VII–XIV вв. – эпохой Уйгурского и Кыргызского каганатов, Киданьской и Монгольской империй². В более узких рамках монгольского периода датируются исследованные С. В. Даниловым остатки строений дворцового типа в Нарсатуе, Темниковское поселение и строения так называемой Сутайской усадьбы³.

¹ Цыбиктаров А. Д. Новые материалы по хунну Южного Забайкалья // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири (итоги и перспективы): тез докл. науч. конф. – Иркутск, 1986. – С. 132–135; Коновалов П. Б., Цыбиктаров А. Д. Некоторые материалы из новых хуннских памятников // Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье. – Улан-Удэ, 1988. – С. 95–107.

² Коновалов П. Б., Данилов С. В. Средневековые погребения в Кибалино // Новое в археологии Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1981; Именохоев Н. В., Коновалов П. Б. К изучению погребальных памятников монголов в Забайкалье // Древнее Забайкалье и его культурные связи. – Новосибирск: Наука, 1985; Именохоев Н. В. Средневековой могильник у с. Энхор на р. Джиде // Памятники палеометалла в Забайкалье. – Улан-Удэ, 1988. – С. 108–128; Коновалов П. Б. Корреляция средневековых археологических культур Прибайкалья и Забайкалья // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. – Улан-Удэ, 1989; Именохоев Н. В. К вопросу о культуре ранних монголов (по данным археологии) // Там же; Он же. Раннемонгольская археологическая культура // Археологические памятники средневековья в Бурятии и Монголии. – Новосибирск: Наука, 1992; Коновалов П. Б. Отчет о полевых исследованиях 1981 года // Архив Лаборатории археологии БИОН БФ СО АН СССР.

³ Данилов С. В. Средневековые поселения Западного Забайкалья // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии. – Новосибирск, 1992. – С. 137–145; Он же. Темниковское поселение и некоторые вопросы

В 90-х гг. С. В. Данилов осуществил раскопки на хуннском городище Баян-Ундэр, на левом берегу р. Джиды. Городище размерами 70х70 м укреплено со всех сторон валом и рвом, с входом с южной стороны, имеет еще и внешний вал в отрыве от внутреннего. Внутри городища раскопано 2 жилища; одно из них представляет собой здание столбовой конструкции с отопительной системой типа кан с очагом и дымоходом, т. е. типично хуннское сооружение. На раскопанной площади пока не обнаружено следов производственной деятельности. Это обстоятельство в согласии с малым размером городища наводит на мысль о возможно иной, нежели Иволгинское городище и Дуренское поселение, функции этого сооружения типа крепости⁴.

С середины 80-х гг. целенаправленные исследования по средневековью Прибайкалья, точнее – по проблемам курумчинской культуры и курыканского наследия, ведет Б. Б. Дашибалов. Им осуществлены многолетние раскопки погребальных комплексов в Приольхонье и Баргузинской долине, проведена тщательная источниковедческая работа над археологическим и письменно-историческим материалом и на такой основе выполнены оригинальные историко-этнологические исследования, углубляющие проблему курумчинской культуры средневековья, ее генетических характеристик и пространственных связей на «тюркско-монгольском пограничье»⁵. В дальнейшем Б. Б. Дашибалов приступил к исследованиям на хуннском могильнике Ильмовая падь и на Иволгинском городище.

Целенаправленными поисками петроглифов занимался в 70–80-х гг. сотрудник Этнографического музея народов Бурятии А. В. Тиваненко. Ему удалось обнаружить около сотни новых петроглифов, выявить методом раскопок у подножий скал с писаницами вещественные отложения остатков древних обрядов жертвоприношений в виде кострищ, костей животных и предметов материальной культуры, относящихся к разным эпохам – от

этногенеза бурят // Мир Центральной Азии. Т. 1: Археология, этнология: мат-лы междунауч. конф. – Улан-Удэ, 2002. – С. 21–25.

⁴ Данилов С. В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004.

⁵ Дашибалов Б. Б. Археологические памятники курыкан и хори. – Улан-Удэ, 1995; Он же. На тюрко-монгольском пограничье. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005.

неолита до современности. Результатами этих исследований явились монографические обобщения интересной темы, связанной с древними святилищами Бурятии¹.

В составе тематической группы археологии в течение 1977–1984 гг. проводил исследования на «новостроечных площадках» северо-востока Бурятии А. П. Трифонов. В дотолемном исследованном районе бассейна р. Витим и его притоков выявлено около 60 археологических местонахождений, из которых наиболее перспективные для исследований находятся в устьях рек Юмурчен, Каренга, Калакан, Калар, Бамбуйка, Муя и др. Стационарные раскопки Трифонов осуществил на многослойном поселении Нижняя Джиллинда-1, где зафиксировано 6 культурных слоев – от раннего неолита до железного века, а также на стоянках Усть-Бамбуйка и Усть-Каренга-3². Эти исследования позволяют говорить о том, что долина Витима – своеобразный археологический район, чью древнюю культуру еще предстоит изучать.

Вторым районом, где проводились новостроечные исследования, было северное побережье Байкала в зоне БАМ. В 1978 г. там совершили разведку А. Д. Цыбиктаров и А. В. Тиваненко по маршруту от с. Байкальское до г. Нижнеангарска и по долине р. Верхней Ангарты до с. Уоян. Открыто 16 новых памятников: 7 стоянок и 9 петроглифов³.

¹ Тиваненко А. В. Древние культовые святилища – новый тип археологических памятников Забайкалья // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. – Новосибирск, 1979; Он же. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы. – Новосибирск, 1989; Он же. Древнее наскальное искусство Бурятии. – Новосибирск, 1990; Он же. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху раннего средневековья. – Новосибирск, 1994.

² Трифонов А. П. Многослойные археологические памятники Нижняя Джиллинда – I и II // Мат-лы отчетной науч.-теор. конф. «Археология, этнография, источниковедение»: тез. докл. – Иркутск, 1979. – С. 29–31; Ветров В. М., Трифонов А. П. Новые данные по археологии верхней части долины Витима // Археология и этнография Восточной Сибири: тез. докл. регион. конф. – Иркутск, 1978. – С. 28–29; Отчеты А. П. Трифонов в архиве Лаборатории археологии.

³ Цыбиктаров А. Д. Новые данные по археологии Северного Байкала // Отчетная научно-теор. конф. «Археология, этнография, источниковедение»: тез. докл. – Иркутск, 1979. – С. 17–19; Тиваненко А. В. Петроглифы побережья оз. Байкал // Древнее Забайкалье и его культурные связи. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 154–155.

С 1991 г. тематическую группу археологии возглавил С. В. Данилов (в составе отдела истории и культуры Центральной Азии ИМБТ СО РАН). Общая тематика группы осталась той же, но с добавлением темы палеолита Забайкалья. К этому периоду в институте начинали исследования по палеолиту В. И. Ташак и Л. В. Лбова. Таким образом, начиная с 90-х гг. XX в. археологическим изучением были охвачены все периоды – от палеолита до средневековья включительно. В постсоветский период постепенно активизировались зарубежные связи института, в начале 2000-х гг. работали совместные монгольско-бурятские проекты по изучению проблем истории, культуры, адаптации и судеб народов – наследников исторической кочевой цивилизации Центральной Азии.

В соседней Забайкальской области с 1965 г. в составе Дальневосточной экспедиции А. П. Окладникова, а вскоре и самостоятельно развернула свои работы археологическая экспедиция Читинского педагогического института под руководством И. И. Кириллова. Проводились раскопки неолитических поселений Чиндонт, Арын-Жалга в долине р. Онон, многослойного поселения Амоголон и прилегающих к нему могильников бронзового века и раннего средневековья, крупного плиточного могильника в пади Анхабай, комплекса памятников у оз. Ножий. Проведены разведочные исследования по Ингоде, Шилке, Онону и в Приаргунье. В 1974–1980 гг. И. И. Кирилловым и Е. В. Ковычевым был раскопан комплекс памятников в местечке Дворцы по р. Ингоде, состоящий из палеолитической и неолитической стоянок, могильников эпохи бронзы и средневековья, на оз. Ундугун открыт средневековой могильник, давший наименование ундугунской культуре, раскопками крупного поселения Сухотино-4 под Читой продолжено изучение ингодинского палеолита. Вдоль Яблонового хребта выявлены поселения периода неолита и ранней бронзы Александровка, Дарасун, Жигуржинка, Лукья, а также вместе с ними могильники бронзового века дворцовой культуры и бурхатуйской культуры средневековья; другие могильники периода средневековья исследовались у сел Чиндонт, Токчин и Новоселиха в Прионье. В долине р. Шилки открыты стоянка неолита и ранней бронзы и могильник бурхатуйской культуры у с. Молодовск, комплекс памятников в пади Ишахан, состоящий из многослойной стоянки и могильников неолита, ранней бронзы и средневековья, стоянки и могильники бронзового века и раннего средневековья в

падах Илимка, Деревенская, в долине р. Кия у сел Самсоново и Калинино¹.

В 1965–1973 гг. впервые в пределах Читинской области обследованы долины рек Хилок и Чикой, где открыто более 50 разновременных памятников, преимущественно стоянок, в т. ч. палеолитического времени – Кондабаево, Усть-Обор, Гэршэлун, Укурик и самый значительный среди них – поселение Толбага, вошедшее в группу наиболее ранних памятников палеолита Забайкалья. Осуществлены раскопки стоянки Черемушки на р. Хилок, датированной эпохой позднего неолита и ранней бронзы; разведочными шурфами и сбором подъемного материала выявлен ряд других местонахождений неолита и бронзового века. По р. Чикой в 70-х гг. обнаружены местонахождения палеолитического, мезолитического и неолитического возраста, в т. ч. многослойное поселение Нижний Нарым (Студеное), палеолитическая стоянка Гремяча, мезолит-раннеолитическая – Березовка, раннеолитическая – Фомичево, неолитическая – Малета, позднеолитические – Мангиртуй и Читкан, разновременные – Шимбилик, Красный Чикой и Малоархангельское². С 1974 г. исследования по Хилку и Чикой продолжены отрядом под руководством М. В. Константинова. Крупные раскопки проведены на поселениях Толбага, Куналей, Приисковая (палеолитические), Студеное-1 и 2 (многослойные), Усть-Менза-3 и 4 (также многослойные)³. Исследования в этом стыковом между Монголией, Западным и Восточным Забайкальем районе значительно обогатили фонд археологических источников по древней истории не только Бурятии, но и более обширного региона, названного исследователем Байкальской Азией. Материалы поселений начала позднего палеолита Толбага и Куналей указали на их разное происхождение (т. е. ранние гомо сапиенсы этих поселений пришли из разных территорий); данные стратиграфии стоянки Приисковой указывали на более ранний возраст – средний палеолит⁴.

¹ Кириллов И. И. Восточное Забайкалье в древности и средневековье. – Иркутск, 1979; Ковычев Е. В. История Забайкалья I – сер. II тыс. н. э. – Иркутск, 1984.

² Окладников А. П., Кириллов И. И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. – Новосибирск, 1980.

³ Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии...

⁴ Там же. – С. 161–162.

Эти выводы предварили результаты последующих исследований бурятских и читинских археологов Л. В. Лбовой, В. И. Ташака, А. В. Константинова, М. Н. Мещерина, В. К. Колосова, которые на материалах других исследованных ими памятников на территории Юго-Западного Забайкалья за последнее двадцатилетие пришли к подобным заключениям. Их исследования, кроме того, ознаменовались открытиями новых стратифицированных палеолитических комплексов – таких как Гыршелун, Коврижка, Приисковая, Подзвонкая, Усть-Кяхта, Каменка, Хотык, Усть-Итанца, Хэнгэрэгтэ, Барун-Алан и др., датируемые в совокупности средним палеолитом, переходным от среднего к верхнему и верхним палеолитом, изучение которых как геоархеологических комплексов, с привлечением специалистов естественных наук, позволяет наполнить традиционную культурно-хронологическую схему региона новыми аспектами палеогеографических реконструкций и природно-исторической динамики развития.

Вплотную проблемой геоархеологических комплексов на материалах Забайкалья занималась Л. В. Лбова. В кандидатской диссертации (1994 г.), посвященной Брянскому археологическому комплексу, она исследовала 3 крупных памятника начальной поры верхнего палеолита (Варварина гора, Каменка-А и Каменка-В), представляющие уникальные для Бурятии возможности комплексного палеоэкологического исследования, решения вопросов реконструкции среды обитания палеолитического человека. И на локальной территории одного этого комплекса выявлены две различные культурные традиции одного хронологического периода. Дальнейшими детальными исследованиями в 1998–2001 гг. – новых памятников местонахождения Хотык среднепалеолитического возраста, Хотогой-Хабсагай, Ирэн-Хада и Санный Мыс (Онинский геоархеологический район), Усть-Итанца, Ветрово и Бурдуково (Итанцинский комплекс, финальнопалеолитический) – Лбовой получены новые подтверждения сложного и динамического процесса становления и развития культуры человека современного физического типа. Все эти материалы легли в основу докторской диссертации Л. В. Лбовой и опубликованы в ее монографии «Палеолит северной зоны Западного Забайкалья»⁵.

⁵ Лбова Л. В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000.

По ходу своих изысканий Л. В. Лбова, учитывая «археологическое окружение» изучаемой территории, прогнозировала возможность выявления и раннепалеолитических памятников¹, отмечала наличие материалов об освоении Забайкалья в мустьерское, а возможно, и в более раннее время (Гыршелун, Базино, Онинский)². В 2000–2001 гг. ею совместно с Б. А. Базаровым проведено исследование геоархеологического объекта Засухино, известного в специальной литературе как опорный биостратиграфический разрез четвертичного периода в Прибайкалье, в результате чего в нижне- и среднеплейстоценовых осадках разреза обнаружены артефакты – каменные изделия с искусственной обработкой³.

Исследования палеолита В. И. Ташаком начаты в 1989 г. с окрестностей Усть-Кяхты, т. е. в том районе, где начинались одни из первых изысканий по каменному веку на территории Забайкалья. В ходе работ по берегам р. Селенги, проводившихся систематически до 2000 г. включительно, была выявлена серия новых местонахождений каменного века как с поверхностным залеганием материала, так и с культурными горизонтами, сохранившимися в геологических отложениях, определяемых как палеолитические и мезолитические. Стационарные раскопочные работы производились на стоянках Усть-Кяхта-16, Усть-Кяхта-17, Били⁴.

Наряду с изучением палеолита Селенги им начаты исследования на крайнем юге Бурятии, на правобережье Чикоя (Кударинский археологический район), в отрогах Малханского хребта, где выявлена серия палеолитических местонахождений. В 1991 г. открыта стоянка, получившая название

Подзвонкая (в настоящее время один из крупнейших памятников раннего этапа верхнего палеолита не только в Бурятии). В результате 9 лет раскопок этого памятника были получены тысячи каменных артефактов и остеологических материалов, позволивших реконструировать образ жизни древнего населения юга Бурятии, а также дать развернутую характеристику палеоэкологической обстановки в эпоху позднего плейстоцена. Материалы исследований Усть-Кяхтинского и Кударинского археологических районов вошли в диссертационное исследование Ташака «Палеолит и мезолит юга Бурятии» и позднее публиковались в его статьях⁵.

С 2000 г. начаты исследования в долине р. Алан, впадающей в р. Она (правый приток Уды, крупной водной артерии Западного Забайкалья). К настоящему времени здесь выявлено более полутора десятков различных палеолитических местонахождений, на трех из которых – Хэнгэр-Тын Скальная, Хэнгэр-тын Святилище, Барун-Алан-1 – проведены стационарные раскопочные работы⁶.

Раскопки многослойного поселения Барун-Алан-1 позволили выдвинуть и обосновать предположение о нескольких направлениях развития археологических культур в верхнем палеолите на территории Западного Забайкалья.

Наряду с материалами верхнего палеолита на склонах г. Хэнгэрэкэтэ обнаружены артефакты, характеризующие более ранние эпохи – средний и нижний палеолит. Особенно выразителен материал местонахождения Хэнгэр-Тын-2, представляющего собой памятник с поверхностным залеганием артефактов, большинство из которых относится к эпохе среднего палеолита.

Накопленный общими усилиями забайкальских археологов материал по палеолиту позволил выделить археологические культуры, обосновать теорию местного, забайкальского, своеобразия пути развития и, вместе с тем, обширной региональной культурно-исторической общности населения юга Сибири и Центральной Азии. Эта общность более рельефно проявляется в тот исторический период, когда зарождается новая техническая традиция,

¹ Лбова Л. В. Палеолит Западного Забайкалья: итоги, проблемы, перспективы // Этносоциальные общности в регионе Восточной Сибири и их социально-культурная динамика: тез. и мат.-лы науч. конф. – Улан-Удэ, 1993.

² Лбова Л. В., Первалов А. В. К проблеме геохронологии палеолитических комплексов полигона Хотык // Палеоэкология плейстоцена и культура каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Т. 2. – Новосибирск, 1998. – С. 123–131.

³ Лбова и др. Геоархеологические комплексы эпохи палеолита Западного Забайкалья и Юго-Восточного Прибайкалья // Природная среда и человек в неоплейстоцене (Западное Забайкалье и Юго-Восточное Прибайкалье). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003.

⁴ Ташак В. И. Палеолитические и мезолитические памятники Усть-Кяхты. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005.

⁵ Археологические памятники среднего палеолита Западного Забайкалья // Известия лаборатории древних технологий. – Вып. 2. – Иркутск: Изд-во ИГТУ, 2004.

⁶ Средний палеолит стоянок долины Алана (Западное Забайкалье) // Забайкалье в геополитике России: мат.-лы м/н симпози. «Древние культуры Азии и Америки». – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003.

пришедшая на смену леваллуазской. Вызревание на леваллуазской основе техники торцового нуклеуса определило развитие каменной индустрии на всем протяжении 2-й половины позднего палеолита, вплоть до неолита.

Однако в палеолитоведении, как всегда, актуален вопрос о выделении локальных культур и их происхождении. Как решалась эта проблема в ходе исследования нашего региона? В. И. Громов и С. Н. Замятнин высказывались о забайкальском палеолите как о части сибирско-китайской области¹. Г. П. Сосновскому, к сожалению, не было суждено из-за преждевременной кончины продолжить начатые работы в области археологии вообще, но тем не менее он пытался выделить локальные особенности и стадийные различия в палеолите Забайкалья и успел высказать свое видение его как части южно-сибирского палеолита в составе североазиатской провинции, но не исключая при этом его «южного» происхождения². Взгляды А. П. Окладникова характеризуются вариативностью оценок, что, впрочем, не удивительно, если учитывать столь продолжительные и поистине всеазиатские масштабы его деятельности. Во времена, когда в исследуемом регионе хорошо известна была лишь мальтинско-буретская культура, он, вслед за П. П. Ефименко, высказался в пользу теории европейских корней верхнего палеолита Северной Азии. С его точки зрения, европейские переселенцы периода солютрематлен осваивают не только Прибайкалье, но проникают в Забайкалье, Монголию, Ордос и Тибет. На заключительной стадии верхнего палеолита он видел «большую этнокультурную область, охватывающую Сибирь, Центральную Азию и Северную Маньчжурию»³. Впоследствии ученый писал о единообразии забайкальской культуры, причем с традициями, общими для всей Северной Азии, в то же

время усматривал сходство с северокитайскими материалами, влияние культуры потомков синантропа и к тому же допускал проникновение культуры из Средней Азии носителей леваллуа-мустьерской индустрии⁴. Таким образом, А. П. Окладников в «палеолитической истории» Забайкалья видит влияние не только Запада, но и Востока. В контексте влияния Востока можно рассматривать развиваемый им тезис о заселении Забайкалья в эпоху верхнего палеолита с монгольского плацдарма.

Из современных исследователей Монголию как плацдарм для заселения Забайкалья рассматривает М. В. Константинов, который высказывает предположение и о времени этих событий – домустьерский и мустьерский периоды⁵. В публикациях последующих лет по забайкальскому палеолиту, как отмечалось выше, имеет место тенденция выделения различных традиций в технике обработки камня в начальной фазе верхнего палеолита. «С одной стороны, развитие техники параллельного скалывания и изготовления орудий на пластинчатых заготовках (Толбага, Варварина гора, Каменка, Санный Мыс) и, с другой, техника ортогонального нуклеуса и изготовления орудий на отщепе (Приисковское, Куналей, Каменка-Б)», – пишет Л. В. Лбова и заключает: «Очевидно, позиции сторонников южного, монгольского, происхождения забайкальского палеолита более прочны»⁶.

В основе неолитических культур лежат, как можно с уверенностью утверждать, предшествующие палеолитические комплексы. Для Западного и Восточного Забайкалья были разработаны две культурно-хронологические схемы, взаимно дополняющие друг друга⁷. Общий характер неолитических культур Забайкалья, совокупность черт каменного инвентаря и керамического материала позволили сделать вывод об их самобытности и своеобразии, в сравнении с окружающими культурами Сибири, Дальнего Востока и Монголии. На

¹ Громов В. И. Палеонтологическое археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит) // Труды Ин-та геолог. наук. Сер. Геология. – Вып. 69. – 1948. – № 17. – С. 370–382.

² Окладников А. П. Новые палеолитические местонахождения Южной Сибири // КСИИМК. – 1940. – Вып. 7; Он же. Палеолитические стоянки Северной Азии // Труды АИЧ-ПЕ. – Вып. 5. – М.-Л.-Новосибирск, 1934.

³ Окладников А. П. Археологические исследования в Бурят-Монголии в 1947 г. // ВДИ. – 1948. – № 3; Освоение палеолитическим человеком Сибири // Материалы по четвертичному периоду СССР. № 2. – М., 1950.

⁴ Он же. Палеолит Забайкалья: Общий очерк // Археологический сборник. – 1959. – № 1.

⁵ Он же. Геология и культура древних поселений Западного Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 102.

⁶ Лбова Л. В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – С. 17.

⁷ Ивашина Л. Г. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. – Новосибирск: Наука, 1979; Кириллов И. И. Восточное Забайкалье в древности и средневековье. – Иркутск, 1979.

примере лучше изученных культур восточной части Забайкалья можно говорить о наличии, по крайней мере, двух локальных культур – онойской, распространенной в степной зоне, и доронинской, характерной для лесостепной и лесной зон. Есть основания предполагать, что аналогичная ситуация зонального распределения неолитических комплексов имеет место и в Западном Забайкалье. Выявленная к настоящему времени культурно-хронологическая схема исторического процесса Забайкалья в целом еще далека от полноты и ясности, требует дополнительных исследований, четких проработок локальных комплексов, выявления новых культур, уточнения их географических границ и характера связей между ними.

Понимание неолитической эпохи в Забайкалье в свое время было неотделимо от культурно-хронологической схемы по неолиту Предбайкалья. Но попытки объединить культуры этих территорий в единую схему часто выглядели неубедительными, поскольку основывались в целом на сомнительном согласовании данных прибайкальских погребений и забайкальских стоянок. Эта трудность не преодолена и поныне, таково состояние наработанных материалов с той и другой стороны. Неолитические исследования в стыковом районе среднего течения Хилка и Чикоя позволили М. В. Константинову построить новую периодизацию неолита Селенгинского бассейна, основанную на материалах многослойных поселений, и предположить региональную автономность забайкальского неолита и возможность выделения его локальных вариантов¹.

Интересной и перспективной в забайкальской археологии является проблема энеолита. Накопление материалов и предварительные опыты ее решения связаны с работами А. П. Окладникова, И. И. Кириллова, Л. Г. Ивашиной, М. В. Константинова, Л. В. Семиной. Основным критерием выделения этого этапа является только наличие прямых свидетельств начала металлообработки в изучаемых памятниках, что обнаруживаются далеко не часто. Между тем исследование энеолитического периода важно для изучения переломного этапа перехода древних обществ от присваивающей к производящей экономике, в чем огромную роль сыграло появление металлообработки. Хронологически это

период с конца III до конца II тысячелетия до н. э., в течение которого в степных зонах совершался переход от зачатков животноводства к преобладанию скотоводческого хозяйства. Во всяком случае, дворцовские могильники периода поздней бронзы позволяют сделать вывод о сложившемся скотоводческом характере хозяйства с устойчивым составом стада даже в лесостепном анклав Восточного Забайкалья.

Тщательную систематизацию и обобщение целенаправленно не изученных ранее материалов по ранней и развитой бронзе Западного Забайкалья осуществил А. Д. Цыбиктаров в монографическом исследовании «Центральная Азия на заре бронзового века». Автором дана подробная характеристика культур эпохи раннего металла Южного Забайкалья и Монголии, предложена новая концепция культурно-исторического развития древнего населения этих областей Центральной Азии в конце III – в I-й половине II тысячелетия до н. э., выделены и охарактеризованы культурные области эпохи энеолита и ранней бронзы, впервые в отечественной и зарубежной историографии рассмотрены материалы бронзового века севера Центральной Азии как единого региона, без традиционного деления на Монголию и Южное Забайкалье².

В настоящее время можно констатировать, что картина бронзового века Забайкалья оказалась более сложной, чем представлялось нам ранее. Подробное исследование культур этого периода Забайкалья должно пролить дополнительный свет на давно поставленную проблему «забайкальского карасука»: существовала ли там самостоятельная культура карасукского типа, составляющая часть обширной центральноазиатско-южносибирской культурной общности, и каково соотношение в ней местных корней и принесенных культурных элементов. Пока эта проблема трактуется так: имея достаточно большое количество карасукских вещей (оружие, украшения и прочие изделия), происходящих из Забайкалья³, и беря во внимание самостоятельный характер древней забайкальской медно-бронзовой металлургии⁴, отрицать существование

² Цыбиктаров А. Д. Центральная Азия на заре бронзового века...

³ Гришин Ю. С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. – М.: Наука, 1981.

⁴ Сергеева Н. С. Древнейшая металлургия меди юга

¹ Константинов М. В. Каменный век восточного региона... – С. 162.

там, особенно в степной части, культуры карасукского облика не приходится.

Культура плиточных могил рассматривается как культура позднего бронзового – раннего железного веков, синхронная карасукской и тагарской Южной Сибири и имеющая ряд общих черт в предметном комплексе, но по своему этнокультурному облику глубоко своеобразная и моногенная. Важными и дискуссионными являются вопросы происхождения культуры, ее генетических связей с местными археологическими памятниками предшествующего периода. Сопоставление с могилами дворцового типа Восточного Забайкалья наталкивало на предположение, что плиточные могилы местами имели в качестве своих предшественников различные территориальные группы могил, одной из таких и предполагаются дворцовские могилы, в инвентаре и погребальном обряде которых много общего с плиточными. Однако реальное соотношение дворцовой культуры и культуры плиточных могил остается открытым.

Занимая обширную территорию всего Забайкалья, Восточной и Центральной Монголии, культура плиточных могил контактирует и сосуществует со скифо-сибирскими культурами Алтая, Западной Монголии, Тувинской и Минусинской котловин. Наиболее наглядным свидетельством таких контактов и, более того, глубокого взаимопроникновения и этнокультурных взаимодействий является сосуществование на одной и той же территории Монголии и Забайкалья таких памятников, как плиточные могилы, каменные курганы, называемые керексурами¹, и связанные с ними «оленные камни».

Специфичные и более разнообразные алтайские и тувинские курганы-керексуры датируются андроновско-карасукским временем и определяются тоже как сакские, но существует гипотетическое представление, что они типологически преемственны от курганов афанасьевской культуры. Сходные с ними, но имеющие свои особенности и более

однообразные монголо-забайкальские керексуры датируются карасукско-тагарским периодом южно-сибирской культурно-хронологической шкалы. Таким образом, обширный ареал курганообразных памятников Туркестана и Южной Сибири имеет свое продолжение в Монголии и Забайкалье, где накладывается на ареал плиточных могил, и тот факт, что и те и другие большей частью одновременны, указывает нам на весьма значимый многовековой период истории, когда происходило скрещение древних этнических массивов.

Для истории Бурятии более важен вопрос о происхождении культуры плиточных могил, ее генетических связей с более ранними местными культурами. На этот счет, по данным из Восточного Забайкалья, где известны памятники дворцового типа, предполагалось (И. И. Кирилловым), что плиточные могилы местами имели в качестве своих предшественников различные территориальные комплексы. Однако А. Д. Цыбиктаровым (1998) выдвинута точка зрения о одновременности и единокультурности плиточных могил и могил дворцового типа, объясняющая некоторые различия между ними за счет социального статуса погребенных. Существует и третья, давно высказанная В. Е. Ларичевым² гипотеза о происхождении культуры плиточных могил от культуры каменных ящиков Дунбэя (современные провинции КНР Гирин и Ляонин), которая имеет под собой, пожалуй, более веские основания, если оценивать культурно-историческую ситуацию в широкой территориально-хронологической перспективе. Именно с таким подходом к проблеме можно найти объяснение общих черт в названных культурных комплексах и рассматривать их все же в рамках генетического родства.

Эпоху железа в истории Бурятии принято связывать с культурой хунну, хотя знакомство с железом, его присутствие фиксируется еще в культуре плиточных могил на ее позднем этапе. Железоделательное ремесло хунну отражает высокую стадию освоения и обработки этого металла. В литературе иногда писали, что хунну совершили «железную революцию» во всей Центральной Азии. Это фигуральное выражение имеет под собой наглядно демонстрируемое археологическим материалом основание, но только с учетом того, что «революция» совершилась еще в период ранних, додержавных, хунну, когда они не

Восточной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1981.

¹ Название «керексур» / «херексур» появилось в литературе из трудов Г. Н. Потанина (1881–1883 гг.), В. В. Радлова (1882), записавших этот термин в Западной Монголии, на Алтае, в Туве и Бурятии. Керексуры распространены очень широко, местами их границы достоверно не выявлены, да и в целом эти памятники еще недостаточно изучены. Типологически сходные курганы известны по литературе на Памире и Тянь-Шане, там они определяются как сакские, более поздние – как усуньские.

² О происхождении культуры плиточных могил Забайкалья // Археологический сборник-I. – Улан-Удэ, 1959.

были изгнаны из Северного Китая и развивались в тесном контакте и противостоянии с китайскими царствами и зарождающейся Циньской империей, а начавшийся там железный век явился общим достоянием Древнего Китая эпохи «воюющих царств» (Чжаньго) и его варварской периферии.

Проблема изучения древней рудной базы для развития ранней железной металлургии в Забайкалье и Монголии, к сожалению, не решалась. До сих пор не проводилось физико-химических исследований изделий из железа с целью отождествления их с местными железорудными источниками, что явилось бы существенным вкладом в историю освоения этого металла на территориях, подвластных хунну. Между тем археология показывает, что в пору великодержавия хунну рудные источники по всей Южной Сибири разрабатывались интенсивно.

Территориально культура хунну занимает всю современную Монголию, южную часть Внутренней Монголии и практически все Забайкалье¹. В целом культура отличается хорошо выраженным своеобразием как на фоне предшествующих на этой территории культур, так и синхронных окружающих ее культур, если не говорить о ее влиянии на последние. Влияние же это на культуры Алтая, Тувы и Минусинской котловины настолько велико, что обобщение данного явления позволило говорить о хуннской провинции государства хунну в этом обширном и сложном историко-культурном пространстве². За последние полтора десятка лет интерес к истории хунну необычайно возрос. На территории Монголии – метрополии Хуннской империи – ведутся интенсивные исследования хуннских памятников совместными с монголами международными экспедициями (монгольско-корейской, монгольско-французской, монгольско-немецкой, монгольско-американской и монгольско-российской). Произведены новые раскопки царских/княжеских погребений на ранее известных некрополях Ноин-Уула, Гол-Мод в центральных аймаках Монголии, Дуурлиг-Нарс в Хэнтэйском аймаке, Тахилтын хотгор в Ховд аймаке, также на поселениях хунну. В этот же период велись раскопки хуннской крепо-

сти Баян-Ундэр и царского кургана Царам в Джидинском аймаке Бурятии. Новые раскопки все более и более подтверждают монолитность, богатство и разнообразие культурного комплекса хунну имперского периода, обогащают его новыми находками, свидетельствующими о широте международных связей хуннской элиты.

Культура хунну в местах ее классических находок в Забайкалье и Монголии изучена, можно сказать, до этнографических подробностей (можно говорить о палеоэтнографическом уровне исследований), при этом она представляется настолько цельной и в то же время многообразной в своем единстве, что напрашивается дефиниция «государственная культура». Но вот парадокс: именно это обстоятельство не дает возможности однозначно решать ее этнический аспект. Необходимо выявлять преобладающие культурные признаки и по ним судить об этнической принадлежности создателей и властителей державы. В этом отношении глубоко ретроспективный взгляд наиболее существенных черт хуннской культуры на фоне общего методологического анализа историко-культурных процессов в Центральной и Восточной Азии дает основание признавать протомонгольское происхождение организаторов первой номадической государственности. Это не мешает тем же авторам признавать (констатировать) полиэтнический характер хуннского объединения в целом, что основывается, в первую очередь, пожалуй, на антропологических данных из захоронений, а также на сопоставлении некоторых черт материальной и духовной культуры хунну и постхуннских этносов – тюркоязычных и монголоязычных племен средневековья Центральной Азии.

Археологические памятники средневековья в Западном Забайкалье – по сей день, пожалуй, наиболее актуальная область исследований по истории Бурятии, в силу остроты дискуссионной проблемы тюрко-монгольского взаимодействия в данном регионе. Информативные в этом аспекте материалы – все те же погребальные памятники. На них базируются существующие к настоящему времени монографические исследования (перечислим по порядку их появления в свет): Е. А. Хамзиной (1970), И. И. Кирилова (1979), И. В. Асеева (1980), Е. В. Ковычева (1984), И. В. Асеева, И. И. Кириллова и Е. В. Ковычева (1984), Б. Б. Дашибалова (1995, 2005), И. И. Кириллова, Е. В. Ковычева, О. И. Кириллова (2000), А. В. Харинского (2001, 2001), В. С. Николаева (2004). Можно добавить тематические

¹ В Восточном Забайкалье позднее также обнаружены хуннские погребения, которые, правда, трудно различимы с выявленными за последнее время сяньбийскими захоронениями, что вполне закономерно, если учесть единые исходные генетические корни тех и других.

² Савинов Д. Г. Минусинская провинция хунну. – СПб.: ИИМК. – СПбГУ, 2009.

сборники статей по археологии средневековья: «Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века» (1989), «Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии» (1992), в которых содержатся в том числе обобщающие работы, затрагивающие проблему этнического отождествления памятников.

В заключение главы представляется не лишним привести перечень монографических работ не-археологов, посвященных этногенезу и этнической истории бурятского народа (вышедших за последние 40 лет), в которых используются результаты исследований археологов, ибо эти труды, в свою очередь, используются в написании соответствующих глав настоящего тома. Перечислим их по порядку выхода в свет: Г. Н. Румянцев. Происхождение хоринских бурят (1962), Ц. Б. Цыдендамбаев. Бурят-

ские исторические хроники и родословные (1972), Т. М. Михайлов. Из истории бурятского шаманизма (1980), Н. П. Егунов. Прибайкалье в древности и проблема происхождения бурятского народа (1984), Он же. Бурятия до присоединения к России. Ч. 1 (1990), Ч. 2 (2001), Б. Р. Зориктуев. Прибайкалье в середине VI – начале XVII в. (1997), Т. М. Михайлов и др. История и культура бурятского народа (1999), Д. Д. Нимаев. Буряты: этногенез и этническая история (2000), А. И. Бураев. Средневековое население Прибайкалья и Забайкалья по данным краниологии (2000), Б. З. Нанзатов. Этногенез западных бурят (VI–XIX вв.) (2005), Л. Р. Павлинская. Буряты. Очерки этнической истории (XVI–XIX вв.) (2008), Галзут Тубшиннима. История происхождения баргутов (2008).

3

глава

Эпоха нижнего и среднего палеолита

Палеолит – древнекаменный век – одна из самых продолжительных эпох в истории человечества. С учетом новейших открытий следов древнейшей орудийной деятельности на Африканском континенте начало палеолита приходится на время более двух миллионов лет назад. Если рассматривать историю человечества с позиции геологической периодизации, то начало трудовой деятельности человека, следовательно, и возникновение самого человека приходится на начало эпохи плейстоцена или даже на финал эпохи плиоцена – более 2,5 млн. лет назад (далее – л. н.). В археологической периодизации эпоха палеолита занимает временной отрезок от 2,6 млн. лет назад до 11 тыс. л. н. В последнее время появляются сообщения и о более древних находках, но все они пока находятся на стадии изучения, а не устоявшегося научного факта. Вся последующая история человечества предстает крайне маленьким временным отрезком, в сравнении с палеолитом. Эпоха палеолита также подразделяется на крупные периоды, называемые нижним, средним и верхним палеолитом. Внутри эпохи палеолита самым продолжительным был период нижнего, или раннего, палеолита. Нижнепалеолитический период начался около 2,6 млн. л. н. и продолжался до 150–130 тыс. л. н. До начала

80-х гг. XX в. конец нижнего палеолита и начало среднего большинство исследователей связывали с происхождением неандертальца в диапазоне от 130 до 150 тыс. л. н., а вместе с ним и происхождение новой, мустьерской, культуры, знаменующей начало среднего палеолита. Сегодня эта концепция подвергается критике и пересмотру, поскольку найдены останки древнейших людей современного типа в слоях, датированных от 160 до 195 тыс. л. н. В слоях, содержащих кости древнейшего *homo sapiens*, найдены и каменные орудия определенные как среднепалеолитические. Древнейшие свидетельства как происхождения ранних людей, так и происхождения человека современного типа связаны с Африкой, а что касается Азии, то неоднократно выдвигались различные идеи об азиатской прародине человечества, но на сегодняшний день бесспорных местонахождений человека в Азии возрастом более 1,5 млн. лет не обнаружено. В связи с этим большинство исследователей придерживаются концепции африканской прародины человечества. Около 2–1,8 млн. л. н. человеческие популяции, населявшие Африканский континент, начали мигрировать за пределы Африки. Первоначальной зоной освоения новых пространств для древнейшего человека, получившего наименование *homo erectus*, стал

Рис. 1. Карта расположения памятников палеолита Бурятии

Ближний Восток. Дальнейшие пути продвижения человеческих популяций, по всей видимости, разделились. Одна волна переселенцев двинулась вдоль побережья Индийского океана, и впоследствии ими были заселены Юго-Восточная Азия и острова Индонезийского архипелага. Одним из ярких представителей этой волны переселенцев был яванский питекантроп (впоследствии получивший видовое название *homo erectus*), открытый еще в конце XIX в. Эженом Дюбуа.

Вторая волна переселенцев стала обходить великие горные системы Средней Азии с севера. Следы этих мигрантов в виде каменных орудий, оставленных на стоянках, найдены археологами в Казахстане и предгорьях Памира.

Долгое время вопрос о заселении Восточной Сибири и Забайкалья в эпоху нижнего палеолита оставался открытым. Только в последней четверти XX в. появились сообщения о стоянках большой

древности на территории Северо-Восточной Азии и Восточной Сибири. Одна из крупнейших стоянок этого времени, обнаруженная в Якутии, носит название Диринг-Юрях¹. Сразу же после открытия памятника в научных кругах разгорелся спор о его возрасте. Мнения исследователей о возрасте стоянки, основанные на различных способах доказательств, разделились: выдвинуты предположения о 2 млн. лет и о возрасте в диапазоне от 300 до 400 тыс. л. н. Не вдаваясь в проблемы датирования Диринг-Юряха, можно с уверенностью сказать, что в любом случае эта стоянка относится к эпохе нижнего палеолита. В дальнейшем были обнаружены следы пребывания человека нижнего палеолита в Иркутской области. На местонахождении Георгиевское-1,

¹ Мочанов Ю. А. Древнейший палеолит Диринга и проблема внутротропической прародины человечества. – Новосибирск: Наука, 1992. – 254 с.

Рис. 2. Южные отроги горы Хэнгэрэктэ – здесь обнаружены местонахождения нижнего, среднего и верхнего палеолита

Рис. 3. Нуклеус для получения отщепов способом расщепления «от ребра»

Рис. 5. Скребло на отщепе

Рис. 4. Скребло на отщепе

Рис. 6. Рубящее орудие на крупном отщепе

расположенном недалеко от известного памятника верхнего палеолита Мальта, найдены артефакты нижнего палеолита, залегающие в геологических отложениях. Среди артефактов, обнаруженных в ходе раскопок на местонахождении Георгиевское-1, присутствуют типичные для нижнего палеолита орудия – чопперы (окатанные камни с лезвием, образованным несколькими ударами в одном направлении, т. е. камень оббит только с одной стороны) и орудия на крупных отщепах.

В Монголии также обнаружены археологические местонахождения, датируемые нижним палеолитом.

3.1. Нижний палеолит

Учитывая, что на юге от Бурятии, в Монголии, а также на севере, в Иркутской области, и на северо-востоке, в Якутии, зафиксированы археологические объекты, датируемые нижним палеолитом, можно было предположить наличие таких стоянок и в самой Бурятии. Тем не менее только в начале 90-х гг. прошлого века археологом Михаилом Мещериным, работавшим тогда в Чите, было сделано первое заявление о находках материалов такой древности в Забайкалье. Археологические материалы, предположительно датированные возрастом около 200–300 тыс. л. н., найдены на берегах небольшой речки Гыршелунки в Забайкальском крае. Среди находок, собранных на поверхности земли, отмечаются орудия, типичные для раннего палеолита, – скребла и ножи на крупных долечных отщепах, чопперы и колуны (продолговатые камни с лезвием на одном конце). Если раньше археологи могли говорить о случайных находках единичных орудий, имевших облик изделий, типичных для нижнего палеолита, то теперь был выявлен целый комплекс таких изделий. При этом оставалось много проблем в определении возраста находок и образа жизни людей, изготовивших найденные каменные орудия. Основная проблема заключалась в том, что все находки были подняты с современной поверхности, а не обнаружены в геологических отложениях. Если бы каменные артефакты были найдены в геологических отложениях, то тогда можно было бы установить хотя бы время их последнего переотложения. Если бы удалось найти артефакты в тех геологических отложениях, которые формировались в ту же эпоху, когда здесь обитали люди, то исследователи смогли бы ответить не только на вопрос о возрасте находок, но и о характере окружающей среды, в которой

обитали люди, изготовившие артефакты. Поэтому Михаил Мещерин предложил «осторожное» определение возраста своих находок поздним этапом нижнего палеолита.

В 2000 г. В. И. Ташаком начаты исследования комплекса археологических местонахождений на отрогах г. Хэнгэрэктэ в Хоринском районе Республики Бурятии (рис. 2). Уже на первом году изысканий в данном районе были обнаружены каменные орудия, типичные для нижнего палеолита¹. Большинство орудий изготавливалось на крупных отщепах, сколотых с различных нуклеусов. Значительную роль в расщеплении каменного сырья играл способ расщепления «от ребра» (рис. 3). Среди орудийного набора следует отметить выразительную серию чоппингов – рубящих орудий с овальным лезвием, оформленным сколами, снимавшимися вдоль одной линии, но, в отличие от чоппера, направленными на разные поверхности камня. Лезвие у таких орудий получалось волнистым. Находки со склонов г. Хэнгэрэктэ отличались от очень древних орудий подобного типа, найденных на стоянках Африки, тем, что сколы, которыми оформлялись лезвия, были не очень крупными и поэтому лезвия получались более ровными, чем у древнейших африканских находок. Кроме этого здесь были найдены изделия, подобные чоппингам по характеру подготовки лезвия, но сами артефакты были изготовлены на крупных массивных отщепах. Классический чоппинг, так же как и чоппер, изготавливался из окатанной речной гальки или крупного каменного желвака. Кроме чоппингов на склонах Хэнгэрэктэ найдены крупные скребла на массивных отщепах (рис. 4, 5), пикообразные орудия (продолговатые камни с приостренным концом), колуны – камни и очень крупные отщепы, подработанные таким образом, что напоминают современный топор (рис. 6). Поверхность некоторых артефактов дефлирована (подверглась разрушениям в силу различных природных причин), и поэтому на них следы обработки человеком различаются с трудом. Примечательно, что в ходе раскопок на местонахождении Барун-Алан-1 в слое, датированном около 40 тыс. лет, найдено несколько предметов, поверхность которых очень сильно дефлирована. Это говорит о том, что

¹ Ташак В. И. Элементы нижнего палеолита в каменной индустрии аланских стоянок // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: мат-лы Всерос. науч. конф. – Омск: Омский гос. ун-т, 2004. – С. 145–147.

верхнепалеолитическое население долин рек Алан и Она в период между 30 и 40 тысячами лет назад находило каменные орудия, которые уже в то время были очень древними. Люди верхнего палеолита найденные древние орудия использовали как обычное каменное сырье, из них делали новые орудия или расщепляли на различные сколы, необходимые при производстве орудий.

Корреляции археологических материалов, собранных на склонах Хэнгэрэктэ, с материалами местонахождений сопредельных территорий показывают, что ближайшие аналогии забайкальским материалам обнаруживаются в древних стоянках Монголии. В Монголии российскими и монгольскими археологами открыто большое количество палеолитических местонахождений, среди которых немало относящихся к раннему палеолиту. Одним из интереснейших памятников археологии Монголии является пещера Цаган Агуй, в которой люди селись в течение многих десятков и даже сотен тысяч лет¹. Древнейшие слои в пещере, содержащие каменные орудия человека, датированы возрастом не менее чем 500 тыс. л. н. Сравнение находок со склонов г. Хэнгэрэктэ в Забайкалье и из монгольской пещеры Цаган Агуй показывает, что в этих местонахождениях много похожих орудий, изготовленных из очень крупных отщепов и осколков камней удлиненной угловатой формы. Также здесь отмечаются угловатые орудия с бифасиальной (обработаны обе плоские поверхности) обработкой. Учитывая большую схожесть целой серии находок со склонов г. Хэнгэрэктэ с находками нижних слоев пещеры Цаган Агуй, можно предполагать, что они синхронны или близки по времени, т. е. наиболее древние артефакты г. Хэнгэрэктэ, вероятно, были изготовлены в диапазоне от 500 до 300 тыс. лет назад.

Следует обратить внимание на еще один общий элемент, присущий стоянкам г. Хэнгэрэктэ и многослойной стоянке в Цаган Агуй. Все стоянки г. Хэнгэрэктэ связаны с площадками, расположенными высоко на склонах горы. Многие стоянки располагались на площадках под скальными стенками, т. е. относятся к так называемым скальным убежищам. Но в хребте Хомские Гольцы, частью которого является гора Хэнгэрэктэ, коренные породы

представлены сиенитами и гранитами, в которых немногочисленны даже гроты, не говоря о полноценных пещерах. С другой стороны, площадка на склоне каньона в Монголии ограничена известняковой скалой, в которой и образовалась пещера Цаган Агуй. Примечательно, что места для данных стоянок в Монголии и Забайкалье выбирались в непосредственной близости с выходами на поверхность каменного сырья, пригодного для производства орудий. В дальнейшем этот фактор продолжал играть немаловажную роль. Это видно потому, что люди продолжали селиться в данных местах в течение многих тысячелетий до финала палеолита.

Значительное сходство артефактов г. Хэнгэрэктэ обнаруживается не только с артефактами Монголии, но и более далеких районов Восточной Азии. Например, значительное число орудий из долины Алана изготавливалось на коротких и широких отщепах с крупными ударными площадками, а также на отщепах прямоугольной и треугольной формы. Такие орудия хорошо представлены на древней стоянке Джоукоудянь-15² и многих других стоянок этого всемирно известного местонахождения, расположенного недалеко от Пекина.

Такое сходство орудийного набора стоянок на востоке Китая, в центре Монголии и в Западном Забайкалье указывает на определенное единство путей развития древнейших археологических культур на данной обширной территории. Указанное единство могло быть обусловлено тем, что данная территория была заселена потомками тех, кто мигрировал сюда из Африки еще в нижнем плейстоцене. Останки этих людей впервые были обнаружены в Джоукоудяне – это был человек прямоходящий (*homo erectus*), первоначально древнейшие люди, найденные возле Пекина, получили название «синантроп». *Homo erectus*, мигрируя из Африки на восток, в центр и на север Азии, принес с собой древнейшую галечную культуру с чопперами, чоппингами, колунами и скреблами на крупных широких отщепах. Около 500 тыс. л. н. в этом однообразии артефактов Центральной и Восточной Азии появляются новшества – бифасиально обработанные орудия, похожие на рубила, распространенные в Африке, Европе, на Ближнем Востоке. По мнению академика А. П. Деревянко, новый тип орудий появился в Монголии с новой волной ми-

¹ Деревянко А. П., Олсен Д., Цэвээндорж Д., Кривошапкин А. И., Пегрин В. Т., Брантингхэм П. Д. Многослойная пещерная стоянка Цаган-Агуй в Гобийском Алтае (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1. – С. 23–36.

² Гао Син. Расщепление нуклеусов местонахождения Чжоукоудянь-15 // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3. – С. 2–12.

грантов с Запада, несших с собой ашельскую культурную традицию. Новые мигранты шли из Африки через Ближний Восток и Казахстан¹.

В Бурятии бифасиально обработанных орудий, относящихся к эпохе нижнего палеолита, единицы, а орудия, которые можно было бы отнести к категории рубил, пока здесь неизвестны. Несмотря на то, что изучение нижнего палеолита на территории Забайкалья только начинается, можно предполагать, что мигранты ашельского времени направлялись на территорию современной Монголии и в незначительной степени повлияли на развитие материальной культуры нижнепалеолитического населения Забайкалья.

В 2000 г. под руководством Л. В. Лбовой начато археологическое изучение известного ранее геологического разреза Засухино в Прибайкальском районе Бурятии. Этот объект оказался интересен в связи с тем, что здесь были обнаружены кости плейстоценовых животных, встречающихся на северо-востоке Китая. Например, в слоях стоянки Засухино обнаружены кости так называемой саньмэньской лошади, широко распространенной в Китае. По результатам работ были опубликованы данные о находках артефактов в геологических отложениях возрастом около 800 тыс. л. н.² Артефакты типичны для нижнего палеолита – чоппер, скребла и др. Часть костей из стоянки Засухино могли оказаться в геологических слоях в результате охоты человека.

На северо-востоке Китая выявлена целая серия различных местонахождений с подобным набором фауны. В геологических слоях ряда этих местонахождений обнаружены каменные артефакты и даже кости древнего человека. Учитывая, что окружающая среда и животный мир в конце нижнего плейстоцена были во многом схожи как на северо-востоке Китая, так и в Западном Забайкалье, можно получить дополнительные данные об образе жизни древнейшего населения Бурятии.

Очень интересна в этом плане пещерная стоянка древнего человека Ситяньцунь: здесь китайскими исследователями обнаружены многочисленные

кости животных, в т. ч. саньмэньская лошадь, носорог Мерка, гигантский олень. Здесь же, в слое возрастом около 260 тыс. л. н., найдены человеческие кости. Кроме костей в слое найдены каменные орудия, зола и следы древних кострищ. Многие кости, найденные на стоянке, разбиты с целью добычи костного мозга.

Древнейшие слои с артефактами из раскопанных на стоянках г. Хэнгэрэктэ датированы с помощью термолуминесцентного метода возрастом около 400 тыс. л. н. Это позволяет относить ряд находок раннепалеолитического облика к позднему этапу нижнего палеолита, также рассматривать их как функционировавших в едином культурном пространстве от Забайкалья и Монголии до Северо-Восточного Китая. На данной территории развивалась культура первых мигрантов из Африки (*homo erectus*). Их потомки, населявшие Бурятию в конце раннего палеолита, охотились на лошадей, оленей, возможно и на носорога. Им уже был известен огонь, который разжигался на местах поселений и служил для самых разнообразных целей: обогрева в холодное время года и суток, приготовления пищи. Вполне вероятно, что древнейшие жители Бурятии обжигали концы ровных толстых веток для их заострения и изготовления из них копий. Копья такого возраста были найдены в торфяных отложениях Западной Европы. По косвенным данным можно предполагать, что люди, населяющие территории с сезонными климатическими изменениями (зима – лето), должны были изготавливать себе одежду из шкур животных. Это мнение подтверждается большим количеством скребел, предназначенных для обработки шкур, среди нижнепалеолитических находок. Еще одна интересная деталь зафиксирована в слоях китайской стоянки Ситяньцунь: множество костей человека, найденных здесь, были разбиты так же, как и кости животных. Такие находки являются свидетельством каннибализма. Но был ли это ритуальный каннибализм или население пещеры охотилось на людей из других групп, так же как и на животных, с целью добычи мяса? Сейчас на эти вопросы ответить сложно. Возможно, что проявления каннибализма были спорадическими и имели место только в голодное время.

Таким образом, в конце нижнего палеолита человек прямоходящий заселил обширные территории Центральной, Восточной и Северо-Восточной Азии. Современные данные позволяют говорить о заселении территории Бурятии человеком в период от 800 до 500 тыс. л. н.

¹ Деревянко А. П. Три сценария перехода от среднего к верхнему палеолиту // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 4. – С. 2–38.

² Лбова Л. В., Резанов И. Н., Калмыков Н. П., Коломиец В. Л., Дергачева М. И., Феденева Н. В., Вашукевич Н. В., Волков П. В., Савинова В. В., Базаров Б. А., Намсараев Д. В. Природная среда и человек в неоплейстоцене (Западное Забайкалье и Юго-Восточное Прибайкалье). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. – 208 с.

Рис. 7. Леваллуазский нуклеус

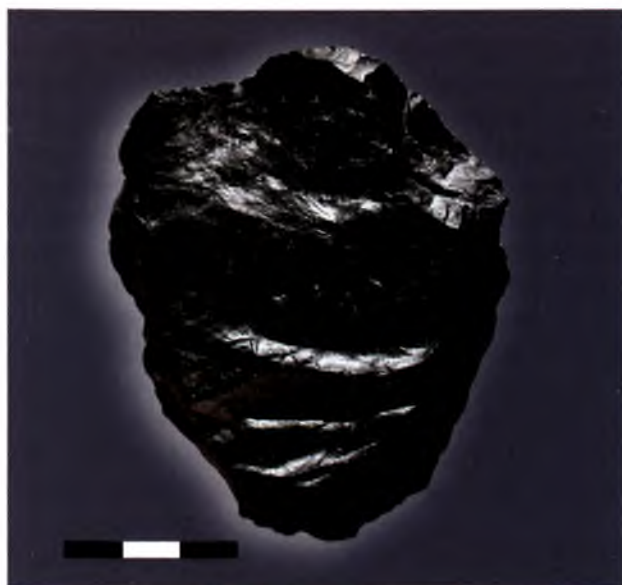

Рис. 8. Леваллуазский нуклеус

Рис. 9. Нож, изготовленный из леваллуазского отщипа

3.2. Средний палеолит

Начало эпохи среднего палеолита, как уже было указано, долгое время соотносили с появлением около 150–130 тыс. л. н. нового типа челове-

ка – неандертальца, которого и считали предшественником современного человека в эволюционном ряду. За 80-е и 90-е гг. XX в., а также за первое десятилетие XXI в. эта концепция подверглась пересмотру, и в настоящее время у нее мало сторонников. По новым данным, неандертальца рассматривают не как предка современного человека, а как самостоятельную ветвь человеческого рода,

сосуществовавшую с современным человеком на определенном промежутке времени и затем исчезнувшую (вымершую). Появление неандертальского человека, так же как и современного, происходит примерно в одно время, около 200 тыс. л. н. – это время начинают рассматривать как начало среднего палеолита. В дальнейшем неандертальцы активно осваивали приледниковую зону в Западной и Восточной Европе, а также на западе Азии. Человек современного типа позже проникает в приледниковую зону Европы, но быстро вытесняет неандертальца из всех обжитых им районов. Наиболее восточные находки останков неандертальца зафиксированы на Алтае. В Восточной Сибири, Забайкалье и Монголии антропологический тип человека, населявшего эти территории в эпоху среднего палеолита, неизвестен.

По мнению А. П. Деревянко¹, материальная культура среднего палеолита на территории Алтая и Монголии сформировалась на местной основе, развивавшейся со времени миграции сюда носителей леваллуа-ашельской традиции, т.е. на позднем этапе нижнего палеолита.

Непосредственно на территории Бурятии археологические памятники среднего палеолита не были известны до 90-х гг. XX в., и первые сведения о материалах такого возраста появляются почти одновременно с первыми упоминаниями о материалах нижнего палеолита. В начале 90-х гг. XX в. В. И. Ташаком открыто археологическое местонахождение, названное Ирэн-Хада-1², которое по набору артефактов предварительно можно отнести к финалу среднего палеолита. Памятник расположен в Хоринском районе Республики Бурятия по левобережью р. Оны, на присклоновом шлейфе южной экспозиции г. Ирэн-Хада. Археологический материал этого местонахождения переотложен в процессе подвижек грунта по склону. Поверхность каменных артефактов дефлирована. Возраст третьего литологического слоя местонахождения Ирэн-Хада-1, содержащего палеолитические материалы, был определен методом термолюминесцентного датирования в 41 тыс. \pm 3,5 тыс. л. н. (ИГ-284). Если пред-

положить, что указанная дата близка к реальному возрасту слоя 3, то археологический материал, содержащийся в нем, должен быть несколько древнее. Такой вывод напрашивается по той причине, что все артефакты из слоя имеют некоторую степень заветренности и патинизации, из-за того что какое-то продолжительное время находились на поверхности. В орудийном наборе Ирэн-Хады преобладают среднепалеолитические типы: остроконечник, скребла на отщепках, зубчато-выемчатые изделия.

Еще один участок, перспективный в области исследований объектов среднего палеолита, был выявлен в 20 км южнее Ирэн-Хады-1, на правом берегу нижнего течения р. Оны. Объект получил наименование Хотык – по названию одноименной горы на правобережье Оны, у южного подножия которой он находится. Руководитель исследований на данном археологическом объекте Л. В. Лбова³ определила археологические материалы, залегающие в нижних стратиграфических подразделениях (уровни 4, 5 и 6), как среднепалеолитические. Возраст 4-го уровня, в котором залежали материалы, был определен началом зырянского похолодания, что совпадает с началом вюрмского оледенения по европейской хроностратиграфической шкале. На основании данных термолюминесцентного датирования возраст культуросодержащего горизонта оценивается как раннезырянский, в пределах 63–70 тыс. л. н. Для 5 и 6 уровней приводятся даты от 80 до 100 тыс. л. н., т.е. появление индустрии данного типа в долине Оны происходит до начала последнего большого континентального оледенения.

Еще один локальный район содержит несколько объектов с археологическими материалами среднего палеолита – это уже известная гора Хэнгэрэктэ и ее отроги, которая располагается на стыке долин Алана и Оны, в 10 км юго-западнее Ирэн-Хады-1 и в 12 км прямо на север от Хотыка. На склонах и склоновых площадках г. Хэнгэрэктэ начиная с 2000 г. В. И. Ташаком выявлено несколько среднепалеолитических стоянок. Среди них такие крупные местонахождения, как Хэнгэр-Тын-2, Хэнгэр-Тын Скальная, Хэнгэрэктэ-мастерская на склоне. На еще нескольких местонахождениях отмечаются смешанные среднепалеолитические и верхнепалеолитические материалы. Данные термолюминесцентного анализа для различных местонахождений показали, что возраст археологических стоянок среднего

¹ Деревянко А. П. Три сценария перехода от среднего к верхнему палеолиту // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 4. – С. 2–38.

² Ташак В. И. Комплекс палеолитических местонахождений Ирэн-Хада // Палеоэкология человека Байкальской Азии (путеводитель к полевым экскурсиям). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – С. 55–61.

³ Лбова Л. В. и др. При... – 208 с.

палеолита укладывается в рамки от 60 до 115 тыс. л. н. По материалам стоянок г. Хэнгэрэктэ видно, что значительная часть орудий оформлялась на сколах, полученных с ортогональных (бессистемных) и радиальных нуклеусов, которые появляются еще в нижнем палеолите. Кроме них здесь много грубо-призматических нуклеусов, с которых скалывались крупные продолговатые отщепы. Вместе с тем на среднепалеолитических стоянках г. Хэнгэрэктэ появляется новшество – леваллуазское расщепление и все связанное с этой технологией: леваллуазские нуклеусы (рис. 7, 8) и отщепы, а также орудия, изготовленные из них (рис. 9). При этом следует отметить, что в поздних слоях среднего палеолита от 70 до 50 тыс. л. н. леваллуазское расщепление предстает в «классическом» варианте – тщательно подготовленные нуклеусы для «одного скалывания» и полученные с них овальные продолговатые отщепы. В классическом понимании леваллуазский нуклеус (ядро или заготовка) подготавливался древним мастером таким образом, чтобы получить при его расщеплении один скол строго определенной формы, из которого будет изготовлено орудие. После того как скол получен, мастеру необходимо было переоформить нуклеус для получения нового скола или выбросить его, поскольку дальнейшее расщепление в заданной системе становилось невозможным. Такое расщепление позволяло получать штучные изделия, но было трудоемким и не годилось для массового производства. Возможно, именно поэтому появляется еще один способ расщепления леваллуазских ядрищ, основанный на скалывании заготовок не по центру нуклеуса, а с небольшим смещением на край (асимметричные). Тогда появлялась возможность сделать еще одно скалывание, сместив процесс расщепления на другой край.

Корреляции среднепалеолитических материалов г. Хэнгэрэктэ с материалами сопредельных территорий показывают, что на формирование среднепалеолитических культур в Бурятии значительное влияние оказали монгольские среднепалеолитические культуры. Так, например, на склонах хребта Арц-Богдо в Монголии археологами из Новосибирска выявлены нуклеусы с асимметричным леваллуазским расщеплением, а в стоянке пещеры Чихэн найдена серия «классических» леваллуазских нуклеусов.

Не на всех стоянках Бурятии прослеживается влияние «классического» и «асимметричного» леваллуа, что указывает на привнесенность этих ин-

дустриальных направлений. Когда происходит это привнесение, на основе современных данных сказать трудно, поскольку на Ирэн-Хаде-1, Хотыке и на местонахождениях г. Хэнгэрэктэ установлен возраст до 100–115 тыс. л. н. С учетом того, что, по мнению А. П. Деревянко, среднепалеолитические традиции на монгольской территории начинают развиваться не позднее чем 200 тыс. л. н., получается, что временной отрезок почти в 100 тыс. лет для территории Бурятии остается неизученным, поскольку археологические данные, характеризующие этот диапазон времени, еще не известны.

На основании изучения известных среднепалеолитических памятников Забайкалья видно, что люди, населявшие данную территорию от 100 до 50 тыс. л. н., для долгосрочных поселений выбирали места вблизи крупных месторождений сырья, необходимого для производства орудий, у подножия горных склонов, на склоновых площадках под скалами. Обживались в первую очередь те площадки, которые были прикрыты с севера скалой или склоном горы и открыты на юг. Как правило, места расположения стоянок были удобны для наблюдения за местностью, поскольку располагались всегда выше долин рек. Такое расположение стоянки позволяло наблюдать за пасущимися в долине копытными животными и планировать организацию охоты на них.

Стремление палеолитического человека селиться в горных отрогах было вызвано еще и тем, что здесь много распадков и небольших долин, в которых удобно устраивать загонную или засадную охоту. Основным охотничьим оружием, по всей видимости, были деревянные копья с заостренными концами. Но вполне возможно, что некоторые копья снабжались каменными наконечниками. Эту мысль подтверждает находка крупного наконечника из камня на многослойной стоянке Барун-Алан-1, в слое возрастом от 50 до 70 тыс. лет. У наконечника треугольной продолговатой формы специально подготовлен черешок (насад) – место для крепления наконечника к древку. Вполне возможно, что копье с таким наконечником не предназначалось для метания, а использовалось как рогатина, для колющего удара.

В эпоху среднего палеолита значительно уменьшается доля крупных примитивных орудий типа чопперов и чоппингов. Их место занимают орудия на отщепах и продолговатых сколах (пластинах). Значительно увеличивается количество скребел и ножей для резания шкур и мяса. В эпоху нижнего

Рис. 10. Рога дзеренов

палеолита также резали мясо и обрабатывали шкуры, но в то время орудийный набор был небольшой и многие орудия использовались как многофункциональные. В среднем палеолите развивается орудийная специализация. Ножи изготавливают на продолговатых и тонких отщепах или пластинах. Для изготовления скребел используют угловатые или овальные отщепы, массивные в сечении. Появляются специализированные орудия для обработки дерева, например скобели. В эпоху среднего палеолита начинается активное использование костяного сырья для изготовления орудий. В это время еще не были развиты навыки пиления, резания и шлифовки кости и поэтому кости животных, так же как и каменное сырье, оббивались для придания им нужной формы. Такое орудие найдено в нижних слоях Барун-Алана-1.

В эпоху среднего палеолита начинают проявляться различные направления в развитии материальной культуры. Как уже было сказано, на некоторых местонахождениях найдено значительное число артефактов, относящихся к леваллуазской традиции. К таким местонахождениям относятся Хэнгэр-Тын-2, нижние уровни Барун-Алана-1, Хэнгэр-Тын Скальная. А вот на Ирэн-Хаде-1 нет предметов, связанных с леваллуазской традицией.

Большая часть известных сегодня среднепалеолитических памятников Бурятии (их пока еще единицы) относятся к поздней фазе среднего палеолита (70–45 тыс. л. н.) или к началу зырянского похолодания. Это время характеризуется усилением засушливости и увеличением открытых степных и луговых пространств, на которых обитали различные антилопы (дзерен, винторогая, сайгак), лошади, бизоны. Горные районы были покрыты лесом, где обитали олени и другие лесные животные.

При выборе объектов охоты среднепалеолитические люди предпочитали – степных животных. Так, в слоях финальной стадии среднего палеолита и начала верхнего палеолита на Барун-Алане-1 преобладают кости дзерена (рис. 10). В большом количестве кости этой степной антилопы найдены в соответствующих слоях стоянки Хотык.

Около 50 тыс. л. н. в Забайкалье начинают развиваться те технологии обработки каменного сырья и появляются те типы орудий, которые станут основными уже в эпоху верхнего палеолита. Но развитие это было, по всей видимости, вызвано новой волной переселенцев с запада и юго-запада. В это время в Забайкалье становится сильным влияние культуры, основанной на производстве орудий из продолговатых сколов (пластин).

4

глава

Верхний палеолит

Эпоха верхнего палеолита начиная с конца XIX в. – времени становления археологии палеолита традиционно связывалась с появлением человека современного физического типа. Такое мнение было преобладающим в течение почти всего XX века. Само появление человека современного типа, согласно научным концепциям того времени, приходилось на период между 40 и 30 тыс. л. н. В последние десятилетия XX в., благодаря новым антропологическим открытиям, стало ясно, что человек современного физического облика появился не позднее 160 тыс. л. н. и связывать с ним изменения в технике производства орудий и в культуре, имевшие место в верхнем палеолите, неправомерно. Кроме этого, в конце XX в. значительно расширился диапазон методов датирования археологических объектов и усовершенствованы ранее известные. В результате выяснилось: ряд археологических объектов древнее, чем считалось до сих пор. На основании комплексного изучения археологических объектов каменного века и новых методов датирования было установлено, что некоторые древние стоянки, относимые ко времени верхнего палеолита (30–40 тыс. л. н.), согласно внешнему виду археоло-

гических материалов, на самом деле значительно древнее (в ряде случаев более 100 тыс. л. н.). Вместе с тем эти древние стоянки с чертами верхнего палеолита разрознены, единичны и повсеместно, где они встречены, им на смену приходят более примитивные по внешнему виду культуры. Эти «всплески» верхнепалеолитической культуры в эпоху среднего и даже нижнего палеолита не получили продолжения. Существует несколько предположений и вариантов ответов на вопрос: «почему так произошло?», но в настоящее время все они существуют на уровне рабочих гипотез. Несмотря на столь ранние проявления верхнего палеолита, глобальная верхнепалеолитическая перестройка, или «верхнепалеолитическая революция» – широко используемый в современной археологической литературе термин, начинается примерно в том временном диапазоне, который был определен еще в начале XX в. Не во всех регионах этот процесс происходит одновременно: в некоторых местах самые ранние верхнепалеолитические стоянки функционировали в диапазоне от 50 до 40 тыс. л. н.; в других районах Земли верхнепалеолитические культуры появляются позднее.

4.1. Развитие взглядов на верхний палеолит Забайкалья

Первые сборы орудий древнейшей поры каменного века – палеолита в Забайкалье происходят еще в конце XIX в. Первым, кто систематически производил такие сборы археологических материалов каменного века в Западном Забайкалье (на современной территории Республики Бурятия), был А. П. Мостиц¹. Он собирал различные артефакты на юге Селенгинской Даурии, в первую очередь по берегам рек Селенга и Чикой, и он же впервые указал на то, что в подъемных сборах наблюдаются различные предметы, а некоторые из этих предметов относятся к каменному веку.

Все же А. П. Мостиц еще не говорит о палеолите в исследуемом районе, хотя именно с открытия стоянки Военный госпиталь в г. Иркутске в 1871 г. принято считать начало изучения палеолита не только в Сибири, но и в целом в России. Причин этому несколько, и в первую очередь отсутствие известных стоянок с археологическими материалами, залегающими в геологических слоях, что затрудняло датирование каменных находок. В то время о возрасте каменного века Забайкалья высказался В. В. Птицын², совершавший в конце 80-х гг. XIX в. свои экскурсии по Западному Забайкалью, в которых его сопровождал А. П. Мостиц. Он наряду с наблюдениями за жизнью и бытом местного населения проводил археологические изыскания. По мнению В. В. Птицына, в долине р. Селенги, где были проведены основные сборы археологического материала, не было находок большой древности: «Мамонт едва ли был современником доисторического человека каменного периода долины р. Селенги, в противном случае сохранились бы поделки из мамонтовой кости, превосходно поддающиеся выделке». В своих публикациях В. В. Птицын сравнивает находки с берегов Селенги с находками неолитического времени в европейской части России и делает заключение о сходности их возраста и большей примитивности забайкальских находок.

¹ Мостиц А. П. Археологические находки в окрестностях слободы Усть-Кяхты // Протоколы общего собрания ТКОПОИРГО. – 1894. – № 3. – С. 10–18.

² Птицын В. В. Селенгинская Даурия: очерки Забайкальского края. – СПб., 1896.

Первым, кто определенно заявил о палеолите в регионе, был археолог Г. П. Сосновский³. В 1928–1929 гг. он возглавлял археологическую экспедицию в Забайкалье. Одной из работ, написанных по результатам этой экспедиции, была статья, опубликованная в 1933 г. под названием «Следы пребывания палеолитического человека в Забайкалье», где исследователь указал на основные черты забайкальского палеолита. Ведущими формами орудий в палеолите Забайкалья определялись изделия, характерные и для палеолита Сибири – массивные скребла, архаические по облику и, как правило, изготовленные из крупных сколов с галечного сырья или из расколотых галек, крупные пластины, остроконечники, галечные нуклеусы, нуклеусы-скребки. Кроме этого Г. П. Сосновский создает первую карту палеолитических местонахождений Западного Забайкалья, по которой видно, что большая их часть сосредоточена в долинах рек Селенга и Чикой. Позже Г. П. Сосновский разработал схему палеолита Южной Сибири, в которую был включен палеолит Забайкалья. В этой схеме забайкальский палеолит определен как наиболее молодой среди сибирских палеолитических памятников. Все местонахождения отнесены «к начальной фазе послеледниковой эпохи», что по времени соответствовало азийскому периоду в Европе. Другими словами, палеолит Забайкалья считался очень поздним и рассматривался как последний период перед неолитом (новым каменным веком).

В дальнейшем разработки Г. П. Сосновского были поддержаны и детально разработаны академиком А. П. Окладниковым. Согласно разрабатываемой концепции, А. П. Окладников видел своеобразие в палеолите Забайкалья, как и всей Восточной Сибири, заключающееся в «особом» пути развития, с сохранением леваллуазских традиций и выраженной тенденцией к макролитизации орудий. Наиболее яркие черты этого пути развития палеолита Сибири и Забайкалья виделись в следующем: «сочетание типичной для верхнего палеолита Запада техники изготовления каменных орудий из пластин, снятых с призматического нуклеуса с иной техникой, со способом изготовления их не из пластин, а из целых или расколотых галек». В этой схеме палеолит Забайкалья представлен как одновариантное явление в плане развития культуры.

³ Сосновский Г. П. Следы пребывания палеолитического человека в Забайкалье // Тр. комис. по изуч. четвертич. периода. – Т. III. – Вып. 1. – М.: АН СССР, 1933. – С. 23–40.

Исходя из таких выводов, следовало рассматривать Восточную Сибирь и Забайкалье как территории, на которых в эпоху палеолита обитали родственные общности людей, культура которых развивалась в едином русле, с сохранением в течение десятков тысячелетий определенных типов орудийного набора, игравших роль ведущих форм и определяющих облик, в частности, забайкальско-го палеолита. Наряду с ними возникают некоторые новые типы орудий, что и определяет постепенное развитие палеолита Забайкалья в рамках единой культуры. Такой взгляд укладывался в рамки преобладающей, особенно в середине XX в., концепции стадийности общественно-экономического развития.

Немаловажную роль в развитии этой точки зрения сыграла концепция Х. Мовиуса, который на основании материалов и данных, полученных в 1-й половине XX в. для раннего палеолита, выделил 2 большие археологические зоны. Одна зона охватывала Европу, Северную Африку и на восток до Индии, восточнее этой зоны располагалась вторая зона. Для первой зоны, согласно Мовиусу, было характерно производство ручных рубил, известных большинству читателей еще со школьных времен. Обитатели второй зоны рубил не изготавливали, они пользовались чопперами – окатанными камнями, оббитыми таким образом, что на одном краю камня образовывалось неровное грубое лезвие. Именно подобные орудия, согласно А. П. Окладникову¹, продолжали существовать в Восточной Сибири и Забайкалье в верхнем палеолите. Конечно, эти орудия усовершенствовались – лезвие стало ровным и тщательно обработанным, если орудие изготавливалось как рубящее или режущее, если из камня изготавливали скребло, то его рабочая часть тоже тщательно обрабатывалась, но основная идея изготовления орудий из целого камня сохранилась с древнейших времен.

В археологии есть примеры, когда значительная часть каменных орудий изготавливается из целого камня на позднем этапе палеолита. Например, хоабинская культура Юго-Восточной Азии содержит большое количество таких орудий.

В рамках концепции, разрабатываемой А. П. Окладниковым, такой археологический памятник,

как Мальта, расположенный на берегах р. Белая в Иркутской области, выглядел совершенно инородным. Сам памятник, открытый М. М. Герасимовым в 1929 г., подробно описан А. П. Окладниковым в 1-м томе «Истории Сибири», наряду с почти идентичной палеолитической стоянкой Буреть, расположенной на правом берегу р. Ангара, открытой А. П. Окладниковым в 30-е гг. XX в. В каменной индустрии Мальтинской стоянки фиксировалось большое количество изделий из тонких ножевидных пластинок, что было характерно для палеолита Европы, а не Восточной Сибири. Кроме этого в культурном горизонте Мальты и Бурети найдено большое количество мелких скульптурных изделий, в т. ч., так называемых «палеолитических венер» – антропоморфных скульптурок, изображающих женщин. По количеству и разнообразию скульптурных изделий Мальта и Буреть до сих пор остаются уникальными памятниками для Сибири и Забайкалья. Анализ каменного инвентаря, скульптурных изображений людей и птиц, художественных изделий из бивня мамонта привел А. П. Окладникова к мысли, что носители культуры Мальты и Бурети мигрировали на берега Ангара из Восточной Европы².

По результатам исследований условий залегания археологических материалов и остатков древних стоянок были реконструированы условия жизни и быта древнего населения на берегах Ангара и Белой. Стоянки состояли из нескольких жилищ, расположенных вдоль берегов рек. Некоторые жилища имели углубления в основании, т. е. представляли собой полуземлянки. Каркас крыши изготавливался из костей животных и рогов северного оленя. По мнению А. П. Окладникова, этот «строительный материал» применялся древним населением потому, что в условиях ледниковья в Приангарье преобладали тундровые ландшафты, где было мало деревьев и их использование в строительстве было ограниченным. Другой тип жилищ – наземный, без углубления в землю описан М. М. Герасимовым. Округлое основание жилища было сооружено из крупных плит известняка, поставленных на ребро, верхняя часть также перекрывалась каркасом из рогов северного оленя. Вся эта конструкция укрывалась шкурами животных и укреплялась рогами северного оленя и костями крупных животных.

¹ Окладников А. П. Палеолит Забайкалья. Общий очерк // Археологический сборник. – Вып. 1. – Улан-Удэ: Бургом, 1959. – С. 2–26.

² Окладников А. П. Сибирь в древнекаменном веке. Эпоха палеолита // История Сибири. Т. 1: Древняя Сибирь. – Л., 1968. – 454 с.

Внутри жилищ по их центру располагался очаг, для которого вырывали углубление.

Население древних стоянок Мальта и Буреть вело жизнь охотников-собирателей. По остаткам костей, найденным на стоянках, можно определить, на каких животных они охотились. В первую очередь это северный олень, также здесь найдены кости мамонта и шерстистого носорога.

Обе стоянки – Мальта и Буреть в конце 60-х гг. XX в. определялись как самые древние в обширном регионе Восточной Сибири и Забайкалья с возрастом около 24 тыс. лет. Но уже в 80-е гг., в результате исследований ряда стоянок Западного Забайкалья, было установлено, что они древнее Мальты и Бурети.

4.2. Культуры раннего этапа верхнего палеолита Забайкалья

Одной из таких хорошо изученных стоянок оказалась Толбага. Этот археологический памятник находится в Забайкальском крае, на правом берегу р. Хилок, недалеко от современной поселка с железнодорожной станцией Толбага. Древнее поселение располагается в отдалении от берега реки, на поверхности подгорного шлейфа. Здесь в течение нескольких лет раскопок собрано большое количество археологических и палеонтологических материалов. Изучив археологические материалы, археолог М. В. Константинов, работающий в г. Чите, пришел к выводу, что на Толбаге представлена самостоятельная археологическая культура, которую он назвал толбагинской¹.

Важной чертой толбагинской археологической культуры было большое количество каменных орудий, изготовленных из каменных сколов удлиненных пропорций. Основная часть каменных сколов, образовывавшихся при расщеплении каменного сырья, а затем использовавшихся для изготовления орудий, в современном палеолитоведении подразделяется на две основные категории – отщепы и пластины. Исходя из размерных критериев, отщепы – это сколы, длина которых менее суммы двух показателей ширины. Пластины – это сколы, длина которых равна сумме двух показателей ширины и более. Толбагинская культура никак не укладывалась в рамки концепции А. П. Окладникова, пола-

гавшего, что для палеолита Забайкалья ведущими формами орудий на всем его протяжении остаются орудия, изготовленные из целых камней путем их оббивки, а не из каменных сколов.

В 80–90-е гг. XX в. была открыта серия археологических памятников с археологическими материалами, подобными толбагинским: Подзвонкая и Сухая падь (находятся в Кяхтинском р-не Республики Бурятия); Каменка – комплекс А и комплекс С (в Заиграевском р-не), Хотык (в Хоринском р-не). К этой же группе памятников отнесена и открытая ранее в Заиграевском районе стоянка Варварина гора. Здесь указаны только те древние поселения, которые детально изучались и на которых производились систематические раскопки.

Хотя на стоянках толбагинской культуры, как и в Мальте, обнаружено много изделий из пластин, общего в них немного. Если для Мальты характерны изделия из некрупных пластин и пластинок, то многие изделия толбагинской культуры изготавливались из крупных и нередко массивных пластин. Например, большинство орудий, найденных в Толбаге, изготовлены из пластин и их фрагментов длиной 6–8 см, а в Подзвонкой предпочтение отдавалась пластинам длиной 8–12 см. Часто встречаются изделия длиной 15 см. Самые крупные экземпляры достигают 22–25 см. Многие пластины широкие и массивные в сечении, т. е. толщиной 1–1,5 см. Даже внешне материалы толбагинской культуры выглядят архаичнее, чем изделия Мальты. Проведенные хронологические исследования, основанные на различных современных методах относительного и абсолютного датирования (при абсолютном датировании в первую очередь применялись радиоуглеродный и термолюминесцентный методы), показали, что почти все стоянки толбагинской культуры не моложе 30 тыс. лет. Вероятнее всего, Толбага функционировала около 35 тыс. лет назад. Возраст самых молодых уровней Юго-Восточного комплекса Подзвонкой – более 36 тыс. лет, а возраст Нижнего комплекса этого памятника определен в диапазоне от 42 до 44 тыс. лет². Исходя из приведенных данных, стоянки толбагинской культуры древнее Мальты на 10–20 тыс. лет и относятся к самому началу верхнего палеолита. Время функционирования археологических

¹ Константинов М. В. Каменный век восточного региона...

² Ташак В. И. Датирование верхнепалеолитического поселения Подзвонкая и начало верхнего палеолита на юге Бурятии // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии: Археология. Этнология. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – С. 25–29.

Рис. 1. Вид на местоположение верхнепалеолитического поселения Подзвонкая

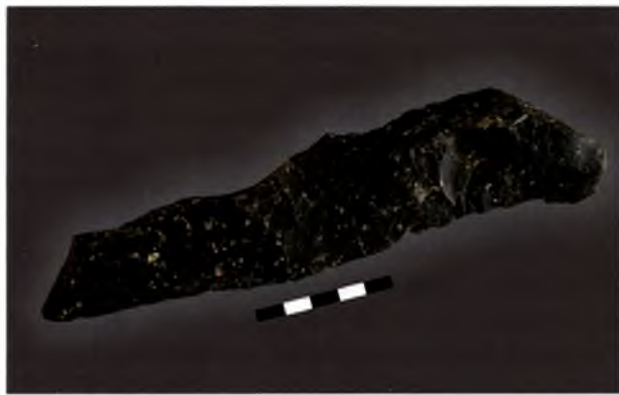

Рис. 4. Орудие на пластине – тесак. Подзвонкая, Западный комплекс

Рис. 2. Фрагмент ноги лошади, обнаруженный во время раскопок палеолитического поселения Подзвонкая

Рис. 5. Нож, изготовленный на крупной пластине. Подзвонкая, Восточный комплекс

Рис. 3. Рог винторогой антилопы. Подзвонкая, Юго-Восточный комплекс

Рис. 6. Нож-остроконечник. Подзвонкая, Нижний комплекс

культур и памятников с таким возрастом называют ранним этапом верхнего палеолита.

Как уже указывалось, при реконструкции природных условий обитания древнего населения Мальты было установлено, что жило оно в усло-

виях, похожих на тундровые, – преобладающими были степные и тундровые ландшафты, характерные для перигляциальной (приледниковой) зоны. Такие ландшафты в Южном Приангарье существовали в эпоху оледенений. По мнению исследователей, время функционирования мальтинской стоянки приходится на ранний этап сартанского оледенения, начавшегося около 25 тыс. и закончившегося около 11 тыс. л. н. Толбагинские поселения существовали в предшествующий период, который в Восточной Сибири и Забайкалье называется каргинским. Это период межледниковья с теплым климатом и ландшафтами, похожими на современные. На некоторых этапах каргинского времени климат был мягче современного, что позволяло проникать в Забайкалье широколиственной лесной растительности. Некоторые этапы были довольно холодными, как, например, конощельское похолодание около 33–30 тыс. л. н. Таким образом, климатические условия обитания мальтинцев и толбагинцев отличались.

Толбагинцы для своих стоянок выбирали, как правило, возвышенные участки на поверхности подгорных шлейфов, у подножия горных склонов. Немаловажную роль для выбора жилой площадки играла пространственная ориентация подгорного шлейфа. В подавляющем большинстве случаев стоянки располагались на шлейфах южной экспозиции, так чтобы с севера жилое пространство было закрыто горным склоном (см. рис. 1). Встречаются исключения – стоянка Сухая падь расположена на склоне западной проекции и получается открытой с северной стороны, но здесь далее на север простирается узкий распадок, по которому не проходили господствующие ветра. Выбор места стоянки у южного подножия склона для толбагинцев обуславливался выбором прогреваемого пространства, защищенного от северных ветров. Выбор участка под склоном, и нередко скалистым, обуславливался еще и соображениями безопасности. По долинам рек бродили стада первобытных бизонов и туров, здесь паслись табуны диких лошадей. Обычным обитателем этих мест был шерстистый носорог, реже встречались мамонты. Большие стада копытных и гигантские животные представляли собой немалую опасность на равнинном месте, а скалистые склоны служили неплохой защитой в случае возникновения такой опасности.

Так же как и мальтинцы, толбагинцы вели жизнь охотников-собирателей. Основными объектами охоты были степные и лесостепные животные. На

поселении Подзвонка наибольшее количество костей лошади (рис. 2), далее следуют бизон и носорог. Именно на этих животных в первую очередь и охотились жители Подзвонкой. Также здесь часто встречаются кости степной антилопы – дзерена. В настоящее время эта антилопа обитает в Монголии и встречается на самом юге Восточного Забайкалья. Объектами охоты населения Подзвонкой становились и олени. Промышляя оленей, охотникам необязательно было уходить в лес – стоянки толбагинцев в большинстве случаев располагались по бортам долин небольших горных речек, к которым олени выходили на водопой и чтобы полакомиться обильными луговыми травами на пойме. Среди экзотических вымерших животных наряду с шерстистым носорогом объектом охоты подзвонковцев была винторогая антилопа – животное, по размерам похожее на лесного оленя с прямыми рогами, по которым спиралью проходит гребень (рис. 3). В отличие от Восточной Европы и приангарских стоянок Мальта и Буреть, где кости мамонта являются обычными, в палеолитических памятниках Забайкалья кости мамонта единичны. По всей видимости, древние жители Забайкалья не охотились на это животное. Возможно, мамонт редко встречался в гористой местности Западного Забайкалья или же у древних жителей Бурятии был запрет на добычу этого животного.

В Бурятии нет таких мест, как, например, Солютре во Франции, где равнина заканчивается отвесным обрывом, к которому первобытные охотники гнали напуганные табуны лошадей. Лошади срывались с обрыва, гибли и калечились. Охотникам оставалось добить их и разделать добычу. В основе охотничьей деятельности толбагинцев была, по всей видимости, охота на одиночных животных, отставших от стада или раненых, если речь идет о крупных травоядных. Для того чтобы животное отстало от стада, его можно было из засады ранить копьем, а затем терпеливо следовать за стадом, дожидаясь, когда оно ослабеет. Могла применяться и загонная охота, объектами которой становились некрупные, как дзерен, одиночные или отставшие от стада животные. Их могли гнать в горные распадки, выход откуда был затруднен, маневр ограничен, а на скалах поджидали охотники с копьями.

Среди костей носорога, найденных на Подзвонкой, большая часть принадлежит молодым особям, найден зуб и молочного детеныша. Немало находок костей молодых лошадей и бизонов, что тоже ха-

рактирует выбор объекта охоты. С молодыми животными легче справиться, такие животные чаще остаются в одиночестве в силу своего любопытства и отстают от стада, если то чем-то напугано.

Жилище раннего этапа верхнего палеолита было выявлено А. П. Окладниковым в ходе раскопок Варваринной горы¹. По его мнению, находки концентрировались в своеобразном пятне, границы которого обрисовывали контуры древнего жилого сооружения. Дополнительно эта площадь окопана камнями, которыми, вероятно, придавливали к земле шкуры, накрывавшие жилище. На площади жилища обнаружены небольшие ямки, некоторые из них служили хранилищами-кладовками. В одной из кладовок лежал череп хищника и трубчатые кости лошади. Дно и стенки ямки были выстланы камнями.

Попытку реконструировать жилища толбагинцев предпринял М. В. Константинов на основе анализа элементов культурного слоя, сохранившегося в Толбаге. По мнению исследователя, жилища толбагинцев были наземными, по форме округлыми или овальными, длиной от 6 до 12 м. В самом крупном, 12-метровом по длине и 6,5-метровом по ширине находилось 12 очагов или кострищ. Во внутреннем пространстве еще одного жилища, диаметром около 6 м, выявлено 4 очага, расположенных попарно. По краю бывшего жилища сохранились небольшие каменные плитки. Некоторые из них находились в наклонном положении, некоторые лежали плашмя на поверхности. Зафиксировано жилище с одним очагом в центре. В двух жилищах вход был устроен в виде тамбура – своеобразный продолговатый коридор. Такая конструкция обеспечивала сохранение тепла внутри в холодное время, что дает возможность рассматривать их как зимние жилища².

Древние жители Толбаги, Подзвонкой, Каменки и др. поселений раннего этапа верхнего палеолита большинство орудий изготавливали из пластин (рис. 4, 5), но также применяли для этой цели и короткие сколы-отщепы. Ножевидные – узкие и тонкие в сечении пластины, как правило, использовались для изготовления режущих инструментов – ножей. Ножи делали и из крупных массивных

пластин и отщепов (рис. 6), но чаще данные сколы использовались для изготовления скребел. Для Толбаги и Подзвонкой характерно большое количество тесловидных и долотовидных изделий, которыми обрабатывалось дерево. Помимо каменных орудий в культурных горизонтах раннего этапа верхнего палеолита обнаружены изделия из костей животных. Вероятнее всего, древние жители Бурятии широко использовали в хозяйстве деревянные изделия, но такие изделия не сохранились до настоящего времени. Среди костяных орудий преобладали различные острия (рис. 7), служившие для прокалывания, например, шкур животных. К остриям относятся и очень тонкие (около 1 мм толщиной) орудия, похожие на иглы, но без ушка для вдевания нити (рис. 8). Из костей изготавливался большой набор орудий: тесловидные изделия, скребки, скобели (рис. 9), провертки (рис. 10), режущие инструменты. При изготовлении орудий из камня основной техникой была обработка краев сколов, полученных с каменных болванок – нуклеусов. При изготовлении костяных орудий древние мастера применяли различные техники: ударное расщепление сырья и оббивку заготовок как при работе с камнем, пиление, обстругивание, абразивную обработку и шлифование. Шлифование и распиливание каменного сырья будет широко применяться только в неолите.

Среди костяных изделий Подзвонкой есть и такие, что применялись для копания, – это небольшие мотыжки из крупных костей животных. Одна мотыжка изготовлена из фрагмента ребра (рис. 11), вторая из фрагмента лучевой кости крупного животного. Такие орудия, слегка изогнутые, удобны для держания в руке, но они вполне могли быть прикрепленными к рукояти – на одном из орудий четко прослеживаются сбитые участки для удобного крепления рукояти. Мотыжка с рукоятью внешне напоминала топор на топорище. Такими мотыжками подкапывались корни растений и разрыхлялся грунт для копания ям.

В конце XIX в. В. В. Птицын писал, что древнее население с берегов Селенги не знало искусства³. Археологические исследования XX в. показали, что это ошибочное мнение – уже на раннем этапе верхнего палеолита забайкальские мастера изготавливали различные предметы, которые мы называем свидетельствами первобытного искусства. Такие свидетельства встречены на многих древ-

¹ Окладников А. П., Кириллов И. И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. – Новосибирск: Наука, 1980. – 278 с.

² Константинов М. В. Каменный век восточного региона...

³ Птицын В. В. Селенгинская Даурия ...

Рис. 7. Острия из кости. Подзвонкая, Восточный комплекс

Рис. 8. Костяные шилья. Подзвонкая, Восточный комплекс

Рис. 9. Скобель из трубчатой кости. Подзвонкая, Восточный комплекс

Рис. 10. Провертка из трубчатой кости. Подзвонкая, Юго-Восточный комплекс

Рис. 11. Костяная мотыжка. Подзвонкая, Юго-Восточный комплекс

Рис. 12. Подвески из скорлупы яиц страусов и камня. Подзвонкая

Рис. 13. Очаг № 6, перекрытый скальным обломком. Подзвонкая, Восточный комплекс

них поселениях – Толбага, Каменка, Подзвонкая, Хотык. Наиболее интересное изделие найдено в Толбаге. По интерпретации М. В. Константинова, это скульптурное изображение головы медведя, изготовленное из позвонка шерстистого носорога¹ – одно из древнейших скульптурных изображений животных в Восточной Сибири и Забайкалье. Большинство предметов первобытного искусства

на разных стоянках представлено различными подвесками, изготовленными из мягких пород камня, трубчатых костей и скорлупы яиц страуса. В Подзвонкой найдено больше двух десятков подвесок различной формы из яичной скорлупы – листовидные удлиненные, листовидные широкие, округлые².

¹ Константинов М. В. Каменный век восточного региона...

² Ташак В. И. Символизм в начале верхнего палеолита Западного Забайкалья // Записки ИИМК РАН. – СПб.: Дмитрий Буладин, 2009. – № 4 – С. 55–70.

Фрагментам скорлупы форма придавалась путем обламывания лишних частей, затем края обрабатывались абразивным инструментом. В центре или ближе к какому-либо краю высверливалось отверстие, которое могло быть большим или маленьким. Похожие подвески изготавливали из мягких пород камня (рис. 12).

Можно предположить, что древние забайкальцы украшали одежды и предметы быта рисунками – почти во всех стоянках найдено большое количество охры – минерального красителя в виде рассыпанного порошка и отдельных кусочков.

Духовный мир палеолитического населения Бурятии предстает перед нами более сложным и многогранным, чем это виделось в середине XX в. Не исключено, что ему были знакомы ранние религиозные представления. Например, упоминавшаяся яма-кладовка Варвариной горы с костями лошади и черепом хищника могла служить своеобразным жертвенником, так же как свидетельством какого-то обряда являются ямки со скелетами песцов в анатомически правильном порядке, обнаруженные в мальтинском поселении.

В Подзвонкой обнаружено несколько очагов, часть из которых была очищена от золы и углей, а в вычищенные очажные ямки были положены лопатки животных, фрагменты позвончиков и конечностей животных в анатомическом порядке. Сверху такие очаги были перекрыты крупными скальными обломками (рис. 13). Еще два очага Подзвонкой представляют собой небольшие ямки, по краям обложенные крупными камнями. После окончания функционирования в центр очагов были положены крупные камни, полностью перекрывшие их центр. В следующем очаге обнаружен крупный плоский камень, окатанный в реке. Поверхность камня была покрыта охрой, и на нем лежал фрагмент ноги копытного животного. Все это показывает, что над очагами в Подзвонкой совершались какие-то обрядовые действия, после того как те прекращали функционировать. Лопатки, фрагменты позвончиков и конечностей животных в анатомическом порядке, положенные в очаги, представляют собой подношения самим очагам или духам очагов. В любом случае, для толбагинской культуры начального этапа верхнего палеолита характерна высокая техника обработки каменного и костяного сырья, большое количество произведений первобытного искусства, сложные представления об окружающем мире.

Археологические исследования в последней четверти XX в. значительно увеличили число известных палеолитических памятников, в т. ч. и относящихся к раннему этапу верхнего палеолита. Археологические материалы нижнего культурного горизонта одной из таких стоянок, найденной возле с. Малый Куналей в Бичурском районе Бурятии и получившей название Куналей, также относятся к раннему этапу верхнего палеолита, но сильно отличаются от материалов Толбаги. На основании изучения данной стоянки археолог М. В. Константинов обосновал наличие двух традиций производства каменных орудий на территории Западного Забайкалья на раннем этапе верхнего палеолита¹. Первая традиция – это толбагинская, где ведущим типом скола была пластина, а вторая – куналейская, названная так по названию стоянки Куналей. Для второй традиции основным сколом, применявшимся для изготовления орудий, был отщеп. Техника расщепления каменного сырья, применяемая куналейцами, выглядела более примитивной в сравнении с толбагинской. Куналейцы нередко брали камень и оббивали его с разных сторон, получая таким образом отщепы – такую технику расщепления камня принято называть ортогональной. Расщепление камня, применяемое в толбагинской культуре, зачастую было более сложным, при котором необходимо было предварительно подготовить нуклеус – ядро, с которого будут скалываться заготовки с заданными параметрами. Технология производства сколов у толбагинцев была основана на подпризматическом и призматическом принципах расщепления камня, что позволяло получать серию однотипных заготовок-пластин. При систематическом скалывании пластин с призматического нуклеуса тот, по словам узбекского археолога Р. Х. Сулейманова, в идеале становился похожим на канелированную колонну. При ортогональном расщеплении нуклеус приобретал самые разнообразные формы, например кубовидную. М. В. Константинов отметил, что ортогональное расщепление также давало серийные заготовки, только с другими метрическими характеристиками, нежели пластины. Вместе с тем орудийный набор Куналея вполне соответствует верхнепалеолитическому – концевые скребки, проколки, резцы, долотовидные орудия.

¹ Константинов М. В. Каменный век восточного региона ...

В 1990-е г. Л. В. Лбовой¹ в Заиграевском районе Бурятии раскапывался палеолитический памятник Каменка, на котором был обнаружен слой с археологическими материалами, подобными куналейским. Участок с этими материалами назван Каменка – комплекс Б. Образ жизни и хозяйственный уклад куналейцев был таким же, как и у толбагинцев – охотников-собирателей. А вот при выборе места для расположения стоянки жители древней куналейской стоянки, в отличие от толбагинцев, выбрали участок на берегу р. Хилок, в то время как толбагинцы предпочитали селиться вдали от крупных рек, у подножия горных склонов.

Возраст большинства археологических местонахождений толбагинской культуры – от 30 до 40 тыс. лет. Отмечаются памятники с более поздним возрастом – 25–30 тыс. По новым данным, древнейшие стоянки функционировали в диапазоне 40–45 тыс. л. н. Возраст куналейских археологических памятников оценивается исследователями в пределах 25–30 тыс. лет. Следовательно, две археологические культуры и их носители сосуществовали на территории доисторической Бурятии.

Начиная с 2000 г. в Хоринском районе Бурятии, на стыке долин р. Она и ее притока Алана, открыты и изучаются несколько археологических местонахождений типа скальных убежищ². Стоянки такого типа расположены у подножия скал (рис. 14, 15) и, как правило, высоко на горных склонах или подгорных шлейфах. Расположенные высоко на склонах поселения были защищены скалами и давали возможность для обзора местности (рис. 16). Изучение таких стоянок, как Хэнгэр-Тын Скальная, Хэнгэр-Тын Святилище и Барун-Алан-1, показало, что в самом начале верхнего палеолита и в конце среднего палеолита на территории Бурятии развивалась археологическая культура, сочетающая в себе различные черты: часть инвентаря была типично среднепалеолитической, а другая часть носила выраженные верхнепалеолитические черты. Такое сочетание не является результатом переходности, поскольку верхнепалеолитический комплекс орудий, полученный в результате раскопок местонахождения Барун-

Алан-1, демонстрирует развитое производство. С другой стороны, среднепалеолитический набор артефактов не демонстрирует каких-то прогрессивных черт: скребла различных типов, в т. ч. угловатые скребла-дежетэ, ножи на отщепках, немногочисленные остроконечники, леваллуазские нуклеусы и сколы, полученные с них. Судя по всему, в данной культуре каждый набор орудий соответствовал тем типам работ, ради которых их производили. Скребловидный инструментарий, зарекомендовавший себя с древнейших времен, производился в рамках уже сложившихся технологий. Новый инструментарий требовал новых технологических решений, поэтому появляется призматическая техника расщепления, развивается микроиндустрия каменных орудий. Следует отметить, что значительная часть орудий верхнепалеолитического инвентаря произведена из различных высококачественных пород камня: яшма, халцедон, кремль, горный хрусталь. Орудия среднего палеолита, как правило большие и массивные, изготавливались из риолит-порфира, каменные обломки которого в изобилии усеивают и поныне склоны г. Хэнгэрэктэ. В культурных отложениях этой стоянки, датированных значительно древнее 40 тыс. лет, найдена идеально обработанная кольцевая подвеска из камня. Эта подвеска относится к древнейшим свидетельствам искусства не только в Забайкалье, но и в мире. Сама форма и характер обработки подвески указывают на то, что людям, ее сделавшим, необходим был более обширный инструментарий, например, для выполнения таких операций, как сверление, шлифование и резание камня – операций, не известных в среднем палеолите. На значительный возраст этой культуры указывает тот факт, что после 40 тыс. л. н. на исследуемых стоянках она исчезает, а на смену ей приходит другая культура.

В новой культуре орудия производят из отщепов, а пластины здесь крайне единичны. Новая культура, названная по горе Хэнгэрэктэ³, на первый взгляд похожа на куналейскую культуру – производство орудий из отщепов (рис. 17, 18), но здесь ряд орудийных типов (скребла высокой формы, крупные концевые скребла) совершенно не типичны для Куналея. Самое главное отличие – в культуре

¹ Лбова Л. В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – 240 с.

² Ташак В. И. Палеолитические материалы древнего поселения Хэнгэр-Тын-3 «Святилище» // Палеолитические культуры Забайкалья и Монголии (новые памятники, методы, гипотезы). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – С. 41–55.

³ Ташак В. И. К обоснованию новой археологической культуры в верхнем палеолите Забайкалья // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 8: Востоковедение. – 2010. – С. 234–241.

Рис. 14. Вид на место древней стоянки под скалой. Барун-Алан-1

Рис. 15. Раскопки на древней стоянке Барун-Алан-1

Рис. 16. Скалы, закрывающие древнюю стоянку Барун-Алан-1 с севера, давали возможность контролировать долину Алана

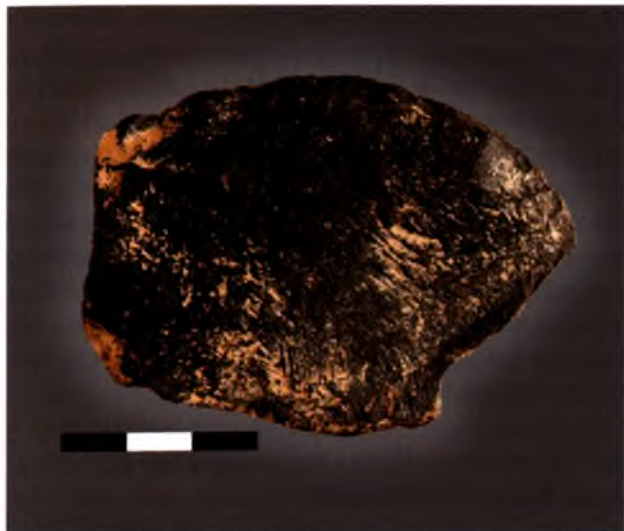

Рис. 17. Нож на отщепе. Барун-Алан-1

Рис. 19. Бифас листовидный. Барун-Алан-1

Рис. 18. Скребок на отщепе. Барун-Алан-1

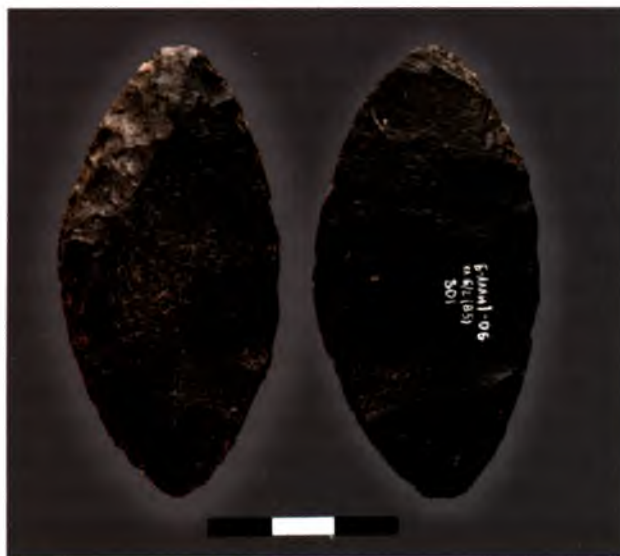

Рис. 20. Бифас. Барун-Алан-1

Хэнгэрэктэ упор делается на производство бифасов – орудий с обеими поверхностями, полностью подвергшимися обработке (рис. 19, 20). В Забайкалье изученных археологических местонахождений с бифасами – единицы. Наиболее известное и представительное как по количеству находок вообще, так и по количеству бифасов – Сухотино-4 расположено в окрестностях г. Читы¹. По времени эта стоянка относится уже к среднему и позднему этапам верхнего палеолита. Другие известные стоянки с бифасами на территории Бурятии и Забайкалья изучены в меньшей степени и также относятся преимущественно к позднему этапу верхнего палеолита. На территории Приангарья стоянки с бифасами встречаются чаще. Обычным явлением такие стоянки становятся в Северо-Восточной Азии: здесь, по мнению Ю. А. Мочанова, на протяжении всего верхнего палеолита господствовала дюктайская верхнепалеолитическая культура², характерными признаками которой были бифасы и клиновидные нуклеусы. Стоянки дюктайской культуры широко распространились по берегам крупных и малых рек Северо-Восточной Азии. Материалы забайкальских стоянок Сухотино-4 и Аршан-Хундуй также характеризуются наличием бифасов и клиновидных нуклеусов и в этом плане вполне вписываются в концепцию Ю. А. Мочанова о влиянии дюктайской культуры Северо-Восточной Азии на периферийные районы, например на Забайкалье и Дальний Восток. Вполне возможно, что носители дюктайской культуры переселялись на территорию Забайкалья, внося сюда новые технологические элементы обработки камня. Вместе с тем возраст нижних уровней стратиграфических подразделений Барун-Алана-1 и других местонахождений г. Хэнгэрэктэ, содержащих археологические материалы одноименной культуры, определен в диапазоне 38–32 тыс. л. н. Это древнее, чем ранее изучавшиеся памятники куналейской культуры и памятники раннего этапа дюктайской культуры. В нижнем уровне 6-го слоя, в котором залегают материалы культуры хэнгэрэктэ,

найжены бифасы, скребла, скребки и т. д., но нет клиновидных нуклеусов и крайне редки пластины, т. е. тех элементов, которые характерны для дюктайской культуры. Исходя из этого, становится ясно, что дюктайская культура не могла оказывать влияние на формирование культуры хэнгэрэктэ. Каково воздействие культуры хэнгэрэктэ на формирование других культур с бифасами как в Забайкалье, так и в сопредельных территориях и что явилось основой для формирования культуры хэнгэрэктэ? На сегодняшний день работа над решением этих проблем только начата.

4.3. Средний и финальный этапы верхнего палеолита Забайкалья

На смену теплому каргинскому периоду приходит новая волна похолодания. Это было последнее похолодание в геологической истории Земли перед современным геологическим этапом. В Восточной Сибири и Забайкалье последнее похолодание получило название сартанского, оно длилось примерно от 25 до 11 тыс. л. н. Средний и поздний этапы верхнего палеолита приходятся на этот временной отрезок. В Забайкалье не было континентального оледенения, как, например, в Европе, Западной Сибири и Северной Америке, но похолодание коснулось и этой территории. В период сартанского похолодания на всей территории Центральной Азии и в прилегающих районах климат становится прохладнее и засушливее, в сравнении с предшествующим периодом, что привело к увеличению открытых степных площадей. Развиваются локальные ледники в горных районах, особенно в Саянах и хребтах, окаймляющих Байкал. Более широкое распространение в это время получает вечная мерзлота. Повсеместное увеличение степных пространств и похолодание сопровождалось усилением ветров – именно в это время древние жители мальтинской стоянки строят свои полуземляночные жилища, предназначенные для защиты от зимней непогоды.

На территории Бурятии также были выявлены остатки жилища, которое, по мнению исследователей, было сооружено в раннем периоде сартанского похолодания. Это известно в археологической литературе жилище палеолитической стоянки Сан-ный Мыс, расположенное на берегу р. Уды в Хоринском районе Бурятии. От жилища остался овал, выложенный из крупных камней, подпиравших основание каркаса и придавливавших материал,

¹ Окладников А. П., Кириллов И. И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. – Новосибирск: Наука, 1980. – 278 с.

² Мочанов Ю. А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1977. – 263 с.; Он же. Дюктайская бифасиальная традиция палеолита Северной Азии. – Якутск: Академия наук Республики Саха (Якутия); Центр арктической археологии и палеоэкологии человека, 2007. – 200 с.

которым накрывалось жилище (возможно, шкуры животных). Внутри жилища, по длинной его оси, располагалось 3 очага.

В период сартанского похолодания все больше стоянок древнего человека организуется непосредственно на берегах рек, в т. ч. и таких крупных, как Селенга, Чикой, Хилок, Уда. Периодические поднятия уровня воды в реках приводили к погребению обитаемой поверхности речными аллювиальными отложениями. После отступления воды люди снова заселяли покинутое место. Затопление поверхностей повторялось периодически, что приводило к формированию многослойных археологических памятников, изучая которые, можно проследить эволюцию материальной культуры и образа жизни человека в значительные временные отрезки. К таким стоянкам относятся местонахождения в районе с. Усть-Кяхта (Кяхтинский р-н Бурятии); Студеное-1 и Студеное-2 (Красночикойский р-н Забайкальского края); комплекс стоянок Усть-Менза в Забайкальском крае и др. Детальное изучение этих стоянок показало, что в период сартанского похолодания в Забайкалье широкое распространение получают наземные жилища типа эвенкийского чума или индейского вигвама. В настоящее время это можно установить по следам, оставленным древними обитателями. Многие жилища обкладывались по периметру камнями (придавливали пологи к земле), обрисовывающими очертания их основания. Внутри жилища располагался, как правило, один очаг. Люди, находившиеся внутри жилища, постепенно утаптывали в грунт золу и угольки из очага, а также потерянные и выброшенные вещи, кости животных, употреблявшихся в пищу. Все это влияло на изменение плотности и цветности поверхности земли внутри жилища. В ходе раскопок, после расчистки древней поверхности обитания, становится видно пятно более темного грунта. Граница пятна очерчивает границу обитаемой в древности поверхности внутри жилища и нередко по контуру таких пятен фиксируются камни обкладки.

В эпоху сартанского похолодания сохраняются почти все виды животных, на которых охотились люди, населявшие земли вокруг Байкала в эпоху каргинского интерстадиала. Поэтому на всем временном промежутке похолодания основным видом добычи продуктов питания оставалась охота на таких животных, как лошадь, бизон, первобытный бык, винторогая антилопа, носорог; в гористых районах добывали горных баранов – аргали. И только в са-

мом конце эпохи плейстоцена обитатели некоторых стоянок, например Усть-Кяхта-3 и Усть-Кяхта-17, стали дополнять свой рацион продуктами рыбной ловли. Это подтверждается находками в культурных горизонтах усть-кяхтинских стоянок остатков костей рыб и орудий рыбного лова. К последним относятся наконечник гарпуна, вырезанный из рога оленя (найден в 5-м культурном горизонте Усть-Кяхты-17), и цельнорезные рыболовные крючки, изготовленные из кости (3-й культурный горизонт Усть-Кяхты-17).

Облик каменного инвентаря, используемого в работе населением Байкальского региона в эпоху сартанского похолодания, видоизменяется в сравнении с предшествующим временем. Точнее, в составе этого инвентаря становится все больше верхнепалеолитических типов орудий и большое значение начинает приобретать производство мелких пластинок и микропластинок. На современном этапе исследований палеолита Забайкалья становится ясно, что само появление технологии микропластинчатого производства кроется в недрах среднего палеолита, например, микропластинок и мелких пластинок из 7-го слоя Барун-Алана-1. Но массовым микропластинчатое производство становится как раз в эпоху сартанского похолодания. В промежутке от 18 до 11 тыс. л. н. микропластины и пластинки начинают определять облик материальной культуры почти всех стоянок, расположенных по берегам крупных рек Байкальского региона. Из микропластинок изготавливают самостоятельные орудия: проколки, резцы, скобели и т. д. Значительная масса микропластинок используется как вкладыши к сложносоставным орудиям: ножи, кинжалы, наконечники дротиков и позднее стрел. Сложносоставные орудия явились результатом поиска решений по уменьшению сырьевой емкости каменных орудий. Решение этой проблемы было важным для древнего населения. На ранних этапах палеолита для производства орудий часто использовалось то сырье, которое оказывалось рядом с местом проживания. Зачастую такое сырье было очень низкого качества, с него получались только крупные массивные сколы, пригодные для изготовления скребел, но совсем непригодные, например, для изготовления резцов, проколов и ножей с острой режущей кромкой. Для производства таких орудий необходимо было сырье с высокой пластичностью и хорошими изотропными свойствами. При расщеплении камней с подобными свойствами могли быть получены тонкие и узкие сколы с острыми краями. Но изготовление тонких

и узких сколов при этом еще и длинных, пригодных для производства длинного ножа, сопряжено с рядом объективных и субъективных трудностей. К объективным относится качество и размеры сырья – часто в различных локальных районах можно встретить каменное сырье хорошего качества, например кремнистые породы, но они представлены только в виде галечника и максимальные размеры камней редко превышают 6–8 см. С учетом обработки сырья сколы получались длиной 4–7 см. С другой стороны, производство очень длинных пластин сопряжено с рядом трудностей и энергоемкое. Поэтому производство пластинок и микропластинок длиной

около 5 см становится массовым. Сами пластинки в сложносоставных орудиях устанавливались в пазы костяных и, возможно, деревянных основ. Плотно подогнанные в пазах друг к другу микропластинки формировали лезвие, длина которого могла быть несколько десятков сантиметров. При поломке некоторых пластинок они могли быть легко заменены и орудие продолжало функционировать.

С концом плейстоценовой эпохи и последнего сартанского похолодания, по мнению многих исследователей, заканчивается эпоха древнекаменного века – палеолита.

5

глава

Мезолит

5.1. Основные проблемы и принципы выделения мезолитического периода

Эпоха мезолита – среднего каменного века – не сразу была выделена и обоснована учеными. В Западной и Центральной Европе, занимавшей лидирующие позиции по изучению палеолита, эта эпоха первоначально определялась гипотетически. По мере накопления археологических материалов стало очевидно, что с концом ледниковой эпохи заканчивается и эпоха ярких палеолитических культур, на смену которым приходят культуры с другой технологией обработки камня и, как выясняется, с другим хозяйственным укладом. Значительную роль в формировании внешнего облика археологических материалов начинают играть *геометрические микролиты*. Этим термином обозначается специфический набор каменных орудий, как правило небольшого размера. Свое название они получили из-за того, что внешне выглядели как геометрические фигурки – трапеции, треугольники, прямоугольники, фрагменты круга и т. д. Большая часть геометрических микролитов не являются самостоятельными орудиями, а представляют собой детали сложносоставных орудий, так же как фрагменты мелких пластинок и микропластинок в Восточной

Сибири и Забайкалье. Дальнейшие археологические исследования показали, что геометрические микролиты характерны не только для Европы, от Западной до Восточной, но и для Ближнего и Среднего Востока. Эти изделия распространились до Индии, а на восток от Индии они не встречаются или же относятся к случайным единичным находкам, никак не влияющим на внешний облик археологических культур. Такое территориальное распространение геометрических микролитов во многом совпадало с зоной ручных рубил, выделенной Х. Мовиусом для нижнего палеолита. Это наблюдение позволило А. П. Окладникову выдвинуть идею о собственном пути развития палеолита восточной части Азии, без геометрических микролитов¹.

Как выяснилось, новые археологические культуры характеризуются не только появлением геометрических микролитов, но и новым хозяйственным укладом. С концом плейстоцена – эпохи оледенений начинается современная геологическая эпоха голоцен, что влечет за собой значительную перестройку ландшафтов: в Европе на смену открытым степным

¹ Окладников А. П. К вопросу о мезолите и эппалеолите в азиатской части СССР (Сибирь и Средняя Азия) // МИА СССР. – 1966. – № 126. – С. 213–223.

и тундровым ландшафтам приходят леса. Смещение и изменение ландшафтных зон приводит к изменениям в животном мире: уходят на север, сильно сокращаются или исчезают стада животных, в плейстоцене обитавших на большей части Европы: северные олени, бизоны, лошади. Исчезают такие животные как мамонты, шерстистые носороги, пещерные медведи. Им на смену приходят лесные животные, живущие одиночно или небольшими группами. Вслед за природной перестройкой вынужден был перестраиваться и человек. Часть людей уходила на север вслед за северными оленями, другая часть оставалась на прежних местах, и им необходимо было адаптироваться к новым условиям. Новые условия требовали развития навыков охоты на одиночных животных и значительного расширения видов добываемых животных. Начинается систематическая охота на птицу, широко внедряется рыбная ловля. Люди, живущие на морском побережье, практикуют сбор моллюсков – до сих пор археологи находят так называемые раковинные кучи, где сложены раковины тысяч моллюсков. Некоторые кучи высотой более метра при диаметре в несколько метров. Долгое время считалось, что именно в это время появляются лук и стрелы, сейчас ряд исследователей полагают, что это произошло еще в палеолите. Одним из признаков мезолита становится рыбная ловля. В научном мире некоторые исследователи связывают начало мезолита с началом рыбной ловли. В эпоху мезолита начинается простое разделение труда – часть населения, занимающая определенные экологические ниши, например морское побережье, отдавала предпочтение какому-либо одному виду деятельности – рыбной ловле, переводя другие виды деятельности на второстепенные позиции. В стоянках эпохи мезолита археологами зафиксированы ямы-хранилища для рыбы. Эти данные показывают, что многие группы населения с началом голоцена приспосабливаются к сезонному разделению труда и продукты питания, добытые в избытке в благоприятный (например, нерестовый ход рыбы) период, сохраняются для использования в то время, когда массовый ход рыбы прекращается.

На Ближнем и Среднем Востоке в эпоху мезолита большое значение приобретает сезонное собирательство злаковых. Например, в горах Загроса в изобилии произрастал дикий ячмень и для его сбора стали изготавливать такие инструменты, как серпы. До появления металла серпы изготавливались по принципу сложносоставных орудий – в костяную или деревянную основу (часто изогнутую как

современные серпы) вставлялись геометрические микролиты таким образом, что образовывался зубчатый режущий край. Нередко на Ближнем Востоке каменные вкладыши в основах закреплялись при помощи природного асфальта – загустевшей нефти в местах ее выхода на поверхность земли. Собранный впрок ячмень сохранялся и дополнял продукты охоты в рационе питания мезолитического населения этого региона.

В мезолите во многих регионах земного шара складываются основные направления будущего развития хозяйственной деятельности человека в новом каменном веке – неолите. Главное направление – это усложненное собирательство, которое приводит к появлению производящего хозяйства, в первую очередь земледелия.

5.2. Дискуссии по поводу мезолита в Восточной Сибири и Забайкалье

Сложность выделения мезолитического периода заключается в том, что перестройка ландшафтов в различных регионах Земли происходила с разной скоростью и адаптивная реакция людей на происходившие изменения проявлялась по-разному, в зависимости от уровня развития их самих и условий окружающей среды. Далеко не всегда внешний облик археологических материалов жестко связан с условиями окружающей среды. В ряде случаев наблюдается «отставание» развития материальной культуры, но нередко наблюдается другая картина – технология и орудия труда, оптимальные в мезолите, появляются задолго до этого времени. Важно отметить и такую деталь, как разные критерии в выделении мезолита. Если периоды палеолита начиная с XIX в. выделялись на основе морфологии и типологии каменного, а потом и костяного инвентаря, то для выделения мезолита начали применять еще такой критерий, как хозяйственная деятельность, а нередко и полностью применять только этот критерий. Все это привело к бурным дискуссиям по поводу выделения мезолита. И если для Европы, Ближнего и Среднего Востока мезолит как период признается большинством исследователей, то в Сибири и Забайкалье этот период отрицался и отрицается целым рядом археологов.

А. П. Окладников указывал на сохранение устойчивых традиций расщепления камня и производства каменных орудий в палеолите Восточной Сибири и Забайкалья на всем протяжении верхнего

палеолита. И только в самом конце верхнего палеолита, уже в голоценовое время, на этой территории появляются новые типы орудий и меняется производство, становясь похожими на неолитические. Этот финальный этап он предложил называть эпипалеолитом, подчеркивая тем самым, что никаких кардинальных сдвигов здесь не происходит вплоть до неолита.

Впервые мезолит в Приангарье обосновал Г. И. Медведев¹. В своей работе он убедительно показал, что те формы орудий, которые, с точки зрения А. П. Окладникова, являлись ведущими в финале палеолита (макроорудия – изделия из оббитых речных окатанных камней), таковыми не являются. По мнению Г. И. Медведева, основанному на детальной проработке большого количества археологических материалов, полученных из культурных горизонтов древних стоянок, превалировать в составе каменного инвентаря мезолитических стоянок начинают микропластинки, изделия из них и микронуклеусы для их производства, а также ряд изделий, изготовленных из крупных сколов. Наряду с качественно иным составом каменного инвентаря в эпоху мезолита кардинально меняется и хозяйственная деятельность. Анализируя материалы приангарских стоянок, Г. И. Медведев показывает, что охота на крупных стадных животных, характерных для плейстоцена, уступает место охоте на лесных животных – оленей и косуль, поскольку здесь открытые пространства сменились лесными массивами. Данные животные уже не составляют таких больших стад как, например, северные олени или бизоны, т. е. значительно уменьшается количество добываемого мяса. Соответственно, приспосабливаясь к новым обстоятельствам, люди эпохи мезолита вынуждены были искать новые способы пропитания. Одним из таких способов становится рыбная ловля – в культурных горизонтах мезолитических стоянок найдено большое количество костей рыб.

Несколько позже, обосновывая наличие мезолита в Забайкалье, М. В. Константинов за основу доказательств принял модель, предложенную Г. И. Медведевым².

Постепенно исследователи, придерживающиеся новой модели обоснования мезолита в Сибири,

переводят рассмотрение археологических материалов на вторую или третью позицию и выдвигают в основу доказательств такие критерии, как хозяйственная деятельность человека того времени, хронологическая и стратиграфическая позиция культурного горизонта (начало мезолита связывается с началом голоцена) и т. д. Тем не менее в любом случае исследователи в первую очередь обращаются к археологическому материалу. Именно типологический облик артефактов позволяет соотнести данный памятник с той или иной культурой из уже известных или выделить его в отдельную культуру (индустрию) и т. п. Археологический материал, не всегда и не везде укладывающийся в какие-то определенные рамки, ставит перед исследователями вопросы, связанные с проблемой мезолита: каковы его хронологические рамки, какие типы артефактов являются прогрессивными, изменяется ли способ хозяйственной деятельности и ряд других. Поэтому неудивительно, что для переходного периода, которым является мезолит, предлагались различные названия – «голоценовый палеолит», «эпипалеолит», «бескерамический неолит», «докерамический неолит».

В конце 1970-х гг. В. А. Лынша предложил полностью отказаться от выделения мезолита по какому-либо другим критериям, кроме технологического³. Все остальные схемы могут сопоставляться, но не совмещаться с археологической периодизацией по материалу. Согласно его мнению, появление клиновидных торцовых нуклеусов и микропластин – продукта утилизации нуклеусов важно не само по себе, а тем, что они знаменуют собой развитие вкладышевой техники. А возникновение и развитие вкладышевой техники и является основным показателем новой эпохи – мезолита. В главе, посвященной верхнему палеолиту, была дана развернутая характеристика сложносоставным или вкладышевым орудиям. Такое предложение заставляло кардинально пересмотреть периодизацию верхнего палеолита и мезолита, поскольку в 80-е гг. XX в. было накоплено достаточно много материалов, которые показывали, что сложносоставная техника и весь технологический комплекс производства таких орудий возникли задолго до начала голоцена. Один из древнейших памятников с огромным количеством микропластин и нуклеусов для их производства об-

¹ Медведев Г. И. Хозяйственный уклад мезолитического населения Усть-Белой // Мезолит Верхнего Приангарья. Ч. 1. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1971. – С. 111–126.

² Константинов М. В. Каменный век восточного региона...

³ Лынша В. А. Мезолит юга Средней Сибири: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1980. – 16 с.

наружен на северном Байкале – это стоянка Курла¹. Возраст культурного горизонта курлинской стоянки с микропластинами определен в 24 тыс. л. н.

Что касается изменений в хозяйственном укладе древнего населения и его влияния на изменение технологий производства каменных орудий и их облика в эпоху перехода от плейстоцена к голоцену, то оно не столь существенно, как это принято считать, поскольку сами изменения были, в свою очередь, опосредованы и развитием технологий производства орудий. В данном промежутке времени на территории Восточной Сибири и Центральной Азии основным нововведением в хозяйственной деятельности человеческих сообществ оказался рыбный промысел, что выразилось в появлении некоторых специфических видов орудий – в первую очередь из кости. Последнее не повлекло за собой существенных изменений в облике индустриальных комплексов, в общих чертах уже сложившихся к этому времени.

Один из важных критериев выделения мезолита на территории Забайкалья, согласно М. В. Константинову, – рыбная ловля, также не обусловлен началом голоцена, а возникает в финале плейстоцена.

Таким образом, следует признать, что привязка мезолита к границе геологических эпох с последующими обоснованиями изменений в хозяйственной деятельности, искусственна и не отвечает реальному положению вещей. Тем не менее после завершения бурных дискуссий по проблемам мезолита Сибири ученые не пришли к соглашению, отвечающему мнению разных сторон. Поэтому на данном этапе рассматривается в качестве рабочей схема, определяющая начало мезолита с началом современной геологической эпохи – голоцена.

5.3. Мезолитические памятники Забайкалья и их материальная культура

В настоящее время на территории Республики Бурятия открыта серия археологических памятников, относящихся к раннему этапу голоцена и финалу плейстоцена: Усть-Кяхта-17, Усть-Кяхта-3, Ошурково, Подлопатки; в прилегающих районах Забайкальского края: Студеное-1, Студеное-2, Усть-

Менза-1. Все эти местонахождения многослойные, что указывает на периодичность обитания людей в этих местах. Особенно большое количество культурных горизонтов отмечено в таких местонахождениях, как Студеное-1 – 26; Усть-Менза-1 – 25. Те культурные горизонты, которые формировались в самом конце плейстоцена – норильская стадия сартанского похолодания (возраст 10800 – 10300 л. н.), в раннем и начале позднего голоцена (возрастом более 6500 л. н.), М. В. Константинов определил мезолитическими. К таким горизонтам отнесены: из Студеного-1 – 10 – 13/2; из Усть-Мензы-1 – 9–20.

Характеризуя культурные горизонты мезолита Забайкалья, М. В. Константинов указывает на то, что они становятся предельно тонкими, т. е. их накопление было кратковременным, а это предполагает большую мобильность мезолитического населения, которое не останавливалось на одном месте на длительный срок. Переход к подвижному образу жизни, с постоянной сменой мест стоянок был обусловлен изменением природно-климатической обстановки и исчезновением крупных стад животных эпохи плейстоцена. На смену этим стадам приходят лесные животные – олени и косули, добыча которых осуществлялась индивидуальными охотниками или маленькими группами охотников. При индивидуальной охоте на одиночного и осторожного зверя важную роль начинает играть дальнобойное оружие, каковыми являются лук и стрелы². Вместе с тем М. В. Константинов указывает на то, что каменных наконечников стрел в мезолитических культурных горизонтах таких стоянок, как Студеное-1, Усть-Менза-1 и др., не обнаружено. Но отсутствие каменных наконечников стрел компенсируется наличием вкладышевых наконечников и костяного наконечника, найденных в культурных горизонтах Студеного-1 и Усть-Мензы-1. Изделия, интерпретируемые как вкладышевые наконечники, представлены узкими костяными основами с пазами по краям, в которые вставлялись каменные вкладыши – фрагменты микропластин.

По мнению М. В. Константинова, уменьшение количества добываемых животных в раннем голоцене привело к поиску альтернативных источников питания, одним из которых оказалась рыбная ловля. Следы рыбной ловли обнаружены в культурных горизонтах стоянок Ошурково, Студеное-1, Усть-

¹ Шмыгун П. Е., Филиппов А. К. Нижний комплекс стоянок Курла // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1982. – С. 15–24.

² Константинов М. В. Каменный век восточного региона...

Рис. 1. Вид на западную оконечность хребта Хангидай в Кяхтинском районе. Вдоль берега Селенги, на первой и второй речных террасах располагаются древние стоянки эпохи мезолита

Менза-1. В 3-м культурном горизонте Ошурково обнаружены гарпуны, в Студеном-1 найдены цельные крючки из кости. В этих же слоях найдены и кости рыб, которых добывали жители древних стоянок: щуки, налима, плотвы.

Учитывая, что Усть-Менза и Студеное находятся в горно-таежном поясе, где наступление лесов с началом голоцена было более стремительным, чем, например, в центральной части долины Селенги, можно предполагать, что жителям этих стоянок раньше пришлось осваивать охоту на лесных животных и рыбную ловлю. Такому предположению противоречат археологические материалы. На стоянках финального плейстоцена, расположенных на берегах Селенги (рис. 1), достоверно точно с начала кокоревского потепления, имевшего место внутри сарганского оледенения (около 13–12 тыс. л. н.), а предположительно и значительно раньше, широко применяется рыбная ловля. Уже упоминалось во 2-й главе, что в культурных горизонтах стоянок Усть-Кяхта-17 (рис. 2) и Усть-Кяхта-3 найдено большое количество костей рыб. Вместе с костями

Рис. 2. Раскоп на многослойном археологическом памятнике Усть-Кяхта-17, расположенном на берегу р. Селенги. Древние люди проживали на этом месте еще в конце плейстоцена (финал верхнего палеолита), но их материальная культура уже соответствовала материальной культуре мезолита

рыб в культурных горизонтах этих стоянок найдены цельнорезные рыболовные крючки, выполненные из кости. В 5-м культурном горизонте Усть-Кяхты-17 найден гарпун с двусторонним расположением

зубцов¹. Гарпун изготовлен из рога оленя. Данных, указывающих на ловлю рыбы сетями и другими приспособлениями, у археологов, изучающих палеолит и мезолит Забайкалья, пока нет. В неолитических стоянках в большом количестве находят грузила для сетей – это плоские окатанные камни с выемками по краям для обвязывания камня. Реже встречаются камни с отверстием. В то же время известен другой тип грузил, зафиксированный на севере Восточной Европы, – это обыкновенные речные гальки, обернутые в бересту, а уже береста крепилась к сети. Условия севера Восточной Европы, с его вечной мерзлотой позволяют в течение тысячелетий сохраняться органике, что дает археологам возможность более детально рассмотреть удивительный мир древнего человека. На берегах Селенги в голоценовое время таких условий не было, и такие материалы, как дерево, кора, шкуры, травянистая растительность, здесь также не сохранились. При этом отдельные окатанные камни, не подвергавшиеся оббивке, в культурных горизонтах стоянок встречаются, и можно предполагать, что некоторые из них служили грузилами для сетей. Таким образом, очевидно, что рыбная ловля как отрасль хозяйственной деятельности древнего населения, обитавшего по берегам Селенги, устанавливается задолго до начала голоцена.

Как показали находки Усть-Кяхты-17, население этого района в конце плейстоцена в большом количестве изготавливало орудия из рогов оленя – это гарпун, различные стержни, наконечники с пазами. Здесь найдено и множество заготовок – распиленных, надрезанных и разрубленных фрагментов рогов оленя. Все это показывает, что древние усть-кяхтинцы уже в плейстоцене начали осваивать и лесные ресурсы. При этом важно отметить, что основным видом деятельности для усть-кяхтинцев финального плейстоцена остается охота на степных животных, обитавших здесь в течение всего позднего плейстоцена: лошадей, винторогих антилоп, бизонов. Их кости зафиксированы во всех культурных горизонтах Усть-Кяхты-17. Да и сами стоянки располагались на границе леса и степи, почти в таком же окружении, как и сейчас. Мелкие животные, грызуны, обитавшие в окрестностях стоянок, также характеризуют положение стоянок в безлесном ме-

сте. Один вид грызунов – тарбаганы (сурок сибирский) древними усть-кяхтинцами употреблялся в пищу, их кости и нижние челюсти найдены на стоянке.

Вкладышевая техника изготовления сложно-составных орудий возникает еще в недрах верхнего палеолита, достигает расцвета во 2-й половине сартанского похолодания (поздний этап верхнего палеолита), но узкие остроконечные изделия этого типа М. В. Константинов рассматривает как наконечники стрел, характерные для мезолита. Такое же изделие найдено в 3-м культурном горизонте Усть-Кяхты-17².

Каменные индустрии селенгинских стоянок финального плейстоцена и особенно студеновских стоянок с берегов Чикоя финального плейстоцена – раннего голоцена имеют много общего. В первую очередь это выраженная направленность на получение мелких пластинок и микропластинок (рис. 3) путем расщепления клиновидных нуклеусов (рис. 4, 5). Из микропластинок изготавливают орудия и вкладыши к сложносоставным орудиям. В каменном инвентаре этих стоянок сохраняют свое значение крупные пластины и изделия из них. На большую близость селенгинских и чикойских стоянок указывает такой специфический тип изделий, как остроконечники усть-кяхтинского типа (рис. 6). Это изделия из пластин, объединяемые одним общим признаком – наличием острого конца и противолежащего ему широкого или массивного конца. Во всех случаях острый конец усть-кяхтинского остроконечника оформлялся на месте остаточной ударной площадки, на проксимальном конце скола, а дистальный конец оставался широким. Как правило, при призматическом расщеплении морфология длинных сколов иная – широкий проксимальный конец и узкий (острый) дистальный конец. Такие остроконечники не имеют широкого распространения, они зафиксированы пока на усть-кяхтинских стоянках с Селенги и студеновских стоянках с Чикоя.

Важным нововведением, отличающим расщепление каменного сырья во 2-й половине верхнего палеолита и мезолите Забайкалья от более ранних способов, явилась отжимная техника. При такой технике пластины снимались не ударом, а отжимом,

¹ Ташак В. И. Палеолитические и мезолитические памятники Усть-Кяхты. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – 130 с.

² Ташак В. И. Усть-Кяхта-17 – многослойное поселение на р. Селенге // Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 47–64.

который позволял контролировать процесс расщепления. Если для ударной техники достаточно было наличия нуклеуса, с которого производилось скалывание, и отбойника, которым производилось скалывание, то для отжимной техники этого было недостаточно. Во-первых, необходимо было подготовить нуклеус таким образом, чтобы его можно было устойчиво закрепить. Именно поэтому возникают, а потом получают широкое распространение клиновидные торцовые нуклеусы. Один край (тыльный к поверхности расщепления) такого нуклеуса и его дистальная (нижняя) часть оформлялись в виде гребня и клина, которые можно было вставить, например, в кусок расщепленного дерева и плотно там закрепить. Отжим производился с помощью посредника, как правило более мягкого (рог или кость), и рычага или отжимника – стержнем с костяным, роговым или каменным наконечником. В предлагаемых реконструкциях процесса отжимного расщепления с помощью длинного отжимника мастер давил на отжимник руками и дополнял усилие рук, наваливаясь на стержень телом. Отжимной способ расщепления камня позволял получать длинные и, самое главное, тонкие сколы – пластинки. При ударной технике расщепления стандартными были массивные в сечении пластины, тонкие получались случайно. При всех своих достоинствах отжимная техника требует значительных усилий, и получение крупных пластин требовало или хорошо продуманного приспособления, где главную роль играет рычаг, или длинный рычаг и усилия нескольких человек. При индивидуальном производстве предпочтение отдавалось небольшим пластинкам и микропластинкам.

Усть-кяхтинские остроконечники, скорее всего, стали результатом применения отжимной техники для получения крупных пластин. Ударные площадки у таких пластин точечные, а ударные бугорки выражены слабо, все это характерно для отжимной техники. Широкое или массивное дистальное окончание усть-кяхтинских остроконечников связано с тенденцией минимального оформления крупных нуклеусов в финальном палеолите мезолите – бралась удлинённая речная галька, один конец которой оббивался для оформления ударной площадки, после чего начиналось расщепление. Для контроля за образованием дистальной части скола необходима была предварительная обработка дистальной части нуклеуса, что делалось в финальном палеолите и мезолите редко. В результате процесс расщепления

в дистальной части нуклеуса становился неконтролируемым и вместе с пластиной отслаивался массивный кусок нуклеуса. Поскольку проксимальный конец такой пластины был узким, на нем и оформлялись острие, а дистальный конец служил рукоятью.

В мезолите сохраняется традиция строительства одноочажных жилищ, сложившаяся в позднем палеолите. Это были простые наземные жилища с округлым основанием диаметром 2–3 м. Данные жилища в раскопанных культурных горизонтах фиксируются как темные, насыщенные золой и углями пятна грунта округлой формы. Основания некоторых жилищ были обложены камнями: на Студеном и Усть-Мензе это речные валуны; на усть-кяхтинских стоянках все крупные камни, связанные с зонами темных пятен, представлены скальными обломками. Внутри жилища, как правило, находился один очаг или кострище, разводившееся прямо на поверхности или в небольшом углублении. В 5-м культурном горизонте Усть-Кяхты-17 зафиксировано два очага в пределах одного зольно-углистого пятна. В финале палеолита и в мезолите древнему населению Бурятии уже были знакомы многие бытовые вещи, которыми человечество пользуется по сей день. Это ножи из камня, ложки из рога оленя, а иглы из кости мало чем отличаются от современных (рис. 7).

Археологические материалы, подобные найденным в культурных горизонтах усть-кяхтинских стоянок, собирались на поверхности в окрестностях Усть-Кяхты А. П. Мостицем еще в конце XIX в. и в 20-е гг. XX в. Г. Ф. Дебецем. Последний, анализируя эти находки, выделил культуру каменного века, назвав ее селенгинской¹. Основываясь на современных научных исследованиях, мы знаем, что эта культура сформировалась во 2-й половине сарганского похолодания и достигла расцвета на берегах р. Селенги в диапазоне 14–11 тыс. л. н., а также распространилась по берегам ее крупных притоков. Уже в конце плейстоцена в рамках этой культуры сложился характеризующий ее каменный инвентарь и хозяйственный уклад жизни древнего населения, включающий в себя такие виды деятельности, как охота на лесных и степных животных и рыбная ловля. В начале голоцена эта культура продолжает существовать, сохраняя все основные

¹ Дебеч Г. Ф. Опыт выделения культурных комплексов в неолите Прибайкалья // Изв. ассоц. науч.-исслед. ин-тов при физико-матем. фак-те МГУ. – Т. III. – № 2а. – С. 151–169.

черты как в материальной сфере, так и в способах хозяйствования.

Наряду с селенгинской культурой во 2-й половине сартанского похолодания в Забайкалье складывается еще одна археологическая культура – это уже упоминавшаяся во 2-й главе чикойская культура. Для нее характерно сочетание в каменной индустрии клиновидных нуклеусов, микропластин и бифасов – орудий, обработанных с двух сторон. Данная культура, по всей видимости, продолжает существовать и в мезолите до последних его стадий, поскольку в неолитических памятниках Забайкалья продолжается традиция изготовления бифасиальных орудий¹.

В культурных слоях стоянок на востоке Западного Забайкалья – Студеное-1, Усть-Менза-1 и др., датированных финалом мезолита, лидирующее положение в составе каменного инвентаря сохраняется за торцовыми клиновидными нуклеусами, а также микропластинками и мелкими пластинками, снятыми с этих нуклеусов. Число призматических нуклеусов для микропластинок невелико. Лидирующая роль торцовых клиновидных нуклеусов здесь сохраняется и в неолите. На берегах Селенги наблюдается несколько иная картина. В частности, здесь обнаружена и исследовалась В. И. Ташаком в 2000 г. стоянка Били, расположенная в нескольких километрах от Усть-Кяхты, на противоположном берегу высокому левому берегу Селенги, на удалении от берега до 200 м. В культурном горизонте этой стоянки, формировавшемся в течение продолжительного времени и датированном финальной стадией мезолита – ранним неолитом, полностью отсутствуют клиновидные торцовые нуклеусы, характерные для усть-кахтинских, студеновских и усть-мензинских стоянок. Их заменили призматические нуклеусы для пластинок и микропластинок. У этих нуклеусов дистальная часть еще сохраняет вид клина или конуса, но в целом это утолщенные нуклеусы высокой формы, по большинству параметров отвечающие стандарту призматического нуклеуса. Значительная часть микропластинок, снимаемых с таких нуклеусов, по размерам близка мелким пластинкам, т.е. наблюдается увеличение их размеров. В составе каменного инвентаря полностью отсутствуют пла-

Рис. 3. Микропластинки. Усть-Кяхта-17

стины и нуклеусы для их получения. Второй после микропластин тип скола, который использовался на этой стоянке, это отщепы. Из отщепов изготавливали ножи, скребла небольших размеров и множество укороченных концевых скребков². В конце XIX в. А. П. Мостиц такие скребки назвал скребками-лопатками. Они во многом схожи с куналейскими «скребками с плечиками» раннего этапа верхнего палеолита.

Учитывая, что культурные горизонты финального мезолита стоянок Студеного и Усть-Мензы продолжали одну эволюционную линию, которая сохранилась и в неолите, можно предположить, что Били представляет другую линию развития культуры в каменном веке Бурятии. Основой для данной линии развития культуры могла послужить куналейская археологическая культура, базировавшаяся на производстве орудий из отщепов.

По разработанной для Забайкалья схеме периодизации каменного века к середине атлантического оптимума (по геологической периодизации – максимально теплое время) завершается перестройка природно-климатической обстановки во всей Ев-

¹ Ташак В. И. Местонахождение Аршан-Хундуй (опыт исследования и интерпретации) // Байкальская Сибирь в древности. – Вып. 2. – Ч. 1. – Иркутск: ИГПУ, 2000а. – С. 161–180.

² Ташак В. И. Стоянка Били: поздний мезолит – ранний неолит на юге Бурятии // Известия лаборатории древних технологий. Вып. 3. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2005а. – С. 135–148.

Рис. 4. Клиновидный нуклеус. Усть-Кяхта-17

Рис. 5. Клиновидный нуклеус. Усть-Кяхта-17

Рис. 6. Усть-кахтинский остроконечник. Усть-Кяхта-17

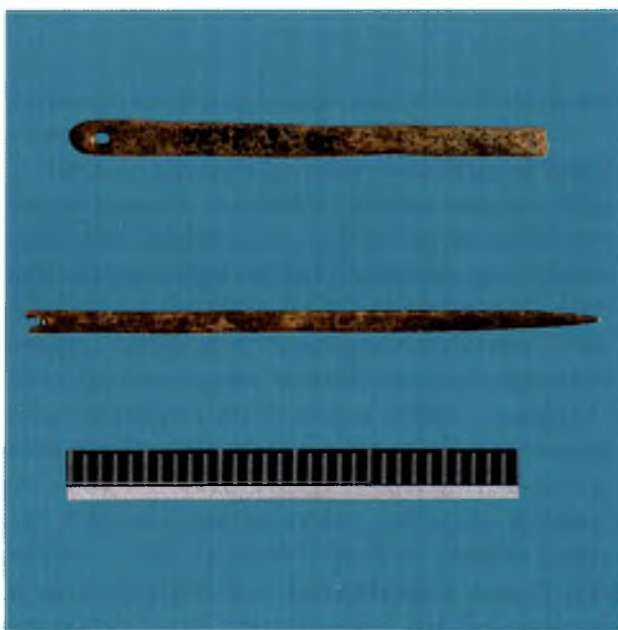

Рис. 7. Костяные иглы. Усть-Кяхта-17

разии. По некоторым данным, лесные массивы во время атлантического оптимума распространялись до Таймыра, активное таяние ледников привело к увеличению числа водоемов – озер, мелких речек и увеличению водности уже существующих водоемов. Значительная часть современной террито-

рии Республики Бурятия в период атлантического оптимума была покрыта лесами. Все это приводит к завершению перестройки хозяйственной деятельности человека в сравнении с палеолитом. Но при этом само производство остается присваивающим, основанным на охоте, рыбной ловле и собиратель-

стве. Для сравнения можно отметить: в эпоху атлантического оптимума на Ближнем и Среднем Востоке, на Северных Балканах уже внедряется производящий тип хозяйства – земледелие, начинается строительство древнейших городов и начинается формирование первых цивилизаций городского

типа. С этого времени темпы и направления развития человечества в различных регионах Земли стали сильно различаться. С появлением и широким внедрением в производство керамических изделий начинается эпоха неолита.

6

глава

Неолит

Западное Забайкалье, большую часть которого занимает территория современной Бурятии, представляет собой среднегорную страну, расположенную между несколькими различными по климатическим и ландшафтным условиям областями Восточной Сибири – Прибайкальем, Якутией, Монголией и Дальним Востоком. По этой территории протекают такие крупные водные артерии, как Селенга в ее среднем и нижнем течении, а также ее притоки – Чикой, Джига, Уда¹. Регион заселялся на протяжении эпохи неолита довольно активно, в основном по берегам рек, озер и, конечно, по побережью озера Байкал. Памятники неолита и раннего палеометалла обычно здесь приурочены к поверхности первой или более высокой террас и отсутствуют на поверхности высокой поймы. Люди этого времени жили в условиях, когда сложились основные черты современной нам природы. Обширные степные и лесостепные пространства, богатая промысловым зверем таежная зона, хорошо развитая речная сеть, богатые ресурсы оз. Байкал обусловили раннее заселение Забайкалья и формирование здесь само-

бытных культур в каменном веке и в последующие периоды (рис. 1).

Начало неолита в археологической науке традиционно принято связывать с возникновением керамического производства. Другим явлением общего порядка, с которым принято связывать эпоху неолита, является так называемая «неолитическая революция» – переход от присваивающего типа хозяйства к производящему. Однако для рассматриваемой нами территории эта проблема должна ставиться в ином ракурсе. Признаков существования земледелия в неолите здесь не зафиксировано, а свидетельства доместикации животных (лошадей, крупного рогатого скота, овец) относятся ко времени раннего металла. Проблема заключается в становлении и развитии таких традиционных для Байкальского региона типов хозяйствования, как рыболовство и охота, а также в возникновении предпосылок производящего хозяйства.

К настоящему времени новый каменный век на территории Бурятии известен благодаря раскопкам ряда стратифицированных памятников, таких как стоянки усть-каренгской культуры; Фофановский могильник, на котором исследованы погребения неолита и раннего бронзового века;

¹ Равский Э. И., Алексеев М. Н. Четвертичный период в Восточной Сибири // Хронология и климат четвертичного периода. – М., 1960. – С. 159.

могильник Бухусан, включающий погребения от неолита до средневековья; поселение Санный Мыс (2-й культурный горизонт); Мухинское поселение (1–6-й культурные горизонты отнесены исследователями к эпохам бронзы, финального и раннего неолита); Нижне-Березовская и Посольская стоянки, нижние слои которых датированы неолитом, верхние – бронзовым веком; поселения Кулькисон и Харга, отнесенные к эпохе ранней бронзы, и ряд других.

Эпоха неолита для Забайкалья начинается около 12 тыс. л. н. и продолжается приблизительно до 3,8 тыс. л. н.

6.1. Ранний неолит

К ранненеолитическим памятникам на территории Бурятии относятся стоянки усть-каренгской культуры на р. Витим, Красная Горка (слой 2). Кибалино, нижние горизонты поселений Мухино, ранние погребения Фофановского могильника и могильника Бухусан, а также погребение Нижняя Джалинда, могильник Старый Витим-2.

Традиционно считалось, что эпоха неолита связана с глобальными климатическими перестройками экосистем. Нижняя граница неолита, таким образом, относилась ко времени около 8 тыс. лет назад, т. е. по геологической периодизации ко времени начала голоценового оптимума. Однако исследования последних лет показали, что керамика представлена на стоянках, датируемых более ранним возрастом.

Так, в таежной зоне на северо-востоке Бурятии выявлены стоянки, продатированные 10750 ± 60 , 11240 ± 180 л. н.¹ и выделенные в отдельную культуру, названную усть-каренгской. Характеризуется она каменным инвентарем, сохраняющим мезолитические традиции: торцовые клиновидные нуклеусы, трансверсальные и угловые резцы, тесла «с перехва-

том», скребки, ножи-бифасы, орудия на пластинках, в т. ч. вкладыши. Основным сырьем для каменных изделий все еще остается серый кремь. Керамика представлена фрагментами сосудов с приостренным днищем и с орнаментом в виде различных комбинаций «шагающей гребенки» с внешней и штрихами затирания с внутренней стороны (рис. 2).

Технология первичного расщепления все еще мезолит-позднепалеолитическая, распространенная в это время на большой территории Северной Азии – от японских островов на востоке (хороку, юбетцу) и Якутии на севере (дюктайская традиция). В качестве заготовки торцовых клиновидных нуклеусов служат бифасы, с которых снимаются вначале реберчатый, а после лыжевидные сколы для подготовки ударной площадки. Затем снимаются пластины с одного из торцов, а противоположный гребень становится контрфронтом.

Близкий этой культуре памятник исследован на юго-западной окраине Витимского плоскогорья, на северном побережье Большого Еравнинского озера, в местности Красная Горка (рис. 3)². Здесь во 2-м культурном горизонте все еще встречается в декоре керамических сосудов «шагающая гребенка», но есть и сильно заглаженный технический декор, основная часть керамических остатков вовсе не имеет орнамента или декора с заглаженными стенками. Каменная индустрия также характеризуется архаичными чертами – наличием торцовых клиновидных нуклеусов, трансверсальных резцов и клинкобифасов. Но в технологии первичного расщепления произошли изменения – уже не используется бифасиальная основа подготовки пренуклеусов, заготовкам сразу придается подклиновидная форма. Нет и лыжевидных сколов, а ударная площадка подрабатывается со стороны фронта или боковых сторон. Серый кремь все еще остается основным сырьем, но наряду с ним используются цветные яшмоиды (рис. 4). Абсолютная дата относит данный горизонт к 8345 ± 66 л. н. (KIA42073).

Древнее поселение Кибалино открыто на левом берегу р. Селенги, у дер. Кибалино, по обе стороны Кибалинского утеса с наскальными рисунками³.

² Цыденова Н. В. Развитие микропластинчатого расщепления в раннем неолите в Западном Забайкалье (на примере материалов стоянки Красная Горка) // Материалы междунар. конф. «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири». – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. – С. 53–56.

³ Ивашина Л. Г. О раннем неолите Западного Забайкалья // Культуры и памятники эпох камня и раннего металла

¹ Ветров В. М. Керамика усть-каренгской культуры на Витиме // Древнее Забайкалье и его культурные связи. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 123–130; Аксенов М. П., Ветров В. М., Инешин Е. М., Тетенькин А. В. История и некоторые результаты археологических исследований в бассейне р. Витим (Витимское плоскогорье и Байкало-Патомское нагорье) // Байкальская Сибирь в древности. Вып. 2. Ч. 1. – Иркутск, 2000. – С. 4–35; Кузьмин Я. В., Ветров В. М., Джалл Э. Дж. Т., О'Малли Ж. М. Радиоуглеродное датирование керамики усть-каренгской культуры верхнего Витима и хронология начального неолита Восточной Азии // Байкальская Сибирь в древности. Вып. 2. Ч. 1. – Иркутск, 2000. – С. 181–188.

Рис. 1. Карта-схема расположения опорных памятников эпохи неолита и энеолита в Бурятии:

1 – Усть-Каренга; 2 – Красная Горка; 3 – Кибалино; 4 – Мухино; 5 – Фофаново; 6 – Бухусан; 7 – Нижняя Джилинда; 8 – Старый Витим-2; 9 – Посольск; 10 – Ярцы Байкальские; 11 – Окунева IV; 12 – Катунь-1; 13 – Санний Мыс; 14 – Муханские озера; 15 – Нижне-Березовское; 16 – Усть-Юмурчен; 17 – Тулту-Дабан; 18 – Новая Шишиковка; 19 – Тологой; 20 – Дунда-Киреть; 21 – Могсохон; 22 – Тамахтай; 23 – Поворот; 24 – Верхний Мангиртуй; 25 – Старый Заган; 26 – Петропавловка; 27 – Хамнигота; 28 – Харга; 29 – Байкальское; 30 – Кулькисон; 31 – Куналей

На местонахождениях Кибалино-1 (на левобережной террасе р. Селенги в устье ручья исследован участок площадью в 110 кв. м) и Кибалино-2 (на высокой левобережной селенгинской террасе на западной окраине дер. Кибалино, раскопан участок в 50 кв. м). Выявлено 2 культурных горизонта: нижний слой содержал скопления расколотых костей животных, грубо оббитые гальки в виде чопперов, клиновидные нуклеусы, сколотые с них пластины, овальной формы ножи, фрагменты керамики с отпечатками шнура и сетки.

В материалах стоянок Кибалино-1 и Кибалино-2 много грубо оббитых галек, чопперовидных орудий,

скребков из массивных пластинчатых отщепов, а также клиновидных нуклеусов, правильных ножевидных пластин и изделий из них. Особенностью является высокоразвитая техника отделения ножевидных пластин, с последующей специфической обработкой их, и изготовление острий, проколов и наконечников с ограниченным применением ретуши.

Несколько позднее, около 7500–5500 л. н. на территории Забайкалья появляется и существует долгое время культурная общность, характеризующаяся своеобразным погребальным обрядом (самые ранние погребения, известные на этой территории), а также шнуровой традицией изготовления керамических сосудов. Преобладающим сырьем

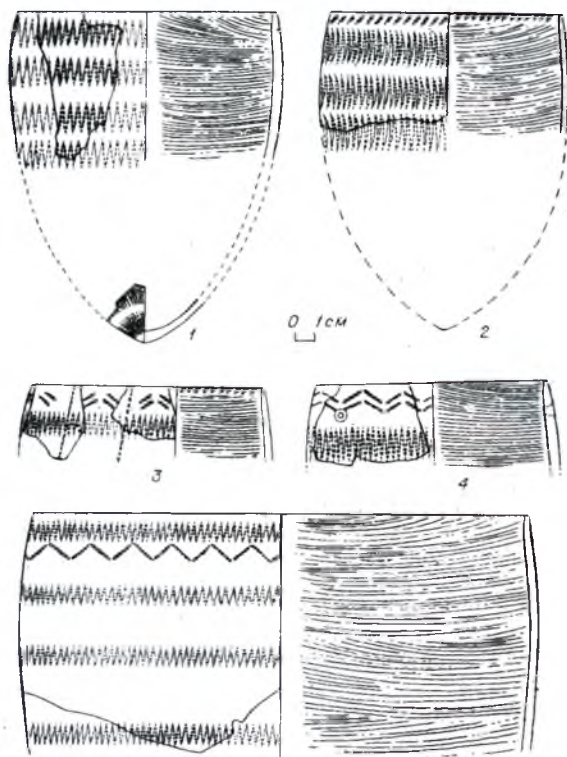

Рис. 2. Керамика усть-каренгской культуры (по Ветрову, 1985)

для каменных изделий становятся халцедон и цветные яшмоиды. Нуклеусы в основном конические, но у них все еще сохраняется гребень, образующий контрфронт. Редкие торцовые клиновидные экземпляры теперь лишь продукт подготовки или начальной стадии утилизации нуклеуса. Появляются изделия из нефрита. Большое развитие получают костяные изделия – гарпуны, острия и кинжалы, в т. ч. вкладышевые ножи и клинки.

К этому времени относится Мухинская стоянка, но больше этот период изучен по погребальным комплексам Фофаново, Бухусана, могильник Старый Витим-2, Нижняя Джилинда, а также некоторым одиночным погребениям. Существует определенная сложность в соотношении стояночного материала с погребениями, так как в последних крайне редко встречается керамика. Лишь отдельные фрагменты шнуровой керамики найдены в нескольких погребениях.

Мухинская стоянка, которая дала название ранненеолитическому этапу Забайкалья, расположена на правом берегу р. Иволги, левого притока р. Селенги, в 20 км от Улан-Удэ, на юго-западной окраине бывшей деревни Мухино.

Установлено наличие на памятнике 7 культурных горизонтов. В ранненеолитическом слое найдены фрагменты керамики со штриховым декором, нуклеусы, скребки, резцы, острия, микропластины, чопперы и другие орудия¹.

Погребальные памятники раннего неолита на сегодняшний день являются наиболее древними из известных в регионе. Одним из наиболее известных памятников в Бурятии является Фофановский могильник (рис. 5), открытый А. П. Окладниковым в 1927 г. на юго-западном склоне Фофановской горы у дер. Фофаново, в низовьях р. Селенги. Одно из погребений сохранилось почти полностью. На глубине 1,15 м обнаружен скелет человека, ориентированный головой на восток, лицом обращенный на запад. Он лежал на спине с вытянутыми вдоль тела руками. Нижние конечности, очевидно, были уничтожены размывом. Хорошо сохранился череп, около него найден обломок просверленного клыка кабана. У левого плеча и левой руки лежали 2 каменных листовидных наконечника стрелы. Найдены также еще 1 наконечник стрелы со слабо выраженными жальцами, 2 ножевидные пластинки, из которых одна ретуширована, отщепы и обломок незаконченного обработкой наконечника.

В 1931–1936 гг. М. М. Герасимовым было вскрыто более 40 погребений и установлено, что по обряду захоронений и инвентарю они относятся к разным хронологическим этапам – неолиту и энеолиту².

В 1948 и 1950 гг. работами Бурят-Монгольской экспедиции А. П. Окладникова исследование могильника было продолжено, раскопаны еще 43 погребения. Выявлены 3 группы могил: поздне-неолитическая (китайская – по периодизации А. П. Окладникова), самая многочисленная – глазковская и более поздняя – шиверская эпохи бронзы. В ранних захоронениях Фофановского могильника погребенных обычно сопровождал следующий инвентарь: костяные наконечники гарпунов, кинжаловидные роговые изделия, плоские костяные кинжалы и ножи с вкладышными лезвиями из двусторонне ретушированных каменных пластин, шилья

¹ Ярославцева Л. Г. Многослойное поселение Мухино // Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 128–138.

² Герасимов М. М. Река Селенга и Белая // Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг. – М.-Л., 1941. – С. 320.

из грифельных костей лося, каменные наконечники стрел, скребки, проколки. Инвентарь и наличие охры в могилах позволили синхронизировать их с китойскими погребениями (по прибайкальской периодизации А. П. Окладникова – конец III – начало II тысячелетия до н. э.)¹.

В 1959 г. М. М. Герасимов в составе Иркутской археологической экспедиции продолжил исследования Фофановского могильника. В восточной его части был заложен раскоп, в котором открыты 41 погребение. При раскопках могильника широкой площадью сделаны важные стратиграфические наблюдения: удалось проследить 2 слоя погребенных почв. Эти наблюдения над расположением могил относительно названных слоев позволили дифференцировать по времени появления все исследованные погребения, независимо от того, имелись ли в их инвентаре какие-либо датирующие предметы, на 3 хронологических этапа: китойский, глазковский и шиверский².

Отметив близость комплексов позднесеровского и раннеглазковского времени и выделив погребения китойского типа в 1-ю раннюю группу на Фофановском могильнике, М. М. Герасимов предложил хронологическую шкалу древних памятников Прибайкалья и соседних с ним территорий в таком виде:

- хиньский этап мезолита;
- китойский этап раннего неолита;
- серовский этап позднего неолита;
- глазковский этап энеолита и ранней бронзы.

Эта хронология была подтверждена А. К. Конопацким на памятниках Ольхона и Приольхонья, где впервые были получены серии радиоуглеродных дат. Китойские погребения имели даты 6550 ± 35 и 5720 ± 50 и были наиболее древними³. Результаты радиоуглеродного датирования, проведенного Н. Н. Мамоновой и Л. Д. Сулержицким⁴ по костякам из погребений, также подтвердили правильность мнения М. М. Герасимова и Е. Н. Черных о

большом хронологическом и культурном разрыве между 1-й и 2-й группами погребений (китойской и глазковской). Благодаря датированию могильников китойской культуры Прибайкалья, были уточнены датировки фофановских погребений, для которых получены даты в диапазоне от 6350 ± 50 (погребение № 3) до 7040 ± 100 л. н. (погребение № 7, костяк 5), показавшие, что их поздненеолитический возраст А. П. Окладниковым был определен ошибочно.

Отнесенные к китойским могилы 1-й группы Фофаново характеризуются наличием таких элементов китойской культуры Прибайкалья и Приангарья, как обильная окраска костяков охрой, налобные украшения из мраморных колец, подвески из клыков кабана и зубов марала, костяные кинжалы с вкладышами из халцедоновых пластинок (рис. 6, 7). Причем внутри группы погребения различаются представительностью набора инвентаря. Так, наиболее богатым является погребение № 5, в котором найдены: на черепе – 3 мраморных кольца, подвески из зубов марала, пластинка из перламутра, под черепом – вкладышевый кинжал, костяное острие, на шее – подвески из клыков кабана с просверленными отверстиями, на груди – кинжал со вкладышами, у пояса – скребок. Китойским признаком является также наличие среди данной группы коллективных захоронений. Таким является погребение № 7, в котором захоронены мужчина 45 лет, юноша около 17 лет, мальчик 8–10 лет и по принципу антитезы к ним – женщина 30 лет, девочки 14 и 10 лет и младенец. Все костяки, кроме скелета мальчика, были без черепов.

Фофановские могилы этой группы отличаются от китойских погребений Приангарья рядом признаков: ориентация костяков; положение на спине или на боку с согнутыми в коленях ногами, а не вытянутое; в сопровождающем инвентаре нет характерных для ангарского Китоя составных рыболовных крючков или каменных стерженьков этих крючков, редки костяные гарпуны, игольники и т. д. В то же время есть и много схожего: засыпка погребенного охрой, наличие украшений из расщепленных клыков кабана, составные кинжалы и т. д. Помимо этого родство древних фофановцев с китойцами подтверждено палеоантропологическими исследованиями⁵.

Последние раскопочные работы на памятнике проводились под руководством В. П. Конева в

¹ Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. I и II // Материалы исследования по археологии СССР. – 1950. – № 43. – 411 с.

² Герасимов М. М., Черных Е. Н. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975.

³ Конопацкий А. К. Древние культуры Байкала. – Новосибирск: Наука. 1982. – С. 79.

⁴ Мамонова Н. Н., Сулержицкий Л. Д. Опыт датирования по С14 погребений Прибайкалья эпохи голоцена // СА. – 1989. – № 1. – С. 19–32.

⁵ Герасимова М. М. Череп Фофановского могильника (р. Селенга) // Древности Байкала. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1992. – С. 97–110.

Рис. 3. Общий вид на стоянку Красная Горка

1987–1991 и 1996 гг. Было раскопано 17 погребений, из которых практически все, кроме погребения 16, отнесены к китойскому комплексу¹. Признана близость могил данной группы к ангарскому Китою, но при этом отмечаются отличительные черты: скорченность костяков, ориентировка погребенных на СЗ-ЮВ, В-З, отсутствие стерженьков рыболовных крючков, нефритовых орудий и т. д.

Большой интерес, особенно для проведения палеосоциологических реконструкций, представляют групповые захоронения данного комплекса. Наиболее вероятной представляется принадлежность людей, погребенных в одном могильнике, к одному роду.

По радиоуглеродным датировкам к раннему неолиту отнесены погребения на северо-востоке Бурятии. Два из них – № 20 и 21 могильника Бухусан на оз. Исинга в Еравнинском районе Бурятии, имеют дату 6430 ± 100 и 6650 ± 90 л. н. Третье, одиночное, погребение из Нижней Джилинды (Сивакон-1), открытое в Бамбуйской котловине на берегу р. Витим, имеет дату 7230 ± 40 л. н.

Могильник Бухусан находился на краю береговой террасы оз. Исинга, на окраине одноименного поселка, раскопано 27 погребений под каменными кладками. Изучение погребального обряда и инвентаря, а также проведенное значительное время спустя радиоуглеродное датирование погребений позволило выделить на могильнике разновременные группы погребений.

Погребение № 20 могильника Бухусан не имело каменной кладки. В нем обнаружены отдельные кости человека плохой сохранности. Инвентарь составляли пластинки, крупный роговой

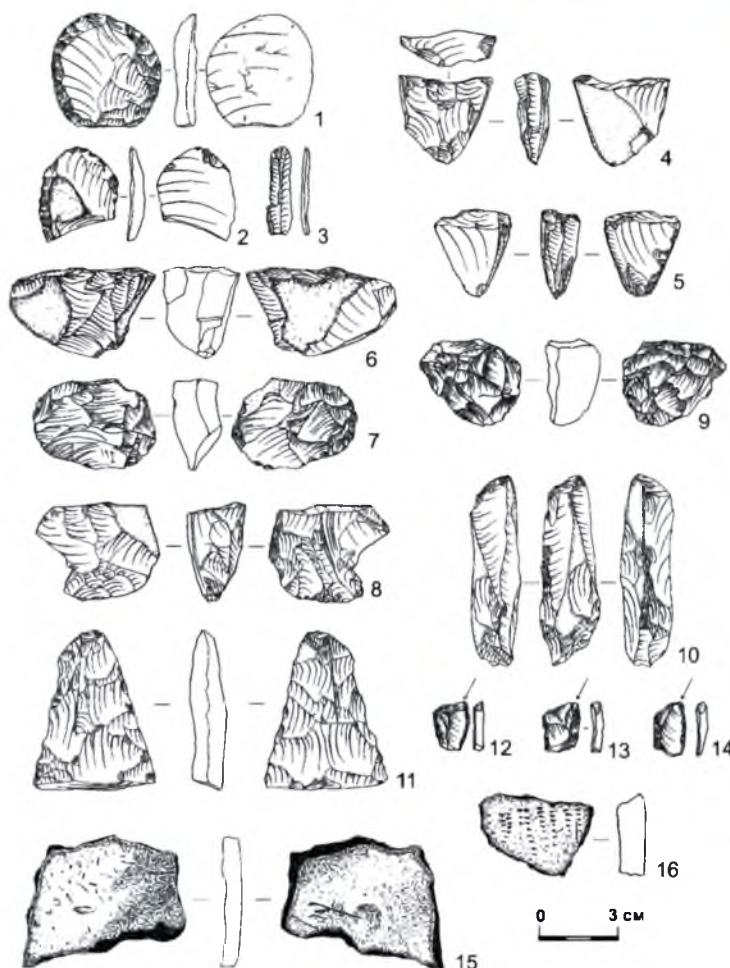

Рис. 4. Археологические материалы ранне-неолитического горизонта стоянки Красная Горка

¹ Жамбалтарова Е. Д., Конев В. П. Фофановский могильник. Материалы 1987–1989 и 1996 гг. // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2001. С. 171–172.

Рис. 5. Вид с горы Фофаново

отжимник, ретушер из гальки, сланцевый отбойник, обломки небольших кружков из белого известняка, несколько фрагментов гладкостенной керамики, расщепленные клыки бобра и т. д. В подквадратной кладке погребения № 21 найдено большое количество халцедоновых и яшмовых пластинок (54 экз.) и проколов (13 экз.). Ниже, на уровне костей скелета очень плохой сохранности, зафиксированы каменные изделия: микроскребок на халцедоновом отщепе, пластинки и проколки из халцедона и яшмы, краевой скол с нуклеуса, крупная, тщательно отретушированная проколка¹.

К ранненеолитическому времени относится могильник Старый Витим-2 (Усть-Муя). Расположен он в приустьевом участке р. Муя (правый приток р. Витим). Это первый известный большой могильник в бассейне. Здесь зафиксировано свыше 10 комплексов². Прежде всего это 9 могил, которые ха-

рактеризуются следующими общими чертами: могильной ямой сверху овальной формы, внизу – подпрямоугольной, густо посыпанной по дну охрой; ориентировкой могильных ям СВ-ЮЗ по длинной оси; насыщенностью засыпки могилы углем и сажистыми примазками; плохой сохранностью костяков (в ряде случаев все же удалось зафиксировать их положение – на правом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на ЮЗ, лицом на СВ); преобладанием в сопровождающем инвентаре изделий из нефрита (тесел, ножей, их заготовок), халцедоновых пластинок-вкладышей, агальматолитовых бусин, зафиксирован вкладышевый кинжал. Три погребения продатированы в пределах от 7280 ± 65 до 6415 ± 79 л. н.

К ритуальным комплексам могильника относятся и ямы, не содержавшие костных остатков, но по структуре и материалу очень схожие с погребениями. Наличие в засыпке угля, инвентарь в виде нефритовых изделий, бусин, отщепов и т. д., а также форма и глубина ям позволяют считать эти объекты кенотафами.

К памятникам этого же ряда следует отнести и ритуальный комплекс в устье р. Каренги. На погребально-ритуальном комплексе Усть-Каренга-16 зафиксированы 2 ямы размерами $1,25 \times 0,75$ м

¹ Ивашина Л. Г. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 94–97.

² Ветров В. М. Работы Иркутского педагогического университета в Муйской котловине // Археологические открытия 2001 года. – М.: Наука, 2002. – С. 403–404; Он же. Работы на местонахождении Старый Витим-II в Муйской котловине // Археологические открытия 2002 года. – М.: Наука, 2003. – С. 345–346.

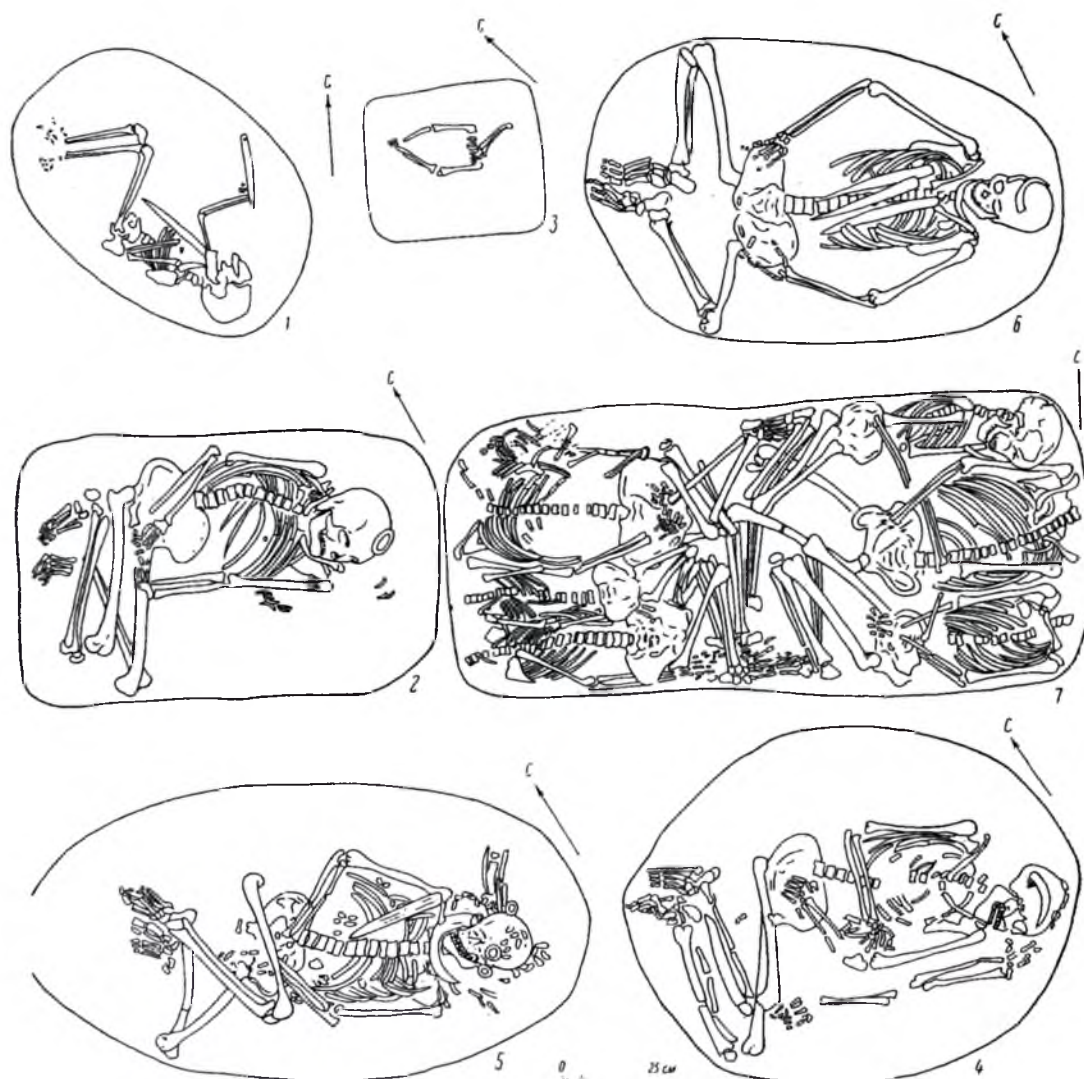

Рис. 6. Ранненеолитические захоронения могильника Фосфаново (по Герасимову, Черных, 1975).

и 0,70 x 0,47 м. Дно в обеих ямах заполнено охрой, в заполнении фиксировались угольки. В первой лежали вкладыши однолезвийного ножа с несохранившейся костяной основой. Остальной материал представлен многочисленными каменными пластинками и отщепами, в т. ч. и ретушированными, нуклеусами, провертками на сработанном нуклеусе, отбойником, кусками обожженной глины и т. д. Автор раскопок приходит к выводу о ритуальном значении данных ям, возможности определения их как погребений или кенотафов¹.

¹ Ветров В. М. Ритуальный комплекс в устье р. Каренги

К этому же времени относится одиночное погребение в местности Верхний Мангиртуй Бичурского района Бурятии, открытое и раскопанное летом 2003 г. археологическим отрядом Музея БНЦ СО РАН (рук-ль Л. В. Лбова). Богатый сопроводительный инвентарь составили перламутровые кольца, украшения из расщепленного клыка кабана, подвески из резцов марала, перламутровые пронизки, бусины из черного углистого сланца, а также мелкий пастовый бисер, а также костяные иглы, ре-

(долина р. Витим) и некоторые проблемы неолита Восточной Сибири // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск, 2008. – С. 28–43.

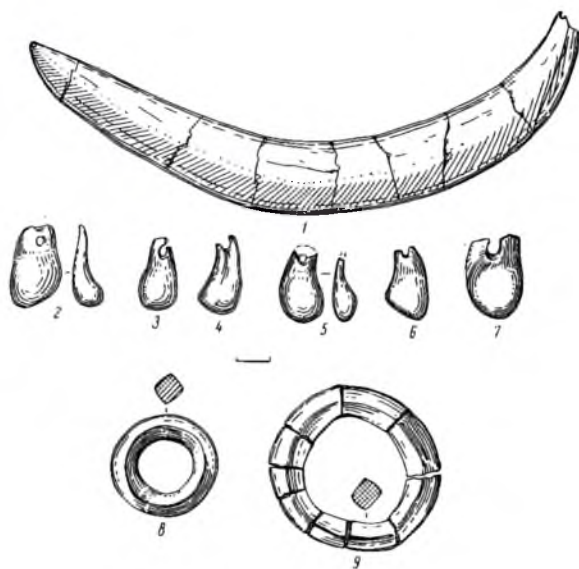

Рис. 7. Находки из ранних погребений Фофаново: 1–7 – из погребения 3; 8, 9 – из погребения 5 (по Герасимову, Черных, 1975).

тушированные микропластинки и т. д. Установлено, что погребенная была женщиной 35–40 лет, по краниологическому типу отнесена к ранней группе могильника Фофаново. Полученные по кости радиоуглеродные даты в целом не противоречат этому – 7590 ± 150 и 6760 ± 70 л. н.¹

Погребение из Нижней Джилинды несколько отличается от остальных. Оно имело овальной формы каменную кладку размером 3,0х3,5 м. Среди камней кладки найдено большое количество предметов: призматические нуклеусы, скребло, скребок, заготовка ножа из нефрита, песчаниковые плитки для работы по нефриту, выпрямители древков, халцедоновые гальки, отщепы, а также бусины из агальматолита. Сама могильная яма была заложена камнями, стенки обложены плитами. При расчистке были обнаружены отдельные кости, принадлежавшие мужчине 30–35 лет, в сопровождении многочисленных (собрано 1310 различных предметов) изделий из камня и кости. Среди них – наконечники стрел («даурские») и вкладыши из призматических пластин (некоторые из них с частичной ретушью),

фрагменты вкладышевых орудий из ребер животных и бивня мамонта, долотовидные инструменты из уплощенного и приостренного на конце рога, обломок зубца гарпуна, костяное жало составного рыболовного крючка, фрагмент пластины из нефрита и т. п.²

Погребальные памятники раннего неолита на территории Бурятии имеют как сходства, так и различия с классическим прибайкальским Китоем. Среди отличий – отсутствие каменных стерженьков рыболовных крючков, а также скорченное положение костяков в погребальном обряде, в ряде случаев – наличие надмогильной каменной кладки.

Сравнение ранненеолитических памятников Бурятии с памятниками сопредельных территорий обнаруживает элементы сходства с сылахским этапом неолита Якутии, установленным на поселениях типа Белькачи-1 (радиоуглеродные даты 6000 ± 100 – 4800 ± 100 л. н.)³, и с ранненеолитическими горизонтами поселений Студеное-1 и Усть-Менза-1 в Восточном Забайкалье (6,5–5,5 тыс. л. н.)⁴. Подавляющее большинство каменных орудий этого времени изготовлено из пластин. Это наконечники стрел, иногда с частичной ретушью у острия или основания, скребки, ножи, проколки, резцы. Что касается керамики, то общим моментом для ранненеолитических памятников Прибайкалья, Якутии и частично Западного Забайкалья является наличие глиняной посуды с отпечатками нитей шнура и узлов сетки. На ранних памятниках Восточного Забайкалья сетчатая керамика не встречена. Там изготовление глиняной посуды, как и в Западном Забайкалье, с самого начала основывалось на технике выколачивания сосудов из цельного куска глины посредством колотушки, обмотанной травой или нитями, отчего на поверхности готовой посуды оставались шнуровые или штриховые отпечатки. В Забайкалье такая керамика бытует, несколько видоизменяясь, на протяжении всей эпохи развитого неолита, энеолита и ранней бронзы.

² Ветров В. М., Задонин О. В., Инешин Е. М. Много-слойное местонахождение Нижняя Джилinda (Сивакон)-1 в Бамбуьской котловине // Культуры и памятники эпохи камня и металла Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 98–113.

³ Мочанов Ю. А., Федосеева С. А. Абсолютная хронология голоценовых культур Северо-Восточной Азии // Якутия и ее соседи в древности. – Якутск, 1975. – С. 46.

⁴ Константинов М. В. Каменный век восточного региона...

¹ Жамбалтарова Е. Д., Лбова Л. В. Предварительные данные о погребении на р. Хилок у с. Верхний Мангиртуй на юге Забайкалья // Социогенез Северной Евразии: прошлое, настоящее и будущее. – Иркутск: Изд-во ИргТУ. – 2003. – С. 66–70.

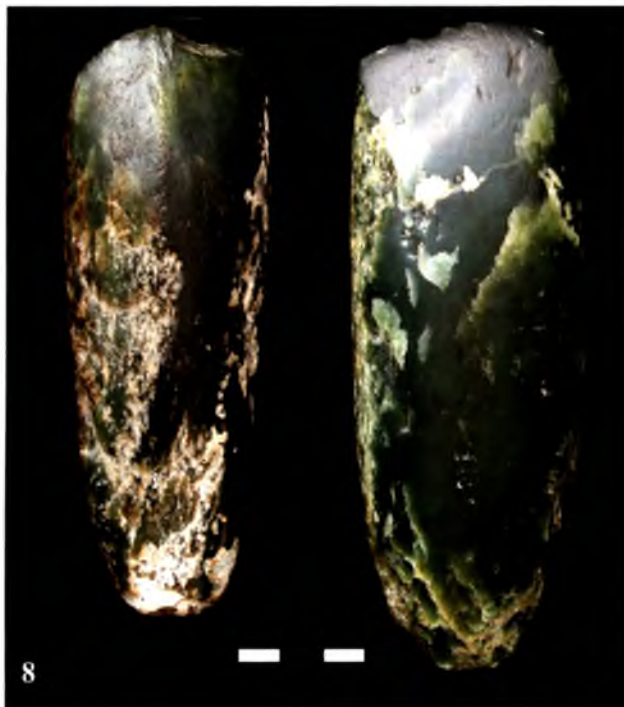

Рис. 8. Нефритовые топоры: 1 – Муханские озера (подъемные сборы Н.В. Именохоева, фонды музея БНЦ СО РАН); 2 – Улан-Одон (Кибалино, сборы Л.Г. Ивашиной 1977 г., фонды музея БНЦ СО РАН)

Рис. 9. Фофаново: бусы из зубов марала (раскопки В.П. Конева, 1991, фонды музея БНЦ СО РАН).

Рис. 10. Фофаново: кальцитовое кольцо (раскопки В.П. Конева, 1991, фонды музея БНЦ СО РАН).

Важной характерной чертой начала раннего неолита Бурятии является сохранение мезолитических традиций, которые в первую очередь заключаются в технологии первичного расщепления каменного сырья, представленной торцовыми клиновидными нуклеусами. Архаичны по облику и технике изготовления и некоторые типы орудий, такие как, например, острия на призматических пластинах, нередко с частичной ретушью, или трансверсальные резцы на пластинчатых отщепках.

Местные археологические культуры начального этапа ранненеолитического времени имели корни в местном же позднем палеолите – мезолите. Примечателен и факт существования здесь самостоятельного и древнейшего в Азии очага возникновения керамики. В эпоху раннего неолита большее распространение получает использование разнообразных пород камня – цветных яшмоидов, халцедонов, нефрита. Одновременно широко используются такие приемы обработки камня, как пиление и шлифовка.

В раннем неолите население Бурятии продолжает еще с эпохи позднего палеолита – мезолита вести образ жизни охотников и рыболовов. Однако, вероятно, получили большее развитие специализированные формы охоты и рыболовства, приведшие к большому сплочению коллективов людей, что отразилось на практике погребальной обрядности. Именно к раннему неолиту относятся наиболее ранние известные захоронения на территории Бурятии. Представления о человеке как члене общины побуждали сородичей заботиться о его загробной жизни. Вместе с умершим клали орудия, украшения и амулеты (рис. 8–10). О существовании тесных социальных связей свидетельствуют и коллективные захоронения. Вместе с тем материалы погребений говорят о наличии в то время сложной системы религиозных представлений. Обильная засыпка охрой, вероятно, символизировала наделение погребенного жизненной силой. Умершие, по пред-

Рис. 11. Вид с севера на Посольское поселение.

Рис. 12. Керамика поселения Посольск: 1, 2 – посольского типа; 3 – тип керамики, близкий к посольскому (раскопки Е.А. Хамзиной, 1964).

Рис. 13а. Посольск: каменный инвентарь.

Рис. 13б. Посольск: каменный стерженек составного рыболовного крючка

ставлениям древних, отправлялись в другой мир, где им могли еще пригодиться сопровождающие их предметы.

6.2. Развитой неолит

Период развитого (среднего) неолита известен в Бурятии по материалам нижних слоев многослойных поселений на восточном побережье оз. Байкал: Посольск (в низовьях р. Селенги), Ярцы Байкальские, Окуневая-4, Катунь-1, а также по материалам слоя II поселения Санный Мыс на р. Уде, 2-го горизонта поселения Муханские Озера (бассейн р. Кодун, левого притока р. Уды) и дюнных стоянок Селенги и Уды.

На Посольской стоянке в окрестностях с. Посольск Кабанского района Бурятии (рис. 11) выявлено несколько культурных горизонтов: 1А-1Е, 2А-2В. Большой частью инвентарь поселения представлен керамикой, образующей ряд типологических групп. К комплексам развитого неолита следует отнести керамику следующих групп¹:

- керамику «хайтинского» типа: тонкостенные сосуды митровидной формы, с оттисками витого шнура и горизонтальными наклонными прочерченными полосами;

- керамику «посольского» типа (рис. 12: 1–3): с утолщенным венчиком, орнаментированные в разных вариациях гребенчатым штампом, отступающей лопаточкой, сквозными отверстиями. Декорировалась в основном верхняя часть сосудов, имевших остродонную форму и шнуровые отпечатки на тулове. Этот тип керамики выделен Н. А. Савельевым². Она имеет аналогии в материалах прибайкальских памятников: в слое Va Горелого Леса³ (4880±180 л. н.), в слое IV Усть-Хайты, а также в смешанных с хайтинской керамикой комплексах Приольхонья – в слое IX Улан-Хады (4560±100 л. н.,

4030±115 л. н.), слое IV Итырхей (4740±155 л. н.), слое III Саган-Забы (6000±40 л. н., 5160±55 л. н.), слое I Кулары III (5290±15 л. н.). Западный ареал распространения керамики этого типа доходит до Енисея: так, она есть в слое III Б стоянки Няша с датами 4080±60 л. н.⁴

В нижнем горизонте поселения открыты хозяйственные ямы со скоплениями галечных грузил, рыбьих костей, чешуи; найдены стерженьки рыболовных крючков, нуклеусы, орудия и отщепы из кремнистой породы и халцедона (рис. 13а). Скопления рыбьих костей и чешуи в нижнем слое Посольской стоянки, находки остатков рыболовных снастей, стерженьков рыболовных крючков (рис. 13б) свидетельствуют о значительной роли рыболовства в жизни ее обитателей. Стоянка могла быть рыбацкой тоней, которая регулярно посещалась во время хода омуля на нерест⁵. Ямы, зафиксированные на стоянке, могли иметь хозяйственное назначение и использоваться для хранения «...позднего улова, когда земля была уже холодной»⁶.

К развитому неолиту отнесены нижние горизонты поселения Ярцы Байкальские (рис. 14) (центральный комплекс – слой 2б, южный комплекс – слой 2). Коллекция характеризуется керамикой со шнуровыми отпечатками и слегка отогнутым наружу венчиком, по кромке которого и верхней части сосуда идут отпечатки отступающей лопатки, а также ретушированными микропластинками, в т. ч. даурскими остриями и клиновидными нуклеусами (рис. 15). Находки фиксировались в основном в районе временных кострищ, в одном случае оформленного двумя небольшими каменными плитами, уложенными под наклоном в небольшое углубление. Такая простая конструкция, вероятно, была удобна для установки на огонь кругло- или остродонного сосуда. Наличие лишь временных кострищ, а не стационарных очагов говорит о том, что поселение посещалось, по всей видимости, только в определенные сезоны.

Неолитические комплексы многослойного поселения Катунь-1 (Чивыркуйский залив, оз. Байкал) представлены в 6-м и 7-м культурных горизонтах. Подавляющая часть инвентаря представле-

¹ Цыденова Н. В., Хамзина Е. А. Керамические материалы Посольской стоянки: корреляции и варианты интерпретации // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2006. – С. 323–332.

² Савельев Н. А. Неолит юга средней Сибири (история основных идей и современное состояние проблемы): автореф. дис. ... канд. ист. н. – Новосибирск, 1986.

³ Номоконова Т. Ю., Горюнова О. И. Неолитические комплексы многослойного поселения Катунь-1 (Чивыркуйский залив, оз. Байкал) // Известия Лаборатории древних технологий. Вып. 2. – Иркутск: Изд-во ИГТУ, 2004. – С. 117–123.

⁴ Там же, с. 122.

⁵ Хамзина Е. А. Археологические памятники Бурятии. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 48.

⁶ Константинов М. В., Базарова Л. Д., Семина Л. В. Древнее поселение Посольское... – С. 23.

на керамикой (рис. 16) – сосудами с круглым дном, гладкостенными, штриховыми, реже с оттисками сетки-плетенки. Авторы выделяют в материале обоих слоев три основных типа сосудов – сетчатые, посольские и хайтинские. Встречены обломки рыбки-приманки «налимообразной формы» из глины. Каменные изделия (рис. 17) включают конические нуклеусы; пластинки, в т. ч. пластинки-вкладыши; резцы; скребки; проколки и сверла; наконечники стрел, двусторонне обработанные, с прямой и вогнутой базами; топор и тесло из сланца; точильный брусок; обломок сланцевой пилы; стерженьки рыболовных крючков, в основном китойского типа¹.

К неолиту отнесены комплексы 4-го и 3-го культурных горизонтов местонахождения Окуневая-4 (Чивыркуйский залив). Слой IV содержит каменный инвентарь – торцовые микронуклеусы, пластинки с ретушью и без нее, сколы, отщепы, проколку, стерженек составного рыболовного крючка; среди керамических изделий преобладают штриховые сосуды посольского типа, есть сосуды гладкостенные и орнаментированные горизонтальными линиями косо поставленного прямоугольного стека и поясом мелких сквозных отверстий по венчику. Этот слой хронологически отнесен к эпохе развитого неолита (конец IV – середина III тысячелетия до н. э.)².

Поселение Санний Мыс – один из стратифицированных памятников на правом берегу р. Уды, у подножия г. Тапхар в Хоринском районе Бурятии. Экспедицией А. П. Окладникова в 1968 г. здесь вскрыто 7 культурных горизонтов³, из которых нижние связаны со временем обитания людей в палеолитическое и мезолитическое время, а верхний отнесен к бронзовому веку.

Стратиграфическое положение 2-го культурного горизонта, связанного с верхним слоем гумусированной супеси, а также инвентарь – двусторонне ретушированные орудия и шнуровая керамика, часто

с «карнизиком», орнаментированная гребенчатым штампом и оттисками лопаточки, встречающаяся на забайкальских памятниках развитого неолита, дают возможность отнести слой II поселения к средне-неолитическому времени.

К этому же этапу неолита можно отнести 2-й культурный горизонт поселения у Муханских озер, расположенного на озерной юго-западной террасе (рис. 18), в долине р. Кодун (приток р. Уды), имеющего дату по C14 (СОАН-6605) 4620 ± 110 лет⁴.

Каменный инвентарь представлен коническими миниатюрными скребками с крутым рабочим краем округлой формы, скобелями, ретушированными пластинками. Одной из значимых серий являются миниатюрные наконечники стрел (рис. 19, 20). Они, как правило, имеют двустороннюю обработку, вогнутое или прямое основание. Сырьем для всех этих изделий чаще всего служил халцедон, в меньшей степени – кремнистые яшмоиды. Керамика представлена фрагментами тонкостенных сосудов со штриховым или шнуровым техническим декором. Орнамент опоясывал верхнюю привенечную часть изделий. В основном это разные вариации отступающей лопатки в сочетании с подтреугольным утолщением венчика с внешней стороны, в некоторых случаях – оттиски гребенчатого штампа и поясок сквозных отверстий в сочетании с утолщением венчика в виде карниза (рис. 19, 20). Жилища обитателей стоянки представляли собой наземную, скорее всего каркасную конструкцию типа чума, о чем свидетельствует планиграфия расположения находок в слое (рис. 21).

Материалы нижних слоев Посольской и Нижне-Березовской стоянок, Муханских озер и верхнего слоя поселения Санний Мыс показывают, что традиции ранне-неолитического этапа, связанные с образом жизни полубродячих, полuosедлых охотников-рыболовов, продолжают сохраняться и в более позднее время. Для изготовления каменных орудий по-прежнему используется техника отделения ножевидных пластин от призматических нуклеусов. Многие из каменных и костяных орудий, бытовавших в раннем неолите, вошли в инвентарь средне-неолитических племен. Новым является

¹ Номоконова Т. Ю., Горюнова О. И. Неолитические комплексы...

² Горюнова О. И., Лыхин Ю. П. Археологические памятники п-ва Святой Нос (оз. Байкал) // Древнее Забайкалье и его культурные связи. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 130–147.

³ Окладников А. П. Многослойное поселение Санний Мыс на р. Уде, в 35 км ниже Хоринска, Бурятской АССР (раскопки 1968 г.) // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. Вып. 2. – Новосибирск, 1971. – С. 15.

⁴ Цыденова Н. В. Поселение неолита – средневековья Муханские Озера (Западное Забайкалье) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. – 2009. – Т. 8. – Вып. 4: Археология и этнография. – С. 123–131.

Рис. 14. Общий вид на поселение Язы Байкальские с северо-запада

Рис. 15. Язы Байкальские: материалы неолитических горизонтов (раскопки Н.В. Цыденовой, 2006)

широкое распространение двусторонне ретушированных орудий – наконечников стрел треугольной формы с прямым или слегка вогнутым основанием, ножей, скребков. Увеличивается количество костя-

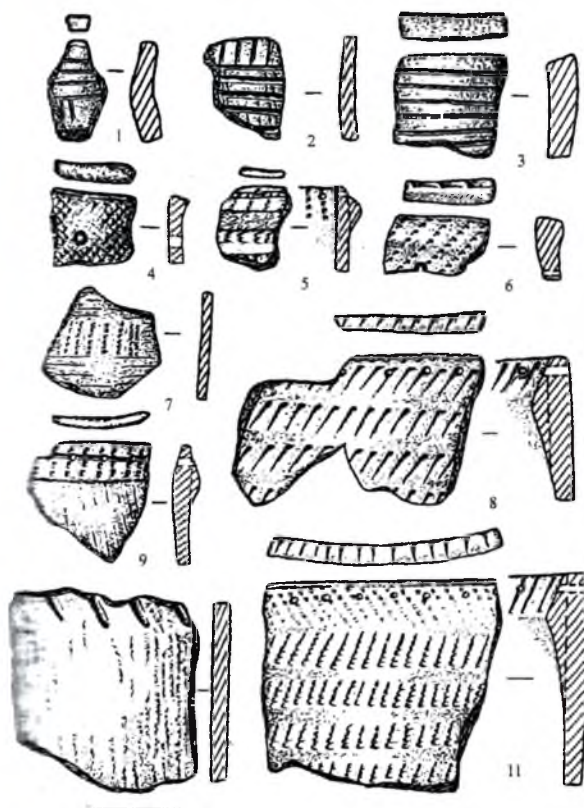

Рис. 16. Катунь-1: керамика слоя VII (по Номоконовой, Горюновой, 2004).

ных изделий, в особенности предметов охотничье-рыболовного инвентаря – гарпунов, стерженьков рыболовных крючков, шильев, острий. О распространении вкладышевых орудий свидетельствуют находки двусторонне ретушированных пластин-вкладышей. Глиняная посуда хотя и сохраняет сетчатые оттиски и технологический декор в виде оттисков шнура, появившиеся в раннем неолите, но в дополнение к этому приобретает орнаментацию из различных видов штампа: лопаточки, гребенчатого, штрихов, ямок. Типичной для этого периода является керамика с утолщенным налепом бортиком или «карнизиком».

Развитой неолит Бурятии представлен и погребальными комплексами: 2-й группой погребений могильника Бухусан в районе Еравнинских озер, рядом одиночных погребений в разных районах лесостепной зоны Бурятии.

Погребения могильника Бухусан находились под каменными кладками, иногда частично разрушенными, а в некоторых случаях оползающими по

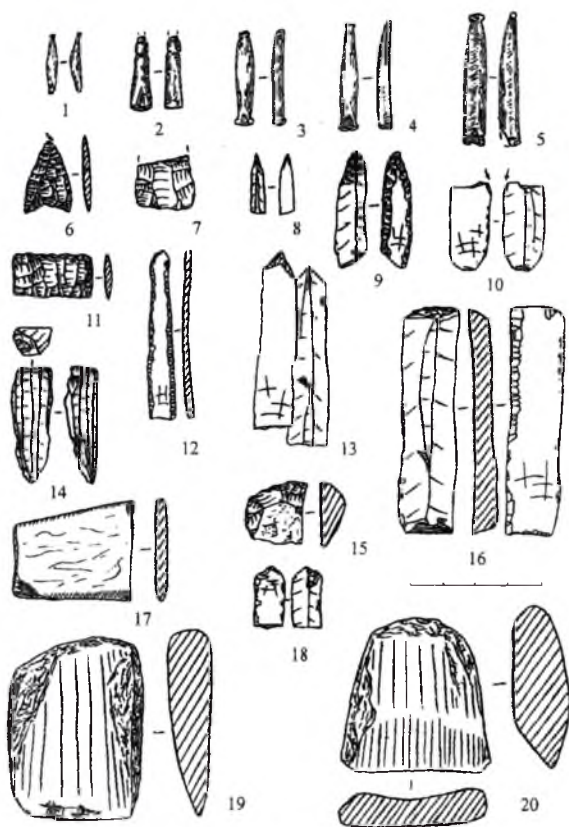

Рис. 17. Катунь-1: каменный инвентарь слоя VII (по Номоконовой, Горюновой, 2004).

склону в сторону озера. Захоронения совершались непосредственно под камнями кладок, на глубине не более 0,5 м; преобладающее положение погребенных — на правом боку, с согнутыми в коленях ногами и северо-восточной ориентировкой, в нескольких могилах отмечены пятна и кусочки охры. Погребальный инвентарь представлен изделиями из камня, кости и рога. Особенно богаты по инвентарю погребения № 3 и 6. В погребении № 3, где была захоронена женщина 30–35 лет, найдено 38 предметов, а в погребении № 6, принадлежавшем мужчине около 30 лет, собрано 52 предмета¹. В инвентаре погребений — большое количество рыболовных принадлежностей в виде костяных и роговых наконечников гарпунов с различными способами крепления; найдены сложные рыболовные крючки, костяные стерженьки составных крючков (рис. 22).

¹ Ивашина Л. Г. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии... — С. 72–78; 79–81.

Рис. 18. Вид с юго-востока на площадь поселения Муханские озера

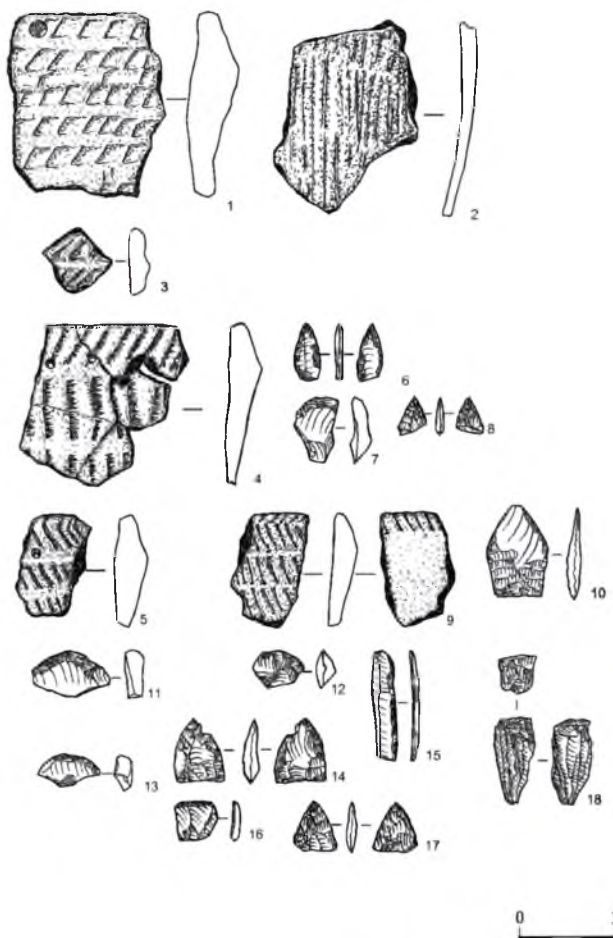

Рис. 19. Муханские озера: материалы неолитического слоя (раскопки Н.В. Цыденовой, 2005)

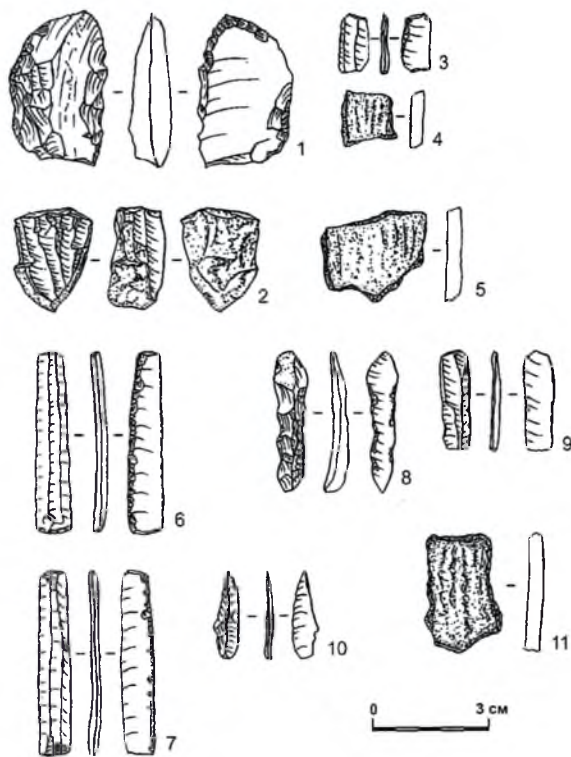

Рис. 20. Муханские озера: материалы неолитического слоя (раскопки Н.В. Цыденовой, 2005)

Среди охотничьих орудий – каменные, двусторонне ретушированные наконечники стрел и дротиков с симметрично-выемчатым и прямым основанием, костяные вкладышевые ножи и двусторонне обработанные пластины-вкладыши к ним, кинжаловидные острия и наконечник копья из рога изюбра (рис. 23, 24). Имеются отжимники из рога, ножи-резцы из кабаньих клыков, каменные прямоугольные, сплошь ретушированные ножи, костяные ложила, шилья, проколки. Из украшений найдены грушевидные раковины, подвески из расколотых клыков кабана (рис. 24). Керамики немного, она представляет собой фрагменты сосудов с отпечатками шнура.

По трем погребениям этой группы – № 6, костяки 1 и 2 погребения № 13 – могильника Бухусан имеются радиоуглеродные даты 4520 ± 50 , 4780 ± 80 и 4670 ± 90 л.н. соответственно¹, что позволяет отнести их к развитому неолиту.

В погребении № 6 обнаружен скелет человека, лежавшего на правом боку в сильно скорченном положении, головой на СВ, а также пятна охры и богатый набор сопроводительного инвентаря: роговой гарпун с односторонними зубцами и отверстием для крепления линя, костяная обойма вкладышевого ножа с пазом с одной стороны и нож с двумя халцедоновыми вкладышами, кинжал и острие из рога, роговые же отжимники, 22 наконечника стрел из яшмовидного сырья, треугольной формы с вогнутой базой (длиной 2,6–4,6 см), пластины, отщепы, скобель, резцы и проколки из серого кремнистого материала.

В погребении № 13 обнаружены 3 скелета, расположенные по одной

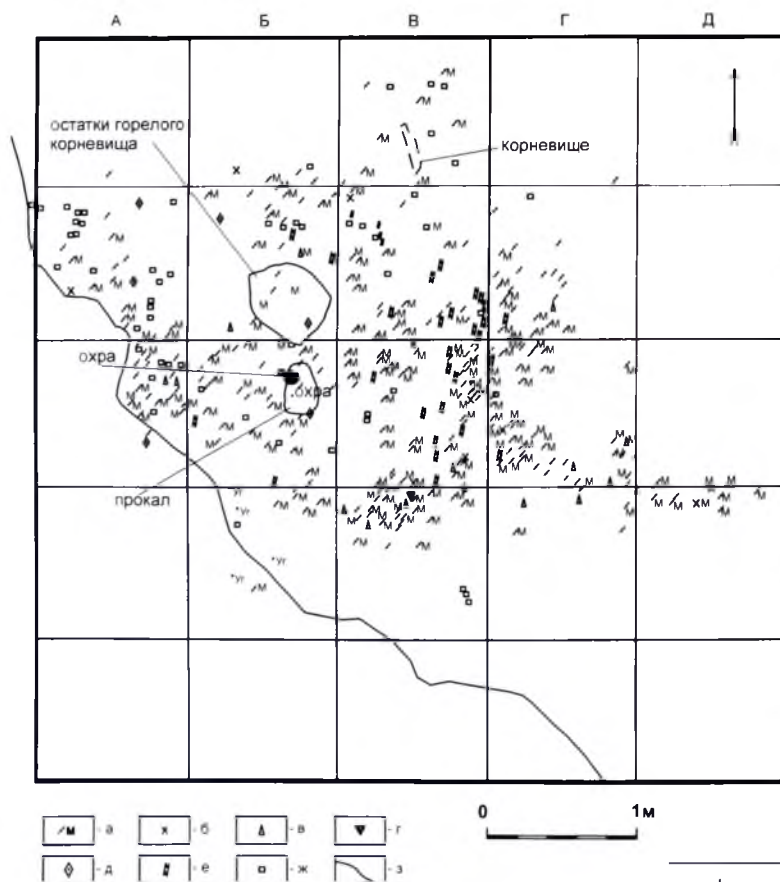

Рис. 21. Муханские озера: план расположения находок в слое

¹ Мамонова Н. Н., Сулержицкий Л. Д. Опыт датирования погребений...

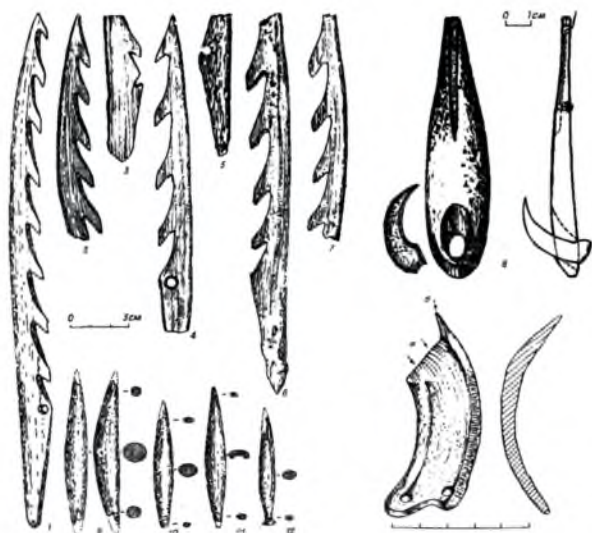

Рис. 22. Могильник Бухусан: костяные гарпуны и стерженьки рыболовных крючков

Рис. 23. Могильник Бухусан: костяные орудия

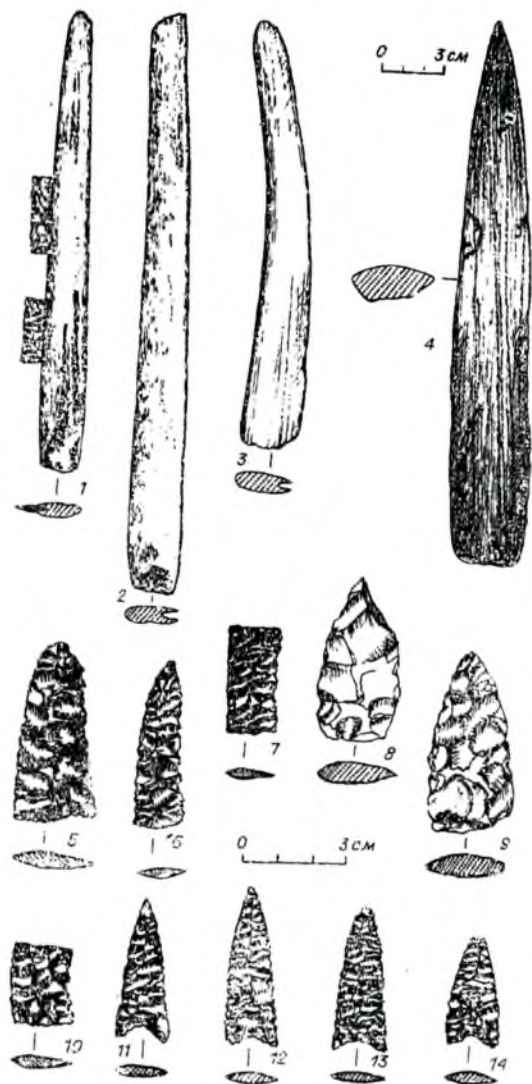
горизонтальной линии. При зачистке кладки, не имевшей выраженной формы, найдены костяное лощило, отщепы, заготовки наконечников стрел из халцедона и наконечники из яшмовидного кремня. В погребении замечены пятна и кусочки охры.

Костяк 1 погребения № 13 зафиксирован в положении на правом боку с согнутыми в коленях ногами, ориентирован головой на СВ. Возле костяка обнаружены подвески из расщепленных клыков кабана. Из вещей были положены нож-резец из клыка кабана, односторонний гарпун; костяное острие, 2 когтя медведя, яшмовые и халцедоновые наконечники стрел треугольной формы с бифасиальной обработкой и вогнутой базой, наконечники дротиков, ножи-бифасы, вкладыши-пластинки, скребки и резцы.

При скелете 2, зафиксированном на правом боку в скорченном положении, были найдены клык кабана, костяной стержень составного рыболовного крючка вытянутой и заостренной формы с отверстием в основании, костяные острия, коготь медведя, пронизки из перламутра, каменные изделия – отщепы, пластины, двусторонне обработанные наконечники стрел с вогнутым основанием, вкладыши, скребки.

Остатки скелета 3 сопровождалась костяными изделиями – двумя шильями из грифельных костей, двумя роговыми отжимниками, стерженьком рыболовного крючка с насечками для крепления лесы, двумя остриями. Из каменных предметов здесь находились отщепы, пластины, вкладыши, бифасиально обработанный наконечник стрелы с выемкой в основании, скребки, нож. Украшения представлены подвесками из зубов марала, широкой и вогнутой костяной пластинкой с отверстиями с уцелевшей стороны.

К этой группе погребений могильника Бухусан следует отнести и могилу № 3. В ней погребенный лежал на правом боку с согнутыми коленями, головой на СВ. Здесь также зафиксированы пятна и кусочки охры, особенно с правой стороны от скелета. Сопроводительный инвентарь очень богат. Это 16 гарпунов из рога – все односторонние, но с разным оформлением насада – с отверстиями, выступами или выемками; составной рыболовный крючок (стерженок костяной, крючок из когтя медведя);

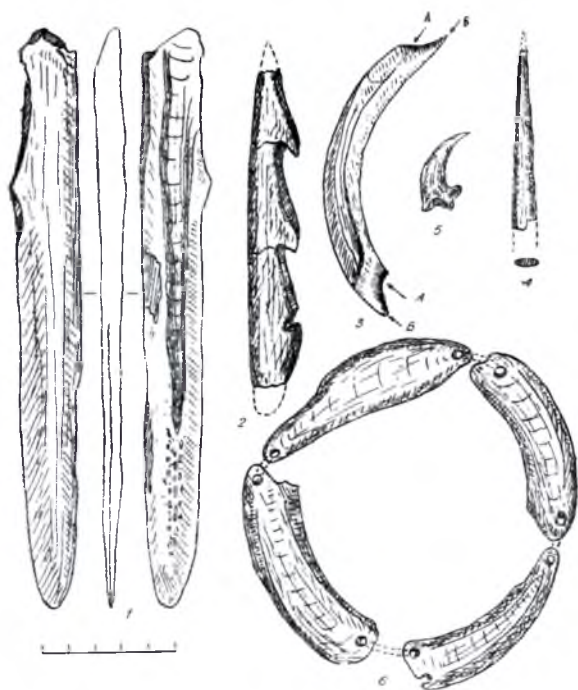

Рис. 24. Могильник Бухусан: костяные орудия и украшения из клыков кабана

нож-резец из клыка кабана; костяные вкладышевые ножи и кинжалы или их обоймы; роговые и костяные кинжалы, в т. ч. костяной кинжал с желобком посередине; треугольной формы, двусторонне обработанные наконечники стрел с вогнутым основанием; двусторонне обработанные наконечники дротиков; отжимник; ложило; игольник; проколки и отщепы из серой яшмы; каменный пест; фрагмент керамики с отпечатками шнура; ложка из черепа лисицы или собаки; изделие из костяной пластины, назначение которого неясно; украшения из зубов марала.

Погребение № 18 (костяк 2) сходно по представленному в нем материалу и наличию каменной обкладки с данной группой погребений. Здесь обнаружены: шило из грифельной кости лося, костяные отжимники, два наконечника стрел с вогнутым основанием и двусторонней обработкой, проколка, обломок наконечника дротика, скребки. Из украшений найден круглый бисер из ракушечника¹.

Различие в наборах погребального инвентаря отдельных погребений внутри этой группы могильника

Бухусан, вероятно, должно объясняться дифференциацией погребенных по социальному положению.

Погребения этой группы по характеру сопроводительного инвентаря имеют прямые аналогии с материалами из Шилкинской пещеры². По некоторым элементам погребального обряда и части инвентаря они обнаруживают сходство с китойскими погребениями Приангарья. Как и в классических китойских, в некоторых из них обнаружена охра, хотя не в таком большом количестве. Сходны вкладышевые ножи и костяные кинжалы, украшения и изделия из расщепленных клыков кабана.

Из северо-восточной части лесостепной зоны Бурятии, района Еравнинских озер и Заза-Еравнинской котловины, тяготеющих к долине р. Витим, происходят материалы 15 древних стоянок. Основные из них – Сосновая, Гунда, Тулдун-1–4, Гарам, Исинга-1–4, Усть-Заза. Культурный слой их находился на небольшой глубине, частично развеян и переотложен. Есть и ненарушенные участки, с каменным и керамическим материалом, находящим аналогии в поздненеолитических слоях многослойных поселений Якутии.

Исходя из типологии материалов еравнинских стоянок, часть из них можно отнести к средней фазе неолита. Скребки на этих памятниках представлены тремя типами: микроизделиями из прозрачного халцедона и яшмовидных пород, крупными экземплярами округлой и овальной форм на пластинах и пластинчатых отщепах, ретушированными со спинки, реже – языковидными образцами с широким ретушированным рабочим краем и узкой противоположной стороной. Наконечники стрел – треугольных форм, двусторонне ретушированные с вогнутым или прямым основанием и асимметрично расположенными жальцами. Нуклеусы – конических и прямоугольных форм. Имеются также комбинированные орудия в виде проколов-резцов, сплошь ретушированные ножи и пластины-вкладыши из халцедона и яшмовидного кремня. Причем, в отличие от предыдущего периода, материалом для каменных артефактов служил в это время халцедон, а кремнистые породы использовались реже. Керамика представлена фрагментами круглодонных сосудов, как правило, со штриховым декором, что характерно для глиняной посуды, изготовленной в технике выколачивания; основные орнаментальные

¹ Ивашина Л. Г. Неолит и энеолит...

² Окладников А. П. Шилкинская пещера – памятник древней культуры Верхнего Амура. – МИА. – 1960. – № 86.

мотивы – вариации гребенчатого штампа и штампа-лопаточки. Изредка встречены черепки с оттисками сетки.

Инвентарь стоянок, а в особенности материалы погребений дают достаточно полное представление о комплексном хозяйстве древних охотников, рыболовов и собирателей. Особенно показательны в этом отношении материалы поздненеолитических погребений могильника Бухусан. Расположение могильника на берегу большого, богатого рыбой озера определило рыболовческий характер хозяйства жившего здесь в древности населения. Многочисленные рыболовные принадлежности, сопровождавшие погребенных (гарпуны для битья рыбы, сложносоставные рыболовные крючки, их стерженьки), указывают на значительную роль рыболовства в хозяйстве древних племен. Рыбу ловили сетями, били гарпунами, добывали с помощью составных крючков и приманок.

Охота на диких животных – лося, изюбра, кабана, косулю, медведя была важным подспорьем в хозяйстве. Это подтверждается находками изделий из костей диких животных. Но лучше и полнее всего о значении охоты говорят сами предметы охотничьего вооружения – роговые кинжаловидные острия, каменные наконечники стрел, вкладышевые охотничьи ножи и кинжалы.

Немаловажная роль, очевидно, отводилась и собирательству растительной пищи – орехов, ягод, грибов, съедобных корней и клубней, о чем свидетельствуют находки киркообразных орудий из рога, которые могли использоваться для выкапывания съедобных корней, а также каменных пестов-терочников, применявшихся для растирания дикорастущих злаков.

Добытые на охоте шкуры животных требовали специальной обработки и выделки. Найденные в могилах костяные лощила, шилья, каменные острия, проколки, скобели и скребки служили именно для этой цели.

Техника обработки камня, кости и рога была доведена до совершенства. Это подтверждают находки обработанных с ювелирным изяществом двусторонне ретушированных вкладышей для ножей, наконечников стрел, вырезанных из рога гарпунов, сделанных из кабаньих клыков украшений и орудий.

Хозяйство, основу которого составляли охота и рыболовство, приемы обработки камня, рога и кости, а также абсолютные даты 3 погребений от 4780 до 4520 л. н. связывают население Бурятии этого

времени с одновременными культурами Прибайкалья, Восточного Забайкалья, Приамурья, Якутии и Монголии.

Несмотря на то, что погребения этого времени, как правило, мало соотносятся со стояночными материалами из-за практически полного отсутствия в первых керамики, все же имеющиеся абсолютные даты и типология предметов позволяют относить их к одному времени.

6.3. Поздний неолит

Поздненеолитические памятники на территории Бурятии все еще сохраняют признаки предшествующего времени, что отражается как в каменном и костяном инвентаре, так и в шнуровой керамике. Вместе с тем в регион проникает пришлая устьбельская традиция с западного побережья оз. Байкал и Приангарья.

Горизонты финала неолита на территории Бурятии зафиксированы на поселениях Нижне-Березовское в окрестностях г. Улан-Удэ и в материалах поселения Посольское.

Нижне-Березовская стоянка открыта в 20-е гг. в 8 км от г. Верхнеудинска, в устье р. Нижняя Березовка, правого притока р. Селенги. Раскопками Г. П. Сосновского в 1928 г. было установлено, что культурные остатки в виде расколотых костей животных, каменных орудий из кремнистых, яшмовидных пород и халцедона и фрагментов керамики были приурочены к темному гумусированному слою, перекрытому сверху небольшим наносным слоем песка. Г. П. Сосновский пришел к выводу, что находки идентичны и составляют единый комплекс¹, а также отмечал, что следов ни металла, ни керамики более позднего времени на стоянке не обнаружено, и датировал этот памятник эпохой неолита. Датировка Нижне-Березовской стоянки неолитическим временем была подтверждена и в результате работ Э. Р. Рыгдылона². И только позднее, во время работ Бурят-Монгольской экспедиции А. П. Окладникова, при раскопках стоянки в 1949 г. выяснилось, что она имеет 2 культурных горизонта. Новым было то, что кроме каменных и костяных изделий и разнообраз-

¹ Архив ЛОИА, ф. Г. П. Сосновского, 42, № 164, с. 4; 42, № 297, с. 13.

² Рыгдылон Э. Р. Неолитические находки на Нижне-Березовской стоянке // Советская археология. – 1950. – Т. 12. – С. 288.

но орнаментированной керамики неолитического облика обнаружены металлические предметы – обломки ножей и полушаровидные бляшки с перекрестием¹. Стратиграфическое положение нижнего и верхнего культурных слоев позволило датировать их, соответственно, временем неолита и эпохой бронзы.

В изготовлении каменных орудий нижнего культурного горизонта широко использовалась техника отделения ножевидных пластин от призматических нуклеусов. Многие каменные и костяные орудия, бытовавшие в раннем неолите, продолжали применяться и в эпоху позднего неолита. Для изготовления орудий по-прежнему широко использовались кремнистая галька, яшмовидные и халцедоновые породы камня. Наиболее распространены 2 типа наконечников: треугольные двусторонне ретушированные с прямым основанием и треугольные со слегка вогнутым основанием. Реже встречается третий тип – наконечники на пластинах, с частичной ретушью у острия и по краям. Среди скребков различаются орудия округлой, прямоугольной, подтреугольной форм. Нуклеусы торцовые клиновидные. Среди рыболовных орудий имеются каменные стерженьки рыболовных крючков с прорезями, костяные наконечники гарпунов с вырезом для крепления к древку, сходные с прибайкальскими серовскими и китойскими (по периодизации А. П. Окладникова). Одновременно с изредка встречающейся сетчатой керамикой распространена посуда с отрисками шнура, часто с «карнизом» у венчика, орнаментированная различными типами отрисок гребенчатого штампа и штампа-лопаточки. Вместе с тем широко представлена в коллекции керамика усть-бельской традиции, орнаментированная поясом округлых сквозных отверстий, а ниже горизонтальных и волнообразных рядов отступающей лопатки, которая по аналогии с предбайкальскими памятниками относит данный горизонт к концу неолита. Стенки сосудов несут штриховые отриски (рис. 25).

Подобные сосуды с характерным усть-бельским орнаментом найдены на Посольском поселении (рис. 26): тонкостенные сосуды с венчиком, утолщенным с внутренней стороны; по краю, как внешнему, так и внутреннему, идет один (реже елочкой)

ряд косо поставленного гребенчатого штампа, ниже – пояс круглых ямочек или сквозных отверстий, под ними – горизонтальные ряды прямого стека. В некоторых случаях эти ряды отрисок лопатки образуют зигзаги, в промежутках между которыми идут одиночные вдавления того же штампа, сопровождаемые отпечатками гораздо более мелкой лопаточки. Вся композиция наносилась поверх отрисок шнура. Форма сосудов простая, открытая. Размеры довольно большие, диаметр устья в некоторых случаях достигает 40–45 см.

Однако у сосудов с Нижне-Березовской и Посольской стоянок есть отличие от сосудов с Усть-Белой, которое говорит о смешении двух традиций. Оно заключается в сочетании орнамента и формы сосудов, присущих усть-бельской традиции со способом изготовления выколачиванием, характерным для большинства забайкальских памятников эпохи неолита, поскольку орнамент нанесен только в верхней части и поверх отпечатков штриха, а стенки сосудов тоньше, чем у сосудов с Усть-Белой. Произошло наложение двух традиций – формы и орнаментальной пришло и технологической (выколачивание, оставляющее на внешней поверхности негативы шнура лопаточки-колотушки) местной.

Эта керамика связана с усть-бельским керамическим пластом², охватывающим огромную территорию от среднего Енисея до восточного побережья Байкала. По мнению Н. А. Савельева, для усть-бельского типа керамики характерно «медленное диффузное проникновение на восток»³.

Для северо-восточной части Бурятии – бассейна р. Витим иркутскими исследователями на основе 2-го горизонта Усть-Каренги и аналогичных комплексов в устьях рек Юмурчен, Конда, Кумыхта выделена усть-юмурченская археологическая культура, отнесенная к эпохе позднего неолита (4,5–3,5 тыс. л. н.). Характеризуется она каменным материалом, преобладающим сырьем при изготовлении которого был халцедон (призматические нуклеусы «даурские» острия, пластинки-вкладыши, вкладыши-бифасы, наконечники стрел с выемчатой базой и т. д.). Керамический материал – штриховая

¹ Окладников А. П. Археологические исследования в Бурят-Монголии (1947–1950 гг.) // Известия АН СССР. Сер. История и философия. – 1951. – Т. 8. – № 5. – С. 445.

² Бердникова Н. Е. Усть-бельский керамический пласт (к постановке проблемы) // Тезисы докладов всесоюзной конференции «Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири». Ч. 2. – Улан-Удэ, 1986. – С. 36–38.

³ Савельев Н. А. Неолит юга Средней Сибири...

керамика, с утолщенным венчиком, по мнению авторов, по форме и орнаменту близок керамике «посольского» типа (пласта)¹.

6.4. Одиночные погребения

К неолитическому времени исследователи относят и ряд одиночных захоронений, раскопанных в разное время в бассейне р. Селенги. Не все из них имеют абсолютные датировки, поэтому пока затруднительно отнесение их к тому или иному этапу эпохи неолита. Это погребения в местности Тулту-Дабан²; в районе Новой Шишковки в черте г. Улан-Удэ³; на Тологое в окрестностях г. Улан-Удэ⁴; у с. Дунда-Киреть на р. Хилок⁵; у улуса Могсохон, на р. Кудун⁶; в пади Тамахтай в районе с. Новая Брянь⁷; на р. Чикой, у с. Поворот⁸ и др. Почти все они представляют собой грунтовые захоронения в ямах. Иногда, как у погребения на Тологое, имела каменная насыпь. Положение костяков – скорченное на боку и на спине, с согнутыми ногами, во многих случаях в погребениях присутствует охра. Общим для всех погребений является отсутствие керамики. Шлифованные орудия из зеленого нефрита (топоры, тесло, наконечник копья, нож) встречены в погребении на Новой Шишковке и в погребальном комплексе в местности Тамахтай. Многочисленные костяные изделия (рис. 27), в т. ч. вкладышевые орудия в виде ножей, кинжала, а так-

же костяные иглы, игольник из трубчатой кости, имеются в погребениях Тулту-Дабан, Могсохон, Поворот, Тологой. Украшения из просверленных зубов марала и расщепленного клыка кабана происходят из погребений в Тамахтае, Дунда-Кирети и на Новой Шишковке.

Всем им присущи различные элементы китойской культуры: засыпка погребенного охрой, наличие в некоторых могилах подвесок из клыков кабана и бус, в т. ч. из зубов марала (Дунда-Киреть (рис. 28), Тамахтай, Новая Шишковка), костяные вкладышевые орудия, а также костяные иглы, игольник из трубчатой кости (Тулту-Дабан, Могсохон, Поворот, Тологой, Верхний Мангиртуй), шлифованные нефритовые орудия (Новая Шишковка, Тамахтай). Отличает эти могилы от классических китойских положение костяков, которые находились в основном на спине или на боку с подогнутыми ногами, но в то же время этот признак сближает их между собой и в некоторой степени с погребениями, известными в Восточном Забайкалье (погребения на местонахождениях Усть-Менза-5 и Мельничное⁹, неолитический могильник Ножий, могильник Молодовск)¹⁰ и в Восточной Монголии (погребения в Тамцак-Булаке¹¹, Барун и Дзун-Ульдзыт)¹².

К разряду памятников, связанных с осуществлением погребально-обрядовых действий, вероятно, относится комплекс из верховьев рч. Сирикты (бассейн р. Витим). При отсутствии костей человека характер инвентаря определяется как явно погребальный. Сходство отдельных предметов (рис. 29, 30) с аналогичными вещами из погребений могильника Бухусан и Шилкинской пещеры дает основание датировать данный комплекс временем развитого неолита. Учитывая абсолютные даты II группы могил Бухусана, можно отнести его к середине III тысячелетия до н. э.

¹ Аксенов М. П. История и некоторые результаты... – С. 4–35.

² Талько-Грынцевич Ю. Д. Материалы к палеоэтнологии Забайкалья // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела имп. РГО 1901 г. – Т. 4. – Вып. 2. – М., 1902. – С. 32.

³ Хамзина Е. А. Неолитическое погребение с Новой Шишковки // Археологический сборник. Вып. 1. – Улан-Удэ, 1959. – С. 127–128.

⁴ Мамонова Н. Н. Новые находки неолитических черепков в Забайкалье // Записки Бурят-Монгольского НИИ культуры. – Вып. 23. – Улан-Удэ, 1957. – С. 118.

⁵ Коновалов П. Б. Неолитическое погребение возле Дунда-Кирети на р. Хилок (Южная Бурятия) // Вопросы краеведения Бурятии. Вып. 8. – Улан-Удэ, 1975.

⁶ Иваньев Л. Н. Неолитическое погребение в Худунской впадине // Краткие сообщения Бурятского комплексного НИИ. Вып. 1. – Улан-Удэ, 1959. – С. 95–96.

⁷ Ивашина Л. П. Неолит и энеолит...

⁸ Константинов М. В. Каменный век восточного региона...

⁹ Там же.

¹⁰ Окладников А. П., Кириллов И. И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.

¹¹ Окладников А. П., Деревянко А. П. Тамцаг-Булак – неолитическая культура Восточной Монголии // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. Вып. 5. – Улан-Удэ, 1970 – С. 3–20.

¹² Дорж Д. Неолит Восточной Монголии. – Улан-Батор, 1971.

Рис. 25. Нижне-Березовское поселение: 1, 2 – керамика усть-бельского типа; 3 – фрагмент венчика с «карнизом» (раскопки В.П. Конева, фонды музея БНЦ СО РАН)

6.5. Антропология Бурятии эпохи неолита

В итоге археологического исследования Байкальского региона создана хронологическая шкала неолитических памятников. С другой стороны, остались нерешенными вопросы преемственности между ранним и поздним периодами неолита (исключая Восточное Забайкалье, где преемственность сохраняется на протяжении всего неолитического периода), взаимоотношений населения поздненеолитических культур, перехода к энеолиту и бронзе. В решении этих проблем значительную роль могут сыграть антропологические данные.

Антропологические материалы эпохи неолита из Прибайкалья и Забайкалья изучались Г. Ф. Дебецем, А. Хрдличкой, М. Г. Левиным, М. М. Герасимовым, И. И. Гохманом, М. М. Герасимовой, Н. Н. Мамоновой. Репрезентативные, в первую очередь краниологические, данные способствовали возникновению научной дискуссии о роли и месте неолитического населения в антропологической истории региона. Имеются в виду разногласия между учеными в расогенетической идентификации населения Байкальской Сибири. Суть полемики о происхождении антропологических особенностей неолитического населения Прибайкалья состояла в некотором ослаблении монголоидного комплекса признаков, по сравнению с другими, древними и современными, монголоидными группами региона.

Рис. 26. Посольское поселение: керамика усть-бельского типа

Собственно, обе точки зрения на указанную проблему были высказаны Г. Ф. Дебецем. В своих ранних работах по этой проблематике он указывал на несомненное наличие европеоидной примеси у

неолитического населения Прибайкалья¹. Позднее им же было высказано неожиданное предположение о протоморфном монголоидном типе у неолитических племен Прибайкалья, характеризующимся сочетанием монголоидных и европеоидных особенностей. Разрешение этого вопроса Г. Ф. Дебеч поставил в зависимость от степени выраженности монголоидного комплекса признаков к востоку и

Рис. 27. Погребение в Дунда-Кирети: костяная ложка (раскопки П.Б. Коновалова, фонды музея БНЦ СО РАН)

Рис. 28. Погребение в Дунда-Кирети: бусы (раскопки П.Б. Коновалова, фонды музея БНЦ СО РАН)

Рис. 29. Улан-Одон (Кибалино): подвеска из клыка кабана (раскопки Л.Г. Ивашиной, 1977, фонды музея БНЦ СО РАН)

Рис. 30. Сирикта: нефритовый топор (Л.Г. Ивашина, фонды музея БНЦ СО РАН)

Рис. 30. Сирикта: нефритовый топор (Л.Г. Ивашина, фонды музея БНЦ СО РАН)

¹ Дебеч Г. Ф. Опыт выделения культурных комплексов в неолите Прибайкалья // Изв. Ассоц. науч.-исслед. ин-тов при физ.-мат. фак-те МГУ. – 1930. – Т. 3. – № 2а; Дебеч Г. Ф. Палеоантропология СССР // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер. Т. 4. – М.-Л., 1948.

северо-востоку от Прибайкалья². При усилении вы-

² Дебеч Г. Ф. Антропологические исследования в Камчатской области // Тр. Ин-та этногр. СССР. Нов. сер. Т. 17.

раженности монголоидных особенностей в указанном направлении можно было бы констатировать смешанный (европеоидно-монголоидный) антропологический состав неолитического населения Прибайкалья. В противном случае «трудно представить себе, чтобы недифференцированная популяция случайно заняла промежуточное положение между соседними по тем признакам, по которым между ними выявляются определенные различия»¹.

А. Хрдличка пришел к выводу о близости древних прибайкальских черепов с черепами американских индейцев и, таким образом, косвенно отрицал наличие европеоидной примеси в составе неолитического населения Прибайкалья².

К выводу о протоморфности антропологического типа неолитического населения Прибайкалья пришел и М. М. Герасимов, реконструировавший лица нескольких древних жителей региона³. Автор настаивал на отсутствии следов какой-либо европеоидной примеси на изученных им черепах.

На основе использования популяционно-генетических подходов Ю. Г. Рычков выявил, что по комплексу признаков прибайкальская неолитическая серия занимает промежуточное положение между европеоидными сериями эпохи неолита и бронзы и современными сибирскими монголоидами. По мнению исследователя, это свидетельствует о недифференцированности древнего населения Прибайкалья⁴.

Среди современных сибирских серий население Прибайкалья эпохи неолита занимает промежуточное положение и по дискретно-варьирующим признакам, что также подтверждает гипотезу недифференцированности⁵.

– М., 1951. – С. 90–91.

¹ Алексеев В. П., Гохман И. И. Антропология азиатской части СССР. – М., 1984. – С. 33.

² Hrdlicka A. Crania of Siberia // American J. of Physical anthropology. – 1942. – Vol. 29. – № 4.

³ Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек). – М., 1955. – С. 421, 427, 431–435.

⁴ Рычков Ю. Г. Некоторые популяционно-генетические подходы к антропологии Сибири // Вопросы антропологии. – 1969. – Вып. 33.

⁵ Рычков Ю. Г., Мовсесян А. А. Генетико-антропологический анализ распределения аномалий черепа у монголоидов Сибири в связи с проблемой их происхождения // Человек, эволюция и внутривидовая дифференциация. – М.,

Отрицательно отнеслась к наличию европеоидной примеси у популяций неолита Прибайкалья Н. Н. Мамонова. В то же время в ее распоряжении находились новые материалы из расположенных восточнее регионов, которые не позволили полностью согласиться с гипотезой Г. Ф. Дебеца. Автор отчетливо понимает нереальность существования недифференцированного антропологического типа, но продолжает настаивать на определении «палеосибирский антропологический тип» для неолитического населения ангаро-ленского междуречья, при этом признавая его «довольно неоднородным»⁶.

Использование методов многомерной статистики показало некоторое сближение американских неолитических групп с сибирскими, интерпретированное «как указание на протомонголоидность и недифференцированность (американоидность) неолитического населения Прибайкалья»⁷.

Наиболее аргументированно против гипотезы о протоморфном недифференцированном типе неолитического населения Прибайкалья выступил М. Г. Левин⁸. Им были проанализированы все известные к тому времени черепа эпохи неолита с территории, лежащей к востоку и северо-востоку от Байкала, и сделан вывод об их несомненной монголоидности, что, в свою очередь, свидетельствовало о европеоидной примеси у неолитического населения Прибайкалья⁹. Визуальные наблюдения и анализ коэффициентов корреляции между признаками, наиболее отчетливо дифференцирующими монголоидные и европеоидные популяции, подтвердили присутствие в составе населения Прибайкалья (Верхоленский могильник) европеоидного компонента¹⁰.

1972; Мовсесян А. А. Некоторые аспекты популяционной генетики современного и древнего населения Сибири // Вопросы антропологии. – 1973. – Вып. 45.

⁶ Мамонова Н. Н. К вопросу о межгрупповых различиях в неолите Прибайкалья // ВА. – 1983. – Вып. 71. – С. 101–102.

⁷ Трубникова О. Б. К классификации неолитических серий Северной и Восточной Азии по краниометрическим признакам (методы многомерной статистики) // Палеоантропология Сибири. – М., 1980. – С. 104.

⁸ Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока // Тр. Ин-та этногр. Нов. сер. – Т. 36. – М., 1958. – С. 155–177.

⁹ Левин М. Г. Там же, с. 157–163.

¹⁰ Левин М. Г. Антропологический материал из Верхоленского могильника // Антропологический сб.: Тр. Ин-та этногр. Нов. сер. – Т. 33. – М., 1956; Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза... – С. 164.

Во многом точка зрения М. Г. Левина, остающаяся наиболее аргументированной и по сей день, основана на материалах из Фофановского могильника, опубликованных И. И. Гохманом в 1954 г. Автор отметил антропологическую однородность серии, ее принадлежность к монголоидной расе и, более конкретно, к локальному варианту палеосибирской расы, распространенной в неолитическое время на территории Прибайкалья¹. Позже И. И. Гохман, пересмотрев свои взгляды на принадлежность черепов из Фофаново локальному варианту палеосибирской расы², пошел значительно дальше, признав неоднородность неолитического населения Забайкалья, которое ранее представлялось гомогенной общностью³. В статье 1980 г. им в качестве гипотезы были реконструированы исходные компоненты населения Забайкалья эпохи неолита: долихокранный европеоидный тип и мезо- или брахиокранный, с резко уплощенным лицом (байкальская раса), монголоидный⁴.

В. П. Алексеев, проанализировав данные многомерного статистического анализа древних монголоидных серий, проведенного О. Б. Трубниковой, пришел к выводу о том, что полученные результаты «усиливают позицию гипотезы, согласно которой население Прибайкалья в эпоху неолита имело в своем составе европеоидную примесь и образовалось в процессе далекого движения на восток европеоидных популяций и контакта их с местными монголоидами»⁵.

В совместной монографии И. И. Гохман и В. П. Алексеев еще раз высказались в пользу концепции

наличия европеоидной примеси в Прибайкалье⁶. Отметим, что для аргументации были привлечены новые краниологические материалы с территории Забайкалья и Якутии, подтвердившие выводы М. Г. Левина.

Более определенно по этому поводу авторы высказались в сборнике советско-монгольской историко-культурной экспедиции: «Все имеющиеся в настоящее время материалы с территории Сибири ... несовместимы с представлениями о нейтральном, недифференцированном антропологическом типе, получившем наименование палеосибирского... Поэтому вряд ли будет неосторожным утверждение, что термин «палеосибирский тип» потерял свое смысловое и генетическое содержание и его следует изъять из употребления»⁷.

К столь исчерпывающему завершению полувековой дискуссии можно добавить только тот факт, что с появлением новых материалов антропологическая картина эпохи неолита (по отношению к распределению монголоидных и метисированных групп) в циркумбайкалье остается в целом неизменной. К западу от Байкала располагаются популяции, имеющие в своем составе разную долю европеоидной примеси, к востоку — практически монголоидные группы. Последнее утверждение подкрепляют и материалы антропологических реконструкций. Скульптурные реконструкции Г. В. Лебединской, выполненные по черепам мужчины и женщины из Фофановского могильника, не несут следов европеоидной примеси и, по нашему мнению, очень напоминают современных бурят⁸.

Исследование взаимоотношений между хронологическими и территориальными группами неолитического населения Байкальского региона в значительной степени обусловлено количеством антропологических материалов, пригодных для измерения. На ранней стадии антропологического изучения неолита Прибайкалья Г. Ф. Дебецу пришлось включить в серовскую серию черепа хиньского и исаковского этапов, что объясняется не-

¹ Гохман И. И. Материалы по антропологии древнего населения низовьев Селенги // КСИЭ. — 1954. — Вып. 20.

² Гохман И. И. Антропологические материалы из плиточных могил Забайкалья // Сб. музея антропологии и этнографии АН СССР. Т. 18. — М.-Л., 1958. — С. 437.

³ Гохман И. И. Антропологическое изучение Забайкалья в Троицко-Кяхтинском отделении Русского географического общества // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. VII. — Л., 1977. — С. 159; Гохман И. И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Т. 36. — Л., 1980. — С. 20.

⁴ Гохман И. И. Там же, с. 22.

⁵ Алексеев В. П., Трубникова О. Б. Некоторые проблемы таксономии и генеалогии азиатских монголоидов (краниометрия). — Новосибирск, 1984. — С. 70.

⁶ Алексеев В. П., Гохман И. И. Антропология азиатской части СССР. — М., 1984. — С. 32–33.

⁷ Алексеев В. П., Гохман И. И., Тумэн Д. Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии (каменный век — эпоха раннего железа) // Археология, этнография и антропология Монголии. — Новосибирск, 1987. — С. 226.

⁸ Антропологические типы древнего населения на территории СССР. — М., 1988. — С. 102–103.

большим количеством материала в каждой группе по отдельности. Соответственно, автор отметил неоднородность краниологической серии, выделив несколько морфологических типов¹.

В сводной монографии «Палеоантропология СССР» Г. Ф. Дебец выделяет три типа: эскимосидный (среднее течение Ангары), палеосибирский (верхнее течение Ангары и Лены) и европеоидный (верхнее течение Ангары и Лены). При этом два первых типа автор считает генетически близкими и автохтонными, а третий, европеоидный (в Прибайкалье он встречается только в смешанном виде), связывает с влиянием населения Минусинской котловины².

Ко времени написания следующей работы, где затрагиваются вопросы, связанные с отмеченной тематикой, были получены новые палеоантропологические материалы, предложена схема периодизации неолита Прибайкалья³. Достижения археологии позволили Г. Ф. Дебцу разбить антропологические материалы по хронологическим (исаковско-серовская, китойская, глазковско-шиверская) и территориальным (верхоленская, верхнеангарская, среднеангарская) группам. Анализ всех данных привел исследователя к выводу о том, что межгрупповые различия в неолите Прибайкалья «в масштабе межгрупповой дифференциации признаков у современных народов Сибири невелики»⁴. Автор также не нашел различий между выделенными сериями черепов по степени их европеоидности, т. е. доли европеоидной примеси в их составе.

Как уже отмечалось выше, к выводу о неоднородности антропологического населения циркумбайкалья пришли М. М. Герасимов⁵ и, на материалах Верхоленского могильника, М. Г. Левин⁶. По-

следний согласился с заключением Г. Ф. Дебеца «об отсутствии типологических различий между краниологическими сериями разных стадий неолита и бронзового века Прибайкалья»⁷.

Дальнейшие исследования населения исследуемой территории эпохи неолита, позволив значительно уточнить хронологию памятников, не внесли кардинальных изменений в его антропологическую характеристику.

Сложная история краниологии циркумбайкалья достаточно активно разрабатывалась Н. Н. Мамоновой. Начиная с утверждения о недолгом существовании китойской культуры в Прибайкалье⁸, в дальнейшем автор пришла к выводу о наибольшей древности данной общности, подкрепив антропологические реалии скрупулезными хронологическими анализами Л. Д. Сулержицкого⁹.

В работе, посвященной древнему населению Приангарья, Н. Н. Мамонова, объединив данные Г. Ф. Дебеца с новыми материалами, выделила 3 репрезентативные серии: серовскую, китойскую и глазковскую. Общая характеристика неолитического населения Прибайкалья, данная Г. Ф. Дебецем, по мнению исследователя, не изменилась. Автор констатировала неоднородность серий, признав морфологически более близкими серовскую и глазковскую группы. Китойская серия выделяется на их фоне как по абсолютным размерам, так и по аномальным признакам, частоты которых были определены совместно с А. А. Мовсесяном¹⁰.

Придерживаясь «палеосибирской» парадигмы Г. Ф. Дебеца и периодизации А. П. Окладникова, Н. Н. Мамонова связывала китойские племена с Забайкальем (даурским проникновением) и объясня-

Нов. сер. Т. 33. – М., 1956.

¹ Дебец Г. Ф. Опыт выделения культурных комплексов в неолите Прибайкалья // Изв. Асс. науч.-исслед. ин-тов при физ.-мат. фак-те МГУ. – 1930. – Т. 3. – № 2а.

² Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер. Т. 4. – М.-Л., 1948. – С. 53–61.

³ Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. I. II. – М.-Л., 1950.

⁴ Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Камчатской области // Тр. Ин-та этногр. СССР. Нов. сер. Т. 17. – М., 1951. – С. 83.

⁵ Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу...

⁶ Левин М. Г. Антропологический материал из Верхоленского могильника // Антропол. сб.: Тр. Ин-та этногр.

⁷ Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока // Тр. Ин-та этногр. Нов. сер. Т. 36. – М., 1958. – С. 164.

⁸ Мамонова Н. Н. К вопросу о древнем населении Приангарья по палеоантропологическим данным // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М., 1973. – С. 28.

⁹ Мамонова Н. Н., Сулержицкий Л. Д. Возраст некоторых неолитических и энеолитических погребений Прибайкалья по радиоуглеродным данным // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири: итоги и перспективы. – Иркутск, 1986. – С. 19–32.

¹⁰ Мамонова Н. Н. К вопросу о древнем населении Приангарья по палеоантропологическим данным // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М., 1973. – С. 22, 26.

ла их незначительное влияние на этногенетические процессы в регионе кратковременностью существования культур¹. Сравнительная характеристика забайкальских и верхоленских черепов с ангарскими показала сближение китойской серии Приангарья с первыми, а серовской и глазковской групп – с однокультурными ленскими.

Наиболее значимым представляется выделение китойской серии. Исследователь обратила внимание на достаточно существенное отличие китойцев от серовцев и глазковцев по абсолютным диаметрам мозговой коробки и черепному указателю, по размерам, характеризующим уплощенность лица (на верхнем уровне) и переноса, по углу выступающего носа². Монголоидный комплекс на черепках китойской серии выражен явно сильнее, чем у других неолитических групп Прибайкалья.

В статье 1980 г. Н. Н. Мамонова добавила новые материалы к уже опубликованным, однако общая характеристика неолитического населения не изменилась. Главное внимание было уделено сравнению территориальных групп серовской культуры. Для сравнения были использованы китойская и глазковская серии Прибайкалья, забайкальские материалы. Исследователь выяснила, что различий между территориальными группами больше, чем между хронологическими. Ангарские материалы демонстрируют немного большую гомогенность, по сравнению с ленскими. Кроме того, автором сделана попытка выделить локальные варианты в ангарской серии, дифференцируя материалы из Братского и Серовского могильников³.

По поводу локальных типов неолитического населения Приангарья, а также выявленных различий между однокультурными сериями с Ангары и Лены заметим, что наиболее резкие отличия наблюдаются по абсолютным размерам черепной коробки и лица. Устойчивых различий по комплексу признаков, на чем настаивает Н. Н. Мамонова, по нашему мнению, не наблюдается. При этом краниологический материал по неолиту Прибайкалья безусловно неоднороден.

¹ Мамонова Н. Н. К вопросу о древнем населении Приангарья... – С. 20–21, табл. I, с. 25.

² Там же, с. 28.

³ Мамонова Н. Н. Древнее население Ангары и Лены в серовское время по данным палеоантропологии (К вопросу о межгрупповых различиях в эпоху неолита) // Палеоантропология Сибири. – М., 1980.

Сопоставление всех неолитических и энеолитических серий из Прибайкалья и Забайкалья проведено Н. Н. Мамоновой в статье «К вопросу о межгрупповых различиях в неолите Прибайкалья». Основные выводы о взаимоотношениях групп неолитического населения циркумбайкаля остались без изменений. Предпринята попытка выделить «антропологические варианты» среди населения глазковского этапа. Среди 5 выделенных вариантов особое внимание обращает на себя серия из могильника Усть-Уда, в которой, по нашему мнению, отчетливо проявляются следы метисации с европеоидными группами. Н. Н. Мамонова практически отвергает влияние европеоидного населения на формирование антропологических особенностей древних обитателей Прибайкалья⁴.

Нам, напротив, представляется, что метисация монголоидных и европеоидных (скорее всего это были уже смешанные группы) популяций оказала определяющее влияние на формирование особенностей как отдельных территориальных и хронологических групп, так и всего населения Байкальского региона в эпоху неолита. Во-первых, как было установлено при изучении антропологических материалов с территории к востоку и северо-востоку от оз. Байкал, в эпоху неолита там проживало монголоидное население⁵. Во-вторых, Н. Н. Мамонова связывает китойскую группу Прибайкалья с забайкальской на основании их сходства по комплексу признаков, «характеризующих уплощенность лица...», и прямо говорит о притоке населения с юго-востока (из Забайкалья)⁶. В третьих, при сравнении серовских групп с Ангары и Лены исследователь отметила, что «черепки из ленских могильников все же немного более уплощены, имеют менее выступаю-

⁴ Мамонова Н. Н. К вопросу о межгрупповых различиях в неолите Прибайкалья // ВА. – 1983. – Вып. 71. – С. 102.

⁵ Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза... – С. 157–165; Гохман И. И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов... – С. 12–20; Gochman I., Tomtosova L. The anthropological composition of Eastern Siberia in the light of the latest paleoanthropological finds in Yakutia // Studies in ethnography and anthropology. P. 1. – Moscow, 1983. – P. 57–67; Алексеев В. П., Гохман И. И. Антропология азиатской части СССР. – М., 1984. – С. 32–33.

⁶ Мамонова Н. Н. К вопросу о межгрупповых различиях в неолите Прибайкалья // ВА. – 1983. – Вып. 71. – С. 96, 100.

щее переносе и немного меньшую величину угла носа»¹. Хотя различия и невелики, налицо четко фиксируемая территориальная дифференциация по комплексу признаков.

В результате складывается следующая ситуация: группы, генетические (китайская культура) и географические (серовская культура на Лене), связи которых имеют, соответственно, юго-восточное либо северо-восточное направление, т. е. подразумевают контакты с населением территорий, где в то время проживало монголоидное население, демонстрируют усиление выраженности монголоидного комплекса признаков.

Таким образом, неолитическое население Байкальского региона подразделяется на группы по степени присутствия монголоидного (европеоидного) компонента в антропологическом составе того или иного родоплеменного образования. С наличием европеоидной примеси, как уже отмечалось выше, связаны и отличительные особенности населения Прибайкалья в целом, в сравнении с другими группами циркумбайкалья.

На настоящий момент на территории Прибайкалья просматриваются два миграционных потока – с востока (монголоиды) и с запада (европеоиды). По всей вероятности, исследуемая территория являлась крайней восточной зоной взаимодействия представителей двух больших рас. Популяции с долей европеоидной примеси достигали оз. Байкал и здесь, по всей видимости, сталкивались с встречным движением монголоидных групп Забайкалья и Монголии. Исходя из антропологических данных, можно предполагать две крупные волны миграций. Первая из них связана с китайскими племенами, появившимися в Прибайкалье около 7 тыс. лет назад. На протяжении своего «господства», а это более тысячи лет, китайцы сохраняли связи с прародиной, в данном случае с Забайкальем, иначе трудно объяснить значительное сходство серий с Ангара и из Фофановского могильника в течение всего периода их гегемонии². По-видимому, значительная часть носителей китайской культуры вернулась в восточную часть своего ареала, поскольку наиболее поздние

даты по китайским памятникам относятся именно к этим районам (Приольхонье и Забайкалье)³.

Вторая миграционная волна пришла на территорию Прибайкалья с носителями серовско-исаковских культурных традиций в IV тысячелетии до н. э. У населения этого периода присутствует более выраженная европеоидная примесь, оно более многочисленно и, если можно так сказать, технически развито. Возможно, некоторая часть китайского населения вошла в состав серовцев, но настаивать на этом преждевременно.

Что касается обозначившегося перерыва между китайским и серовско-исаковским этапами неолита⁴, то, вероятно, он связан с изменением территориальных приоритетов в китайском социуме. Другие возможные причины исхода китайцев из Прибайкалья (природный катаклизм или вытеснение их серовцами) пока не находят археологических и антропологических доказательств.

Межгрупповые отношения в период позднего неолита представляются на данный момент неопределенными. Не вызывает сомнения высокая мобильность социальных образований эпохи неолита. И в то же время мы склонны считать исаковцев и серовцев представителями единой популяции. Безусловно, география наложила свой отпечаток на социогенез человеческих сообществ неолита циркумбайкалья и сказалась дивергенцией локальных групп. Но в целом, на наш взгляд, носители серовской, исаковской и верхоленьской традиций являются гомогенным образованием.

Переход к энеолиту, с антропологической точки зрения, не представляет собой резкой границы. Носители глазковской культуры вполне соответствуют статусу наследников предшествующих им сообществ.

Первые палеоантропологические исследования в Забайкалье связаны с именем Ю. Д. Талько-

¹ Мамонова Н. Н. Древнее население Ангара и Лены... – С. 86.

² Мамонова Н. Н. К вопросу о древнем населении Приангарья... – С. 27; Алексеев В. П., Трубникова О. Б. Некоторые проблемы таксономии и генеалогии азиатских монголоидов (краниометрия). – Новосибирск, 1984. – С. 68, 70.

³ Мамонова Н. Н. Датирование погребений эпох неолита, энеолита и бронзы Прибайкалья методом радиоуглеродного анализа (к вопросу периодизации) // Горизонты антропологии: Труды междунар. науч. конф. памяти акад. В. П. Алексеева. – М., 2003. – С. 428.

⁴ Мамонова Н. Н. Датирование погребений эпох неолита, энеолита и бронзы... – С. 429; Базалийский В. И. К проблеме культурно-хронологических особенностей погребальных комплексов эпохи позднего мезолита – неолита Байкальской Сибири // Социогенез в Северной Азии. Ч. 1. – Иркутск, 2005. – С. 39–40.

Грынцевича. В числе прочих им был исследован череп из неолитического погребения в местности Тулту-Дабан. Следующая единичная находка из Забайкалья поступила в распоряжение антропологов в 1952 г. Это широко известный череп из Шилкинской пещеры. По мнению исследовавшего его М. Г. Левина, череп обладает комплексом признаков, характерных для того типа, который в современном населении Сибири известен под названием байкальского. К байкальской группе популяций в современной расовой систематике принято относить ульчей, нанайцев, нивхов, негидальцев, орочей, юкагиров и эвенков.

В 1954 г. была опубликована первая серия по антропологии древнего населения Забайкалья (Фофановский могильник), сыгравшая роль катализатора полемики о происхождении своеобразия неолитического населения Прибайкалья. И. И. Гохман констатировал антропологическую однородность серии и ее принадлежность к монголоидной расе. Выявились локальные особенности исследованной группы: 1) небольшая высота лица, что нетипично для североазиатских монголоидов; 2) увеличение черепного указателя; 3) усиление уплощенности лица и переносья. Две последние особенности отличают неолитическое население Забайкалья от синхронных прибайкальских серий и объясняются автором генетическими связями с населением степей Забайкалья и Монголии¹. Систематически древние черепа из Фофановского могильника заняли промежуточное положение между современными представителями центральноазиатской и байкальской групп популяций, что привело к ошибочной идентификации исследованной серии как локального варианта палеосибирской расы.

М. Г. Левин связал низколицесть фофановцев, при «общей выраженной монголоидности», с их принадлежностью к низколицему монголоидному варианту, характерному в настоящее время для тофаларов и тувинцев – оленеводов². Он также высказал возражения против объяснения отмеченного своеобразия рассматриваемой серии связями с юго-восточными соседями и отнесения их к па-

леосибирской расе³. В то же время общая характеристика фофановцев осталась неизменной.

Увеличила забайкальскую серию, не изменив ее характеристики, публикация Н. Н. Мамоновой о 6 черепах из разных районов⁴.

И. И. Гохман, пересмотрев взгляды на реальность существования палеосибирской расы (см. выше), не согласился с М. Г. Левиным в отрицании связей фофановцев с населением юго-восточных степных районов⁵. В последней работе введены в научный оборот новые данные по Фофановскому могильнику (раскопки М. М. Герасимова и Е. Н. Черных; измерения М. М. Герасимовой). Автором описаны как отдельные черепа, так и охарактеризована суммарная серия. В нее вошли несколько черепов, представляющих различные районы Бурятии, причем географический размах локализации находок очень велик (раскопки Е. А. Хамзиной, П. Б. Коновалова и Л. Г. Ивашиной; измерения И. И. Гохмана). С увеличением количества материала изменилась характеристика фофановской серии и, соответственно, всего древнего населения Забайкалья. Остались в прошлом представления о низколицести фофановцев. Суммарная серия из Фофановского могильника не отличается по высоте лица от современных представителей байкальской и центральноазиатской групп популяций. Исходя из территориальной приуроченности, отметим, что из современных народов к первой относятся эвенки, ко второй – монголы, буряты и якуты. В целом, согласно современной расовой систематике, население, оставившее Фофановский могильник, «занимает промежуточное положение между центральноазиатской и байкальской расами, приближаясь к последней»⁶. Вывод, сделанный по отдельно взятому могильнику, можно распространить на всю забайкальскую серию, т. е. древние насельники Забайкалья по антропологической характеристике являлись ярко выраженными североазиатскими монголоидами.

³ Там же, с. 165.

⁴ Мамонова Н. Н. Новые находки неолитических черепов в Забайкалье // Зап. БКНИИ. – 1957. – Вып. 23.

⁵ Гохман И. И. Антропологическое изучение Забайкалья в Троицко-Кяхтинском отделении Русского географического общества... – С. 159; Он же. Происхождение центральноазиатской расы... – С. 13.

⁶ Гохман И. И. Происхождение центральноазиатской расы ... – С. 20.

¹ Гохман И. И. Материалы по антропологии древнего населения низовьев Селенги // КСИЭ. – 1954. – Вып. 20. – С. 60–63.

² Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока // Тр. Ин-та этногр. Нов. сер. Т. 36. – М., 1958. – С. 157–162.

Таким образом, уже в каменном веке можно аргументированно предполагать существование в циркумбайкалье различных в этногенетическом отношении групп.

При всех особенностях неолитическое население Байкальского региона, скорее всего, приняло значительное участие в формировании антропологического состава последующих обитателей этой территории.

Заключение

Таким образом, в эпоху неолита в регионе формировались и существовали различные культуры – охотников, рыболовов, собирателей, как возникшие на местной основе, так и пришлые.

Физико-географические особенности региона способствовали на протяжении всей эпохи неолита становлению на территории Бурятии ХКТ охотников и рыболовов и соответствующего ему полубродячего образа жизни, когда в зависимости от сезона люди кочевали с одного стойбища на другое – в летнее время ближе к водным источникам, в зимнее время вслед за зверем глубже в тайгу, а во время нереста – возле устьев рек в конце лета – начале осени. В поисках пропитания человек эпохи неолита был крепко привязан к природным условиям, был наблюдателен, знал, к примеру, сезоны перелета птиц и временно селился в такое время у водоемов. Жилища людей также соответствовали образу жизни, представляя собой легкие разборно-каркасные, вероятно по типу эвенкийских чумов или таких же каркасных у других народов Сибири и Дальнего Востока. Покрывались они обработанными шкурами, корой или дерном, сегодня сказать сложно.

К концу плейстоцена, примерно 12 тыс. л. н., на территории Бурятии возникают самостоятельные очаги неолитизации. Так, на северо-востоке республики древнейшая керамическая посуда была изобретена носителями усть-каренгской культуры, своими корнями уходящей в поздний палеолит Витима. На этом этапе основным сырьем для изготовления каменных орудий все еще являются кремнистые породы. Цветное яшмовидное сырье используется реже. Анализ технологии первичного расщепления и каменного инвентаря и сравнение с материалами верхнего палеолита и мезолита показывают, что усть-каренгская культура возникла на местной основе. И территория Забайкалья являлась одним из древнейших и прогрессивных для того времени центров.

Ко времени голоценового оптимума, сопровождавшегося большим обводнением и увлажнением климата, широкое распространение получает культура даурских рыболовов и охотников. Возрастает значение в рационе питания рыбы, а значит, и рыболовства как сферы хозяйства. Необходимость коллективного труда для массовой ловли рыбы и ее заготовки впрок становится условием для возрастания роли коллектива и, как следствие этого, возникновения сложной социальной стратификации и религиозных воззрений. Своих умерших сородичей люди раннего неолита начинают предавать земле на отведенных для этого площадях – кладбищах, соблюдая определенный обряд: кладут в могильную яму, согнув ноги в коленях и посыпав охрой, в сопровождении инвентаря, который может пригодиться ему в «загробной» жизни. Причем не редкость групповые, вероятно семейные, погребения. Своеобразие религиозных представлений людей неолита отражается также и в захоронениях без голов, в сопровождении отдельных частей тел других людей.

Носители данной культурной традиции проживали на территории Бурятии долгое время. Об этом говорят материалы могильников и одиночных погребений с одинаковым обрядом и сходным инвентарем, но радиоуглеродными датировками в пределах от 7,5 тыс. до 4,5 тыс. л. н.

На стоянках этого времени встречается посуда, изготовленная выколачиванием при помощи лопатки с намотанным на нее шнуром, о чем свидетельствуют отпечатки шнура на внешних поверхностях сосудов. По форме они были остродонные. Верхний край этой посуды орнаментировался преимущественно отпечатками отступающей лопатки, позже в сочетании с гребенчатым штампом и подтреугольной формы «карнизом». На позднем этапе неолита и ранней бронзы шнуровые оттиски часто заменяются штриховыми, т. е. используется для выколачивания лопатка с ребристой поверхностью, которая оставляет на тулове сосуда псевдошнуровые оттиски.

На протяжении же последующих этапов неолита на территории степной и лесостепной части Бурятии, по всей видимости, существовала единая культурно-историческая область. К ней следует относить в первую очередь погребальные памятники, которые объединяются рядом общих черт. Это ранне-неолитические могильники в устье р. Муи, ранние погребения Фофаново и Бухусана, вероятно, часть одиночных погребений степной зоны, а также

погребения Бухусана, Сириктинский погребальный комплекс эпохи развитого неолита.

Всех их объединяет схожий погребальный обряд – скорченность костяков, посыпка охрой. Элементы погребений, присущие отчасти также китойским погребальным комплексам Приангарья, в неолите Западного Забайкалья просуществовали в период всей эпохи неолита и сохранились до 4500 л. н. (могилы № 3, 6, 13 и т. д. Бухусана и некоторые одиночные погребения).

В этой культурно-исторической области вплоть до перехода к бронзе сохранялась в течение долгого периода времени единая «шнуровая» традиция изготовления керамики, характерная практически для всего региона – побережья оз. Байкал (Посольск, Окуневая-4, Катунь-1), по р. Селенге (Мухино, Нижняя Березовка), бассейна р. Джиды (Михайловка, Хуртага), бассейна р. Уда (Муханские озера и Кулькисон в долине р. Кодун).

Основной территорией существования рассматриваемой этнокультурной области, вероятно, является Забайкалье и примыкающие к нему с востока бассейн р. Шилки, а на юге – Монголия. Естественно, такой массив оказал влияние и на соседние районы. Вероятно, в состав единого культурно-этнического пространства, существовавшего в эпоху неолита на территории Байкальского региона, а также Приамурья и Монголии, входит и «китойская» культура Прибайкалья, место и время существования которой долгое время вызывали и вызывают дискуссии. Последние исследования показали, что она существовала не только в эпоху раннего неолита: на территории Приольхонья время ее существования подразделяется на два этапа и приходится на ранний и развитый неолит¹. Возможно, классическая «китойская» культура Приангарья сложилась на основе взаимодействия пришлого с востока населения с местным. Поздний ее этап, вероятно, является свидетельством влияния или миграций на самый восточный край Прибайкалья, западное побережье оз. Байкал (Приольхонье), того же населения с востока. Дальнейшему проникновению ее на запад противостояло проживавшее здесь к тому времени серовское население.

Однако неолитическое население на территории Бурятии не всегда было абсолютно одно-

родным. Например, побережье Байкала можно выделить в особую территорию взаимодействия «западных» и «восточных» культур. Памятники восточного побережья Байкала – Посольск, Катунь, Окуневая сильно тяготеют к памятникам Предбайкалья и Ольхона. Так, в раннем неолите превалирует восточное влияние, а на этапе позднего неолита и палеометалла усиливается влияние населения, проникающего с запада. В позднем неолите (Посольск, Нижняя Березовка) это влияние прослеживается по керамике, типологически принадлежащей к усть-бельскому пласту (по Н. Е. Бердниковой) или к усть-бельскому типу (по Н. А. Савельеву), ареал распространения которой простирается от среднего Енисея. По мнению Н. А. Савельева, в эпоху неолита на территории Прибайкалья наблюдалась медленная диффузная инфильтрация населения с берегов Енисея, отразившаяся в керамике ранне-неолитического казачинского и раннебронзового усть-бельского типов. Не обошло это явление и Забайкалья. Так, в материалах Посольской и Нижне-Березовской стоянок наблюдаем керамику усть-бельского типа. Однако здесь пришлые традиции, фиксируемые, прежде всего, по орнаментации и форме сосудов, сочетаются с традиционной для Забайкалья технологией. Эти сосуды имеют также полусферическую форму, типично усть-бельский орнамент, но только в верхней части, в сочетании со штриховыми отпечатками на значительно более тонких стенках, чем у традиционных усть-бельских сосудов, т. е. усть-бельская традиция смешалась с местной технологией изготовления путем выколачивания.

На северо-восточной периферии региона в позднем неолите в бассейне р. Витим проживало население усть-юмурченской культуры, сохранившее пережитки посольской гончарной традиции. В последующую эпоху раннего бронзового века в северо-восточной части региона неолитические традиции все еще сильны. Так, на поселении Харга представлена керамика, сочетающая все те же элементы – «карниз», отступающую лопатку и горизонтальные пояса протасненной лопатки. Но изменилась форма сосудов, которые стали более профилированными, с изогнутой шейкой.

Следует отметить, что, несмотря на проникновение западных культурных традиций, в целом на протяжении от ранних этапов неолита в степной, лесостепной и отчасти в таежной зонах Бурятии существовала единая культурно-историческая об-

¹ Вебер А. В., Линк Д. В. Неолит Прибайкалья: итоги и перспективы изучения // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – №1. – С. 135–146.

ласть с пространственными и временными локальными вариантами.

Вероятно, вслед за В. Н. Чернецовым¹, следует выделять «даурский» этнокультурный ареал, охватывающий территории Байкальского региона и сопредельного бассейна р. Шилки, а также Монголии. Хронологические рамки существования данной общности широкие – от раннего неолита до начала эпохи бронзы, что, по-видимому, было обусловлено стабильностью в плане отсутствия сильных миграционных вливаний со стороны.

В последующую эпоху, на этапе палеометалла, восточное побережье оз. Байкал вновь включено в зону западного влияния – зону распространения глазковской культуры. Судить об этом мы можем по материалам 2-й группы погребений могильника Фофаново. В остальных же природно-географических районах Бурятии либо продолжает развиваться прежний культурно-исторический тип (Харга), либо сюда проникают традиции, принесенные населением соседних областей Монголии, Якутии, а также юга Западного Забайкалья, где к тому времени в таежной зоне по рекам Менза, Хилок – Усть-Менза,

¹ Чернецов В. Н. Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита: доклад, прочитанный на сессии ОИН в марте 1970 г. // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 10–17.

Алтан² сложилась локальная культура, названная А. Д. Цыбиктаровым хэнтейской³. Влияние ее наблюдается в материалах поселения Кулькисон, расположенного в бассейне р. Кодун, на самом востоке Бурятии. Это гладкостенная или шнуровая, реже сетчатая керамика, орнаментированная отступающей лопаткой или пунктирными линиями (кроме сетчатой), в тесто которой включались органические волокна в качестве отошителя.

Таким образом, материалы неолитического периода восточного побережья оз. Байкал и прилегающих территорий коррелируются с памятниками из сопредельных регионов, что свидетельствует о культурных контактах неолитических племен Забайкалья с населением сопредельных областей. Древняя Бурятия в эпоху неолита и раннего бронзового века включалась одновременно в орбиты мощных процессов культурогенеза и миграционных волн с запада – от красноярско-канской лесостепи через Прибайкалье, а с востока и юга – монгольских степей.

² Константинов М. В. Каменный век восточного региона; Семина Л. В. Керамика эпохи неолита и бронзы Юго-Западного Забайкалья // Древнее Забайкалье и его культурные связи. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 104–122.

³ Цыбиктаров А. Д. Центральная Азия на заре бронзового века...

7

глава

Энеолит и ранний бронзовый век

В составе находок из археологических памятников Забайкалья 2-й половины III – начала II тысячелетия до н. э. впервые появляются медные и бронзовые изделия. Эпоха энеолита и ранней бронзы в древней истории края изучена крайне неравномерно. Достаточно полно и подробно он охарактеризован в Прибайкалье, где была выделена и подробно описана так называемая глазковская культура. Памятники этого же времени в степном, лесостепном и таежном Забайкалье только начали выделяться и недостаточно хорошо освещены в научной литературе, хотя и дают в общих чертах представление об основном содержании эпохи.

Споро-пыльцевые анализы археологических памятников из Восточного Забайкалья свидетельствуют об имевших место климатических колебаниях, когда сравнительно влажные периоды чередовались с более засушливыми. Хотя серьезных климатических изменений не происходило, расположение многих поселений энеолита – ранней бронзы в южных районах Забайкалья и Монголии по берегам высохших рек и озер все же говорит о более влажном, по сравнению с современностью, климате этого времени.

В ландшафтном отношении в Забайкалье были распространены лесные, таежные, лесостепные и

степные пространства со смещением последних в южные и особенно юго-восточные районы, таежных – в северные, а по хребтам на юг. Споропыльцевые анализы указывают на то, что полынномаревые степные массивы в это время охватывали значительные пространства в Юго-Восточном Забайкалье. Пыльца древесных пород здесь составляла 25–30 % во взятых пробах, а травянистых растений – 60–65 %. Для фаунистических материалов поселений характерны кости животных лесостепного биоценоза. По сравнению с неолитом, сокращаются находки костей кулана, бизона, отсутствуют кости северного оленя.

Прибайкалье по-прежнему оставалось таежным краем, раскинувшимся по берегам огромного озера-моря. Внимательное изучение особенностей осадконакопления на побережье среднего Байкала в позднеголоценовое время подтвердило факты об имевших в то время место многократных климатических колебаниях, продолжительность фаз которых составляла в среднем 300–400 лет. Одна из них, фаза аридизации и некоторого похолодания, по времени совпала с периодом ранней бронзы, с 4,1 до 3,6 тыс. л. н. (XXI–XVI вв. до н. э.).

Эпоха энеолита и ранней бронзы на территории Бурятии представлена рядом памятников. К ним от-

Рис. 1. Харга: каменные орудия, нуклеусы, каменный и керамические стерженьки рыболовных крючков

носятся поселение Харга-1 в районе Еравнинских озер, поселение у оз. Кулькисон в Кижингинском районе Бурятии, горизонты 1в и 2 многослойного поселения Ярцы Байкальские, 1-й верхний гори-

зонт поселения Куналей в долине р. Хилок, а также погребальные комплексы: 2-я группа погребений Фофановского могильника, часть погребений могильника Бухусан,

Рис. 2. Харга: керамика

Рис. 3. Посольск: фрагменты керамики «северо-байкальского» типа

Поселение Харга-1 открыто в 1972 г.¹ Расположено оно на перешейке между озерами Большая и Малая Харга, на юго-восточном мысу, у заболоченной, пересыхающей в засушливое время протоки, соединяющей озера.

Общая вскрытая площадь раскопок составляет 400 м². Насыщенность культуросодержащего слоя мощностью 0,4–0,5 м возрастала по мере приближения к протоке. Массовый материал, полученный при раскопках, состоял из фрагментов керамики, расколотых костей животных, каменных отщепов и желваков

со следами сколов. Зафиксированы скопления рыбьих костей и чешуи, чаще всего в хозяйственных ямах, и очаги вытянуто-овальной формы, отмеченные небольшими плоскими камнями со следами копоты. Исследования остеологических остатков показали, что вместе с костями диких животных – лося, косули, кабана найдены кости домашних особей лошади, крупного рогатого скота, а также диких водоплавающих птиц – гуся и утки. Анализ ихтиофауны подтвердил, что большинство костей и жаберных крышек рыб принадлежали серебряному карасю; имелись также кости плотвы, окуня и щуки.

Из находок наиболее интересны крупные рубящие орудия: заготовка топора из массивного куска кремнистой породы, такого же типа топор с оббитыми краями и выемками для крепления к рукояти, молот-отбойник из мелкозернистой гранитной породы. Остальные орудия типичны для памятников эпохи неолита и энеолита. Это двусторонне ретушированные треугольные наконечники стрел с прямым и вогнутым основанием, ретушированные пластины-вкладыши, скребки, резцы, проколки. Среди костяных изделий – обломки предметов со следами шлифовки, остря, фрагменты стерженьков рыболовных крючков (рис. 1). Найдено и

¹ Ивашина Л. Г. Поселения эпохи позднего неолита – раннего металла у озер Кулькисон и Харга // По следам древних культур Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 52–57.

единственное металлическое изделие – два обломка бусины-пронизки.

Керамика представляет собой фрагменты хорошо обожженных сосудов (рис. 2), со значительной примесью шамота в глиняном тесте. Некоторые из черепков имеют явные, иногда сглаженные отпечатки шнура или крученых нитей, что говорит о способе изготовления посуды с помощью выколачивания при помощи колотушки с намотанным на нее шнуром. Орнамент на сосудах располагается в несколько поясов и обычно покрывает всю верхнюю часть сосуда. Как правило, это сочетание различных видов штампа-лопаточки – прямой, косой, треугольной; венчики некоторых сосудов имели налепы-карнизы.

На поселении не удалось обнаружить следов долговременных жилищ типа землянок. Мало и таких бытовых комплексов, как очаги. Их расположение свидетельствует, что они могли находиться на берегу, возможно, рядом с небольшими временными жилищами, удобными при частых перекочевках. Это наводит на мысль о временном, возможно сезонном, посещении людьми этого места, расположенного на берегу протоки между озерами, на невысокой террасе, которая могла подвергаться затоплению.

Археологические материалы Посольского поселения эпохи раннего палеометалла представлены сосудами (рис. 3) с прямым по срезу, утолщенным венчиком, орнаментированным горизонтальными рядами валиков, рассеченных отступающим штампом в виде «ласточкиного хвоста» (или «скобчатого» штампа), ниже которых расположены горизонтальные пояса отступающего стека и фигурные «фестоны»¹. Аналоги сосудам этой группы находим в материалах стоянки Бурхан на Ольхоне². Сюда же следует относить фрагменты стенок сосудов, орнаментированных фигурным штампом, обнаруживающие абсолютные аналогии в коллекции стоянки Бурхан – с фрагментами, украшенными оттисками «в виде круглых углублений с радиальным членением внутри и парных ромбов с поперечными верти-

кальными углублениями внутри»³. Другие аналогии сосудам этой группы находим в материалах слоя II стоянки Окуневая-4 на полуострове Святой Нос⁴. Этими исследователями проводятся параллели с керамикой поселения Лысая Сопка на северном Байкале⁵, а также поселения Харга-1, расположенного на северо-востоке Бурятии⁶, и дается хронологическое определение 2-й половине II тысячелетия до н. э. Существование датированных стратифицированных комплексов, содержащих подобную керамику, получившую название северобайкальской (рис. 4), на стоянках Байкальское-3 и 4, Богучанская-13, Северобайкальск-1, Лысая Сопка-1 на северо-западном побережье оз. Байкал стало основанием для выделения одноименной культуры и отнесения ее ко времени, предшествующему глазковскому⁷. Исследователи относят северобайкальскую культуру к периоду 2,4–1,2 тыс. лет до н. э. и предлагают выделить ее в отдельный этап в общей периодизационной схеме раннего бронзового века региона.

Поселение Куналей, открытое в 1971 г., находится в долине р. Хилок, на северной окраине с. Малый Куналей в Мухоршибирском районе Бурятии. Верхний культурный горизонт отнесен к эпохе энеолита – бронзы. Здесь обнаружены очаги, устроенные в специально подготовленных углублениях. Они имели прямоугольную и округлую форму; в некоторых случаях – кольцевую обкладку из камней, но чаще – выкладку по всему периметру. В одном из очагов найден раздавленный тонкостенный сосуд высотой 23–25 см с орнаментом из ритмично чередующихся вертикальных и горизонтальных зон из оттисков прямого и желобчатого штампов. Материал сосредоточен в районе очагов; найдены подпрямоугольное плоское тесло с рабочим краем, оформленным

³ Там же, с. 213.

⁴ Горюнова О. И., Лыхин Ю. П. Археологические памятники п-ва Святой Нос (оз. Байкал) // Древнее Забайкалье и его культурные связи. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 135.

⁵ Абдулов Т. А., Пилипчук Н. П. Поселение Лысая Сопка на Северном Байкале // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. – Иркутск, 1982. – С. 55–70.

⁶ Ивашина Л. Г. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 59–69; Она же. Поселения эпохи позднего неолита – раннего металла... – С. 52–57.

⁷ Харинский А. В., Емельянова Ю. А., Рыков Г. К. Северо-западное побережье озера Байкал в бронзовом веке: по материалам стоянок // Известия Лаборатории древних технологий. Вып. 7. – Иркутск, 2009. – С. 126.

¹ Цыденова Н. В., Хамзина Е. А. Керамические материалы Посольской стоянки: корреляции и варианты интерпретации // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2006. – С. 323–332.

² Качалова Н. К., Мандельштам А. М. Поселения и могильники на мысах Бурхан, Шибэтэй и Нюргон (остров Ольхон) // Сборник научных трудов «Древности Байкала». – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1982. – С. 213.

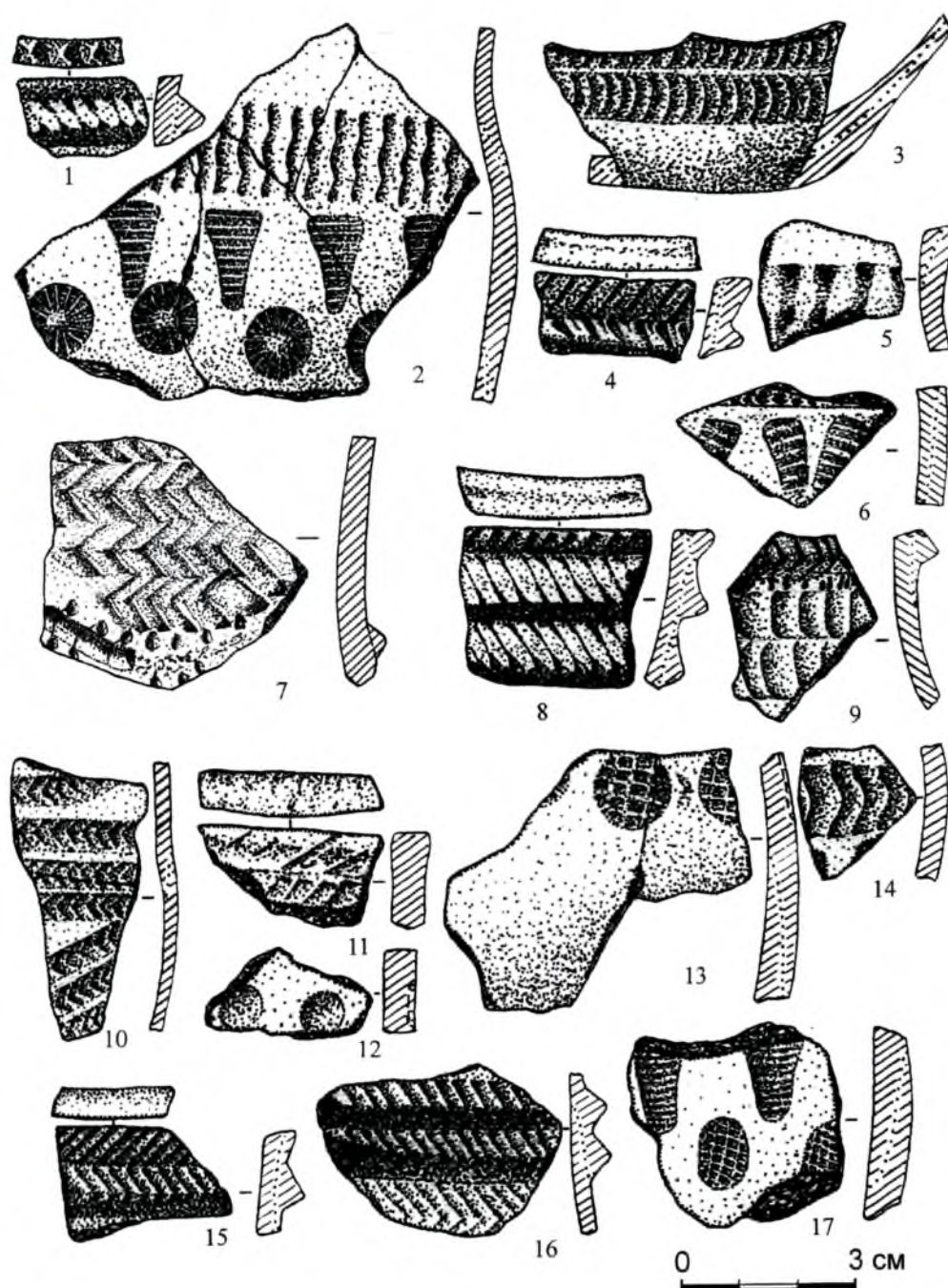

Рис. 4. Байкальское-3: керамика (по Емельяновой, Харинскому, 2008)

односторонней ударной ретушью, фрагменты микропластин с обработкой и без нее, торцовый клиновидный нуклеус, отщепы, фрагменты керамики¹.

¹ Базаров Д.-Д. Б., Константинов М. В., Иметхенов А. Б. и др. Геология и культура древних поселений Западного Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 43–44.

Памятники, подобные поселению Куналей, исследованы читинскими археологами и в других местах Западного Забайкалья: в долине р. Чикой – Студеное-1 и 2, Усть-Менза, Фомичево, Читкан, в долине р. Хилок – Черемушки. К эпохе энеолита – бронзы отнесены верхние культурные горизонты

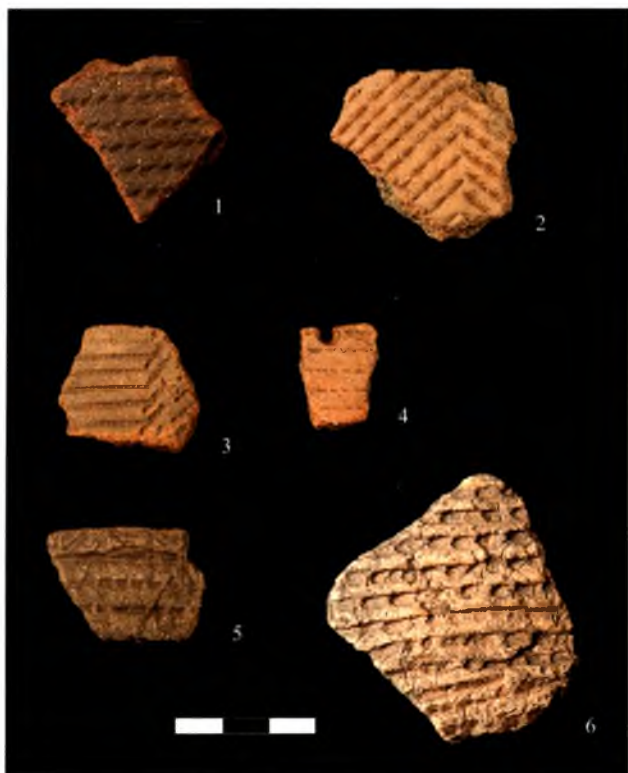

Рис. 5. Поселение Кулькисон: фрагменты керамических сосудов (раскопки Л.Г. Ивашиной, 1978)

этих памятников, связанные с современной почвой.

Исследователи считают, что техника обработки камня и набор изделий в эту эпоху особенно не отличались от неолитических. Повторялись многие формы нуклеусов, наконечников стрел, вкладышей, острей, топоров, тесел и т. д. Керамика также изменилась незначительно, поверхность сосудов стала иногда заглаживаться, больше стало посуды с усложненными за счет налепов венчиками. Но все это можно считать неолитическими традициями, которые продолжали развиваться.

Поселение Кулькисон¹ находится в 18 км северо-восточнее пос. Хуртэй Кижингинского района, на южном берегу оз. Кулькисон. Мощность культурного слоя на поселении – 0,4–0,45 м; из хозяйственно-бытовых комплексов обнаружены остатки очагов подовальной формы с небольшим слоем прокаленной земли. На поселении зафиксированы скопления сильно расколотых костей животных; встречены также жаберные крышки рыб и фрагменты трубчатых костей водоплавающих птиц.

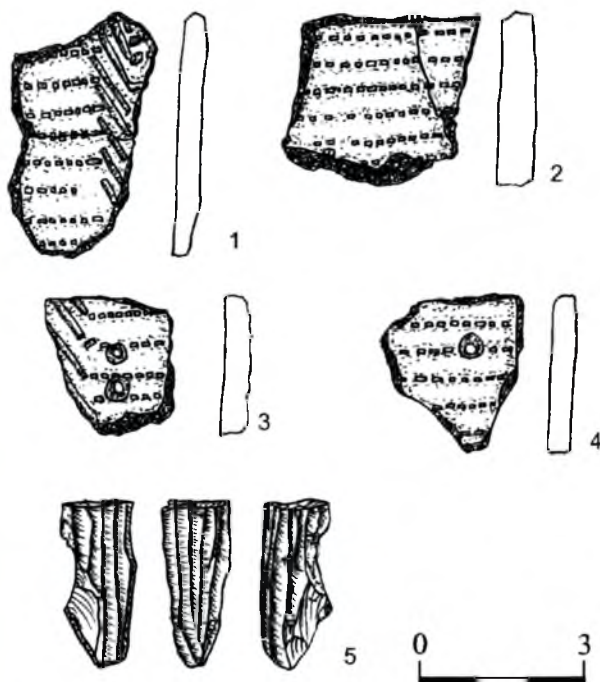

Рис. 6. 1–5 – материал культурного горизонта 1в

Большая часть материала поселения состояла из отходов производства при изготовлении каменных орудий из халцедона и яшмовидного кремня; имеются остатки фауны и фрагменты глиняной посуды. Среди каменных артефактов больше всего нуклеусов, пластин и пластинчатых отщепов. Нуклеусы, как правило, сработаны и включают клиновидные, подпрямоугольные, конические и карандашевидные формы, есть среди них и нуклеусы-резцы. Самая большая группа – торцовые клиновидные одноплощадочные нуклеусы.

Снятые с нуклеусов отретушированные пластины и микропластины использовались в качестве вкладышей в составных орудиях, основой которых могли быть дерево и кость. Более крупные и массивные пластины, благодаря оформлению ретушью режущих краев, превращались в ножи; на поселении найдены в основном их фрагменты. Большинство же пластин и пластинчатых отщепов служило материалом для изготовления скребков, проколов, резцов, наконечников стрел и других широко применяемых орудий.

Изделия из других материалов представлены расколотыми костями со следами шлифовки, фрагментами шила из грифельной кости крупного

¹ Ивашина Л. Г. Поселения эпохи позднего неолита...

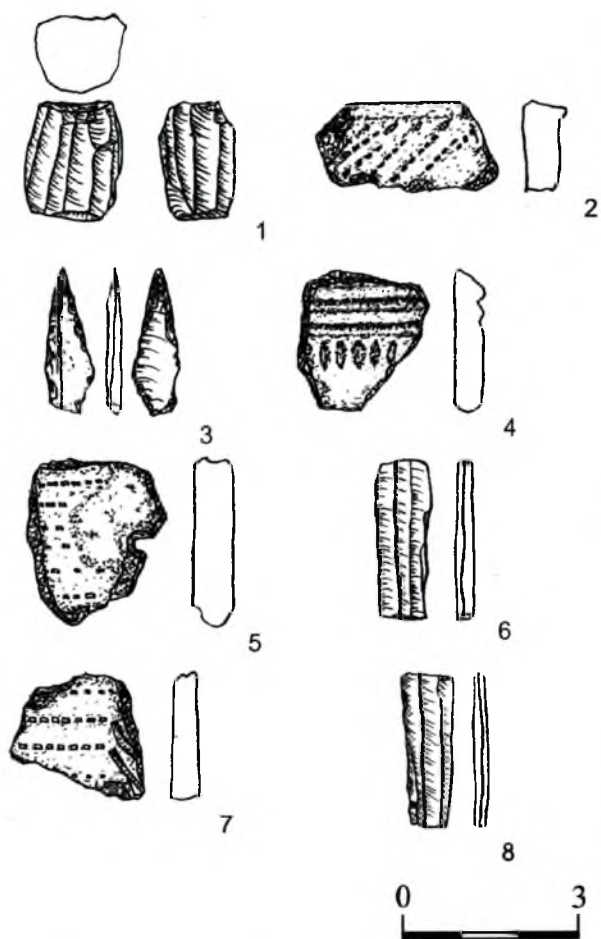

Рис. 6а. Ярцы Байкальские: 1–8 – материал культурного горизонта 1в

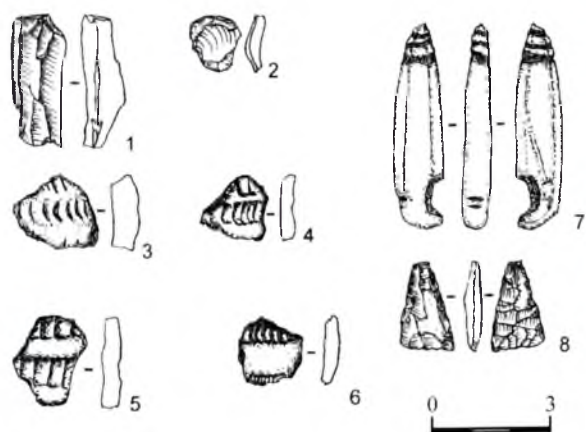

Рис. 7. Ярцы Байкальские: 1–8 – материалы глазковского слоя

Рис. 8. Ярцы Байкальские: фрагменты глазковского сосуда в слое

Рис. 9. Ярцы Байкальские: глазковский сосуд

копытного животного, небольшим костяным резачком, обломком медного кольца.

Большая часть керамики, найденная при раскопках поселения, состоит из мелких обломков неорнаментированных сосудов, иногда со следами нагара с внутренней стороны. В основном это стенки сосудов (рис. 5). Венчиков немного, они слегка отогнуты наружу или прямые, иногда с наклепными карнизиками; фрагменты днищ единичны и представлены несколькими плоскодонными образцами.

Большинство фрагментов принадлежат гладкостенным сосудам с оттисками сильно сглаженной сетки или другим техническим декором – оттисками шнура. Причем при подготовке «теста» в качестве отощителя наряду с песком часто использовались растительные волокна. По способу и технике нанесения орнамента выделяется несколько типов керамики: с оттисками штампа-гребенки; с отпечатками различных вариантов штампа-лопаточки – мелкоячеистой, прямоугольной, овальной, округлой, угловой; с орнаментом в виде прочерченных полос с периодически расположенными в них вдавлениями, наносимыми острой или округлой палочкой. Часто линии, образованные отступающим стеком, не горизонтальны, а сходятся под углом.

Много фрагментов и с пунктирным орнаментом, среди которых также выделяются разные группы. Одна из них представлена фрагментами, орнаментированными мелкими ровными рядами тонкого пунктира, пересеченными столбцами из наклонных оттисков того же штампа на гладкой поверхности. Тесто равномерное, с включением тонкозернистого песка, цвет фрагментов бледно-кирпичный. Венчики прямые, с ровным срезом. Стенки сосудов тонкие.

Более крупные пунктирные оттиски встречаются на фрагментах с более рыхлой структурой теста, содержащей волокна. Цвет фрагментов в основном коричневатый. Эти сосуды имели более утолщенные стенки. Орнамент на них наносился путем прокатывания зубчатого валика, оставлявшего горизонтальные линии пунктира, зачастую поверх шнуровых отпечатков.

Процент готовых каменных орудий незначителен по отношению к большому количеству отходов производства – камней со следами сколов, сработанных нуклеусов, различного рода пластин и отщепов. Это позволяет предполагать, что поселение не было долговременным, заселялось периодически, во время походов за каменным сырьем; здесь же производилась его первоначальная обработка.

На центральном комплексе поселения Ярцы Байкальские вышележащий над позднеглазковским слой (1-й горизонт) содержал фрагменты тонкостенного бледно-кирпичного цвета сосуда с тонким пунктирным орнаментом – горизонтальными параллельными поясами, прерывающимися столбцами из коротких и наклонных линий того же пунктира (рис. 6, 6а). В точности такие же остатки сосудов имеются в коллекции поселения Кулькисон. Но в Ярцах такая керамика найдена впервые в такой строгой стратиграфической позиции, в отложениях, перекрывающих слой с позднеглазковскими материалами, что позволяет датировать и материалы Кулькисона, следующим временем за глазковским¹.

Описанные остатки сосуда располагались небольшим скоплением рядом с уникальным ритуальным объектом. Три небольшие каменные плиты (манупорты) были установлены вертикально и повернуты в сторону восхода солнца плоскими гранями с естественными рельефными «изображениями». Примерные размеры плит – 30х40, 40х50 см. Низ конструкции состоял из горизонтально уложенных камней меньшего размера, игравших роль своеобразной креpidы. Самый нижний уровень кладки представлял небольшой плоский камень, перекрывавший овальную ямку глубиной около 20 см, выделявшуюся более рыхлым составом наполнения, на фоне окружающего очень плотного субстрата слоя. Можно предположить, что эта конструкция является погребением последа.

Восточное побережье оз. Байкал является окраиной ареала распространения глазковской культуры. Ее памятники в основном распространены в Прибайкалье, Приангарье, в верховьях Лены и низовьях Селенги. К настоящему времени раскопано более 300 погребений и изучено большое количество стоянок с материалами этой культуры. Время существования глазковской культуры приходится на конец III и большую часть II тысячелетия до н. э., приблизительно до XIII в. до н. э. Она сложилась на позднеэнеолитической серовской основе и, таким образом, продолжила линию развития местного прибайкальского населения. В погребениях глазковской культуры впервые появляются медные и бронзовые изделия – ножи, рыболовные крючки, иглы и шилья.

¹ Цыденова Н. В. Ярцы Байкальские – центральный комплекс // *Nomadic heritage studies*. Т. VIII. – Fasc. 10. – Ulaanbaatar, 2008. – P. 127–139.

Именно они и обозначили вступление населения Прибайкалья в новую эпоху. Медь использовалась как в чистом виде, так и в сплавах с мышьяком, оловом или свинцом, образуя бронзу.

Из медных изделий в глазковских могилах чаще всего встречаются широкие и крупные по размерам листовидные ножи. Из меди и бронзы изготовлены рыболовные крючки с двумя жальцами на конце, а также иглы. Из украшений обнаружены свернутые из тонких пластин трубочки-пронизки, кольца с сомкнутыми и несомкнутыми концами. В целом, вследствие ценности и редкости металла, находки медных и бронзовых изделий в погребениях и на поселениях глазковской культуры, по сравнению с каменными и костяными предметами, крайне редки. Это характерная черта энеолитического времени, переходного от эпохи камня к эпохе бронзы.

Глазковские мастера только начали осваивать особенности работы с новым материалом – металлом. Не обладая необходимыми познаниями в этой области, они переносили на медь некоторые традиции обработки камня. Так, например, формы листовидных ножей восходят к серовским клинкам, медные иглы являются точной копией костяных. Изделия эти изготавливались методом холодной или горячейковки, т. е. не отливались. Или, иначе говоря, метод оббивки камня был перенесен на новый материал – металл. В этих особенностях заключается еще одна важная черта энеолитического времени, которая хорошо прослеживается в материалах глазковской культуры.

На территории Бурятии следы пребывания глазковцев зафиксированы на поселениях Ярцы Байкальские, Окуневая-4, а также на могильнике Фофаново.

В Ярцах Байкальских на разных участках вскрыты горизонты с позднеглазковским материалом (центральный комплекс – 2-й горизонт, южный комплекс – 1-й горизонт), представленным гладкостенными сосудами, орнаментированными в верхней части – по слегка профилированному венчику горизонтальными поясами «жемчужного» орнамента в сочетании с расположенными ниже рядами отступающей лопатки. Здесь же зафиксированы изделия из камня – двусторонне обработанный наконечник стрелы подтреугольной формы, пластинки, отщепы, а также обломки бронзовых изделий (рис. 7–9)¹.

Многолетние исследования Фофановского могильника показали, что по истечении длительного времени, когда над поверхностью погребений 1-й группы образовался слой лессовидного суглинка, сформировался новый почвенный горизонт, с уровня которого заложены могилы глазковского времени (погребения 2-й группы), соотносимые с эпохой энеолита или ранней бронзы. Почти все они разграблены в древности, о чем свидетельствуют разрушенные надмогильные кладки и потревоженные костяки. В ряде случаев установлено вытянутое, на спине положение погребенных. Единственная неразграбленная могила № 36 содержала скорченный скелет на спине². Однако и разрушенные погребения дали многочисленный материал: разнообразные орудия рыболовства: костяные и роговые наконечники гарпунов, обломки сложных рыболовных крючков, стерженьки с отверстием, костяные жальца (рис. 10), из каменных изделий – скребки округлых и прямоугольных форм на пластинах, двусторонне ретушированные наконечники стрел, наконечники дротиков, сплошь покрытые ретушью и подработанные мелкой отжимной ретушью по краям. Среди украшений встречаются перламутровые кружки и бусы, просверленные зубы марала и очень редко – клыки кабана со сверлинами на концах (рис. 11). Достаточно редки находки обломков медных и бронзовых пластинчатых ножей, рыболовных крючков и игл. В некоторых случаях в разграбленных погребениях, на костях скелетов и костяных изделиях заметны окислы меди или бронзы – следы находившихся здесь металлических предметов (рис. 12).

Среди остатков глиняной посуды наиболее часты фрагменты сосудов с округлым, приотстренным и плоским днищем, орнаментированными вертикальными и горизонтальными полосами, выполненными отступающей лопаточкой. Края венчиков сосудов часто украшались выпуклинами-горошинами (рис. 13).

Радиоуглеродные даты, полученные по кости из 4 погребений 3-й группы Фофановского могильни-

зового века поселения Ярцы Байкальские // Материалы семинара «Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг.», посвященного 125-летию со дня рождения Б. Э. Петри. – Иркутск, 2009. – С. 333–339.

² Герасимов М. М., Черных Е. Н. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975. – С. 23–48.

¹ Цыденова Н. В. Комплексы неолита – раннего брон-

Рис. 10. Могильник Фофаново: костяные изделия из погребений глазковской группы (по Герасимову, Черных, 1975)

ка (3670 ± 40 ; 3740 ± 50 ; 3890 ± 50 ; 4100 ± 100), относят его к III тысячелетию до н. э.¹

В некоторых погребениях найдены отжимники, инструменты для обработки камня, встречающиеся даже парами – один для черновой работы, другой для окончательной отделки изделия. Появляются новые типы кремневых скребков и наконечников стрел, четырехгранные шилья-провертыши, обработанные тонкой отжимной ретушью. Вместо тесел чаще используются топоры. В глазковское время еще шире, чем в неолите, стали использоваться нефрит, вязкий неколющийся камень, и, следовательно, техника пиления и шлифования. Нефрит пилили шиферными пластинчатыми пилами. Прекрасно изготовлены двусторонне обработанные асимметрично-миндалевидные ножи.

Очень широко и разнообразно используются кость и рог. Из них изготавливали массивные орудия типа кирок, кинжаловидные острия для снятия коры с деревьев, кинжалы и наконечники копий, черешковые наконечники стрел, в т. ч. новых типов, например с расщепленным насадом, гарпуны, шилья, проколки, иглы, ложки и т. д.

Вместе с тем по мере вхождения в быт нового материала – меди и бронзы стал наблюдаться некоторый упадок каменной индустрии: сокращалось

изобилие совершенных с технической точки зрения орудий, ухудшалось мастерство их отделки. Меньше требований предъявлялось и к качеству материала. Большой редкостью становятся составные кинжалы, ножи и наконечники копий на костяной основе с двусторонне ретушированными вкладышами.

Охотничий инвентарь, по сравнению с исаковским и серовским временем, представлен не так богато и разнообразно. В погребениях отсутствуют

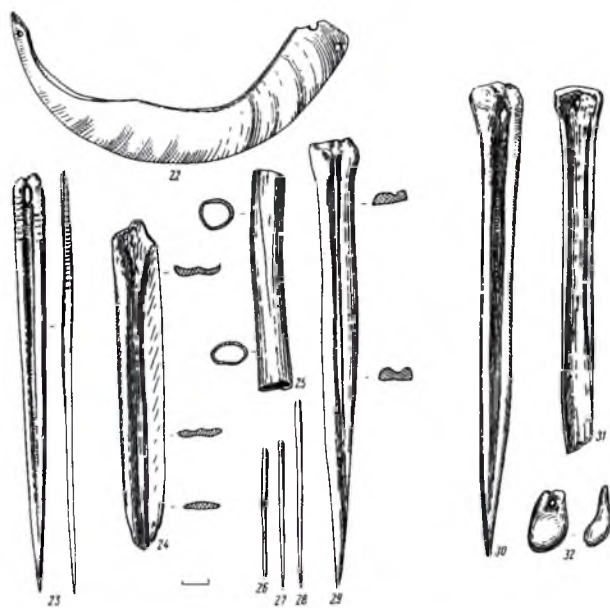

Рис. 11. Могильник Фофаново: костяные орудия и украшение из клыка кабана из погребений глазковской группы (по Герасимову, Черных, 1975)

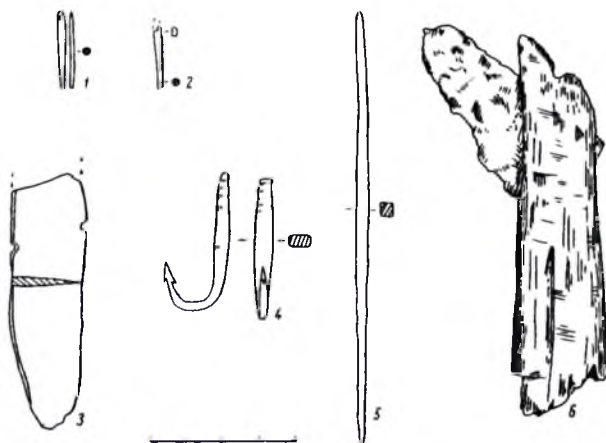

Рис. 12. Могильник Фофаново: изделия из металла (по Герасимову, Черных, 1975)

¹ Мамонова Н. Н., Сулержицкий Л. Д. Опыт датирования по С14 погребений Прибайкалья эпохи голоцена // СА. – 1989. – № 1. С. 19–32.

Рис. 13. Могильник Фофаново: керамические сосуды погребений глазковской группы (по Герасимову, Черных, 1975)

сложные составные луки серовского типа, наконечники стрел уменьшаются в размерах. Реже встречаются кинжалы и другое специализированное охотничье оружие. Но, тем не менее, охота играла хотя и не основную, но достаточно большую роль в деле обеспечения глазковского населения пищей. Особенно часто на поселениях байкальского побережья встречаются кости нерпы, которая была важным промысловым животным.

Орудия рыбного лова в глазковских памятниках представлены широко и разнообразно. Рыболовство являлось, видимо, главным занятием. Появились новые типы гарпунов с двусторонними, попеременно расположенными зубьями. С гарпунной ловлей рыбы были связаны изготовленные из камня рыбы-приманки. Существуют все прежние формы крючков. Их стали изготавливать и из металла. Появился новый тип составного крючка, специфически глазковский. Его бочонковидный стержень имел продольную канавку для крепления острия. Длина крючков достигала 7,5 см. Глазковцы занимались и сетевым рыболовством. Об этом говорят каменные грузила с тщательно выточенными желобками для привязывания. Сохранившиеся кости на поселении Улан-Хада на о. Ольхон показали значительные размеры добываемых рыб. Окунь достигал длины 30 см, а сиг или омуль – около 40 см.

О большом значении реки и воды в жизни глазковского населения косвенно свидетельствует устройство каменной кладки над погребениями

в виде очертаний лодки-оморочки и ориентация умерших по течению реки.

Приведенные данные, по мнению многих исследователей, свидетельствуют о превращении рыболовства в ведущую отрасль хозяйства населения Прибайкалья в глазковское время. Однако вряд ли следует из-за этого умалять значение охоты, низводя ее на вторую роль жизнеобеспечения, оба вида занятий были одинаково важны в хозяйстве глазковцев. Во всяком случае, материалы поселений и могильников хорошо отражают и тот и другой вид хозяйственной деятельности, а применительно к Байкалу, вследствие мощного ледостава на протяжении более полугода, трудно предположить хозяйственную специализацию именно на рыболовстве. Скорее всего значение охоты и рыболовства менялось в зависимости от времени года.

Хозяйственный инвентарь, представленный орудиями рыбной ловли – костяными гарпунами и каменными стерженьками рыболовных крючков, а также орудиями охоты – наконечниками стрел, вкладышевыми ножами и кинжалами, свидетельствует о доминировании индивидуальных способов охоты и рыболовства (рис. 14, 15). В пользу развитого рыболовческого хозяйства населения развитого неолита – ранней бронзы говорит само расположение таких стоянок, как Посольск и Харга, в местах, удобных для массовой рыбной ловли. Так, Посольская стоянка находится в устье Большой Речки, в месте впа-

дения ее в оз. Байкал, и могла быть обитаема во время рыбацкой тони¹. Стоянка Харга, расположенная на низкой протоке между озерами Большая и Малая Харга, могла быть периодически затопляема. И это позволяет предполагать временное, сезонное посещение людьми места поселения².

Примером направленности хозяйства древних обитателей Забайкалья эпохи ранней бронзы на всестороннее использование природных ресурсов могут быть местонахождения на Ушканьих островах Чивыркуйского залива, являвшиеся кратковременными сезонными стоянками охотников на нерпу. Интересной деталью, отмеченной Л. П. Хлобыстиным, было то, что ластовые кости количественно преобладают над всеми другими костями нерпы и составляют 74 %, на основании чего ученый заключает: «ласты употреблялись здесь же, на островах, а туши увозились. Вероятно, у древних жителей Байкала, как и у других народов, занимавшихся тюленьим промыслом, ласты считались лакомой пищей, по праву достававшейся охотнику»³.

На основе результатов анализа содержания стабильных изотопов в костных остатках из ряда могильников эпохи неолита и раннего бронзового века Приангарья, западного побережья оз. Байкал и Приольхонья исследователи А. В. Вебер и Д. В. Линк пришли к заключению, что в различные периоды значение охоты на нерпу было различно: «... охота на тюленей играла незначительную роль в жизни китойцев. Ее актуальность стала усиливаться в начале серовско-глазковского периода. Однако следует подчеркнуть, что в течение всего неолита и бронзового века этот промысел был сезонным видом хозяйственной деятельности и мясо этих животных составляло незначительную часть общего пищевого рациона»⁴. Сезонный же характер охоты на нерпу был установлен посредством анализа дентина зубов ископаемых остатков этого вида с одно-временных комплексов Приольхонья⁵. Оказалось,

что в 16 случаях из 21 животные были добыты в промежутке от марта до июня, т. е. в основном сезон нерпичьего промысла приходился на весенний период. В остальное время года охота на тюленя была эпизодической⁶.

Большие изменения в глазковское время произошли в социальной жизни. Инвентарь погребений показывает существование строгого разграничения хозяйственных обязанностей между мужчинами и женщинами. В мужских погребениях встречаются, как правило, орудия рыбной ловли и охоты, а в женских – инвентарь, связанный с обработкой выловленной рыбы или добытых животных, собирательством, а также большое количество украшений.

В глазковских могильниках чаще, чем прежде, стали встречаться парные захоронения, как совместные, так и в разных могильных ямах, расположенных под одной кладкой. Но основными в них являются погребения мужчин.

Таким образом, особенности состава инвентаря и некоторых черт погребального обряда свидетельствуют о возросшей роли мужчин в хозяйственной деятельности и изменении положения женщины в обществе. Это связано, вероятно, со сменой материнского рода отцовским, формированием патриархального уклада в общественной жизни.

На Фофановском некрополе М. М. Герасимовым и Е. Н. Черных для погребений глазковской группы отмечено расположение их отдельными небольшими компактными подгруппами. Причем замечено, что 1-я и 4-я подгруппы отличаются от двух других богатством сопроводительного инвентаря. Такие данные позволили этим исследователям прийти к заключению о родовой структуре глазковского общества.

Прекрасно сохранившиеся в ряде мест погребения позволили А. П. Окладникову по расположению украшений на костях скелетов реконструировать одежду глазковцев и по ее особенностям определить этническую принадлежность населения глазковской культуры. Верхняя одежда глазковцев, обувь типа унгов нашли ближайшие аналогии у эвенков. Реконструированный головной убор также оказался близок к тунгусской шапочке, украшенной нефритовыми дисками, схожими с находкой на рис. 16. Другие же

¹ Хамзина Е. А. Археологические известия в Бурятии за 50 лет // Исследования и материалы по истории Бурятии. – Улан-Удэ, 1973. – С. 31.

² Ивашина Л. Г. Неолит и энеолит... 1979. – С. 68.

³ Хлобыстин Л. П. К истории нерпичьего промысла на Байкале // Советская археология. – 1963. – № 1 – С. 17.

⁴ Вебер А. В., Линк Д. В. Неолит Прибайкалья: итоги и перспективы изучения // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 1. – С. 141.

⁵ Weber A. W., Goriunova O. I., Konopatskii A. K. Pre-

historic Seal Hunting on Lake Baikal: Methodology and Preliminary Results of the Analysis of Canine Sections // Journal of Archaeological Science. – 1993. – № 20. – P. 629–644.

⁶ Там же, с. 640.

элементы тунгусского этнографического комплекса: сложные луки, рыбки-приманки, изображения человечков, подвешенных к нагруднику, горшки-дымокуры, ношение ножа на бедре – находят аналогии в Прибайкалье как в глазковском комплексе, так и в серовских материалах. Исходя из этого, А. П. Окладников сделал вывод о тунгусской этнической принадлежности древнего населения Прибайкалья эпохи позднего неолита и ранней бронзы.

К периоду энеолита и ранней бронзы относятся и материалы погребальных комплексов. На северо-востоке Бурятии этому времени принадлежат погребения № 8 и 22 могильника Бухусан. Погребение № 8 находилось под каменной кладкой, положение погребенного – на спине с вытянутыми вдоль тела руками и юго-восточной ориентацией. В инвентаре вместе с крупным скребком из массивного пластинчатого отщепа серой яшмовидной породы, обработанным со спинки отжимной ретушью, двусторонне ретушированным наконечником стрелы с симметрично-выемчатым основанием и костяным острием находился пластинчатый бронзовый нож серповидной формы, с неглубоким желобком вдоль лезвия. Пластинчатость ножа и характер закрепления в рукояти несколько под углом делают его похожим на листовидные медные и бронзовые ножи из 2-й группы погребений Фофановского могильника. Спектральным анализом установлено, что основой сплава, из которого изготовлен нож, является медь (94 %).

Под сильно разрушенной каменной кладкой в погребении № 22 найдены фрагменты скелета человека, несколько микропластин из зеленой яшмы, обломок стенки глиняного сосуда со штриховыми отпечатками, подвеска из расщепленного клыка кабана с просверленным отверстием и костяной черешковый наконечник стрелы треугольной формы, обломанный в верхней части. По форме и размеру он абсолютно идентичен с найденным в непосредственной близости от погребений медным черешковым наконечником стрелы (медь составляет 97 %)¹.

Радиоуглеродные даты этих погребений (2940 ± 100 у № 8 и 3020 ± 50 у № 22) делают их несколько моложе глазковских погребений Фофановского могильника и приближают ко времени плиточных могил.

В памятниках палеометалла, поселениях и могильниках, впервые появляются, как и в соседнем Прибайкалье, медные и бронзовые предметы. Металл был очень дорог, его берегли. Из него изготавливали самые необходимые и небольшие по размерам вещи. Сломанные изделия шли на переплавку. Поэтому находки из меди и бронзы в памятниках энеолита – ранней бронзы очень редки и свидетельствуют об очень бережном отношении к новому материалу. Так, на стоянке Харга-1 в районе Еравнинских озер найдено лишь 2 небольших фрагмента бронзовой бусины-пронизки, на поселении Кулькисон – обломок медного кольца, в глазковских горизонтах поселения Ярцы Байкальские – мелкие неопределимые фрагменты медно-бронзовых изделий.

В соседнем Восточном Забайкалье металлические предметы в слоях этого же времени также редки. На стоянке Молодовск в Восточном Забайкалье найден небольшой медный рыболовный крючок, на стоянке Антипиha близ Читы – четырехгранное медное шило, на стоянке Дворцы в 20 км к северо-западу от Читы – 2 фрагмента изделия и кусок медно-бронзового шлака. Особенно важна последняя находка, свидетельствующая о выплавке металла на месте. Значит, металл не поступал извне, и с самого начала энеолита металлургическое производство имело местное происхождение.

В материалах могильников металлические изделия также очень редки. Иногда их присутствие определяется по окислам на костях скелета. Это косвенно указывает на небольшие размеры вещей.

Первый металл, вначале медь, а затем ее сплав с оловом и другими компонентами, был незаменим прежде всего для изготовления тонких и острых предметов, таких как ножи, рыболовные крючки, иглы и шилья. Именно эти виды изделий найдены в могильниках, относящихся к периоду энеолита – ранней бронзы. Из глазковских погребений Фофановского могильника известны 3 листовидных медных ножа, бронзовая игла² (раскопки М. М. Герасимова и А. П. Окладникова в 30-е гг.; раскопки А. П. Окладникова в 1948–1950 гг.), 3 пластинчатых ножа, рыболовный крючок с жальцем, четырехгранное шило и 2 иглы (раскопки М. М.

¹ Ивашина Л. Г. Новые материалы по археологии бронзового века Забайкалья // Известия СО АН СССР. Сер. Обществ. науки. – Вып. 1. – 1975. – № 1. – С. 101.

² Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. III // Материалы и исследования по археологии СССР. 1955. – № 43. – М.-Л.: Изд-во АН СССР. – С. 30.

Герасимова в 1959 г.)¹ (рис. 15), в могильнике Бухусан найдены пластинчатый нож (погребение № 8) и черешковый наконечник стрелы (из района погребений)².

Спектральным анализом установлено, что фофановские бронзовые изделия были изготовлены из медно-мышьяковистых сплавов (мышьяка в них 1,2–3 %)³, а бухусанские – из оловянистых (олова в изделиях 3,5 и 2,15 %) и больше тяготеют к восточно-забайкальскому очагу бронзо-литейного производства⁴. Все это позволяет предполагать наличие на территории Бурятии в эпоху раннего металла по крайней мере двух очагов древней металлургии.

Рис. 14. Могильник Онкули: гарпуны (раскопки Е.А. Хамзиной, фонды музея БНЦ СО РАН)

Рис. 15. Двусторонне ретушированные вкладыши (Тунка, фонды музея БНЦ СО РАН)

Как и в соседнем Прибайкалье, а также в Саяно-Алтае, на производство первых медно-бронзовых изделий Забайкалья большое влияние оказали неолитические традиции обработки камня. Это прослеживается в формах изделий и техникековки. Очертания бухусанского ножа и наконечника стрелы напоминают их каменные прототипы.

Вследствие редкости металла основным материалом для изготовления орудий труда в эпоху

энеолита и ранней бронзы по-прежнему оставался камень, а также кость и рог. Однако несмотря на высокий уровень изготовления многих каменных изделий, для энеолита и ранней бронзы многие исследователи все же отмечают определенный упадок каменной индустрии. Сокращается количество ножевидных пластин и изделий из них, падает значение пластинчатой техники. Увеличивается количество изделий на отщепах. Меньше внимания стало уделяться качеству пород камня и его обработке. Такое постепенное изменение отношения к камню объясняется, видимо, появлением нового материала – металла и постепенно выявлявшимися его преимуществами перед камнем: плавкостью, пластичностью, способностью при литье принимать формы, недоступные для камня, при заточке

¹ Герасимов М. М., Черных Е. Н. Раскопки Фофановского могильника... – С. 34.

² Ивашина Л. Г. Неолит и энеолит... – С. 82.

³ Герасимов М. М., Черных Е. Н. Раскопки Фофановского могильника... – С. 43.

⁴ Ивашина Л. Г. Там же, с. 101.

Рис. 16. Шаманский мыс: нефритовые кольцо и диск (А.В. Тиваненко, 1986, фонды музея БНЦ СО РАН)

давать более острые режущие края и т. д. Медные и бронзовые украшения выглядели внешне привлекательнее и красивее многих каменных. Поэтому по мере внедрения в быт металла и освоения его производства внимание мастеров все больше переключается на поиски способов его обработки, развитие и совершенствование новых навыков.

На стоянках этого времени чаще присутствуют песты, мотыгообразные орудия разных форм; новым видом изделий становятся каменные молоты с более широкой ударной частью и пояском-перехватом для крепления к рукоятке, что дает основание отмечать начало металлургического производства меди и бронзы в крае, которое фиксируется по находкам медной крицы и шлака, т. е. отходов производства. Эти орудия могли использоваться для добычи и дробления руды.

Таким образом, если Прибайкалье в эпоху энеолита и ранней бронзы представляло собой достаточно монолитный и единый этнокультурный район, то этого нельзя сказать о расположенном к востоку от него Забайкалье. Начавшийся здесь в период развития неолита процесс формирования производящего хозяйства и разделения путей этнокультурного развития степного и лесного населения в эпоху энеолита и ранней бронзы, вероятно, значительно усилился.

С началом же эпохи бронзы меняется этнокультурная ситуация на территории Бурятии, начинается активизация миграционных движений на востоке региона. Так, на юго-востоке Забайкалья материалы поселения Кулькисон демонстрируют проникновение населения выделенной А. Д. Цыбиктаровым на основе анализа опубликованных материалов поселений Юго-Западного Забайкалья хэнтэйской культуры. Ее носители достигли берегов Байкала. Встреченная на поселении Ярцы Байкальские керамика, характерная для Кулькисона, была расположена в слое над позднеглазковским горизонтом, что позволяет датировать хэнтэйскую культуру временем, следующим за глазковским.

Таким образом, на сегодняшний день можно выстроить следующую культурно-периодизационную схему, хотя понятно, что по мере выявления новых данных эта схема будет еще корректироваться. Вероятно, будут выделены локальные варианты хэнтэйской культуры, как на территории Забайкалья, так и сопредельных с ним территорий Восточного Забайкалья, Монголии. Также установлены хронологические рамки существования культур:

1) харгинский этап – 2-я половина III тысячелетия до н. э.: все еще сильны неолитические традиции, присущие предшествовавшей селенгинско-даурской культуре;

2) северобайкальский этап – 2-я половина III – начало II тысячелетия до н. э.: выделена по побережью оз. Байкал;

3) глазковский этап – конец III – начало II тысячелетия до н. э.: на территории Бурятии памятники этой культуры фиксируются только по побережью оз. Байкал;

4) хэнтэйский этап – начало II тысячелетия до н. э.: на юго-востоке Бурятии до побережья оз. Байкал.

Энеолит (переходный период от каменного века к эпохе металла) и ранняя бронза в Забайкалье датируются концом III – серединой II тысячелетия до н. э. Наиболее важным отличием этого времени стало внедрение в быт нового материала – металла и становление производящего хозяйства. Причем к середине II тысячелетия до н. э. скотоводство превращается, по-видимому, в основной вид хозяйственной деятельности в южных степных и лесостепных районах края. Однако динамика развития этих процессов в настоящее время пока не совсем ясна, вследствие незначительности материалов этого периода, хотя имеющиеся достаточно выразительны и в основных чертах характерны для этой эпохи.

На протяжении всего неолита и ранней бронзы древние обитатели территории Бурятии вели бродячий образ жизни охотников и рыболовов, что видно по планиграфии местонахождений памятников этой эпохи и по характеру археологического материала. Практически все без исключения исследователи приходят к выводу о временном характере стойбищ людей неолита и о существовании в то время легких наземных жилищ типа чумов, что археологически почти не прослеживается. В редких случаях фиксировались блюдецобразные западины, как, например, в слое II на Санном Мысу, в которых концентрировался археологический материал. Большое количество стоянок имели малую мощность культурного слоя, что лишний раз свидетельствует о бродячем образе жизни людей эпохи неолита.

Археологические данные свидетельствуют о том, что в эпоху энеолита и ранней бронзы на территории Западного Забайкалья, большую часть которого занимает Бурятия, хозяйство древних племен, так же как и в позднем неолите, было направлено на комплексное использование окружающей природы – лесов, степей, рек, озер. В основе хозяйствования продолжали оставаться традиционные виды деятельности – охота, рыболовство и собирательство. В переходный период к эпохе металла уже начинали закладываться элементы производящего хозяйства, постепенно осуществлялся переход от собирательства и выкапывания съедобных дикорастущих растений к их возделыванию, от добывания диких животных посредством охоты к постепенному их приручению, к первым шагам скотоводства.

Конкретных данных о начале возделывания культурных растений по материалам памятников энеолита – ранней бронзы на территории Бурятии пока нет. Но имеются косвенные подтверждения того, что существовало развитое собирательство съедобных корней и клубней, которое предшествовало наработкам земледелия. Подтверждением этого являются находки орудий, предназначенных для выкапывания и растирания дикоросов. Это кирки и мотыгообразные орудия из рога, а также каменные песты-терочники. Так, в одном из глазковских погребений Фофановского могильника (раскопки М. М. Герасимова, 1936 г.) обнаружена массивная кирка из рога лося¹. Насаженное на деревянную ру-

коять, это орудие могло использоваться для копания земли. То же самое назначение предполагается и у орудия из лопатки крупного травоядного животного, также происходящего из глазковского погребения Фофановского могильника (раскопки А. П. Окладникова, 1950 г.)². Для тех же целей могли служить желобчатые острия из рога. Их заостренные концы позволяли пользоваться ими как палками-копалками для извлечения из земли корней и клубней.

Сведения о существовании домашних животных у древних племен Бурятии относятся именно к периоду энеолита – ранней бронзы. Одной из самых ранних является находка в погребении Фофановского могильника (раскопки М. М. Герасимова, 1953 г.) скелета домашней овцы. Животное находилось в правильном анатомическом порядке в ногах погребенного человека в могиле 2-й группы, датируемой глазковским временем³. На стоянке Харга-1 в районе Еравнинских озер (раскопки Л. Г. Ивашиной, 1972–1973 гг.), датированной эпохой энеолита, вместе с костями диких животных: лося, изюбра, косули, кабана – найдены кости домашних особей – лошади и крупного рогатого скота.

Во время первых раскопок Нижне-Березовской стоянки в 1928–1929 гг. Г. П. Сосновским обнаружены остатки диких животных – косули, лося, кабана, зайца, благородного оленя и домашних – лошади, длиннорогого быка, собаки (определения были сделаны В. И. Грозовым)⁴. Кости домашних животных были найдены вместе с каменными и костяными орудиями неолитического типа, на основании чего памятник был датирован неолитическим временем и сделано заключение о раннем появлении производящего хозяйства.

Позже, при раскопках А. П. Окладникова в 1949 г., на стоянке было выявлено 2 культурных слоя; находки костей домашних животных, так же как и бронзовых изделий в виде фрагментов ножей и полусферовидных бляшек с перекрестием, отнесены к верхнему культурному горизонту и датированы эпохой бронзы.

В Восточном Забайкалье кости коровы и овцы обнаружены в энеолитическом слое поселения

² Там же, с. 30.

³ Герасимов М. М., Черных Е. Н. Раскопки Фофановского могильника... – С. 44.

⁴ Архив ЛОИА, ф. Г. П. Сосновского, 42, № 164, с. 4; 42, № 297, с. 13.

¹ Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья...

Дворцы недалеко от Читы, в одном из распадков Яблонового хребта.

Примечательно, что все эти бесспорные находки костей домашних животных связаны с самыми северными районами распространения лесостепной зоны в Забайкалье. Значит, скотоводство в энеолитическое время распространилось, следует полагать, и в более южных лесостепных и степных районах наряду с земледелием, появившимся еще в развитом неолите.

Расширению производящего хозяйства на территории Юго-Восточного и Восточного Забайкалья в конце III – начале II тысячелетия до н. э. способствовал, несомненно, более влажный, по сравнению с современностью, климат и соседство с южнотунгусскими и восточномонгольскими районами, где земледелие возникло раньше. О возросшем в это время значении земледелия в хозяйстве энеолитического и раннебронзового населения Южного Забайкалья свидетельствуют более частые, по сравнению с неолитом, находки орудий труда земледельческого характера. На памятниках Восточного Забайкалья Дворцы, Куранжа, Баин-Булак, Курочи и др. обнаружены песты, диски-утяжелители, плиты-зернотерки. А. П. Окладников и И. И. Кириллов ставят вопрос о возникновении в рассматриваемое время даже пашенного земледелия с использованием каменных и костяных лемехов.

Вместе с тем, по-видимому, не стоит переоценивать уровень развития как земледелия, так и скотоводства в период энеолита и начала раннебронзового времени. Факт их существования бесспорен, но роль и значение еще были незначительны: подавляющее большинство остеологических материалов в этих памятниках принадлежит диким животным, крупным лесным и степным копытным: лосям, косулям, кабанам, благородному оленю, сайге. Удачная охота на них давала достаточно большие запасы мяса. Поэтому охота, по сравнению со скотоводством, оставалась основным источником получения мясной пищи. По-прежнему, но уже в другом объеме и значении, фиксируется рыболовство. В Дворцах найдена заготовка блесны в форме рыбки, стержень составного крючка, кости чебака и карася. В северо-восточной Бурятии, в Еравне, судя по тому, что на поселении Харга-1 все хозяйственные ямы оказались заполненными остатками рыб, рыболовство играло гораздо более заметную роль в хозяйстве. Безусловно, существовало и собирательство. Значительная роль присваивающих форм в хозяй-

ственной деятельности во многом обуславливалась, вероятно, и большей, чем в настоящее время, обремененностью территории Забайкалья.

В целом же в степном и лесостепном Забайкалье в период энеолита и ранней бронзы скорее всего складывается сложное комплексное хозяйство, сочетающее развитые виды традиционного, присваивающего хозяйства и развивающиеся отрасли нового, производящего хозяйства. Опубликованные материалы погребений этого времени также подтверждают соотношение старых и новых форм хозяйства. В них инвентарь производственного характера связан с охотой и рыболовством и по составу очень близок неолитическому. В то же время в могилах отсутствуют кости домашних животных. Но в ориентации захоронений наблюдается переход на восточный сектор, характерный уже для скотоводческого населения Забайкалья времени развитой и поздней бронзы. Таким образом, погребальный обряд энеолитическо-раннебронзового населения сочетает в себе как архаические, так и новационные черты.

В конце III – начале II тысячелетия до н. э. в степной полосе Евразии началась фаза аридизации (усыхания) климата. Она подтверждается и материалами среднего Байкала, где период времени с 4,1 до 3,6 тыс. л. н. (XXI–XVI вв. до н. э.) в климатическом отношении характеризовался такими же особенностями. В степной и лесостепной зонах Забайкалья с их достаточно твердыми почвами это ухудшило возможности для дальнейшего развития земледелия, несколько ограничило возможности охоты и рыболовства (сокращались лесные массивы, пересыхали озера и небольшие речки). В то же время расширение открытых пространств, представлявших собой прекрасные пастбища, должно было стимулировать развитие скотоводства, а в речных поймах – земледелия.

Однако изменение климата происходило постепенно, не резко. Поэтому соотношение разных видов хозяйственной деятельности в пользу скотоводства у забайкальского населения периода энеолита – ранней бронзы менялось, вероятно, также достаточно плавно, параллельно изменению климатической и ландшафтной ситуации в крае. Так во многом умозрительно можно представить динамику развития событий в течение рассматриваемого времени.

Материалов, позволяющих проследить конкретный ход изменений разных видов хозяйствен-

ных занятий в регионе в период энеолита и ранней бронзы, пока имеется недостаточно. Это лишь несколько поселений в Бурятии и Читинской области, но, тем не менее, зафиксировавших увеличение роли земледелия и скотоводства, по сравнению с неолитом. С другой стороны, в памятниках последующих периодов бронзового века – плиточных могилах, погребениях дворцового типа и херексурах отчетливо фиксируется скотоводство как ведущая и основная отрасль хозяйства и практически не прослеживается земледелие. Если исходить из этих данных, а именно из наличия в период энеолита – ранней бронзы в хозяйстве степного и лесостепного населения обеих отраслей производящего хозяйства и преобладания скотоводства в хозяйстве населения позднего бронзового века, то можно сделать следующее предположение. В течение периода развитой бронзы, приходящейся по южносибирской периодизации бронзового века на вторую и третью четверть II тысячелетия до н. э., в производящем хозяйстве степного населения Забайкалья произошел перелом в пользу скотоводства. Но вполне возможно, что процесс этот начался в конце ранней бронзы. В таком случае можно ожидать, что в раннебронзовое время скотоводство и земледелие в целом могли прочно утвердиться в качестве основных направлений хозяйственной деятельности населения степного и лесостепного Забайкалья. Будущие исследования и публикации материалов, упоминания о которых имеются в литературе, внесут большую ясность и определенность в динамику протекавших в то время процессов.

Если в степных и лесостепных районах Забайкалья одним из важнейших событий энеолита и ранней бронзы было становление производящего хозяйства, то в таежных районах края в это время население по-прежнему, как и в неолите, продолжало заниматься охотой и рыболовством, развивая и совершенствуя эти отрасли. Это хорошо показывают памятники горно-таежного района Южного Забайкалья на стыке Бурятии и Читинской области, в верховьях р. Чикой у самой границы с Монголией. Здесь исследована серия стоянок, включающая слои времени знакомства их населения с металлом: Студеное, Усть-Менза-1, -2, -3, Алтан, Кристинкина пещера¹.

По материалам этих памятников здесь не выделяется энеолитический период, т. к. отсутствуют изделия из чистой меди. Обломки пластинчатых ножей, наконечников стрел, полушарная пуговица изготовлены из бронзы. Найденные на стоянках кусочки окислившейся руды, капельки бронзы, обломок литейной формы свидетельствуют о существовании местного очага бронзолитейного производства. Вследствие этого обстоятельства в Чикойско-Мензенской горно-таежной провинции, по мнению М. В. Константинова и Л. В. Семиной, за позднэнеолитическим временем следует период ранней бронзы, датируемый XVIII–IX вв. до н. э., хотя не исключено, что это является лишь пробелом в наших знаниях о ранних этапах бронзового века в таежных районах Центральной Азии. Во всяком случае в соседнем Прибайкалье изделия из чистой меди не так уж редки в памятниках этого времени и продолжают встречаться даже в период развитой бронзы на втором этапе развития глазковской культуры².

Рассмотренные материалы по периоду энеолита – ранней бронзы более отчетливо, чем в неолите, показывают достаточно сложное расселение по всему Забайкалью, вплоть до его самых южных районов, прилегающих к Монголии скотоводческо-земледельческих и охотничье-рыболовецких групп населения. Таким образом, процесс разъединения путей культурно-исторического развития забайкальского населения в этот период значительно усиливается. Связано это было, прежде всего, с упрочением положения производящего хозяйства, земледелия и скотоводства, в степных и лесостепных районах края. Данный процесс отразился как в инвентаре поселений, так и в некоторых особенностях погребального обряда. Вместе с тем в такой важной черте этнокультурной характеристики древних групп населения, как керамика, между степными и лесными группами населения, включая Прибайкалье, в это же время продолжают проследиваться некоторые общие черты. Они проявляются в технике изготовления посуды методом выколачивания с помощью колотушки, в приемах нанесения орнамента. Это свидетельствует, вероятно, не только о древней единой основе, но и о существовании между всеми.

¹ Константинов М. В. Каменный век восточного региона...

² Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья...; Горюнова О. И., Воробьева Г. А. Археология и палеогеография развитого бронзового века Предбайкалья // Культура народов евразийских степей в древности. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1993. – С. 94–117.

по меньшей мере тремя, группами забайкальско-прибайкальского населения прочных хозяйственных и этнокультурных связей.

Возникновение производящего хозяйства на территории Бурятии, вероятно, следует связывать с проникновением земледельческих и скотоводческих традиций с соседних территорий Монголии и Восточного Забайкалья, куда они пришли несколько ранее из сопредельных областей Маньчжурии и Монголии.

В неолите на обширных пространствах соседней Монголии существовало 3 области, каждая из которых характеризовалась культурным своеобразием. Одна из них охватывала районы Центральной и Восточной Монголии (тамцаг-булагская культура), другая – южную, гобийскую, зону, а третья – Западную Монголию. Население Центральной и, особенно, Восточной Монголии в культурном отношении в значительной мере было близко племенам Южного Забайкалья, составляя с ними единую в культурном отношении область в пределах центральноазиатского региона. Особенно ярко близость монгольского и южнозабайкальского населения проявилась в сходстве глиняной посуды. Сосуды имели полуяйцевидную форму с заостренным дном и изготавливались в технике выколачивания с помощью колотушки, обмотанной нитями или даже пучками травы. Южные районы Монголии и ныне пустынные районы Гоби составляют гобийскую область. Наиболее яркой чертой культуры ее населения являлось наличие в ней керамики расписного типа, которая характерна для памятников обширного пояса земледельческих культур Китая и Средней Азии. Памятники Западной Монголии в культурном отношении были близки к южносибирскому региону.

В период неолита, в III тысячелетия до н. э., в хозяйственных занятиях населения восточной и южной культурных областей происходят очень важные изменения – появляется производящая экономика. В памятниках тамцаг-булакской культуры и ее аналога на территории Южного Забайкалья – олонской культуры обнаружены кости домашних животных и орудия труда земледельческого характера, предназначенные для возделывания земли и обработки урожая: каменные диски- и кольца-утяжелители деревянных палочных мотыг, зернотерки. На поселениях гобийской зоны Монголии в большом количестве встречаются зернотерки, куранты и песты, изделия в виде мотыг.

На территории Западной Монголии обнаружено несколько памятников афанасьевской культурной общности, основной ареал которой располагался на сопредельных с Монголией областях Южной Сибири – в Туве, Горном Алтае и Минусинской котловине. Там памятники афанасьевской общности датируются IV–III тысячелетиями до н. э., т. е. по существу они одновременны неолитическим памятникам Восточной, Центральной и Южной Монголии. Наличие производящего хозяйства в среде афанасьевского населения Южной Сибири является общепризнанным фактом. Вопрос о происхождении афанасьевской культуры в этой области Сибири и западных районах Монголии является предметом острой дискуссии. Большинство исследователей являются сторонниками миграционной теории появления этого культурного образования как в Южной Сибири, так и в Центральной Азии. Имеется также точка зрения об автохтонном, местном происхождении афанасьевского населения в Центральной Азии. Но независимо от исхода решения дискуссии по этой проблеме, ясно одно: в III тысячелетии до н. э. в западных районах Монголии вместе с появлением афанасьевского населения также возникает производящее хозяйство.

Таким образом, в период неолита на территории Монголии ее древнее население начинает заниматься земледелием и скотоводством. Предпосылками появления производящей экономики были развитое собирательство и охота, которыми с глубокой древности занимались обитатели степей Монголии и прилегающих районов Сибири и Китая, а также благоприятные природные условия неолитической эпохи. Зарождению земледелия способствовало также произрастание в степях Монголии и Забайкалья разновидностей зеленого мышея, родоначальника проса, который вполне мог быть окультурен неолитическими жителями региона. Но нельзя исключать и возможности проникновения земледелия из соседних областей Китая, где оно фиксируется с более раннего, чем на территории Монголии, времени.

Благоприятствовала переходу от собирательства к земледелию и природно-климатическая обстановка времени развитого неолита. Палеогеографические данные свидетельствуют о том, что период времени от 6 до 4,5 тыс. лет назад на территории Монголии характеризовался наиболее влажным на протяжении голоцена климатом. В это время происходит обводнение озер, затопление их

берегов. В горах Центральной Монголии, в Хангае, начинается быстрое распространение лесов, захватывающих площади, ранее покрытые злаковыми степями. В ландшафтном отношении господствуют горные лесостепи. На северо-востоке Монголии, в горах Хэнтэя, широко распространяются сосново-лиственничные леса с примесью ели и пихты, а в долину р. Улзда с востока проникает дуб. Даже безлесные ныне равнины Восточной Монголии в то время могли быть в значительной степени облесены. Степи же Монголии были луговыми. В котловине Больших озер пустыни сменяются полупустынями, увеличивается остепенность. Таким образом, на этот период приходится климатический оптимум голоцена в Монголии, характеризующийся теплым и влажным климатом.

Если по вопросу о происхождении земледелия у древнего населения Монголии имеется много неясного, то переход к скотоводству осуществлялся, скорее всего, самостоятельно. Изучение морфологических особенностей монгольского скота привело зоологов к выводу, что крупный и мелкий рогатый скот происходит от местных видов дикого быка и одной или нескольких разновидностей аргали, одомашненных в Северо-Западной Монголии. Поэтому есть основания полагать, что производящее хозяйство в Монголии вполне могло формироваться на местной основе.

Последующая эпоха энеолита и ранней бронзы в степных и горно-степных зонах Евразии была временем освоения металлургии меди и бронзы, завершения перехода к скотоводству и земледелию, сложения новых культур. Обитатели же горно-таежных районов оставались охотниками, рыбаками, собирателями и сохраняли во многом неолитический уклад и образ жизни. Эти общие закономерности в полной мере проявились в облике культур населения степных и таежных районов Монголии и Южного Забайкалья. На заре бронзового века, в энеолитическо-раннебронзовое время, в конце III – I-й половине II тысячелетия до н. э., здесь складываются 4 культурные области: 1) восточная степная; 2) восточная лесная; 3) западная; 4) южная, каждая из которых имела особенности в характере памятников, материалов, общем облике культуры.

Восточная степная культурная область занимала степные и лесостепные районы Восточной Монголии и Южного Забайкалья. Здесь в это время сложилась селенгинско-даурская археологическая культура. Поселения этой культуры содержали раз-

нообразные изделия из камня и кости, керамику, большое количество костей как диких, так и домашних животных. Каменный и костяной инвентарь: наконечники стрел, дротиков, скребки, скребла, стерженьки составных рыболовных крючков, роговые гарпуны с односторонне расположенными зубцами, заготовки блесны в форме рыбки, крупные рубящие орудия, молот-отбойник, диски- и кольца-утяжелители мотыг, мотыгообразные каменные изделия, плоские плитки, зернотерки и т. д., кости диких и домашних животных – позволяют реконструировать комплексный, многоотраслевой характер палеоэкономики. Она сочетала отрасли развитого присваивающего хозяйства (охоту, рыболовство, собирательство) и набиравшего силу производящего хозяйства (земледелие, скотоводство), которое к концу раннебронзового времени заняло ведущее положение в экономике степного населения.

В жизнь обитателей стоянок Восточной Монголии и Забайкалья в это время впервые входит металл – медь и бронза. Свидетельствами не только знакомства с металлом, но и начала его выплавки являются как отдельные изделия, так и медно-бронзовые шлаки и капельки металла. В Хуйтын-Булаке у некоторых очагов обнаружены шлаки с капельками запекшейся меди. В соседнем Забайкалье, на поселениях Дворцы, Ишахан, Кулькисон, Харга-1 и др., были найдены куски медно-бронзового шлака, металлические изделия – медный рыболовный крючок, четырехгранное шило, а также фрагменты других предметов и глиняных лячек.

В Восточной Монголии и Южном Забайкалье выделяется 3 типа погребений времени энеолита и ранней бронзы. Они показывают эволюцию от неолитических захоронений, почти не обозначенных на поверхности, к погребениям с невысокими овальными кладками курганного типа, а затем к прямоугольным кладкам толщиной до 70 см. Таким образом, погребальный обряд степного населения, по сравнению с неолитическим временем, претерпел принципиальные изменения. Если в неолите могилы на поверхности не обозначались или над ними располагались неплотные каменные выкладки, которые быстро заплывали землей и становились невидимыми, то над могилами раннебронзового времени устанавливались достаточно мощные кладки подпрямоугольной формы, хорошо видимые издали на фоне степного ландшафта. Они как бы обозначали право владения скотоводов пастбищами в местах расположения родовых и семейных могильников.

Восточная лесная культурная область охватывала горно-таежные районы Хэнтэй-Чикойского нагорья. В лесных районах юга Восточного Забайкалья и северной части Монголии в это время жило население хэнтэйской археологической культуры, которое занималось охотой, рыболовством и собирательством. Следы выплавки металла (кусок окисленной медной руды, кусочки шлака, капельки бронзы, яма для обжига древесного угля) и металлообработки (фрагменты литейных форм), находки бронзовых предметов указывают на зарождение очага бронзовой металлургии, основанной на эксплуатации местной сырьевой базы.

В целом в лесных и степных районах Восточной Монголии и Южного Забайкалья в эпоху раннего металла проживало монголоидное население, в материальной культуре которого прослеживается ряд общих черт. Они проявлялись в технике изготовления керамики и ее орнаментации, а также в некоторых типах каменного и костяного инвентаря. Однако это население не было единым в этнокультурном отношении, на что указывают различия в погребальном обряде. Захоронения степных жителей существенно отличаются от неолитических могил. Редкие же погребения в таежных районах, напротив, сохраняют во многом неолитические черты. Это означает, что развитие степного и лесного населения пошло разными путями. Причины заключались в формировании уклада скотоводов и земледельцев у жителей степей и сохранении присваивающего хозяйства у обитателей таежной зоны. Лесные охотники и рыболовы продолжали совершенствовать прежние формы адаптации к окружающей среде, а жители степей вырабатывали новые, все больше переключаясь на скотоводство и земледелие. Большое значение имели изменения в природной обстановке, происходившие в конце III – начале II тысячелетия до н. э. В это время на территории Монголии и Забайкалья шел процесс аридизации климата, сыгравший, в конечном итоге, решающую роль в утверждении скотоводческого направления в производящем хозяйстве степного населения к середине II тысячелетия до н. э. Изменения в хозяйственной сфере вызывали появление новых черт в материальной культуре и погребальном обряде. Постепенно различия в материальной и духовной культуре степного и лесного населения Восточной Монголии и Южного Забайкалья начинают, по всей видимости, приобретать этнокультурный характер.

Совершенно иной облик, по сравнению с восточномонгольскими и южнозабайкальскими, имеют памятники Западной Монголии времени энеолита и ранней бронзы западной культурной области. Каменно-земляные курганы могильников Алтан-Санда в Ара-Хангайском и Шатар-Чулуу в Баян-Хонгорском аймаках содержали захоронения людей европеоидного типа, погребенных на спине с согнутыми в коленях ногами, окрашенных охрой, в неглубоких могильных ямах. Инвентарь в могилах отсутствовал. Немногочисленные находки были обнаружены между камнями кладок. Эти погребения вместе с подобными им немногочисленными курганами в соседней Туве (могильники Байдаг-Баары, Кызыл-Хая, Хайыракан) несут черты особого, центральноазиатского, варианта афанасьевской культурной общности. Энеолитическое и раннебронзовое время на территории Западной Монголии представлено целым рядом местонахождений петроглифов. Крупнейшие святилища располагаются в долине р. Чулутын-Гол, на западе Центральной Монголии, на местонахождениях Чулуут-1–3, 7. Аналогичный памятник находится у г. Тэвш-уул на юге Увэр-Хангайского аймака, в южной части Центральной Монголии. Еще один крупный центр сосредоточения петроглифов различных эпох, в т. ч. энеолитической, выявлен в долинах рек Цагаан-Салаа и Бага-Ойгур в Баян-Улэгэйском аймаке. Петроглифы этого времени обнаружены и в других местах Западной и Южной Монголии: Арабжах в Южно-Бийском, Наран-Булак в Убсунурском аймаках. Сюжеты изображают женщин-рожениц и прародительниц, маски-личины, мужские и женские фигуры с воздетыми к небу трехпальными руками, трехступенчатые образы женщин, образы матери-оленихи и отца-олени, массивные статичные фигуры быков с лунообразными или направленными вперед рогами, изображениями козлов. Известны и другие материалы: керамика афанасьевского типа, жезлы с зооморфными навершиями. Приведенные сведения указывают, что в энеолите Западная Монголия входила в состав большой этнокультурной области, которая включала также Туву, Горный Алтай и Минусинскую котловину.

К сожалению, в курганах Алтан-Санда и Шатар-Чулуу отсутствовали материалы, позволяющие судить о хозяйственной деятельности афанасьевцев Монголии. Подвеска из клыка кабана, обнаруженная в одном из курганов Шатар-Чулуу, лишь косвенно указывает на занятия охотой. Курганный

тип могильников в зоне евразийских степей повсеместно появляется с зарождением производящего хозяйства. Определенные сведения о занятиях населения Западной Монголии этого времени дают материалы петроглифов. По их данным, основными составляющими хозяйства являлись скотоводство и охота. Разводили лошадей, крупный и мелкий рогатый скот. Важная роль охоты в хозяйстве показана через образы диких животных на петроглифах, наличие лаконичных сцен охоты с присутствием человека. Переход к производящему хозяйству отразился в появлении новых сюжетов и персонажей: стилизованных изображений женщин-шаманок, часто рядом со зверем, в позе роженицы или в сценах совоплощения, мужских фаллических фигур, личин или масок, выючных быков и др. Таким образом, в самом общем виде вырисовывается комплексный тип занятий, сочетавший отрасли присваивающего и производящего хозяйства. Полученные представления о палеоэкономике афанасьевского населения Монголии согласуются со сведениями из соседних районов Тувы и Алтая, которые вели такой же тип хозяйства.

Южная культурная область включала гобийские районы Монголии и, вероятно, Северного Китая. Она представлена развешенными дюнными стоянками, культурные слои которых сохранились лишь местами. Наиболее яркой их особенностью является расписная керамика. Преобладают рисунки из треугольников, квадратов, ромбов, косых насечек, лесенок. Другой, не менее важной особенностью гобийских памятников является наличие огромного количества обломков зернотерок, курантов и пестов, изделий в виде мотыг, связанных с обработкой земли. Вследствие развешенности культурных слоев вопрос о датировке гобийских стоянок очень сложен. Одни исследователи относят их к позднеэнеолитическому времени – III тысячелетию до н. э., а другие, не отрицая такой датировки, допускают возможность существования этих поселений до начала бронзового века, рубежа III–II тысячелетий до н. э. В любом случае это время в определенной мере синхронно периоду энеолита и ранней бронзы в Восточной и Западной Монголии.

Занимая достаточно четкое место на территории Центральной Азии, стоянки с расписной керамикой и специфическим набором орудий земледельческого типа маркируют особую культурную область времени неолита и, видимо, раннего металла в гобийских районах Монголии и Китая. Залегание на ряде стоянок слоев с керамикой расписного типа над слоями с

керамикой, имеющей аналогии в Прибайкалье и Забайкалье, указывает, видимо, на продвижение в период позднего неолита на север южного населения – носителей культур с расписной керамикой, принесшего с собой и новый хозяйственный уклад, земледелие. Отсутствие стоянок с керамикой расписного типа в других районах Монголии свидетельствует, вероятно, о формировании в южных гобийских районах особой культурной области и, следовательно, своеобразной археологической культуры, которую можно назвать гобийской. Культурную специфику памятников южной гобийской зоны при характеристике как эпохи раннего металла, так и последующих периодов бронзового и раннего железного веков Центральной Азии необходимо учитывать.

Итак, важной особенностью эпохи энеолита и ранней бронзы в степях Монголии явилось упрочение производящего хозяйства, которое зародилось еще в период развитого неолита. О дальнейшем развитии скотоводства и земледелия свидетельствуют более частые находки костей домашних животных и орудий труда, связанных с обработкой земли и продуктов земледелия. Рост значения производящего хозяйства в жизни населения селенгинско-даурской и афанасьевской культур нашел отражение в идеологических представлениях. Это очень значимый момент, т. к. изменения в материальном производстве могли отразиться в сфере духовной жизни только после того, как они прочно вошли в бытовую, повседневную жизнь людей. Свидетельствами таких явлений стали изменения в погребальном обряде и наскальном искусстве, подтверждающие, что производящее хозяйство в эпоху раннего металла прошло, надо полагать, значительный путь прогрессивного развития. Накопление опыта в сфере скотоводства и земледелия вело к росту их удельного веса в хозяйстве.

Существенным фактором, способствовавшим такому перевороту в хозяйственных занятиях и идеологических представлениях населения степей Монголии и Южного Забайкалья, могли быть изменения климата в сторону аридизации и похолодания в конце III – начале II тысячелетия до н. э. В это время, по мнению палеогеографов, произошло первое заметное увеличение сухости климата. Аридизация препятствовала развитию земледелия, несколько ограничивала возможности охоты и рыболовства, зато расширение степных пространств-пастбищ должно было стимулировать развитие скотоводства. Затем воцарился сухой теплый климат, го-

сподствующий около 300 лет, в пределах 2-й четверти II тысячелетия до н. э., в промежутке примерно 3880–3600 л. т. н. Такое сочетание особенностей климата в конце раннебронзового времени могло привести к перелому в соотношении различных отраслей производящего и присваивающего хозяйства в пользу скотоводства. Вместе с тем трансформация климата происходила постепенно, поэтому изменения в хозяйственной деятельности в сторону скотоводческой направленности происходили, вероятно, достаточно плавно.

Не стоит и переоценивать значение производящих отраслей в экономике степного населения Южного Забайкалья, Северной и Восточной Монголии в начальный период эпохи раннего металла. Частые находки на поселениях костей диких животных и рыб, наличие средств охоты и рыбной ловли свидетельствуют о значительной роли присваивающих отраслей в это время. В погребении Норовлийн-Уул начала энеолитического времени были найдены украшения и подвески из клыков марала и кабарги, являвшихся объектами охоты. Погребение сопровождалось фигурками животных, по очертаниям напоминавших медведя или кабана.

В целом в эпоху раннего металла, вероятно, велось комплексное хозяйство, сочетавшее отрасли развитой присваивающей и набиравшей силу производящей экономики, дополняемые появляющейся металлургией. При этом присваивающие виды занятий еще не отошли на второй план, а новые еще не стали ведущими. Рассматриваемое время было, по всей видимости, порой коренной ломки старых представлений и вхождения новых норм, устоев, обычаев и традиций в жизнь и быт людей. Были развиты различные виды так называемого домашнего производства, связанные с обработкой камня, кости, дерева, продуктов хозяйства, изготовлением глиняной посуды и т. д. Но к концу эпохи ранней бронзы скотоводство, по всей видимости, судя по материалам уже последующих периодов развитой и поздней бронзы 2-й половины II тысячелетия до н. э., вышло на первый план в хозяйственных занятиях степного населения Монголии и Южного Забайкалья и стало основой его экономики.

Климатические изменения конца III – начала II тысячелетия до н. э. вряд ли оказали какое-либо существенное воздействие на хозяйственные занятия таежного населения. Аридизация могла вызвать лишь некоторое смещение границы лесов к северу и вверх по склонам гор и хребтов. Общая же экологи-

ческая ситуация в лесной зоне не могла измениться в такой степени, чтобы вызвать какие-либо кардинальные перемены в образе жизни и хозяйственных занятиях населения. Иначе говоря, и в эпоху ранней бронзы таежные обитатели продолжали вести привычный образ жизни лесных охотников, рыболовов и собирателей, совершенствуя традиционное хозяйство. Аналогичная ситуация складывалась, вероятно, и в других горно-таежных районах Хангая в Центральной Монголии и в горах Прихубсугуля на севере.

Итак, население разных культурных областей Центральной Азии эпохи раннего металла в хозяйственном укладе имело черты своеобразия, во многом обусловленные особенностями окружающей природной среды. В горно-таежных районах Центральной Азии у населения хэнтэйской культуры сохранился присваивающий тип хозяйства. Охота, рыболовство и собирательство представляли собой оптимальную форму адаптации к внешней среде в условиях таежных ландшафтов. В степных и лесостепных районах Центральной Азии, разделяющихся на 3 культурные зоны – восточную, западную и южную, в рассматриваемое время существовал комплексный тип хозяйства, сочетающий отрасли производящего и присваивающего хозяйства.

Различия между селенгинско-даурской, хэнтэйской, гобийской культурами и центральноазиатским вариантом афанасьевской культурной общности касались не только материальной сферы, но и духовной жизни населения этих областей. Следовательно, различия между культурами носили этнокультурный характер. Это означает, что в Центральной Азии на заре бронзового века существовали, по крайней мере, 3, а возможно, с учетом материалов гобийской зоны, и 4 древние этнические общности. При этом носители селенгинско-даурской и хэнтэйской культур были монголоидами, а афанасьевцы – европеоидами. Следовательно, уже на заре бронзового века население Центральной Азии было неоднородным в антропологическом отношении.

В целом этнокультурная ситуация на территории Монголии на заре бронзового века характеризовалась относительной стабильностью, обусловленной достаточно высоким (для того времени) уровнем развития палеоэкономики ее населения, полностью удовлетворявшей жизненные потребности людей. Вследствие этого не возникало особой необходимости осуществлять какие-то перемещения с целью хозяйственного освоения новых угодий, расшире-

ния зоны расселения, а значит, и выхода на более широкие этнические контакты. Хозяйственные и культурные связи осуществлялись в основном внутри выделенных областей, не выходя широко за их пределы. Эпоха раннего металла была, вероятно, временем относительно замкнутого существования общинных поселков ранних скотоводов и земледельцев Монголии и Забайкалья. Поскольку образ жизни был оседлым, то можно предположить наличие долговременных прочных капитальных жилищ, напоминавших, возможно, по своей конструкции тамчаг-булагские неолитической эпохи. Рядом с поселками возделывались поля, посевы на которых, вероятно, огораживались. Более совершенные, по сравнению с каменными, медные и бронзовые орудия труда позволяли обрабатывать не только мягкие пойменные почвы речных долин, но и твердые степные почвы, что открывало определенные перспективы развитию земледелия. В степи поблизости выпасался скот, на ночь загоняемый, скорее всего, в специально сооруженные для него на поселениях загоны, а в зимнее время в стойла. Таким образом, скотоводство носило придомный, пастбищный характер. Поскольку природные условия в то время все еще оставались достаточно благоприятными, можно, видимо, не сомневаться, что отрасли укреплявшегося производящего и развитого присваивающего хозяйства стабильно и в достаточном объеме обеспечивали население степных и лесостепных районов Центральной Азии необходимыми для жизни продуктами питания и производственным сырьем.

Накопленный в течение эпохи энеолита и ранней бронзы опыт в области развития производящего хозяйства в совокупности с продолжавшейся с конца III до середины II тысячелетия до н. э. аридизацией климата обусловил к концу периода ранней бронзы перестройку хозяйства населения степной зоны Монголии преимущественно на скотоводческую направленность. Земледелие к этому времени имело, вероятно, сравнительно небольшое значение в хозяйственной жизни степного населения. К середине II тысячелетия до н. э. в степях Центральной Азии сформировался кочевой или полукочевой, в зависимости от ландшафтной и климатической обстановки в конкретной ее области, тип скотоводческого хозяйства, связанный с круглогодичным содержанием скота на подножном корму. Вместе с переустройством палеоэкономики произошло формирование новых археологических культур времени развитой и поздней бронзы. Эти важные изменения в хозяйственном и культурно-историческом развитии центральноазиатского населения обозначились в сложении культуры плиточных могил в Восточной Монголии и Южном Забайкалье и культуры хересуров в Западной Монголии. Скорее всего процессы образования этих двух основных культур степной зоны Центральной Азии происходили синхронно. Они формировались на основе культур предшествующего времени: на востоке селенгинско-даурской, а на западе – монгольского варианта афанасьевской культурной общности.

Таким образом, с началом эпохи металла территория Бурятии включается в общие для всей Центральной Азии исторические процессы.

8

глава

Эпоха развитой, поздней бронзы и раннего железа

8.1. Общая характеристика эпохи

Длившийся сотни тысяч лет период господства технологий изготовления орудийного комплекса из природных материалов – камня, кости, дерева постепенно сменяется эпохой, где начинают преобладать материалы искусственного происхождения, созданные в ходе развития общества и совершенствования человеческого интеллекта. Металлы, керамика, ткани – не существующие в природе материалы, появившиеся в ходе «неолитической революции», приобретают все большее значение в культуре человечества. Самыми эпохальными были начавшиеся изменения в области производства пищи: появились производящие способы хозяйства, в первую очередь земледелие и скотоводство.

Эти глобальные изменения на всем пространстве Евразии проходили с разной скоростью, т. е. выделялись регионы, в которых процессы освоения новых материалов и технологий изготовления разнообразных предметов, появления земледелия и скотоводства шли со значительным опережением, особенно применение металлов, – сначала меди, а затем бронзы, наиболее доступных для технических возможностей человека. Эта эпоха, по всеобщему признанию получила название бронзового века.

В III тысячелетии, происходит дальнейшее развитие новых видов хозяйственной деятельности,

зародившихся в неолите: земледелия и скотоводства. Возникают своеобразные центры производящего хозяйства, откуда разнообразные новации распространялись по Старому Свету. Широкое распространение производящих типов хозяйства создало предпосылки к изменениям в социальном устройстве общества. Появившиеся в результате интенсивно развивавшегося земледелия аграрные общества аккумулировали все большее количество прибавочного продукта. В эпоху бронзы в процессе ускоренного развития обществ с производящими видами экономики, в пограничье субтропической и умеренной климатических зон, в Месопотамии, Египте, Индии, Китае возникают ранние государственные образования, так называемые государства Древнего Востока.

Тогда же на территории евразийских степей происходит становление кочевого скотоводства. Продолжающиеся в настоящее время дискуссии о месте и времени появления и становления подвижных форм ведения скотоводческого хозяйства не дают пока однозначного ответа. Исследователи все больше склоняются к мнению, что подвижные формы скотоводства могли формироваться с самого начала его появления в зоне степей. Однако кочевой способ производства как вполне самостоятельная

культурно-экономическая формация сложилась, по всей видимости, позднее, когда появились предпосылки для становления кочевого образа жизни. Проводимые исследования показывают, что подвижные формы ведения хозяйства и кочевой образ жизни далеко не одно и то же. Кроме основных форм хозяйства, связанных с кочеванием, т. е. перемещением скота и его пастухов по определенным маршрутам, до тонкостей отработанных методов выпаса, глубокой переработки всей получаемой продукции (мяса, молока, шерсти, кожи, пуха, рога), в результате которой образовывалась своеобразная сфера деятельности, свойственная именно кочевникам, кочевой образ жизни предполагает существование целых пластов культуры в самом широком смысле. Сюда можно отнести максимально приспособленные к особенностям кочевого хозяйства жилища, одежду, обувь, головные уборы, средства передвижения. Самобытную духовную культуру отражают мифология, фольклор, песенное творчество, изобразительное искусство, музыкальные инструменты, мировоззрение, религиозные представления. Своеобразные социальные отношения: система родства, брачные нормы, взаимоотношения между родовыми группами, формирование объединений более сложных уровней, складывание политических систем – этот далеко не полный перечень характерных культурных особенностей складывался у кочевников на протяжении сотен лет. Письменные источники доносят до нас удивительно схожие черты культур разных кочевых народов древности и средневековья, разделенных большими расстояниями. Однако до сих пор нет еще окончательного решения вопроса о том, когда начался процесс складывания кочевого скотоводства и формирования кочевого образа жизни.

Изучение поздних этапов энеолитической афанасьевской культуры не дает пока точного ответа о населении, продолжавшем и развивавшем традиции ведения скотоводческого хозяйства в Центральной Азии. На Алтае, в Минусинской котловине, в Туве памятники афанасьевской культуры сменяются окуневской культурой, а затем андроновской, входящей в огромную андроновскую историко-культурную общность, простирающуюся на территории Южного Урала, по степям Западного и Центрального Казахстана, Западной Сибири, на степных и полупустынных пространствах Средней Азии.

В восточной части ареала распространения афанасьевской культуры ее памятники, как упо-

миналось, встречаются на территории Западной и Центральной Монголии. Здесь отмечается некоторое отличие монгольских афанасьевских курганов от минусинских и сходство с алтайскими. Вероятно, что часть афанасьевского населения, не подвергнувшаяся влиянию андроновцев или вытесненная ими, пришла в монгольские степи. Оказавшись в богатых травами, с редким населением, высокогорных плато, потомки афанасьевцев должны были продвигаться дальше на восток, в глубь монгольских степей, но памятников, оставленных афанасьевским населением, там пока не выявлено. Однако почти не вызывает сомнений вероятность привнесения афанасьевцами основных видов домашних животных и навыков ведения скотоводческого хозяйства на территорию восточной части Центральной Азии. Более того, предполагается, что при посредстве афанасьевского населения было зафиксировано появление овец в хозяйствах луншаноидных энеолитических культур Китая¹, что свидетельствует о продвижении афанасьевского населения «широким фронтом». С учетом этих обстоятельств трудно придерживаться однозначной точки зрения о местных корнях и традициях возникновения кочевого скотоводства в монгольских степях.

В эпоху перехода от энеолита к ранней бронзе на территории восточной части региона выделяются культуры, население которых проживало в разных природно-географических зонах: горнотазежной, лесостепной, степной. В степях складывается селенгинско-даурская культура, в таежной зоне – хэнтэйская.

В послеафанасьевское время, в эпоху бронзы, в Центральной Азии получает распространение бронзовый предметный комплекс, представленный мечами, кинжалами, ножами, разнообразными украшениями. Территория распространения бронзового предметного комплекса обширна, разнообразна и культурная принадлежность памятников, в которых отмечены упоминаемые находки. В первую очередь это Минусинская котловина, где впервые были открыты памятники, объединенные исследователями в карасукскую культуру, датированную XIII–VIII вв. до н. э. Здесь были выявлены погребения в каменных ящиках и поселения, встречавшиеся при раскопках кости домашних животных свидетельствовали о занятии скотовод-

¹ Шнирельман В. А. Происхождение скотоводства. – М.: Наука, 1980. – 333 с.

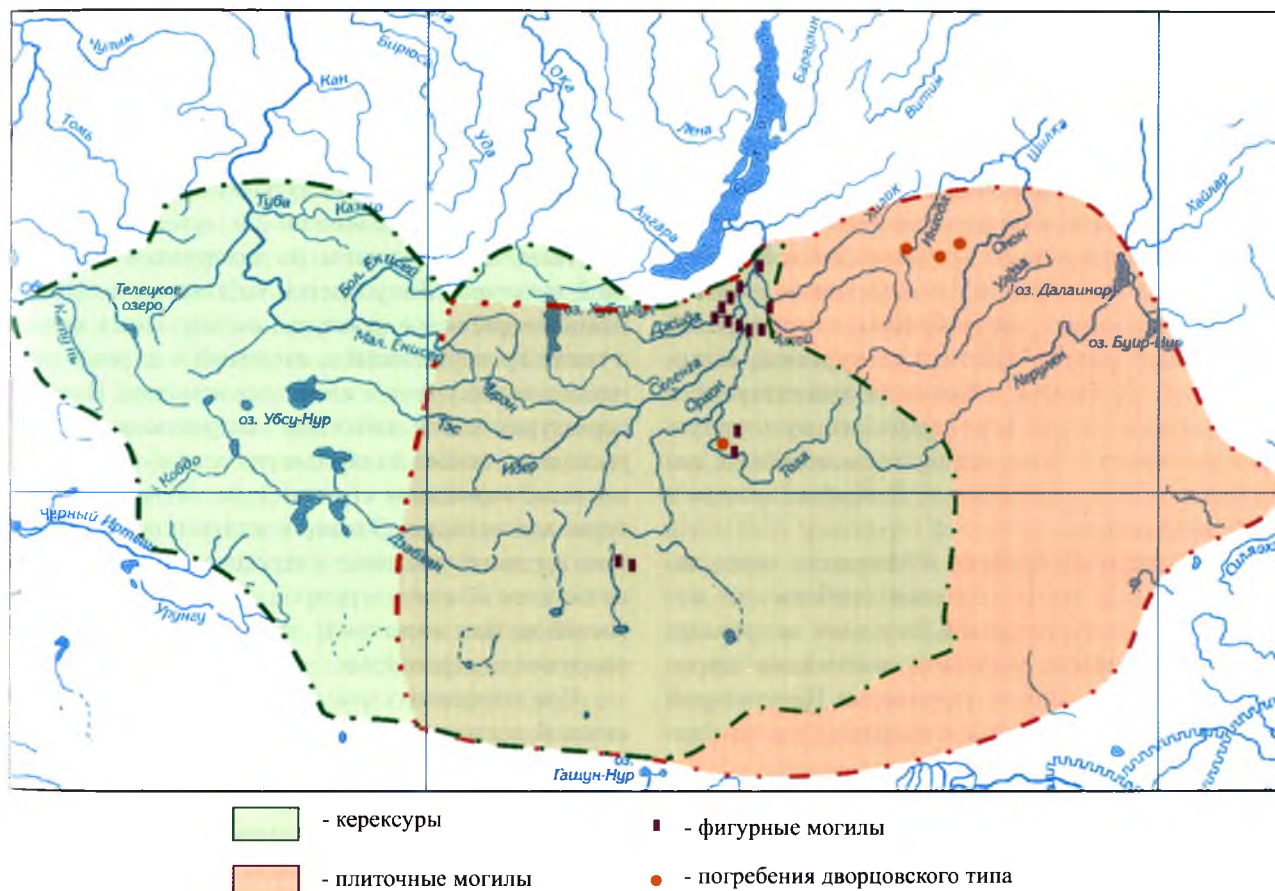

Рис. 1. Карта культур эпохи поздней бронзы

ством, которое имело преобладание в хозяйственной деятельности населения. Однако рассматриваемый предметный комплекс был выявлен на гораздо более широкой территории, значительно превышающей распространение собственно карасукской культуры, название которой было со временем перенесено на всю эпоху поздней бронзы региона как карасукская общность Центральной Азии и Южной Сибири.

В кругу культур карасукской общности, именно в силу сходства вещевого комплекса, стали рассматриваться культура керексурсов и оленных камней и культура плиточных могил Монголии и Забайкалья¹. Последние занимали громадные по территории пространства. Плиточные могилы охватывают огромную территорию Центральной Азии от Бай-

кала на севере до пустыни Гоби на юге и от хребтов Хингана на востоке до котловины Больших озер на западе Монголии (рис. 1). Отдельные районы распространения этих памятников имеются далеко на юге в предгорьях Наньшаня и, возможно, в Тибете, а на севере – в Кудинских степях Приангарья, на острове Ольхон и в долине Баргузина. Керексуры протянулись огромной дугой от Алтая через Туву и Западную Монголию до Южной Бурятии и Хэнтэя включительно. Есть еще памиро-тяньшаньские керексуры в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая.

Разнообразные виды оленных камней встречались от Восточной Монголии до Северного Кавказа и Балкан, однако более всего их на территории Монголии.

В результате многолетних исследований и наблюдений, анализа изображений кинжалов, ножей, п-образных предметов на оленных камнях и сопоставления их с предметным комплексом карасукского времени была выявлена принадлежность, по

¹ Новгородова Э. А. Древняя Монголия. – М., 1989. – 384 с.; Волков В. В. Оленные камни Монголии. – Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981. – 254 с.; Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 1998. – 288 с.

крайней мере, части оленных камней к карасукскому времени. Нахождение в одном комплексе оленных камней и керексуров поставило вопрос о датировке этих памятников. Включение в единый культурный комплекс оленных камней, керексуров и каменных кладок с остатками жертвоприношений лошадей позволило отнести их к карасукскому времени.

В Тыве, отделенной от Минусинской котловины Западным Саяном, к памятникам, оставленным населением эпохи бронзы, относятся так называемые монгун-тайгинские курганы, выделенные А. Д. Грачом. Однако безынвентарность не позволяла точно определить их культурную принадлежность. В последние годы подобные памятники были исследованы А. Д. Цыбиктаровым в Южной Бурятии¹.

На территории Бурятии и Монголии часто наблюдается одна примечательная особенность: керексуры часто встречаются на одном могильном поле с плиточными могилами, имеющими широкое распространение по территории Центральной Азии, что вызывает вопрос о соотношении этих памятников.

Относительно места формирования культуры плиточных могил нет еще устоявшейся точки зрения. Однако все исследователи признают, что первоначальный ареал распространения культуры находился в восточной части региона – в Восточном Забайкалье и Восточной Монголии. Нет единой точки зрения и относительно хронологических рамок ее существования. Отдельные исследователи относят время существования культуры плиточных могил к скифскому времени, т. е. ко 2-й и 3-й четвертям I тысячелетия до н. э. Часть ученых считают, что культура плиточных могил, по крайней мере ее ранние этапы, восходит к эпохе бронзы, к карасукскому времени и продолжает свое существование в скифскую эпоху. Наиболее аргументированна на настоящий момент точка зрения А. Д. Цыбиктарова, отнесшего время существования плиточных могил к XIII–VI вв. до н. э., т. е. эта культура существовала как в карасукское время, так и в скифское².

¹ Цыбиктаров А. Д. Территориальный аспект изучения керексуров и курганов монгун-тайгинского типа Центральной Азии // Мир Центральной Азии. Археология. Этнология. Т. 1. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. – С. 67–74.

² Там же.

В Восточном Забайкалье карасукский предметный комплекс связан с памятниками дворцовой культуры, выделенной читинскими археологами.

Хозяйственно-экономическую основу населения, входившего в ареал распространения памятников, относимых к карасукскому времени, можно определить по сохранившимся остеологическим остаткам, происходящим из памятников карасукской культуры Минусинской котловины, из погребений дворцовой культуры, из плиточных могил, а также из жертвенников, входящих в единый комплекс с керексурами и оленными камнями. В самих керексурах кости животных, встречающиеся при раскопках, особенно на поверхности курганов, относятся, возможно, к различным, более поздним периодам истории. Однако в жертвенниках, входящих в единый комплекс с керексурами, встречаются остатки конских черепов с копытами и обломки костей мелких животных, относящиеся ко времени сооружения керексуров.

При изучении карасукских памятников Минусинской котловины встречены кости домашних животных: крупного рогатого скота, лошадей, коз и более всего – овец. При исследовании дворцовских погребений были встречены черепа лошадей, овец, расположенные в определенном порядке. Примерно такой же видовой состав домашних животных был выявлен при раскопках плиточных могил, только здесь больше костей крупного рогатого скота и коз. Это типичный набор животных, характерных для скотоводов центральноазиатского региона, вплоть до этнографической современности. Данные археологии подкрепляются известиями китайских источников эпохи Шан-Инь и Чжоу (XVII–VIII вв. до н. э.). В них упоминаются «северные варвары», ведущие непривычный, с точки зрения китайских земледельцев, образ жизни. С этого времени в китайских летописных хрониках появляется трафаретная фраза, характеризующая северных соседей Китая: «в поисках воды и травы передвигаются вслед за скотом». Вероятно, именно в это время, в конце раннего и начале развитого бронзового века, произошло окончательное становление производящего хозяйства в степных и лесостепных районах края с преобладанием скотоводческой отрасли в его структуре. Дальнейшее совершенствование навыков и приемов ведения скотоводческого хозяйства в условиях сухого климата Центральной Азии и в окружении степных просторств привело к формированию подвижных форм скотоводства и кочевого образа жизни.

В это же время окончательно завершился процесс распада этнокультурного развития некогда единого в хозяйственном отношении неолитического населения Забайкалья на две линии. Тажное население края стало частью мира охотников и рыболовов восточно-сибирской тайги, а степное население – составной частью центральноазиатской историко-культурной области, представляя ее северную окраину. Именно здесь, в среднем течении Селенги и ее притоков, а также в бассейне Шилки и Аргуни, по обе стороны Яблонового хребта и в Южном Прибайкалье, происходило соприкосновение и взаимодействие двух больших этнокультурных миров – восточно-сибирской тайги и центральноазиатских степей. Еще одна важная особенность исторической ситуации эпохи бронзы Центральной Азии состоит в том, что в этнокультурных процессах принимало участие различное в антропологическом плане население. В то время как энеолитические памятники Восточной Монголии типа погребения в Норовлийн Уул и население культуры плиточных могил представлено типичными монголоидами, в западной части региона, начиная с афанасьевской эпохи, в карасукское и скифское время население имело европеоидный облик. В контактной же зоне, в пределах Западной и Центральной Монголии и Западного Забайкалья, население керексурсов и плиточных могил было представлено различными антропологическими типами: в основном европеоидами в керексурах и ярко выраженными монголоидами в плиточных могилах. Возможно, именно здесь происходили процессы метисации и формирования новых культурных традиций.

Происходившие в эпоху бронзы и раннего железа события явились, с одной стороны, закономерным результатом всего предшествующего хода исторического развития древнего населения края, а с другой стороны, существенное влияние на ход событий именно в таком направлении оказали природно-климатические условия.

Изучение и выяснение хода и характера происходивших в это время событий, их последствий и результатов является важнейшей задачей археологических исследований в регионе. Бронзовый век в целом характеризуется здесь значительным усложнением хода исторических событий, возникновением принципиально новой, по сравнению с предшествующим временем, этнокультурной ситуации.

На территории этнической Бурятии, в южной степной части Забайкалья в среднем и позднем

бронзовом веке общеисторическая ситуация в целом была идентична существовавшей в то время на севере Центральной Азии.

При характеристике исторической ситуации эпохи бронзы необходимо учитывать условия среды, в которой развивалось древнее население Забайкалья. В бронзовом веке природно-ландшафтная ситуация в Забайкалье была, видимо, очень близка к современной. Примерно таким же, как сейчас, было, вероятно, соотношение степных, лесостепных и лесных пространств. Вместе с тем палеоклиматические исследования, проведенные на обширных пространствах евразийских степей, лесостепей и в Прибайкалье, показали, что большая часть II и начало I тысячелетия до н. э. отличались засушливостью, максимум аридизации пришелся на последнюю четверть II и начало I тысячелетия до н. э. Климатические колебания позднего неолита времени на среднем Байкале показали так же, что на протяжении этого времени имели место и кратковременные климатические колебания продолжительностью в среднем 300–400 лет.

В глубокой древности колебания климата могли оказывать достаточно сильное влияние на жизнь скотоводов и земледельцев бронзового века. Однако в целом ландшафтная ситуация в Забайкалье и Прибайкалье в это время оставалась, вероятно, без особых изменений, что было обусловлено, прежде всего, горным рельефом края. В условиях резко континентального климата во время смены климатических фаз происходило лишь некоторое смещение вертикальной и широтной природной зональности, которая и в настоящее время в своем территориальном распространении характеризуется значительной мозаичностью. Происходившие в течение бронзового века колебания климата в основном в сторону аридизации (усыхания) необходимо учитывать при изучении хода исторических событий в крае.

8.2. Бурятия в эпоху бронзы и раннего железа

Наиболее распространенными археологическими памятниками в Забайкалье являются плиточные могилы, керексуры и так называемые фигурные могилы. Единый комплекс с керексурами составляют каменные кладки с остатками захоронений коней, от которых сохранялись черепа, шейные позвонки и копыта. К памятникам бронзового века относятся большая часть забайкальских петроглифов и

Рис. 2. Плиточный могильник Хотогой-Убэр, Хоринский р-н

сравнительно редкие оленные камни. Возможно, к этому же времени относятся остатки древних разработок месторождений металлических руд. Следы поселений довольно редки, наиболее известным типом памятников являются так называемые дюнные

Рис. 3. Плиточный могильник Хотогой-Хабсагай, Хоринский р-н

стоянки — лишенные травяного покрова, развеиваемые песчаные участки, на которых встречается разнообразный и разновременный археологический материал.

Плиточные могилы

Плиточные могилы широко распространены на территории южных ареалов лесостепей и степей Западного и Восточного Забайкалья (рис. 2). В ограниченном количестве плиточные могилы встречаются в Предбайкалье, в долине Баргузина и на острове Ольхон. В основном они сосредоточены в долинах р. Селенги и ее притоков Итанцы, Уды, Хилка, Чикоя, Джиды, а также в долинах рек Ингода, Онон, Шилка. Еще самые первые исследователи Забайкалья, отмечая их своеобразный внешний вид, дали им название «маяки», ориентиры в бескрайних степных просторах. Могильники обычно невелики по размерам: чаще всего количество памятников в пределах одного могильника колеблется от 3–4 до 10–15, хотя встречаются и одиночные плиточные могилы. Крупные могильники достаточно редки. Наблюдения за расположением могильников пока-

Рис. 4. Плиточный могильник на 112-м км трассы Улан-Удэ – Хоринск

зывают, что они приурочены в основном к скальным породам, где содержатся выходы камня – материала, необходимого для сооружения памятников. Чаще всего как могильники, так и одиночные могилы, при условии их расположения на склонах гор, располагались на южной стороне (рис. 3). Зафиксированы случаи расположения могильников прямо в открытой степи, вдали от выходов камня (рис. 4). В Восточном Забайкалье чаще зафиксировано расположение плиточных могил цепочками, иногда в несколько рядов. В Западном Забайкалье расположение памятников в большей степени зависело от характера местности, но все же просматривается тенденция расположения могил небольшими группами.

Исследования конструкций плиточных могил показывают, что их современный внешний вид отличался от первоначального, который они имели в древности. Первые исследователи памятников производили раскопки внутри оградок, и, как показали позднейшие исследования, многое из особенностей устройства и погребального обряда не было выяснено. Раскопки плиточных могил широкой площадью показали, что каменные развалы, отмечаемые ранними исследователями за грабительские выбросы камней из могилы, являлись частью конструкции, скрытой почвообразовательными и эоловыми процессами, происходившими многие сотни лет существования памятников. Прямоугольная оградка, составленная из вертикально установленных каменных плит, иногда в несколько рядов, также являлась только частью конструкции. Захоронение соверша-

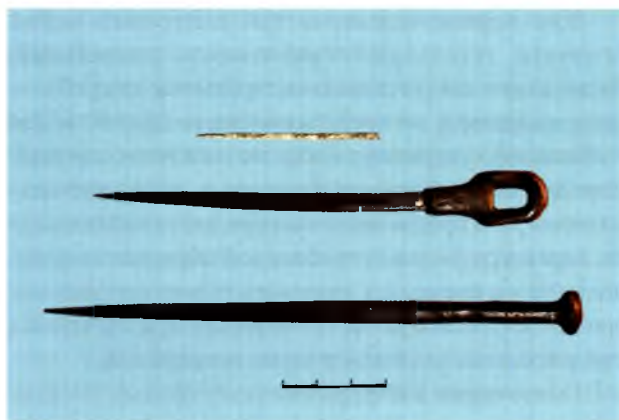

Рис. 5. Медно-бронзовые изделия: 1 – четырехгранная игла из плиточной могилы №1 могильника Каменка (Забайкальский р-н); 2 – четырехгранное шило с петелькой из плиточного могильника Шулуун-Шэнэгэльский (Баргузинский р-н); 3 – шило со шляпкой из местности Баргай у с. Нижний Жирим (Тарбагатайский р-н). Фонды Музея БНЦ СО РАН

лось в неглубокой могильной яме, вырываемой с ориентировкой по линии восток-запад. Умершего укладывали головой на восток, могильная яма закладывалась плитами и засыпалась камнями. Плиты оградки с наружной стороны укреплялись камнями и в ряде случаев подпирались своеобразными контрфорсами. В целом все сооружение выглядело как сложенный из камней курган с каменной оградкой из вертикальных плит. Выступающие по углам высокие камни придавали всему сооружению своеобразный, законченный вид. Форма, размеры плиточных могил, по-видимому, зависели от возраста, пола и социального положения умершего.

Рис. 6. Бронзовый кельт. Случайная находка у с. Шаргол (Кяхтинский р-н). Фонды Музея БНЦ СО РАН

Уже первые исследователи плиточных могил отмечали тотальную ограбленность погребений. Чаще всего им доставались предметы погребального инвентаря, не представляющего ценности для грабителей, утерянного или не замеченного ими. Находки неограбленных плиточных могил настолько редки, что представления о предметном комплексе, характерном для погребальной обрядности населения этого времени, сложились только при рассмотрении всей совокупности материалов, полученных при раскопках десятков и сотен погребений.

Основными категориями полученных раскопками материалов являлись украшения и принадлежности одежды, орудия труда, предметы вооружения, принадлежности конской сбруи, керамика. Причем ограбленность плиточных могил не позволяет с достаточной уверенностью сказать, какие именно предметы наиболее часто клялись вместе с погребенными. Затруднительно говорить и о существовании каких-то половозрастных и социальных особенностей и ограничений при помещении в могилу погребального инвентаря. Из украшений в плиточных могилах встречались: бляшки, пуговицы, бусы, пронизки, подвески, зеркала, раковины-каури. Материалами для их изготовления служили медь, бронза, кость и различные породы камня.

Гораздо реже встречаются орудия труда (в 7 % раскопанных плиточных могил): игольники и иглы, шилья, ножи, оселки, литейные формы, льячка, кельт, пряслица, песты (рис. 5, 6). Еще более редкими находками являются предметы вооружения (в 4,3 % могил): костяные и бронзовые наконечники стрел, концевые накладки лука, кинжал. В единичных плиточных могилах найдены принадлежности конской сбруи (в 0,7 % могил): псалии и рукояти плетей. Несколько чаще встречается керамика (в 23,5 % могил), но представлена она, как правило, фрагментами, из которых не собирались целые сосуды. Чаще всего фрагменты глиняных сосудов находились не в самом погребении, а в камнях внешней обкладки, т. е. являлись, скорее всего, остатками поминальной тризны.

Одной из характерных особенностей погребального обряда, способствующих реконструкции хозяйственной деятельности населения культуры плиточных могил, были остатки костей домашних животных, встречаемых при раскопках: лошадей, крупного рогатого скота, овец, коз, причем в 54 % могил найдены кости лошадей, а в 35,8 % – овец.

Значительно реже встречались кости крупного рогатого скота (в 16,6 % могил). Хотя процентное соотношение нахождения остатков животных регулировалось погребальным обрядом, все же такой расклад, предположительно, в определенной степени отражает реальное соотношение этих животных в составе стад скота носителей культуры плиточных могил. То есть, судя по материалам погребений, в хозяйстве плиточников преобладали лошади и овцы, существенно меньшим количеством представлен крупный рогатый скот и козы, что указывает на подвижность стада и существование скотоводства кочевого типа. Среди костей скелетов домашних животных, особенно лошадей и овец, преобладали черепа и ноги, в меньшей степени были представлены остальные части скелета, что позволяет предположить существование обряда погребения головы животного вместе со шкурой, помещаемой внутри оградки, на перекрытии могильной ямы.

Преобладание в плиточных могилах костей овец и лошадей может свидетельствовать о реальном соотношении животных в стадах населения плиточных могил. Симбиоз лошади и овцы был необходим для зимнего выпаса животных. Эти животные, имеющие твердые копыта, приспособлены к разрыванию глубокого снега различной глубины и добыче корма тебеневкой. Крупный и мелкий рогатый скот не приспособленный к подобным действиям, двигался вслед или вместе с конским табуном и добывал себе корм сквозь уже разрыхленный конскими копытами снег.

Разнообразные изделия из бронзы, кости и рога различных пород камня, глины указывают на широкое использование природных материалов, что служило предпосылкой к появлению и развитию ремесел, т. е. узкоспециализированного производства отдельных видов продукции. В Забайкалье и Монголии в ряде плиточных могил обнаружены захоронения мастеров-литейщиков. Вместе с умершими находились литейные формы, льячки, пест для дробления руды. В совокупности с большим количеством случайных находок они свидетельствуют о наличии у населения культуры плиточных могил высокоразвитого специализированного бронзолитейного производства. Впервые фиксируются клады, принадлежавшие мастерам-литейщикам, а также и захоронения последних. Существование специализированного бронзолитейного производства указывает на оседлость части населения, связанно-

го с этим видом ремесла. Ремесленники-металлурги могли заниматься и земледелием, возделывая рядом со своими поселениями небольшие поля.

О древнем горном деле в Забайкалье имеются в основном только общие сведения и, как правило, их нет по конкретным рудоразработкам. Это объясняется, главным образом, тем, что древние рудники были уничтожены последующей добычей руд в период освоения региона русскими первопроходцами, особенно в последние века, а имевшие возможность наблюдать их специалисты горного дела зафиксировали только общие особенности.

Но доказательством того, что многие из этих рудников разрабатывались еще в эпоху бронзы, служат встречающиеся в них одновременно орудия из камня и бронзы и отсутствие железных. Кроме того, некоторые известные забайкальские орудия древнего горного дела совершенно аналогичны орудиям из датированных памятников эпохи бронзы. В Кяхтинском краеведческом музее им. В. А. Обручева хранится медно-бронзовая массивная кирка со сломанным четырехгранным концом, близкие аналоги которой известны в Восточном Казахстане и относятся к орудиям горнодобывающего промысла.

Первые металлические изделия изготавливались в техникековки, а наиболее крупный прогресс в деле изготовления медно-бронзовых изделий был достигнут благодаря литью. Расплавленный металл при застывании мог легко принять очертания любого предмета, негативно воспроизведенного в литейной форме. С открытием литья рольковки все более ограничивалась подсобными целями (например, проковки рабочих частей отлитых орудий для придания им необходимой твердости). Древние литейные формы делались из камня, глины, реже из металла (например, в Минусинской котловине); в преобладающем большинстве случаев они состояли из нескольких складывающихся между собой частей, а чаще всего из двух створок. На территории Забайкалья сохранилось мало литейных форм, большая их часть фрагментирована. Все они изготовлены из камня и найдены в основном в Восточном Забайкалье (с. Беклемишево, поселки Дарасун, Шевья, Кункур). По долине р. Селенги найдены фрагменты литейных форм близ улуса Хара-Бусун. В Тункинском районе Бурятии на стоянке Бронзовая в экспонированном виде найдены апплицируемые обломки литейных форм из тальковой породы для отливки топора

сейминско-турбинского типа и две створки для отливки заостренных стержней¹.

В более ранний период существовали открытые односторчатые литейные формы, в которых углубления для отливаемого предмета находились в одной створке, а другая была просто плоской прикрывающей. Для образования полости втульчатых предметов практиковалась вставка в формы при литье особых глиняных ядрищ или сердечников. Глиняные литейные формы, как правило, изготовлялись путем оттиска в глине специально сделанных моделей вещей из дерева и других материалов. Для литья ряда сложных металлических, художественных изделий часто делались восковые модели. Они осторожно покрывались слоем глины, образующим литейную форму, при подогреве которой воск расплавлялся и вытекал, оставляя пустое пространство для заливки металла. Металл перед литьем расплавлялся и непосредственно из тиглей или же специальных сосудов-лячек разливался в литейные формы через имеющиеся в них отверстия. После его застывания из них извлекались уже готовые металлические изделия, требующие, в зависимости от функционального назначения, зачистки, проковки или заточки².

Из четко документированных памятников происходит, например, бронзовый кинжал из детского погребения 3-й группы Фофановского могильника, полушаровидные бляшки с перекрестием из верхнего слоя Нижне-Березовской стоянки, ложечковидные привески и бронзовый коленчатый нож карасукского облика из верхнего слоя Посольской стоянки³ и др. (рис. 7, 8). Но на территории Бурятии найдено множество изделий из категории случайных находок эпохи бронзы: ножи, кинжалы, меч, наконечники стрел, кельты, котлы, шилья, иглы, различные украшения типа пряжек, подвесок, пронизок, пуговиц и т. д.

К числу таких находок относится замечательный бронзовый меч длиной 77,5 см, найденный у с. Петропавловка Джидинского района (рис. 9). В навершии меча отлито стилизованное скульптурное

¹ Угольков Ю. Н., Уголькова В. С. Древности Тункинской котловины. – Кемерово: Сириус, 2001. – 226 с.

² Гришин Ю. С. Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. – М.: Наука, 1975. – 136 с.

³ Сергеева Н. Ф., Хамзина Е. А. Бронзовые изделия из Посольска на Байкале // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Вып. 3. – Иркутск: ИГУ, 1975. – С. 176–183.

Рис. 7. Бронзовые ложечковидные подвески с Посольской стоянки. Фонды Музея БНЦ СО РАН

Рис. 8. Бронзовый коленчатый нож карасукского типа с Посольской стоянки. Фонды Музея БНЦ СО РАН

Рис. 9. Бронзовый меч карасукского типа. Случайная находка у с. Петропавловка (Джидинский р-н). Фонды Музея БНЦ СО РАН

Рис. 10. Бронзовые трапецевидные удила тагарского типа. Случайная находка. Фонды Национального музея Республики Бурятия

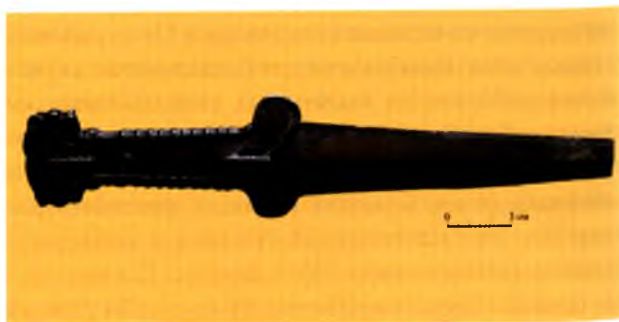

Рис. 11. Бронзовый наборный кинжал с бабочковидным перекрестием. Случайная находка. Фонды Национального музея Республики Бурятия

Рис. 12. Бронзовый котел кифского типа. Случайная находка у р. Халюта (Иволгинский р-н). Фонды Музея БНЦ СО РАН

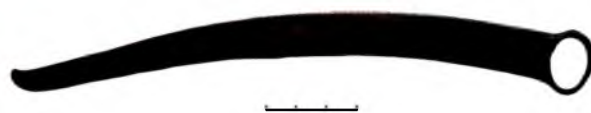

Рис. 14. Бронзовый нож из Закаменского клада. Фонды Национального музея Республики Бурятия

Рис. 15. Бронзовый нож из Закаменского клада. Фонды Национального музея Республики Бурятия

Рис. 13. Медно-бронзовые изделия с местонахождения Хубоо (Кижингинский р-н). Фонды Музея БНЦ СО РАН

изображение головы горного козла – янгира¹. Не менее впечатляют и кинжалы, найденные на Посольской стоянке² и на оз. Котокель³. Рукоятка последнего кончается скульптурным изображением головы и шеи горного барана, морда которого выполнена очень схематично, наибольшая ширина ее приходится на область глаз, изображенных в виде сквозного круглого отверстия. На лбу посажены два больших рога, упирающихся концами в шею.

В Национальном музее Бурятии хранятся единственные в Забайкалье литые бронзовые удила с трапециевидными окончаниями, относящиеся к тагарскому времени⁴ (рис. 10). Здесь же хранится уникальный наборный кинжал длиной 29 см с обломаным клинком, выполненный из бронзы в технике литья и монтажа. Кинжал состоит из 5 составных частей: клинка, навершия в виде двух голов хищного зверя, двух реберчатых накладок на рукоять, бабочковидного перекрестия (рис. 11).

В музее БНЦ СО РАН хранится случайно найденный в Иволгинском районе литой бронзовый котел «скифского» типа с поддоном в виде усеченного конуса, двумя вертикальными арочными ручками (рис. 12). Высота котла составляет 26 см, вес – 3,83 кг, объем – 4,65 л. Время бытования котла, вероятно, относится к V–III вв. до н. э.⁵

¹ Коновалов П. Б., Данилов С. В., Именохоев Н. В. Бронзовый меч из села Петропавловка (р. Джиды, Бурятия) // *Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Бурятии и Монголии*. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. – С. 59–61.

² Константинов М. В., Базарова Л. Д., Семина Л. В. Древнее поселение Посольское (Новые материалы) // *Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Бурятии и Монголии*. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. – С. 18–26.

³ Грязнов М. М. Бронзовый кинжал с озера Котокель // *Бурятияведение*. – 1929. Вып. 1–2 (9–10). – С. 134–141.

⁴ Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. – Улан-Удэ, 1958. – 137 с.; Гришин Ю. С. Производство в Тагарскую эпоху // *МИА*. – 1960. – № 90. – С. 136–207; Симухин А. И. Технология изготовления бронзовых удилищ из фонда Музея истории Бурятии им. М. Н. Хангалова // *Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология: мат-лы Всерос. конф. с междунар. участием, посв. 100-летию со дня рожд. М. М. Герасимова*. Т. 2. – Иркутск: Оттиск, 2007. – С. 175–181.

⁵ Симухин А. И. Бронзовый котел из Забайкалья // *Интеграция археологических и этнографических исследований*. – Алматы – Омск: Наука, 2004. – С. 245–247; Симухин А. И. Случайная находка из Забайкалья // *Случайная находка*.

Здесь же хранятся случайно найденные медно-бронзовые изделия из Кижингинского района, среди которых выделяются ножи, близкие по форме карасукским, втульчатые и черешковые наконечники стрел, четырехгранное шило и украшения в виде литых подвесок⁶ (рис. 13).

В Бурятии известен единственный клад медно-бронзовых изделий раннетагарского времени, получивший наименование Закаменского. Клад состоит из 34 медно-бронзовых изделий, случайно найденных при строительстве автомобильной дороги в районе с. Михайловка, из них 19 ножей, отлитых в разных формах⁷ (рис. 14, 15). Лезвия большинства из них прокованы и несут следы заточки, очевидно, ножи были изготовлены из металла, который хорошо воспринимал ковку. Однако для металла ножей, так же как и для всех орудий труда, важна не только способность коваться, но и твердость, прочность, текучесть. Эти свойства медь приобретает при добавке в нее определенных концентраций легирующих элементов (олово, мышьяк, сурьма). Во всех изделиях закаменского клада, кроме обломка котла независимо от назначения, замечена именно такая концентрация олова и мышьяка, которая придает сплаву хорошую твердость, легкую текучесть и способность к холодной ковке⁸.

Появление металла, развитие и совершенствование горного и бронзолитейного дела на территории Бурятии ознаменовали большой скачок в технологическом развитии древних обществ. Изученные материалы говорят о местном происхождении медно-бронзовой индустрии, ее высоком уровне на среднем этапе бронзового века, преемственности традиций горного и металлургического дела и дальнейшем развитии в эпоху позднего бронзового века. Остатки меднолитейного производства в Забайка-

ка. *Nota Bene*: сб. науч. трудов. Вып. 1 / под ред. О. А. Митько; Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2007. – С. 95–100.

⁶ Симухин А. И. Медно-бронзовые изделия из местонахождения Хубоо // *Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале*. Т. 1. – М.: ИА РАН, 2008. – С. 447–450.

⁷ Хамзина Е. А. Новые находки бронзовых изделий в Забайкалье // *Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока: тез. докладов и сообщений*. – Иркутск: ИГУ, 1960. – С. 72–73; Хамзина Е. А. Клад бронзовых изделий из Закамны // *Новое в археологии Забайкалья*. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 41–45.

⁸ Сергеева Н. Ф. Древнейшая металлургия меди юга Восточной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1981. – 152 с.

ль свидетельствуют о возможном существовании нескольких металлургических очагов в данном регионе. Это позволяет выделить Забайкалье как металлургический центр Восточно-Сибирской горно-металлургической области. Забайкальские медно-бронзовые изделия отличаются большим своеобразием, вместе с тем некоторые из них имеют и общие черты с изделиями сопредельных территорий, главным образом Монголии и Минусинской котловины. По всей видимости, Забайкалье входило в единую культурную провинцию производства устойчивых форм изделий, изготавливаемых мастерами как местными, так и из отдаленных территорий.

Обработка кости и рога, разных пород камня, керамические изделия свидетельствуют о значительном развитии домашних промыслов и ремесел, унаследованных от населения предшествующего времени.

Рядом с могильниками встречаются жертвенно-поминальные каменные выкладки. Однако в Западном Забайкалье жертвоприношения животных под каменными кладками встречаются на одном поле с керексурами и плиточными могилами, потому нельзя с полной уверенностью однозначно утверждать, кто совершал эти обряды – население, оставившее керексуры, или носители культуры плиточных могил. В Восточном Забайкалье, где не встречены керексуры, но широко распространены плиточные могилы, у г. Ламской (с. Левые Кумаки) был раскопан комплекс с остатками большого количества домашних животных: около 140 особей лошадей, крупного и мелкого рогатого скота. Особо следует отметить человеческие жертвоприношения. Находки такого рода могут говорить о существовании у населения плиточных могил широко распространенных ритуалов жертвоприношений животных, не связанных с похоронной обрядностью и отражавших сложные мировоззренческие представления древних скотоводов.

Уже давно было подмечено расположение плиточных могил небольшими группами, в 10–15 кладок-оградок, расположенных либо беспорядочно, либо параллельными рядами. Предполагалась принадлежность таких могильников большим патриархальным семьям. Как правило, в составе могильников одна из могил выделяется более крупными размерами, занимает центральное место и содержит более богатый инвентарь. Их обычно считают захоронениями глав семей. Однако такие могилы все же, при всем своем отличии от основ-

ной массы, не дают явных признаков резкой имущественной и социальной дифференциации. По-видимому, у населения культуры плиточных могил процесс разложения родовых отношений зашел еще недостаточно далеко, хотя ограбленность погребений не позволяет утверждать это вполне однозначно. В целом население, видимо, оставалось достаточно однородным. Но, вероятно, роль военных вождей, их ближайшего окружения начинала играть все большую роль в жизни населения. Появляются грандиозные сооружения, типа плиточной могилы, известной под названием Кара Баян, в Восточном Забайкалье, высота стенок которой достигала 3 м.

В отношении общественного строя населения культуры плиточных могил у исследователей сложилось единое мнение о развитых патриархальных и начале разложения первобытнообщинных отношений. Выраженная скотоводческая направленность хозяйства обусловила, как показывают данные этнографии, преобладание женского труда. Вместе с тем появление большого количества легко отчуждаемой собственности в виде стад скота и его охрана и защита от грабителей приводили к большому количеству военных столкновений. Таким образом, с утверждением производящего хозяйства, особенно кочевого скотоводства, земля становится одним из средств производства, а скот – легко отчуждаемым имуществом. Возросшая социальная напряженность становится одной из реалий жизни степного населения позднебронзового времени. Поэтому не случайно в плиточных могилах в составе инвентаря погребений появляются предметы вооружения и обозначается необходимость снабжения умерших оружием. Впервые фиксируются и принадлежности конской сбруи. По всей видимости, основной функцией мужчин становится защита стад скота и приумножение его путем набегов. Практически вся мужская часть общества оказывается втянутой в конфликты, часто решаемые военным путем. Интересно, что среди случайных находок предметы вооружения и конской сбруи, датируемые этим же временем, встречаются гораздо чаще, чем в могилах. Известны находки наконечников копий, стрел, массивных чеканов – боевых топоров, мечей.

Исследователи уже давно обратили внимание на наличие в плиточных могилах и на одновременных им дюнных стоянках, в жертвенных местах у писаниц селенгинского типа специфического типа керамики – триподов типа «ли». Триподы – это со-

Рис. 16, 17. Керексуры с круглой и квадратной оградками. Съемка с вертолета

Рис. 18. Раскопки керексура А.Д. Цыбиктаровым

Рис. 19. Керексур с квадратной оградкой. Могильник Верхний Торей-1 (Джидинский р-н)

уды на трех полых ножках, похожие на коровье вымя. Верхняя их часть имеет прямые стенки, переходящие в венчик. Триподы появляются в Забайкалье и Монголии в бронзовом веке и не имеют здесь прототипов в неолитической и раннебронзовой керамике, вследствие чего нельзя признать их местное происхождение. Но они широко распространены в древних культурах Китая и Дунбэя начиная с неолита. Существование триподов в Забайкалье и Монголии следует считать, вероятно, результатом культурных связей или инфильтрации части восточноазиатского населения в среду степного центральноазиатского населения. В связи с этим нельзя не вспомнить находки крашеной керамики в гобийской зоне, тамцаг-булакскую культуру, которую исследователи связывают с неолитическими земледельцами. Вероятно, проникновение населения из Дунбэя, из бассейна Хуанхэ, в монгольские степи эпизодически происходило уже с эпохи неолита, а может и раньше. Возможно также, что распространение сосудов-триподов является отражением более глубоких этногенетических и миграционных процессов, протекавших в восточной части Азии.

Керексуры

Другим типом археологических памятников, широко распространенным в Центральной Азии, являются керексуры (рис. 16, 17). На территории этнической Бурятии керексуры встречаются в основном в Западном Забайкалье. В Восточном Забайкалье встречаются памятники, внешне напоминающие керексуры, однако детального исследования их еще не проводилось. В Западном Забайкалье распро-

странение керексуров совпадает с зонами нахождения плиточных могил. Причем одной из примечательных особенностей расположения керексуров и плиточных могил является их частое совместное расположение на могильных полях.

Керексуры – это общее название памятников, различающихся по ряду характеристик. Общим для них является наличие квадратной или круглой оградки (рис. 18), центральной каменной насыпи и множества каменных кладок вокруг памятника, в которых встречаются остатки тризн. В некоторых керексурах в пределах оградок встречаются радиально расположенные, выложенные из камней дорожки. Но надо отметить, что полноценной характеристики и типологии керексуров по всей территории распространения этого вида памятников пока нет.

При детальном рассмотрении памятников можно видеть, что керексуры имеют самые различные модификации. К более сложным видам памятников относятся четырехугольные каменные оградки с «наугольниками», когда на углах оградок устанавливались сооружения в виде каменных кладок (рис. 19). Вокруг оградок, как округлых, так и четырехугольных, сооружались восьмикаменные кольцевидные кладки, причем располагались они в некоторых случаях несколькими рядами. Кроме кольцевидных в отдельных случаях наблюдаются сплошные каменные выкладки вытянутых прямоугольных форм, под которыми встречаются захоронения конских голов. У некоторых памятников центральная насыпь соединяется с оградой каменными вымостками-дорожками – так называемый керексур с лучами. Широко варьируются и размеры

керексуров. На территории Бурятии они распространяются по обширной Селенгинской долине до границы леса и степи, а также в долинах основных притоков р. Селенги – Джиды, Чикоя, Хилка, Уды. Располагаются керексуры в основном в открытой степи, по склонам и подножиям гор, на вершинах и в седловинах между сопками. Джидинский район наиболее насыщен памятниками такого типа, особенно Цаган-Усун, Сарбадуй, Верхний Ичетуй.

Керексуры вызвали интерес у исследователей еще в последней четверти XIX в., после экспедиций ИРГО в Центральную Азию. В западных районах распространения – в Туве и на Алтае керексуры относились к эпохе поздней бронзы и скифскому времени. Такая датировка укрепилась после исследования в течение 1960–1980-х гг. значительной серии так называемых безынвентарных погребений монгун-тайгинского типа в Туве, часть которых была связана с курганами типа керексуров. А. Д. Грачом выявлено нескольких случаев перекрытия курганов монгун-тайгинского типа курганами раннескифского и скифского времени¹. Керексуры Западной и Северо-Западной Монголии В. В. Волков по тувинским аналогиям датирует этим же временем².

Объекты, раскопанные в Бурятии, датировались сначала по аналогии с тувинскими материалами раннескифским временем. Затем изученные А. Д. Цыбиктаровым архивные и опубликованные данные о раскопках керексуров скорректировали датировку на конец II – начало I тысячелетия до н. э. и связали их появление в этих районах с продвижением населения из Западной Монголии и Саяно-Алтая на восток, в районы распространения культуры плиточных могил³. С конца XIX в. по настоящее время на территории Южной Бурятии, Северной и

Центральной Монголии были проведены раскопки 40 керексуров. Столь малое количество исследованных объектов для такой широкой территории обусловлено их сложной конструкцией, внушительными размерами и большой трудоемкостью раскопок. На рассматриваемой территории все керексуры с человеческими захоронениями в цистах на горизонте оказались безынвентарными, что коррелировало их с комплексами монгун-тайгинского типа Тувы. Но в них не зафиксированы черты погребального обряда раннего и более поздних этапов скифо-тагарской эпохи Саяно-Алтая: инвентаря VIII–VI, V–III вв. до н. э., глубоких могильных ям со срубам или каменными ящиками внутри, сопроводительных изделий из бронзы, кости, железа, керамики (целых сосудов). С другой стороны, в Туве, Северо-Западной Монголии, отчасти на Алтае под курганами типа керексуров обнаруживаются погребения с инвентарем раннескифского и развитого скифо-сибирского типа. Из этого следует, что в Южной Бурятии, Северной и Центральной Монголии в VII–III вв. до н. э. керексуры уже не сооружались.

По форме ограды и некоторым конструктивным особенностям раскопанных керексуров А. Д. Цыбиктаров разделил их на 6 типов, хотя они имеют и общие черты. Несмотря на разные формы (круглые, прямоугольные, квадратные), назначение их, видимо, одинаковое. По углам прямоугольных или квадратных оград иногда имеются небольшие кладки круглой формы, у оград же круглой формы изредка напротив сторон света по периметру стоят большие вертикально вкопанные камни. Одни и те же черты погребального обряда фиксируются и при раскопках центральных насыпей. Таким образом, общность ряда черт в конструкции и погребальном обряде отчетливо свидетельствует о единокультурной принадлежности керексуров с разными формами оград. Нередко керексуры с оградами разных форм входят в состав одних и тех же могильников.

При раскопках 20 керексуров под насыпями были обнаружены останки костяков. В 9 случаях костяки лежали на спине вытянуто, в 1 – на боку полускорченно. 7 костяков головами были ориентированы на запад, 3 – на северо-запад. В 11 случаях останки скелетов лежали на уровне древнего горизонта, в 3 – в неглубоких могильных ямах на глубине 15–20 см от нижнего слоя камней. Под насыпями 9 керексуров были зафиксированы могильные камеры-цисты, сложенные на уровне древнего горизонта из плашмя положенных плит или уплощенных камней. В 1 случае, по данным Ю. Д.

¹ Грач А. Д. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве // Труды ТКАЭЭ. Т. 1. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 8–72; Он же. Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, 1980. – 256 с.

² Волков В. В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. – Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1967. – 148 с.; Он же. Оленные камни Монголии. – Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981. – 254 с.

³ Цыбиктаров А. Д. О датировке керексуров в Южной Бурятии, Северной и Центральной Монголии // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири: тез. докл. – Барнаул: Изд-во ИИФиФ и АГУ, 1988. – С. 130–132; Он же. Культура плиточных могил Забайкалья и Монголии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1989. – 24 с.

Талько-Грынцевича, в центре насыпи был установлен каменный ящик из «стоячих» плит. Показательно, что ни разу под центральными насыпями не были обнаружены могильные ямы больших размеров и глубины. Таким образом, останки костяков залегают либо в наземных камерах-цистах и ящике на уровне древнего горизонта или на небольшой глубине – 15–20 см. Насыпь и ограда керексуров сооружались также на древнем горизонте.

Датируемые находки относятся к разным периодам древней истории Центральной Азии – от раннебронзового времени до средневековья, а также к новому времени, вплоть до XIX – начала XX в. Поэтому нет смысла переносить эти даты на керексуры, тем более что вещественные находки обнаружены только в 8 керексурах из 40. В связи с этим самого пристального внимания заслуживают особенности погребального обряда, конструкции керексуров. Выясняется, что для керексуров характерен безынвентарный обряд погребения: упомянутые находки зафиксированы между камнями насыпей, а в случаях обнаружения остатков захоронений с ними никакого сопроводительного инвентаря не найдено. Умерших хоронили на уровне древней дневной поверхности или в очень неглубоких могильных ямах, укладывали на спине в вытянутом положении или на боку, в полускорченном положении. Головой ориентировали на запад или северо-запад. Эти особенности находят полные аналогии в так называемых безынвентарных (безвещевых) погребениях Тувы, датируемых концом II – началом I тысячелетия до н. э., часть которых связана с курганами типа керексуров, а также в появившейся в эпоху средней бронзы особенности сооружать погребальные конструкции на древнем горизонте. На основании этих данных можно датировать безвещевые керексуры Бурятии и Монголии этим же временем. Рядом с керексурами часто располагаются поминально-жертвенные сооружения, представляющие собой круги небольших размеров из 7–8 камней. Внутри под камнями залегает нетронутый грунт, иногда там содержатся кальцинированные кости, угольки, фрагменты керамики. То же самое наблюдается при раскопках аналогичных колец в Туве и на Алтае, расположенных рядом с курганами позднего бронзового века и раннескифского времени. Иногда керексуры сопровождаются небольшими каменными выкладками, похожими на миниатюрные курганы диаметром 1,5–4 м. Под ним обычно находятся кости черепа и конечности лошади. Подобные выкладки часто сопровождают памятники эпохи позд-

ней бронзы и раннескифского времени, например оленные камни в Монголии или знаменитый курган Аржан в Туве. Таким образом, особенности погребального обряда, конструкции керексуров, характер сопровождающих их поминально-жертвенных сооружений позволяют датировать керексуры Бурятии, Северной и Центральной Монголии финалом бронзового века – раннескифским временем, концом II – началом I тысячелетия до н. э. Расширить их датировку до конца скифо-тагарского времени не позволяет отсутствие в раскопанных керексурах инвентаря собственно скифо-сибирских форм. Вероятно, этим же временем датируются керексуры Восточной и Южной Монголии, хотя сведений об их раскопках пока нет¹.

Подробная классификация по числу и формам оград, деталям внешней конструкции, работа по картированию керексуров Монголии и Тувы в конце 1970-х – начале 1980-х гг. проведена Ю. С. Худяковым. Анализ ареалов распространения керексуров и оленных камней позволил исследователю объединить оба типа памятников в рамках одной культуры – культуры керексуров и оленных камней. Время существования этой культуры было обозначено эпохой развитой бронзы и карасукским временем. Исходными районами формирования этой культуры автор определил Западную Монголию². Отсюда древнее население начало движение на восток, в Центральную Монголию и Забайкалье, откуда, по мнению А. Д. Цыбиктарова, оно было вытеснено иноэтнической культурой плиточных могил еще в карасукское время. Последний установил дату появления керексуров в этом регионе концом II тысячелетия до н. э., предполагая более узкую датировку в границах последней трети или четверти II тысячелетия до н. э., в целом поддерживая предложенную Худяковым хронологию этой культуры. Как отмечалось выше, ареалы распространения керексуров и плиточных могил на территории Южной Бурятии совпадают. Культура керексуров сравнительно долгое время сосуществовала с культурой плиточных могил, а со временем

¹ Цыбиктаров А. Д. Херексуры Бурятии, Северной и Центральной Монголии // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. – С. 38–47.

² Худяков Ю. С. Херексуры и оленные камни // Скифская эпоха Алтая: тезисы конф. – Барнаул, 1986. – С. 40–43; Он же. Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск, 1987. – С. 136–162.

пришлое европеоидное население керексуров постепенно растворилось в массе автохтонного монголоидного населения культуры плиточных могил. Насколько высок был уровень взаимной метисации этих групп населения, предстоит еще выяснять, материалов для этого пока недостаточно. Полную смену населения вряд ли можно предполагать. Но в любом случае происходившие события должны были отразиться на ходе культурно-исторических процессов и формировании антропологического состава населения Центральной Азии в эту и, главным образом, последующие эпохи. Таким образом, для эпохи поздней бронзы – раннего железного века в регионе характерно усиление культурных и этнических связей, взаимопроникновение двух крупных степных культур – местной центрально-азиатской (культура плиточных могил) и западной саяно-алтайской (культура керексуров)¹. Существует мнение, что ряд керексуров, особенно крупных, помимо погребального предназначения сооружались как ритуальные памятники, подлинный смысл которых уловить достаточно трудно. Одно из таких сооружений – курган Улуг Хорум – было раскопано в Тыве. По словам автора раскопок А. Д. Грача, это был грандиозный храм под открытым небом, внешняя оградка которого достигала 66 м. В центре сооружения находился каменный курган сферической формы диаметром 22 м, от него к внешней оградке расходились 32 радиальные дорожки, выложенные из камня. В центральной насыпи лежали обломки оленного камня. При обследовании больших керексуров Монголии и Бурятии также отмечалось большое количество деталей, позволяющих сопоставить большие керексуры с храмами под открытым небом, подобными раскопанному А. Д. Грачем в Тыве.

Как уже упоминалось, в едином комплексе с керексурами, оленными камнями в Монголии и Западном Забайкалье часто отмечались каменные кладки, число которых достигало нескольких десятков, а то и сотен. Один из таких комплексов был раскопан близ с. Нижний Бургултай в Джидинском

районе Республики Бурятия. Всего здесь было раскопано более 50 кладок. При раскопках под кладками встречались черепа, шейные позвонки, копыта коней. Среди кладок была обнаружена яма, в которой зафиксированы остатки деревянного столба. Характер этого комплекса носил явно ритуальный характер и сопоставим по отдельным деталям с обрядово-ритуальными действиями, фиксируемыми у многих кочевых народов. Там же были вскрыты ямы с мелкими обломками частично обожженных костей. В ямках прослеживались прослойки пепла. По всей видимости, это следы ритуальных сожжений остатков жертвоприношений. Несколько сложнее обстоит дело с черепами, шейными позвонками и копытами лошадей, найденными под каменными кладками нижнебургултайского комплекса. Несомненно, это остатки животных, принесенных в жертву.

Таким образом, некоторые детали древней обрядности, связанные с жертвоприношениями животных, находят параллели с обрядами, этнографически зафиксированными у бурят, алтайцев. Более того, известный обряд у г. Ламской, проводимый, по всей видимости, населением культуры плиточных могил, свидетельствует об общности представлений, существовавших у древних скотоводов, независимо от их этнокультурной принадлежности.

Оленные камни

Оленные камни – каменные стелы, получившие свое название по самому распространенному на них виду изображений оленей, устремленных ввысь «в летящем галопе» – это одни из самых ярких памятников эпохи поздней бронзы и раннего железа. Кроме оленей с ветвистыми рогами и мордами, похожими на птичьи клювы, на оленных камнях изображены парадные пояса с висющими на них кинжалами и ножами, боевыми топорами, изображены также луки, щиты, чеканы и другие атрибуты воинского снаряжения.

Хотя считается, что оленные камни не связаны с какой-либо одной культурой в степях Евразии, подавляющее большинство, более 600, найдено в Монголии; на территории Забайкалья их было обнаружено гораздо меньше. Здесь они связаны как с плиточными могилами, так и с курганами-керексурами. В Западном Забайкалье и прилегающей части Монголии они часто стоят в качестве угловых и сторожевых камней плиточных могил,

¹ Цыбиктаров А. Д. Херексуры Бурятии...; Он же. Культура плиточных могил...; Он же. Место культуры плиточных могил в древней истории Забайкалья // Сибирь в панораме тысячелетий: мат-лы межд. симпозиума. Т. 1. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1998а. – С. 600–608; Он же. Культурное и хронологическое соотношение херексуров и памятников монгун-тайгинского типа Горного Алтая, Тувы, Монголии и Южного Забайкалья // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Вып. 2. – Улан-Удэ, 2004. – С. 35–50.

в западной половине Монголии входят в архитектурные комплексы керексуров, а, например, в Туве стоят возле курганов уюкской культуры. То, что они не связаны с какой-то одной культурой, становится тем более очевидным в связи с тем, что территория распространения оленных камней очень велика. Восточная граница этих памятников доходит до Забайкальского края, хотя в Забайкалье они довольно редки – около 50. В литературе имеется не вполне ясное указание на наличие оленных камней в Северном Тибете. Около 20 памятников зафиксировано в Туве и более 50 – в Горно-Алтайской области. Имеются оленные камни в Киргизии, в Восточном и Центральном Казахстане, на Южном Урале, Кавказе, в Северном Причерноморье и Европе. Таким образом, территория распространения оленных камней охватывает огромные пространства – от Западного Забайкалья на востоке до Эльбы на западе и в значительной части совпадает с «Великим поясом степей» Евразии¹.

Большинство исследователей предполагают, что оленные камни воплощали в себе образ воина-вождя, тело которого было предположительно татуировано изображениями оленей. В.В. Волков, исследовавший большое количество оленных камней, пришел к выводу, что большинство этих каменных изваяний изображало человека – и не просто человека, а воина, судя по поясу с подвешенными к нему воинскими атрибутами: кинжалом, чеканом, луком, стрелами. Анализ всех деталей вооружения позволил отнести их к карасукскому времени. Появление оленных камней в эпоху бронзы на территории Центральной Азии очень хорошо согласуется с изменениями, произошедшими в хозяйственном развитии, общественном строе и идеологии степного населения, среди которого стал складываться культ воина.

Накопленный в течение долгих лет уникальный материал, который дополняется информацией с новых местонахождений, лег в основу специальных исследований, рассматривающих вопросы хронологии и классификации оленных камней. А. П. Окладников выделяет 3 основные группы: круглые (цилиндрические), прямоугольные и широкие плиты, иногда с кососрезанной вершиной. Основной дифференцирующий признак – исходная форма камня (широкие плиты с изображением стилизованных оленей датированы им VII–V вв. до н. э.). Н. Н. Диков по стилистическим особенностям изображений оленей вы-

деляет 2 типа – с реалистическими изображениями и силуэтными фигурами оленей с клювообразными мордами. Последние датируются им VI–III вв. до н. э. По сюжету рисунков на оленных камнях С. И. Вайнштейн выделяет 2 типа – стелы исключительно с силуэтами стилизованных животных и изваяния с изображениями животных, поясов с оружием, геометрических фигур и других предметов. Первый тип датирован им VII–VI вв. до н. э. М. П. Грязнов выделяет по стилистическим особенностям изображений оленей скифо-сибирского стиля Саяно-Алтая 2 группы оленных камней: относительно малочисленную раннюю, до V в. до н. э., и более многочисленную позднюю, V в. и позднее. Внутри 1-й группы изваяния имеют 3 варианта: стоящие на «цыпочках» олени, лежащие с подогнутыми под брюхо ногами и олени в стремительном беге, с длинной клювовидно-вытянутой мордой. Все 3 варианта относятся к VIII–VI вв. до н. э. Наиболее ранняя дата для монголо-забайкальских и саяно-алтайских камней определена М. П. Грязновым XII–IX вв. до н. э. Взяв за основу изобразительный стиль оленных камней Монголии, В. В. Волков делит изваяния на 2 большие основные группы – с силуэтными изображениями животных и без них, а со всеми другими атрибутами, присущими этим памятникам, – на 3 типа: 1) общеевропейский (без изображений животных); 2) саяно-алтайский (с близкими к натуре, «реалистическими» изображениями животных); 3) монголо-забайкальский (с орнаментально-стилизованными изображениями оленей).

Последний тип датирован им следующим образом: верхняя дата – V–IV вв. до н. э., нижняя – XII–XI вв. до н. э.

На анализе стиля изображений животных на петроглифах р. Чулуут (Монголия) и других святилищ построена классификация Э. А. Новгородовой. Исследовательница выделяет 3 типа оленных камней: 1) стелы со стилизованными фигурками оленей, отличающимися ветвистыми рогами и клювообразными мордами; 2) изваяния с реалистическими изображениями животных (стоящие на вытянутых ногах олени, лоси и другие звери) и 3) без изображений животных, но с символикой, характерной для оленных камней, оружием и другими предметами. Первый тип датируется Э. А. Новгородовой по аналогиям с находками из погребений и поселений периода позднего Шан – раннего Западного Чжоу XIII–IX вв. до н. э.

Таким образом, исследователи единодушно выделяют оригинальные оленные камни с максималь-

¹ Волков В. В. Оленные камни Монголии. 1981.

но декорированными плоскостями, тщательным оформлением многочисленных деталей изображений стремительно летящих в галопе оленей с клювовидными мордами в отдельный тип (монголо-забайкальский), но расходясь при этом в их датировке. Причиной расхождений в определении возраста этих памятников является сравнительная малочисленность введенных в научный оборот памятников, схематичность изображений отдельных предметов, позволяющая самые широкие и не очень убедительные сопоставления с датированными вещевыми сериями. И, тем не менее, предметы материальной культуры, изображенные на изваяниях, являются единственным основанием для их датировки.

Замечательным по сохранности и изображениям экземпляром оленного камня монголо-забайкальского типа на территории Бурятии является Иволгинский оленный камень, обнаруженный в 1856 г. Д. П. Давыдовым на р. Иволга, недалеко от г. Верхнеудинска (Улан-Удэ). Он представляет собой массивную гранитную плиту со скошенной к одному краю вершиной (длина 3,5 м, ширина 0,9 м, толщина 0,2 м). На широких плоскостях плиты выбиты стилизованные изображения оленей с длинными узкими туловищами, клювообразными мордами и большими ветвистыми рогами. В верхней части одной из широких плоскостей высечен какой-то круглый предмет с рукояткой, в верхней части другой плоскости 2 окружности разных размеров. На боковых гранях также высечены фигуры оленей, предметы вооружения, а также диск, по мнению А. П. Окладникова – металлическое зеркало. Этот замечательный памятник монументального искусства установлен у входа в Иркутский краеведческий музей¹.

К такому же типу относится легендарный оленный камень, некогда стоявший, судя по сохранившимся фотографиям начала XX в., у южных ворот, у центрального здания архитектурного комплекса «Тамчинский дацан», и получивший в народе название «Алтан сэргэ» (Золотая коновязь). Летом 1988 и 1989 гг. археологическим отрядом научно-реставрационного проектно-сметного бюро «Бурят-проектреставрация» проводились поиски утраченного памятника, и раздробленные его фрагменты были найдены на территории комплекса, в фундаменте разрушенной постройки 1930-х гг. После предварительной идентификации 6 крупных обломков были

вывезены в г. Улан-Удэ для дальнейших научно-исследовательских и реставрационных работ.

Камень «Алтан сэргэ» изготовлен из цельной породы серо-коричневого цвета и по своей форме представляет кососрезанную к одному краю вершины стелу, прямоугольную в сечении верхней части и подквадратную – в нижней. Высота стелы по самой узкой передней грани равна 269 см, противоположной грани – 230 см. Все 4 грани плоскости орнаментально насыщены до предела высокохудожественными многофигурными композициями. На широкой плоскости выбиты 3 летящих в галопе оленя. Композиция завершается изображением в верхнем правом углу круга диаметром 10 см, с подвеской в нижней части. Образовавшиеся пустоты на плоскости заполнены: под головой и шеей первого оленя – декоративным узором, зеркально повторяющим задние рога, выполненным неглубокой гравировкой; под передним рогом – «бивнем» третьего оленя, изображением, напоминающим боевой топор (?) с выступающим обушком и изогнутым топористым. На противоположной, широкой грани в той же технике и манере, в том же декоративном стиле зеркально изображены 3 больших оленя, над ними 1 небольшой. На одной из узких граней стелы изображены две плавно выгнутые вниз, одна над другой, дугообразные полосы и голова оленя с клювообразной мордой, направленной вертикально вверх. На противоположной узкой грани выбиты 2 небольших, идущих друг за другом оленя. Фигуры их удлинённых тел поставлены вертикально, одна над другой. Под шеей верхнего оленя выгравированы соединяющиеся между собой и с животным тонкие линии. Изображение второго оленя аналогично первому: такое же сильно удлинённое тело, с двумя подтреугольными горбами, удлинёнными, подогнутыми под тело ногами, пятиугольным глазом, но с несколько иначе изображёнными рогами. Ниже второго оленя, почти посередине грани, размещена пятиугольная фигура. Внутреннее пространство фигуры заполнено поперечными линиями в виде углов, повторяющих острый выступ наверху. Еще ниже, с правой стороны грани помещено изображение предмета в виде слегка изогнутой рукояти длиной 37 см, из верхнего конца которого перпендикулярно выступает что-то вроде длинного, в 9 см, клинка кельта или боевого топора. Боевой частью, клинком, изделие обращено к центру грани.

¹ Окладников А. П. Оленный камень с реки Иволги // СА. – 1954. – Вып. XIX. – С. 207–220.

Тамчинский оленный камень, единственный «классический» оленный камень, сохранившийся на территории Бурятии, как и основная часть монгольских стел со стилизованными оленями, был создан в пределах XI–VIII вв. до н. э., хотя сюжетом, элементами декора, изобразительными приемами, техникой гравюры, несомненно, уходит в искусство эпохи бронзы. «Алтан сэргэ» – яркий экземпляр монголо-забайкальского типа оленных камней, возможно, изготовлен местными художниками-мастерами-каменотесами в честь выдающегося воина-вождя, предводителя племени или рода и первоначально был установлен на погребальном комплексе святилища, а спустя сотни лет перевезен ламами и установлен у главного храма Тамчинского дацана¹.

Петроглифы

С населением культуры плиточных могил связаны петроглифы (наскальные рисунки) так называемого «селенгинского типа». Их наносили на скальную поверхность красной минеральной краской – охрой. Характерными сюжетами рисунков являются четырехугольные оградки с располагающимися внутри и вокруг них точками-пятнами и схематическими фигурками человечков. Композицию иногда дополняют рисунки распластанных в полете хищных птиц: коршунов, орлов, ястребов, соколов (рис. 20). По мнению исследователей, оградки и точки внутри них означали загоны со скотом. Распластанные в полете птицы олицетворяли собой верхний мир. Таким образом, семантика (смысловое содержание) петроглифов «селенгинского типа» самым тесным образом была связана со скотоводческим хозяйством населения культуры плиточных могил и идеей плодородия, размножения и сохранения домашних животных.

У мест расположения наскальных рисунков древние скотоводы исполняли различные обрядовые действия с целью обеспечения роста поголовья скота, от которого зависело благополучие и достаток людей. Раскопками выявлены жертвенники в виде оградок, располагавшиеся рядом с рисунками, с найденными в них челюстями коровы, овцы, лошади. Эти остатки домашних животных были

основными объектами жертвоприношений, что подчеркивало их важное значение в жизни степного населения. Петроглифические комплексы с жертвенниками представляли собой святилища, на которых осуществлялись различные религиозные обряды, в т. ч. связанные с культом плодородия животных и растений. В этих новационных изменениях культуры степного населения Монголии проявились закономерности, выявленные для степных культур Евразии эпохи энеолита и ранней бронзы.

Антропология

Одной из характерных особенностей эпохи бронзы и раннего железа Центральной Азии является одновременное присутствие на одной территории населения, оставившего различные по конструкции памятники – плиточные могилы и керексуры. Здесь проживало население, имевшее разные культурные традиции, но справедливо считающееся первыми кочевниками на территории региона. Две эти весьма многочисленные группы памятников широко известны среди специалистов и довольно хорошо изучены в их археологической составляющей.

Антропологические материалы этого периода впервые были исследованы Ю. Д. Талько-Грынцевичем, однако полная характеристика и историческая интерпретация краниологических материалов по населению культуры плиточных могил даны И. И. Гохманом². Исследователи однозначно определились с расовой принадлежностью населения, захороненного в плиточных могилах. В антропологической систематике оно относится к североазиатским монголоидам, сближаясь по основным параметрам с байкальской расой. Была отмечена генетическая преемственность между населением эпохи неолита и позднего бронзового века Забайкалья и несомненное участие последних в этнических процессах в регионе в хуннскую и последующие эпохи.

Можно отметить, что, несмотря на малочисленность данной серии, краниологический материал из плиточных могил однороден и весьма выразителен. Это позволяет утверждать, что на протяжении эпохи бронзы здесь формируется и к концу ее уже

¹ Кухарев В. В., Именохоев Н. В. Оленный камень из комплекса Тамчинского дацана // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. – С. 112–118.

² Гохман И. И. Антропологические материалы из плиточных могил Забайкалья // Сб. музея антропологии и этнографии АН СССР. Т. 18. – М.-Л., 1958; Он же. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Т. 36. – Л., 1980.

Рис. 20. Петроглифы Хотогой-Хабсагай (Хоринский р-н)

складывается гомогенный антропологический тип, отличающий население Забайкалья от населения соседних территорий. Для него характерны брахи-кранная, низкая черепная коробка, очень широкое, средней высоты лицо и очень сильно выраженная уплощенность лица и переносья.

Соответственно, монголоидность носителей культуры плиточных могил не вызывает сомнения и в настоящее время. Более того, появились реальные данные, чтобы признать «плиточников» вероятными прародителями всех известных средневековых монголов¹.

При огромном территориальном распространении памятников культуры плиточных могил антропологическая сущность «плиточников» едина. Данный факт может определяться двумя существенными причинами: во-первых, длительностью существования культуры; во-вторых, многочисленностью народа, ее создавшего. Все экстраполяции позволяют считать, что численность древних кочевников центральноазиатских степей вряд ли отличалась от нынешней и скорее всего нужно принять поправку на уменьшение. Если принять аргументацию А. Д. Цыбиктарова, длительность существования «плиточни-

ков» как археологической культуры определяется 7–8 столетиями, с XIII по VI в. до н. э.² По нашему мнению, этот срок можно продлить до IV–III вв. Это огромный период, но вряд ли абсолютно определяющий столь значительную территорию археологической культуры, характеризующейся, на данный момент, антропологической однородностью. Суть территориальной «разбросанности» памятников культуры плиточных могил – в ее кочевой принадлежности. «Плиточники» определили способ

взаимодействия со средой обитания всех последующих жителей бурятских и монгольских степей.

Таким образом, плиточные могилы дали выразительный, четко идентифицированный и, самое главное, однородный краниологический материал. Происхождение этого населения от неолитических популяций Забайкалья «не вызывает сомнений» у мэтров российской антропологии³, его участие в этногенезе монгольских народов представляется более чем вероятным. Население культуры плиточных могил отождествляют в целом с вышедшими из степей Монголии протомонгольскими этносами дунху. В. С. Таскин, основываясь исключительно на китайских летописях, блистательно аргументировал наличие этнических связей между дунху и монголами⁴.

Антропология населения, оставившего керексуры, изучена еще более фрагментарно, чем археология. На территории Бурятии, насколько нам известно, вообще нет измеренных черепов из керексуров,

¹ Бураев А. И. Средневековое население Прибайкалья и Забайкалья по данным краниологии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – С. 68.

² Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья... – С. 104.

³ Алексеев В. П., Гохман И. И. Антропология азиатской части СССР. – М., 1984. – С. 69.

⁴ Таскин В. С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. – М.: Наука, 1984. – С. 39–62.

хотя сами черепа были¹. С другой стороны, учитывая декларируемую коллегами однокультурность всего массива памятников подобного типа, можно предположить, что, как и в Монголии², большинство погребенных европеоидны, хотя, согласно А. Д. Цыбиктарову, череп из могильника Улзыт-III был характеризован И. И. Гохманом как монголоидный и схожий с черепами из плиточных могил³. Здесь нет непреодолимых противоречий. Вне всяких сомнений, при довольно значительном перекрывании ареалов друг друга⁴ и, как представляется, длительном (по крайней мере, несколько веков) проживании в соседях население культуры плиточных могил и керексурсов смешивалось как генетически, так и механически. Совместная территория обитания и один образ жизни (кочевой) неизбежно должны были привести к метисации двух рассматриваемых популяций. Действительно, высокая мобильность кочевников, традиционная брачная практика, диктующая брак с представителем не своего родоплеменного образования (напомним хотя бы о сватовстве Тэмуджина⁵, и обычные для степняков вооруженные коллизии из-за пастбищ или угона скота, зачастую заканчивающиеся уводом противной стороны в свои кочевья, способствовали процессам европеизации «плиточников» и монголизации создателей керексурсов.

О реальности отмеченного процесса свидетельствует единственный череп из керексура Худжиртэ⁶. Череп характеризуется противоречивым сочетанием признаков: при сравнительно плоской лицевой части он имеет сильно выступающие носовые кости. По комплексу признаков череп занимает промежуточное положение между европеоидной и монголоидной расами. Как справедливо заметили

авторы, «эти отличия на единичном объекте вполне могут быть индивидуальными особенностями данного черепа»⁷. Однако имеются в наличии 3 черепа из безынвентарных погребений (памятники монгун-тайгинского типа) в Западной Монголии из раскопок В. В. Волкова⁸. Черепа, изученные В. П. Алексеевым⁹, вне всяких сомнений, также относятся к метисированной популяции и, по признанию И. И. Гохмана, обнаруживают «поразительное сходство» с черепом из Худжиртэ¹⁰. Таким образом, создается небольшая серия, по характерным признакам которой можно составить мнение о метисированной части населения, создавшего памятники монгун-тайгинского типа и керексурсов.

Исследователям представляется, что в целом выявившуюся серию можно характеризовать как европеоидную с долей монголоидной примеси, если вообще возможно определить долю примеси другой расы по 4 черепам. Генезис европеоидного населения (керексурсов), по всей вероятности, связан с предшествующими обитателями центральноазиатских степей и европеоидным окружением (имеются в виду европеоидные черепа с территории Монголии, Тувы, Алтая и Хакасии). По мнению авторов последней палеоантропологической сводки центральноазиатских материалов, в эпоху бронзы, «европеоидные черепа из каменных курганов широко распространены в западных районах Монголии и заметно не отличаются от тех европеоидных серий, которые вообще известны в степных районах Евразии как в более ранние эпохи, так и в синхронное время»¹¹. В этой связи особое внимание необходимо обратить на 2 мужских черепа из могильника Шатар-Чулуу. А. Д. Цыбиктаров относит памятник к центральноазиатскому варианту афанасьевской культуры и склонен видеть в этой локальной группе основу формирования культурной общности керексурсов и курганов монгун-тайгинского типа¹². Черепа описаны Д. Тумэн и

¹ Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил... – С. 143–144.

² Алексеев В. П., Гохман И. И., Тумэн Д. Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии (каменный век – эпоха раннего железа) // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск, 1987. – С. 231.

³ Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил... – С. 144.

⁴ Там же, с. 194.

⁵ Сокровенное сказание монголов. – Улан-Удэ, 1990. – С. 20–21.

⁶ Гохман И. И., Влчек Э. Э. Древнее погребение из Худжирта (Центральная Монголия) // Новые коллекции и исследования по антропологии и археологии: сб. МАЭ АН СССР. Т. XLIV. – СПб.: Наука, 1991. – С. 52.

⁷ Там же, с. 53.

⁸ Волков В. В. Бронзовый и ранний железный века Северная Монголия...

⁹ Алексеев В. П. География человеческих рас. – М.: Мысль, 1974.

¹⁰ Гохман И. И., Влчек Э. Э. Древнее погребение... – С. 54.

¹¹ Алексеев В. П., Гохман И. И., Тумэн Д. Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии... – С. 231.

¹² Цыбиктаров А. Д. Культурное и хронологическое со-

Н. Н. Мамоновой¹, затем, вследствие выявившихся несоответствий по некоторым показателям, вновь измерены И. И. Гохманом². Они вне всяких сомнений европеоидны и сходны, если не сказать – идентичны, с черепами из афанасьевских погребений Алтая и Минусинской котловины.

Из полученных данных можно предположить, что в период энеолита произошла миграция афанасьевского (европеоидного) населения на юго-восток, в степи Монголии и, возможно, Забайкалья, давшая толчок метисационным процессам на этой территории. В последующий период здесь проживает смешанное население, в антропологическом составе которого наряду с европеоидами и монголоидами присутствуют метисированные группы. При этом в составе населения культуры керексуров и памятников монгун-тайгинского типа преобладает европеоидный компонент, население же культуры плиточных могил выражено монголоидное.

Таким образом, население эпохи бронзы, скорее всего, произошло от предшественников на территории проживания. Высказанное предположение относится только к части населения околобайкальского пространства, где отчетливо проявляется дуалистический характер этнокультурной ситуации. Здесь сталкиваются 2 мощных потока, культурно и этнически разнородных. По всей вероятности, население культуры плиточных могил и племена, создавшие курганы-керексуры, соперничали между собой. Но в то же время длительность сосуществования, захоронения практически в одних и тех же местах, находка в кургане Улзыт-III погребенного монголоидного облика (в то время как строители керексуров в основном европеоидны) позволяют предполагать наличие элементов этнического и культурного взаимопрото-

нирования. Нельзя забывать и о кочевом образе жизни, объединявшем, как представляется, население обеих культур на индивидуальном, бытовом уровне. По всей вероятности, в конце эпохи бронзы на территории Прибайкалья и Забайкалья сложился своеобразный расово-культурный паритет. Монголоидные «плиточники» и европеоидные носители культуры керексуров были принуждены к сосуществованию общностью территории и невозможностью полного уничтожения друг друга (история имеет примеры именно такого разрешения территориального вопроса).

Итак, на рубеже II и I тысячелетий до н. э. впервые среди кочевников исследуемой территории фиксируются этногенетические контакты между представителями не только разных этносов, но и разных рас. Возможно, именно в рассматриваемый период закладываются первые камни в фундамент центральноазиатской расы.

Заключение

Таким образом, многолетние исследования памятников бронзового века Забайкалья показывают, что южные его части, степные и лесостепные зоны составной частью входили в центральноазиатский историко-культурный регион. Изучение плиточных могил, керексуров, оленных камней, петроглифов, разнообразного подъемного материала со всей очевидностью показывает, что население бронзового века не составляло единого этнокультурного целого, а имело этнические и даже расовые различия. Разнообразные контакты и взаимоотношения между населением керексуров и носителями плиточных могил привели в конце концов к частичной взаимной ассимиляции друг друга, но, несомненно, и к вытеснению населения керексуров в более западные районы Центральной Азии, где оно вошло в состав скифоидных культур Западной Монголии и Саяно-Алтая. Культура плиточных могил в почти не измененном виде сохранила свое доминирующее положение на большей части Монголии и в Южном Забайкалье вплоть до хуннского великодержавия.

Эпохальным явлением изучаемого периода становится перерастание скотоводства, появившегося еще в эпоху энеолита, в подвижные его формы и становление кочевого образа жизни. С переходом к кочевому скотоводству, с накоплением опыта ведения хозяйства на новой основе происходит глубокая адаптация населения к природно-географическим и климатическим условиям центральноазиатских степей.

отношение керексуров и памятников монгун-тайгинского типа Горного Алтая, Тувы, Монголии и Южного Забайкалья // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2004. – С. 47.

¹ Тумэн Д. Палеоантропологический материал монгольского времени из Хархарина // Археологийн судлал. (Studia archaeologicae Instituti Historiae Academiae Scientiarum Reipublicae Populi Mongolici). – Улаанбаатар, 1985. – С. 4; Мамонова Н. Н. Древнее население Ангары и Лены в серовское время по данным палеоантропологии (К вопросу о межгрупповых различиях в эпоху неолита) // Палеоантропология Сибири. – М., 1980. – С. 73.

² Алексеев В. П., Гохман И. И., Тумэн Д. Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии... – С. 210.

Археологические памятники, в первую очередь керексуры и плиточные могилы, свидетельствуют о достаточно сложных мировоззренческих представлениях населения, нашедших отражение в сооружении сложных по конструктивным особенностям монументальных памятников. Различные в принципе конструктивные особенности памятников, как плиточных могил, так и керексуров, существовавших на протяжении сотен лет, позволяют говорить о населении, имевшем прочные культурные традиции, основанные как на общности хозяйственно-экономической базы, так и на устойчивых идейно-религиозных позициях. Это время в целом характеризуется началом широкого применения металла, прежде всего бронзы, из которой изготавливались разнообразные изделия широкого предназначения, и именно бронзолитейное производство дало толчок бурному развитию вооружения и военного дела, стимулировало военную активность кочевников Центральной Азии.

В соответствии с этими новыми явлениями в социальной жизни растет роль воинов и военных вождей в обществе и, вероятно, к эпохе поздней бронзы у населения культуры керексуров появляется традиция изготовления каменных статуарных памятников в виде оленных камней монголо-забайкальского типа в честь наиболее выдающихся военных вождей. Наличие разных типов конструкций погребальных сооружений – плиточных и фигурных могил, погребений дворцового типа, керексуров и курганов монгун-тайгинского типа, вариативность устройства перечисленных памятников и связанных с ними погребальных обрядов свидетельствуют о сложных социальных процессах, происходивших в общественной жизни населения обеих культур бронзового века в Центральной Азии.

В эпоху поздней бронзы, в конце II – начале I тысячелетия до н. э., в этнокультурной ситуации степей Монголии и Южного Забайкалья произошли существенные изменения. В это время образовалась большая контактная зона культур плиточных могил и курганов-керексуров, протянувшаяся на 1300 км с востока на запад и на 600 км с севера на юг. Ее размеры свидетельствуют не об эпизодических проникновениях отдельных групп на соседние территории, а о крупномасштабных миграциях значительных масс населения, о сложении в Монголии и Южном Забайкалье принципиально новой этнокультурной ситуации, связанной с важными

изменениями, происходившими в природной среде, экологической обстановке, палеоэкономике и демографии степного населения.

По палеогеографическим данным, в конце II тысячелетия до н. э., в последней трети или четверти, началась фаза аридизации климата, снизившей продуктивность пастбищ, урожайность посевов и поэтому губительной для обеих отраслей производящего хозяйства. Климатические изменения в совокупности с таким фактором, как наличие избыточного населения, могли стать причиной миграции носителей обеих степных культур в поисках более благоприятных мест обитания. Кочевому скотоводческому хозяйству были необходимы новые пастбищные угодья, поэтому начались встречные крупномасштабные миграции носителей культур плиточных могил и керексуров. Первые продвинулись до Баян-Улэгэйского аймака в Западной Монголии, а вторые – до Восточного аймака и Южной Бурятии.

Таким образом, бронзовый век в целом характеризуется значительным усложнением хода исторических событий в крае, возникновением принципиально новой, по сравнению с предшествующим временем, этнокультурной ситуации.

Происходившие в эпоху бронзы и раннего железа события явились, с одной стороны, закономерным результатом всего предшествующего хода социально-экономического развития древнего населения края, с другой – определенное влияние на ход событий именно в таком направлении оказала складывавшаяся на протяжении рассматриваемого времени природно-климатическая ситуация.

Рассматриваемые ранее остеологические материалы домашних животных, происходящие из памятников «карасукской общности», показывают, что на территории Центральной Азии в эпоху поздней бронзы происходило развитие традиций преимущественно скотоводческого хозяйственного комплекса. Преобладание среди находок в погребениях Минусинской котловины, в могилах культуры плиточных могил, захоронениях дворцовой культуры остатков костей лошадей и овец может свидетельствовать о существовании довольно развитого скотоводческого хозяйства. Преимущественное сочетание в стаде лошадей и овец служит косвенным свидетельством возрастания его подвижности; именно такой состав наиболее оптимален для ведения кочевого хозяйства в течение круглого года. Задавая вопрос о времени возникновения кочевни-

чества, можно отметить, что существует несколько точек зрения на время начала становления подвижных форм хозяйства и формирования кочевого образа жизни, определявшего все стороны жизнедеятельности древнего населения Центральной Азии. Отдельные исследователи считают, что кочевое скотоводство возникло с самого начала появления населения в пределах евразийских степей, т. е. во время существования среднестоговской, древнеямной и афанасьевской культур. Время существования андроновской и срубной культур рядом ученых также считается началом формирования кочевого скотоводства. Однако большинство исследователей считают, что начало кочевого скотоводства происходит в эпоху поздней бронзы – раннего железа, или эпоху ранних кочевников. Одним из существенных аргументов, приводимых сторонниками этой концепции, является появление металлической узды, захоронений человека с конем и формирование элементов культуры, связанной с кочевым образом жизни.

Тем не менее есть ряд факторов, позволяющих говорить о начале появления кочевого скотоводства в Центральной Азии в предшествующее эпохе поздней бронзы и раннего железа время. Экологические условия региона и распространение памятников по всей зоне степей позволяют считать, что население в полной мере освоило эти богатые травами пастбищные пространства. Хотя более ранние охотники и собиратели каменного века были вполне адаптированными обитателями этого региона, все же именно появление и становление производящего хозяйства позволяет перейти от потребления мяса диких животных к использованию обширных пастбищ и употреблению разнообразной мясомолочной продукции скотоводческого хозяйства. Упоминание в иньских источниках XVII–XIII вв. до н. э. северных варваров, ведущих непривычный, с точки зрения оседлых земледельцев, кочевой образ жизни, может свидетельствовать о начале кочевого образа жизни обитателей степей в середине – конце II тысячелетия до н. э.¹ Одним из наиболее важных признаков перехода к кочевому скотоводству и со-

ответствующему образу жизни было использование лошади под верховую езду. По мнению ряда исследователей, такая возможность появляется только с появлением металлических удиц. Однако наличие костей лошади в погребениях позволяет говорить о присутствии лошадей в составе стад древних скотоводов Центральной Азии. Еще более убедительными выглядят остатки жертвоприношений в жертвенно-ритуальных комплексах, возводимых рядом с керексурами. Здесь захоранивались десятки и, возможно (если учесть одновременность всех жертвоприношений), сотни лошадей. Все это дает основание предположить существование в хозяйстве скотоводов бронзового века табунного коневодства. Однако содержание большого количества лошадей, особенно на вольном выпасе, сопряжено с рядом условий и прежде всего с необходимостью подвижности самого пастуха, ведь пешему пастуху было бы чрезвычайно затруднительно производить вольный выпас десятков и сотен животных. В противном случае лошади быстро бы одичали. По всей видимости, верховая езда, вначале как компонент хозяйственной деятельности, возникает, по крайней мере, с эпохи керексуров.

Все приведенные доводы свидетельствуют о том, что подвижный характер скотоводства начинает приобретать во времена существования так называемой карасукской общности. В то же время нельзя отрицать возможность перехода к полукочевому и даже к кочевому скотоводству отдельных групп населения степной Евразии и в более раннее время. Но такие события носили эпизодический, локальный характер, и глобальный переход к кочевому скотоводству и, соответственно, к кочевому образу жизни происходит в евразийских степях, вероятнее всего, в карасукскую эпоху и период поздней бронзы и раннего железа, в скифское время. По крайней мере, имеющиеся на данный момент известные нам материалы позволяют прийти к такой точке зрения. Именно в это время окончательно сложились основные хозяйственные типы, присущие более поздним обитателям центральноазиатских степей, вплоть до этнографического времени, определившие способ взаимодействия со средой обитания всех последующих жителей монгольских и бурятских степей.

¹ Материалы по истории сюнну...

9

глава

Эпоха хунну

В истории Бурятии, как и всего Центральноазиатского региона, эпоха хунну занимает особое место. В это время, как свидетельствуют источники, происходит переоценка роли и значения северных кочевников во внешнеполитических концепциях и военных доктринах китайских империй. Именно с хуннского времени в китайских источниках наряду с крайне неприязненным отношением к варварам-кочевникам находит отражение признание их силой, равной древнекитайским государствам. Постоянная угроза со стороны кочевого мира ставила правителей Китая перед необходимостью изучать своих северных соседей, причины их военной мощи, выяснять не только сильные и прочные, но и уязвимые стороны их жизненных основ, чтобы выработать стратегию поведения во взаимоотношениях с ними для ведения гибкой, выгодной для себя политики.

Записи сведений от различного рода информаторов, сохранившиеся в китайских летописях и исторических сочинениях, служат основой наших знаний о хунну. К сожалению, почти нет сведений о том, как воспринимали существующую действительность сами хунну. Имеющиеся в источниках слова, приписываемые китайскому чиновнику Чжунхан Юэ, перешедшему на сторону хунну, свидетельству-

ют о том, что хотя хунну имели обычаи и традиции, непонятные цивилизованным ханьцам, они обладали обычными человеческими свойствами и никак не могли отождествляться с дикими зверями, какими их часто представляли китайские авторы.

В этой главе рассмотрены основные источники по изучению истории хунну, их происхождение, хозяйственно-экономические основы жизни, социально-политическое устройство хуннского общества, закономерности и специфические особенности развития, причины усложнения кочевого общества и появления институтов ранней государственности у хунну. В рамках истории Бурятии, территориально являющейся северной провинцией Центральноазиатского региона и одновременно северной периферией империи Хунну, предпринята попытка рассмотреть историю забайкальских хунну в контексте общей истории Центральноазиатского региона.

9.1. Источники и историография хунну

В области изучения истории Центральной Азии периода Хуннской империи наука располагает довольно обширной источниковой базой – и письменными, и археологическими данными. Письменные

источники – это в первую очередь китайские династийные хроники, написанные большей частью современниками описываемых событий, иногда с разрывом в 2–3 столетия. Основателем хуннологии по праву можно считать китайского «отца истории» Сыма Цяня, жившего в 145 (?) – 87 гг. до н. э., автора «Исторических записок» (или «Записей историка» – «Ши цзи») – обширного исторического труда, в котором одна глава, 110-я, полностью посвящена хунну (или сюнну). Последователем Сыма Цяня был историк Бань Гу, написавший «Историю старшей династии Хань» – «Цянь Хань шу» в конце I в. н. э. Историком Фань Е в V в. н. э. написана «История младшей династии Хань» – «Хоу Хань шу». Можно также назвать ряд других сочинений последующих времен, в которых нашли свое переложение и комментарии те или иные известия о хунну, но три вышеназванных исторических труда составляют фундамент истории восточноазиатских хунну.

Достоянием европейской науки китайские исторические источники стали в XVIII в., благодаря переводам французских миссионеров, на основе которых профессор Сорбонны де Гинь составил первую сводку истории кочевых народов под названием «История хуннов, тюрков, монголов и прочих восточных татар до и после Рождества Христова» (Париж, 1756–1758). Продолжателями исследований, начатых французской школой кочевниковедения, были такие ученые XIX – начала XX в., как А. Ремюза, Ю. Клапрот, Э. Паркер, де Гроот, Мак-Говерн, О. Мэнчен-Хэлфен и др.

Российская наука о центральноазиатских кочевниках начинается с появления труда Н. Я. Бичурина (о. Иакинфа) «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена»¹ (1851 г.), открывшего целую эпоху русского востоковедения. Большой вклад в азиатское кочевниковедение внесли последующие публикации китайских источников с уточнениями переводов Н. Я. Бичурина Н. В. Кюнером, В. С. Таскиным.

Особо следует сказать о работах В. С. Таскина, предпринявшего новое издание переводов китайских источников по истории сюнну². В двух выпу-

сках под общим названием «Материалы по истории сюнну» собраны основные сведения из китайских источников. Появление такой книги было обусловлено необходимостью местами исправить обнаруженные ошибки в переводах Н. Я. Бичурина, в его «Собрании сведений ...». В предисловии и примечаниях к своему труду В. С. Таскин указывает на конкретные ошибки в переводе Бичурина 110-й главы «Ши цзи» и дает исправленный ее перевод. Кроме того, он значительно дополняет материалы о сюнну переводами жизнеописаний лиц, тесно связанных своей деятельностью с историей этого народа, а в качестве введения дает сжатый исторический обзор его истории. Обширные, насыщенные разнообразными сведениями комментарии существенно увеличили источниковедческую ценность работы.

Продолжателями изучения истории хунну и их потомков, ушедших в Европу гуннов, явилась целая плеяда европейских и российских ученых, перечисление только имен которых занимает длинный ряд. Как известно, возникло целых 4 теории о происхождении хунну и гуннов: монгольская, турецкая, финнская и славянская. Главными представителями монгольской теории являются Г. Паллас, Ф. Бергман, И. Шмидт, И. Бэр, Н. Я. Бичурин, К. Нейман, Х. Хоуорс, отчасти Амьен Тьерри; турецкую теорию представляют А. Ремюза, Ю. Клапрот, Ф. Мюллер, Жирар де Риалль, В. Радлов, Н. Аристов, Ф. Хирт, И. Блейер, В. Панов, Л. Нидерле, Э. Паркер, Ф. Шварц, К. Риттер, Н. Толль. Сторонниками финнской теории были М. Кастрен, Коскинен, Вивьен де Сен-Мартен, Уйфальви, П. Услар. Мнения о славянской принадлежности европейских гуннов придерживались Д. Венелин, А. Вельтман, А. Погодин, Д. Иловайский. Были ученые, считавшие разным происхождение азиатских хунну и европейских гуннов (например, тот же Ю. Клапрот).

Обстоятельный обзор литературы, вышедшей до 1925 г., был сделан русским ученым К. А. Иностранцевым в книге «Хунну и гунны», содержание которой понятно из ее подзаголовка «Разбор теорий о происхождении народа хунну китайских летописей, о происхождении европейских гуннов и о взаимных отношениях этих двух народов»³. Этим замечательным сочинением подытоживается длительный период хуннской историографии, которая базируется исключительно на письменных источниках.

¹ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I–III. – М.-Л., 1950–1953. – Т. I–III.

² Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). – М.: Наука, 1968; То же. Вып. 2, 1973.

³ Иностранцев К. А. Хунну и гунны. – Л., 1926.

В настоящее время эта работа, можно сказать, имеет уже историографический интерес, однако поставленные в ней вопросы о поисках этнических корней гуннов и хунну актуальны и по сей день. Славянская гипотеза изжила себя, чего, пожалуй, нельзя сказать о финнской, но эти две гипотезы относятся к западным гуннам. Что касается восточных, т. е. хунну, то проблема их этнической принадлежности обсуждается, в основном, в рамках двух теорий – монголизма и тюркизма. Однако позднее к ним прибавились еще две другие точки зрения. Э. Пуллиблэнк и А. П. Дульзон выдвинули гипотезу о принадлежности хуннского языка к палеосибирским (через предполагаемое родство хуннского с кетским), а Г. Дерфер пришел к выводу о невозможности отнести язык хунну к какому-либо из ныне существующих языков и высказался за отнесение его к языкам вымершим. Такого же мнения придерживается археолог С.С. Миняев, считающий, что вывод Дерфера будет определять состояние данного вопроса на многие годы вперед¹.

Если использование письменных источников практически почти исчерпало свои возможности в деле извлечения информации о культуре хунну (хотя и появляются новые подходы в осмыслении этого вида источников), то археология сохраняет в себе огромный потенциал.

Археологические памятники хунну впервые были открыты в конце XIX в. в Юго-Западном Забайкалье Ю. Д. Талько-Грынцевичем. Его многолетние исследования явились поистине основополагающим вкладом не только в хуннскую археологию, но в археологию Забайкалья вообще. В 16 местах в междуречье Джиды, Селенги, Чикоя и Хилка им было раскопано около 100 могил «в срубках» и «в гробах». Самые крупные по масштабам раскопки были произведены в местности Суджа (Ильмовая падь) вблизи г. Кяхты и в местности Дэрестуйский Култук на левом берегу Джиды. Открытые Ю. Д. Талько-Грынцевичем могильники составляют подавляющее большинство всех ныне известных памятников хунну в Забайкалье. В одной из своих статей 1905 г. и в итоговой работе 1928 г.² Талько-

Грынцевич сделал попытку классифицировать раскопанные им памятники. Могилы в срубках и гробах он отнес к разным отрезкам времени, не видя между ними никакой связи, причем первые совершенно правильно связал с хунну, а вторые – ошибочно «с кыргызами или тунгусами», что не нашло понимания у последующих исследователей. Позднее выяснилось, что оба типа захоронений принадлежат хунну. Так в прогнозах ученого сказалась его историческая эрудиция антрополога, а в его ошибках – трудности первооткрывателя.

Нельзя сказать, чтобы первые открытия ученого вызвали оживленный отклик и были должным образом оценены в широких научных кругах, знакомых со сложной проблемой «хунну и гуннов». Однако последующие археологические открытия в Монголии – раскопки хуннских курганов в горах Ноин-Уула, произведенные в 1924–1925 гг. экспедицией П. К. Козлова с участием археологов С. А. Теплоухова и Г. И. Боровки³, вызвали огромный интерес к забайкальским памятникам, ввиду замеченного всеми их очевидного родства с монгольскими. В Ноин-Ууле было раскопано 6 больших и 4 малых кургана, напоминающих по внешнему виду могилы в Ильмовой пади. Ноин-уулинские находки вызвали в свое время сенсацию в мировой археологии, демонстрировались на международных выставках в Берлине (1929), Ленинграде (1935) и Лондоне (1937). Кроме предварительных отчетов П. К. Козлова, С. А. Теплоухова и Г. И. Боровки в отечественной и зарубежной печати появилось большое количество научных публикаций, посвященных этим открытиям.

В свете этих сенсаций в Монголии по-новому должны были заговорить забайкальские материалы и, вместе с тем, стала очевидной необходимость пополнения их новыми данными. Поэтому в программе Бурят-Монгольской археологической экспедиции 1928–1929 гг. под руководством Г. П. Сосновского, в задачу которой входило проведение сплошного археологического обследования Бурятии, были предусмотрены исследования и хуннских памятников. Сосновский раскопал 11 могил на самом крупном кладбище хунну в Иль-

¹ Пуллиблэнк Э. Язык сюнну // Зарубежная тюркология. – М., 1986. – С. 29–70; Дульзон А. П. Гунны и кеты // Изв. СО АН СССР. Сер. Общ. науки. – № 11. – Вып. 3. – С. 137–142; Дерфер Г. О языке гуннов // Зарубежная тюркология. – С. 71–134.

² Талько-Грынцевич Ю. Д. Древние аборигены Забайкалья в сравнении с современными инородцами // Труды ТКО-

ПОРГО. Т. 8. – Вып. 1. – М., 1905; Он же. Население древних могил и кладбищ забайкальских. – Верхнеудинск, 1928.

³ Краткие отчеты экспедиций по исследованию северной Монголии в связи с Монголо-тибетской экспедицией П. К. Козлова. – Л., 1925.

мовой пади¹ и положил начало изучению Иволгинского хуннского поселения вблизи г. Улан-Удэ, обнаруженного в 1927 г. местным краеведом В. В. Поповым². В находках из этого поселения Г. П. Сосновским был отмечен ряд бесспорных аналогий с предметами из погребений Ильмовой пади и Ноин-Уулы. «Хотя вещевого комплекса с Иволгинского городища и немногочислен по составу предметов, но все же достаточно характерен для того, чтобы его можно было на основании сравнения с инвентарем гуннских могил в Забайкалье и Северной Монголии отнести к I в. до н. э. – I в. н. э.», – писал он в первой своей публикации об этом памятнике³. Кроме Иволгинского в Забайкалье было известно еще одно поселение – на р. Чикой у с. Дурены, где еще во времена Талько-Грынцевича были произведены первые сборы подъемного материала, а в 1925 г. Г. Ф. Дебецом раскопаны остатки 3 жилищ-землянок⁴. Материалы из Дурен подробнее были рассмотрены Сосновским в статье «О поселении гуннской эпохи в долине р. Чикой»⁵.

Своими раскопками Г. П. Сосновский подтвердил предположения ученых о родстве монгольских и забайкальских памятников и принадлежности их хунну⁶. Собранный материал указывал на ранее неизвестные стороны жизни хунну – оседлость, земледелие, ремесла, строительство и прочее, что, впрочем, нуждалось в более подробном исследовании. Г. П. Сосновскому, к сожалению, не пришлось довести до конца задуманную им сводную работу по хунну. Однако все материалы, накопленные к тому времени, были систематизированы в рукописи «Гуннские памятники Забайкалья»⁷, которая осталась неопубликованной.

¹ Сосновский Г. П. Раскопки в Ильмовой пади // Советская археология. – 1946. – № VIII.

² Попов В. В. Отчет о деятельности Бурят-Монгольского научного общества им. Доржи Банзарова за 1926–1929 гг. – Верхнеудинск, 1929.

³ Сосновский Г. П. Нижне-Иволгинское городище // ПИДО. – 1934. – № 7–8.

⁴ Дебеч Г. Ф. Итоги и задачи доисторической археологии в Западном Забайкалье // Жизнь Бурятии. – 1926. – № 4–6.

⁵ Сосновский Г. П. О поселении гуннской эпохи в долине р. Чикой // Краткие сообщения института истории материальной культуры. Вып. XIV. – 1947. – С. 35–39.

⁶ Сосновский Г. П. Дэрестуйский могильник // ПИДО. – 1935. – № 1–2.

⁷ Архив ЛОИА, ф. 42, д. 219.

Спустя 20 лет после раскопок Г. П. Сосновского, изучение Иволгинского городища было возобновлено в 1949 г. второй Бурят-Монгольской археологической экспедицией, возглавляемой А. П. Окладниковым. Отчеты о двухлетних раскопках на городище появились в местной и центральной печати⁸. Общие сведения и краткие выводы опубликованы в отчетах А. П. Окладникова и использованы им в «Истории Бурят-Монгольской АССР»⁹.

С 1956 г. начались раскопки одноименного могильника, обнаруженного поблизости от городища. В общей сложности исследования Иволгинского городища с могильником – этого уникального археологического комплекса под руководством А. В. Давыдовой продолжались около двух десятков лет. Весь полученный огромный археологический материал был обработан и монографически издан в 2 томах-выпусках¹⁰.

В 50-х гг. XX в., после трех десятков лет перерыва после раскопок ноин-уулинских могил, в Монголии были возобновлены исследования памятников хунну. В 1952 и 1956 гг. сотрудник Комитета наук МНР Х. Пэрлээ обнаружил и обследовал 4 хуннских городища в Центральном, Хэнтэйском и Чойбалсановском аймаках МНР¹¹.

В 1954–1957 гг. Ц. Доржсүрэн велись разведка и раскопки хуннских погребений в Центральном и Архангайском аймаках, исследованы крупные, так называемые царские, или княжеские, курганы и рядовые могилы и «жертвенные места» в Ноин-Ууле и в местности Гол-Мод в долине р. Хуни-гол¹². По результатам исследований монгольских ученых и используя советскую и зарубежную литературу, Ц. Доржсүрэн написал

⁸ Давыдова А. В., Шилов В. П. Предварительный отчет о раскопках Нижне-Иволгинского городища в 1949 г. // Зап. БМНИИ. – 1951. – № XII; 1952. – № XIV.

⁹ История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1. – Улан-Удэ, 1954; Окладников А. П. Археологические исследования в Бурят-Монголии // Изв. АН СССР. – 1951. – Вып. VIII. – № 5; Он же. Работа Бурят-Монгольской археологической экспедиции в 1947–1950 гг. // КСИИМК. – 1952. – № XLV.

¹⁰ Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1. – Иволгинское городище. – СПб., 1995; Т. 2. – Иволгинский могильник. – СПб., 1996.

¹¹ Сэр-Оджав Н. Археологические исследования в МНР // Монгольский археологический сборник. – М., 1962.

¹² Доржсүрэн Ц. Раскопки могил хунну в горах Ноин-Уула и на р. Хуни-гол (1954–1957 гг.) // Там же.

книгу «Умард хунну» (в русском переводе – Северные хунну)¹.

Активизация работы и успехи хуннской археологии в СССР и МНР усилили внимание зарубежных ученых. Предметом постоянного интереса японских археологов служат древности Внутренней Монголии, Маньчжурии и Кореи. В работах С. Умехары и Р. Фудзиты, Н. Эгами и С. Мицуно встречаются предметы, аналогичные находкам из хуннских погребений². С. Умехара по-своему осуществил публикацию материалов Ноин-Уулы, с которыми он ознакомился и получил их фотокопии, будучи в Ленинграде в 1928 и 1930 гг.³ Специальные статьи, посвященные хунну, имеются у Н. Эгами⁴. В 1956 г. в Берлине вышла работа немецкого ученого Фридриха Альтхайма «История гуннов»⁵.

В 1950–1960 гг. крупные монографические работы появились в нашей стране. В книге «Очерки истории гуннов» А. Н. Бернштам представил историю восточных хунну (ч. 1) и западных гуннов (ч. 2), исследовал среднеазиатский этап движения хунну и последствия их завоеваний⁶.

Широкую известность получила книга Л. Н. Гумилева «Хунну»⁷, посвященная становлению и гибели первого государства кочевников Центральной Азии.

В 1962 г. С. И. Руденко осуществлено полное издание материалов раскопок экспедиции П. К. Козлова в Ноин-Ууле, хранящихся в Государственном эрмитаже в Санкт-Петербурге⁸.

С 60-х гг. XX в. изучение археологии хунну с рекогносцировочного обследования хуннских

могильников по следам Ю. Д. Талько-Грынцевича начинает П. Б. Коновалов⁹. Результаты дальнейших раскопок погребальных памятников на территории Бурятии опубликованы им в серии статей и 2 монографиях¹⁰.

В 1970–1980 гг. А. В. Давыдова и С. С. Миняев провели раскопки обширного хуннского поселения возле с. Дурены на левобережье р. Чикой. С. С. Миняев в 1980–1990 гг. осуществил сплошные раскопки Дэрестуйского могильника, а в последующем раскопал царский курган в Цараме, вблизи ст. Наушки¹¹.

В период деятельности монголо-советской историко-культурной экспедиции в 60–80-е годы на территории Монголии исследование хуннских памятников продолжали монгольские археологи Д. Цэвээндорж, Д. Наваан, Н. Сэр-Оджав, Д. Эрдэнэбаатар и др.; в составе этой экспедиции в 80-х гг. принимал участие и П. Б. Коновалов. С конца 90-х гг. и в течение минувшего десятилетия текущего века изучение археологии хунну приобрело широкий размах за счет совместных междунароных (монголо-корейского, французского, немецкого, американского, российского) проектов по исследованию хуннских некрополей в Монголии. Кроме многочисленных статейных публикаций по материалам монгольских авторов укажем монографические труды З. Батсайхана «Хунну» и Ц. Торбата «Курганы рядового населения хунну» (название даем в русском переводе)¹².

Таким образом, как было отмечено нами в начале настоящего обзора, хуннология достаточно хорошо обеспечена письменными источниками, но только на их основе она не в состоянии дать полной и всесторонней характеристики хунну и хуннского феномена. Если в освещении военно-политической

¹ Доржсүрэн Ц. Умард хунну. – Улаанбаатар, 1961.

² Умехара С., Фудзита Р. Обзор древностей культуры Кореи // Тесен кобунка сокан. Т. 1, 1947; Т. 3, 1959 (на яп. яз.).

³ Umehara S. Studies of Noin-Ula in Northern Mongolia // The Togo Bunka publication. Series A. – № 27. – Tokyo. 1960.

⁴ Эгами Н. Древняя культура Севера. Эпоха Фу (Исследования о культуре сюнну) // Кодай хоку-хо бунка. – Токио, 1948 (на яп. яз.); Он же. Экономическая жизнь сюнну // Труды XXV Междунар. конгресса востоковедов. Т. 5. – М., 1963 (на рус. яз.).

⁵ Altheim F. Geschichte der Hunnen. – Berlin, 1959.

⁶ Бернштам А. Н. Очерки истории гуннов. – Л., 1951.

⁷ Гумилев Л. Н. Хунну. Срединная Азия в древние времена. – М., 1960.

⁸ Руденко С. И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. – М.-Л., 1962.

⁹ Коновалов П. Б. По следам Ю. Д. Талько-Грынцевича (археологическая разведка) // Труды БИОН. Сер. Востоковедение. Вып. 12. – Улан-Удэ, 1969.

¹⁰ Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье. – Улан-Удэ, 1976; Он же. Усыпальница хуннского князя в Суджи (Ильмовая падь, Забайкалье). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008.

¹¹ Давыдова А. В., Миняев С. С. Комплекс археологических памятников у села Дурены. – СПб., 2003; Миняев С. С. Дырестуйский могильник. – СПб., 1998; Он же. Элитный комплекс захоронений сюнну в пади Царам // Российская археология. – 2007. – № 1.

¹² Батсайхан З. Хунну (археология, этнография, история). – Улаанбаатар, 2002; Ц. Төрбат. Хуннугийн жирийн иргэдийн булш. – Улаанбаатар, 2004.

истории хунну письменные источники имеют первостепенное значение, то в характеристике социально-экономической жизни, материальной и духовной культуры, в этнических и культурогенетических реконструкциях ведущую роль играют археологические источники.

Археология значительно обогатила и продвинула вперед хуннологию, как и все кочевниковедение Центральной Азии, но надо признать, что и она не способствовала однозначному решению этнических аспектов истории и культуры хунну. Первооткрыватель археологических памятников хунну Ю. Д. Талько-Грынцевич в конце XIX – начале XX в. предполагал их принадлежность к тюркским племенам, но это не было основано на каких-то этноопределяющих вещественных материалах, а исходило из знакомства с известными к тому времени гипотезами, в пользу одной из которых автор и высказался¹. В дальнейшем археология намного обогатила наши знания о хунну, выявив неожиданно богатую ископаемую культуру – скотоводческую в своей основе, но и с хорошо выраженными поселенческими комплексами – ремесленным производством, обработкой металлов, кости, камня, дерева, с большим количеством импортных вещей – показателем активных внешних связей, с богатым изобразительным искусством, столь же самобытным, сколь вобравшим в себя черты широкого круга культур скифо-сибирского и дальневосточного ареалов.

В целом археологическая культура хунну на территории Монголии и Забайкалья периода Хуннской империи воспринимается как монолитная и оригинальная, в основном отличная как от предшествующих, так и от последующих культур и памятников на данной территории, что на первый взгляд, по суммарной оценке, не позволяло исследователям легко видеть и решать вопросы ее генетических связей и исторического наследия в местных культурах. Но в ходе накопления материалов, с выявлением новых памятников и культур на территории Южной Сибири, Забайкалья и Монголии становится возможным обнаружить, с одной стороны, элементы генезиса хуннского археологического комплекса в предшествующих культурах, с другой – элементы

хуннского наследия в последующих культурах эпохи средневековья.

Подлинные же, изначальные, генетические связи и истоки формирования хунну стали проявляться примерно за последние два десятилетия по археологическим данным с территории Китая, кстати в полном согласии с представлениями, основанными на письменных источниках. В историко-культурной интерпретации накопленных в Китае материалов наряду с китайскими активно участвуют и российские археологи, что будет показано далее.

В литературе неоднократно затрагивался вопрос если не о генетических связях, то, во всяком случае, об общих элементах в культуре хунну, с одной стороны, и в культуре плиточных могил Центральной Азии – с другой. Безусловно, он требует более тщательного исследования, и чрезвычайно актуальным становится изучение этнокультурного соотношения археологических комплексов дохуннской эпохи севера и юга Центральной Азии.

В заключение следует обозначить еще одну проблему в изучении хунну. Понятие «этническая принадлежность» в отношении к хунну неоднозначно. Представление о цельности культур вступает в противоречие с распространенным мнением о полиэтническом характере хуннского государственного образования. Как показано выше на догосударственном, или протохуннском, этапе культура формировалась на полигенной основе, но в дальнейшем нам придется столкнуться и с гетерогенным характером хуннского археологического комплекса имперского периода на территории Монголии и Бурятии, решать проблему этнокультурной идентификации хунну и их исторических преемников, проблему этнического аспекта истории и культуры хунну.

9.2. Происхождение и ранняя история хунну

По китайским письменным источникам издавна сложилось представление об ордосской прародине хунну, расширительно понимаемой как территория на северном пограничье древнекитайских царств. Появление археологических данных внесло некоторые коррективы в прежние представления и усложнило проблему происхождения хунну. Археологические материалы, используемые для построения концепций об истоках хуннского этногенеза, в основном происходят из раскопанных могильников,

¹ Талько-Грынцевич Ю. Д. Древние обитатели Забайкалья в сравнении с современными инородцами // Труды ТКОПОРГО. 1905–1906. – Т. 8. – Вып. 1. – СПб. – С. 32–47; Он же. Население древних могил и кладбищ забайкальских. – Верхнеудинск, 1928.

расположенных в Ордосе, к востоку от излучины Хуанхэ и на юго-западе Маньчжурии. Путем корреляции этих памятников с известиями письменных источников о различных этнических группах, расселенных на пограничье с древнекитайскими царствами, предпринимаются попытки выделить памятники, которые можно связывать с формированием хунну. Проводимые в этом направлении китайскими учеными (Тянь Гуаньцзинь, У Энъ, Чжун Кань, Ли Цзиньзэн, Тянь Цзынмин, Го Сусинь, Цзинь Фэньи и др.) исследования инициируют попытки многих ученых, в т. ч. российских, выработать концепции этногенеза создателей степной империи, краткое изложение которых приводится ниже.

Тянь Гуаньцзинь предложил расширить хронологические рамки культуры сюнну, отнеся археологические материалы с территории Китая доханьского времени к культуре ранних сюнну, до создания державы Модэ. Это, по его мнению, так называемая ордосская бронзовая культура (или культура ордосских бронз), которая складывается приблизительно с XIII в. до н. э., в эпоху Шан, и достигает своего расцвета к XII–VI вв. до н. э., в эпоху Чжоу. Тянь Гуаньцзинь полагает, что названная культура соответствует районам обитания племен гуйфан (эпохи Шан), сяньюнь (эпохи Западной Чжоу) и ди (эпохи Чуньцю), являющихся одними и теми же этносами – предками сюнну¹. Классические образцы ордосских бронз – оружие и украшения в зверином стиле – он рассматривает в качестве характерных произведений сюннуского искусства. «Ключевым пунктом хуннской археологии» считает он и погребения из Таохунбала, Маоцингоу, Хулусытая, Юйлунтая, Алучжайдэна, Сигоупаня, Сюцзигоу и других мест автономного района Внутренняя Монголия и прилегающих провинций КНР.

Другой китайский археолог, У Энъ², хотя и не решается прямолинейно называть перечисленные могильники сюннускими, но пишет, что в них можно обнаружить истоки формирования классической хуннской культуры, поскольку «вне всяких сомнений обитавшие на севере Китая линьху, лоуфань и

другие племена периодов Чуньцю – Чжаньго вошли в состав хуннского племенного союза». Взяв на заметку замечание У. Энъ о вхождении в состав сюнну северокитайских племен, обратимся к взглядам российских ученых.

Среди российских исследователей, занимавшихся выявлением протосюннуской культуры, следует назвать Л. Н. Гумилева, С. С. Миняева, А. А. Ковалева, А. В. Варенова, С. А. Комиссарова, Н. В. Полосьмак, Ю. А. Заднепровского, С. В. Алкина и одного из авторов настоящей главы – П. Б. Коновалова. Исследования китайских и российских ученых базируются на одних и тех же материалах, и решающую роль в выработке концепций, которые приведут к какому-то удовлетворительному решению, сыграют, как нам кажется, не столько попытки скрупулезно разложить письменные и археологические данные и атрибутировать их строго по племенной принадлежности, сколько выбор верной методологии исторического осмысления и наличие научной интуиции.

Л. Н. Гумилев еще до появления археологических материалов из погребальных памятников Китая на основе анализа летописных источников китайской историографии изложил свое видение проблемы происхождения хунну и их появления в степях Халха-Монголии. Оно выглядело так. Согласно китайской историографической традиции, еще со времен полубогородной династии Ся (III тыс. до н. э.) на западе и севере от древних китайцев жили племена жун, ди, ху, хуньюй, хяньюнь и др., последние из которых были обитателями сухих степей по южную сторону Гоби. С ними смешались китайские эмигранты, пришедшие с Шун Взем – сыном последнего правителя низвергнутой династии Ся, и образовался прахуннский этнический субстрат (XVI в. до н. э.), который стал хуннским лишь в следующую эпоху (Чжоускую), когда прахунну пересекли песчаную пустыню и на равнинах Халхи произошло новое скрещивание, в результате чего возникли исторические хунну.

Что это за переход через пустыню? При возникновении Чжоуского государства (XII–XI вв. до н. э.) под натиском китайцев совершился переход южных кочевников через пустыню Гоби, и последние освоили обе ее стороны. Археологическим свидетельством этой миграции является, по мнению Л. Н. Гумилева, культура плиточных могил Монголии и Забайкалья, которую он рассматривал как ранний этап самостоятельной хуннской культуры.

¹ Тянь Гуаньцзинь. Цзиньняньлай нэймэнгу дицзюйдэ сюнну каогу. – Археологические исследования хунну в районе Внутренняя Монголия за последние годы // Каогу сюэбао. – 1983. – № 1. – С. 19.

² У Энъ. Лунь сюнну каогу яньцзючжундэ цзигэ вэньти // Каогу сюэбао. – 1990. – № 4. – С. 422.

Точка зрения Гумилева на генезис культуры хунну инициирует нас рассмотреть проблему соотношения и корреляции археологических комплексов, оставленных населением так называемого карасукско-скифского периода (XII–VIII–IV вв. до н. э.) севера и юга Центральной Азии. В настоящее время на этот счет существуют следующие взгляды. Во-первых, к северу от Гоби некоторым российским исследователям видится прахуннская культура плиточных могил, которую ряд ученых отождествляют с культурой дунху (Ларичев, Комиссаров, Коновалов). Во-вторых, по южную сторону Гоби отдельные китайские исследователи видят протосюннскую культуру ордосских бронз, происходящих, как теперь выясняется, из своеобразных погребальных комплексов чжоуского (по китайской периодизации) или карасукского и скифского (по сибирско-центральноазиатской шкале) периодов, а большинство российских ученых трактуют их как культуры «скифского круга». Гипотезы о культурах севера Центральной Азии, в частности о населении культуры плиточных могил, как представляется, этнически родственном хунну, очень важны, нуждаются в дальнейшей разработке и тщательном исследовании. Впрочем, в таком же аспекте требуется разработка проблемы соотношения культуры курганов-керексуров и культуры хунну. Проблема же южных археологических комплексов, т. е. погребальных памятников варварской периферии Северного Китая в совокупности с ордосскими бронзами, кажется менее сложной (ввиду наличия большого количества материалов, сопоставимых с хуннскими), решению которой в последние годы уделили внимание некоторые отечественные исследователи.

С. С. Миняев при первом знакомстве с материалами ордосских погребений в Таохунбала, Гунсухао, Ваньгун пришел к выводу, что население скифского времени, оставившее эти могильники, вошло в племенной союз хунну и составило его основу¹. Однако впоследствии в поисках «этнического ядра хунну» он обратился к памятникам юга Маньчжурии – таким, как Сяцзядянь (погребения «культуры верхнего слоя»), Наньшаньгэнь, Дуннаньгоу и др. скифского времени VIII–IV вв. до н. э., обладаю-

щим, по его мнению, теми признаками, которые в II–I вв. до н. э. – I в. н. э. проявляются в могилах рядового населения сюнну Монголии и Забайкалья: небольшая каменная надмогильная кладка на поверхности, деревянные гробы в неглубокой яме, вытянутое на спине тело погребенного, бронзовые зооморфные бляшки, пуговицы, колокольчики, поясные пластины с изображениями сцен охоты. С. С. Миняев делает заключение, что именно в этом районе, в лесостепных долинах Ляохэ и Ляохахэ, сформировалось ядро племенного союза сюнну, откуда его влияние распространилось на обширные территории азиатских степей². Позже С. С. Миняев изменил свое мнение, пришел к отказу от прежнего взгляда о причастности к сюнну ордосских могильников и высказался против «ордосской гипотезы происхождения сюнну» Тянь Гуаньцин³. Вместо нее Миняев предложил новую – о существовании в южных районах Центральной Азии накануне сюннских завоеваний иной культурной общности скифского облика, одним из признаков которой он считает обычай захоронения в грунтовых могилах в виде ямы с подбоем⁴.

Особая точка зрения на истоки хуннского погребального комплекса высказана Н. В. Полосьмак⁵. Находя в погребениях Таохунбала, Маоцингоу, Даодуньцзы ряд сакских черт и ближайшие аналогии им в могильнике на северо-западе Алтая (V–III до н. э.), она пришла к выводу, что данный могильник можно считать промежуточным звеном на пути миграции на восток населения тасмолинской культуры (IX–VII вв. до н. э.) Центрального Казахстана.

Точка зрения Н. В. Полосьмак нашла поддержку у Ю. А. Заднепровского⁶, предположившего, что

² Миняев С. С. Исчезнувшие народы. Сюнну. – Природа. – 1986. – № 4. – С. 42–53; Миняев С. С. Происхождение сюнну: современное состояние проблемы // Проблемы археологии степной Евразии: Тез. докл. конф. Ч. 2. – Кемерово. 1987. – С. 142–145.

³ Миняев С. С. О дате появления сюнну в Ордосе // Проблемы хронологии в археологии и истории. – Барнаул, 1991. – С. 108–120.

⁴ XX конференция «Общество и государство в Китае». – М., 1989.

⁵ Полосьмак Н. В. Некоторые аналоги погребениям в могильнике у дер. Даодуньцзы и проблема происхождения сюннской культуры // Китай в эпоху древности. – Новосибирск, 1990. – С. 101–107.

⁶ Заднепровский Ю. А. Происхождение и этническая атрибуция срубных могил периода II в. до н. э. – II в. н. э. в

¹ Миняев С. С. Культуры скифского времени Центральной Азии и сложение племенного союза сюнну // Тез. докл. Всесоюз. конф. «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства». – Кемерово, 1979. – С. 75–76.

генезис срубных могил сюнну можно проследить от погребальных сооружений Саяно-Алтая, Тувы VIII–III вв. до н. э. (Аржан, Саглы, Пазырык), саков Семиречья V–III вв. до н. э. до срубных могил Наннана (II в. до н. э. – II в. н. э.) вблизи Пхеньяна в Северной Корее. Таков, по мнению этого автора, ареал распространения культуры скифских (читай: сакских) племен и ее воздействия на культурогенез не только сюнну, но и сяньби.

В связи с этим отметим совершенно обратное видение исторических процессов К. А. Акишевым, который в тасмолинской культуре усматривал «необычные» для сакского мира черты и предполагал возможное проникновение в Казахстан с востока протосюннских этнических групп¹.

Между изложенными полярными точками зрения на происхождение ранних сюнну лежат взгляды китайских и некоторых российских ученых, упомянутых выше. С мнениями Тянь Гуаньцзиня, У Эня солидарен С. А. Комиссаров², который поддерживает постановку вопроса китайских ученых о глубоких корнях сюннуской культуры, уходящих в ордосскую культуру бронзового века. Он ссылается на Тянь Гуаньцзиня³, полагающего, что культура ордосских бронз соответствует районам обитания племен гуйфан, сяньюнь и белых ди, относящихся к предкам сюнну. Опирается он и на вывод Ван Говэя о том, что племенные названия гуйфан, хуньи, сяньюнь, жун, ди и ху обозначали один и тот же народ, вошедший в историю позднее под именем сюнну⁴.

Однако механизмы трансформации ордосской бронзовой культуры в сюннускую раннежелезную и этнической идентификации вышеназванных племен оставались и во многом остаются неясными по сей день, составляя одну из важных проблем хунно-

логии. Не зря Сыма Цянь заметил, что невозможно создать цельную и стройную картину предыстории сюнну. Тем не менее «отец истории» Китая имел обобщенный взгляд на эту проблему, отмечая, что «более ранние народы, населявшие территорию Монголии и известные в китайских летописях под названиями жун и ди, являются прямыми предками сюнну»⁵. Воззрения Сыма Цяня безоговорочно были приняты в последующем китайской историографической школой. Танский комментатор Сыма Чжень считал, что сюнну до легендарных императоров Тана и Юя назывались шаньжун, при династии Ся носили название шуньвэй, при династии Инь – гуйфан, при династии Чжоу – сяньюнь, при династии Хань – сюнну. Такого же взгляда придерживались и более ранние комментаторы Ин Шао Цзинь и Шао Вэй Чжао⁶. Но если утверждения старых китайских историков не подкреплены какими-либо аргументами, то в трудах Ван Говэя нового времени этот вопрос получил разработку на основе анализа надписей на бронзе, структуры иероглифики, а также посредством фонетических изысканий и сопоставления полученных данных с материалами различных источников. В результате теория Ван Говэя нашла сторонников среди большинства китайских историков⁷.

Что касается современной русскоязычной литературы, то в ней наблюдается некоторая путаница в использовании переводных китайских этнических терминов. Например, бывает неясно, одно и то же или это разные названия: хуньи ~ хуньюй ~ хуньюнь ~ хяньюнь, сяньюнь ~ сяньюй ~ сюньюй ~ сюньюнь, лэуфань ~ лоуфань ~ люйфан. И основная задача кочевниковедов в целом и хуннологов в частности – привлечь китаистов для детального разбора транскрипций этнонимов, пояснять или устранять разночтения для внесения ясности в этническую номенклатуру древнекитайских исторических хроник. Иначе все исторические реконструкции, построенные на предположении о том, что разночтения типа хуньи ~ хуньюй ~ хуньюнь производны от термина ху, который, возможно, является иероглифической передачей монгольского слова хун (человек), теряют смысл. Можно ли довериться переводу тем же Ван Говэем этнонима *ди* как «дальние», а *жун* как «оружие, завоеватель»

Северной Корее // Известия СО РАН. Сер. История, филология и философия. Вып. 1. – С. 53–61.

¹ Акишев К. А. Саки среднеазиатские и скифы европейские (общее и особенное в культуре) // Археологические исследования в Казахстане. – Алма-Ата, 1973. – С. 57.

² Комиссаров С. А. Комплекс вооружения Древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. – Новосибирск, 1988. – С. 100–102.

³ Тянь Гуаньцзинь. Цзиньняньлай нэймэнгу дицзюй-дэ сюнну каогу. – Археологические исследования хунну в районе Внутренняя Монголия за последние годы // Каогу сюэбао. – 1983. – № 1. – С. 19.

⁴ Материалы по истории сюнну (по китайским источникам) / предисл., пер. и прим. В. С. Таскина. – М., 1968. – С. 10.

⁵ Материалы по истории сюнну... – С. 10.

⁶ Там же.

⁷ Там же, с. 9–10.

(перевод этих терминов мы заимствовали из труда монгольского историка Г. Сухбаатара¹).

Взять за основу исследования ранних этнических комбинаций на севере Китая основные этнонимы – ху, жун и ди, от которых происходят такие названия, как хунну, дунху, жун-ди и др., склоняет нас следующее указание Н. Я. Бичурина: «Древняя китайская история когда слова *жун* и *ху* придает к племенам, обитавшим на севере Китая, то разумет одних монголов; а когда применяет сии названия к народам на западе Китая, то под словом *жун* разумет хухэносских тангутов, а под словом *ху* разумет племена тюркского и персидского семейства»². Подобный взгляд древнекитайской историографии позволяет нам предположить, что на пространствах к северу и западу от древних китайцев обитали и взаимодействовали между собой три главные этнические группировки – ху, жун и ди. В свете такого обобщения письменных источников обратимся еще раз к археологическим материалам.

В ряде памятников на территории Ордоса и прилегающих районов Внутренней Монголии С. А. Комиссаров видит такие этапы развития сюннуского погребального комплекса: к ранним относит Таохунбала и Маоцингоу (VII–VI вв. до н. э.), к поздним – Хулусытай, Сигоупань, Алучжайдэн, Юйлунтай, Суцзигоу и др. (синхронные с памятниками хунну Забайкалья и Монголии)³.

Что касается памятников «верхнего слоя Сяцзянянь», то С. А. Комиссаров, как и большинство китайских исследователей, относит их к племенам дунху – предкам монгольских народов⁴. Сходство же между погребениями рядовых сюнну имперского периода и могилами «верхнесяцзяняньской» культуры, давшее основание С. С. Миняеву связать их генетическим единством, С. А. Комиссаров склонен объяснять «принадлежностью к одному культурно-хозяйственному типу и взаимными контактами, не исключая также и того, что отдельные дунхуские группы приняли непосредственное участие в формировании сюннуского союза»⁵.

Идеи более глубоких автохтонных в ареале Северного Китая и Внутренней Монголии корней сюннуской культуры высказаны и другими исследователями. В комментарии к материалам могильника Даодуньцзы, опубликованным китайскими археологами У Энь, Чжун Кань и Ли Цзиньцзэн (1990), В. Е. Ларичевым был дан краткий и емкий анализ основных черт этого могильника и выражено мнение относительно его генезиса. Ларичев отмечал, что «ниши с сосудами в торцовых стенках могил встречаются на некоторых памятниках культуры нижнего слоя Сяцзянянь, распространенного на стыке провинций Хэбэй и Ляонин в I-й половине II тысячелетия до н. э. Захоронения в подбоях и катакомбах характерны для разных культур западнокитайских провинций Ганьсу и Цинхай, начиная еще с неолита. Прорезные колокольчики, относящиеся к концу II – началу I тысячелетия до н. э., найдены в провинциях Шэньси и Шаньси, непрорезные – ко I тысячелетию до н. э. в Хэнани»⁶.

С. В. Алкин (1990) в этом плане указал на конкретные данные из китайской археологической литературы, а именно на большое количество погребений в ямах с подбоем в среднем и верхнем течении Хуанхэ в границах Ганьсу – Цинхай, самые ранние из которых относятся к неолитической культуре Мацзяю (типы Баньшань и Мачан), затем – к культуре палеометалла Цицзя (во II тысячелетии до н. э.), к культуре эпохи бронзы в Хэси (могильник Хошаогоу). Подобные захоронения известны также в локальных культурах Синьдянь в Ганьсу (конец II тысячелетия до н. э. – VII в. до н. э.), Цзяюэ в восточных районах провинции Цинхай (XIII–XI вв. до н. э.), Шацзин в провинции Цинхай и коридоре Хэси (XII–VI вв. до н. э.), а также в памятниках предчжоуской и чжоуской культур в провинции Шэньси (Люцзяцунь, Фэнси). В этих памятниках С. В. Алкин видит «некую археологическую общность», таксономию которой следует выявлять, однако он склонен считать, что культура палеометалла района Ганьсу – Цинхай была той средой, где происходило формирование сюннуского этноса⁷.

¹ Сухбаатар Г. Монголчуудын эртний овог. – Улаанбаатар, 1980. – С. 155.

² Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. 1. – С. 44.

³ Комиссаров С. А. Комплекс вооружения Древнего Китая. Эпоха поздней бронзы. – Новосибирск, 1988. – С. 100.

⁴ Там же, с. 88.

⁵ Там же, с. 89.

⁶ Ларичев В. Е. Предисловие // Китай в эпоху древности. – Новосибирск, 1990. – С. 7; У Энь, Чжун Кань и Ли Цзиньцзэн. Могильник сюнну... – С. 101.

⁷ Алкин С. В. Погребения с подбоем в Центральной Азии // Палеоэтнология Сибири: тез. докл. XXV РАСК. – Иркутск, 1990. – С. 68–70.

А. В. Варенов (1995, 1995а) в полемике с Н. В. Полосьмак внимательно проанализировал материалы погребальных комплексов Даодуньцзы, Таохунбала и Маоцингоу и пришел к выводу, что отдельные элементы погребального обряда восходят к более древним культурам того же региона. В качестве же ближайшего по территории и по времени предшественника подобных захоронений Даодуньцзы с аналогичным погребальным обрядом в подбоях, с черепами домашних животных, принесенных в жертву, А. В. Варенов указывает на могильник Янлан в Нинся-Хуэйском автономном районе, который признается китайскими исследователями памятником жунов¹.

О керамике из вышеупомянутых могильников исследователями замечено следующее. Керамика из Маоцингоу неоднородна, ее меньшая часть сходна, по мнению Н. В. Полосьмак (1990), с керамикой саков, остальная – с сюннуской из Даодуньцзы. Кроме того, керамика «типа сакской» представлена в могильнике Таохунбала (VI–V вв. до н. э.), такая же керамика обнаружена и в могильнике Янлан (V–III вв. до н. э.). Но это обстоятельство, как показал Варенов, не дает основания говорить о происхождении сюннуской керамики от сакской, как это делает Полосьмак на основе данных из Маоцингоу и Даодуньцзы. Керамика «сакского» облика оказывается характерной для разнотипных памятников скифского времени Северного Китая, Северо-Западного Алтая (могильник Сибирка, Кара-Кобинская культура) и сакской культуры Средней Азии. Но «гладкостенные горшковидные сосуды с наклепными ручками», характерные для сакской керамики², встречаются в различных культурах Северного и Северо-Западного Китая уже в эпоху бронзы. И вполне резонно в этой связи заключение А. В. Варенова о том, что вряд ли можно говорить о заимствовании «сакских» черт в керамике северокитайских культур раннего железного века, скорее речь идет об «обширной культурно-исторической области, охватывавшей Северный Китай и Центральную Азию, крайней северо-западной периферией

которой и является Алтай³. Это первое. Во-вторых, здесь важно следующее: китайские исследователи Сю Чэн и Ли Цзиньцзэн считают могильник Янлан принадлежащим жунам, в то время как могильник Маоцингоу они относят к ди. Тянь Гуаньцзинь также относит ранние погребения Маоцингоу к племенам ди, поздние он относит к лоуфаням, а могильник Таохунбала – к культуре протосюнну⁴.

В погребальных обрядах могильника Маоцингоу наблюдается (по публикациям Варенова⁵) любопытное явление: если в ранней группе могил (V–IV вв. до н. э.) скелеты лежат головой на восток (как в Сяцзядяне), то в поздних могилах (конца III в. до н. э.) они ориентированы на север, как у хунну Монголии и Забайкалья.

Таким образом, из анализа работ китайских и российских ученых можно получить представление о вероятном пути формирования археологического комплекса ранних хунну. Материалы свидетельствуют о том, что он аккумулировал в себе разные традиции погребальных сооружений и обрядов, которые те или иные исследователи относят то к сакам, то к жунам, то к ди, то к ху (дунху). Такая разность сопоставлений, по-видимому, вовсе не случайна и позволяет нам предполагать участие в генезисе хунну если не всех, то большинства названных компонентов, а именно – ху, жун и ди.

Заслуживает особого внимания соотнесение рядовых могил хунну Забайкалья и Монголии с погребениями «культуры верхнего слоя Сяцзядянь», принадлежащими, по мнению многих, племенам дунху, часть которых, по С. А. Комиссарову, могла принять участие в формировании хунну, а по С. С. Миняеву – это были сами хунну, ядро их племенного союза⁶. В этой связи большой интерес представляют выделенные китайским исследователем Цзинь Фэньи в особую группу памятников могильник Юйхуанмяо и другие, подобные ему, находящиеся в горных массивах к северу от Пекина и, предположительно, связываемые с известными по китайским источникам шаньжунами. Могилы Юйхуанмяо, датируемые

¹ Варенов А. В. Скифские памятники Алтая, Ордоса и происхождение сюннуской культуры // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая: тез. науч.-практ. конф. – Барнаул, 1995. – С. 125.

² Полосьмак Н. В. Некоторые аналоги погребениям... – С. 104.

³ Варенов А. В. Древнее население Алтая и происхождение сюнну // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур: тез. докл. междунар. конф. – Новосибирск, 1995. – С. 15.

⁴ Там же, с. 14.

⁵ Там же, с. 124.

⁶ Миняев С. С. Исчезнувшие народы ... – С. 42–53; Он же. Происхождение сюнну... – С. 142–145.

VIII–V вв. до н. э., судя по кратким сведениям, приведенным С. А. Комиссаровым¹, характеризуются чертами как раннесюннских Ордоса, так и верхнесянцзянских юга Маньчжурии, обладая в то же время значительным своеобразием, заставившим исследователя (Цзиня Фэньи) отнести их к особому археологическому комплексу. Это обстоятельство археологического плана вполне согласуется, на наш взгляд, с трактовкой китайской историографической традиции, согласно которой шаньжуны (горные жуны), в отличие от сижунунов (прототибетцев), рассматриваются как этнически родственные то дунху, то хунну.

Китайские исследователи указывают, что до раскопок могильника Даодуньцзы они не представляли себе специфику сюннуской культуры на территории Китая эпохи Хань, им было трудно различать культурные остатки сюнну и сяньбийцев. Раскопки Даодуньцзы помогли решить эту проблему. Выявленные здесь материалы, по их мнению, не отличаются от зафиксированных в сюннских погребениях Монголии и Забайкалья, но отличаются от материалов сяньбийских могил в ряде мест Внутренней Монголии, Хэйлуцзяна и Гирина². Иного мнения на этот счет придерживается В. Е. Ларичев: «Что касается проблемы различий между сюннскими и сяньбийскими памятниками, то, например, в могильнике Ваньгун, который У Энь и его соавторы считают сяньбийским, найдено большое количество черепов животных, а также прорезные колокольчики, ажурные поясные пластины со шпеньками, ложечковидные застёжки, концевые костяные накладки на лук и стрелы (т. е. как раз тот инвентарь, который обычно связывают с сюнну)»³. В Даодуньцзы же он усматривает две неравные по количеству группы могил, из которых более многочисленная в ямах с «вертикальными стенами и нишей для помещения сосудов» сопоставима с сяньбийскими, другую группу могил в ямах «с подбоем и катакомбой» считает нехарактерной для сюнну и, вероятно, представляющей иноэтничный, субстратный компонент в едином погребальном комплексе сюнну в Даодуньцзы⁴.

¹ Комиссаров С. А. Археологические памятники шаньжунов // Петр Алексеевич Кропоткин – гуманист, ученый, революционер: тез. рос. науч. конф. – Чита, 1992. – С. 95–96.

² У Энь, Чжун Кань, Ли Цзиньцзэн. Могильник сюнну... – С. 101.

³ Ларичев В. Е. Предисловие // Китай в эпоху древности... – С. 7.

⁴ Там же.

Что касается материалов из раскопок в Забайкалье и Монголии, то, с нашей точки зрения, можно утверждать, что хуннский погребальный комплекс эпохи великодержавия хунну на этих территориях содержит в себе в том или ином сочетании почти все элементы конструкций вышеприведенных могил Северного Китая, Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии, равно как и элементы погребальных обрядов и сопроводительного инвентаря.

Вышеизложенная археологическая ситуация не противоречит имеющимся палеоантропологическим данным по хунну, хотя последние относятся к хуннскому населению имперского периода, а не периода исхода и формирования хунну и характеризуют антропологическую ситуацию на севере Центральной Азии, без учета ситуации на юге (в этом состоит некоторая проблематичность в трактовке этногенеза хунну).

Начало антропологическому изучению хунну было положено Ю. Д. Талько-Грынцевичем, продолжено Г. Ф. Дебецем, Н. Н. Мамоновой, И. И. Гохманом и А. И. Бураевым. По сводке всех данных, сделанной последним из названных авторов, исследователи констатировали монголоидность хунну, не исключая наличия небольшой европеоидной примеси, поначалу связываемой с неолитическим населением Прибайкалья. Особое внимание антропологов привлекала мезокrania (среднеголовость) хуннской серии, резко выделяющая их на фоне брахикранного (короткоголового) населения региона. Исходя из этого факта, Дебец предположил, что хунну Забайкалья не являются прямыми потомками предшествующего населения, имея в виду брахикранное население эпохи неолита и черепа из керексурсов⁵. И. И. Гохман, подтвердив вывод Дебеца, все же усомнился в приходе хунну с другой территории⁶. К этому времени в его распоряжении находился значительно больший по численности материал, расширилась география находок. В работе 1977 г. автор указывал: «Любой способ внутригруппового анализа серии хунну Забайкалья показывает наличие в ней морфологически противоположных вариантов. Но наряду с ними имеются и совершенно европео-

⁵ Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – С. 123.

⁶ Гохман И. И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. Т. 36. – Л.: Наука, 1980. – С. 29.

идные черепа с резко профилированным лицом, высоким переносьем, сильно выступающими носовыми костями». Новые данные позволили Гохману предположить, что один из компонентов, входящий в состав хунну, происходит от населения плиточных могил. Другой, европеоидный, – от западных соседей, однако и этим не исчерпывается антропологический состав хуннской серии¹. В фундаментальной монографии «Антропология азиатской части СССР» В. П. Алексеев и И. И. Гохман предложили версию о происхождении европеоидной составляющей в хуннской серии: «Что касается европеоидной примеси в составе гуннов, то она могла появиться либо в результате западных контактов непосредственно в скифскую или гуннскую эпоху, либо быть унаследованной от неолитического населения Прибайкалья». В этой же работе они указывали и на возможность небольшой примеси дальневосточной расы в антропологическом составе хунну².

По мнению А. И. Бураева, современный анализ материала позволяет сделать вывод о синхронном существовании различных расовых типов на территории Байкальского региона в хуннское время. По всей видимости, европеоидное и монголоидное население региона активно контактировало на всем протяжении I тысячелетия до н. э. и в первые века н. э. При достаточно давнем смешении указанных элементов, к рубежу эр, без новых вливаний европеоидного контингента антропологическая картина была бы иной. Потомки населения культуры плиточных могил, вероятно, сохранили свое присутствие на территории Байкальского региона и в хуннское время. Что касается европеоидного компонента в хуннской серии, то пока нет достаточных данных для определения его происхождения. Наиболее адекватным представляется вариант генетической преемственности от населения культуры керексуров, но настаивать на таком утверждении преждевременно. С большой долей вероятности можно предположить, что юг Забайкалья входил в зону активного проникновения европеоидов с запада и монголоидов с востока. Два отличающихся в расовом и этническом отношении потока вступа-

ли в различные формы взаимодействия (от воинствующего антагонизма до создания объединенных военно-политических образований), смешиваясь между собой и с «местным» населением, представлявшим уже метисированную в той или иной степени популяцию, состоящую из потомков носителей культур плиточных могил и керексуров.

Наконец, существует и еще один подход к этногенезу хунну, где наряду с археологическими и нарративными материалами используются данные генеалогических мифов древних тюрков и монголов³. Выдвинуто положение об исторически преемственных родословно-генеалогических связях легенды о «волчьем» тотемическом самосознании средневековых теле-уйгуров, тукю-тюркютов рода Ашина, царского рода Бортэ-Чино монголов, а также широко распространенных родов волка и собаки среди монголоязычных народов – бурят, калмыков, ойратов и халхасов. Истоки подобного тотемического сознания восходят, по мнению П. Б. Коновалова, к древним жунам, хунну и дунху. «Родственные» тотемы волка и собаки у всех трех группировок свидетельствуют об этническом взаимодействии, о чем имеются указания в письменных источниках⁴ и что находит подтверждение, как показано выше, в археологических данных. Праматерью хаганского рода Бортэ-Чино средневековых монголов является легендарная Гоа Марал (Прекрасная Лань), тотемический образ которой, вероятнее всего, пришел к монголам из этнокультурного массива западного ареала Центральной Азии, представленного кругом племен ди, куда входили, в частности, юэджи, саки, усунь и др.

Многовековые контакты этих двух этнических массивов оказали судьбоносное влияние на все последующее историческое развитие центральноазиатских племен. По всей видимости, именно в результате взаимодействия (смешения) этносов, именуемых термином ху, приложимым к варварским племенам к северу и западу от древних китайцев (вспомним у Бичурина ху монгольского, ху тюркского и ху персидского семейства), с подразделениями племен жун и ди, в свою очередь частич-

¹ Гохман И. И. Антропологическое изучение Забайкалья в Троицко-Кяхтинском отд. Рус. геогр. об-ва // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. 7. – Л., 1977. – С. 162–163.

² Алексеев В. П., Гохман И. И. Антропология азиатской части СССР. – М.: Наука, 1984. – С. 69.

³ Коновалов П. Б. К истокам этнической истории тюрков и монголов // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 5–29; Он же. Об этническом сознании средневековых монголов // Тайная история монголов: источниковедение, филология, история. – Новосибирск: Наука, 1995. – С. 26–48.

⁴ Там же.

но смешанных между собой (вспомним: жун-ди, шань-жуны как монголы и си-жуны как тангуты или тибетцы), произошла зафиксированная китайской историографией дифференциация племен ху на дунху и хунну.

Лишь поэтому становятся понятными разнородные элементы археологического комплекса прото-сюнну, часть которых – оружие, сбруя, украшения и т. п. – традиционно трактуются как черты скифо-сибирского мира кочевников. На самом деле эти черты следует рассматривать как признаки культур дисконого круга или, говоря точнее, как принадлежность жундискских культур.

И теперь, возвращаясь к письменным источникам, можно реконструировать исторический процесс складывания прахуннов по южную сторону Гоби, окраину которой китайцы называли «песчаной страной Шасай». Издавна там кочевали племена хяньюнь и хуньюй, которые стали называться хунну лишь в периоды Циньской и Ханьской империй. По Гумилеву, они были потомки аборигенов степей Северного Китая, узколицыми монголоидами китайского типа¹. По представлениям этого же автора, древние границы обитания хунну совпадали с современным районом Внутренней Монголии без Барги, впоследствии они сузились, так как степи к востоку от Хингана заселили дунху – народ монгольского происхождения².

Примерно в середине XII в. до н. э. чжоуский Вэнь Ван напал на хяньюней и «устрасил» их, а в конце того же века У Ван покорил жунов и так стеснил степных ху, что они ушли на север. Совершился переход южных кочевников через пустыню Гоби; с того времени пустыня стала проходимой, и прахунны освоили оба ее края³, расселяясь дальше на север, открыли Сибирь, пришли в Забайкалье и Саяно-Алтай. В тех районах они, по всей вероятности, ассимилировались в среде местных культур позднекарасукско-тагарско-уюкского периода Саяно-Алтая и карасукско-шиверского периода Прибайкалья и Забайкалья. Об этнической инфильтрации с юга свидетельствует появление упомянутого северокитайского типа среди преобладающего европеоидного брахикранного населения собственно карасукской культуры Минусинской котловины. Среди

же монголоидных черепов плиточных могил Забайкалья и Монголии северокитайский монголоидный тип, возможно, не очень заметен, но при целенаправленном изучении, вероятно, будет обнаружен.

В IV в. до н. э. прахунны в китайских летописях фигурировали уже под именем хунну (сюнну) и противопоставлялись их восточным сородичам, именуемым дунху. К тому времени они снова усилились по южную сторону Гоби. В 317 г. до н. э. сюнну в союзе с пятью китайскими княжествами выступили против княжества Цинь, но были отбиты, и против них было начато строительство заградительного сооружения – прообраза будущей Великой Китайской стены⁴. В другой раз сюнну продолжали наступать против княжества Чжао, но им противостоял в 307 г. до н. э. полководец Ву Лин, который построил пограничную крепость и оборонительную стену у подножия хр. Иньшань, исконной территории сюнну⁵. В III в. до н. э. нападения сюнну на Китай участились. Полководец княжества Чжао Ли Му отражал постоянные набеги кочевников и в конце концов нанес крупное поражение объединенным силам сюнну, дунху и линьху.

В 226 г. до н. э. возвысилось царство Цинь и объединило весь Китай. Объединитель Ин Чжэнь принял титул Цинь Ши-хуанди. Полководец Мэн Тянь завоевал Ордос, а хуннов отогнал от Иньшаня и продолжил сооружение Великой стены. Хунну потеряли лучшие земли в горах Иньшань, привольные лесом и травой, изобилующие птицей и зверем, где они обычно заготавливали луки и стрелы. К концу III в. до н. э. сюнну потеряли (уступили) большую часть своих позиций, в т. ч. и на западе, где юэцжи дошли до Алашаня, на востоке гегемонию захватили дунху, на севере сюнну терпели неудачи от сяньских динлинов. Неудачливый шаньюй Тоумань⁶ вместе со своим народом откочевал в Халху. Но даже там для обеспечения покоя ему пришлось отдавать в заложники своим западным соседям, юэцжам, старшего сына Модэ (Маодунь)⁷.

⁴ Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая от первобытнообщинного строя до образования централизованного феодального государства. – М., 1958. – С. 235.

⁵ Его примеру последовал полководец Цинь Кай в княжестве Янь, который воздвигнул оборонительную линию, прикрывавшую Ляоси и Ляодун от набегов дунху.

⁶ Тоумань в русскоязычной литературе обычно Тумань / Тумынь, что восходит к тюрко-монгольскому имени Тумэн).

⁷ Маодун(ь) – так звучит имя в иероглифической транс-

¹ Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР... – С. 82.

² Гумилев Л. Н. Хунну. Срединная Азия... – С. 38.

³ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. – М., 1951. – С. 147.

9.3. Образование Хуннского государства

Предпосылки и причины создания государства. Внешние и внутренние факторы. Военно-политические акции. В последние десятилетия III в. до н. э. сложная для хунну внешняя обстановка, обусловленная как появлением мощного агрессивного централизованного китайского государства – Циньской империи (221–206 гг. до н. э.), так и усилившимся противоборством с восточными, западными и северными соседями-кочевниками, завершилась образованием первого в истории Центральной Азии государства кочевников – Хуннской империи. Ее создание было связано с именем талантливого вождя, выдающегося военного и политического деятеля Модэ, второго известного из летописей шаньюя. В «Исторических записках» Сыма Цяня передана легендарная версия прихода к власти этой личности. Модэ был старшим сыном шаньюя Тумэна, терпевшего неудачи в борьбе с китайцами и враждебными кочевыми соседями. Для того, чтобы сделать наследником престола младшего сына от другой своей жены, Тумэн решил избавиться от Модэ, отправив его заложником к юэчжам, с которыми вел безуспешные войны. Затем он напал на юэчжей, в расчете на гибель сына-заложника. Однако Модэ оказался отважным молодым человеком, вырвался из-под стражи и прибыл на родину. Тумэн был вынужден назначить его темником – командующим 10-тысячным войском. Модэ, с целью избежать дальнейших преследований, решил расправиться с предателем-отцом и так настроил своих воинов, что те однажды на облавной охоте по его сигналу без раздумья расстреляли старого шаньюя. Устранив таким способом грозившую ему опасность, Модэ объявил себя шаньюем¹. Шаньюй Модэ правил с 209 по 174 г. до н. э. Первые шаги его деяний изложены в летописях также в легендарной форме, хотя и отражают реальные

исторические события. Услышав о чрезвычайных событиях в хуннской орде, восточные соседи, дунху, решили воспользоваться смутой и напасть на хунну. Чтобы найти повод к войне, правитель дунху потребовал через своих послов сначала выдающегося скакуна, затем жену шаньюя и наконец пограничную территорию, якобы пустынную, ничейную полосу земли. Судя по характеристике требуемой земли, это была, видимо, восточная окраина Гоби. Модэ собрал совет, на котором некоторые старейшины, чтобы избежать войны, советовали шаньюю отдать эту территорию. Модэ гневно отверг высказывания своих приближенных со словами: «Земля – основа государства, разве можно ее отдавать!» и всем советовавшим уступить землю повелел отрубить головы. Два же первых требования правителя дунху шаньюй выполнил, вероятно, для того чтобы усыпить бдительность противника и выиграть время для подготовки к войне. После третьего обращения дунху Модэ напал на них, разгромил их ставку, убил правителя, пленил людей и захватил скот. Добыча была немалой и досталась, по-видимому, всем участникам похода. Дунху были отеснены далеко на север и вся степная часть Маньчжурии оказалась под властью хунну. По возвращении из похода на дунху Модэ сразу же напал на юэчжей и отеснил их на запад. В 205–204 гг. Модэ совершил первый набег на Китай, где только что пала династия Цинь и шла гражданская война, покорил ордосские племена байян и лэуфань, вернул сюннуские земли, с которых они были изгнаны Мен Тянем по приказу Цинь Шихуана, затем вторгся в округа Янь и Дай.

Следующим военным предприятием хуннов под предводительством Модэ стали походы на север и северо-запад, где в течение 203–202 гг. были подчинены родственные племена хуньюй где-то на территории Северной Монголии и Забайкалья, динлинов в Саянах, между верховьями Ангары и Енисея, гэгуней – кыргызов и синьли на западе Монголии, цюйшэ / кюйшэ – предков кыпчаков на Алтае и западнее от него².

В результате образовалась великая степная держава Хунну. В периоды военных кампаний числен-

крипции, но происходит, очевидно, от монголоязычного имени Модо(н), что значит «дерево», в русскоязычной транскрипции широко употребляется в форме Модэ.

¹ Конечно, в этом сюжете, приведенном Сыма Цянем, когда со времени прихода к власти шаньюя Модэ прошло уже несколько десятков лет, чувствуется некоторая фольклорная обработка действительно, по-видимому, произошедших событий. В то же время никто из исследователей истории хунну не ставит под сомнение факт отцеубийства, совершенный Модэ в момент его прихода к власти.

² Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край: исторический очерк этих стран с связи с историей Средней Азии. – Л., 1926. – С. 94–95; Материалы по истории сюнну ... – С. 41, 136.

ность хуннских войск доходила до 300 тыс. человек, и мощь эта была вскоре продемонстрирована в войне с Китаем. В 202 г. до н. э. в Китае пришла к власти новая династия – Хань, основателем которой стал полководец, победитель в гражданской войне. Лю Бан, ставший императором Хань с титулом Гаоцзу. Вскоре после его воцарения хунну, пройдя пограничные укрепления, вторглись на территорию Шаньси и в 200 г. окружили авангард ханьских войск под предводительством самого императора у дер. Байдэн (или в горах Байдэн, по другой версии). Семидневная блокада закончилась, благодаря дипломатическим переговорам, не разгромом, но заключением договора «мира и родства» (кит. «хэцинь»), по которому император обещал выдать принцессу ханьского двора за хуннского шаньюя, ежегодно присылать дары – поставлять шелк, вату, рис, вино и украшения (замаскированная дань). Хуннская держава была признана равной Срединной империи. Таким образом, создание государства Модэ заняло около 10 лет.

Имеющиеся письменные источники довольно скупо сообщают о причинах, которые привели к усилению хунну и созданию ими государства, равного империи Хань: «при Маодуне сюнну небывало усилились, покорили всех северных варваров, а на юге образовали государство, равное по силе Срединному государству»¹.

Организация войска, вооружение, тактика ведения войн. По всей видимости, по текстам источников (перевод на русский не отражает всей глубины первоначального текста, написанного древнекитайскими иероглифами), первыми действиями нового шаньюя были шаги по укреплению военной организации хунну, даже когда он еще не был шаньюем, а командовал тумэном – крупным военным подразделением. Все его действия в качестве командира были направлены на создание строжайшей дисциплины, за нарушение которой полагалась смертная казнь. Источники содержат сведения о методах, применяемых Модэ: он приказывал рубить головы воинам, не явившимся вовремя на место сбора². Все войско было поделено на корпуса, насчитывавшие около 10 тыс. всадников и делившиеся на более мелкие подразделения численностью в 1000, 100, 10 воинов, и в этом просматривается попытка создания армии на постоянной основе. Такая

упорядоченная структура военной организации отличает ее от народного ополчения и варварских орд, где войска аморфны и зачастую организованы по родоплеменному признаку. Еще одним подтверждением высокой организации хуннских войск служат сведения о существовании крупных войсковых подразделений, в которых воины сидели на одноместных конях³.

В эпоху расцвета державы армия хунну насчитывала 300–400 тыс. конных воинов. Управление таким многочисленным войском требовало опытного командного состава различных уровней, обладавшего незаурядным оперативным, тактическим и стратегическим мышлением. Командный состав армии хунну был создан из сподвижников шаньюя, и впоследствии эти же люди встали во главе системы управления хуннской империей. В источниках упоминаются как высший командный состав – темники и тысячники, так и младшие командиры – сотники и десятники.

Основой армии были отряды конных лучников. По крайней мере, пока нет сведений о существовании у хунну воинов-пехотинцев. В источниках упоминается вооружение хунну – луки и стрелы, мечи и короткие копья с железной рукоятью⁴. По данным археологии, хуннский лук имел длину до 1,5 м и сложную конструкцию, при которой деревянная основа была усилена костяными и роговыми накладками. Массивные трехперые железные накопечники стрел (рис. 1, 1а), обнаруживаемые при раскопках хуннских памятников, в сочетании с тугими луками придают дальнобойность хуннскому оружию, способность даже на дальнем расстоянии наносить противнику тяжелые раны. Пока очень мало данных об оружии ближнего боя, оно редко встречается при раскопках хуннских памятников. Из известных находок холодного оружия имеется лишь железный палаш, найденный при раскопках хуннского могильника в Черемуховой пади в Бурятии⁵, и два-три клинка железных мечей (во фрагментах), найденные в Монголии.

При военных действиях хуннские полководцы предпочитали обычную для кочевников маневрен-

³ Там же, с. 41.

⁴ Материалы по истории сюнну... 1968. – С. 34.

⁵ Коновалов П. Б., Зайцев А. Хуннский меч из коллекции Бурятского научного центра СО РАН // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока: тез. докл. XXXVIII РАЭСК. – Улан-Удэ, 1998. С. 56–58.

¹ Материалы по истории сюнну ... – С. 39.

² Там же, с. 39, 132–133.

Рис. 1, 1а. Железные наконечники стрел

ную войну, используя большую подвижность своей конницы, изматывающей менее поворотливого противника и повергающей его в панику неожиданными рейдами, контратаками и обходами. Излюбленным тактическим приемом хунну было ложное отступление и фланговый охват увлеченного преследованием противника. Источники сообщают об этом так: «Если сражение складывается благоприятно для них, наступают, а если неблагоприятно – отступают и не стыдятся бегства ... Искусно заманивают врага для того, чтобы окружить его»¹. Однако ведение войны соединениями, численность которых достигала сотен тысяч воинов, требовало, естественно, несколько иной тактики и стратегии, и она иногда угадывается на страницах источников. Так, некоторые исследователи считают, что упоминавшееся построение хуннской конницы по 4 сторонам света, когда всадники сидели на одинаковых по масти лошадях, было предпринято с целью показать противнику великолепную организацию своего войска. Передвижение большого количества конных воинов на далекие расстояния, например войны с дунху и юэчжами, постоянные масштабные вторжения в Китай и т. д. требовали разнообразных маршрутов для передвижения отдельных корпусов, мест для пастбищ и водных источников, используемых во время походов, подготовки и пополнения запасов фуража и продовольствия, т. е. кроме личной отваги и сметливости воинов и младших командиров были необходимы большие знания и стратегическое мышление самого шаньюя и высших командиров. Хотя в источниках почти нет конкретных описаний битв, из которых были бы понятны тактические и страте-

гические планы кочевников, все же можно предположить, что хуннские кочевые стратеги ни в чем не уступали прославленным полководцам Китая.

Анализ и интерпретация источников показывает, что первостепенная задача, стоявшая перед шаньюем Модэ по созданию боеспособной, преданной своему правителю, предводимой талантливыми полководцами армии, судя по молниеносным победам, одержанным хунну над дунху и юэчжами, была выполнена.

Благодаря созданию четко организованной и дисциплинированной армии численностью в несколько сот тысяч лучников, шаньюй Модэ не только разгромил своих основных противников: дунху на востоке и юэчжэй на западе – но и вернул утраченный ранее, при императоре Цинь Ши-хуанди, Ордос. Территория, перешедшая под их контроль, протянулась от Ордоса на юге до Байкала и Минусинской котловины на севере, и от Хингана на востоке до Восточного Туркестана на западе. Создание мощной военной организации было одним из решающих факторов выхода хунну на широкую историческую арену и образования империи, равной крупнейшему государству Древнего Востока – империи Хань. Вся история хунну, написанная китайскими историками, насыщена сообщениями о военных вторжениях на территорию Китая и об ответных мерах, предпринимавшихся правящими кругами Хань.

Однако создание боеспособной армии не могло решить всех проблем, возникших в хуннском обществе после расширения его господства и влияния в центральноазиатских степях. По всей видимости, придя к власти, шаньюй Модэ и его ближайшее окружение столкнулись с проблемами, решение

¹ Материалы по истории сюнну... 1968. – С. 34, 41.

которых в рамках старой, кочевой общественной организации было чрезвычайно затруднительно. Огромная территория, оказавшаяся под властью хунну, требовала действенной системы управления и решения возникавших внешних и внутренних политических проблем. Новых форм организации общества требовала и сложившаяся ситуация в области экономики, так как прежние кочевые формы хозяйства, существовавшие в рамках родового строя, уже не вполне соответствовали целям и задачам возникающего государства.

По всей видимости, опыт создания военной организации был применен хунну и при создании системы управления государством, во многом повторившей армейскую структуру. Непонятны пока принципы и механизмы создания столь действенной административной системы, позволившей хунну на протяжении почти 300 лет главенствовать в центральноазиатских степях.

9.4. Политический строй державы Хунну

Верховный правитель. Система родовой власти. Административное деление державы. Источники сообщают о довольно сложной иерархии, существовавшей в правящих кругах хуннского общества. Во главе державы Хунну стоял шаньюй. Этот титул появился у хунну, видимо, лишь с воцарением Модэ (209–174 гг.), ибо имеется указание, что до него правители из его рода Люаньди именовались «цзюньчжан», «цзюньван» (государь-старейшина, князь-государь)¹. О Модэ в «Ши цзи» сказано: «Возведенный на престол Небом великий шаньюй сюнну», а сын его Цзисюй, правивший под именем Лаошан-шаньюй (174–127 гг.), стал зваться «Порожденный Небом и Землей, поставленный Солнцем и Луной великий шаньюй сюнну» что, по-видимому, связано с почитанием Вечного Синего Неба, имевшего первостепенное значение в религиозных воззрениях кочевников Центральной Азии.

Полномочия верховного правителя созданной империи сводились к следующим функциям: дипломатические связи с внешним миром, вопросы войны и мира, заключение договоров, династических браков, получение даров и дани, их распределение; главнокомандующий армией назначал командующих крупными воинскими подразделе-

ниями, поручая им ведение военных кампаний, а также лично руководил крупными военными операциями; верховная судебная инстанция, окончательные решения по важным вопросам, например государственной измены, наказания членов династии и т. п.; идеологические, жреческие функции – религиозные обряды, обеспечение покровительства со стороны божественных сил своему социуму².

Правящий род Люаньди был связан брачными отношениями с другими знатными родами – Хуань, Лань, Сюйбу, позднее в их число вошел род Цюлинь. Эти 4 клана составляли высшую аристократию. Род Хуань считался среди них старшим, происходил из «левых» земель, роды Лань и Сюйбу, младшие, – из «правых». (Традиция условного деления территории на левые (восточные), правые (западные) земли и центральные земли зародилась в империи Хунну.) Шаньюй управлял центром и всем государством. Всего упоминается 24 титула, почти все носители которых имели в подчинении крупные воинские формирования численностью до 10 тыс. воинов и одновременно являлись правителями отдельных областей. Внутри своих подразделений они назначали тысячников, сотников, десятников, а также главных помощников, дувзев, данху и цецзюев³.

Пирамида властной структуры. Аппарат чиновников. Левыми и правыми землями (или крыльями империи) шаньюй управлял через систему высших должностных лиц и иерархия эта выглядела следующим образом⁴:

А. Четыре князя (вана), именовавшиеся четырьмя «рогами»

1. левый сяньван	2. правый сяньван
3. левый луливан	4. правый луливан

Б. Два командующих войсками

5. левый дацзян (генерал)	6. правый дацзян (генерал)

В. Два главноуправляющих

7. левый дадувэй	8. правый дадувэй

Г. Два управляющих семьями (народом)

9. левый даданху	10. правый даданху

Д. Два князя второй степени

11. левый гудухоу	12. правый гудухоу

² Крадин Н. Н. Империя Хунну. Изд. 2-е. – М.: Логос, 2002. – С. 139–140.

³ Материалы по истории сюнну... 1968. – С. 40.

⁴ Кычанов Е. И. Кочевые государства... – С. 14–15.

¹ Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. – М.: Восточная литература, 1997. – С. 6–8.

Посты группы А замещались исключительно представителями шаньюйского рода (аристократией крови). Левый (старший) сяньван (по-хуннски туцзи-ван – мудрый князь 1-й степени) считался наследником шаньюя. Основные функции остальных должностей: дацзянов – командование войсками левого и правого крыльев, дадувзев – главное управление крыльями, даданху – управление семьями, учет и перепись населения, сбор налогов. Последние три группы должностей были прерогативой племенных вождей и родовых старейшин, составляющих сановников высшей знати (6 князей-ванов, 6 «рогов»). Они назывались:

1. левый жичжуван	2. правый жичжуван
3. левый вэньюйтиван	4. правый вэньюйтиван
5. левый чжанцзянван	6. правый чжанцзянван

Совокупно $4+6 = 10$ «рогов» являлись великими князьями разных рангов, т.к. это были титулы сыновей и младших братьев шаньюя.

Прочие высшие сановники групп Б, В, Г – дацзяны, дадувзи, даданху могли быть из родов, с которыми клан шаньюя находился в брачных связях, т.е. из экзогамных родственников (свойственников) Люаньди.

Посты группы Д (гудухоу) предоставлялись людям, не состоявшим ни в каком родстве с шаньюем, но проявившим способности, энергию и преданность. По занимаемым должностям и деловым качествам эта достаточно многочисленная категория чиновников-гудухоу котирировалась как князья 2-й степени, т.е. служилая знать, определяемая исследователями как «аристократия таланта». Их реальная роль в управлении, круг их полномочий были обширны; связанные с центральной властью, они были помощниками в управлении центром, а также завоеванными территориями. Будучи прямыми назначениями шаньюя, гудухоу пользовались его доверием – не случайно именно им поручался, например, контроль над ненадежными региональными правителями. Особенно много упоминаний о гудухоу появляется с рубежа новой эры¹. Не совсем ясен, правда, круг их обязанностей, но сам факт появления института чиновничества может говорить о многом, в частности о появлении профессионалов в области управления, в сфере внешней и внутренней политики.

Кроме указанных должностных лиц в источниках упоминаются и другие, которых по исполняе-

мым функциям также можно приравнять к чиновникам. Затрудняясь в определении титулов хуннских должностных лиц, китайские историографы подыскивали эквивалентные названия среди чинов императорского двора и вставляли их в свои исторические очерки о хунну. Например, они видят в хуннском обществе придворных, осуществлявших функции чиновников. Скорее всего, китайские хронисты стремились передать максимально точно те обязанности, которые несли должностные лица хунну. Так, в предисловии ко 2-му выпуску «Материалов по истории сюнну» В. С. Таскин, комментируя наличие у хунну чиновников, отмечал среди окружения шаньюя должность ланчжуна – телохранителя. В приказе по охране внутренних ворот императорского дворца – это чиновничья должность. В. С. Таскин пишет: «Очевидно, у сюнну, не имевших дворцов, не могло быть должности ланчжуна, и Сыма Цянь использовал это название как эквивалент для какой-то должности, соответствующей понятию “телохранитель”»². Однако данные археологии свидетельствуют о существовании у хунну дворцовых сооружений, и вполне возможно, что китайский историк не заблуждался относительно должностных функций хуннского чиновника.

Судя по анализу, проделанному В. С. Таскиным³, китайские историки вполне определенно выделяют чиновничью прослойку и относят ее к элите хуннского общества. Упоминаются в источниках советники и военачальники, ханьцы по происхождению, разными путями попадавшие к хунну. Соратник будущего ханьского императора Лю Бан Хань Синь перешел на сторону хунну из опасения немилости императора, будучи заподозренным в каких-то переговорах с ними и, следовательно, в измене. Все свои знания и опыт государственной службы в Китае Хань Синь, по-видимому, передавал хунну. Евнух Чжунхан Юэ, против своей воли отправленный к хунну и имевший опыт придворной жизни, перешел на сторону хунну и был советником у сына Модэ Лаошан-шаньюя. Ханьский полководец Ли Лин, воевавший с хунну и сдавшийся в плен, стал наместником шаньюя Цзюйдихоу в Хягасе. В источниках упоминаются и другие имена выходцев из Хань, служивших у хунну. Их знания (зачастую это были образованные люди) и опыт проживания

² Материалы по истории сюнну... 1973. – С. 16.

³ Материалы по истории сюнну... 1968. – С. 41–68, 136, прим.112; Материалы по истории сюнну... 1973. – С. 16–17.

¹ Крадин Н. Н. Империя Хунну... – С. 148–149.

в цивилизованном государстве, передаваемые кочевникам, во многом могли влиять на внутреннюю и внешнюю политику правящих кругов хуннского общества. Известен случай, когда хуннский князек Чжао Синь перешел на сторону Хань, принимал участие в боевых действиях против хунну, затем снова попал к ним в плен и стал советником шаньюя. В результате пребывания у хунну большого количества китайских перебежчиков, имевших опыт службы в государственных, военных, хозяйственных ведомствах, происходила трансформация знаний, идей, опыта, накопленных китайской цивилизацией, к кочевникам хунну, и степные правители, судя по источникам, использовали таких людей, носителей знаний, в целях укрепления своего могущества.

Общегосударственный орган управления. Характеристика и типология хуннской государственности. Для решения вопросов, имевших общегосударственное значение, трижды в год устраивались собрания хуннской знати. Источники сообщают: «В первой луне каждого года все начальники съезжаются на малое собрание в ставку шаньюя и приносят жертвы. В 5-й луне съезжаются на большое собрание в Лунчэне, где приносят жертвы предкам, небу, земле, духам людей и небесным духам. Осенью, когда лошади откормлены, съезжаются на большое собрание в Дайлине, где подсчитывают и проверяют количество людей и домашнего скота»¹. По всей видимости, большие собрания в Лунчэне и Дайлине имели особое значение. Если на съезды при ставке шаньюя, судя по тексту источника, прибывали в основном представители знати, титулы которых перечислены выше, то в Лунчэне и Дайлине собирались представители всех слоев хуннского общества, в основном владельцы скота – наиболее многочисленная и влиятельная часть населения. Эти собрания играли у хунну большую роль в осознании себя единым народом, в формировании общегосударственных культов, также способствовавших единению.

Таким образом, источники фиксируют у хунну существование довольно стройной и продуманной системы организации общества, управления территориями при посредстве назначаемых наместников, ближайших родственников шаньюя, и аппарата чиновников; коллегиальное обсуждение

различных проблем, возникавших во внутренней и внешней политике; существование или формирование идеологической системы в виде создания общегосударственных культов неба, земли и т. д. Имелись и специальные места, в которых традиционно проводились собрания хуннской знати, возможно вблизи ставки шаньюя, которая была, по-видимому, кочевой, а Лунчэн и Дайлин могли быть названиями стационарных пунктов, своеобразных центров оседлости, на которых хунну воздвигали укрепленные городища. Поиски мест их расположения и их изучение могли бы многое прояснить в истории хунну.

Рассматривая изменения, происходившие в хуннском обществе, нельзя не заметить, что этот сложный процесс сходен с общими тенденциями, происходившими в обществах с формирующимися государственными структурами. Понятие о хуннской государственности трактовалось по-разному и в последние десятилетия вновь подверглось обстоятельному исследованию. Оно имело и имеет такие дефиниции, как «союз племен хунну», «кочевое государство», «кочевая империя», «племенная конфедерация», «имперская конфедерация», «суперсложное вожжество». Все еще выдерживает испытание временем толкование Л. Н. Гумилева, писавшего: «На высших ступенях первобытно-общественного строя родовые и племенные союзы неоднократно создавали весьма высокие формы общественной организации... хунны консолидировали свои 24 рода, а последующие события поставили конфедерацию родов на более высокую ступень общественного развития: союз превратился в «державу»². С точки зрения Гумилева, хунну управлялись своими родовыми старейшинами, шаньюй был просто главным среди прочих и не имел реальной силы, кроме личного авторитета. Именно авторитет и талант Модэ предопределили, по его мнению, исход исторических событий: не дунху или юэжжи оказались ведущим народом в Срединной Азии... Вместе с тем, пояснял он, не следует рассматривать кочевые державы как племенные союзы или как орды-скопища людей, подчиненных военной дисциплине, – и то, и другое в отношении хунну неверно³.

Трактовка Л. Н. Гумилева в основном принята Н. Н. Крадиным, который в своих трудах, однако, значительно расширил и обогатил понятие хуннской

¹ Материалы по истории сюнну... 1968. – С. 40.

² Гумилев Л. Н. Хунну. Срединная Азия... – С. 71–74.

³ Там же, с. 74.

государственности, тщательно разработав ее имперскую и ксенократическую характеристику¹. Кочевая империя Хунну, по Барфилд и Крадину, была **имперской конфедерацией племен**, была основана на консенсуальных **связях во внутренней политике**, но выступала как специфическая завоевательная **ксенократическая государствоподобная мультиполития** по отношению к соседним народам... Первоначально империя представляла собой мощную державу, основанную на военной иерархии, автократической власти шаньюя, его личных связях с региональными наместниками (имперская конфедерация). Постепенно автократические связи в хуннском обществе ослабевали и заменялись федеративными, на задний план оттеснялись военно-иерархические отношения, вперед выдвигалась генеалогическая иерархия между «старшими» и «младшими» по рангу племенами. Хуннская империя превратилась в «племенную конфедерацию».

Вместе с тем на вопрос, было ли данное общество государством или же Хуннская имперская конфедерация представляла собой догосударственное потестарно-политическое объединение, Крадин отвечает в пользу последней дефиниции. Он пишет, что хотя есть прямой соблазн назвать государством некоторые из типичных кочевых империй (в первую очередь Монгольскую империю XIII в.), «нельзя забывать, что все данные общества отличает отсутствие специализированного бюрократического аппарата и монополии элиты на узаконенное применение силы, что дает основание интерпретировать большинство типичных кочевых империй (при всей их внешней государствоподобности) как суперсложные вождества»².

Однако в одном из новейших обобщающих трудов по кочевниковедению – книге «Кочевые государства от гуннов до маньчжуров» ее автор Е. И. Кычанов показал, что каждое из соседних с Китаем народов развило свои формы ранней государственности, свой механизм управления. Вот его заключение, основанное на убедительной аргументации из письменных источников: «Гуннское государство – тип раннего государства, спонтанно развившегося из институтов первобытного общества... Несмотря на скепсис некоторых исследователей в прошлом и настоящем, по нашему мнению, нет никаких сомнений, что у гуннов с конца III в. до н. э. существовало

государство. Не случайно, повествуя о гуннах, Сыма Цянь в «Ши цзи» употребил слово «го» (государство). Китайцы – современники гуннов никогда не сомневались в том, что у гуннов было государство. Подавляющее большинство отечественных исследователей также признавали существование у гуннов государства (К. Иностранцев, С. В. Киселев, С. Г. Кляшторный, Л. Л. Викторова). Государство гуннов было одним из первых государств кочевников Центральной Азии»³.

9.5. Экономические основы жизни хунну

Экономической основой хуннского общества являлось кочевое скотоводство. В китайских исторических хрониках упоминаются виды скота, разводимого хунну: лошади, крупный рогатый скот, овцы, верблюды, ослы, мулы. Продукция скотоводства (молоко, мясо, шерсть, кожи) в основном, конечно, удовлетворяла потребности в пище и одежде. Различные промыслы и домашние ремесла дополняли хозяйственный комплекс хуннского общества, который существенно не отличался от хозяйства более ранних кочевников, эпохи бронзы и раннего железа. Однако все же односторонность и ограниченность ресурсов скотоводческого способа производства не позволяли полностью обеспечить общество всем необходимым и в нужном количестве, и кочевники вынуждены были искать иные пути умножения жизненных благ.

Традиционными путями восполнения нехватки товаров у кочевников были торговый обмен с оседлым земледельческим населением, организация набегов, сбор дани. Большое значение для получения прибавочного продукта приобретает война, всегда, впрочем, служившая у кочевников одним из основных способов увеличения материальных ценностей и расширения пастбищных угодий. Дань, получаемая с зависимых кочевых племен (например, известно, что ухуани платили хуннам дань холстами и скотом), взималась под постоянной угрозой военной расправы, ибо данники, почувствовавшие слабость завоевателя, моментально прекращали выплату дани.

События, произошедшие после прихода к власти Модэ, в результате которых значительно увеличилась территория, находившаяся под властью хунну, реформы в политической системе, и в первую очередь в сфере административного управления, во

¹ Крадин Н. Н. Империя Хунну... – С. 234–254.

² Там же, с. 235, 246.

³ Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров... – С. 37–38.

многим повторявшей, как уже упоминалось, армейскую структуру, повлекли за собой изменения и в хозяйственно-экономической сфере хуннского общества. Растущие потребности правящей верхушки, необходимость снаряжения армии, обеспечение населения продуктами земледелия и ремесла, а также значительное количество ханьского населения, попавшего в земли хунну, вызывали необходимость перестройки в структуре хозяйства.

Преобладающая скотоводческая основа экономики хуннского общества дополнялась земледелием, ремеслами и различными промыслами. Значительную роль играла торговля. По крайней мере, археология показывает значительное увеличение изделий иноземного, в основном китайского, производства в раскопанных памятниках хунну (по сравнению с более ранними плиточными могилами или памятниками Саяно-Алтайского региона). Конкретные формы торговли не совсем ясны. Упоминаются пограничные рынки, на которые хунну поставляли большое количество скота и продуктов скотоводства, обмениваемых на зерно, ткани, вату, рис, металлы и предметы роскоши¹. Неясно также, существовала ли у хунну прослойка населения, профессионально занимавшаяся торговлей.

От китайских императоров при заключении мирных договоров шаньюй получал большое количество подарков, даже не одноразовых, являвшихся, по сути, замаскированной данью, так сказать, скрытой платой за мир. Шелковые ткани, дорогие одежды, вина, предметы роскоши сосредотачивались в руках шаньюев и его приближенных.

С появлением у хунну мощной военной организации одним из основных источников получения прибавочного продукта становятся соседние народы, в т. ч. империи Хань и так называемого Западного края. Многочисленные отряды хуннских воинов вторгались в пределы ханьских владений, грабя и угоняя людей в плен. Источники показывают, что хунну, производя набеги на территорию Китая, разрушали селения и города, захватывали пленных и различного рода материальные ценности, но не пытались производить территориальные захваты (кроме отвоевания Ордоса), которые в силу существовавшего тогда паритета сил были нецелесообразны. После ряда неудачных попыток нанести своим северным соседям военное поражение Ханьская империя была вынуждена признать Хуннскую дер-

жаву равным себе государством. В первую очередь это выразилось в постоянной переписке между правителями двух держав и заключении между ними так называемых договоров, основанных на родстве между хуннским шаньюем и ханьским императором. В содержании этих договоров, почти повторявшихся из года в год, говорилось об ассортименте и количестве подарков, отправляемых императором, об открытии пограничных рынков.

Однако постоянно увеличивавшиеся потребности государства в продовольственной и промышленной продукции, предметах роскоши, по-видимому, не покрывались ввозимыми и экспропрированными из Китая товарами. Выходом из сложившейся ситуации могло быть налаживание собственного производства необходимой ремесленной и сельскохозяйственной продукции. Население, занятое в этих отраслях хозяйства, уже не могло вести кочевую жизнь. Для этих целей строились стационарные, оседлые, зачастую укрепленные, поселения, в которых люди занимались земледелием, ремеслами и, по-видимому, проводило какие-то торгово-обменные операции.

Кроме выполнения хозяйственных функций поселения, по-видимому, исполняли роль центров административного управления территорией, значительно увеличившейся после завоевательных походов хуннских шаньюев. Как известно, вся территория хуннского государства подразделялась на ряд крупных административных единиц (уделов), делившихся, в свою очередь, на более мелкие. Почти на всех археологически изученных объектах, в частности близ Абакана, на Иволгинском городище на р. Селенге, на городище Баян Ундэр на р. Джи-де, есть здания, выделявшиеся своими размерами и особенностями архитектуры, в которых, очевидно жили люди, отличающиеся по своему социальному положению от остального населения. Не исследованные пока остатки монументальных сооружений на городищах Гуа дов, Хурэт дов и ряде других в Монголии являются, возможно, зданиями и дворцами высших слоев хуннской знати. Одно из больших зданий на городище Тэрэлжин Дэвэлжин, судя по отсутствию керамики, костей животных, изделий из различных материалов, обычно находимых при раскопках поселенческих комплексов хунну, не было предназначено для жилья, а могло выполнять какие-то другие функции, например сакральные. По всей видимости, укрепленные городища с отдельными зданиями строились правителями округов и уделов,

¹ Материалы по истории сюнну... 1968. – С. 50, 51.

о титулах и рангах которых мы можем пока только догадываться, но упоминания о которых имеются в источниках¹. Относительно абаканского здания уже высказывались предположения о принадлежности его Ли Лину, пленному ханьскому полководцу, за которого хуннский шаньюй Цзюйдихоу выдал за муж свою дочь и отдал во владение Хягас².

Для целенаправленного создания целой системы стационарных поселений, городищ и городов требовались определенные условия, в первую очередь люди, обладавшие знанием и умением выбора мест для поселения, возведения фортификационных сооружений, строительства различного типа жилых зданий. В самой хуннской среде, где основными занятиями были скотоводство, охота, различные промыслы, домашние ремесла, а также воинские дела, на первых порах, вероятней всего, не было мастеров, способных заниматься строительством оседлых поселений. По всей вероятности, первыми строителями могли быть захваченные в плен или наемные строители из стран, где уже существовали традиции возведения различных стационарных зданий и фортификационных сооружений. Сведения источников о постоянном уgone в плен жителей империи Хань, о большом числе перебежчиков к хунну (где условия жизни, по их понятиям, были гораздо свободнее, чем на родине, задавленной многочисленными налогами) возможно, помогут ответить на вопрос о том, кем были строители и обитатели поселений хунну.

Уровень технических возможностей хуннских мастеров, строителей, плотников, столяров, организаторов строительных работ наглядно демонстрируют результаты раскопок погребений хунну, в особенности курганов знати. При изучении курганов Ноин Уулы были обнаружены сложные внутримогильные конструкции, состоявшие из нескольких сооруженных из дерева камер с полом, стенами, потолком с деревянными капителями, колоннами-подпорками. Разнообразные приемы обработки деревянных изделий свидетельствуют о незаурядном уровне мастерства строителей, погребальных сооружений. Следует отметить, что и сами работы при сооружении больших курганов носили самый разнообразный характер. Земляные работы при рытье сложной конфигурации глубокого котлована,

заготовка камня и строительство разнообразных каменных конструкций внутри громадной погребальной ямы, например в Ильмовой пади³, – все это требовало опытных и знающих свое дело организаторов и исполнителей. Вполне естественно участие таких мастеров в сооружении оседлых поселений, начиная от рытья рвов и землянок и кончая отделочными работами в наземных зданиях.

Количество выявленных городищ, наличие на наиболее крупных из них монументальных сооружений, применение таких строительных материалов, как кирпич и черепица из обожженной глины, показывает, что их появление было не случайным, не стихийным, а результатом определенной политики, проводимой правящей верхушкой хунну.

Таким образом, появление в хуннском обществе оседлых поселений и городов было тесно связано с начавшимися в конце III в. до н. э. процессами, приведшими к созданию новых, отличных от прежних, общественных отношений. Изменения происходили почти во всех областях экономики, внешней и внутренней политики, в социальном строе общества. Появление оседлых поселений было вызвано, во-первых, необходимостью административного управления территорией, значительно увеличившейся после завоевательных походов хуннских шаньюев, во-вторых, для удовлетворения возросшего спроса на продукты земледелия и ремесленные изделия, в-третьих, значительно расширившимися торговыми отношениями как внутри хуннского государства, так и с соседними государствами, в первую очередь с империей Хань.

По всей видимости, у хунну предпринимались попытки образования единых для всего народа религиозных, культовых центров. Существование особых мест, где проводились жертвоприношения Небу, Солнцу, Луне и где помимо этого происходил ежегодный подсчет скота и решались вопросы государственного значения, показывает, что шаньюем и интеллектуальной элитой общества предпринимались определенные меры, чтобы хунну осознали себя единым народом. Отмеченные источниками места таких всенародных сборов – Лунчен и Дайлин – являлись культовыми центрами, игравшими большую роль в создании общехуннского единства. О существовании храмов у хунну пока только появляются весьма неопределенные данные. Однако предварительные результаты археологических исследований городища

¹ Материалы по истории сюнну... 1968. – С. 61.

² Евтюхова Л. А. Развалины дворца в «земле Хягас» // КСИИМК. – 1947. – Вып. XXI. – С. 79–84.

³ Коновалов П. Б. Усыпальница хуннского князя...

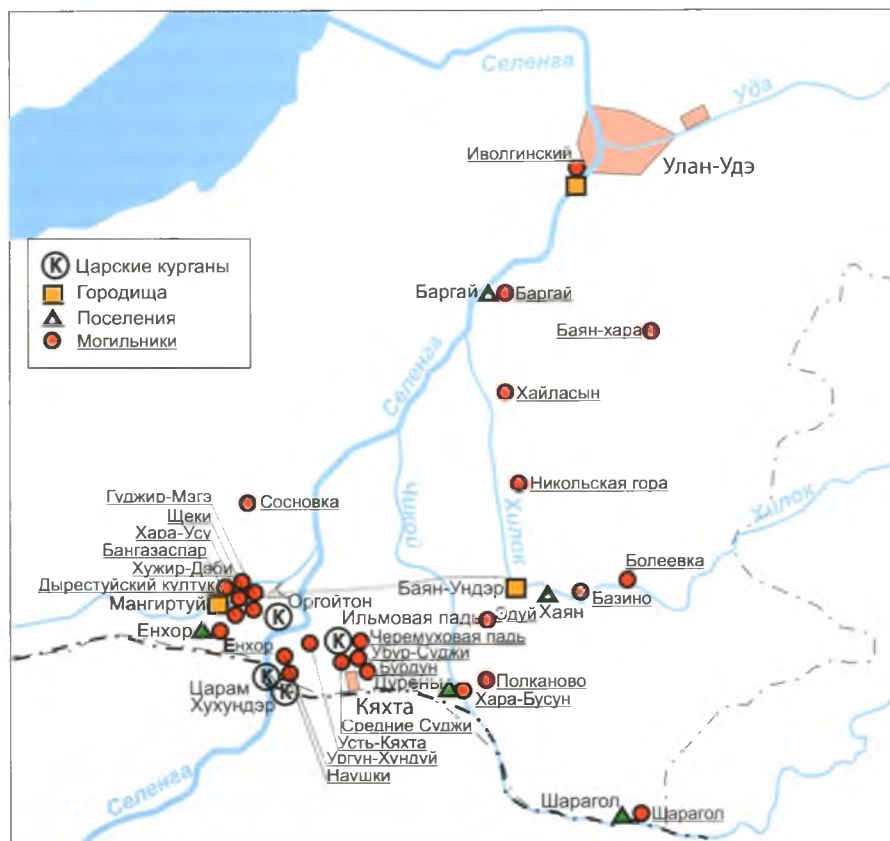

Рис. 2. Археологические памятники хунну в Бурятии

Тэрэлжин Дэвэрэлжин с остатками монументальных сооружений, возможно, прояснят этот вопрос.

Создание сети оседлых поселений укрепило экономику хунну, создав возможности для производства продукции, в целом не характерной для кочевого общества, для внутреннего товарообмена между кочевым и оседлым населением, что также способствовало развитию экономики. Концентрация в городах административного управления укрепило центральную власть, и хотя сепаратистские стремления отдельных политических деятелей нарушали единство общества, все же верховная власть шаньюя признавалась вплоть до крушения хуннского государства.

9.6. Западное Забайкалье в составе Хуннской империи

Археологические комплексы хунну Западного Забайкалья. Территория Бурятии, т. е. Западное Забайкалье, является одним из самых северных регионов распространения археологических памятни-

ков хунну. По всей видимости, хунну попали сюда по долине р. Селенги и заняли междуречье ее главного русла и основных притоков – Джиды, Чикоя, Хилка и Уды. В границах современной Республики Бурятия обнаружено около 100 археологических памятников хунну, в т. ч. 5 поселений, 2 городища, 33 могильника, из них 3 – с элитными курганами, и более 50 местонахождений остатков жизнедеятельности хунну (рис. 2). Самый северный памятник хунну – Иволгинское городище и находящийся рядом одноименный могильник – расположен недалеко от места впадения р. Уды в Селенгу, в пригородной зоне современной столицы Республики Бурятия г. Улан-Удэ. Кроме упомянутых мест расселения хунну отдельные находки встречаются по восточному побережью Байкала, в долине р. Баргузин, а также на западном побережье,

в Приольхонье. Но все поселения и городища хунну, найденные на территории Бурятии, находятся по берегам Селенги, Джиды и Чикоя. То есть хотя основной район проживания забайкальских хунну приходится на степные и лесостепные зоны юга Бурятии, вероятно, контролируемая ими территория этим не ограничивалась, а распространялась гораздо шире.

Могильники хунну имеют различную топографию расположения. Часть из них расположены рядом с реками (Дэрестуйский Култук, Иволгинский), другие недалеко от берегов на плоских возвышенностях (Царам, Оргойтон, Цаган Усун, Енхор), третьи в вершинах падей (Ильмовой, Черемуховой), т. е. выбор мест захоронения регулировался пока непонятными для нас соображениями.

Письменные источники не содержат конкретных сведений о вхождении Забайкалья в империю Хунну. Известно только, что шаньюй Модэ после прихода к власти совершил ряд походов, во время которых завоевал вначале дунху на востоке, затем

юэчжэй на западе. Выше упоминалось, что на севере были завоеваны племя хуньюй, располагавшиеся где-то на севере Монголии и, возможно, в Забайкалье, и племя динлин в Саянах, между верховьями Ангары и Енисея. Это позволяет лишь с малой долей уверенности предполагать, что именно эти два племени входили в состав забайкальских хунну. Причем хуньюй были, вероятно, родственными завоевателям, однако напрямую отождествить их нет оснований. Динлины, как полагают некоторые авторы, занимали земли к югу от Байкала, хотя многие исследователи в основном придерживаются точки зрения о расселении их в пределах Саяно-Алтайской горной страны. Однако имеются сведения о Су У, ханьском дипломатическом посланнике, которому хунны предложили перейти на службу к шаньюю, но он отказался изменить родине, за что был сослан на Байкал пасти овец, и в источнике есть любопытное указание, что динлины украли у него скот¹. Можно ли, в связи с этим, говорить о проживании динлинов в Забайкалье? Возможно, под именем динлинов здесь подразумевались просто местные жители вообще, тем более что этнонимы «ди» и «динлин» древнекитайские хроники толковали расширительно.

Имеющиеся сведения о территориально-административном делении Хуннской державы на 24 удела не дают точного или хотя бы приблизительного расположения этих уделов. Китайские источники содержат сведения, где были расположены владения князей и военачальников левой, правой сторон и центра, где находились земли самого шаньюя и каково было в целом внутреннее управление в хуннских уделах. В источниках даются описания хуннских владений относительно округов Китая того времени, например: «все князья и военачальники левой стороны живут на восточной стороне против округа Шангу и далее, граница на востоке с Хуйхэ и Чаосянь; князья и военачальники правой стороны живут на западной стороне, граница с юэчжи, ди и цянами; ставка шаньюя располагается против округов Дай и Юньчжун... каждый имеет выделенный участок земли, по которому кочует в поисках травы и воды, причем наиболее крупными владениями располагают левый и правый сянь-ваны и левый

и правый лули-ваны... каждый из двадцати четырех начальников также сам назначает тысячников, сотников, десятников, небольших князей, главных помощников»². Обычно эти сведения используются исследователями для подтверждения выводов об административном устройстве Хуннского государства, и речь в них идет о собственно хуннской территории. Однако из них не совсем понятно, как осуществлялось управление отдаленными территориями, например Тывой, Саяно-Алтаем, Минусинской котловиной, где археологами были выявлены следы пребывания хунну в виде погребений, сходных по ряду черт с хуннскими, находки типично хуннской керамики с остатками печи для ее обжига. Хотя некоторые исследователи связывают современную Хакасско-Минусинскую котловину с землей Хягас китайских источников, покоренной хуннами территорией, куда был назначен наместником плененный китайский полководец Ли Лин. Археологическими исследованиями в Хакасии на протяжении многих десятилетий выявлен целый ряд памятников, связанных с хунну, что позволило поставить вопрос о существовании минусинской провинции хунну³, возможно входившей в число 24 округов. Один из деятелей Хуннского государства Вэй Люй носил титул динлин-вана, видимо, имел какое-то отношение к управлению динлинами. Известно, что помимо 24 начальников, происходивших из правящих родов хунну, к управлению отдельными территориями привлекались и иноземцы, т. е. люди не хуннского происхождения. Возможно, в число 24 округов входили не только коренные земли хунну, но и завоеванные территории.

Однако, по всей видимости, в Забайкалье, как и в прилегающей Северной Монголии, была иная, нежели в Минусинской котловине, ситуация. Археологические памятники и все связанные с ними сопоставительные и аналитические исследования указывают на то, что это была территория проживания коренных хунну, ареал которых охватывает почти всю Монголию с включением автономного района Внутренняя Монголия Китая. Дохуннские насельники Забайкалья были, вероятно, потомками населения культуры плиточных могил или оставшегося после смешения с носителями культуры керексуров, то есть, населением, испытывавшим длитель-

¹ Материалы по истории сюнну... 1973. – С. 100–109; См. о нем также: Шиобин Чжан. Следы пребывания китайцев в Сибири // Труды палеоэтнологической секции ВСОРГО. – Иркутск, 1926. – С. 166–171.

² Материалы по истории сюнну... 1968. – С. 40.

³ Савинов Д. Г. Минусинская провинция хунну. – СПб., 2009.

ный контакт с мигрантами с запада Центральной Азии, как и хунну до завоевания севера контактировали с западными этносами по южную сторону Гоби. Появление хунну в Монголии и Забайкалье явилось новым катализатором исторических процессов в этом регионе.

Как отмечалось, на территории Бурятии кроме прочих археологических памятников было выявлено 2 укрепленных городища и несколько могильников с элитными курганами, оставленными, очевидно, родственной группой, выдающиеся члены которой были погребены в сложных конструкциях, сооружение которых требовало больших затрат. Погребенных в этих курганах людей сопровождало большое количество жертвенных животных, а погребальный инвентарь содержал уникальные предметы роскоши: шелковые ткани, золотые, бронзовые украшения, лаковые изделия, зеркала из сложных сплавов, костяные палочки для еды, бронзовые поясные пряжки. Все это свидетельствует о том, что погребенные в таких курганах люди относились к элите, к высшим слоям хуннского общества, чья титулатура приводилась ранее.

В настоящее время возрос научный интерес к элитным курганам хунну, исследование которых проводится на территории Монголии и Бурятии. Они известны в Центральной и Западной Монголии, на Хангайском нагорье, в Хэнтэйской горной системе, Западном Забайкалье (Ильмова падь, Оргойтон, Царам, Гол мод, Ноин Уула, Дуурлиг Нарс, Бор Булаг, Тахилтын хотгор). К сожалению, пока отсутствуют сведения о подобных памятниках с территории Ордоса и Синьцзяна.

В свете археологических данных становятся более понятными сведения письменных источников о существовании большого количества знати в хуннском обществе: знатных родов Люаньди, Лань, Хуань, Сюйбу и позднее появившегося знатного рода Цюлинь. Именно из этих родов в основном и происходили все носители высших титулов и рангов правящих кругов хуннского общества. По всей видимости, именно эти представители знати имели право на особый обряд захоронения, подчеркивавший и подтверждавший их высокий социальный статус, фиксируемый в археологических памятниках.

Однако за долгий, почти трехвековой, период существования Хуннского государства должны были появиться и появлялись представители военной и административно-властной элиты, добив-

шиеся признания за счет личных заслуг, выходящие из простых, незнатных хуннских родов, о которых почти нет сведений. В источниках упоминается, что владельцы уездов Хуннской империи сами имели возможность назначать в своих владениях тысячников, сотников, десятников, небольших князей, главных помощников, дувзев, данху и цецзюев¹, похороны которых могли сопровождаться более торжественным церемониалом, чем погребения рядовых членов рода.

В Западном Забайкалье выявлено 3 некрополя, в которых имелись захоронения, совершенные по особому обряду, так называемые княжеские, или элитные, курганы. Это могильники в Суджи (Ильмова падь, рис. 3, 4, 5, 33, 34), Цараме (рис. 6) и Оргойтоне (рис. 7), расположенные сравнительно недалеко друг от друга, в пространстве Суджи – Наушки – Оргойтон, со сторонами порядка 25–30 км. Видимо, эту зону, привязанную к Селенге, можно определить как центр хуннской периферии Западного Забайкалья, где были расположены кочевые стойбища хуннских правителей края, статус которых пока не понятен, представители это шаньюйского рода или родов и числа 4 его брачных партнеров категории «гудухоу» «ваньци» (темников), а то и тысячников или иных выслужившихся по личным заслугам людей. Во всяком случае, некрополи с элитными курганами могли быть кладбищем какой-то одной родовой группы клана, с захоронениями членов рода, достигших высокого социального положения.

Однако на территории Бурятии, как и в Монголии, известны могильники без больших элитных курганов, оставленные представителями рядовых хуннских родов, простыми кочевниками (рис. 20, 21, 22, 23, 24). Недалеко от селенгинского центра, по обе стороны р. Джиды имеется еще одна локальная зона сосредоточения памятников – Дэ-рестуйский и Енхорский комплексы могильников и поселений. Примерно в таком же отдалении к востоку от Суджи находится обширное Дуренское поселение, кладбище которого пока не найдено, еще дальше на северо-восток от Чикоя к Хилку – еще одна зона с Эдуйским могильником и Хаянским поселением. Оттуда по прямой на север мы придем к Баргайско-Иволгинской обширной зоне с могильниками и поселениями, из которых Иволгинский комплекс с городищем и могильником представляет собой выдающийся и наиболее

¹ Материалы по истории сюнну... 1968. – С. 40.

изученный памятник истории забайкальской периферии Хуннской империи.

Фортифицированное городище расположено на надпойменной террасе левого берега старого русла Селенги. Городище имеет в плане подпрямоугольную форму размерами 348 x 216 м. Вход в городище располагался с южной стороны. С востока площадь городища ограничена обрывом старого русла реки, размывшей его часть. С остальных 3 сторон оно было окружено фортификационными сооружениями, представлявшими собой 4 линии валов и 3 рва между ними (рис. 8). Рвы достигали глубины 2–2,5 м, валы были невысокими, в современном состоянии – до 0,5 м. Общая ширина оборонительной полосы равнялась 35–38 м, что делало городище труднодоступным для внезапного налета и труднопреодолимым при длительной осаде. Однако, несмотря на существование такой оборонительной системы, в начале I века н. э. Иволгинское городище, просуществовавшее, вероятно, около двухсот лет (I в. до н. э. – I в. н. э.)¹, было разгромлено и сожжено.

Внутреннее пространство городища было плотно застроено: только на исследованных 20 % площади были обнаружены остатки 54 жилищ. Это относительно небольшие, от 2,80 (3,20) м шириной до 6,65 (6,85) м длиной, прямоугольные в плане полуземлянки, углубленные на 0,55–1,1 м, с входом с южной стороны. Глинобитные стены полуземлянок имели столбовой каркас. Опорные столбы поддерживали двускатные кровли, сложенные из балок и брусьев с глиняной обмазкой, покрытые жердями, прутьями, берестой, соломой, золой и поверх всего этого дерном. В северо-восточном углу каждого жилища имелась закрытая, сложенная из каменных плит печь. От печи вдоль северной и западной стен проходил сооруженный из плоских каменных плит дымоход, действовавший как отопительный канал типа канов, широко распространенных на Дальнем Востоке.

Отличается от полуземлянок здание, расположенное в центральной части городища, где, предположительно, жил его правитель. Оно было построено на утрамбованной площадке, имело большие размеры – 13x11,5 м, толстые (1,12–1,38 м) сырцовые стены, большую печь, тщательно утрам-

бованный пол². В результате исследований, проведенных на городище, были обнаружены остатки деятельности ремесленников различных специальностей. На городище существовало керамическое и металлургическое производство, кузнечное дело и различные промыслы, жители занимались земледелием и скотоводством. Только на исследованной части поселений открыто более 600 ям разного размера и глубины, прикрытых крышками или навесами и предназначенных для хранения продовольствия: зерна, мяса, рыбы и др. Выращивали в основном просо, но употреблялись также ячмень и пшеница. Сельскохозяйственные орудия: сошник, серпы, мотыги, найденные при раскопках, свидетельствуют о достаточно высоком уровне агрокультуры³.

Жители городища держали собак различных пород и разводили крупный рогатый скот, овец, коз, свиней. Употребляли в пищу и мясо диких животных, добытых на охоте⁴.

В 440 м от городища, ближе к впадению в Селенгу р. Иволги, располагался могильник, на котором было исследовано 216 грунтовых погребений с останками 244 человек⁵.

Кроме так называемого «большого городища» существовало «малое», расположенное к югу от основного. На «малом городище», большая часть которого размыта старицей Селенги, не выявлено пока никаких остатков строительства, не выяснены и его функции.

Другой памятник – городище Баян Ундэр – находится на высоком правом берегу р. Джиды, в местности Баян Ундэр (рис. 9). Основная часть городища имела размеры 70x70 м и была укреплена валами и рвом. Вокруг городища прослеживается еще один вал. Высота внутреннего основного вала в современном состоянии достигает 1 м, а глубина рва после его исследования с внешней стороны восточного вала составила 160–170 см от современной поверхности. Вал состоит из плотно сбитой глинистой почвы с включением мелкой и средней дресвы. На северном участке вала, ближе к северо-

² Давыдова А. В. Иволгинский комплекс... 1995. – С. 14–19.

³ Давыдова А. В. Иволгинский комплекс... 1995. – С. 14–19.

⁴ Там же, с. 47–51.

⁵ Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс... 1996.

¹ Давыдова А. В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1985; Миняев С. С. Дырестуйский могильник. – СПб.: Европейский дом, 1998.

Рис. 3. Общий вид после расчистки кургана 54 в Ильмовой пади. Раскопки П.Б. Коновалова

Рис. 4. Внутреннее устройство кургана 54 в Ильмовой пади. Раскопки П.Б. Коновалова

западному углу, наблюдались остатки частокола, сделанного из толстых жердей¹.

¹ Амоголонов, Филиппова, Данилов. Оборонительные сооружения хунну // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2000.

Рис. 5. Общий вид после расчистки кургана 55 в Ильмовой пади. Раскопки С.В. Данилова

Вход внутрь укрепления прослеживается с южной стороны, где наблюдался разрыв вала. Напротив входа с наружной стороны находятся остатки сооружений округлой в плане формы диаметром около 20 м, выполнявшего, возможно, функции предвратного укрепления.

Рис. 6. Общий вид раскопок элитного кургана Царам. Раскопки С.С. Миняева

В северо-западном углу городища находились остатки прямоугольной формы здания размерами 9х8 м, ориентированного сторонами по странам света. Стены здания сохранились только в нижней части; судя по уцелевшим частям, они были тщательно заглажены и стояли строго вертикально. По всему периметру здания, выступая за линию стен, сохранились подпрямоугольной в плане формы глинобитные выступы, внутри которых просматривались остатки столбов, поддерживавших кровлю и стены здания. Внутри здания видны остатки отопительной системы – кана с очагом и дымоходом, проложенным вдоль северной и западной стен (рис. 10). Такой способ обогрева помещений хорошо известен по материалам раскопок Иволгинского городища.

Поселение Дурены, наиболее крупное из неукрепленных поселений хунну, было расположено

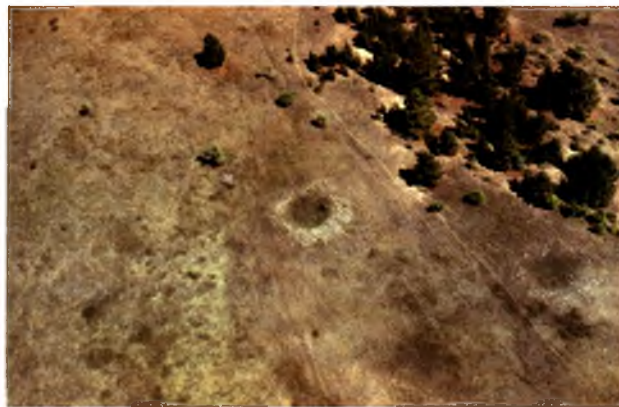

Рис. 7. Вид с вертолета на курган Оргойтон

на левобережье р. Чикой. Оно находится на краю надпойменной террасы, общая протяженность которой составляет около 5 км. Почти везде зафиксирован культурный слой мощностью до 90 см. На поселении выявлены остатки стационарных жилищ типа полужемлянок, идентичных изученным на Иволгинском городище. Говоря о характере занятий жителей поселения, можно отметить находки 21 сошника (из 29 обнаруженных в Забайкалье). Одни только разведочные раскопки (660 кв. м)

Рис. 8. Иволгинское городище. Вид на раскопки вала городища

дали почти такое же количество шлаков, которое было найдено на исследованной площади Иволгинского городища (около 8 тыс. кв. м). «Таким образом, несомненно не только ремесленная, но и

земледельческая направленность хозяйства этого поселения»¹.

В Бурятии известны местонахождения еще двух поселений – Енхорского, на правом берегу р. Джиды, возле современного села Енхор, и Баргайского – на правом берегу Селенги, около 50 км южнее г. Улан-Удэ. Вблизи обоих поселений открыты могильники, частично раскопанные экспедицией БНЦ в 80-х гг., а сами поселения раскопкам еще не подвергались.

Имеются в Бурятии и местонахождения предметов хуннской материальной культуры, в основном фрагментов керамики, как наиболее хорошо сохраняющейся, по сравнению с изделиями из железа, дерева, кости, кожи, ткани и т. д. Такие места, располагавшиеся на степных и лесостепных участках речных долин, на так называемых дюнных стоянках, на развеиваемых ветрами песчаных обнажениях со следами жизнедеятельности человека с палеолита до этнографической современности, являлись, по всей видимости, остатками стоянок и кочевий многих поколений номадов, причем на протяжении длительного времени, оставив после себя значительные культурные напластования, такие как, например, поселения Енхор, Каравановка. Встречающиеся на поселениях фрагменты керамики свидетельствуют о том, что и подвижные кочевники использовали в быту относительно хрупкую керамическую посуду (рис. 12).

Таким образом, население Западного Забайкалья в хуннскую эпоху состояло из кочевой части, оставившей после себя могильники и дюнные стоянки, и из оседлой части, от которой остались стационарные городища и поселения. Какие отношения существовали между этими двумя группами населения, мы попытаемся раскрыть ниже, после рассмотрения вопроса о хозяйственной деятельности хунну.

Эколого-экономические факторы жизнедеятельности хунну в условиях Забайкалья

Судя по насыщенности территории Западного Забайкалья хуннскими памятниками, она была ими хорошо освоена. Богатая и разнообразная своими природными ресурсами, она была хорошо приспособлена для ведения комплексного хозяйства – со

скотоводством, земледелием, ремеслом, охотой, различными промыслами.

Хуннское время приходится на завершающий этап позднего субатлантического увлажнения в степях Монголии и Забайкалья, который сменяется на рубеже прошлой и новой эры началом аридизации, послужившей причиной т. н. «великого переселения народов» Евразийского степного пояса. По природному районированию Бурятия делится на северную, преимущественно таежную, и южную, лесостепную и степную зоны. Исследования палеогеографов показывают, что ландшафты Забайкалья, сложившиеся на стадии субатлантического периода, на протяжении последних тысячелетий остались практически неизменными. В хуннскую эпоху на данной территории были распространены карагана золотистая, ковыли, мятлик, житняк, вострец ложнопырейный. Палеозоологические и палеогеографические исследования показывают, что фауна хуннского периода была аналогична современной (за исключением некоторых уничтоженных человеком видов): горный козел, горный баран, кабан, антилопа-дзерен, газель, кулан, дикая лошадь, кося, волк, лисица, олень, лось, заяц, тарбаган, тушканчик, пищуха; из птиц – гриф, орел, коршун, сокол, утка, гусь, журавль, жаворонок, перепел, дрофа. С учетом природно-климатических и ландшафтных условий, растительного и животного мира Забайкалья можно попытаться реконструировать систему хозяйственной деятельности хунну. Согласно письменным и археологическим источникам, основным занятием хуннского населения Забайкалья, как и всей территории, где они проживали, было скотоводство. Китайские письменные источники описывают хунну как кочевых скотоводов: «Из домашнего скота у сюнну больше всего лошадей, крупного рогатого скота и овец, из редкого скота – верблюдов, ослов, мулов, цзюэти, таоту и таньхи. В поисках воды и травы переходят с места на место, и, хотя у них нет городов, обнесенных внутренними и внешними стенами, нет постоянного местожительства и они не занимаются обработкой полей, тем не менее каждый тоже имеет выделенный участок земли... По существующим среди них обычаям, в спокойное время следуют за своим скотом и попутно охотятся на птиц и зверей, поддерживая таким образом существование...»² Такую стереотипную, классическую характеристику образа жизни

¹ Давыдова А. В. К вопросу о роли оседлых поселений в кочевом обществе сюнну // Краткие сообщения института археологии. – 1978. – № 154. – С. 58.

² Материалы по истории сюнну... 1968. – С. 34.

кочевников китайских источников дополняют и конкретизируют современные археологические, палеогеографические и палеозоологические исследования, проводимые на территории Западного Забайкалья. Степные и лесостепные районы, в сочетании с горным рельефом, обладали высококачественными пастбищами и были пригодны для кочевничества с круглогодичным выпасом скота. Палеозоологические исследования позволяют заключить, что для забайкальских хунну подходил «степной» тип кочевания, характеризующийся летними пастбищами в открытых местах и зимними стоянками на южных склонах гор, в падах и лощинах, удобных для защиты от ветров. Наличие пастбищ с небольшим снежным покровом позволяло успешно проводить зимний выпас.

Зафиксированные в письменных источниках сведения о преобладании в хозяйстве хунну кочевого скотоводства подтверждаются археологическими материалами. Судя по костям, найденным на поселениях и в могильниках, состав стада включал в себя 5 основных видов скота: лошадей, овец, крупный рогатый скот, коз, верблюдов. Кроме того, были обнаружены кости свиньи, собаки, кулана. Преобладающим видом скота у кочевой части населения, определяемым по находкам в могильниках, была овца (50 %), затем шли лошадь (20 %), крупный рогатый скот (20 %), коза (6–7 %), верблюд и кулан (3–4 %). Состав стада оседлых жителей был несколько иным: заметно выше доля крупного рогатого скота, уравниваемая с мелким рогатым скотом, значительную часть скота составляли свиньи, затем лошади, козы и верблюды, хотя следует отметить, что количество животных, чьи кости обнаружены в захоронениях, регулировалось погребальным обрядом и не совсем правильно могло отражать реальное видовое соотношение в реальных стадах кочевников.

Количество скота определяется объемом пастбищных экосистем. Исходя из биопродукции пастбищных экосистем Западного Забайкалья, при помощи специальных методик, основанных на определении продуктивности пастбищных ресурсов, можно подсчитать общее количество хуннского населения этой территории. В результате проведенных расчетов вероятного количества скота и численности скотоводов на данной территории выяснилось, что в Западном Забайкалье в хуннское время могло выпасаться около 1,5 млн. овец и кочевать примерно 27 тыс. человек. В военной ситуации такое население могло выставить от 2–3 до 5

тыс. вооруженных воинов. В совокупности с мобилизуемыми на войну аборигенами они составляли воинское подразделение с военачальником в ранге так называемого «слабого ваньди» – темника с неполным 10-тысячным контингентом воинов¹. Однако расчеты по численности только скотоводов нужно принимать во внимание с поправкой на то, что часть пищевых ресурсов они получали помимо скотоводства земледелием, охотой, собирательством и др. И, естественно, точный расчет населения северной части Центральной Азии, особенно кочевого, передвигающегося на большие расстояния, требует создания более совершенной методики расчетов.

Китайские источники отмечают существование земледелия у хунну: «...В это время начался сильный снегопад...[в результате чего] хлеба не вызрели». Или сообщается, что «сюнну послали левого и правого дацзянов и с каждым более десяти тысяч всадников, чтобы они стали гарнизонами и занимались обработкой полей в правых землях»². Хотя территория Забайкалья относится к зоне рискованного земледелия, о которой письменные источники сообщают так: «Случилось, что кряду несколько месяцев шел снег, и это произвело падеж скота, заразные болезни среди людей, и хлеб на полях не созрел»³, археологические материалы из Забайкалья подтверждают наличие у хунну земледелия. Особенно ценные данные были получены при раскопках Иволгинского городища, где обнаружены сошники, мотыги, серпы, наконечники лопат, а также остатки культивируемых зерен проса, ячменя и пшеницы. На поселении Дурены, тянущемся почти 5 км, было обнаружено большое количество чугунных сошников, что говорит о развитом, хорошо поставленном пашенном земледелии, тем более, что оба этих поселения располагались в благоприятных экологических условиях. Конкретные формы технологической цепочки земледельческих работ пока не определены, однако ясно, что оседлое население Западного Забайкалья играло здесь особую роль.

Наряду со скотоводством и земледелием одной из отраслей хозяйства хунну была охота. В китайских хрониках читаем: «Мальчики умеют ездить

¹ Крадин Н. Н. Вероятная численность кочевого населения Бурятии в хуннскую эпоху // Вперед... в прошлое: к 70-летию Ж. В. Андреевой. – Владивосток: Дальнаука, 2000. – С. 161–173.

² Материалы по истории сюнну... 1973. – С. 28, 30.

³ Материалы по истории сюнну... 1973. – С. 55.

Рис. 9. Вид с вертолета на городище Баян Ундэр

Рис. 10. Городище Баян Ундэр. Раскопки здания в северо-западном углу города. Раскопки С.В. Данилова

Рис. 11. Городище Баян Ундэр. Зеркало из здания

Рис. 12. Керамические сосуды из Иволгинского городища

верхом на овцах, из лука стрелять птиц и мышей; постарше стреляют лисиц и зайцев, которых употребляют в пищу»¹. Помимо лисиц и зайцев, судя по находкам костей в погребениях и городищах Забайкалья, промысловыми животными хунну были благородный олень, лось, горный баран, антилопа-джейран, косуля, кабан, медведь, барсук, из пушных зверей – заяц, хорек, соболь, из птиц – глухарь².

¹ Материалы по истории сюнну... 1973. – С. 34

² Давыдова А. В. Иволгинский комплекс памятников

Хунну занимались также рыболовством. Об этом можно судить по находкам на Иволгинском городище. На полу хозяйственных ям и жилищ (рис. 13) в большом количестве были обнаружены кости и чешуя рыб, в основном тайменя, ленка, хариуса, леща, щуки, омуля и осетра³.

хунну в Забайкалье. – Л., 1985. – С. 74; Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье. – Улан-Удэ, 1976. – С. 35.

³ Давыдова А. В. Иволгинский комплекс памятников хунну в Забайкалье... – С. 73–74.

Рис. 13. Раскопки Иволгинского городища. А.В. Давыдовой. Вид на раскопки

Значительное место в хозяйстве хунну занимали различные виды ремесел. Судя по найденным украшениям (пряжки, подвески, зеркала), посуде (котлы, чаши) (рис. 29) и вооружению (наконечники стрел), сделанному из бронзы, у хунну было развито бронзолитейное ремесло. Несомненно, оно базировалось на местных рудных источниках и на традициях высокоразвитого бронзолитейного дела, сложившегося в Центральной Азии еще в предшествующий период.

Обнаружение на Иволгинском городище остатков плавильной печи и шлаков говорит о существовании у хунну железоплавильного производства. Сырье для производства железа было также местным: в бассейне р. Селенги и других местах в изобилии встречались железные руды, что позволяло кузнецам изготавливать разнообразные изделия.

Многочисленные находки изделий из кости и рога (предметы вооружения, быта, культа, украшения) на всех видах археологических памятников указывают на развитие у хунну косторезного ремесла (рис. 27, 28, 31, 32). Материалом служили рога и кости оленей, косуль, а также кости домашних животных.

Богатые лесные ресурсы Забайкалья служили хорошей базой для развития плотницкого дела. Убедительные образцы изготовления деревянных конструкций видны в погребальных сооружениях хунну, где применены технические приемы пиления, рубки, тесания и другие способы обработки дерева. К характеристике кочевого быта хунну относится упоминание источников об изготовлении юрт и повозок¹. И наконец, высокоразвитое и своеобразное хуннское гончарное ремесло, которое как нельзя более убедительно выдает восточноазиатский компонент культуры хунну. Керамическая посуда, неповторимая по своим формам и способам изготовления, отражает две технические традиции – забайкальско-монгольскую и маньчжурско-китайскую. В таком сочетании ее невозможно спутать с керамикой других кочевых культур Центральной Азии и Южной Сибири. Глядя на коллекции

¹ Материалы по истории сюнну... 1973. – С. 46.

хуннских сосудов, можно лишь удивляться, что они выделаны кочевниками: настолько они совершенны по технологии и «стационарны» по размерам и формам¹. При этом не приходится сомневаться, что повсюду, где проживали хунну, существовало местное производство керамики (яркий пример тому – обнаруженная в Горном Алтае керамическая мастерская с остатками печей для обжига посуды).

Таким образом, земли Южной Бурятии и части Северной Монголии, экологически обособленные, были вполне благоприятны для ведения комплексного хозяйства. Можно полагать, что данная территория не только имела важное экономическое значение, но и вполне могла представлять собой самостоятельное административно-политическое подразделение в структуре Хуннской империи.

Выделение двух групп населения – оседлой и кочевой – ставит вопрос об их внутренней организации и соотношении между собой. Основным занятием кочевников, судя по источникам, было следующее: «в мирное время они следуют за скотом и одновременно охотятся на птиц и зверей ... в тревожные годы каждый обучается военному делу для совершения нападений ... все возмужавшие, которые в состоянии натянуть лук, становятся конными латниками»². То есть кочевая часть населения, боеспособные, физически здоровые мужчины с детства готовили себя к войне, перекладывая все хозяйственные заботы на женщин, пожилых и не способных воевать мужчин.

Об оседлой части населения письменные источники почти ничего не сообщают, упоминая деятельность людей, занятых в управлении при ставке шаньюя. Археологические сведения говорят о занятии жителей забайкальских поселений земледелием и, по-видимому, полукочевым скотоводством, производством ремесленных изделий, необходимых в быту и военном деле, изготовлением различных изделий.

Социальная структура и демография хуннского населения Забайкалья. Новые материалы, полученные в основном при исследовании хуннских памятников Западного Забайкалья, позволяют

сделать некоторые выводы о социальном устройстве хуннского общества по материалам могильников. Для выявления признаков, значимых для тех или иных половозрастных и общественных групп, использовался факторный анализ. Данный метод позволяет обнаруживать скрытые связи между выбранными признаками. Для выделения социальных групп внутри однородных половозрастных применялся кластерный анализ. Этот метод предназначен для разбивки какого-либо множества на заданное или неизвестное число классов на основании некоторых критериев сходства-различия³.

Данные таблицы 1 подтверждают тезис о многоуровневой социальной иерархии в империи. Мужские погребения разбиваются на несколько рангов, резко различающихся между собой. Могильники выстраиваются в иерархическую лестницу. Самый верхний «этаж» занимают 3 кургана Ильмовой пади (№10, 40, 54) кластера 2, которые относятся к так называемым элитным курганам. Далее расположены захоронения субкластеров 1А и 1В того же могильника. Между ними имеются некоторые отличия. Погребения субкластера 1А, возможно, несколько «богаче».

За ними по близости погребального обряда и количеству сопроводительного инвентаря следуют погребения Черемуховой пади и Дэрестуйского Култука. По всей видимости, мы должны говорить о полноправном населении общества хунну. В последнем могильнике выделяются три группы примерно одного общественного ранга.

В Иволгинском грунтовом могильнике выделено 4 общественных ранга. На самый низший указывают безынвентарные погребения кластера 1. Другие три группы сопровождаются различными категориями инвентаря. Вторая подгруппа (субкластер 2АВ) отличается от первой (субкластер 2АА) наличием пояса, а третья (субкластер 2В) от второй – наличием конского снаряжения.

Можно было бы попытаться привязать эти прослойки к конкретным социальным группам, известным по летописным источникам. Однако пока это представляется несколько преждевременным, т. к. с каждым новым полевым сезоном знания о прошлом могут существенно корректироваться. По всей видимости, только при значительном расширении источниковой базы можно будет более опре-

¹ Коновалов П.Б. Некоторые итоги и задачи изучения хунну // Древние культуры Монголии. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 46.

² Материалы по истории сюнну... 1973. – С. 34.

³ Федоров-Давыдов Г. А. Статистические методы в археологии. – М.: Высшая школа. 1987. – С. 174–189.

Таблица 1

Мужские погребения хунну Забайкалья

Могильник	Кластер	Сопроводительный инвентарь
Иволгинский могильник	1	безынвентарные погребения
	2AA	погребения с инвентарем
	2AB	инвентарь + пояс
	2B	инвентарь + пояс + конское снаряжение
Дэрестуйский Култук	1B	разнообразный инвентарь
	1A	более разнообразный инвентарь
	2	более разнообразный инвентарь с украшениями
Черемуховая падь	1	дифференциации не выявлено
	2	
Ильмовая падь	1B	разнообразный инвентарь
	1A	еще более разнообразный инвентарь (+ зеркала, золотые украшения)
	2	курганы элиты (№ 10,40, 54) с богатым инвентарем

деленно связать те или иные кластеры погребений с конкретными социальными группами общества хунну.

В то же время, интерпретируя результаты статистического анализа погребальных комплексов мужских захоронений, следует учитывать, что «элитные» курганы резко противопоставлены захоронениям людей, имевших более низкий статус. Здесь можно говорить как об отличиях в погребальном обряде и разнообразии сопроводительного инвентаря между могильниками в целом, так и об отличиях между отдельными общественными группами (субкластерами погребений). Различия между отдельными курганными могильниками могли быть обусловлены разным статусом племенных и родовых коллективов, оставивших эти погребальные комплексы, их внутриэтнической (родоплеменной) дифференциацией и хронологическими отличиями на разных этапах истории хунну.

Количество труда, вложенного в курганные могильники Ильмовой и Черемуховой падей, Дэрестуйского Култука, в целом больше, чем погребений грунтового Иволгинского могильника. Это дает основание предположить, что статус кочевников-скотоводов был явно выше статуса жителей осед-

лых земледельческих поселений. Наличие гораздо большего количества курганных могильников наводит на мысль, что они являлись родовыми кладбищами кочевников. Иволгинский могильник недостаточно изучен в плане кровнородственных связей захороненных, но можно предположить, что его население было достаточно разнородным.

Дифференциация субкластеров внутри могильников отражает отличия между различными социальными рангами общества. Здесь по сопроводительному инвентарю особенно выделяются самые «богатые» захоронения (кластер 2, Ильмовая падь). Гораздо труднее решить, представителям каких общественных рангов хунну (старшим в роде, простымномадам, рабам и т. д.) принадлежат погребения того или иного кластера (субкластера). Однако это не означает, что подобная интерпретация в будущем останется невозможной. В частности, вряд ли мы сильно ошибемся, если свяжем самые бедные погребения кластера 1 Иволгинского могильника с населением, имевшим рабский или полурабский статус.

Исследование совокупности женских захоронений (табл. 2) показывает наличие иерархии и у представительниц слабого пола. Необходимо так-

Рис. 14. Ажурные бляхи с изображением дерущихся куланов. Случайная находка у с. Полканово

же отметить, что почти в половине выделенных кластеров (субкластеров) женских захоронений встречаются предметы вооружения. Это как будто подтверждает хорошо известный по письменным и археологическим источникам факт об активном участии женщин в военной жизни степняков. Однако не находит объяснения факт, что среди оседлого населения (в 3 из 5 субкластеров Иволгинского могильника) предметы вооружения встречались несколько чаще, чем у спутниц кочевников-мужчин.

В захоронениях наиболее «знатного» могильника Ильмовой пади выделяются 3 социальных ранга: наиболее «богатые» погребения относятся к субкластеру 1А. Более бедные погребения относятся к кластеру 2. Погребения женщин с самым низким статусом относятся к субкластеру 1В.

Рис. 15. Ажурные бляхи с изображением дерущихся куланов. Дэрестуйский Кулдук. Раскопки С.С. Миняева

Рис. 16. Ажурная пряжка из Дэрестуйского Кулдука. Раскопки

В женских захоронениях Черемуховой пади, в отличие от мужских, выделяются два социальных слоя: с погребениями побогаче (кластер 2) и победнее (кластер 1).

Рис. 14. Ажурные бляхи с изображением дерущихся куланов. Случайная находка у с. Полканово

же отметить, что почти в половине выделенных кластеров (субкластеров) женских захоронений встречаются предметы вооружения. Это как будто подтверждает хорошо известный по письменным и археологическим источникам факт об активном участии женщин в военной жизни степняков. Однако не находит объяснения факт, что среди оседлого населения (в 3 из 5 субкластеров Иволгинского могильника) предметы вооружения встречались несколько чаще, чем у спутниц кочевников-мужчин.

В захоронениях наиболее «знатного» могильника Ильмовой пади выделяются 3 социальных ранга: наиболее «богатые» погребения относятся к субкластеру 1А. Более бедные погребения относятся к кластеру 2. Погребения женщин с самым низким статусом относятся к субкластеру 1В.

Рис. 15. Ажурные бляхи с изображением дерущихся куланов. Дэрестуйский Култук. Раскопки С.С. Миняева

Рис. 16. Ажурная пряжка из Дэрестуйского Култука. Раскопки

В женских захоронениях Черемуховой пади, в отличие от мужских, выделяются два социальных слоя: с погребениями побогаче (кластер 2) и победнее (кластер 1).

Рис. 17. Ажурная нашивная бляха с изображением фантастических существ. Дэрестуйский Култук. Раскопки С.С. Миняева

Рис. 18. Ажурная бляха с изображением лошади в стиле «тяги-толкай». Дэрестуйский Култук. Раскопки С.С. Миняева

Гораздо более сложная иерархия прослеживается в женских захоронениях Иволгинского могильника. Там выявлено 5 рангов. Первая группа погребений (1В) безынвентарная, во второй (1АА) встречается только керамика, в третьей (1АВ) появляется сопроводительный инвентарь, в четвертой (2А) он становится разнообразнее (монеты, разнообразные украшения, в т. ч. пояс), в пятой (2В) данные признаки уже массовые, заупокойная тризна более разнообразна.

Рис. 19. Наскальные изображения 2 куланов. Субуктуйская писаница

Анализ погребений могильника Дэрестуйский Култук выявил существование 3 социальных подгрупп. Группа 1В сопровождается обычным для простых захоронений инвентарем. Она более бедна, чем группы 1А и 2. Однако между последними группами также есть некоторые отличия. В кластере 2 найдено оружие, кластер 1А отличается большим количеством и разнообразием украшений.

Таблица 3

Детские погребения хунну Забайкалья

Могильник	Кластер	Сопроводительный инвентарь
Иволгинский могильник	1	погребения в сосуде
	2AAB	безынвентарные погребения
	2AAA	керамика
	2AB	инвентарь (в т. ч. керамика)
Дэрестуйский Култук	1A	инвентарь (девочки ?)
	2	инвентарь (мальчики?)
Ильмовая падь		дифференциации не выявлено

ных рангов зависит от количества имеющейся выборки данных.

Выявленные в результате исследований различия в положении кочевого и оседлого населения являются показателем различия их социального статуса и, возможно, материального положения. По всей видимости, оседлое население являлось производи-

телем материальных ценностей, не производимых в рамках кочевого общества, и имело в целом более низкий статус. Погребения Ильмовой и Черемуховой падей, Дэрестуйского Култука и Енхорского могильника богаче, чем захоронения Иволгинского могильника, принадлежащего одноименному городу. С другой стороны, раскопанные на Иволгин-

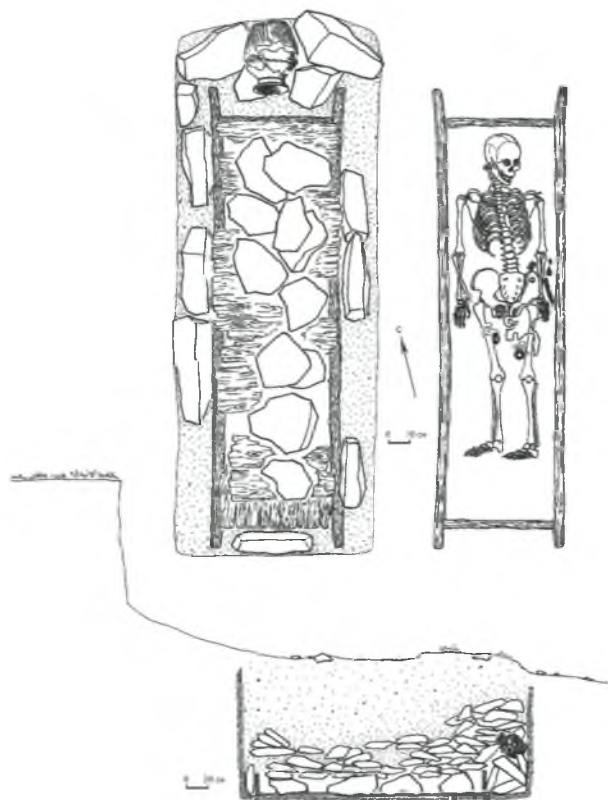

Рис. 20. Дэрестуйский Култук. Погребение в гробу. Раскопки П.Б. Коновалова

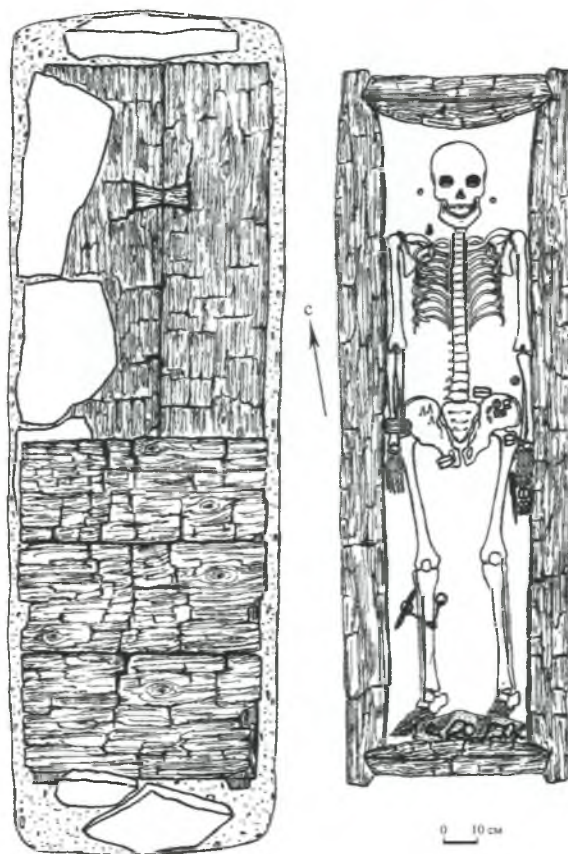

Рис. 21. Дэрестуйский Култук. Погребение в срубе и гробу. Раскопки П.Б. Коновалова

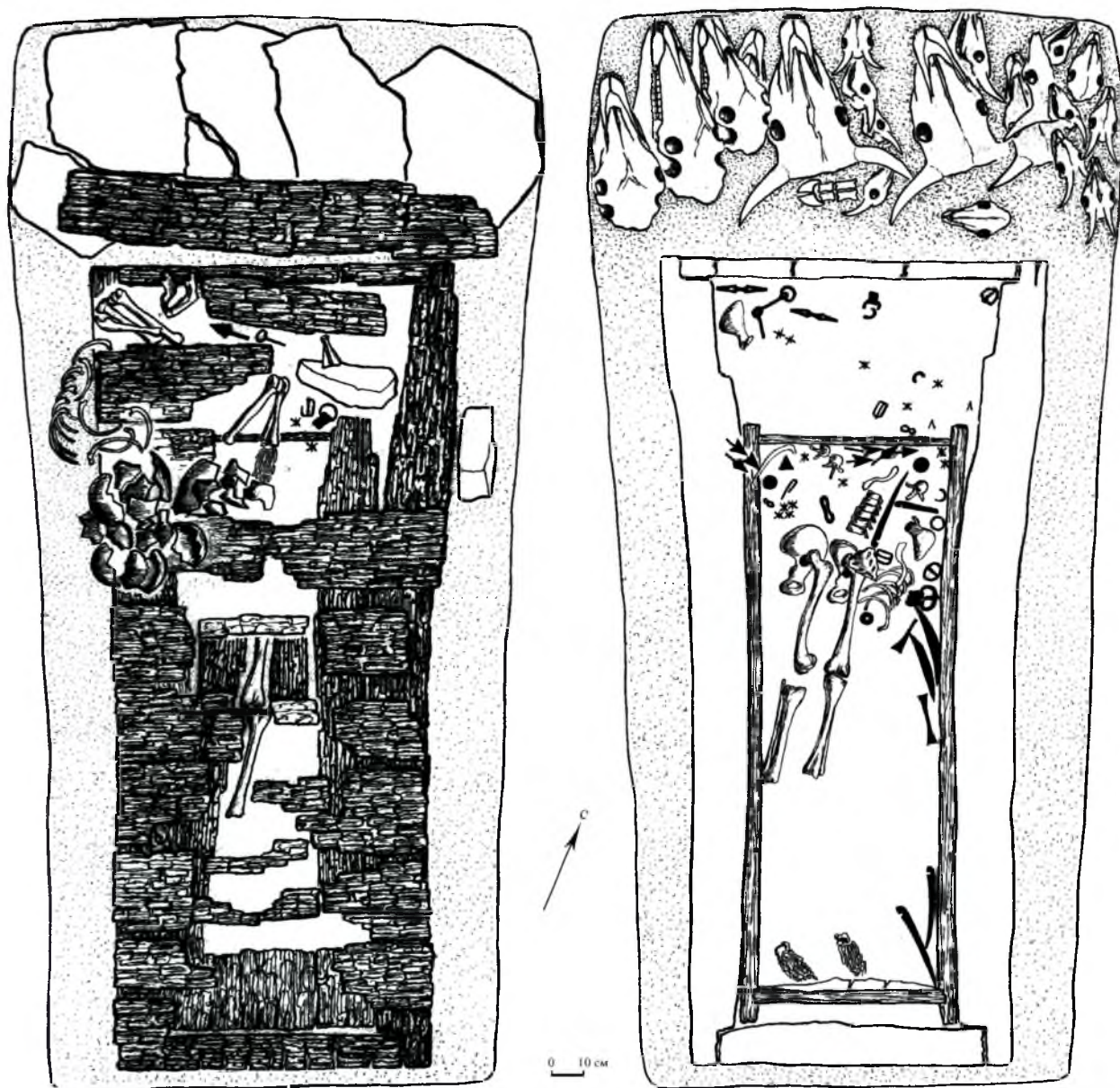

Рис. 22. Ильмовая падь. Погребение в гробу и срубе с жертвоприношениями животных. Раскопки П.Б. Коновалова

ском городище и городище Баян Ундэр наземные здания относительно больших размеров показывают, что в них жили люди с довольно высоким социальным статусом. Пока неизвестно, являлись ли они представителями элиты, но, во всяком случае, их положение было выше, чем рядовых поселенцев. Городище Баян Ундэр по ряду признаков можно отнести к укрепленной ставке правителя или высокопоставленного чиновника региональной элиты,

о статусе которого говорить пока затруднительно. Также сложно соотнести его с представителями знати, захороненными в элитных курганах. Скорее всего, решение проблемы соотношения кочевой и оседлой элиты в Западном Забайкалье можно будет рассматривать после проведения дальнейших исследований как элитных курганов, так и поселенческих комплексов. По всей видимости, в Забайкалье, как и во всей Хуннской державе, существовал ши-

Рис. 23. Енхор. Погребение в срубе. Раскопки П.Б. Коновалова, Н.В. Именохоева

Рис. 24. Дэрестуйский Култук. Погребение в каменном ящике. Раскопки П.Б. Коновалова

рокий спектр взаимоотношений между кочевой и оседлой частями общества, исследование которых только начинается.

Нельзя забывать также о том, что Забайкалье являлось северной окраиной империи Хунну, и население здесь могло иметь свои специфические черты. Вероятно, здесь проживала одна или несколько периферийных этносоциальных групп империи, но вряд ли стоит предполагать, что они принципиально отличались от населения северо-монгольской метрополии¹. На территории Монголии имеются более пышные погребальные комплексы хуннской элиты, принадлежащие не провинциальным вождям, а представителям наиболее знатных родов хуннского общества. Расположены здесь и городища, выпол-

¹ В отличие от Забайкалья, например, территории Саяно-Алтая, Синьцзяна, Хингана с нехуннским населением являлись лишь подвластными провинциями империи.

нявшие какие-то иные функции, чем поселения Западного Забайкалья. Это просматривается в присутствии на них более фундаментальных сооружений и черепичных перекрытий на зданиях. Интересно, что на хуннских городищах Забайкалья, в отличие от городищ Монголии, не было обнаружено черепицы, которая является индикатором зданий с административными или культовыми функциями. Скорее всего, при исследовании массива погребений из Монголии будет выделено несколько иное количество социальных групп, чем в Забайкалье, другим будет и соотношение между ними. Однако рассмотрение всех этих вопросов, так же как и проблема хронологии и локальных вариантов культуры хунну, – это задача других исследований, для осуществления которых понадобится систематизировать всю имеющуюся информацию о раскопанных погребениях хунну на территории России, Монголии и Китая.

9.7. Духовная культура: религиозные воззрения, изобразительное искусство хунну

В настоящем издании невозможно да и нет необходимости систематически и полно представить картину духовной культуры во всех ее проявлениях, как, впрочем, обстоит дело и со всем вышеизложенным по истории хунну. Посему мы остановимся здесь лишь на основных и самых ярких свидетельствах письменных и археологических источников, характеризующих религиозную идеологию и связанное с ней изобразительное искусство.

Религиозные воззрения хунну с полным основанием следует рассматривать в контексте системы центральноазиатского шаманизма. Особенности религиозного сознания народов региона Центральной Азии и Южной Сибири были обусловлены их хозяйственно-бытовым укладом, основанным на кочевом и полукочевом скотоводстве, а также специфическими общественными отношениями, формировавшимися в течение примерно 3 тыс. лет, начиная с эпохи бронзы, и сложившимися в своих основных чертах в скифо-тагарское и хунно-сарматское время. Новые качественные изменения в развитии шаманизма произошли в период разложения родового строя и образования ранних государственных образований хунну, сяньби, жуэней и древних тюрков. Именно в эту эпоху и происходит становление собственно центральноазиатского шаманизма.

Уже в эпоху хунну в Центральной Азии шаманизм тюрко-монгольских народов в структурном плане оформился в основных своих чертах, т. е. в религии хунну налицо проявляются все характерные признаки центральноазиатского шаманизма. Появившиеся религиозные культы и традиции хунну получили дальнейшее развитие в последующие периоды владычества сяньби, жуэней, тюрков, уйгуров, киданей и монголов. Весь путь эволюционного развития шаманизма в Центральной Азии демонстрирует синкретизм мировоззрения кочевников, сочетающий культы предков, тотемизма, магические обряды, верования в мир духов и в высшие небесные силы.

Культ неба. В эпоху ранних кочевников скифо-тагарского, хунно-сарматского и последующих периодов культ Неба имел огромное значение в жизни кочевников. Такую значимость можно объяснить тем, что древние скотоводы находились в сильной зави-

симости от сил природы, были бессильны против стихий и их воображение должно было устремиться к небу, которое воспринималось как всемогущее существо. К нему обращались с просьбами дать небесную воду, отвести морозы, гололедицы, эпизоотии и т. д. Со временем представления о небе расширились и усложнились, оно стало рассматриваться как особый мир, где обитает множество богов-тэнгриев, а в целом Небо считалось верховным существом и мужским началом, дарующим жизнь и судьбу людей.

В китайских источниках многократно упоминается о наличии культа неба у хунну, например: «В пятой луне все съезжаются на большое собрание в Лунчэне, где приносят жертвы предкам, небу, земле, духам людей и небесным духам»¹. По сообщению Фань Е, «сюнну, согласно обычаю, три раза в год совершали жертвоприношения в Лунчэне, где всегда в первой, пятой и девятой луне, в день У, приносили жертвы духу Неба»². «Хунну приносили жертвы небу в Юньян у горы Ганьцюаньшань. Когда дом Цинь отнял у них сие место, они перенесли сие жертвоприношение в западную сторону Хючжуй-князя. По сей причине Хючжуй-князь имел золотого кумира, перед которым приносил жертвы небесному жителю»³. В генеалогическом мифе о происхождении гаогюйцев имеется указание как бы на хуннский храм, точнее «высокий терем», в который поместил шаньюй своих дочерей чрезвычайной красоты, чтобы предоставить их Небу (сказав: «Молю Небо принять их!»). Посланный Небом волк, вырыв нору, поселился под теремом, а младшая из дочерей сошла к нему, и потомство от брака хуннской принцессы с небесным волком образовало гаогюйское племя⁴. Этот эпизод напрямую демонстрирует кроме культа Неба еще и древние тотемические верования.

Подобные антропологические мифы унаследовали все постхуннские династии кочевых обществ Центральной Азии. В них (мифах, преданиях) провозглашается идея о сверхъестественном происхождении правящего рода или отдельных личностей, появившихся якобы по воле Неба. Например, сянь-

¹ Материалы по истории сюнну... 1968. – С. 40.

² Материалы по истории сюнну... 1973. – С. 15.

³ Там же, с. 53.

⁴ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – Т. I. – М.-Л., 1950. – С. 214–215.

бийский Таншихай-шаньюй был зачат от градинки, упавшей с неба в уста его матери¹. Или: в надписи на мемориальной стеле в честь Кюль-тегина повествуется о том, что «когда было сотвореноверху голубое небо и внизу бурая земля, между ними обоими были сотворены сыны человеческие»². И, наконец, в предании о происхождении царского рода Чингис-хана говорится, что родоначальник монголов Бодончар был зачат от сияния, снизошедшего с неба в час заката (через дымник юрты) в образе светло-рыжего человека и ушедшего из опочивальни его матери Алан-гоа лишь с утренним рассветом, уже в образе рыжего пса³. Эти предания наглядно показывают ту роль, какую отводили центрально-азиатские кочевники, в т. ч. и хунну, Небу. Главной целью создания подобных мифов было «возвысить в глазах народа не только того или иного правителя, вождя, хана, но также владетельные роды, увековечить их особое положение. В этой связи примечателен титул хуннского шаньюя, декларируемый как «Небом и Землей рожденный, Солнцем и Луной поставленный», который, очевидно, имел особую силу воздействия на сознание людей и служил идеологическим обоснованием его власти. Само слово «шаньюй», по объяснению Бань Гу, означает «обширный» и показывает, что носитель этого титула обширен подобно Небу⁴. Вместе с тем отметим, что здесь отражены и более древние солярные культы Солнца и Луны – предшественников культа Неба.

Культ Земли. Если Небо в мировоззрении хунну выступало в качестве творческого начала, дарующего жизнь и судьбу человека, то в формулировке титула шаньюя запечатлена концепция культа Неба и Земли в их связке, как животворящей «супружеской пары». Но культ Земли сам по себе является другим важнейшим пунктом мировоззренческого комплекса хунну. Он, как и культ Неба, стал одним из самых распространенных у кочевых народов Центральной Азии. Наряду с Небом Земля считалась партнером акта творения жизни. Везде она воплощала роль женского начала, персонифици-

ровалась в образе земли-матери, прародительницы всего живого в природе.

У древних тюрков культ Земли был одним из главных после культа Неба и богини Умай. У них он сложился, вернее сказать – трансформировался, в более понятный по своей натуралистичности комплекс «Земля-Вода» (Йер-Су). С культом Йер-Су непосредственно связано понятие «отукен» древних тюрков, под которым подразумевается родина, родная земля, метрополия древнетюркских каганатов в Хангайском нагорье. Но надо сказать, что более обширная территория, охватывающая Хангай и Хэнтэй, являлась и метрополией Хуннской державы, что позволяет связывать возникновение культа Земли-Воды / Родины-Матери с хуннским периодом. На этой территории находятся крупные некрополи с княжеско-царскими курганами хунну, важнейшие культовые места, политические и ремесленно-поселенческие пункты хуннской метрополии.

Древнетюркский термин «отукен», по всей видимости, восходит к монголоязычному термину «утугэн/этугэн», а через него – к слову «отог/утуг/утэг» со значением «место стойбища/усадеб/участок удобренной или унавоженной земли», т. е. обжитая, родная земля. Доржи Банзаров писал о культе Земли у монголов: «Ей (богине Этуген. – *Прим. П. К.*) приносили в жертву молоко, кумыс и чай, умоляли ее о плодородии почвы и других предметах, составляющих материальное счастье человека. Главным качеством богини Этуген считается производительность, которая является в ней от влияния неба»⁵. Исходя из этого, представляется возможным, что имя хозяйки земли – Этуген – у монголов и бурят своим происхождением обязано хуннам.

Культ гор. Необходимым следствием обоготворения земли было почитание гор, рек, деревьев и прочего – словом, того, что составляло ландшафты. О наличии священных гор у хунну свидетельствует уже упомянутое сообщение из древнекитайской летописи: «Когда дом Цинь отнял у них сие место (г. Ганьцюаньшань в Ордосе, где они регулярно приносили жертву Небу. – *Прим. П. К.*), они перенесли сие жертвоприношение в западную сторону»⁶. А когда в 83 г. н. э. китайские войска по просьбе южных хунну выступили против северных, то их поход закончился на священной для северных

¹ Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху / Введ., пер. и комм. В. С. Таскина. – М.: Наука, ГРВЛ, 1984. – С. 75.

² Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. – М.-Л., 1951. – С. 36.

³ Сокровенное сказание... – § 21.

⁴ Материалы по истории сюнну... 1973. – С. 6.

⁵ Банзаров Д. Собрание сочинений. – М., 1955. – С. 67.

⁶ Материалы по истории сюнну... 1968. – С. 53–54.

Рис. 25. Ажурная пряжка с бычьей головой. Дэрэстуйский Култук. Раскопки Ю. Д. Талько-Грынцевича

хунну г. Яньжань, а разгром противника был закреплен установкой памятника: «Доу Сянь и Гэн Бин (ханьские полководцы. – Прим. П. К.) поднялись на гору Яньжань, находившуюся на расстоянии более 3 тыс. ли от укрепленной линии, и поставили на ней каменный памятник с описанием могущества и до-

Рис. 26. Пряжка. Сцена борьбы животных «Козел, терзаемый тигром и грифоном». Дэрэстуйский Култук. Раскопки Ю. Д. Талько-Грынцевича.

бродетели династии Хань»¹. Яньжань/Яньжаньшань идентифицируется как одна из гор Хангайского нагорья в центральной части современной Монголии². Хангай со времен хунну являлся центром метрополий кочевых государств, и надо полагать, что там было много сакральных центров.

Священные горы у хунну выполняли роль культовых мест. Там проводились моления, посвященные небесным божествам. По существовавшим в шаманизме представлениям, горы являются посредниками между небом и землей. Давая клятву перед Небом, восходили на гору, как это описано, например, при заключении договора между Хуханье-шаньюем и представителями китайского двора: «отныне впредь Хань и Хунну будут составлять один Дом; из рода в род не будут ни обманывать друг друга, ни нападать друг на друга ... при набегах неприятелей взаимно вспомоществовать войском. Кто из них прежде нарушит договор, да воспримет кару от Неба, и потомство его из рода в род пострадает под сею клятвою»³. Характерной особенностью топографии хуннских могильников является то, что они, как правило, привязаны к лесистым горным распадкам с мягкими песчаными грунтами. Практически все могильники с крупными курганами знати находятся у подножий почитаемых ныне гор, ставших таковыми, вполне вероятно, еще при хуннах. В этом смысле примечательны названия гор, у которых расположены следующие могильники: Ноин Уула в северо-западных отрогах Хэнтэя, Гол Мод 1 и 2 в северо-восточных отрогах Хангая, Тахилт (одноименный могильник) в северо-восточных отрогах Монгольского Алтая, Дуурлиг Нарс и Дуулга Уул в юго-восточном Хэнтэе, Баян Зурхэ (с могильником Суджи или Ильмовая падь), Хухэ Ундэр (могильник Черемуховая падь), Баян Ундэр (могильник Дэрэстуйский Култук), Оргойтон (одноименный могильник) в Забайкалье. В некоторых из этих местонахождений находятся могильники разных эпох и иные древности, чаще писаницы. Например, у г. Тэбшэ Уула в Убурхангае сосредоточены петроглифы и некрополи бронзового и раннего железного веков, хуннского, тюркского и монгольского времени, оленные камни, памятники рунической письменности. Все это указывает на

¹ Материалы по истории сюнну... 1984. – С. 310–311.

² Там же.

³ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах... – С. 92.

Рис. 27. Костяная ложечка. Ильмовая падь. Раскопки А. Д. Талько-Грынцевича

Рис. 28. Мерная ложечка из кости. Ильмовая падь. Раскопки А. Д. Талько-Грынцевича

Рис. 29. Иволгинское городище. Медная чаша. Раскопки А.В. Давыдовой

Рис. 30. Бронзовая пряжка с изображением животных. Подъемный материал. Шарагол

Рис. 31. Две костяные пряжки. Иволгинское городище. Раскопки А.В. Давыдовой

Рис. 32. Костяной наконечник стрелы. Иволгинское городище. Раскопки А.В. Давыдовой

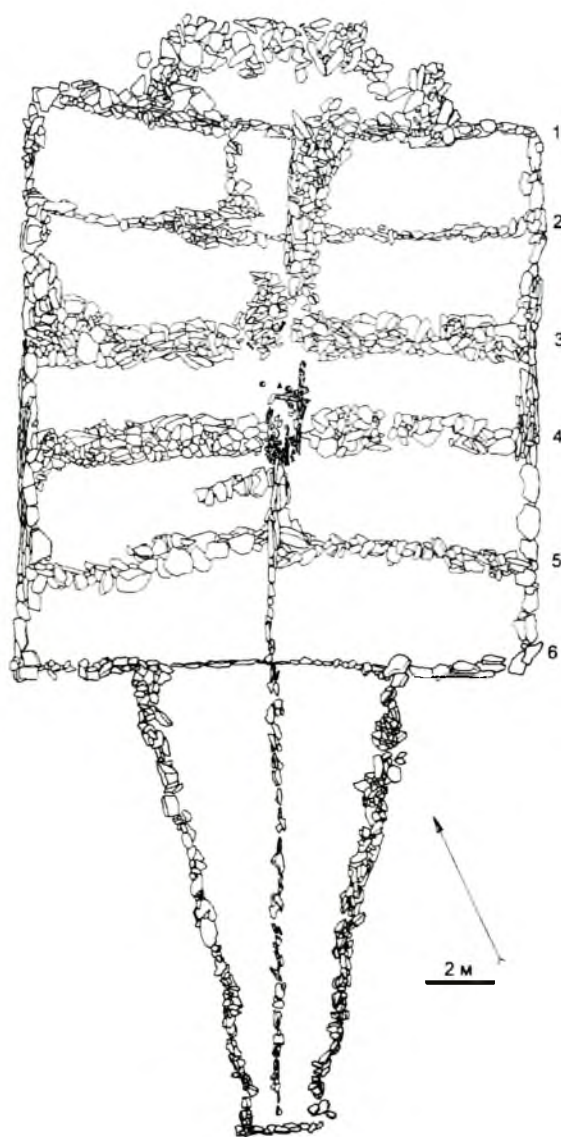

Рис. 33. План наземного каменного сооружения элитного кургана 54 в Ильмовой падь. Раскопки П.Б. Коновалова

длительность традиции почитания гор, и свое место в этом феномене занимают хунну.

То, что могильники находились у подножий гор, имеет и другое значение: культ гор имеет связь с культом предков. По представлениям всех древних монголов и тюрков, этногенетически связанных с хунну, гора наделялась тотемическими качествами, являлась местилщем душ предков. Считалось естественным погребение умерших у родовой горы, что рассматривалось как возвращение их в чрево матери-земли для последующего возрожде-

ния. Возрождение же обусловлено теми функциями, которыми наделялась избранная гора, персонафицированная, следовательно, в образе женщины, выступающей в роли некоего материнского рожающего места и источника жизненной силы рода.

В целом в культе гор у Хунну четко просматриваются две ипостаси: функция медиатора для осуществления связи между небом и землей и вместе с тем представление о хранилище душ и тел предков, трансформирующиеся в тотемический культ (см. гл. «Этногенез»).

Култ предков. Култ предков у хунну имеет в своей основе первобытное представление о том, что предки влияют на всю жизнь человека и потому им надо оказывать регулярное поклонение. Понятие «предок» включало не только семейных предков, но и родовых, племенных, а также вождей и выдающихся деятелей. Когда облик и память о таких людях исчезают из повседневной жизни, возникает фантастическое представление о мифическом предке.

С представлениями о жизни и смерти, о душе и потустороннем мире, с идеей почитания и поклонения предкам тесно связаны погребальные обряды хунну. Покойников снабжали всем необходимым в потустороннем мире, хотя находимый погребальный инвентарь, конечно, не полон, ввиду разграбленности могил. Однако по совокупности находок ясно, что умершие снабжались вещами, которыми они пользовались при жизни. Это была их одежда и украшения, предметы вооружения и конского снаряжения, вещи из домашнего обихода и пищевые припасы, а в могилах знати сверх того – следы богатства и роскоши, предметы искусства и импортные вещи.

Знатных особ в загробный мир сопровождали захоронениями насильственно умерщвленных людей. Такой обычай человеческих жертвоприношений в погребальной практике хунну зафиксирован в летописи. В «Исторических записках» Сыма Цяня сообщается: «Любимые слуги и наложницы следуют за умершим в могилу, и количество их достигает самое большее несколько тысяч или сотен человек»¹. Но указание такого количества «соумирающих» людей, вероятно, было случайной допущенной ошибкой в записях историка, и автором «Истории Хань» Бань Гу (I в. н. э.) эти цифры были исправлены на более реальные – «несколько

¹ Материалы по истории сюнну... 1968. – С. 40.

десятков или сотню»¹. Замечательно то, что эти свидетельства письменных источников находят подтверждение в археологических раскопках. За последнее десятилетие на территории Монголии и Бурятии раскопаны так называемые элитные погребальные комплексы хунну, состоящие из основного захоронения (знатного лица) в глубоких ямах со сложным внутримогильным устройством и богатым убранством и расположенных по сторонам сопроводительных захоронений простых или рядовых людей. Например, на некрополе Гол Мод-2, состоящем из более чем 400 могил, насчитывается 98 курганов с прямоугольной оградой и с дромосом, у которых в общей сложности насчитывается 250 маленьких сопровождающих могил с круглыми каменными кладками на поверхности. Например, могильный комплекс № 1 состоял из 27 сопровождающих могил, размещенных дугообразной цепочкой с восточной стороны основного кургана². Могильный комплекс № 7 в Цараме (Бурятия) состоит из основного кургана и 10 сопроводительных могил, расположенных цепочками по 5 с западной и восточной сторон³. У курганов меньших размеров, например кургана № 54 в Суджи (Бурятия)⁴ или кургана № 64 в Тахилтын Хотгоре (Монголия), всего по 2 сопровождающих захоронения⁵.

В ноин-уулинских курганах среди найденных вещей обращают на себя внимание косы, а в рядовых могилах – обрезки кос или пучки человеческих волос. С. И. Руденко предположил, что

¹ Там же, с. 136.

² Brayon K. Miller, Francis Allard, Diimaajav Erdenebaatar, Christine Lee. A Xiongnu Tomb Complex: Excavations at Gol Mod-2 Cemetery, Mongolia (2002-05) // Mongolian Journal of Anthropology, Archaeology and Ethnology. – Ulaanbaatar: National University of Mongolia. – 2006. – Vol. 2. – № 2 (271).

³ Миняев С. С., Сахаровская Л. М. Сопроводительные захоронения «царского» комплекса № 7 в могильнике Царам // Археологические вести. – 2002. – № 9. – С. 86–88.

⁴ Коновалов П. Б. Усыпальница... – С. 25–30.

⁵ Коновалов П. Б., Миллер Б. К., Баярсайхан Ж., Эгиймаа Ц., Ли К., Логан Д. К. Полевые исследования на хуннском некрополе Тахилтын Хотгор (Монгольский Алтай, Ховд аймаг) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы междунар. науч. конф. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. – С. 212–220.

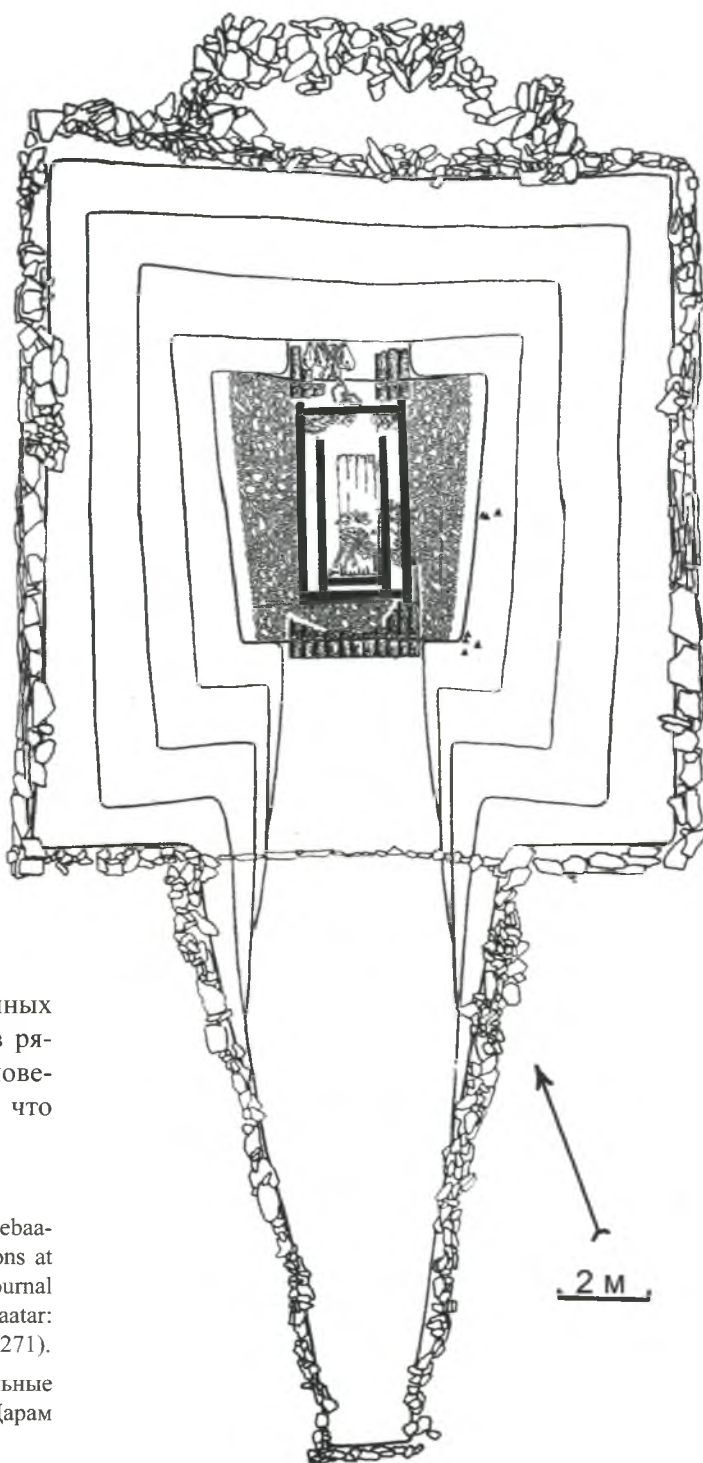

Рис. 34. Погребальная камера элитного кургана 54 в Ильмовой пади. Раскопки П.Б. Коновалова

иногда обычай отправления вместе с вельможей в потусторонний мир его приближенных и наложниц мог быть замещен чем-то символическим, в данном случае срезанными волосами, заплетенными в косы и положенными в могилу. Количество кос, найденных в отдельных могилах, как будто не противоречит такому предположению, сопоставимо с человеческими жертвоприношениями: 21 коса из кургана № 1, 85 – из кургана № 6, 14 – из Кондратьевского кургана¹. Подтверждением большой значимости культа предков у хунну служит их отношение к разграблению родоплеменных некрополей, осквернение которых считалось величайшим кошунством. Зная об этом, ухуани как-то отомстили своим обидчикам тем, что раскопали могилу покойного хуннуского шаньюя (не указано – где и какого). Рассерженные хунну отправили 20 тыс. всадников для нападения на ухуаней². В свете этого сообщения летописи отчасти становятся понятной причина повсеместной разграбленности хуннских могил Монголии и Бурятии, во всяком случае некоторой части их, но основным мотивом грабежа была все же банальная алчность, охота за ценными вещами.

Кульτ животных. Кульτ животных тесно связан с тотемическими верованиями. Судя по письменным и археологическим источникам, у хунну бытовали культы волка, собаки, оленя, быка, лошади и, возможно, других животных. Свидетельством наличия культа волка служит генеалогическое предание о происхождении племени гаогюй (или теле), в котором говорится, что оно произошло от брака волка, посланного Небом, с дочерью хуннского шаньюя. По легенде тюрков-тукюэ, их предки тоже произошли от Дома хунну, но (заметим разницу) от хуннского юноши, выращенного волчицей, ставшей матерью его детей³. Существует легенда об ушедших на запад гуннах, зафиксированная греческими и латинскими авторами, где говорится, что дорогу через водное препятствие гуннам показали в одном варианте бык, в другом – лань⁴. Исследователи по-

лагают, что упомянутое водное препятствие – это Меотиды (Азовское море), а лань и бык тракуются как тотемы гуннов, что вполне справедливо. Предания из китайских источников свидетельствуют о священном Белом олене с золотыми рогами, обитавшем в пещере тюркских предков. А убивший его на облавной охоте старейшина племени аши (ач) был за это обезглавлен⁵. Думается, что под «племенем аши» подразумевается род Ашина сяньбийского происхождения, изначально носитель собачьего тотема (для сяньби собака была священным животным – предком, истоки почитания которого уходят в тотемизм племени жунов)⁶. Из истории жунов (гуаньжунов) известно, что однажды разгромленные чжоуским полководцем Му Ваном, они в знак своего поражения преподнесли ему по 4 белых волка и оленя⁷. Ясно, что здесь речь идет о священных тотемных животных.

Очень важно, что среди разнообразия предметов изобразительного искусства хунну представлены и изображения упомянутых животных (рис. 18), например, фигура волка, причем рогатого и крылатого, на костяной трубочке из кургана № 13 Ильмовой пади⁸, или же бронзовое изображение волка из ордосской коллекции Сальмони⁹, или фигура стоящего оленя с высоко поднятой рогатой головой, изготовленная в технике чеканки на серебряной пластине грушевидной формы из кургана № 6 ноин-уулинского некрополя. Там же найдены аналогичного стиля и техники замечательные по своей информативности изображения яка в двух вариантах – одна на круглой, другая на грушевидной пластине. Особая информативность этого сюжета заключается в том, что здесь изображен як – животное центральноазиатского высокогорья с лесными участками (Хангай, Саян, Алтай, Бэйшань, Наньшань, Тибетское нагорье) – на условном фоне ландшафта в виде гор и хвойного леса. Этот сюжет,

ЛГУ, 1951. – С. 141.

⁵ Зуев Ю. А. Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Алма-Ата, 1967.

⁶ См.: Каталог гор и морей: Шань хай-цзин. – М.: Наука ГРВЛ, 1977. – С. 125.

⁷ Бичурин Н. Я. (Накинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.-Л., 1950. – Т. 1. – С. 41.

⁸ Руденко С. И. Ук. соч. – С. 82, таб. XXXVI-1. 2.

⁹ Там же: 76, рис. 54, з.

¹ Руденко С. И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 90–91.

² Материалы по истории сюнну... 1973. – С. 25.

³ Бичурин Н. Я. (Накинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.-Л., 1950. – Т. 1. – С. 214–215, 220.

⁴ Бернштам А. Н. Очерки истории гуннов. – Л.: Изд-во

как и сюжет оленя, можно считать подлинно хуннским, возникшим в ходе формирования их культуры в контакте с жунско-дискскими этносами Северного Китая. Изображения именно этих животных очень часто встречаются в археологических материалах в виде фигуры лани в точно такой же позе с высоко поднятой головой, повернутой к зрителю (в литом барельефном исполнении в мелкой пластике поясной гарнитуры), а также в виде стилизованной головы быка в ажурном исполнении (в анфас к зрителю) в качестве поясной пряжки.

Искусство хунну воплощалось в разнообразных материалах. Мы располагаем произведениями, выполненными не только из стойких материалов металла, камня, но и кости (рога), дерева, войлока, ткани. Разнообразна и техника исполнения этих произведений: литье и чеканка в рельефе и скульптуре, резьба по дереву, гравировка по кости и рогу, аппликация по войлоку и ткани. Изобразительное искусство хунну получило широкую известность по литым бронзовым изделиям (рис. 14, 15, 16, 17, 18, 25, 26, 30), происходящим с огромной территории Монголии, Забайкалья, Минусинской котловины и Северного Китая. Центром их наибольшего сосредоточения является район Ордоса, откуда вещи из разграбленных могил и случайных находок, начиная с 20–30 гг. XX в. разошлись по музеям и частным коллекциям Западной Европы. Хуннская принадлежность ордосских бронз стала известной, между прочим, лишь в результате сопоставления с вещами из документированных раскопок погребений Забайкалья (Ю. Д. Талько-Грынцевич) и Монголии (П. К. Козлов), а впоследствии и раскопок китайских археологов на севере своей страны.

Заметим, что ордосские вещи являются произведениями раннего периода, маркирующими этап формирования культуры хунну, но вместе с тем и существующими на всем протяжении истории Хуннской империи. В период ведикодирования Хунну изобразительное искусство заметно обогатилось новыми сюжетами и идеями, стилистическими и технологическими приемами, а также широкими связями и взаимодействиями из очагов древних цивилизаций Запада и Востока. Сравнительное изучение хуннских образцов звериного стиля на фоне большого количества аналогичных изделий из различных музейных собраний и частных коллекций выявило удивительную повторяемость многих из них, иногда вплоть до полного совпадения сюжета и композиции, формы и размера.

Однако сопоставления хуннских художественных произведений со скифо-сибирским (сако-юэчжийским), а через них – с искусством Древнего Ирана и Ближнего Востока трактовались не в пользу хунну – и вот в каком смысле. Возникновение, расцвет и распространение «звериного» стиля приходится на I тысячелетие до н. э. и связывается с культурой скифов Северного Причерноморья, саков и юэчжей Средней Азии, Синьцзяна и Южной Сибири, а угасание этого искусства, по словам М. И. Артамонова, одного из крупных скифологов, «связано с культурой тюркоязычных хунну, пронизанной, однако, той же иранской художественной традицией, и только начинающей создавать самобытные формы»¹. Распространение памятников «звериного» стиля у хунну связывается, таким образом, с проникновением в Центральную Азию юэчжей – одного из подразделений саков, продвинувшихся до Ордоса. Принесенное ими искусство «в огрубевших репликах ранее созданных образцов»² некоторое время живет якобы на восточной окраине своего распространения – у хунну Ордоса, Монголии и Забайкалья. Такую тенденциозную оценку хуннского искусства нельзя признать справедливой, она заставляет обратить внимание читателя еще раз на раздел о происхождении хунну, где изложена концепция о формировании их культуры в результате длительного взаимодействия с древними этносами ди/дили-динлинского и жунского круга, отождествяемого со скифо-сибирскими культурами в широком их осмыслении. Это, с нашей точки зрения, означает, что Хунну как государственное образование интегрировало и переработало в себе материальные и духовные проявления культур восточного и западного ареалов Центральной Азии.

В свете сказанного тем более невозможно согласиться с тезисом об «огрубевших формах хуннского искусства». Анималистическое по сюжетам искусство хунну представлено в достаточно совершенных стилистических формах, более разнообразно по идейному содержанию и отражает интегративную по своей сущности мировоззренческую динамику в созданном ими полиэтническом сообществе. В самом деле, почему бы не рассматривать как дальнейшее творческое развитие звериного стиля на хуннской почве целый ряд произведений, раз-

¹ Артамонов М. И. Сокровища саков. – М., 1973. – С. 217.

² Там же, с. 236.

нообразных по содержанию и технике исполнения. Основные персонажи в них – это горные козлы и бараны, яки/быки, куланы/лошади, верблюды, олени/лани, лоси, грифоны/орлы, змеи/драконы, тигры/львы, встречаются медведь, рысь, волк и некоторые другие мифические существа.

В связи с невозможностью охватить здесь обзор искусство хунну на всем ареале распространения их памятников, сошлемся лишь на некоторые образцы, найденные в Забайкалье. Невозможно считать деградирующим произведением искусства изображение на золотой бляхе из Дэрестуйского Култука, погребения 28, с ее сюжетным и композиционным своеобразием, совершенным техническим исполнением. Ее аналог из погребения 21 того же могильника, представленный деревянной основой под несохранившейся тисненой золотой фольгой, свидетельствует лишь об индивидуальном почерке художника, но не о деградации стиля. Нет основания рассматривать как грубую реплику скифского звериного стиля бронзовые бляхи из Дэрестуя же и аналогичные им из Ордоса и Минусинской котловины, на одной из них изображение борьбы трех животных – козла, терзаемого тигром, на которого нападает в то же время грифон (рис. 26), на другой – дерущиеся куланы/лошади (рис. 14, 15). То, что подобные сюжеты пока встречены в областях обитания и влияния хунну – Забайкалье, Ордосе и Минусинской котловине, говорит как раз о самостоятельной восточной провинции евразийского звериного стиля.

Наряду с памятниками звериного стиля у хунну известны произведения иного содержания и стиля. Это прежде всего 3 серебряные пластины из Ноин-Уулы с рельефными изображениями яка на круглых пластинах и оленя на грушевидной. Животные изображены довольно своеобразно: стоящими на прямых ногах в профиль к зрителю, но с повернутой в фас головой, закинутой назад на спину (такая поза диктуется формой пластин). М. И. Артамонов, исходя из особенностей этих ноин-уулинских пластин, признавал в них «произведения самобытного характера, свидетельствующие о сложении самобытной хуннской культуры»¹. Добавим, что этим не ограничивается самобытность и самостоятельность культуры хунну, внимания заслуживают часто находимые маленькие бронзовые, покрытые позолотой фигурки бегущей или стоящей лошади

(рис. 18), бычьи головы, запечатленные в ажурных бронзовых пряжках (рис. 16, 25), рельефные изображения голов медведя и льва на бронзовых круглых бляшках на перекрестиях кожаных ремешков сбруйной оснастки или одежды, некоторые другие изделия анималистических форм. Таким образом, анализ основных форм и содержания одного только художественного металла хунну свидетельствует об органическом сочетании в нем самобытных черт и заимствований извне в рамках широких культурно-исторических связей обитателей евразийских степей и предгорий.

История хунну не заканчивается с гибелью государства северных хунну после военного разгрома в 93 г. учиненного ханьскими войсками совместно с сяньбийцами. Уже в IV–V вв. южные хунну, представлявшие собой своеобразное буферное образование между кочевниками и Китаем, в послеимперскую эпоху создали на территории Северного Китая 3 династии. Опыт создания государственности был использован хунну в новых условиях в пределах земледельческого государства². Этноним «хунну» встречается в ранней истории жуэнь в качестве одной из этнических групп, с которой жуэнь вели военные действия. Несколько проблематична генетическая связь азиатских хунну с европейскими гуннами, пришедшими в Европу и основавшими в Паннонии хорошо известное в истории царство вождя Атиллы, но однозначно отрицать эту связь нет веских оснований.

Таким образом, хунну внесли огромный исторический вклад в эволюцию центральноазиатских кочевников, оставив свой след не только в культурном, но и в генетическом наследстве народов Центральной Азии и шире – степной Евразии. Именно в хуннское время был преодолен социальный и политический рубеж в организации кочевых обществ, взят барьер в эволюционном развитии кочевых обществ, отделявший потестарные общества от создания раннего государства. В государственных образованиях постхуннского и домонгольского времени включительно создаваемые кочевниками политико-административные системы были созданы во многом по хуннскому образцу.

¹ Артамонов М. И. Сокровища саков... – С. 121.

² Таскин В. С. Материалы по истории кочевых народов в Китае III–V вв. Вып. 1 – Сюнну. – М.: Наука. 1989.

10

глава

Эпоха средневековья

Учитывая особенности исторического процесса, протекавшего в эпоху средневековья в Центральной Азии, авторы придерживаются следующей схемы внутренней периодизации эпохи: **раннее средневековье** – конец II в. – середина VI в. н. э. – периоды Сяньбийской державы и Жужаньского каганата; **развитое средневековье** – VII–XIV вв. – период Тюркских и Уйгурского каганатов, Киданьской и Монгольской империй; **позднее средневековье** – XV–XVIII вв. – период раздробленности Монгольского государства, маньчжурской экспансии и русской колонизации в Центральной Азии и Сибири.

В Забайкалье, являющемся составной частью Центральной Азии, протекали те же историко-культурные процессы, что и на территории обширного Центральноазиатского региона, однако процессы политических пертурбаций на территории Бурятии не выражены столь ярко, как в центральной части региона.

Территория региона в эпоху средневековья была населена представителями монгольской, тюркской, гунгусо-маньчжурской, самодийской языковых групп. Однако основными субъектами истории здесь выступали тюркоязычные и монголоязычные этносы. Присутствие иных этнических общностей,

оставивших следы своего пребывания в языке, топонимике, гидронимах, несомненно, однако степень их влияния на исторические судьбы региона на настоящем уровне изученности оценить с точки зрения науки пока не представляется возможным.

В силу указанных обстоятельств основное внимание в данной главе будет уделено средневековым монголоязычным народам как наиболее многочисленному населению, наиболее активно проявлявшему себя в политической и экономической жизни региона. К этим народам относятся древние кочевые народы, так называемой группы дунху. Из интересующих нас народов, имевших непосредственное отношение к историческому прошлому Бурятии, в эту группу входят сяньби, ухуани, жужане, шивэй, кидани и непосредственно ранние монголы. Другие ветви монголоязычных народов, особенно потомков сяньби – тоба, туюйхуани, подробно не рассматриваются, хотя их роль в общей истории Центральной Азии достаточно велика. Среди поздних монголоязычных народов, этническая история которых начинается после распада империи, таких как чахары, узумчины, халха, баргуты, ойраты, буряты и др., внимание уделено бурятам, как основному монголоязычному населению севера Центральной Азии, истории которого посвящено настоящее издание.

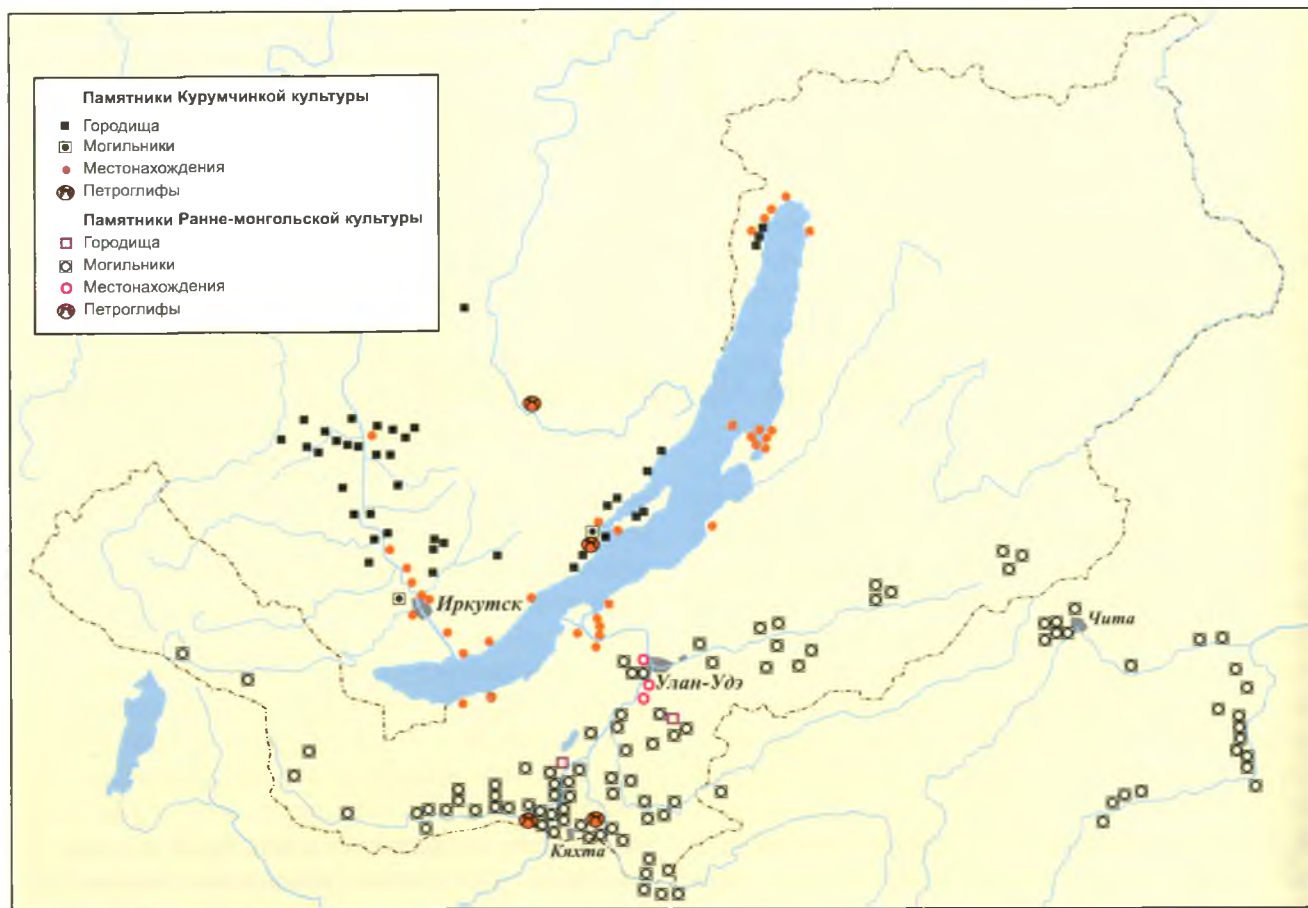

Рис. 1. Бурятия в средневековье

Тюркские народы, история которых тесно переплелась с народами севера Центральной Азии, начиная с VI в., когда они установили свое политическое господство на огромной территории, рассматриваются в той степени, в какой они влияли на культуру народов Южной Сибири и в частности Забайкалья.

Длительное соперничество монголоязычных и тюркоязычных народов за гегемонию в Центральноазиатском регионе в период средневековья определяло зыбкие территориальные и этнические границы расселения тех или иных групп населения степи. В дальнейшем четкой границы между этническими группами монголоязычных бурят, халха, джунгар и тюркоязычных казахов, тувинцев, хакасов, алтайцев не было. К XVI–XVII вв. линия разграничения монгольских и тюркских народов приняла совершенно иные очертания, что было связано с движением двух империй – Российской и Цинской – соответственно на восток и на запад. К этому же

времени относится начало сложного и противоречивого процесса этногенеза бурят и халха, формировавшихся как отдельные этнические группы, становление которых проходило в рамках Российской и Маньчжурской империй. Основной задачей настоящей главы является: проследить монгольскую линию этнического развития в сложных этнополитических процессах кочевых образований раннего и развитого средневековья (от сяньби до монголов) и на этом фоне выявить ранний стартовый этап этногенеза бурятского народа в частности.

10.1. Древние монгольские этносы (сяньби, жужани)

Самые ранние сведения о дунху, группе этнически родственных племен (буквально восточные ху), дают китайские письменные источники периода Чжань-го (403–221 гг. до н. э.). Китайские историки, географы, хронисты подразделяли все северные

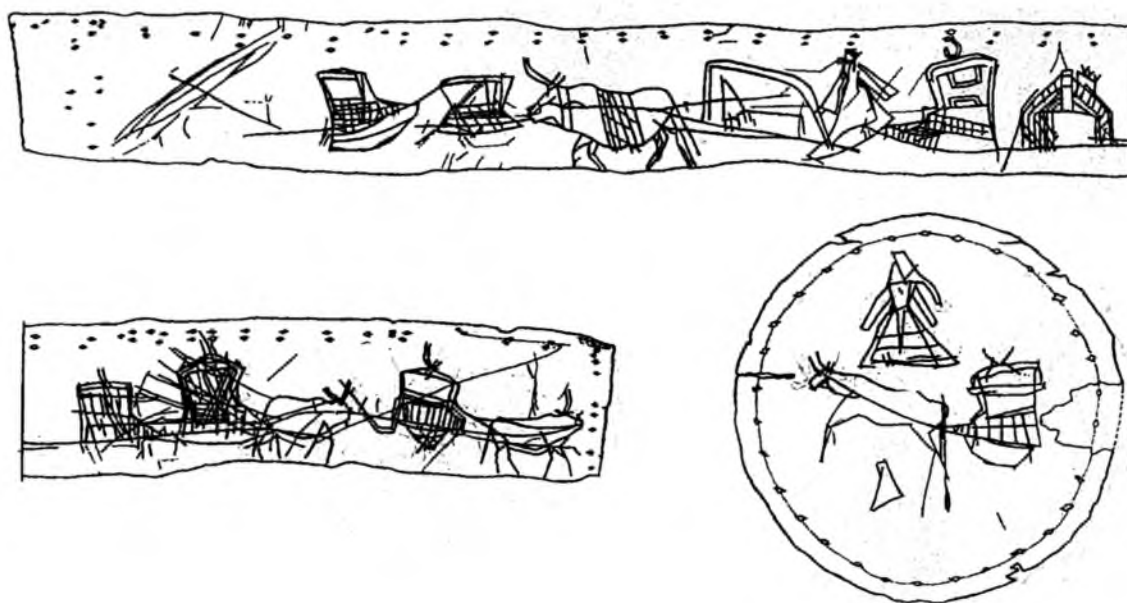

Рис. 2. Сцены перекочевки. Рисунки на бересте. Сяньби

народы на 3 большие этнические группы – сюнну (хунну), дунху, сушень, что позволило исследователям выдвинуть гипотезу об их тождестве соответственно с тюркоязычными, монголоязычными и гунгусоязычными народами.

Первые переводы китайских источников по истории кочевых народов были осуществлены Н. Я. Бичуриным¹. В советский период В. С. Таскиным сделаны подборка, перевод и комментарий к наиболее известным китайским источникам, в которых содержались сведения о племенах, составлявших «народы группы дунху», говоривших на монгольских языках и оставивших значительный след в истории Центральноазиатского региона². В III в. до н. э. дунху, занимавшие обширную территорию и состоявшие из многих родов и племен, образовали более или менее постоянный союз и господствовали в степях Центральной Азии. Позже, как известно по китайским источникам, пле-

Рис. 3. Керамический сосуд. Сяньби

¹ Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.: Л., 1950.

² Таскин В. С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху (переводы династийных хроник: История династии Поздняя Хань, История династии Вэй, История династии Цзинь, История династии Суй, Старая история династии Тан, Новая история династии Тан, Записи по истории Пяти династий, Старая история Пяти династий, История династии Сун, История династии Чжоу, История Северных династий). – М., 1984.

мена дунху потерпели поражение от сюнну (хунну) и покинули монгольские степи. Одна часть осела у г. Ухуань, другая – у г. Сяньби, от которых и возникли племенные названия ухуань и сяньби. Местонахождение этих легендарных гор точно не определено, но предположительно они находились в юго-восточной части Центральноазиатского региона. Расчленение в конце I тысячелетия до н. э. этнической общности дунху на ухуаней и сяньбийцев привело к дальнейшему обособлению путей развития каждой из групп в процессе неизбежных контактов с другими народами. После 119 г. до н. э. часть ухуаней перебирается на ранее принадлежавшие им земли вблизи границ Китая, занимается кочевым скотоводством в сочетании с пашенным земледелием. В III в. н. э. ухуаньцы были покорены китайцами и расселены в 3 пограничных областях Северного Китая, где подверглись ассимиляции.

Сяньбийцы, как и ухуаны, занимавшие территорию в бассейне Верхнего Амура, в период правления позднечаньского императора Гуан У (25–58 гг. н. э.), в союзе с хунну часто вторгаются в пограничные земли Северного Китая. С ослаблением государства Хунну постепенное переселение монголоязычных племен на юг и юго-запад стало принимать более широкие масштабы, а после поражения в 91 г. северных хунну часть сяньбийских племен окончательно переселилась и заняла степные районы Центральной Азии. Во 2-й половине II в. н. э. объединенные выдающимся вождем Таньшихуаем сяньбийские племена создают новую степную державу. В годы его правления (около 136–181 гг.) сяньбийцы овладели «всеми землями, бывшими под державой хунну, которые тянулись с востока на запад более чем на 14 тысяч ли и были пересечены горами и реками, изобиловали пресными и солеными озерами»¹.

Владения Таньшихуая простирались от п-ва Ляодун до г. Дуньхуана – важного пункта Великого шелкового пути. Вероятно, сяньби в это время контролировали и Забайкалье, где проживало завоеванное ими хуннское население. Судя по всему, сяньбийцы имели сильное войско, но данных о его структуре мы не имеем. Сохранились только свидетельства очевидцев: «у них было острее оружие и более быстрые кони, чем у сюнну»².

¹ Таскин В. С. Материалы по истории древних кочевых народов ... – С. 75.

² Там же, с. 78.

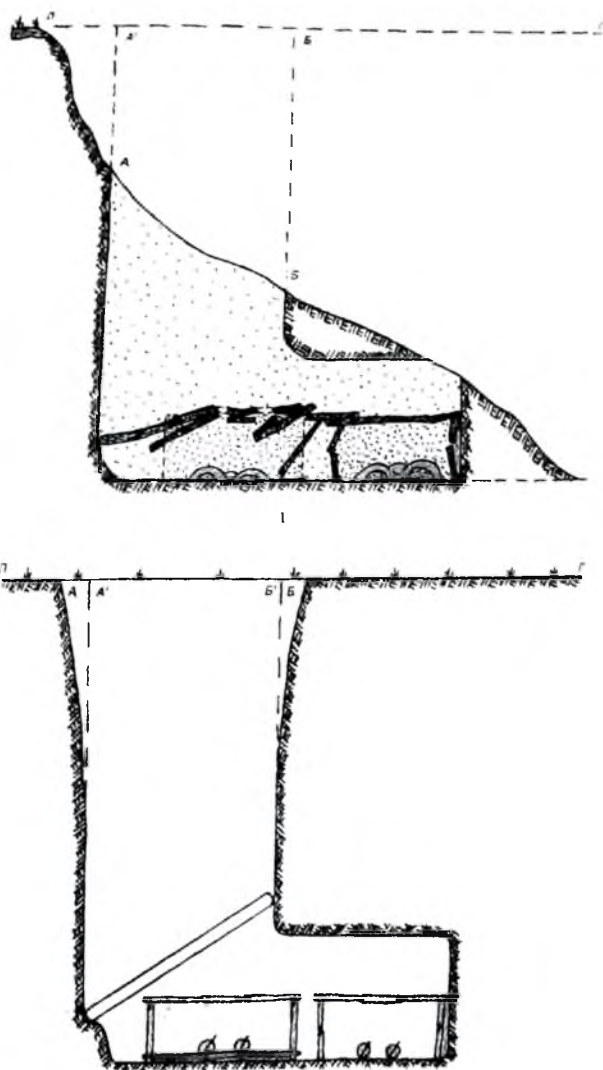

Рис. 4, 4а. Зоргол. Сяньби

Огромная территория, оказавшаяся под властью сяньби, и большое количество проживавшего населения требовали создания действенной системы управления. Все земли, подвластные сяньби, были разделены на 3 части: восточную, среднюю и западную. Внутри эти территории подразделялись на кочевья, которыми управляли поставленные правителем старейшины. Таньшихуай, в отличие от хуннских шаньюев, отвергал попытки установления дипломатических и иных связей с Китаем. В ответ на предложения китайской стороны о заключении мира, основанного на родстве, сяньбийский вождь отвечал отказом и продолжал политику постоянных военных вторжений на территорию

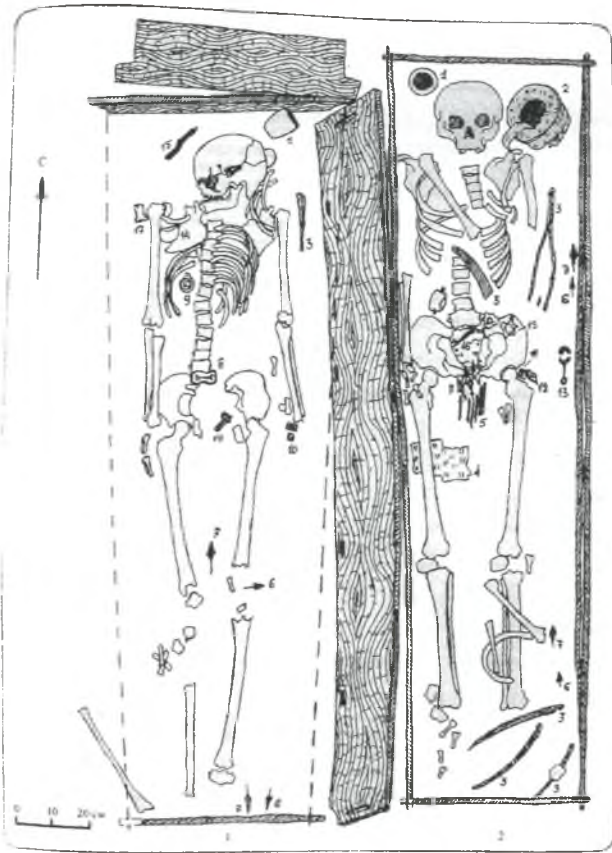

Рис. 46. Зоргол. Сяньби

Китая¹. Возможно, пример Хуннской державы, вошедшей в близкие отношения с могущественным южным соседом и потерявшей в результате этого независимость, предостерегал Тяньшихуай от сближения с Китаем. Однако, несмотря на проведенные реформы в области управления, ему и его наследникам, в отличие от хуннских шаньюев, не удалось решить всех проблем, возникавших при переходе от племенной организации общества к государственности. Основным источником получения прибавочного продукта, необходимого для пополнения государственной казны и несения государственных расходов, служили непрерывные вторжения в Китай, обеспечивавшие, однако, крайне нестабильные доходы.

В поисках путей выхода из кризисной ситуации Тяньшихуай использовал самые различные средства. Так, источники сообщают: «Численность

сяньбийцев увеличивалась с каждым днем, скотоводство и охота уже не могли удовлетворить их потребностей в пище, поэтому Тяньшихуай выехал осмотреть свои земли. Он увидел реку Ухоуцин, тянувшуюся на несколько сотен ли. В заводях встречалось много рыбы, но ловить сяньбийцы не умели. Услышав, что жители владения Вожэнь на востоке искусны в ловле рыбы сетями, Тяньшихуай напал на них, захватил более тысячи семей и переселил их на берега Ухоуцин, приказав ловить рыбу, чтобы восполнить недостаток в пище»². Но такие меры были не в силах обеспечить нормальное существование и развитие общества. Без стабильной экономической базы, без дипломатических и торговых контактов с развитыми государствами, в первую очередь с Китаем, существование каких-либо государственных структур было практически невозможно. Вследствие этого непрочная конфедерация сяньбийских племен, державшаяся только на силе и авторитете Тяньшихуая, вскоре после его смерти в конце II в. распадается.

После распада державы сяньбийцы, ухуани и родственные им племена остаются в степях южной части современной Монголии и в северных провинциях Китая. Эта территория на протяжении 135 лет, с 304 по 439 г., становится ареной действий между западными и северными кочевыми племенами хуннского, сяньбийского, цянского происхождения, которые создали на рубеже IV–V вв. н. э. более полутора десятков государств, получивших в истории название «шестнадцати государств пяти северных племен».

Народы сяньбийского происхождения основали ряд самостоятельных государств: Цифу – династию Западная Цинь (385–431 гг.), Туфа – династию Южная Лян (397–414 гг.), Мужун (Муюн) – династии Ранняя Янь (337–370 гг.), Поздняя Янь (384–409 гг.), Западная Янь (386–394 гг.) и Южная Янь (398–410 гг.). Часть сяньбийцев – муоуны в начале IV в. н. э. переселились в район Хуху-Нора, где, подчинив местные племена, образовали государство Тогон (Туюхунь китайских источников), игравшее значительную роль в политической истории Тибета и Восточного Туркестана. Другая ветвь сяньбийцев – тобасцы под предводительством Тоба Гуя покорили на севере кочевые племена Гаогюй и Жужань, нанесли поражение киданям и кумоси и полностью подчинили различные племена Ордоса. В 398 г.

¹ Таскин В. С. Материалы по истории древних кочевых народов ... – С. 76.

² Там же, с. 78.

Тоба Гуй провозглашает себя императором и основателем новой династии некийтайского происхождения – Тоба Вэй (Северная Вэй).

Археологические объекты, идентифицированные исследователями как памятники, оставленные племенами ухуань и сяньби, единичны. В последние десятилетия XX в. открыты неизвестные ранее погребальные комплексы в Хулун-Буирском аймаке Автономного района Внутренней Монголии Китая. Анализ всех деталей погребального обряда и предметного комплекса, обнаруженного при раскопках, позволил связать выявленные памятники с племенами сяньби.

Исследования последних лет в Приаргунье позволили выделить новую археологическую культуру, получившую название зоргольской¹. Основная масса раскопанных захоронений датируется рубежом и первыми веками н.э., и при сопоставлении с данными письменных источников, по мнению исследователей, возможно с большой долей уверенности связать эти археологические памятники с одним из наиболее известных сяньбийских племен – тоба.

Погребальный обряд объектов новой культуры своеобразен². Надмогильные сооружения уплощенные, однослойные, разреженные и выполнены из небольшого количества мелких и средних камней. Могильные ямы прямоугольной формы, глубиной более 2 м, ориентированы длинной осью с севера на юг. В заполнениях ям встречаются кости домашних животных – лошадей, коров, свиней, овец и остатки жертвенных кострищ, свидетельствующие о развитии культа огня. Значительная часть могильных ям имела подбой с восточной или западной стороны, перекрываемые наклонно поставленными жердями или большими кусками бересты (рис. 4, 4а). Внутримогоильные конструкции многовариантны: комбинированные настилы, деревянные гробовища, берестяные короба и др. Умершие были уложены преимущественно на спину в вытянутом положе-

нии, головой ориентированы по северному сектору (рис. 4б). Среди разных категорий погребального инвентаря наиболее многочисленны остатки конской сбруи: удила, псалии, распределительные кольца ремней, ворворки и др.

В некоторых деталях погребального обряда сяньби: сопровождающих жертвенных животных, ориентации погребенных в северном направлении, вытянутой форме трупа, наличии деревянных гробовищ, составленных из досок, соединенных между собою при помощи пазов и шипов, поперечных настилов из плах – просматривается влияние ритуальной практики хунну.

Полученные материалы позволяют поверить в реальность сообщений китайских хронистов и монгольских преданий о том, что предки монголов были вынуждены уйти из «мест обетованных» куда-то на восток. По всей очевидности, часть кочевников циркумбайкалья, не приняв гегемонию хунну, ушла на восток, поселившись в богатых приаргунских степях. Наиболее адекватная интерпретация китайских письменных источников также свидетельствует о проживании сяньбийцев на территории Восточного Забайкалья: «Сяньбийцы переселились на просторы монгольских степей из бассейна верхнего течения Амура. Согласно данным современной науки, в древности монгольские племена расселялись в основном по рекам Шилка, Ингода, Аргунь и верхнему течению Амура...»³

Антропологические исследования выявили, что зоргольскую серию черепов составляют низкие черепа, характеризующиеся мезокрацией у мужчин и брахикрацией у женщин, при больших размерах продольного и поперечного диаметров. Лоб покаты, узкий. Рельеф черепа выражен незначительно. Лицо высокое и широкое, с малым по длине у мужчин и средним у женщин его основанием. Горизонтальная профилированность очень слабая на обоих уровнях. Как мужские, так и женские черепа характеризуются выраженной ортогнатностью, при небольшом альвеолярном прогнатизме. Орбиты на мужских черепах малые по ширине и средние по высоте, гипсиконхные по указателям.

Абсолютные размеры носа, мезоринного по указателю, большие. Угол выступания носа малый. Переносье очень низкое и неширокое, малой высоты по дакриальному указателю и ближе к средней по симо-

¹ Кириллов И. И., Ковычев Е. В., Литвинцев А. Ю. Граффити на бересте сяньбийского могильника Зоргол-1 // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока: тез. докл. XXXVIII РАЭСК, посв. 90-летию акад. А. П. Окладникова. – Улан-Удэ, 1998; Ковычев Е. В., Яремчук О. А. Погребальный обряд могильника Зоргол-1 // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии: мат-лы 40-й РАЭСК. Т. 3. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2000. – С. 60–69.

² Яремчук О. А. Погребальный обряд могильника Зоргол-1... с. 60–69.

³ Таскин В. С. Материалы по истории древних кочевых народов... – С. 56.

тическому. Параметры изменчивости в целом соответствуют величинам, характерным для гомогенных популяций, несмотря на небольшое количество черепов в серии. В общем серия характеризуется выраженной монголоидностью и однородностью, что позволяет говорить об их близком родстве с населением культуры плиточных могил древности.

Исходя из вышеизложенного, представляется следующая гипотетическая схема европеоидно-монголоидного межэтнического и межплеменного взаимодействия на территории Байкальского региона в эпоху древних кочевников. В указанный период не было жесткой этнической и даже расовой дифференциации между населявшими центральноазиатские степи кочевыми объединениями. На основании общности бытового и духовного уклада жизни отдельные племена, роды, семьи и индивидуумы легко интегрировались в более крупные социально-политические образования, принимая сторону более сильного и успешного. В письменных источниках неоднократно отмечаются факты поглощения доминирующим в степи племенным образованием номадов более слабых на данный момент соседей. В. С. Таскин приводит свидетельство китайского хрониста о вхождении значительного количества хунну (сюнну) в состав сяньбийцев: «Оставшиеся роды сюнну, которые все еще насчитывали свыше 100 тыс. юрт, стали называть себя сяньбийцами, и с этого времени началось постепенное усиление сяньбийцев»¹. По расчетам автора, это не менее 500 тыс. человек – огромная, даже на сегодняшний день, численность для слабозаселенного региона. Обычная для китайских летописей склонность к преувеличению наверняка присутствует и в процитированном отрывке, но заметим, что здесь повествование ведется не о выдающихся победах и случайных поражениях собственно древних китайцев, а о взаимоотношениях между северными «варварами». Можно предполагать, что преувеличение численности хунну, вошедших в состав сяньби, если и присутствовало, то в незначительных масштабах. Приведенное свидетельство – лишь документальное подтверждение, по всей видимости, широко распространенной в среде номадов практики. Для хунну и сяньби, вероятно, имели место и обратные метаморфозы. Так, Фань Е свидетельствует о том, что сюнну забирали у ухуаней жен и детей в случае неуплаты дани: «Сюнну перебили много народу, угнали до

тысячи женщин и малолетних и объявили ухуаням: «Приходите выкупать с лошадьми, кожами и полотном». Более 9 тысяч родственников угнанных в плен явились с имуществом и скотом для выкупа, но сюнну взяли выкуп, а явившихся задержали и не отпустили обратно»². Общеизвестно, что ухуани были ближайшими родственниками сяньби. Таким образом, процесс метисации происходил в степях Центральной Азии перманентно и, как становится ясно из первого свидетельства, весьма масштабно.

Представляется очевидным, что во времена хунно-сяньбийского противостояния или взаимодействия происходила беспрецедентная нивелировка родового и племенного самосознания. Люди, самостоятельно или под принуждением, достаточно легко меняли свою племенную принадлежность, и это становилось обычной практикой. В этом родоплеменном котле вызревала новая этническая общность.

Оставшиеся в степных районах Центральной Азии отдельные сяньбийские племена в результате длительных войн с хунну и гаогюйцами консолидировались и создали в 402 г. новое государственное образование, известное в истории как Жужаньский каганат (V – середина VI в.).

Жужаньский каганат был мощным военно-политическим образованием, фактическим преемником хуннского и сяньбийского государств, хотя между ними существовал довольно большой временной разрыв, почти в 200 лет. В течение этого времени в центральноазиатских степях происходили междоусобные войны, в результате которых консолидировались племена, известные в истории как жуань-жуань или жужань.

За короткий промежуток времени жужани стали контролировать практически всю территорию существовавших ранее хуннской и сяньбийской держав. Возникновение нового государства китайские письменные источники связывают с человеком по имени Мугулой (Плешивый) и его сыном Гюлухай, который объединил силой оружия различные племена и дал им единое название – жужань. В государстве была проведена реформа: сформирована регулярная армия, структурно состоящая из десятков, сотен, тысяч и десяти тысяч воинов, создан административно-чиновничий аппарат, принято законодательство. Экономика нового государственного образования базировалась на кочевом скотоводстве, торговом обмене.

¹ Таскин В. С. Материалы по истории древних кочевых народов... – С 45.

² Там же, с. 297–298.

В середине VI в. в Жужаньском каганате резко изменилась внутривнутриполитическая обстановка. Среди элиты усилилась борьба за власть различных группировок. Одновременно росло освободительное движение в среде зависимых тюркских и телеских племен. В 552 г. Жужаньский каганат был разгромлен объединенными тюрко-телескими племенами.

Жужаньское общество, по мнению многих исследователей, было этнически неоднородным и представляло собой конгломерат племен с различным уровнем культуры и экономического развития. На первых стадиях развития жужаньское общество активно контактировало с соседними государствами. Эти контакты носили различный характер – от торговых обменов, брачных союзов до военных столкновений и открытого грабежа.

Археологические памятники периода IV–VI вв., которые можно определять как жужаньские, пока не обнаружены, за исключением известного в Монголии, но неисследованного городища Мумочен в Хангае и мемориального комплекса Унгету в долине р. Толы. Тем не менее поиск их необходимо вести на территории современной Монголии, локализуя территории их возможного распространения по письменным источникам.

Согласно археологическим, этнографическим, лингвистическим и антропологическим материалам и данным письменных источников, древние монголоязычные кочевники являлись непосредственными предками средневековых монгольских племен.

10.2. Ранние тюрки и монголы

Древние тюрки, этническая история которых еще до конца не изучена и многое в ней, особенно в области культуры, языка, антропологии, остается не до конца понятным, были предками многих современных тюркоязычных народов, расселившихся на обширных пространствах Евразии. Значительная роль в истории и становлении современных народов Южной Сибири и Центральной Азии принадлежит двум крупным объединениям древних тюрков, известным по письменным источникам под названиями тукю и теле. По своему происхождению тюркские этносы связаны с племенами ди-дили-теле, хунну, юэчжей, усуней и динлинов, сыгравших ключевую роль в формировании этнокультурного ядра населения в прототюркский период.

Тюрки-тукю. Письменные источники свидетельствуют, что в III в. н. э. предки тюрков-тукю освоили пограничные территории Северного Китая. В 30-х гг. V в. н. э. многие из них кочевали в южной части излучины р. Хуанхэ, основав небольшое объединение Пиньлян (397–439 гг.). После гибели государства эти племена откочевали в горы Гаочана (Богдо-ола), к северо-западу от Турфана. В этот период тукю делились на западные племена (2 объединения по 5 племен – дулу и нушаби) и восточные, и находились в зависимости от Жужаньского каганата. В середине V в. н. э. тукю переселены жужанями на южные склоны Монгольского Алтая. В начале VI в. господствовавший в центральноазиатских степях Жужаньский каганат вступил в полосу политического и экономического кризиса в результате ряда военных поражений от государств эфталитов и Северная Вэй. Воспользовавшись этим обстоятельством, объединенные войска тюрков-тукю и теле нанесли в 552 г. сокрушительное поражение жужаням севернее Хуай-Хуана (северо-восточная часть современной провинции Суюань) и создали новое в Центральной Азии государство – Тюркский каганат.

Объединение тюркоязычных племен произошло в конце 20 – начале 30-х гг. VI в. Резкое возрастание военного потенциала тукю исследователи относят к 545 г., когда их вождь сумел присоединить 50 тыс. кибиток тюрков-теле. В течение очень короткого времени, меньше чем за 2 десятилетия, силой оружия была создана огромная держава, границы которой простирались от Хуанхэ до Волги, от северных границ Китая до оз. Байкал. Удержать огромную территорию, населенную многочисленными племенами и народами, в рамках одной политико-административной системы было невозможно, и в 604 г. Первое тюркское государство распалось на западный и восточный каганаты.

Начался период междоусобных войн, в результате которых в 682 г. восточными тюрками-тукю образован Второй тюркский каганат. К концу VII в. монголо- и тюркоязычные народы Центральной Азии вновь объединились в мощное государственное образование.

Второй тюркский каганат просуществовал до середины VIII в., его сменило следующее политическое образование Уйгурский каганат.

Специфической особенностью общественно-политического развития тюркских государств было переплетение феодальных отношений с патриар-

хальными. Внутри каганатов сохранялось родоплеменное деление. Государство делилось на два «крыла» – левое и правое, во главе которых стояли члены правящего рода, которым подчинялись чиновники 28 классов. Верховная власть принадлежала кагану.

Главным занятием тюрков было кочевое скотоводство. Они разводили крупный рогатый скот, овец, лошадей, верблюдов и др. Наряду со скотоводством значительное место в их жизни занимала охота и индивидуальная охота.

Показателем общего уровня культуры населения каганатов является наличие рунической письменности, созданной, скорее всего, при посредстве согдийцев. Письменность возникла на основе арамейского алфавита и служила для передачи литературного древнетюркского языка. Наиболее известны прижизненные и мемориальные восхваления правителей, эпитафийная лирика, магические и религиозные сочинения, юридические документы, дающие ценные материалы не только по истории древних тюрков, но и по филологии, лингвистике, этнологии. Уровень развития художественного мышления нашел отражение в произведениях изобразительного искусства – наскальных рисунках, высокохудожественных предметах прикладного характера, орнаментике на металлических, костяных, кожаных, войлочных, ювелирных изделиях и на поясных гарнитурах.

Основные сведения о древней религии тюрков содержатся в китайских династийных хрониках «Вэйшу» и «Суйшу», зафиксирован и в текстах на мемориальных памятниках тюрков на р. Орхон. Древнетюркская религия была законченной концепцией мировоззрения, с традициями, восходящими к глубокой древности, в основе которого лежало поклонение Тэнгри – создателю Вселенной, воплощению небесного начала, покровителю человечества – культ Вечного неба Тэнгри.

В 70-х гг. VI в. на тюркский язык были переведены некоторые буддийские священные книги и положено начало распространению буддизма в тюркском обществе.

Облик древних тюрков можно реконструировать по древнетюркским каменным изваяниям, распространенным в Монголии, Саянах, Горном Алтае, Восточном Туркестане, Казахстане и изображающим воинов в кафтанах, с оружием на поясе, с сосудом в руке (рис. 5). Примечательной чертой изваяний является портретное сходство, достигавшееся за счет выявления наиболее заметных осо-

бенностей, присущих тому или иному человеку (размеры лица, необычная форма усов, глаз, носа). Антропологический тип населения тюркских каганатов становится более однородным после смешения европеоидных аборигенов (динлинов – ?) с континентальными монголоидами.

Археологические памятники древних тюрков за более чем столетнюю историю изучения довольно хорошо известны, и их исследования, с разной степенью интенсивности, продолжаются до настоящего времени. Они найдены на территории Саяно-Алтая (с включением Большого Алтая), Западной и Центральной Монголии, Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая, в казахских степях. В большинстве своем это погребальные и культово-поминальные памятники.

Одной из главных особенностей тюркского погребального обряда эпохи каганатов были захоронения с конем. Исследования на обширной евразийской территории выявили 4 типа захоронений, относящихся к этому периоду.

1. Захоронения людей головой на северо-восток или восток под каменным курганом, в сопровождении одного или двух коней, уложенных рядом на грунте, на приступке ямы, на животе с подогнутыми ногами параллельно костяку человека (ориентация лошади или диаметрально противоположная или такая же, как у человека). Другой вариант захоронения с конем – когда коня от человека отделяла перегородка из каменных плит или дерева.

К общим для тюрков элементам идеологических представлений относится установка ряда каменных балбалов, начиная от надмогильного сооружения в восточном направлении обозначающих число убитых, при жизни врагов захороненного здесь человека и служащих коновязью (сэргэ) для участников похоронной тризны.

2. Кольцевидные поминальные сооружения из камня, захоронения под центром кольца коня, уложенного на животе с подогнутыми ногами и обычно завернутой назад головой, взнузданного и оседланного или только взнузданного без седла; передняя часть туловища коня обращена к северу; к северо-западу от таких колец часто идут ряды балбалов.

3. Подквадратные каменные оградки со стоящими с восточной стороны от них каменными изваяниями и балбалами или без таковых.

4. Прямоугольные и округлые выкладки из 1–2–3 слоев камней, под которыми находятся остатки кострищ в виде небольшого слоя золы, мелких

Рис. 5. Древнетюркское изваяние

угольков, иногда небольшого числа разрозненных костей животных.

Три последних типа памятников относятся к культовым сооружениям, связанным с поминальным или, возможно, солярным культом. В летописях Тан-шу о ритуалах древних тюрков указывается на жертвоприношение коня как в день кончины, так и во время похорон умершего. Конь исполнял, по представлению тюрков-тукю, в потустороннем мире те же функции, что и в реальной жизни, – средства передвижения, но уже души умершего в загробной жизни.

В Прибайкалье и Западном Забайкалье такие типы погребений не встречены, вероятно потому, что на этой территории основной частью населения были представители телеских племен.

В значительно меньшей степени изучены памятники оседлости древних тюрков, которые известны у тюркских народов в более поздние эпохи и в западной части евразийских степей. Следует отметить, что тюрки широко распространились на территории древних земледельческих цивилизаций Средней Азии: Хорезма, Согда, Бактрии, Чача, Парфии, ассимилировав местное население и создав здесь своеобразное культурное пространство.

Тюрки-теле. Исследователи истории тюркских народов считают что этноним «динлин» является общим названием тюркоязычных племен Централь-

ной Азии, позднее замененным термином «чилэ», а в более поздних источниках превратившимся в «теле». Те же источники фиксируют деление динлинов на северных и западных, первые из которых занимали территории в районе оз. Байкал.

Этногенез теле-хойху-уйгуров известен по письменным и мифологическим преданиям. По данным Суйшу (589–618 гг.) и Тан-шу (618–907 гг.), 9 этнически родственных племен и 6 их союзников занимали своими кочевьями значительную территорию от Восточного Тяньшаня до Хингана.

Племена теле постоянно стремились к обретению независимости от владычества тукю. Любое ослабление последних использовалось для выступления теле, объединявшихся в недолговременные и непрочные этнополитические образования.

Образование Уйгурского каганата в 745 г. явилось результатом многовековой борьбы телеских племен за политическую независимость, доминирующую роль в Центральной Азии и создание собственного государства, каковое наконец было образовано на пространстве от Алтайских гор до верховьев Амура. Однако Уйгурский каганат, ведя непрерывные войны, постепенно истощил свои внутренние силы и в 840 г. пал под натиском енисейских кыргызов, установивших недолгую гегемонию в Центральной Азии. Гибель каганата стала причиной бегства уйгурского населения с обжитых мест и расселения его на обширных пространствах от Великой Китайской стены на востоке до Кучи и Урумчи на западе. Выделяется 5 основных направлений их движения в середине IX в.: северо-восточное направление – в район Забайкалья к большим шивэй; восточное – в районы, находившиеся под контролем киданей; южное – к северным границам Китая, к западу от Ордоса; юго-западное – в Турфанскую котловину, в район Кучи; западное – в Джунгарию и Семиречье. Собственно уйгуры создали несколько небольших независимых княжеств, просуществовавших сравнительно недолго. Другие группы теле захватили обширные районы вдоль северных и южных склонов Восточного Тяньшаня и образовали здесь Турфанское уйгурское княжество (866 г.).

Верховная власть в государстве принадлежала кагану и его ближайшим сородичам, а также 9 «великим буюрукам», в руках которых сосредоточилась реальная власть над конфедерацией племен.

Основной отраслью хозяйства телеских племен было кочевое скотоводство; они разводили лошадей, овец, крупный рогатый скот, который использовали под вьюк и в упряжку. Большое значение в

экономической жизни государства получило градостроительство, земледелие, добыча железа, цветных и драгоценных металлов.

Уровень культуры в каганате был достаточно высок, о чем свидетельствует значительное количество памятников с рунической письменностью. Внедрение в уйгурское общество манихейства как государственной религии вместо традиционных для степняков верований повлекло за собой изменение письменности. Возник новый алфавит – уйгурский.

Период существования Уйгурского каганата на территории Монголии и Южной Сибири нашел отражение в сохранившихся разнообразных археологических памятниках: городищах, крепостях, разнообразных надписях, погребениях и поминальных сооружениях. Однако в целом можно отметить, что материальная культура уйгуров изучена слабо, что связано с недостаточной степенью исследования археологических памятников, которые могут быть отождествлены непосредственно с уйгурами.

Особо следует выделить памятники городской культуры уйгуров, которые, в отличие от тюрок первого и второго каганатов, начали массовое строительство городов по всей территории создаваемого ими государства. Они известны в долине Орхона, Селенги и на территории Тывы. Особенно показателен для характеристики Уйгурского государства столичный город Орду-Балык, общей протяженностью периметра более 25 км. Стены цитадели даже в современном состоянии достигают 10 м. Раскопками выявлены городские кварталы, усадьбы зажиточных горожан, высокий уровень материальной культуры жителей в целом. Одним из основных элементов уйгурской культуры являются монументальные сооружения, воздвигнутые в честь выдающихся деятелей каганата, с описанием их заслуг перед государством и народом.

Погребальные памятники этого периода, идентифицированные как уйгурские, известны с территории Тувы, Минусинской котловины, Монголии. Умершие захоронены по обряду трупоположения со шкурой коня (головой и конечностями) в могильных ямах с подчетыреугольными надмогильными конструкциями с северо-западной ориентировкой. В могильных ямах были найдены костные останки жертвенных животных: лошадей, коров, овец и сопровождающий погребальный инвентарь: конские удила, поясные гарнитуры, обоймы ремней, кресала, наконечники стрел, фрагменты керамических сосудов, ювелирные изделия.

Единичный случай захоронения человека по обряду со шкурой, головой и конечностями коня отмечен на территории Западного Забайкалья. Погребение было обнаружено случайно в приустьевой части р. Джиды на левобережье р. Селенги и частично разрушено во время разработки щебеночного карьера. Захоронение человека совершено в могиле на глубине 2 м, в подбое, расположенном с северной стороны могильной ямы. Вход в камеру подбоя перекрыт вертикально поставленными деревянными плашками. Погребенный ориентирован головой на запад и положен спиной на грунт с вытянутыми вдоль туловища руками, правая нога согнута в коленном суставе, левая вытянута. Тело человека было укрыто по диагонали шкурой лошади с головой и конечностями. Голова лошади положена на голени и стопы погребенного, мордой обращена на восток. Шкуру лошади сверху закрепили большим камнем. На черепе лошади остались следы железного крепления оголовья – железных и бронзовых накладок, украшений ремней. Из предметов материальной культуры сохранился лишь сильно коррозированный трехлопастной наконечник стрелы.

Редкие находки памятников собственно уйгуров объясняются, вероятно, тем, что территорию Западного Забайкалья контролировали иные племена, входившие также в состав конфедерации теле.

Кидани. После разгрома Уйгурского каганата енисейскими кыргызами в 840 г. и в период их политического контроля и после ухода енисейских кыргызов обратно в центральноазиатских степях наступает «темный» период истории. О народах, обитавших здесь в эти времена, почти нет сведений из письменных источников. Не выявлены пока и археологические памятники этого периода. Имеются только скудные сведения о племенах шивэй, занявших часть восточномонгольских степей до вторжения киданей.

Наиболее ранние сведения о киданях содержатся в династийной хронике «Вэй-шу» (История династии Северная Вэй). В начале X в. на восточной окраине Центральноазиатского региона, в среде монголоязычных в своей основе племен киданей происходят сложные социально-политические процессы, приведшие к образованию государства, известного в истории как империя Ляо¹. Язык киданей считается одним из сяньбийских диалектов,

¹ Материалы по истории древних кочевых народов... – С. 154–215.

который лег в основу монгольского литературного языка. Киданьская письменность, сохранившаяся на эпиграфических памятниках, остается полностью не дешифрованной до настоящего времени.

До создания империи кидани подчинялись различным китайским династиям, попадали в вассальную зависимость от Жужаньского, Тюркского и Уйгурского каганатов. Усиление киданей связывают с именем главы господствующего рода Елюй Амбаганя (в китайской транскрипции – Абаоцзи, в русской – Апока), объединившего все киданьские роды, покорившего соседние племена: 7 родов шивэй, 5 родов племени си, дада (татар) и нюйчжень (чжурчженей).

После завершения объединения племен Маньчжурии киданьские войска завоевали земли, расположенные к северу, югу и западу от мест их исконного проживания. Границы государства простирались до Семиречья на западе и Кореи на востоке, от Байкала на севере до Китая на юге. Причем ряд северных провинций Китая вошли в состав киданьской империи Ляо.

Военное вторжение киданей в Центральную Азию привело к включению большей части ее территории в состав Киданьского государства. По всей видимости, кидани не встретили в монгольских степях ожесточенного сопротивления. По крайней мере, имеются сведения, что Абаоцзи без особых усилий захватил бывшую столицу Уйгурского каганата на Орхоне. Считается, что именно с вторжением киданей начинается монголизация Центральной Азии.

Государственное управление в Ляо осуществлялось двумя администрациями: северной, ведавшей делами монгольских, тюркских и тунгусских кочевых племен, и южной, созданной по образцу государственного аппарата Сунской империи для управления южным оседлым населением китайских префектур и округов.

Верхние эшелоны государственного аппарата формировались за счет представителей императорского клана, клана императриц и выходцев из других знатных родов. Большинство государственных постов были наследственным. Во главе администраций стояли великие правители: северной – из клана Сяо, представлявшего императриц и по традиции считавшегося уйгурским, южной – из киданьского клана Елюй. Префектуры и округа управлялись военными и гражданскими префектами 5 рангов, уезды – начальниками уездов и их помощниками.

Северные кочевые племена возглавлялись местными вождями.

Необходимость ведения делопроизводства, упорядочения управления, расширения деятельности государственных институтов требовала создания собственной письменности. По сведениям письменных источников, Абаоцзи около 920 г. создает на основе китайских иероглифов «большое киданьское письмо». Спустя 5 лет младший брат императора Дила, знавший уйгурский язык и грамоту, создает «малое киданьское письмо», которое было слоговым (по другим источникам, «большое киданьское письмо» создали киданьские ученые Тулюйбу и племянник императора Елюй Лубугу, а «малое» – сын Елюй Амбаганя Елюй Тэла)¹.

Покоренные центральноазиатские племена находились в различной степени зависимости от Ляо. Кроме регулярной выплаты дани лошадьми, мехами, охотничьими соколами и др. они были обязаны участвовать в военных акциях киданей, выполнять различные повинности. Империя Ляо выполняла роль арбитра в конфликтах между племенами, давала официальные титулы вождям племен, в ряде случаев учреждала киданьских наместников над племенами. В XI в. кидани активно продолжали политику переселения отдельных племен с целью их ослабления и контроля над ними. Прямые караванные пути, соединившие киданей с государствами Восточного Туркестана и Средней Азии, способствовали развитию торговых отношений, занимавших большое место в киданьской экономике.

Археологические памятники киданей на территории Монголии представлены в основном городищами, могильники здесь пока не известны. Городища расположены в бассейнах рек Керулена, Онона и Толы и имеют мощные фортификационные системы. Стены, сложенные из хорошо утрамбованных слоев земли, перемежающихся со слоями плотно сбитой глины (такой способ называется ханьту), достигают в современном состоянии 5 м. В стенах сооружались сложной конструкции, П-образной в плане формы ворота, усложнявшие и затруднявшие взятие входа в городище. В оборонительную систему входили угловые и фронтальные башни. Внутри городищ находятся остатки разнообразных сооружений: пагоды (рис. 6), глинобитные наземные здания, полуземлянки и землянки. По всей видимо-

¹ Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи). – М., 1979.

сти, в городищах проживало разное в социальном плане население, расселявшееся в различного типа жилищах. На городищах, как правило, встречается большое количество серой кровельной черепицы – широкой, слабо вогнутой и узкой, сильно вогнутой. Керамика, найденная на киданьских поселениях, серая и серо-розовая с орнаментом на поверхности сосудов, в виде узких клинышков, образующих прямые ряды, или вдавленных квадратиков. Для керамики характерно сочетание изящных форм кувшинчиков из тонко отмученной, хорошо обожженной глины, различные баклаги, флаги, грубые сероватые сосуды баночной формы. Кроме большого количества керамики при раскопках встречаются изделия из металла, кости, статуэтки, остатки щеточек, напоминающих современные зубные щетки, железные гвозди, бронзовые монеты и др.

По всей видимости, кидани не чувствовали себя в безопасности в завоеванных монгольских степях. Это прослеживается в стремлении киданей укрепить свои города мощными фортификационными сооружениями, например, так называемым валом Чингис-хана, протянувшимся в широтном направлении на протяжении почти 2 тыс. км по территории Монголии, России и Китая. Местное население связывало его с именем Чингис-хана, создателя и первого правителя Монгольской империи. Однако недавние исследования вала, особенно небольших укрепленных крепостей, расположенных на всем его протяжении, показали его киданьскую принадлежность. Против кого кидани воздвигли столь грандиозное по протяженности оборонительное сооружение и держали на границе, в укрепленных фортах, военные гарнизоны? Мы не знаем достаточно точно, кем было в этническом плане население завоеванных киданями монгольских степей ввиду отсутствия письменных и археологических памятников. Вероятно, здесь проживало смешанное тюркское и монгольское население, оставшееся со времен Жужаньского, Тюркского, Уйгурского и Кыргызского каганатов.

Строительство киданями городов на территории современной Монголии свидетельствует о довольно большом количестве проживавшего здесь населения, что было вызвано необходимостью укрепления и защиты северо-западных границ империи. По мнению Х. Пэрлээ, часть городищ были военные гарнизоны, наблюдавшие за местными кочевыми племенами. Города служили местом концентрации экономической жизни государства, сосредоточения администрации

и воинских контингентов, ведавших сбором дани и исполнением местным населением различных повинностей. Возможно также, что кидани пытались колонизовать завоеванную территорию, богатую прекрасными пастбищами, которую можно было превратить в сырьевую животноводческую базу империи. Население империи нуждалось в продуктах скотоводства, а армия – в большом количестве лошадей. Строительство опорных пунктов на завоеванной территории позволяло контролировать местное население и количество взимаемой дани. Имеются сведения о жизни в таких поселениях: «На северных и северо-западных границах Ляо были организованы военные поселения, мужчины из этих поселений являлись и солдатами, и землепашцами. Во время земледельческих работ их разбивали на четверки, одного из четверых отправляли на сторожевую башню, двух – охранять границу, а один пахал землю. Всю работу по уходу за скотом и заготовке сена в это время выполняли женщины и дети»¹. Если в цитируемом отрывке речь идет о поселениях киданей, располагавшихся на территории современной Монголии, то можно видеть, что кидани не чувствовали себя здесь в полной безопасности.

Имеющиеся сведения о переселении киданями в завоеванные земли жителей покоренных государств Сун и Бохай и поселении их в городах, где они должны были заниматься земледелием, свидетельствуют о намерении создания на покоренной территории сельскохозяйственной экономической базы.

По всей видимости, судя по походам киданьского полководца Елюй Даши на запад, кидани использовали Центральную Азию как плацдарм для будущего вторжения в богатые земли Средней Азии, а построенные ими города – как опорные базы для подготовки вторжения. Все это вместе взятое являлось, возможно, частью целенаправленной политики, проводимой правящей элитой общества и призванной обеспечить далеко идущие планы киданьского господства над Азией. Но, похоже, кидани, готовя дальние походы, просмотрели усиление чжурчженей, разгромивших в 1125 г. в союзе с Сун империю Ляо и создавших на ее обломках собственное государство – империю Цзинь. Поход Елюй Даши состоялся уже после начала чжурчженского вторжения в пределы империи Ляо, и в нем приняло участие непокорившееся киданьское население,

¹ Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. – М., 1997. – С. 145.

Рис. 6. Пагода на киданьском городище Барс-Хот. Восточная Монголия

создавшее позднее в пределах Средней Азии государство Западное Ляо, погибшее впоследствии под ударами войск Чингис-хана.

Шивэй. О северных соседях киданей – шивэй известно, что это самая северная группа монголоязычных народов, упоминаемая в китайских письменных источниках. Более того – одно из племен мэngu-шивэй считается предком монгольских народов.

Впервые шивэй упоминаются в «Бэй-ши» в 544 г. Племена шивэй – это северная группа сяньбийцев, которых «История династии Суй» безоговорочно считает родственными киданям: «что касается киданей и им подобных, то живущие на юге составляют киданей, а находящиеся на севере зовутся шивэй». В «Истории династии Тан» на их этническое родство указывается еще более определенно: «Шивэй – особый род (лэй) киданей, особое племя (чжун) ки-

даней на северной границе дунху. «Тан-шу» дает следующую картину расселения шивэй в VII–VIII вв.: «Их владения находятся на северо-востоке от столицы (государства Тан) на 7 тыс. ли. На востоке оно достигает хэйшуй мохэ (черноречные мохэ), на западе – тукюэ, на юге примыкают к киданям, на севере достигают моря».

В период Суйской династии шивэй делились на 5 кочевий: нань шивэй (южные шивэй), бэй шивэй (северные шивэй), бо шивэй, шеньмода и да шивэй (большие шивэй). В танское время количество шивэйских племен возросло и их насчитывалось более 20 (по Чжэн Индэ – 22, по Е Лун-ли – 25). Северные шивэй разделились на 4 кочевья, южные – на 14.

У южных шивэй «земля низкая и сырая. Летом переселяются на северо-запад, к горам Дайбо и Цяньдуй. Здесь много травы и деревьев, обилие птиц и зверей, но много комаров и мошкары, поэтому все живут в гнездах и на деревьях, чтобы спастись от причиняемых им страданий».

Северные шивэй «живут вокруг горы Тухэшань... Зимой шивэйцы уходят в горы и живут в земляных норах. От холода замерзает много рогатого скота».

«Еще проехав 1000 ли на север, прибываешь в земли бо-шивэй, которые живут около горы Хубушань... Жилища строят из коры деревьев». «Через четыре дня пути на юго-запад от бо-шивэй прибываешь в земли шэньмода шивэй, которые называются так по названию реки. В зимние месяцы они живут в норах, которые спасают их от сильного холода... Далее через несколько тысяч ли на северо-запад (от шэньмода шивэй) прибываешь в земли больших шивэй. Дорога к ним труднопроходима. Язык непонятен. [В их землях] особенно много соболей и белок»¹.

Отсутствие обобщающих трудов по археологии, истории и культуре шивэй не позволяет пока реконструировать в полной мере их материальную и духовную культуру. Однако ряд исследователей не без основания полагают, что основная масса памятников бурхотуйской археологической культуры, выделенной А. П. Окладниковым в Восточном Забайкалье в 50-е гг. XX в., относится к группе племен, известных по письменным источникам как шивэй.

Наибольшее количество памятников найдено и исследовано в долине р. Шилки и низовьях

¹ Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М., 1961. – С. 60–64.

Нерчи, где наряду с могильниками обнаружены и многочисленные укрепленные поселки. Поселения бурхотуйцев еще недостаточно исследованы. В архитектурно-планировочном отношении можно отметить, что они имеют вид прямоугольника, окружены земляными валами и рвом. Внутри расположены жилища подквадратной формы. Общее количество жилищ в некоторых поселениях достигает 70. Рядом обычно располагались и могильники, насчитывавшие иногда свыше 100 погребений. В погребальном обряде бурхотуйцев-шивэй нашел отражение культ Востока или культ Восходящего Солнца, культ почитания предков (рис. 7).

Основная масса некрополей встречается малыми компактными группами на небольших сопках, рядом с живописными скальными останцами. Неравномерное расположение памятников можно объяснить тем, что бурхотуйцы, вероятно, имели зимние, оседлые и летние, кочевые, места обитания. Основная масса населения занималась скотоводством, охотой и частично земледелием. Скотоводство, скорее домашнее животноводство, шивэй основывалось на разведении свиней. Шивэй не разводили овец, и у них было мало лошадей.

В разные периоды своей истории шивэй вели многочисленные войны, сначала с тюрками, а затем с киданями, нападали на Северный Китай, сотрудничали с уйгурами и воевали с чжурчженями. Некоторые военные предприятия шивэй были достаточно удачны, что говорит о значительной военной силе и высокой степени организации военных соединений. Так, в «Цзинь гочжи» говорится, что в 1147 г. чжурчжени были вынуждены уступить шивэй-мэнгу земли к северу от Керулена вместе с 27 построенными там крепостями. Эта дата привязывается уже к истории собственно монгольских племен и связана с взаимоотношениями потомков Бодончара и ближайших предков Чингис-хана с Алтан-ханами, как называли монголы правящую династию чжурчженей Цзинь, что переводится с китайского как золотая. Судя по археологическим данным, в это время степи Восточного Забайкалья населяли потомки населения бурхотуйской культуры. Высказанное ранее предположение о сопоставлении бурхотуйцев с населением шивейского круга показывает, что у этих племен по мере продвижения в степь происходили постепенные изменения в мировоззрении и материальной культуре, что находит отражение в погребальных обрядах. К X в., в результате перехода к кочевому образу жизни, в

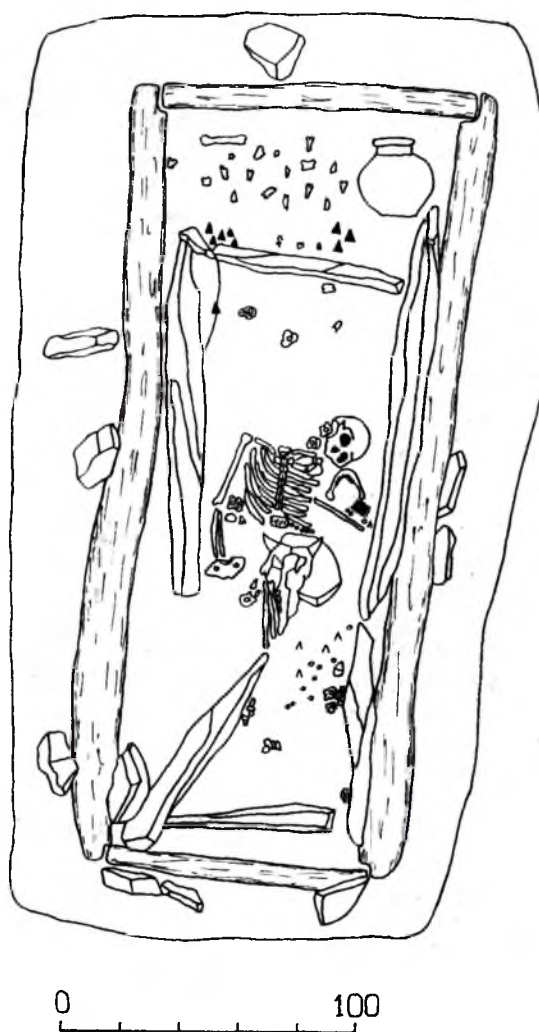

Рис. 7. План погребения. Бурхотуйская культура

хозяйственной деятельности, мировоззрении сформировались новые черты, нашедшие отражение в погребальных памятниках, относимых нами к раннемонгольской культуре.

Ранние монголы. Монгольская эпоха в истории Центральной Азии связана с именем выдающегося политического, военного и государственного деятеля, основателя Монгольской империи – Чингис-хана. Однако времени образования Монгольского государства и сложения монгольского народа предшествовал достаточно длительный период, когда разрозненные племена, среди которых был род будущего монгольского кагана, кочевали в степях

Восточной и Центральной Монголии, иногда объединяясь на короткое время, создавали кочевые образования.

Основные сведения о ранних этапах истории монгольского народа содержатся в историческом сочинении «Сокровенное сказание» анонимного автора и «Сборнике летописей» Рашид-ад-Дина. К сожалению, в нашем распоряжении нет полного текста еще одного ценнейшего источника по истории монголов – «Юань ши». Хотя информация, содержащаяся в этих источниках, поистине бесценна, они написаны в разное время и в разных жанрах. Если «Сокровенное сказание» написано, по-видимому, одним автором, то труд, подготовленный Рашид-ад-Дином, есть результат работы множества информаторов, писцов, редакторов, компиляторов, отбравших и сводивших в единый текст громадный объем сведений, полученных со всех концов Монгольской империи. «Юань ши» – исторический труд, также подготовленный большим числом летописцев.

Сопоставление сведений, содержащихся в источниках, где излагается в основном история рода борджигин, золотого рода Чингис-хана, дает возможность представить общий ход и основные тенденции исторического развития монгольских народов с легендарных времен, о которых хранители монгольской старины, древние рапсоды, информаторы авторов исторических сочинений повествовали в своих генеалогических преданиях и улигерах.

Наиболее древний период, отмечаемый первыми историографами Монгольского государства, в частности Рашид-ад-Дином, связан со временем исхода предков монголов из Эргунэ кун. От этого периода до Бортэ Чино и от Бортэ Чино до Бодончара, родоначальника рода борджигин, история монголов носит легендарный характер. По мнению ряда ученых, многие имена представляют собой древние этнонимы, такие как Баргудай, Хорилартай; возможно, этнонимом является и имя прародителя-первопредка Буртэ (или Бортэ Чино). От Бодончара до Темуджина история монголов имеет характер связанного изложения генеалогических линий с упоминанием боковых ответвлений. Начиная с деятельности Чингис-хана по созданию единого государства история монголов и Монгольского государства уже не только носит легендарный характер, но и обеспечена достаточно надежными историческими источниками.

Период пребывания монголов в Эргунэ кун наиболее дискуссионен. Во-первых, непонятна его

географическая локализация, во-вторых, неясно время, когда предки монголов были вынуждены уйти в Эргунэ кун, неизвестно и время исхода из Эргунэ кун. Последние исследования показали, что, возможно, Эргунэ кун находится в пределах северной части Хинганской горной системы, где действительно есть межгорные впадины и котловины, в которых может укрыться большое количество населения, спасающегося от преследований. В этом регионе широкое распространение имеют гидронимы, топонимы, содержащие корень Эр. Есть здесь и город Эргунэ, бывший город Лабудалинь. Река Хайлар берущая начало в отрогах Хингана, после пересечения российско-китайской границы именуется Аргунь – гидроним, имеющий общий корень с Эргунэ и являющийся, по всей видимости, древним названием реки. Относительно времени попадания туда предков монголов в легенде говорится: «Примерно за две тысячи лет до настоящего [времени] у того племени, которое в древности называли монгол, случилась распря с другими тюркскими племенами, и закончилось сражением и войной... над монголами одержали верх другие племена и учинили такое избиение [среди] них, что [в живых] осталось не более двух мужчин и двух женщин...»¹ Такой ужасный по своим масштабам разгром, учиненный предкам монголов, когда они в массовом порядке вынуждены были покинуть родные кочевья, известен по письменным источникам в двух случаях. Первый – когда в III в. до н. э. хунну разгромили племена дунху, вынудить их бежать далеко на север, как раз в районы Хингана и прилегающих к нему земель, где впоследствии локализовались племена сяньби и ухуань. Возвращение сяньби в монгольские степи было связано с разгромом хунну, земли которых были захвачены сяньбийцами, а часть хунну была вынуждена принять племенное наименование победителей.

Второй эпизод связан с поражением жужаней от древних тюрков, когда побежденные были вынуждены бежать в разные стороны. Известно, что средневековые авары, появившиеся в причерноморских степях, связываются отдельными исследователями с центральноазиатскими жуань-жуанями или жужанями. Часть жужаней вполне могла укрыться от преследований тюрков в горах Хингана. Однако известно, что земли, завоеванные тюрками, про-

¹ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. – М., 1952 (Репринтное воспроизведение, 2002). – С. 153.

стирались до владений киданей и мохэ и были ими покорены. Хинганская горная страна как раз расположена между владениями мохэ и киданей и находилась в пределах досягаемости тюрок. И вряд ли тюрки могли упустить случай отомстить жужаням, под игом которых они томились много лет.

Возможно, что были еще случаи жестоких поражений древних монголов, не зафиксированные источниками, в результате которых они были вынуждены спасаться бегством, однако сегодняшним исследователям приходится оперировать только тем материалом, который имеется в их распоряжении.

Таким образом, до появления новых источников и материалов можно считать время пребывания древних монголов в Эргунэ кун окончательно не установленным, следовательно, и время выхода из Эргунэ кун остается пока не выясненным. Если предположить, что бегство в Эргунэ кун связано с хунно-дунхускими войнами, то время выхода оттуда гипотетически можно связать с выходом на широкую историческую арену сяньбийских племен во времена правления Таньшихуая. Если связывать эти события с тюрко-жужаньской войной, выход из Эргунэ кун приурочивается ко времени движения на запад какой-то из монголоязычных групп населения, как-то связанных с Бортэ Чино. Причем отдаленность происходивших событий во времени не позволяет с определенностью сказать, олицетворяет ли антропоним Бортэ Чино (имя предводителя) монгольское племя, предводимое им, т. е. является ли этнонимом. Крупными монголоязычными этническими массивами, начавшими движение на запад, были, по имеющимся данным, кидани и шивэй. Однако кидани не терпели таких катастрофических поражений, вынуждавших эмигрировать большую часть населения. По крайней мере, нам не известны такие случаи в истории киданей. Нет таких сведений и в истории шивэй. Возможно, что в многоэтничном Жужаньском каганате, который, как полагают, сложился не на основе какой-то доминирующей группы, а как конгломерат различных в этническом плане родоплеменных групп, в основном хунно-сяньбийского происхождения, существовали какие-то монголоязычные кланы, бежавшие в Эргунэ кун, избежавшие уничтожения тюрками и вышедшие оттуда как предки монголов эпохи Чингис-хана.

Существует мнение, что генеалогические линии от Буртэ Чино до Добун-мэргэна и Бодончара представляются легендарными, представляющими собой не реальную генеалогию, а обобщенный ход

этногенетических процессов. Возможно, это связано с тем, что запрет на браки между родственниками действовал до 7–9 поколений, глубже которых знание родословных несколько терялось, а со временем забывалось. В памяти оставались только воспоминания стариков, воспроизводившие родословные в самом обобщенном виде. То есть такие имена собственные, как Хорилартай-мэргэн, Баргудай-мэргэн, Баргуджин Гоа, очевидно, происходят от этнонимов, т. е. олицетворяют такие этнические группы как баргу, хори. Если можно относительно точно вычислить время, отделяющее Бодончара от Тэмуджина, то временные периоды от эргунэунского периода до Бортэ Чино и от Бортэ Чино до Добун-мэргэна будут, по крайней мере, гипотетичны. Тем не менее такие подсчеты проводились, и рождение Бортэ Чино по одним из них приходилось на 758-й, а по другим – на 722 или 612 год. Рождение Добун-мэргэна определяется 924 или же 942 и 887 годами. Приняв определенную условность полученных дат, тем не менее можно предположить, что Буртэ Чино мог жить в VII–VIII вв., а Добун-мэргэн – в IX–X вв.¹ По принятой исторической периодизации Центральной Азии можно допустить, что время жизни Буртэ Чино совпадает со временем господства Второго тюркского и Уйгурского каганатов, а годы жизни Добун-мэргэна соответствуют уже киданьскому периоду истории центральноазиатских степей. То есть фольклорная традиция и вычисления современных исследователей позволяют отнести появление монгольских предков Чингис-хана ко времени господства в Центральной Азии тюркоязычных династий. Эта ситуация находит косвенное подтверждение в том, что памятники хойцегорского этапа раннемонгольской культуры относятся нами к монголоязычным народам, воспринявшим моду на наиболее характерные тюркские (в широком смысле слова) вещи. Напомним, что на территории распространения памятников хойцегорского этапа встречались погребальные памятники, содержащие кожаные пояса с металлическими пряжками, бляшками, подвесками, украшениями тюркского облика. В то же время отмечалось отсутствие на указанной территории собственно тюркских памятников, т. е.

¹ Коновалов П. Б. Об историческом и этническом сознании средневековых монголов // Тайная история монголов: Источниковедение. Филология, История. – Новосибирск, 1995. – С. 26–48; Билегт Л. Раннемонгольские племена (этногенетические изыскания на основе устной истории). – Улаанбаатар, 2007. – С. 20–34.

появление монголоязычного населения могло происходить как во время господства тюрок, так и во времена так называемого «темного» периода истории – в хронологический отрезок между разгромом Уйгурского каганата енисейскими кыргызами-хакасами и вторжением киданей.

Таким образом, можно считать, что полученную в результате анализа данных генеалогии царского рода Чингис-хана довольно зыбкую хронологическую шкалу можно использовать в качестве ориентира. Ее слабость хорошо видна при попытке выделения древнейшего периода – времени пребывания предков монголов в Эргунэ кун и выхода оттуда. От Бортэ Чино до Добун-мэргэна легендарное время также имело некоторую условность и неопределенность, хотя эти датировки имеют под собой определенную целесообразность. От Бодончара, сына Алан Гоа, до Тэмуджина наблюдается четкое соблюдение родословных монгольских традиций, ведущих происхождение по мужской линии, с указанием боковых ответвлений, образовавшихся отдельные роды. Хотя и здесь возможны упущения. Со времени появления на свет Тэмуджина, с создания им объединения монголов начинается история, основанная на источниках и исторических сочинениях, созданных грамотными и образованными для своего времени людьми, желавшими оставить память о событиях той эпохи.

Источники дают нам множество названий родоплеменных групп со времен Бортэ Чино до Добун-мэргэна, перечисляются роды, образованные потомками Бодончара. В период междоусобных войн монгольских племен упоминаются родовые группы, так или иначе втянутые в объединительные процессы: керейты, тайджиуты, найманы, татары, меркиты и множество других. После объединения Тэмуджином значительной части племен, населявших междуречье Онона, Керулена, Толы и Орхона, начинается процесс подчинения населения сопредельных территорий. В это время в северной части монгольского мира, в лесостепных зонах, обитали «лесные» народы, которые, судя по тексту «Сокровенного сказания», располагались в верховьях Иртыша и Енисея, в пределах Предбайкалья.

Этническая принадлежность этих народов при настоящей степени изученности носит во многом гипотетический характер, хотя они – основные участники событий XII – начала XIII в., происходивших в монгольских степях: тайджиуты, керейты найманы, татары, меркиты априори считаются

монголоязычными, так как именно они заложили основу современных монгольских народов. Однако рядом исследователей высказываются мнения об отнесении отдельных из них к группам тюркского, тунгусского, самодийского происхождения. Такие суждения имеют под собой вполне понятное основание, так как несомненно, что в этногенезе средневековых народов Центральной Азии участвовали различные этнические группы, также бывшие неоднородными в своем этническом составе, и дальнейшая их монголизация была только ступенью в сложном процессе этнической эволюции населения региона.

Все последующие исторические процессы связаны с именем Тэмуджина, будущего Чингис-хана, начавшего свою деятельность с борьбы за возвращение себе статуса владельца собственного улуса, пришедшего в упадок после смерти его отца Есугей-багатура, а затем и вовсе аннулированного родичами-тайджиутами. После множества перипетий, восстановив свое общественное положение, полагающееся ему по рождению, Тэмуджин продолжает борьбу с главами кланов в силу как собственных амбиций, так и защищая вновь обретенный статус, оправдывая доверие людей, поверивших ему и пошедших за ним, как за сильным лидером, у которого можно найти защиту и покровительство. Вообще, выявить движущие силы войн в монгольских степях крайне сложно, настолько переплелись амбиции вождей, личные интересы множества людей, которые попадали в крайне сложные жизненные ситуации, что дать оценку событий возможно только после анализа необъятного количества источников.

По данным исторических хроник, Тэмуджин родился в 1162 г. в местности Дэлюн Болдок по Онону (есть несколько мнений по поводу местонахождения этой личности), в семье Есугей-багатура, наиболее сильного и влиятельного среди преемников Хабул-хана.

Вся деятельность Тэмуджина, его сражения с меркитами, родственными тайджиутами, татарами, вчерашними союзниками керейтами, найманами, в ходе которых его противниками становятся побратим его отца Есугея Тогорил, Ван-хан керейтский, и его собственный побратим Джамуха, показывают сложную обстановку того времени и незаурядные политические способности Тэмуджина, умение выбрать момент для смены линии поведения, умение привлечь людей на свою сторону. В битвах, где он неизменно осуществлял стратегическое руковод-

План надмогильных
кладок

Профиль надмогильных
Кладок

Профиль могильных ям

Внутримогильные
конструкции:
войлок-овчина,
колода, грунт, гроб,
рама, доска с берестой,
берестяной короб

Положение тел и
берцовые кости бараньих
ног в изголовье

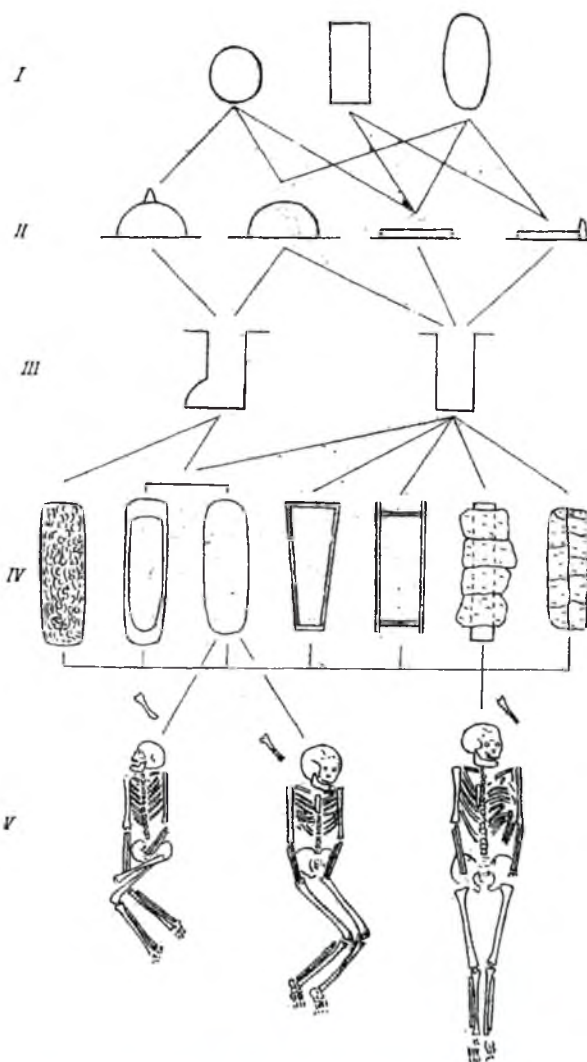

Рис. 8. Конструктивные особенности погребений раннемонгольской культуры

Рис. 8а Погребение раннемонгольской культуры. Надмогильная конструкция

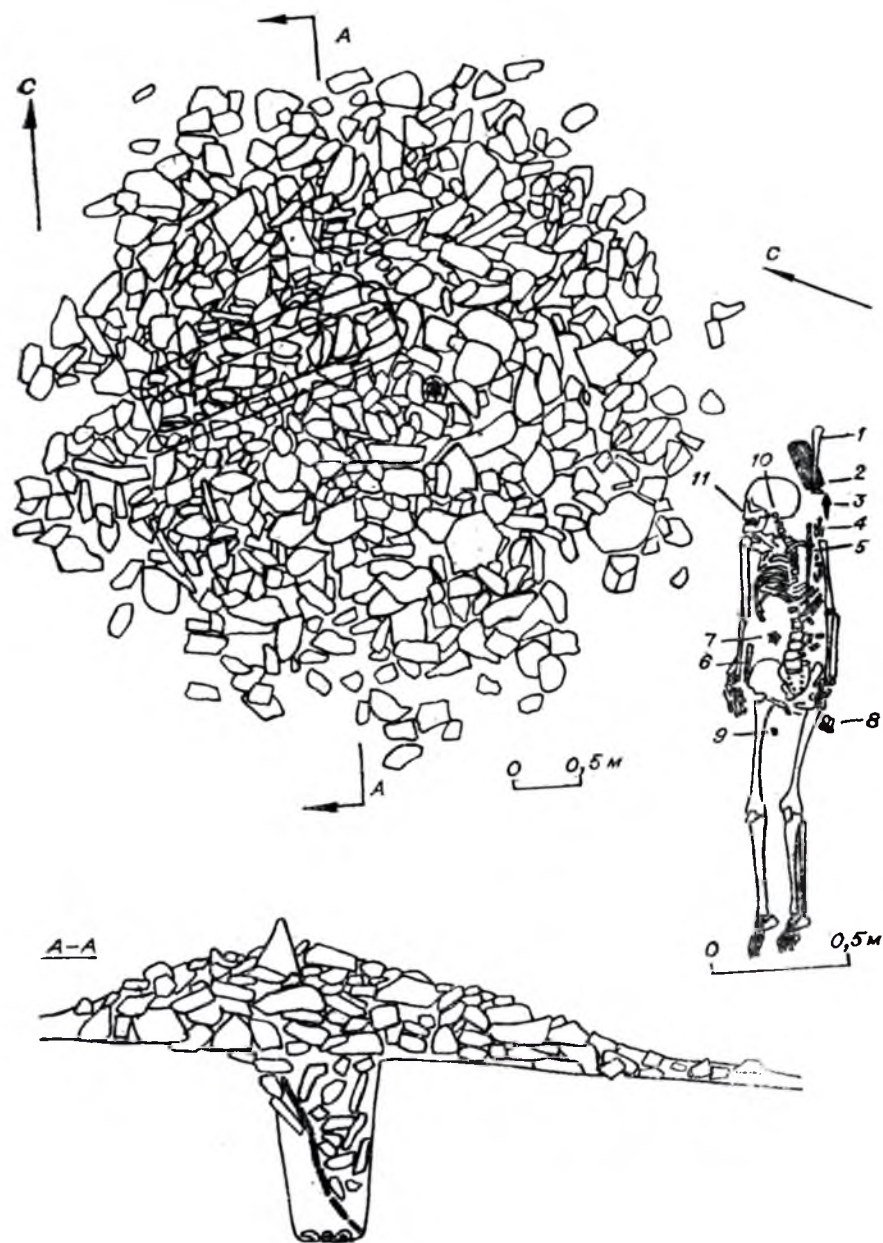

Рис. 9. Погребение раннемонгольской культуры. Дэрестуйский Култук

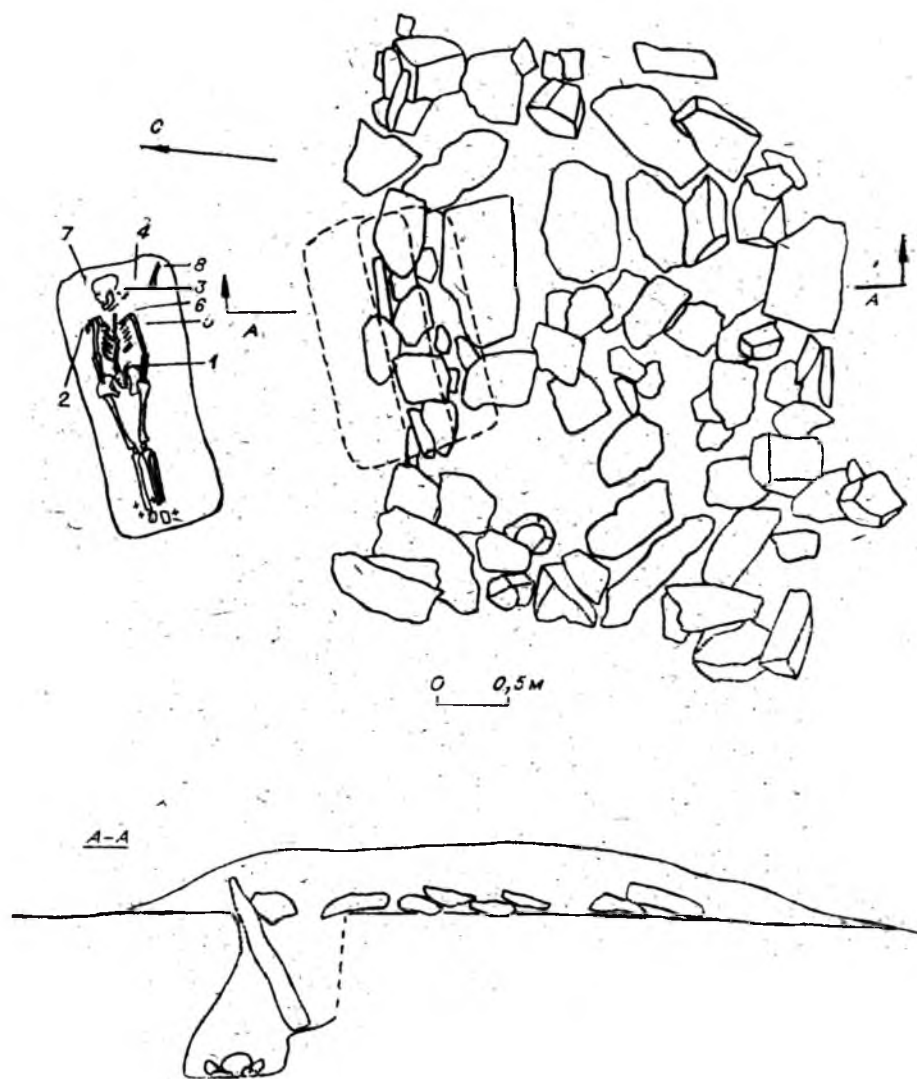
ство и проявлял тактическое мастерство, в полной мере проявился его талант полководца.

Во 2-й половине X – начале XIII в. в монгольском обществе наблюдается усложнение социальной структуры в условиях кочевого скотоводческого общества. Происходит социальная дифференциация уклада жизни, выделяется военная аристократия – батыры, гражданская аристократия – нойоны, простые кочевники-араты. По мнению Б. Я. Владимирцова, образуется особое сословие зависимых

членов общества – унаган боголы. В начале XI в. в среде монголоязычного населения междуречья Онона и Керулена складываются первые объединения, из которых наиболее известным является Хамаг монгол улус во главе с Хабул-ханом.

В этот же период начинает складываться особое сословие профессиональных степных воинов, из которых формировались первые «тысячи» – особые воинские подразделения, власть над которыми была закреплена впоследствии за ближайшими

Рис. 10. Погребение раннемонгольской культуры. Подчерная

сподвижниками Чингис-хана в его первых указах. Из них в дальнейшем формировалась его личная охрана (кебтеулы, кешиктены, турхауды), ставшая впоследствии его личной гвардией.

Эти закаленные в схватках бойцы решали, в чью пользу завершится очередной спор за власть между монгольскими ханами и нойонами. Именно такая борьба разгорелась на рубеже XII и XIII вв. в монгольских степях между монголами, тайджитами, керейтами, меркитами, найманами. В источниках упоминается множество имен участников междоусобных войн, возглавляемых Ван-ханом керейтским, Таян-ханом найманским, побратимом Джамухой и многими другими. Участниками войн были зачастую близкие родственники, в силу различных причин оказавшиеся по разные стороны. Победителем в этой долгой войне вышел Тэмуджин,

провозглашенный в 1206 г. всемонгольским ханом, которому присягнули почти все монгольские правители.

Сразу после провозглашения его всемонгольским ханом Чингис-хан начал проводить реорганизацию существующих социально-политических отношений. Было образовано два крыла и центр; правое крыло, прилегающее к Алтаю, возглавил Боорчу, левое – Мухали. Управление центром было поручено Наяа. Власть над лесными народами получил Хорчи. Судебная власть была поручена Шиги-Хутуху¹. Весь народ, вся территория была поделена между 95 тысячниками, которыми стали сподвижники Чингис-хана, помогавшие ему в создании государства. В это же время была проведена реорганизация личной охраны Чингис-хана, со временем превратившаяся в его личную десяти тысячную

гвардию.

С 1211 по 1227 г. Чингис-хан предпринимает ряд военных экспедиций на соседние земледельческие государства Северного Китая, тангутов, Средней Азии, Закавказья, Крыма, Поволжья. В результате завоевательных походов была создана огромная империя, еще при жизни Чингис-хана административно и территориально поделенная между 4 его сыновьями. После смерти отца главой всех монголов был избран третий сын, Угэдэй. При нем проведена административная реформа, учрежден институт особых уполномоченных для управления завоеванными странами, усовершенствована налоговая система, почтовая служба и т. д.

¹ Сокровенное сказание монголов... – С. 102–104.

В 60-х гг. XIII в. территории, подчиненные сыновьям и внукам Чингис-хана, фактически оторвались от единого монгольского центра, вели самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику, сохраняя «автономную» экономику и экономические отношения внутри своих государств. При Хубилае центр Монгольской империи перенесли в новую столицу Дайду (совр. Пекин), и в 1271 г. им учреждена новая династия – Юань. Хубилай-хан также провел ряд реформ в области формирования государственного аппарата, налоговой системы, административного деления и т. д. В конце XIV в. Юаньская династия пала в результате усилившегося процесса распада империи монголов.

Археологические памятники второго тысячелетия, объединенные в саянтийский этап раннемонгольской археологической культуры, имеют широкое распространение на территории Монголии, Западного и Восточного Забайкалья. Западные и восточные границы ареала распространения этой культуры пока четко не определены, не совсем явно очерчены и южные ее границы.

Выделяется ряд характерных черт в погребальном обряде и предметном комплексе саянтийского этапа раннемонгольской культуры: плоская каменная надмогильная кладка, неглубокая яма, ориентированная на север, с различными, возможно сезонными, отклонениями. Погребение совершалось в колодах, дощатых и берестяных гробах, различавшихся по способу изготовления. Иногда встречались погребения, в которых внутримогильные конструкции комбинировались, например погребенного в колоде дополнительно помещали в бересту (рис. 8, 9, 10). Погребальный инвентарь состоял из вооружения, конского снаряжения, предметов быта, украшений. Вооружение составляли стрелы с железными и костяными наконечниками, колчаны, накладки на лук, наконечники копий. К предметам быта относились ножи, имевшие разнообразные функции, изредка фрагменты керамики. Украшения представлены проволочными серьгами в виде знака вопроса. Среди вооружения можно выделить наконечники стрел, в отличие от стрел предшествующего периода, плоские, с различными модификациями формы пера. Когда на смену трех- и четырехлопастным наконечникам тюркского времени приходят плоские, это изменение в вооружении становится эпохальным, одним из хронологических показателей развитого средневековья или монгольского времени. Появляются долотовидные

наконечники, называемые бронебойными, предназначенные для пробивания колец кольчуги. Проволочные серьги в виде вопросительного знака приходят на смену литым, округлым, несомкнутым, со щитком и шпеньками, характерными для тюркского времени (хойцегорского этапа). Одним из датирующих материалов, найденных в погребениях, являются монеты, обнаруженные в погребении № 15 Ононского могильника. Монеты выпущены в период правления династии Северная Сун (960–1127 гг. н. э.), первая монета датируется 976–983 гг., вторая – 1004–1007 гг. Еще одна монета, датируемая 1105–1106 гг., обнаружена в погребении у с. Солонцово¹. Монеты из Восточного Забайкалья, судя по датам, были выпущены еще до рождения Тэмуджина и, по всей видимости, могли попасть в погребения в качестве украшения-талисмана при жизни его ближайших предков: отца Есугея и деда Бартана. Таким образом, можно говорить о том, что погребения саянтийского этапа раннемонгольской культуры оставлены частью населения, принимавшей участие в событиях, описываемых в «Сокровенном сказании», сборнике летописей и других источниках, содержащих сведения о монгольских народах ранних этапов становления империи.

Распространение памятников раннемонгольской культуры на обширной территории ставит вопрос об этнической и родоплеменной принадлежности населения обозначенного ареала. Он включает в себя земли, населенные тайджитами, керейтами, джалаирами, меркитами, татарами – активными участниками междоусобных войн. Кроме того, в область распространения раннемонгольской культуры попадают территории, занимаемые баргутами, хори, керемучинами, булагчинами. К сожалению, отсутствуют данные о распространении памятников раннемонгольской культуры в зоне проживания найманов и ойратов, занимавших земли в Западной Монголии и Монгольском Алтае. Не совсем пока обозначена территория, где происходили события, связанные с присоединением хори-туматов, в связи с чем затруднена привязка археологических памятников к этой до сих пор вызывающей дискуссии этнической группе.

На территории Бурятии памятники саянтийского этапа раннемонгольской культуры распростра-

¹ Ковычев Е. В. Монгольские погребения из Забайкалья // Новое в археологии Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 73, 76, 79, рис. 2.

Рис. 11. Дворцовое здание. Нарсатуи

нены довольно широко. Они встречаются в долине Селенги на всем ее протяжении и в долинах ее притоков Уды, Хилка, Джиды, Темника, Чикоя. Столь широкое распространение памятников саянтуйского этапа, по сравнению с памятниками хойцегорского этапа, может свидетельствовать об увеличении количества населения. В то же время недостаточная археологическая изученность памятников этой культуры в целом не позволяет пока высказываться более определенно о демографической ситуации этого периода. Дело в том, что встречаются могильники, в погребениях которых присутствуют особенности, присущие как хойцегорскому, так и саянтуйскому этапам. К таким могильникам можно отнести Енхорский могильник на р. Джиде.

По всей видимости, в это время начинается проникновение населения раннемонгольской культуры на территорию Предбайкалья, где отмечаются памятники саянтуйского типа. Памятники хойцегорского этапа в Предбайкалье пока не выделены. Сэгэнутский могильник, ангинский комплекс в Приольхонье с характерными вложениями берцовой кости

барана в погребение свидетельствуют об освоении этой территории уже на рубеже I–II тысячелетий. Трудно сказать, было ли это связано с появлением в монгольских степях политического объединения под предводительством Тэмуджина – Чингис-хана или эти передвижки населения на западном побережье Байкала происходили в более раннее время. Однако отсутствие в Предбайкалье памятников раннего этапа (хойцегорского) раннемонгольской культуры может свидетельствовать о сравнительно позднем проникновении туда ее носителей. Степень археологической изученности не позволяет пока выделить памятники, оставленные монголами до и после создания Тэмуджином – Чингис-ханом объединения всех племен междуречья Орхона и Керулена. Нет критериев и для выделения археологических особенностей отдельных родоплеменных групп, описанных в источниках, например, чем отличались похоронные обряды керейтов, тайджиутов и меркитов. В источниках только в самом общем виде упоминаются обряды поминовения умерших, проводимые на родовых кладбищах. То есть пока

все разнородное население региона от Байкала до Аргуни, скрывающееся за многочисленными этнонимами, можно представить как оставившее памятники раннемонгольской культуры.

При высокой степени изученности можно выделить ряд памятников, оставленных монголами уже после создания империи. Речь идет о городах, широкое строительство которых начинается при кагане Угэдэе, преемнике Чингис-хана на троне монгольского императора.

О городах, существовавших в эпоху Монгольского государства XIII–XIV вв., написано и европейскими, и мусульманскими путешественниками. Плано Карпини, Гильом Рубрук, Марко Поло, Ибн Баттута и др. оставили описания городов, расположенных по всей территории империи. Одним из первых, ставшим известным науке городом в Центральной Азии была описанная Гильомом де Рубруком столица Монгольской империи Каракорум, расположенная в долине Орхона.

Первые сообщения о древних городах в крае сделаны российскими послами, направленными через Забайкалье в Китай в XVII в. Николай Спафарий осмотрел ряд разрушенных строений и отметил, что в степи таких пустых городков разбросано много. Избрант Идес и Адам Бранд в путевых заметках описали древние могилы, кроме того, они упоминают остатки «старых и отчасти развалившихся укреплений, сделанных из сложенных вместе обломков скал». В XVIII в. в Забайкалье появились участники первых академических экспедиций. В 1723–1727 гг. работала экспедиция под руководством Д. Г. Мессершмидта, и впервые было предпринято описание средневекового города возле Хирхиры на р. Урулюнгуй, левом притоке Аргуни.

В Западном Забайкалье Ю. Д. Талько-Грынцевич также обратил внимание, что древности края связаны не только с кочевниками, но и с оседлыми культурами. Он писал: «следы искусственного орошения, указывающие на то, что некогда существовало здесь более экстенсивное хлебопашество... Довольно развитое земледелие подтверждают не только встречаемые здесь первобытные каменные жернова, разной формы и величины, но и другие земледельческие орудия, например сошники»¹.

¹ Талько-Грынцевич Ю. Д. Древние обитатели Центральной Азии // Тр. ТКОПОРГО. Т. II. Вып. 1–2. – М., 1900а. – С. 63–64.

Г. Ф. Дебеч, намечая программу исследований в Западном Забайкалье, также свидетельствовал о наличии следов земледельческих культур и в дальнейшем ставил задачу выяснения их связи с определенными типами могильников².

Работы Бурят-Монгольской экспедиции под руководством Г. П. Сосновского позволили исследователю сформулировать несколько направлений в изучении древних и средневековых культур Забайкалья. Он писал: «...имеются памятники, которые относятся к VII–X вв. уже нашей эры... Исторические сведения ничего не говорят о развитом земледелии в бассейне р. Селенги, в то время как археологические данные указывают, что до прихода русских здесь была цветущая земледельческая культура. Мы находим чугунные лемеха, каменные дороги, остатки, может быть, городских поселков»³. В 1950 г. А. П. Окладников провел раскопки средневековых строений в долине р. Тугнуй. Работы были продолжены Н. Н. Мамоновой и Е. А. Хамзиной в 1954, 1956 гг. Целенаправленное изучение оседлых традиций в центральноазиатских культурах связано с деятельностью С. В. Киселева. Масштабные раскопки были проведены на древнемонгольских городах Кондуй и Хирхира в Восточном Забайкалье. Работа экспедиции С. В. Киселева была связана с решением «осветить одну из наименее изученных сторон истории монголов – возникновение и развитие у них городов и особенностей городской жизни»⁴. Огромный опыт изучения древней и средневековой истории Центральной Азии, глубокое проникновение в общие закономерности протекавшего здесь исторического процесса привели ученого к научно обоснованному выводу о существовании древнемонгольских городов и значительной их роли в развитии монгольского общества. С. В. Киселев указывал: «Дальнейшие археологические и источниковедческие исследования должны ответить на ряд важнейших вопросов о месте, значении и характере взаимоотношений городского строя и оседлых

² Дебеч Г. Ф. Итоги и задачи палеоэтнологии в Западном Забайкалье // Первый Восточно-Сибирский краеведческий съезд. – Иркутск, 1925. – С. 102–107.

³ Сосновский Г. П. Итоги работ Бурят-Монгольского археологического отряда Академии наук СССР в 1928–1929 гг. // Проблемы Бурят-Монгольской АССР. Т. II. – М.-Л., 1936. – С. 320.

⁴ Киселев С. В. Древнемонгольские города. – М., 1965. – С. 9.

форм жизни во дворцах и усадьбах знати в общем процессе развития центральноазиатского феодализма, который в интересующей нас области едва ли можно теперь считать кочевым»¹.

Таким образом, на основе археологических материалов намечены пути решения важнейшей проблемы исторической науки – проблемы оседлости у монголов и наличия древнемонгольских городов. Исследования экспедиции С. В. Киселева позволили по-новому взглянуть на средневековое монгольское общество, его историю и культуру. Они сыграли глубоко положительную роль в развитии всей монголоведческой науки. Археологическое изучение городов и поселений монгольского времени, проведенное на территории Монголии, Тувы, Забайкалья, показало, что они имели довольно широкое распространение.

Работы А. П. Окладникова и С. В. Киселева заложили основы для дальнейших исследований памятников оседлой и городской культуры в Западном и Восточном Забайкалье.

В Западном Забайкалье находится несколько памятников, относящихся ко времени Монгольской империи, два из них – в долине р. Тугнуй. Это Сутайская феодальная усадьба, исследованная Е. А. Хамзиной и Н. Н. Мамоновой под общим руководством А. П. Окладникова. В 5 км от этого памятника, в с. Нарсатуй, расположены еще 2 здания, одно из которых было исследовано С. В. Даниловым. Общей особенностью архитектуры обоих памятников было применение деревянных столбов-колонн, устанавливаемых на гранитные опоры, и возведение стропил и черепичной кровли, посредством системы сложных деревянных конструкций. Внутри зданий настилались полы из обожженных кирпичей. С внешней стороны здания были обнесены кирпичной стенкой, высота которой, судя по сохранившимся участкам и по развалу кирпичей, могла достигать 40–60 см (рис. 11). Возможно, что площадь между этими стенками и линией деревянных колонн служила террасой. Самым массовым материалом, полученным в процессе раскопок, была черепица. Анализ нижних отливов черепицы показал, что она имеет полное соответствие с черепицей, находимой при исследовании Каракорума – столицы Монгольской империи. Обнаруженная в здании в Нарсатуе монета датируется цзиньским временем и

имеет многочисленные аналогии среди монет, обнаруженных в Каракоруме. В ходе раскопок были найдены фрагменты керамики в основном поливной, изготовленной в гончарных мастерских завоеванного монголами Китая. То есть нет сомнений в том, что исследованные памятники Тугнуйской долины существовали здесь в эпоху Монгольской империи и служили местом резиденции каких-то представителей элиты монгольского общества.

Еще один памятник этой эпохи находится на р. Темник, недалеко от места его впадения в Селенгу. Выявленные находки кирпичей, черепицы показывают, что здесь существовало стационарное поселение. Найденные фрагменты керамических изделий своей необычностью привлекли внимание исследователей. Аналогии им находят в Средней Азии, где встречаются такой же формы светильники, оформление ручек сосудов, носика-слива. Характерный красноватый цвет сосудов, тонкие стенки, отличный обжиг изделий говорят о высоком мастерстве древних гончаров, изготавливавших посуду, найденную в поселении на р. Темник. Эта керамика резко отличается от местной средневековой. Была ли эта посуда сделана на месте или привезена из других мест, сказать пока затруднительно. Здесь же, в Темниковском поселении, встретились фрагменты глазурованной посуды сунского времени, аналогичной найденной при раскопках здания в Нарсатуе и встречающейся в Каракоруме. Значит, обитатели Темниковского поселения использовали разные типы керамических изделий, как среднеазиатского облика, так и произведенных по китайской технологии сунского времени. Это обстоятельство позволило предварительно датировать памятник XIII–XIV вв., т. е. временем существования Монгольской империи, а наличие керамики среднеазиатского облика позволяет предположить существование на р. Темник торговой фактории, основанной выходцами из Средней Азии. Площадь поселения пока не определена, так как на этом месте в настоящее время находится современный поселок².

Находки памятников, относящихся к эпохе Монгольской империи, в Тугнуйской долине, входящей в систему рек Хилок – Селенга, показывают, что тер-

¹ Киселев С. В. Древние города Забайкалья // Советская археология. – 1958. – № 4. – С. – 119.

² Данилов С. В. Темниковское поселение и некоторые вопросы этногенеза бурят // Мир Центральной Азии. Т. 1. Археология, этнология: мат-лы междунар. науч. конф. – Улан-Удэ, 2002. – С. 21–25.

Рис. 12. Чингисов камень

ритория Западного Забайкалья входила непосредственно в состав государства, возможно в качестве удела кого-либо из чингизидов. В Восточном Забайкалье был обнаружен один из первых памятников монгольской письменности, так называемый Чингисов камень (рис. 12). Перевод помог кроме выяснения конкретного повода для установки каменной стелы выяснить имя владельца этого удела. Им был Есунке – сын Джочи Хасара, брата Чингис-хана. Как известно, при раздаче уделов Чингис-хан выделил своему брату Хасару 4 тыс. юрт, хотя затем он отобрал часть выделенной доли, оставив только 1400 Есунке, сын Хасара, по всей видимости, наследовал этот удел или какую-то его часть. Кроме того, он был начальником личной гвардии Чингис-хана. В районе находки Чингисова камня расположено 2 крупных памятника времен Монгольской империи – Хирхиринское городище и Кондуйский дворец. Эти памятники, изучавшиеся археологической экспедицией под руководством С. В. Киселева, выявили помимо крупного для своего времени укрепленного поселения – города целый ряд небольших укрепленных усадеб. В Кондуде были раскопаны остатки дворца на высокой двухметровой платформе, крестообразной в плане формы, края которой украшали двухъярус-

Рис. 13. Манхай

ные террасы. Верхняя терраса ограждена деревянной балюстрадой, покрытой красным лаком. Такая же балюстрада шла и по нижней террасе, возвышавшейся над уровнем двора на 1–1,3 м. На нижней террасе личинами наружу были расставлены гранитные изваяния, изображающие головы драконов. Дворец был покрыт черепицей. Большая часть поливной черепицы отличается прекрасным зеленым цветом глазури с темными потеками, создающими впечатление выработки ее из малахита. Вместе с тем почти повсюду находили обломки верхних и нижних черепиц, покрытых желтой поливой, и отдельные фрагменты с красной глазурью, что указывает на принадлежность дворца членам императорской фамилии, которые вплоть до XVIII в. одни имели право украшать кровли своих резиденций желтой и красной черепицей¹. Дворец, судя по остаткам окружающих строений, являлся, по всей видимости, центром какого-то крупного поселения или города, располагавшегося вокруг дворца.

Остатки города на р. Хирхира находятся при слиянии реки с протоками речки Урулюнгуй. Протяженность городских развалин составляла с запада на восток 1500 м. В 350 метрах от края пойменной террасы располагалась укрепленная цитадель размерами 100 на 110 м. Укрепления представляли разползшиеся ныне валы высотой до 2,5 м и шириной до 15 м у основания, с входами с южной и с юго-западной стороны. Перед валами цитадели наблюдался ров. Внутри цитадели располагались остатки строений, одно из которых являлось зданием дворцового типа, крытым черепицей². Цитадель окружали жилища богатых и знатных, зажиточных и менее обеспеченных горожан, отличавшиеся размерами, планировкой и, по-видимому, строительно-архитектурными особенностями. Дома богатых обитателей Хирхинского городища стояли обособленно и представляли собой укрепленные усадьбы. Жилища горожан образовывали кварталы, внутри которых просматривались переулки³.

Остатки еще одного города времен Монгольской империи находятся в Хулун-Буирском аймаке Автономного района Внутренняя Монголия Китая. Оно расположено в 50 км к западу от г. Эргунэ, на надпойменной террасе р. Ган, правого притока Ар-

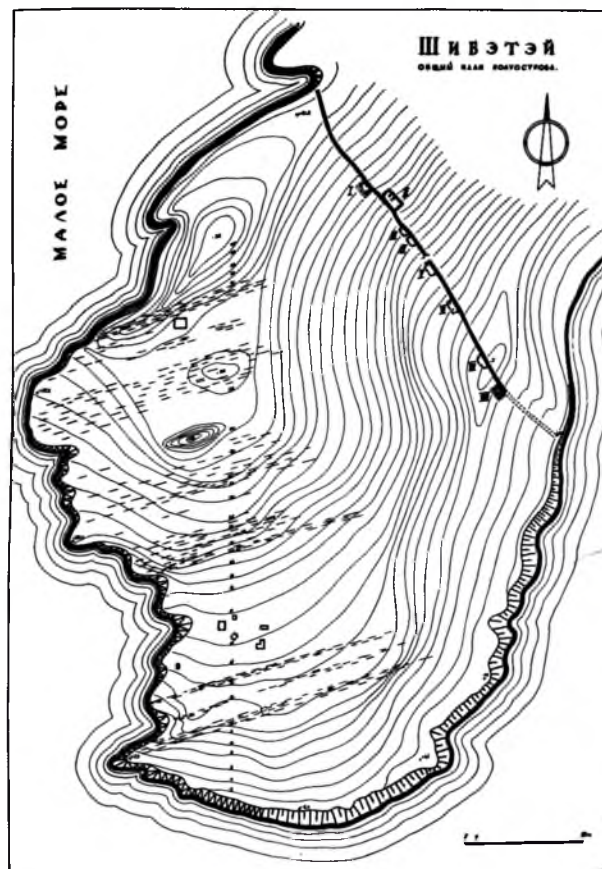

Рис. 14. Шибэтэй

гуни. Городище окружено валом, современная высота которого достигает 3 м. Вал хорошо сохранился, однако местами разрушен. По углам городища просматриваются остатки башен, вдоль стен – фланкирующих. Посредине городища располагаются остатки дворца. Руины дворца представляют собой две платформы, соединенные между собой перемышкой, высота которых достигала 2 м. Размеры южной, основной платформы – 30х30 м. С южной стороны просматривается пандус шириной 7 и длиной 12 м., бывший входом во дворец. Вторая платформа имела размеры с севера на юг около 12 м и с востока на запад – около 30 м. Соединяющая платформы перемышка шириной была 7 м и длиной около 12 м. На поверхности обеих платформ находились фрагменты серой с текстильными отпечатками с внутренней стороны черепицы. Также встречалась черепица с зеленой поливой, обломки кирпичей, лепных, терракотовых изделий. Местная традиция относит это городище ко времени Монгольской империи и

¹ Киселев С. В. Древнемонгольские города. – М., 1965. – С. 351.

² Там же, с. 24.

³ Там же, с. 28; приложение, рис. 10, 1.

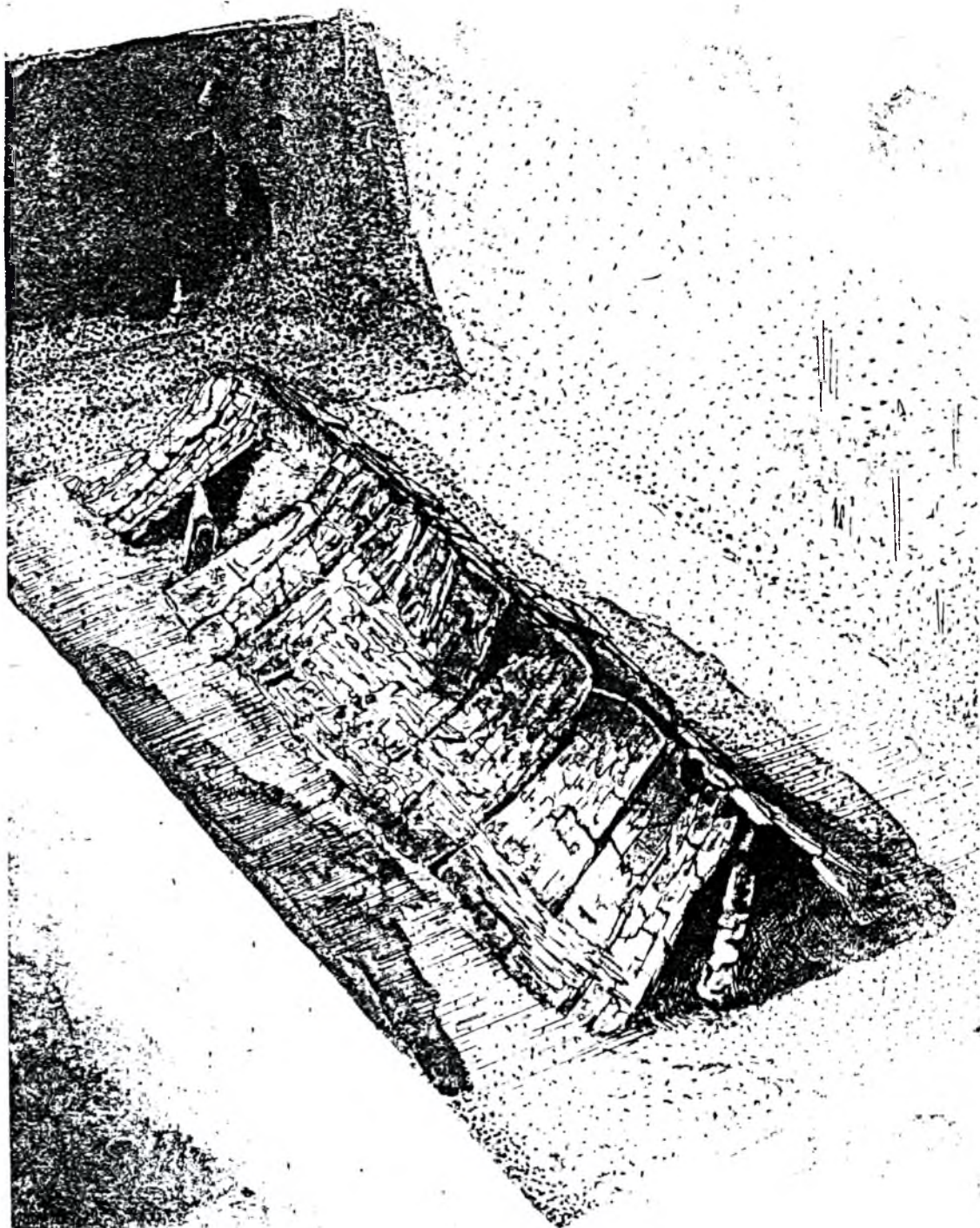

Рис. 15. Домовина. Курумчинская культура

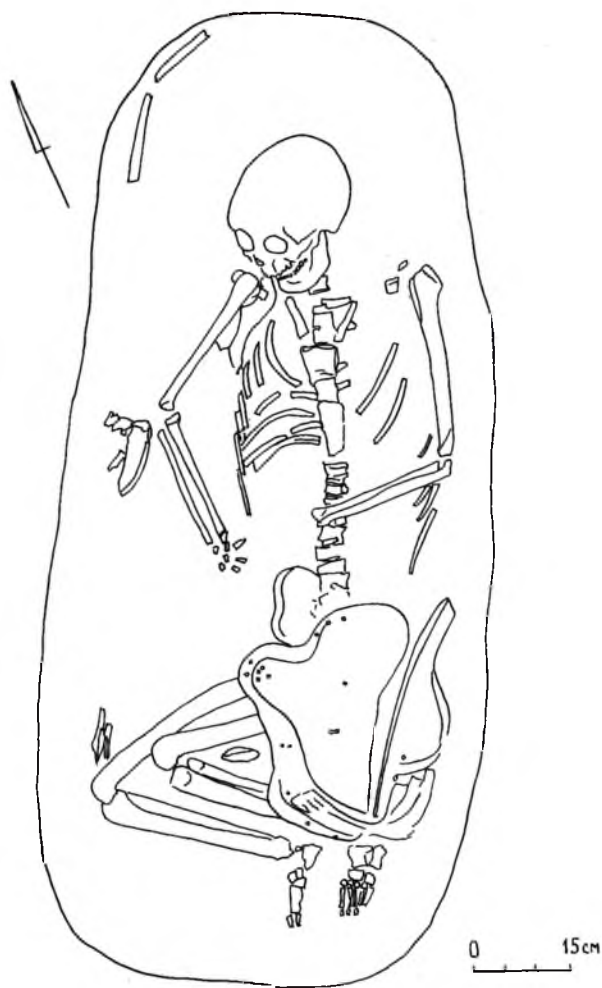

Рис. 16. Погребение курумчинской культуры

считает, что оно принадлежало брату Чингис-хана Хасару, члену императорского рода.

Все эти города находятся в одной экологической зоне и входят, по всей видимости, в состав одного удела, принадлежавшего Хасару. Остатки усадеб в Тугнуйской долине также принадлежат представителям монгольской знати, которым были пожалованы эти земли. Трудно сейчас сказать, кому именно. Может это был Хорчи, которому были выделены земли лесных народов, но скорее всего это была территория, населенная монголоязычными племенами и вошедшая в коренной улус.

Как известно, Чингис-хан за время своего правления несколько раз проводил реформирование административно-политической системы. Так, после провозглашения его всемонгольским ханом наделил уделами свою мать, сыновей и братьев, а своих

сподвижников назначил тысячниками, также, как уже упоминалось, наделив их земельными наделами¹. Ближайших из них: Боорчу, Мухали и Наяа он назначил нойонами-темниками и поставил их во главе соответственно правого, левого крыла и центра². Затем во время походов против империи Цзинь и государства Хорезм-шахов, где он наделил уделами наиболее отличившихся военачальников, и перед своей смертью выделил улусы своим 4 сыновьям уже в пределах созданной им империи. Так что вопрос о принадлежности большинства памятников Западного Забайкалья без подтверждения данными письменных источников, как это было в случае с Есунке, остается открытым.

Таким образом, южные районы Восточного и Западного Забайкалья входили составной частью в состав Монгольской империи. Археологические памятники, по крайней мере, остатки стационарных зданий, дворцов, поселений, городов свидетельствуют о прохождении северной границы Монгольской империи по линии, разделяющей степи от лесостепной и таежной зон, хотя проследить эту границу достаточно сложно, и ее постоянно меняющиеся очертания просматриваются довольно условно. Из других археологических свидетельств вхождения Забайкалья в состав Монгольской империи может служить так называемый Нюкский клад, в котором найдена монгольская пайцза. Погребальные памятники, как отмечалось, не дают предметных находок для суждения о выделении в Забайкалье погребений XIII–XIV вв. Хотя на территории Монголии появляются женские захоронения с остатками сложных головных уборов – бокки и с предметами торговли. В Восточном Забайкалье, в местности Окошки, было раскопано погребение мальчика, в котором сохранилась одежда и чашечка-габала и которое по ряду признаков может быть отнесено к XIII–XIV вв.

В Предбайкалье в это время, к началу II тысячелетия н. э., археологические культуры характеризуются усилением степных кочевнических элементов. Именно в это время оседлые традиции, получившие развитие еще в хуннскую эпоху, начинают трансформироваться и заменяться элементами кочевого уклада. Эти сложные и противоречивые процессы

¹ Сокровенное сказание... – С. 100–101, 120.

² Сандаг Ш. Образование единого Монгольского государства и Чингис-хан // Татаро-монголы в Азии и Европе. – М., 1977. – С. 23–47.

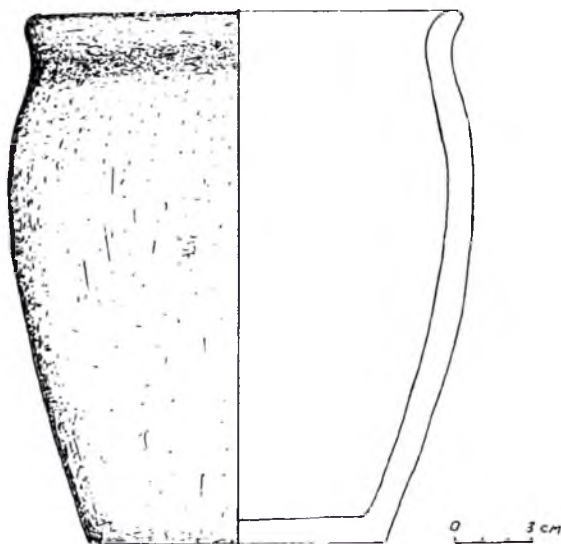

Рис. 17. Керамический сосуд. Курумчинская культура

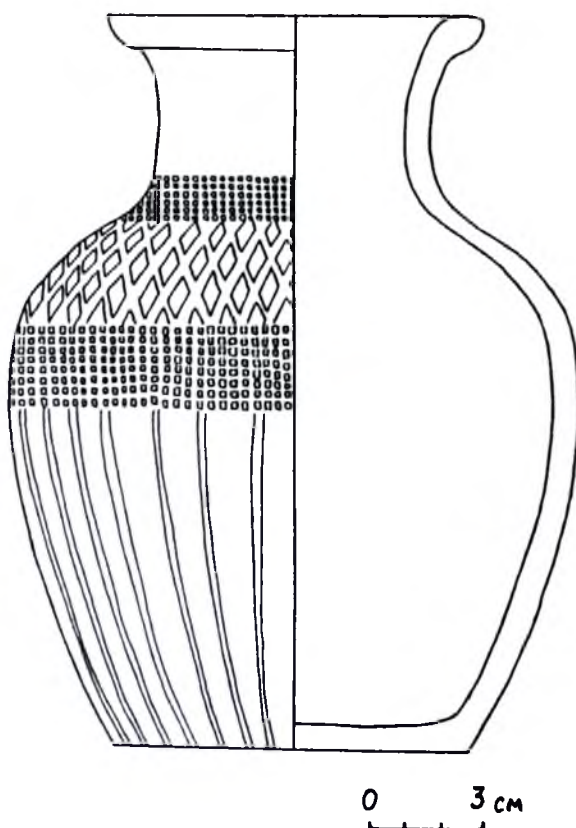

Рис. 18. Керамический сосуд. Курумчинская культура

можно проследить на материалах курумчинской культуры.

О значительной оседлости и многочисленности населения курумчинской культуры свидетельствует уже само количество археологических памятников. Эта культура на фоне всех известных средневековых археологических культур Юго-Восточной Сибири представлена, пожалуй, почти всеми типами памятников – поселениями, городищами, поминальными сооружениями, петроглифами и пещерными святилищами. Повсеместное распространение памятников вокруг оз. Байкала также говорит о большом числе насельников, создавших культуру. Общие и сопоставимые, иногда до деталей, погребальные и поминальные обычаи, соблюдаемые обитателями на разных берегах Байкала, – на острове Ольхон, в Баргузинской и Иволгинской долинах, еще раз подтверждают устойчивое, долговременное существование населения, уже сложившегося в единый этнос.

Хозяйство и быт, жилища и другие постройки оседлого населения позволяют восстановить материалы археологических раскопок поселений и городищ. Количество исследованных поселений невелико, тем не менее даже этот небольшой материал указывает на укоренившиеся оседлые традиции в культуре хори-монголов. Археологическими исследованиями удалось установить, что курумчинские поселения в некоторых случаях составляют взаимосвязанный комплекс с городищами. Городища курумчинской культуры подразделяются на два вида: укрепленные земляными валами и укрепленные каменными стенами (рис. 13, 14). Почти все городища построены на западной стороне Байкала, причем наибольшая концентрация городищ отмечена по р. Ангаре, где проходила западная граница расселения населения курумчинской культуры. Восточнее оз. Байкал, например в Баргузинской долине, оборонительных сооружений не выявлено. Очевидно, население курумчинской культуры чувствовало себя здесь в полной безопасности. На западной же стороне Байкала обстановка была намного сложнее, и курумчинское население воздвигало оборонительные крепости и в случае нападения скрывалось в них до прихода военного подкрепления. Не исключено, что в этих крепостях находились гарнизоны, которые контролировали приданную им местность и наблюдали за ситуацией в другой крепости, ведь с одного городища всегда видно другое, и памятники, следовательно, образуют зрительную цепочку. О хронологии и

Рис. 19. Светильники-чираги. Унгинское поселение

этнической принадлежности прибайкальских городищ было высказано несколько мнений. Н. Н. Агапитов писал, что городища, вероятнее всего, «должны быть приписаны монголам... но время, в которое они жили... следует отнести к эпохе, предшествовавшей приходу бурят»¹. П. П. Хороших датировал укрепления рамками железного века².

Находки курумчинской керамики (1935) позволили А. П. Окладникову отнести эти памятники к культуре «курумчинских кузнецов». Э. Р. Рыгдылон отметил, что частое расположение городищ связано с более или менее оседлым образом жизни и наличие укреплений указывает на имеющиеся острые противоречия в обществе. Датировка городищ VI–X вв. н. э. определяется находками керамики курумчинской культуры³. Исследова-

ния А. В. Харинского позволили ему говорить о широких хронологических рамках существования традиции строительства каменных городищ на берегах Байкала⁴.

Указывают на оседлость и некоторые черты погребально-поминальной обрядности (рис. 15). Количество могил на курумчинских могильниках может достигать до 20 и более, что говорит в пользу оседлости населения, оставившего данный могильник (рис. 16). По мнению исследователей, наличие грунтовых могильников, не обозначенных на поверхности курганами, также является признаком оседлости населения. Для грунтовых могильников характерны дощатые гробы, также косвенно указывающие на оседлый образ жизни. Количество поминальных сооружений курумчинской культуры может достигать до 150 на 1 памятнике. Конечно, это говорит в пользу многочисленности населения и его оседлости. Большое количество керамики, характерное для курумчинской культуры, также указывает на оседлый образ жизни (рис. 17, 18). Таким образом, археологические данные говорят о том, что традиции оседлости у населения курумчинской культуры в начале II тысячелетия еще не были изжиты, хотя в XI–XIV вв. происходят значительные изменения в сторону усиления кочевнических черт. Именно в это время в Предбайкалье да и во всей Южной и Восточной Сибири получают распространение памятники саян-туйской культуры, показывающие кочевой и подвижный образ жизни. Еще одним новым явлением, хорошо просматривающимся на материалах курумчинских поселений, являются находки, связанные с проживанием среднеазиатских колонистов.

Впервые в Прибайкалье эту проблему обозначил А. П. Окладников. В материалах Нижне-Унгинского поселения на р. Ангаре наряду с курумчинской керамикой были встречены совершенно не характерные для Прибайкалья типы сосудов. Это чираги – светильники, самый обычный предмет средневековых археологических находок в Средней Азии (рис. 19). Одновременно с чирагами на Унгинском поселении были найдены и другие вещи, не связанные с местными традициями. Здесь обнаружены обломки стеклянных сосудов – ручки и горлышки. Вполне понятно, что такие сосуды могли

¹ Агапитов Н. Н. Прибайкальские древности // Изв. ВСОРГО. – 1881. – Т. 12. – № 4–5. – С. 1–22.

² Хороших П. П. Исследования каменного и железного века Иркутского края // Изв. Биол.-геогр. ин-та. Т. 1. Вып. 1. – Иркутск, 1924. – С. 28.

³ Рыгдылон Э. Р. Городища Усть-Ордынского бурят-

монгольского округа Иркутской области // СА. – 1955. – № XXII. – С. 189.

⁴ Харинский А. В. «Городища» побережья озера Байкал в железном веке: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1994. – С. 11–14.

попасть в Прибайкалье откуда-то из других территорий. Точно такие же стеклянные кувшины были в употреблении у оседлых жителей Средней Азии в средневековое время. Они были найдены в Пенджикенте, Афрасиабе и Самарканде¹.

Л. Р. Кызласов связал со среднеазиатскими купцами юаньской эпохи и материалы поселения, исследованного Г. П. Сосновским в 1929 г. в Западном Забайкалье, в устье р. Темник, левого притока Селенги. Вновь Темниковское поселение было исследовано С. В. Даниловым, писавшим, что в поселении отмечается факт появления выходцев из Средней Азии².

При обследовании поселка Баргузин было открыто поселение, материал которого, в частности керамика, по составу теста, по специфическим вырезам на тулове и орнаменту была очень близка керамике, изготовленной выходцами из Средней Азии на Темниковском поселении. Следовательно, и здесь, вероятнее всего, находилась торговая фактория мусульманских купцов. Керамика из среднеазиатских поселений весьма схожа с керамикой поселения Шохтой из Прибайкалья, называемой керамикой «курумчинских кузнецов». Таким образом, в Прибайкалье и Забайкалье, на территории почти каждого изолированного степного «острова» находилась торговая фактория, основанная выходцами из Средней Азии.

Письменные источники хорошо увязываются с данными археологии. В Монгольском государстве всю торговлю в руках держали мусульманские купцы. Г. Рубрук свидетельствовал, что в Каракоруме был мусульманский базар и 2 мечети. Рашид-ад-Дин писал, что в столицу каана прибыло несколько купцов-мусульман из областей Кури, Бурку и киргизов. По мнению исследователей, под Кури (хори) и Бурку (баргу) понимаются именно Прибайкалье и Забайкалье.

10. 3. Этнокультурные процессы (по данным археологии)

В исследовании истории Бурятии есть несколько основных вопросов, вокруг которых развора-

чивались научные споры и дискуссии. Основное внимание исследователями уделялось проблемам, которые активно обсуждались и обсуждаются в настоящее время.

1. Древние тюрки-тукю и теле и их присутствие в Предбайкалье, Прибайкалье и Забайкалье.

2. Время появления монголоязычных племен в Южной Сибири; определение этапов и путей сложения современных монгольских народов, в т. ч. бурят.

Период политического преобладания тюркоязычных народов в Центральной Азии продолжался со времени создания 1-го Тюркского каганата и завершился временем гибели Уйгурского каганата и недолгого господства енисейских кыргызов. За этот почти четырехсотлетний период по всей территории пояса евразийских степей происходят важнейшие преобразования, и прежде всего в материальной культуре. Изменился характер самих памятников, исчезли традиции сооружения грандиозных захоронений, характерных для хуннской элиты. Высшие слои тюркского общества хоронили своих знатных представителей по неизвестному для нас обряду и устраивали поминальные площадки с высеченными на каменных стелах эпитафиями, с каменными статуями, отображавшими портретное сходство с умершими, павильонами, длинными рядами вкопанных камней-балбалов. Остаются неизвестными места погребений выдающихся деятелей тюркских каганатов, неизвестен и обряд захоронения высших слоев тюркского общества.

Преобладающим в погребальном обряде рядовых тюркских кочевников становится погребение с конем, причем отмечаются различные варианты: один, два и более сопровождающих захоронения коней; захоранивали чучела коней, от которых сохраняются черепа и кости ног животных. Одной из особенностей тюркской эпохи становится обычай устанавливать на могиле (?) каменные статуи с изображением умершего. Одним из типов памятников становятся четырехугольные поминальные (?) оградки, составленные из вертикально установленных каменных плит. Происходят изменения в вооружении, на смену хуннским лукам с большим количеством костяных накладок приходят луки с одной или тремя накладками. Уменьшение размеров лука, соответственно, приводит к уменьшению наконечников стрел. Основным типом наконечников становятся трехперые. Широкое распространение по всему по-

¹ Окладников А. П. Новые данные по истории Прибайкалья в тюркское время (Согдийская колония на р. Унге?) // Тюркологические исследования. – М.-Л., 1963. – С. 273–281.

² Данилов С. В. Темниковское поселение и некоторые вопросы этногенеза бурят // Мир Центральной Азии. Т. I. Археология, этнология: мат-лы междунар. науч. конф. – Улан-Удэ, 2002. – С. 21–25.

ясу евразийских степей получают наборные пояса, на кожаную основу которых нашивались бронзовые орнаментированные бляшки. Такие пояса не только использовались по прямому назначению, но и выполняли роль определителя социального статуса, принадлежности к определенной этнической группе. К таким же знаковым предметам можно отнести литые фигурные серьги в виде несомкнутого кольца, получившие, как и наборные пояса, широкое распространение в тюркское время.

Естественно, этими перечисленными новациями не ограничивались видоизменения материальной культуры тюркской эпохи, и живая действительность была гораздо богаче и разнообразнее, чем те артефакты, которые может предоставить археология. Тем более что тюркский мир состоял из множества обособленных групп, каждая из которых имела свои особенности традиционной культуры.

На территории Бурятии отсутствуют памятники раннего средневековья. Однако если отсутствие памятников сяньбийского периода можно объяснить тем, что содержащиеся в источниках сведения о том, что 100 тыс. семей северных хунну (а это 500 тыс. человек) приняли имя сяньби, что позволяет гипотетически датировать поздние хуннские памятники сяньбийским временем, то памятники Жужаньского каганата в Западном Забайкалье пока не обнаружены.

После гибели Жужаньского каганата политическое доминирование в центральноазиатских степях переходит к тюркоязычным народам. Как видно из источников, легших в основу истории тюрков, границы их империи достигали Байкала, были завоеваны и попали под контроль тюрков земли шивэй, мохэ и киданей, т. е. земли южной части бассейна Амура, которые впоследствии были заселены монголами.

Территория Бурятии, судя по археологическим памятникам и материалам, в меньшей степени подверглась тюркской экспансии. Здесь пока не выявлены памятники, характерные для тюркской культурной традиции. Из находок рунических надписей зафиксирована только одна – около с. Пестерево. Тюркским временем можно датировать изображения горных козлов с солярными знаками на писанице Бага Заря в Джидинском районе Бурятии. Однако нет поминальных комплексов с эпитафиями, каменных статуй и каменных оградок, погребений людей в сопровождении коней.

Такое отсутствие памятников тюркского времени не совсем понятно, ведь политический центр древних тюрков располагался на Орхоне, правом притоке Селенги, и, следовательно, по долине Селенги тюрки имели прямой выход в Забайкалье. Все это дает основание предположить, что существовала какая-то причина, не позволявшая населению древнетюркских каганатов распространиться на север.

Судя по источникам, изначально шивэй не были чистыми кочевниками-скотоводами. Вместе с тем китайские авторы, говоря, что шивэй жили в лесах и горах, и описывая занятия и быт, не показывают их только лесными охотниками и звероловами. Вэй Шоу пишет: «Питаются свининой и рыбой, разводят крупный рогатый скот и лошадей, но по обычаю не имеют овец»¹. Вэй Чжэн: «Из свиных шкур делают циновки на пол, а подстилки для сиденья плетут из дерева. Долбят лед, погружаются в воду и добывают сетями рыбу и черепахи... Головные уборы делают из меха лисиц и енотов, а одежду из рыбьих кож»². Лю Сюй: «Народ живет оседло... причем число семей доходит до нескольких десятков и даже до ста. Заостряют деревья и делают [колья] сохи, не насаживая на них металлические лемеха... Из домашних животных [земля] подходит для больших свиней, которых выкармливают и едят, а из шкур выделывают кожи, из которых мужчины и женщины шьют одежды»³.

Археологические исследования в Приамурье и Восточном Забайкалье, т. е. там, где расселялись шивэй, накопили большой объем данных о материальной и духовной культуре средневекового населения. Одной из важных проблем является соотнесение археологических данных культуры с этническими наименованиями летописных источников. Проблема эта достаточно сложная и решаемая во многих случаях неоднозначно. Тем не менее археологами исследовано несколько археологических культур, соотносимых с шивэйскими поколениями. К сяньби-шивэйскому кругу были отнесены археологические памятники бурхотуйской культуры Восточного Забайкалья. В долинах рек Шилки и Нерчи были обнаружены многочисленные укрепленные поселки. Материалы исследованных городищ свидетельствуют о занятии

¹ Таскин В. С. Материалы по истории древних... – С. 135.

² Там же, с. 136.

³ Там же, с. 138.

1

2

3

4

Рис. 20. Хойцегор

населения земледелием. Большое место в жизни обитателей поселков занимало разведение домашних животных. Важно, что среди костей животных наряду с останками лошадей есть и кости свиньи. Также упоминается о множестве речных раковин беззубки, очевидно, употребляемой в пищу. По мнению Е. В. Ковычева и И. И. Кириллова, река Шилка являлась одним из центров расселения лесных монголов. Именно здесь обнаружены крупные бурхотуйские могильники, до 100 и более погребений в каждом. Большое количество могильников увязывается с сетью укрепленных городищ¹.

Исследования забайкальских археологов позволили говорить о лесном и степном вариантах бурхотуйской культуры. Если в лесной зоне население было оседлым, то у степных обитателей характер культуры менялся. Это чрезвычайно важное наблюдение было сделано на большом количестве исследованных захоронений, как в горно-таежной зоне за Борщовочным хребтом, так и в открытых долинах степных рек Ага и Онон. Степные могильники менее представительны и содержат не более 10–15 захоронений. В степном варианте бурхотуйской культуры нет городищ и поселений. Дальнейшие раскопки позволят полнее исследовать переход от оседлости к кочеванию населения бурхотуйской культуры.

Среди памятников бурхотуйской культуры выявлены погребения, в которых выделялась целая серия различных предметов, имеющих тюркский облик: костяные подпружные пряжки, удила с пластинчатыми и S-видными псалиями, бронзовые пряжки с щитками и без них, украшения узды и сбруи, накладки на ремни, концевые бляхи, серьги с подвесками, крючки от колчанов, а также железные наконечники стрел. Наиболее часто тюркские вещи встречаются в погребениях, в которых костяки лежат скорченно, на левом или правом боку, головой на ССВ. Эти погребения отличаются от остальных бурхотуйских памятников и рядом других особенностей. К ним относятся, в частности, слабое надмогильное перекрытие погребений, неглубокие могильные ямы и отсутствие в погребениях целых глиняных сосудов. Большая часть сосудов, извлеченных из погребений со скорченными костяками,

существенно отличается от остальной бурхотуйской керамики формой и орнаментом. Читинскими археологами эти памятники были выделены в особую, ингодинскую, группу, а затем обособлены в дарасунскую культуру, датируемую исследователями концом I тысячелетия н. э.

На забайкальских памятниках выявляется сероглиняная керамика со штампованным орнаментом, аналогичная найденной в погребении Узкое Место, в виде ромбиков, квадратов и «елочек» – один из индикаторов уйгурской культуры. Подобный тип керамики выявлен еще в 10 пунктах Забайкалья. Она представлена в коллекциях музея истории Бурятии: Дурены (колл. НВФ 2657 – 16026); Средние Дурены (колл. 3388 – 44); Вахмистрово (колл. ОФ 8100 – 5100). В Кяхтинском музее: возле Кяхты (колл. 3388 – 39); второе местонахождение рядом с Кяхтой (колл. 3320 – 11); в Харанхое (колл. 3505 – 15), в Дэрестуйском Култуке. В Читинском областном краеведческом музее: Угдан (колл. ВСП 47) и Дровяная (колл. ВСП. 497), оба местонахождения расположены на р. Ингоде. Новые сборы подъемного материала в столице уйгуров Орду-Балыке, кроме хорошо известных штампов в виде ромба, дали не встреченные ранее типы штампованного орнамента – в виде вписанных полукружий и завитков. В Забайкалье керамика со штампом в виде концентрических кругов найдена Г. П. Сергеевым в Хоринском районе, у с. Загустай (музей истории Бурятии, колл. ОФ 4831). Штамп в виде полукружий отмечен на керамике, найденной С. В. Даниловым на хуннском городище Баян-Ундэр на р. Джиде. Эта находка вновь поднимает проблему хунно-уйгурских взаимосвязей. Точное время появления в Западном Забайкалье подобной керамики пока неясно. Было ли это время телеского подчинения древним тюркам или время уйгурского великодержавия, пока не совсем понятно.

Кроме находок керамики на дюнных стоянках на территории Бурятии известен ряд могильников: Хойцегор, На Увале, Тапхар, Баянгол, Бухусан, Харга, Алтан. География распространения этих памятников на территории Бурятии довольно широка: от Баргузинской долины и Еравнинских озер на севере до междуречья Селенги, Чикоя и Хилка на юге. В свое время на довольно немногочисленных материалах данный комплекс был выделен из средневековых древностей Забайкалья Г. П. Сосновским, датирован VII–X вв. и по наиболее раннему открытому Ю. Д. Талько-Грынцевичем памятнику полу-

¹ Кириллов И. И. Восточное Забайкалье в древности и средневековье. – Иркутск, 1979. – С. 62–65; Ковычев Е. В. История Забайкалья (I – сер. II тыс. н. э.). – Иркутск, 1984. – С. 16–24.

чил название хойцегорской группы. В дальнейшем, после раскопок Л. Г. Ивашиной ряда погребений на могильниках Бухусан, Харга, Алтан сводную характеристику материалов из раскопанных погребений дал Л. Р. Кызласов, объединивший эти памятники в хойцегорскую культуру¹. В погребениях были найдены конское снаряжение, остатки луков и наконечники стрел, наборные пояса из бронзовых позолоченных бляшек и пряжек, часто украшенные растительным орнаментом. На отдельных бляхах имеются изображения головы человека с пышными пучками локонов, в оригинальном головном уборе типа короны (рис. 20 – 1, 2). Просматривается близость изображений головы человека на хойцегорских бляшках к стилистике сасанидской торевтики (рис. рис. 20 – 3, 4)². Сходство хорошо видно по композиции, прорисовке лиц и по полумесяцу, охватывающему снизу хойцегорские изображения. То есть здесь просматриваются западные мотивы, свидетельствующие о широком художественном кругозоре средневековых мастеров. Керамические изделия из погребений и поминальных комплексов – это в основном баночные сосуды, широко распространенные в кочевой среде.

Датирующими предметами являются трех- и четырехлопастные наконечники стрел, бронзовые бляшки и пряжки от наборных поясов, отдельные детали конского снаряжения, хорошо известные в археологических памятниках Саяно-Алтая, Хакасии, Монголии. В целом можно говорить о широкой датировке хойцегорского комплекса тюркским временем. Точку зрения Г. П. Сосновского, Е. А. Хамзиной и Л. Р. Кызласова об отнесении населения этого времени к тюркоязычным племенам периода существования Уйгурского каганата можно принять в качестве гипотезы, приведя в ее поддержку сведения письменных источников о бегстве уйгуров после кыргызского вторжения в разные стороны, в т. ч. и в Забайкалье, и широкое распространение штампованной керамики из дюнных стоянок. Однако вопрос об этнической принадлежности населения, оставившего исследуемые памятники, остается пока открытым.

Подобные явления, когда отдельные предметы и целые серии разнообразных изделий попадают в инокультурную среду, широко известны как в археологии, так и в этнографии, например находки предметов скифского облика в культуре плиточных могил, хуннских изделий в Минусе и на Алтае и т. д. Все это свидетельство каких-то связей – торговых, брачных, возможно, проникновения отдельных воинских контингентов и т. д. Письменные свидетельства о падении Жужаньского каганата и последующих завоеваниях тюрков говорят о завоевании ими шивей, мохэ, киданей. Однако основной массив населения центральной и восточной Монголии и, по всей видимости, примыкающих районов Забайкалья с сяньбийско-жужаньского времени был монголоязычным. Появление в бурхотуйской культуре, которую связывают с монголоязычными племенами шивэй, новых групп населения, в погребальном обряде которых появляются отдельные вещи, присущие тюркскому предметному комплексу, вполне закономерно. Такие же процессы происходили в Западном Забайкалье, где отдельные группы населения оставили памятники хойцегорского типа. Процессы проникновения отдельных элементов и даже целых пластов культуры от одних народов к другим присутствуют во все времена и во всех культурных общностях, тем более что предметы, относимые к тюркскому комплексу, внешне привлекательны (особенно принадлежности поясного набора и украшения) и имеют широкое распространение по всему поясу евразийских степей и далеко за его пределами. Однако отсутствие характерных тюркских памятников: погребений с конем, каменных статуй людей, каменных оградок – говорит, скорее всего, о том, что местное население восприняло отдельные черты тюркской материальной культуры, но о полной тюркизации Забайкалья и Восточной Монголии при имеющихся у исследователей материалах говорить не приходится. Исходя из общей политической ситуации, особенно после распада каганата на западный и восточный, подчинения танскому Китаю и непрерывных войн 2-го Тюркского каганата, тюркской верхушке было не до ассимиляции населения восточных окраин своей империи. Людской потенциал, в связи с постоянной военной мобилизацией, был, по-видимому, ограничен, и держать крупные контингенты войск на далеких восточных и северных границах было обременительно. Государственная политика строилась на подчинении и удержании в зависи-

¹ Средневековые памятники Западного Забайкалья (IX–X вв.) // Степи Евразии в эпоху средневековья. – С. 59–61, рис. 35.

² Тревер Т. В., Луконин В. Г. Сасанидское серебро. – М., 1987. – Рис. 19, 29.

мости посредством созданной ими административной системы отдаленных земель, управляемых наместниками-тутуками, опиравшимися на местную элиту. В то же время появляются сведения, что тюрки, даже находясь под властью танского Китая, предпринимали военные действия против своих восточных соседей мохэ и, возможно, шивэй, по всей видимости, с целью подавления сепаратистских тенденций. В таком случае опора только на местную элиту и наемные войска из местного населения была недостаточным фактором для сохранения региона под своей властью. Необходимо было военное присутствие в виде гарнизонов, военных поселений, однако следов таких поселений пока не обнаружено. Тем не менее, проблема присутствия тюркоязычного населения на территории отдаленных восточных окраин тюркских каганатов, в т. ч. и Забайкалья, не снимается и появляющиеся время от времени сведения о находках памятников тюркского времени, например погребений с конем, только создают повод для дискуссий.

Более реально, по мнению Д. Г. Савинова, увеличение числа тюркоязычного населения в Забайкалье в период распада Уйгурского каганата, когда часть уйгуров бежала от преследований кыргызов к шивэй¹.

Как уже указывалось, пока не выявлены памятники предшествующего (жужаньского) периода и нет возможности сопоставить материалы из памятников бурхотуйской культуры и последующих памятников хойцегорского типа и дарасунской культуры с предыдущим населением. Хойцегорский и саянтуйский комплексы со временем были отнесены к разным по археологическому содержанию культурам. Различались они, по мнению исследователей Е. А. Хамзиной, Л. Р. Кызласова, и в этническом плане: памятники хойцегорского типа были отнесены к уйгурам, а носители саянтуйской культуры – к монголоязычным племенам.

Вместе с тем можно рассматривать проблему хойцегорского комплекса и средневековых памятников в целом, в контексте так называемой раннемонгольской культуры, выделенной П. Б. Коноваловым и Н. В. Именохоевым². В свое время исследователя-

ми архипамятников выделена одна бросающаяся в глаза деталь погребального обряда – помещение в погребения берцовой ноги барана, причем в разные их типы: грунтовые, в бересте, дощатых гробах, колодах, в различных сочетаниях внутримогильных конструкций, например погребение в бересте и колоде. Берцовые кости баранов найдены как в погребениях хойцегорского типа, так и в более поздних захоронениях саянтуйского типа, речь о которых пойдет ниже.

Раннемонгольские погребения располагаются на юго-западных, южных, юго-восточных хорошо освещенных склонах гор и сопок, реже – на горных седловинах, гребнях, перевалах. На поверхности земли объекты фиксируются надмогильными сооружениями в виде скоплений камней овальной или подпрямоугольной формы в плане. Высота кладок колеблется от 15–20 до 100–120 см. Кладки очень плотно выложены, нижний ряд уложен плоскостями, перекрывая вход в могильную яму и образуя своеобразный «фундамент» для следующего слоя камней. По периметру фундамент выкладывался крупными камнями, затем кладка плотно забутовывалась. Могильная яма в большинстве случаев прямая, нередко с подбоем или же с имитацией под подбой (шахта перекрывается по диагонали удлиненными плоскими камнями, закрывая полностью тело погребенного). Положение тела многовариантно: на спине, на правом и левом боку, ничком; ориентация колеблется от северо-восточной до юго-восточной. Внутримогильные конструкции также многовариантны: укладывание погребенного на грунт, в каменный ящик, в деревянный гроб и раму, в берестяной мешок и пакет, сосновые и лиственные колоды. Погребальный инвентарь характерен для материальной культуры кочевых обществ рассматриваемого периода. Керамические сосуды и фрагменты их, изделия из железа, кости, бронзы, цветного стекла, полудрагоценных камней, дерева и бересты. В мужских погребениях преобладает оружие, в женских – вещи утилитарного назначения. На раннемонгольском, хойцегорском, этапе оружие представлено сохранившимися фрагментами сложносоставных луков с двумя срединными боковыми и одной фронтальной накладками, колчанами с набором стрел с трехлопастными черешковыми

¹ Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л., 1984.

² Корреляция средневековых археологических культур ... Коновалов П.Б. – С. 12–13; Именохоев Н. В. К вопросу о культуре ранних монголов (по данным археологии) // Там

наконечниками. Ювелирные изделия в виде массивных тяжелых сережек с конусообразными ограничителями и поперечным пластинчатым щитком на овальной дужке; ожерелье из янтаря, сердолика, бронзовые подвески с профильным изображением водоплавающей птицы и бородатого мужского лица. Обувь украшалась круглыми, сердцевидными прямоугольными с растительным орнаментом бляшками. В мужских захоронениях нередки наборные пояса. На позднем, саянтийском, этапе изменяются формы луков, наконечников стрел, украшений с преобладанием серебряных изделий. В рамках этой культуры встречаются ритуальные захоронения под отдельной кладкой жертвенных животных – лошадей и баранов. Общей чертой погребальных обрядов является наличие в погребении берцовой кости барана¹.

На раскопанном Н. В. Именоховым смешанном Енхорском могильнике были обнаружены оба типа погребений – как хойцегорский, так и саянтийский. Данное обстоятельство позволило исследователю объединить оба типа погребений раннемонгольской культуры, взяв за объединяющий признак обычай помещения берцовой кости барана, и этнически соотнести с монголоязычными племенами². Правомочность определения культуры по одному этому признаку неоднократно обсуждалась, тем более что оба комплекса исследователями были отнесены к разным этническим группам населения: хойцегорский тип – к тюркоязычным, саянтийский – к монголоязычным народам.

Тем не менее, выделение раннемонгольской культуры, продолжающей традиции бурхотуйской культуры Восточного Забайкалья, выглядит наиболее плодотворным шагом в процессе исследования средневековой истории в целом этого региона Центральной Азии. Единый массив монголоязычного населения, проживавшего в Восточной и Центральной Монголии с сяньбийско-жужаньского времени, несколько изменяется с проникновением древних тюрков. Однако здесь наряду с ассимиляцией наблюдается чересполосное проживание монголо- и тюркоязычного населения, особенно

в северной части региона, где это зафиксировано археологически.

Заслуживает особого внимания существующая концепция относительно этнической принадлежности раннемонгольской культуры, особенно в связи с тем, что к ней относятся два разных погребальных комплекса, хойцегорский и саянтийский, называя их этапами одной культуры. Значительная часть ученых этнически идентифицируют эти памятники с племенами байегу (байырку). Письменные китайские источники сообщают, что «байегу рассеянно кочевало по северную сторону Великой песчаной степи, занимая около тысячи ли пространства; от Пугу жили прямо на восток в смежности с мохэ; имели до 60000 кибиток, войско 10000 человек. В период создания 2-го Тюркского каганата байегу, видимо, вошли в состав государства. По географическому расположению байегу занимали места прежнего проживания жужаней (между пугу и мохэ). С возникновением в Центральной Азии Уйгурского каганата байегу вошли в состав конфедерации, сохраняя полную независимость и автономию, вместе с другими шестью телескими племенами. О дальнейшей судьбе байегу в составе каганата данных нет. В 1-й половине II тысячелетия н. э. байегу (байырку) известны под названием баргуты, которые населяли долину р. Селенги в местности Баргуджин-токум. Таким образом, к монголоязычным племенам, жившим в тюркскую эпоху, помимо фури-кури Прибайкалья и шивэй восточного ареала с большой долей вероятности можно отнести и племена байегу.

Тема тюркского присутствия в Байкальском регионе рассматривалась также с позиций этногенеза якутского народа, самых северных представителей тюркоязычного мира в Евразии. Изложение этой большой и важной проблемы следует начать с рассмотрения оснований выделения средневековой курумчинской культуры Прибайкалья. Здесь стоит заострить внимание на начальных этапах ее изучения и прояснить, почему эта культура была отнесена к тюркоязычным предкам якутов. В XIX в., к началу археологических исследований в Прибайкалье, в науку получила широкое распространение теория о южном происхождении якутов. Ее авторы склонялись к тому, что якуты когда-то жили у оз. Байкал, в Западном Прибайкалье, и это был этап в их долгом путешествии с Енисея на Лену³.

¹ Именохов Н. В. Раннемонгольская археологическая культура // Археологические памятники средневековья в Бурятии и Монголии. – Новосибирск, 1992. – С. 23–48.

² Именохов Н. В. Средневековый могильник у с. Енхор на р. Джиде (предварительные результаты исследования) // Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье. – Улан-Удэ, 1988.

³ Остолопов Н. О. О происхождении, вере и обрядах

Исследователем, который взялся археологически доказать прибайкальский этап якутской истории, был М. П. Овчинников. Надо полагать, что он излагал свои идеи и показывал материалы, подкрепляющие их, ученому, прибывшему из Петрограда, – Б. Э. Петри. Петри продолжает дело, начатое М. П. Овчинниковым, и делает дальнейший решительный шаг – берется за трудную задачу доказательства сходства открытой им культуры курумчинских кузнецов с якутской культурой. Ученый хорошо понимает всю сложность поставленной проблемы и малочисленность имеющегося материала для ее решения: «Вопрос о том, какому народу приписать культуру «курумчинских кузнецов, в настоящее время решить нельзя», но, тем не менее, статью он заканчивает утверждением: «Мною найдены остатки древнего народа, обитавшего вокруг Байкала до заселения этого района бурятами. Все данные говорят за то, что этот народ должен быть предком якутов»¹. Через некоторое время была опубликована рецензия археолога Е. Д. Стрелова «К вопросу о доисторическом прошлом якутов (по поводу брошюры проф. Б. Э. Петри «Доисторические кузнецы в Прибайкалье»». Внимательно изучив статью Б. Э. Петри, рецензент пришел к противоположному выводу: «Доисторические кузнецы Прибайкалья не являются предками якутов»². Е. Д. Стрелов пишет, что для доказательства столь серьезного положения нужны памятники, отражающие верования, обычаи, т. е. погребения и нужно сопоставлять такие признаки, как ориентация покойника, положение рук, размеры костяка и черепа, форма погребения³. Следовательно, материалы Б. Э. Петри нуждаются в новом изучении⁴.

якутов // Любитель словесности. – 1806. – Ч. 1. – С. 118–20; Щукин Н. С. Поездка в Якутск. – СПб., 1844. – С. 271–274, 286.

¹ Петри Б. Э. Далекое прошлое Бурятского края. – Иркутск, 1922. – С. 18.

² Стрелов Е. Д. К вопросу о доисторическом прошлом якутов (по поводу брошюры проф. Б. Э. Петри «Доисторические кузнецы в Прибайкалье») // Саха Кескиле. – Вып. 3. – С. 25.

³ Там же, с. 13.

⁴ Дашибалов Б. Б. Находки культуры «курумчинских кузнецов» из раскопок Б. Э. Петри // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н. э. – Кемерово, 1994.

Курумчинская культура представлена всеми типами археологических памятников: поселения, городища, временные стойбища, могилы, поминальные сооружения, петроглифы. Данная культура связывается с племенным объединением гулигань (китайских летописей) или курыкан (тюркских надписей), по всей видимости, одного из телеских племен.

Впервые памятники курумчинской культуры изучались Н. Н. Агапитовым, который выявил в 1881 г. ряд городищ. Дальнейшие исследования позволили очертить ареал распространения памятников курумчинской культуры: в Прибайкалье – долина Ангара и ее притоков, побережья оз. Байкал, низовья р. Селенги, долина р. Баргузин, Тункинская долина. Письменные источники указывают, что курыкане жили в «округе Ангкола, носившей имя одной реки. У жителей этого района язык существенно отличается от кыргызского...» Из тюркских надписей известно, что послы курыкан были в числе представителей других народов на погребении родоначальника орхонских ханов Бумын-кагана (событие относится к 552 или 553 г. н. э.). Позднее курыканы принимают большое участие в борьбе телеских племен с орхонскими тюрками и входят в конфедерацию.

Существенное место в хозяйственной деятельности носителей курумчинской культуры курыкан, судя по археологическим материалам и письменным источникам, занимало скотоводство. Кроме лошадей они разводили крупный рогатый скот, овец, верблюдов.

Значительное место в жизни населения занимала охота на диких животных – лосей, косуль, оленей и кабанов. Наскальные рисунки ярко передают сцены облавных охот на кабанов, преследуемых конными загонщиками, лосей, косуль и т. д.

Материалы с раскопок поселений дают основание считать, что курыкане культивировали пашенное земледелие. В культурном слое Унгинского поселения обнаружены сельскохозяйственные орудия: чугунный сошник, 6 серпов, жернова из песчаника, кельтовидное тесло. Наиболее многочисленны находки злаковых растений – проса, крупнозернистой пшеницы, ржи, ячменя, конопли. Наиболее характерным занятием курыкан являлась добыча и обработка железа. Выплавляли его в небольших глинобитных горнах или плавильных ямах. Воздух в горны плавильной печи подавался кожаными мехами через глиняные трубки-сопла. В горн закладывали послойно обработанную руду и древесный уголь, при под-

жигании достигалась определенная температура, достаточная для получения сыродутного железа, обладающего высокими качествами. Из него изготавливались различные предметы: наконечники стрел, ножи, копья, втульчатые остроги, топоры, серпы, сошники и другие предметы.

Курыкане вели полуседлый образ жизни. На поселениях исследованы остатки жилищ типа землянок четырехугольной формы или полуземлянок. Существовали и наземные деревянные сооружения. Наиболее известны укрепленные поселения, окруженные валами и рвами по Ангаре, Куде, Унге, Осе, Иде и Илге. При строительстве поселений курыкане искусно использовали особенности рельефа местности – мысовидные выступы береговых возвышений, горные массивы и т. д. По форме и степени использования естественных условий городища подразделяются на несколько типов: 1) секторно-мысовые поселения на краю мыса, боковые их стороны служили естественными препятствиями, открытая сторона искусственно укреплялась; 2) полукруглые – полукругом охватывали искусственные линии укрепления; округлые – со всех сторон окружены валами и рвами; 3) прямоугольные – часть городища использует рельеф местности (склон, обрыв), остальные стороны окружены искусственными валами и рвами. Степень укрепленности городищ различна: от одного вала до мощной фортификационной линии глубиной до 17 м.

Городища укреплены каменными стенами различной длины. Кладка выполнялась без цементующего раствора, плиты ложились плашмя. Часть курыканских городищ, вероятно, имели культовый характер. Городище Манхай расположено на левом берегу р. Куды на г. Укыр-Манхай, с трех сторон круто обрывающейся к реке и потому имеющей вид треугольника в плане; поселения Хохтой, Тотхон – на второй речной террасе р. Мурин, Унгинское – на второй надпойменной террасе р. Унги, примыкающей к южному склону возвышенности Улан-Бор; поселение Усть-Талькин – на пологом склоне горного массива, примыкающего к руслу р. Талькин, и др.

Материал с Унгинского поселения – обломки стеклянных сосудов, светильники типа чираг, печати из халцедона с изображением мифического животного с бычьим телом и человеческой головой – показывает исторические связи курыкан с народами Средней Азии. Выявлены захоронения с надмогильной кладкой и грунтовые. В тех и других мо-

гилах большинство погребенных лежат на правом боку, скорченно, головой на северо-восток. К конструктивным особенностям могильных ям следует отнести каменные перекрытия, к внутримогильным – положение в берестяном пакете на грунте, в колоде, под деревянным перекрытием, под крышеподобной конструкцией, в деревянной раме, гробу и каменном ящике.

Среди памятников курумчинской культуры наиболее известны так называемые «шатровые могилы», наземные сооружения которых сложены из каменных плит, поставленных на ребро с незначительным наклоном к центру, напоминая шатер, шалаш или многоугольную пирамиду. По мнению большинства исследователей, шатровые могилы были остатками поминальных сооружений.

Искусство курыкан известно по наскальным изображениям у дер. Шишкино на Верхней Лене, на р. Унге вблизи с. Нукуты, на г. Хашхай и Манхай в долине р. Куды, в бухте Итырхэ на о. Ольхон, на скалах Орсо, вблизи Байдинских пещер. Это в основном изображения всадников и лошадей. Профильные фигурки лошадей повторяются в десятках вариантов, отличаясь незначительными деталями. Лошади поджарые с длинными сухими ногами, тонкой длинной шеей, удлинённой головой. На головах роскошные, расширяющиеся кверху начельники в виде султана из перьев или волос, от узды свисает столь же пышная подшейная кисть. Писаницы дают представления об одежде и облике курыкан, в них отражены общественные отношения, их социальная структура, мифы и верования. Патриархально-феодалная знать изображена со знаменами в руках.

Большинство ученых, изучавших курумчинскую культуру, искали аналогии в прибайкальских и саяно-алтайских древностях. Вместе с тем, были выявлены значительные дальневосточные параллели у курыкан со средневековыми насельниками Приамурья и Приморья. Этот дальневосточный субстрат значительно повлиял на специфику курумчинской культуры и определил ее особенности среди хронологически сопоставимых комплексов Саяно-Алтая и Монголии¹. Важными для понимания сложения дальневосточных элементов в культурном комплексе курумчинской культуры являются

¹ Дашибалов Б. Б. Курумчинская культура Байкальской Сибири // Гуманитарные проблемы стран Азиатско-Тихоокеанского региона. – Владивосток, 2000.

ся связи с хуннскими традициями. Значительная часть приведенных нами аналогий, сближающих культуру хунну с курумчинской, в основном связана с восточноазиатскими древностями. Предметы курумчинской и бурхотуйской культур типологически сопоставимы с корейскими и японскими древностями¹.

Среди находок курумчинской культуры с солярным культом связаны бронзовые подвески с 6 бубенчиками. Они напоминают сходные бронзовые бубенчики «пхальджурен» в древностях Кореи. Аналогичные подвески-бубенчики известны в материалах зоргольской культуры Восточного Забайкалья. Традиция этих бубенчиков в пережиточном виде доживает до XIX в. в культуре ульчей².

Вместе с тем, говоря особо о курумчинской культуре, отмечаем, что имеются все основания рассматривать ее в одном ряду с дальневосточными археологическими комплексами средневекового времени, но подчеркиваем, что это и центральноазиатское явление, включающее в себя традиции степного юга. В этом она схожа с культурой хунну и является ее преемницей. Культура любого народа является очень сложным явлением, включающим в себя множество пластов, отражающих противоречивую и непростую историю ее развития, ведь абсолютно изолированных, «чистых» народов не было³. Выделение дальневосточного или, если рассматривать широко, восточноазиатского субстрата в курумчинской культуре позволяет видеть в них монгольские корни.

В антропологическом облике хунну присутствует примесь дальневосточной расы⁴. Возможно, эти примеси проявляются в антропологии населения курумчинской культуры, так как отмечается также их сходство с современными народами Нижнего Амура – ульчами и негидальцами⁵. Изучая историю

бурятского народа, Г. Н. Румянцев пришел к таким выводам: кури и фури средневековых арабских сочинений не что иное, как племена хори; современные хоринские буряты – это потомки средневековых хори. Попытка Г. Н. Румянцева связать археологические памятники курумчинской культуры с племенным объединением хори подтверждается материалами бурятских преданий и фольклора, а также с языковыми данными, свидетельствующими об этом косвенным образом.

И. В. Кормушин, занимаясь вопросами тюрко-монгольских языковых связей, выявил сильный монгольский субстрат в тюркских языках Средней Азии и Сибири, причем имеющий более древнее происхождение, чем влияния «монгольского времени» XIII–XIV вв. Название курыкан он склонен сопоставить с именем хори у бурят⁶. Синолог Ю. А. Зуев также признает тождество имен курыкан и хори⁷. Опыт реконструкции древних этнонимов в иероглифической надписи был предпринят Э. В. Шавкуновым. Ученый, применяя фонетико-семантический метод, предлагает такое чтение имени «гулигань»: «Этому этнониму весьма созвучны древнетюркское qoǵıya – «стан, военный лагерь» и монгольское хогıya(n) хогıya(n) в том же значении⁸. Исследователь проводит параллель между названиями курыкан и кориган и полагает, что соответствия имени кориган обнаруживаются как в тюркском, так и в монгольском языках, поэтому вопрос о происхождении этого этнонима требует дальнейшей разработки⁹.

Говоря о раннесредневековых культурах Юго-Восточной Сибири, следует отметить некоторые региональные особенности. Область с древности находится на границе двух крупных историко-культурных зон – западноазиатской и восточноазиатской, причем эта граница до некоторой степени условна, так как в разные эпохи происходили достаточно сильные ее колебания в широтном на-

– М., 1993. – С. 17–18.

⁶ Кормушин И. В. О тюрко-монгольских связях древнего периода // Владимирцовские чтения-IV. – М., 2000. – С. 61.

⁷ Зуев Ю. А. Тамги лошадей из вассальных княжеств // Тр. Института истории, археологии АН Казахской ССР. – 1960. – Т. 3. – С. 102–103.

⁸ Шавкунов Э. В. Опыт реконструкции древних этнонимов в иероглифической записи // Новейшие археологические исследования на Дальнем Востоке СССР. – Владивосток, 1976. – С. 54–55.

⁹ Там же, с. 63.

¹ Tian Likun. The Comparison between Three Yans Cultures and the Archaeological Remains of Gaogoliao // Collected works for the Tenth anniversary of the archaeology department of Jilin University, 1998. – P. 334, 339.

² Ульчи: каталог коллекции Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск, 2004.

³ Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. – М., 1989.

⁴ Алексеев В. П., Гохман И. И. Антропология азиатской части СССР....

⁵ Бураев А. И. Краниология средневекового населения Прибайкалья и Забайкалья: автореф. дис. ... канд. ист. наук.

Рис. 21. Наскальные рисунки. Сарбадуй

правления. Культурное взаимодействие здесь проходило в постоянном сочетании этих двух основных традиций. Материалы курумчинской культуры Прибайкалья показывают, что восточноазиатские корни многих ее явлений имели достаточно прочные основы в прошлом края и сыграли определяющую роль в сложении будущих этносов – бурят и якутов.

Археологические материалы и данные письменных источников позволяют нам высказать мнение, что лесные и лесотепные области Забайкалья и Прибайкалья были заняты в это (тюркское) время монголоязычными народами. К ним относились байырку – баргуты, хори-монголы и шивэйские племена. Вместе с тем почти все источники единодушно отмечали, говоря о шивэй, что «они находят-ся в зависимости от туцзю»¹.

Главенство тюркских династий и бегство жу-жаней не означало полного исчезновения монголо-язычного населения. Как показывают многочисленные исторические примеры, мигрировала верхняя часть пирамиды общества, наиболее активная, которой было что терять и которая справедливо полагала, что она может быть уничтожена как физически, так и морально. Простые кочевники оставались на своих пастбищах и на себе испытывали все беды побежденных: вытеснение на худшие земли, произвол во всех сферах жизни, дань и прямой грабеж, частичная ассимиляция, навязанное двуязычие и т. д. Так продолжалось до киданьского вторжения и западной миграции шивэйских племен, когда восточная часть центральноазиатских степей оказалась под контролем монголоязычных племен.

Исследование вопросов окончательной монголизации территории будущей Бурятии, в отличие от проблемы предшествующего тюрко-монгольского сосуществования, имеет свою особую историю. Первые исследователи Сибири Г. Ф. Миллер и И. Э. Фишер на основе изучения языка установили принадлежность бурят к монгольским народам: «буряты происходят от древних монголов, и так они братья нынешним монголам»². Г. Ф. Миллер, опираясь на бурятские предания, полагал, что буряты – пришлый народ в Прибайкалье и земли его прежнего обитания могут быть связаны с рекой Амур³. И. Г. Георги, И. Г. Гмелин, П. С. Паллас и другие ученые, предпринявшие раскопки древних могил в Юго-Восточной Сибири, также ставили вопросы этнической принадлежности исследованных памятников, но это были лишь предварительные догадки, так как научное изучение края только начиналось.

Качественно новый подход к изучению археологических древностей Западного Забайкалья связан с именем Ю. Д. Талько-Грынцевича. Будучи антропологом, Талько-Грынцевич на краниологическом материале зафиксировал различия внутри монголоидного типа. Он выделил из группы самых поздних, по его классификации памятников, могилы, связанные с монгольскими племенами, жившими до прихода бурят.

народов.... – С. 138.

² Фишер И. Э. Сибирская история с самого открытия Сибири... – СПб., 1774. – С. 211.

³ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. I. – М.-Л., 1937. – С. 179–180.

¹ Таскин В. С. Материалы по истории древних кочевых

Исследования по систематизации археологических древностей Западного Забайкалья были продолжены Г. Ф. Дебецем. Раскопочные работы позволили ему уже конкретно увязывать определенные типы погребальных памятников со средневековыми монголами. Как характерную особенность данных захоронений, Г. Ф. Дебец выделяет кочевнические черты в могилах – наличие костей барана, поздние типы наконечников стрел, ножницы и отсутствие керамики.

Достаточно большой промежуток времени после исследований Г. П. Сосновского характеризовался накоплением материала. Бурят-Монгольская археологическая экспедиция 1947–1950 гг. под руководством А. П. Окладникова исследовала несколько средневековых захоронений на юге Бурятии. В 1954–1956 гг. Н. Н. Мамоновой и Е. А. Хамзиной производились раскопки средневековых могильников: на левом берегу Селенги – на сопке Тапхар и на правом берегу – возле деревень Селенга, Сибирь и Вознесенка.

П. Б. Коноваловым и С. В. Даниловым в 70-х гг. были раскопаны отдельные могильники вблизи дер. Кибалино, в Дэрестуйском Култуке и в пади Подчерной в районе Усть-Кяхты. Тематическое изучение вопросов тюркизации и монголизации Западного Забайкалья было начато отрядом под руководством Н. В. Именохоева, исследовавшим средневековые могильники в долине Селенги, у с. Нижний Жирим, и на правом берегу Джиды, у с. Енхор.

Экспедиция Читинского педагогического института открыла и исследовала большое число средневековых могильников Восточного Забайкалья (Чиндант, Будулан, Ононск, Улан-Сар, Дворцы и мн. др.). Полученные материалы легли в основу коллективной монографии «Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья». На экспедиционных результатах подготовлены и защищены кандидатские диссертации Е. В. Ковычева и В. Ф. Немерова. Эти исследования суммировали достижения забайкальских археологов, наметили культурно-хронологическую шкалу развития средневековых древностей в крае.

В Прибайкалье и Предбайкалье средневековые и более поздние памятники стали объектом исследования комплексной археологической экспедиции ИГУ. Средневековая тематика разрабатывалась под руководством В. В. Свинина. Материалы, полученные тематической группой, вошли в кандидатскую диссертацию М. А. Зайцева и получили осмысление в монографиях А. В. Харинского. Проблема монго-

лизации Прибайкалья была рассмотрена в диссертации В. В. Павлуцкой.

Специальные исследования по изучению жертвоприношений животных в погребальных обрядах монгольских племен провел С. В. Данилов. Работы Н. В. Именохоева позволили говорить о более раннем появлении захоронений раннемонгольской культуры и проследить западные истоки сложения обрядности у населения этой культуры. Н. В. Именохоевым и П. Б. Коноваловым было предложено выделить погребения саянтойской группы в раннемонгольскую культуру. Исследователи согласились с их предложениями, и название «раннемонгольская культура» вошло в научный обиход.

Вместе с тем, вне внимания исследователей оказались положения, высказанные в свое время А. П. Окладниковым. Он этнически связал с монголами два разных по времени и по обрядности археологических комплекса Юго-Восточной Сибири.

На основании исследования могильника Сэгнут в верховьях Лены А. П. Окладников полагал, что первые монголы прибыли в Прибайкалье с востока в XI–XII вв. и принесли сюда традицию захоронений с конем в отдельной яме. С этими самыми ранними монгольскими переселенцами исследователь увязывал рисунки, иллюстрирующие сцены кочевого быта на Шишкинских писаницах р. Лены, и изображение кибиток и юрты на г. Манхай в долине р. Куды¹.

Другой тип погребений, который А. П. Окладников относил к ранним монголам, соотносится с бурхотуйской культурой Восточного Забайкалья. Эту культуру исследователь связал с «речными монголами начального периода монгольской истории». Особое внимание он обратил на близость материала из бурхотуйских погребений, в частности керамики, с древней керамикой дальневосточных культур Приамурья и Приморья. Окладников писал, что «в начале первого тысячелетия нашей эры население долины р. Онон находилось в определенных связях с племенами Амурского края, а может, было им родственно». Он также отметил отсутствие в бурхотуйских могилах костей домашних животных, например костей ног или позвонков овцы, что было характерной чертой более поздних могил кочевников². Ученый пред-

¹ Окладников А. П. Археологические данные о появлении первых монголов в Прибайкалье // Филология и история монгольских народов. – М., 1958.

² Окладников А. П. Бурхотуйская культура железного

полагал, что хозяйственная деятельность бурхотуйского населения, возможно, могла быть связана с земледелием, а может быть и с рыболовством. А. П. Окладников привел свидетельства средневековых источников о «речных татарах» и «су-монгалах», то есть «водяных монгалах», основными занятиями которых, в отличие от степных монголов Чингисхана, были охота и рыбная ловля.

Последующие исследования забайкальских археологов позволили полнее охарактеризовать бурхотуйскую культуру. И. И. Кириллов поддержал мнение о монгольской принадлежности населения этой культуры. Он высказал предположение, что бурхотуйские памятники могли быть оставлены потомками дунху, которые бежали на север и заняли долины рек Онон, Керулен и Аргунь. В новых местах дунху включили в свой состав местные племена. В дальнейшем в источниках появляются новые этнические группы, связываемые с монголоязычными народами, в частности шивэй, с которыми можно связывать поздние бурхотуйские памятники¹. Эту точку зрения разделяет и Е. В. Ковычев, сопоставляя бурхотуйскую культуру с монголоязычными шивэй, указывая на наличие в составе шивэй и тунгусо-маньчжурских племен².

Полевые работы Верхнеамурской археологической экспедиции Читинского педагогического университета позволили выделить совершенно новую группу памятников, получивших название «зоргольская культура». Была отмечена близость зоргольских древностей к хунну. Данная культура связывалась с монголами сяньби³.

Так рассматривалась проблема монголизации Юго-Восточной Сибири в работах археологов. Историки и этнографы, освещавшие этот вопрос, в основном также обращались к осмыслению археологических материалов.

Убежденным сторонником автохтонного пребывания монголоязычного населения в Прибай-

калье был Г. Н. Румянцев⁴. Он склонялся к тому, что уже в эпоху неолита в Прибайкалье проживали племена, представлявшие тунгусскую, самодийскую и монгольскую языковые семьи. Ученый показал, что наиболее древняя лексика, сближающая монгольский и самодийский языки, связана с лесными животными. Очевидно, данное сходство не случайно и, вероятнее всего, могло возникнуть в далеком прошлом, когда эти племена вели охотничье-звероловческий образ жизни. Местом, где могли соприкасаться далекие предки самодийских и монгольских народов, могло быть только Прибайкалье, так как далее к востоку самодийские народы не проживали.

По мнению Г. Н. Румянцева, начиная с эпохи неолита, в Юго-Восточной Сибири постоянно присутствует монголоязычное население, вплоть до средневековых жужаней, шивей, киданей. С монголами он соотносил и курумчинскую культуру Прибайкалья. Ц. Б. Цыдендамбаев поддержал мнение Г. Н. Румянцева о том, что древние протомонгольские племена, расселившиеся от Прибайкалья до Восточной Монголии, могли быть связанными с сяньби⁵.

Б. Р. Зориктуев предпринял попытку увязать монгольские предания о перекочевке Буртэ-Чино с результатами археологических исследований раннемонгольской и бурхотуйской культур⁶. Наиболее обстоятельно генезис монголоязычного ядра бурят рассмотрен в монографии Д. Д. Нимаева. Он высказал сомнения в справедливости этнической увязки захоронений с конем Сэгенутского могильника, предложенной А. П. Окладниковым. По мнению Д. Д. Нимаева, более близкими к истине являются предположения археологов И. В. Константинова и А. И. Гоголева, что обряд погребений с конем характерен, в первую очередь, для тюркских племен. Эти мнения якутских исследователей были поддержаны их бурятскими коллегами П. Б. Коноваловым и Н. В. Именохоевым. Сомнения у Д. Д. Нимаева вызвало и предположение о традиции установки ноги барана в могиле как этнический признак монгольских племен. Не

века в Юго-Западном Забайкалье // Тр. Бурят. компл. НИИ. Вып. 3. – Улан-Удэ, 1960. – С. 28.

¹ Кириллов И. И. Восточное Забайкалье в древности и средневековье. – Иркутск, 1979.

² Ковычев Е. В. История Забайкалья (I – сер. II тыс. н. э.). – Иркутск, 1984.

³ Яремчук О. А. Особенности погребального обряда населения Восточного Забайкалья в хунно-сяньбийскую эпоху // Забайкалье в геополитике России. – Улан-Удэ, 2003.

⁴ Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят. – Улан-Удэ, 1962.

⁵ Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные как источники по истории бурят. – Улан-Удэ, 2001.

⁶ Зориктуев Б. Р. Прибайкалье в середине VI – начале XVII века. – Улан-Удэ, 1997.

исключено, что чрезвычайное разнообразие внутримогильных конструкций захоронений саян-туйского типа может быть интерпретировано «как результат длительного и многостороннего взаимодействия различных по происхождению этнокультурных традиций»¹.

Историографический обзор вопросов монголизации Юго-Восточной Сибири показывает всю сложность и неоднозначность предложенных решений, заключающуюся также и в том, что в процессе исследования наличие одних и тех же эмпирических данных иногда приводит ученых к диаметрально противоположным выводам. Конечно, дело здесь в недостаточности эмпирической базы и отсутствии методологии, мешающих объединить результаты исследований, проводимых в различных отраслях гуманитарных и общественных наук, но представляется, что выявление исторического процесса, наиболее приближенного к действительности, это вопрос времени.

Письменные китайские и тюркские источники эпохи средневековья немногочисленны и трудно интерпретируемы в смысле географической локализации племенных образований и их этнической принадлежности². Это обстоятельство делает основным источником восстановления истории средневекового населения Прибайкалья и Забайкалья данные археологии и антропологии.

Сопоставляя результаты археологических исследований в Прибайкалье, Западном и Восточном Забайкалье, нельзя не отметить нерешенность многих актуальных проблем средневековой истории региона в целом, что во многом объясняется особой сложностью этнической ситуации. В средние века на этой территории скрестились судьбы многих тюркских, монгольских и тунгусских племен, сыгравших в дальнейшем решающую роль в формировании этносов бурят, эвенков, монголов и, возможно, якутов. Таким образом, особое значение приобретают генетические связи между племенами I и II тысячелетий н. э., а также их взаимоотношения с предшествующим и современным населением региона. Решение этих задач невозможно без изучения палеоантропологических данных.

10.4. Антропология

Начало антропологическому изучению средневекового населения Прибайкалья и Забайкалья было положено в конце прошлого века Ю. Д. Талько-Грынцевичем. Им были опубликованы измерения черепов из монгольских могильников в бассейне Селенги. Большую часть немногочисленной серии (всего 10 единиц) составляют черепа из местности Гуджир-Мыгэ-Хапчагай-Ундур-Илису. На современном ему уровне археологического изучения Забайкалья исследователь не мог сколько-нибудь точно датировать изученные материалы, однако прозорливо признал их более поздними, чем хуннские. Была также отмечена «короткоголовость» изученных черепов, по сравнению со «среднеголовостью» черепов хунну, а несколько позднее – их близость к черепам бурят.

В авторской фундаментальной палеоантропологической сводке Г. Ф. Дебеч объединил гуджирские материалы с черепами из могильника у с. Зарубино, датировав всю серию XIII–XIV вв.³ Кроме этой объединенной группы средневековое население Прибайкалья и Забайкалья представлено в серии VIII–X вв. из раскопок Г. П. Сосновского, также в бассейне Селенги, и опубликованной ранее (1934 г.) серии XIII–XIV вв. из Тунки (раскопки Б. Э. Петри). В статье 1934 г. Г. Ф. Дебеч без сомнения отнес тункинские черепа к южносибирскому типу, отметив их необыкновенно крупные размеры. Западнозабайкальские серии VIII–X и XIII–XIV вв. не были связаны с каким-либо конкретным расовым типом⁴, но к черепам XIII–XIV вв. ближе всего оказались черепа VIII–X вв., обнаружив наибольшее сходство с тувинскими из современных монголоидных серий. Сравнивая все три серии между собой, исследователь констатировал неоднородность средневекового населения региона в пределах рас второго порядка. Главным образом, серии различались по величине абсолютных размеров черепной коробки и лица. Наибольшие размеры имеет серия из Тунки, наименьшие – объединенная серия XIII–XIV вв., черепа которой, по предположению Г. Ф. Дебеча, несут на себе следы крайне неблагоприятных жизненных условий. Автор отмечает близость тункинских черепов к «брахикранному типу керексур», однако

¹ Нимаев Д. Д. Буряты: этногенез и этническая история. – Улан-Удэ, 2000. – С. 15.

² Викторова Л. Л. К вопросу о расселении монгольских племен на Дальнем Востоке в IV в. до н. э. – XII в. н. э. // История и филология стран Востока: уч. зап. ЛГУ. Сер. Востоковедческие науки. Вып. 7. – Л., 1958. – С. 43.

³ Дебеч Г. Ф. Палеоантропология СССР // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер. Т. 4. – М.-Л., 1948. – С. 202.

⁴ Там же, 199–203.

датировка и культурная принадлежность этой крайне незначительной по численности серии¹ весьма сомнительна.

Краниологические материалы эпохи средневековья из Прибайкалья и Забайкалья значительно пополнились после выхода в 1961 г. работы Н. Н. Мамоновой. Вместе с черепами VIII–X вв. из материалов Г. Ф. Дебеца, которые были использованы в ее исследовании, численность средневековой серии достигла 75. Автором приведены данные по многим признакам, отсутствующим у Г. Ф. Дебеца, однако общая характеристика средневекового населения не изменилась².

Мамонова, выделив 2 основных краниологических варианта у забайкальских кочевников IX–XIII вв., сблизила один из них с центральноазиатской расой (Тапхар-6), другой, значительно больший по численности, с байкальской³. Каких-либо следов европеоидной примеси отмечено не было.

В работе впервые приведены средневековые материалы из Восточного Забайкалья (2 мужских черепа из местности Бурхотуй), мало отличающиеся, по мнению автора, от западнозабайкальской серии.

Небольшая серия XIV–XVI вв. из Тунки оказалась ближе к серии кочевников Забайкалья, чем к тункинским же черепам XIII–XIV вв., опубликованным Г. Ф. Дебецем.

В 1963 г. появилась работа И. И. Гохмана, основанная на материалах из могильника Усть-Талькин в Западном Прибайкалье⁴. Впервые в распоряжении антрополога оказалась относительно представительная средневековая серия из одного могильника с изучаемой территории. Серию составляют 18 мужских и 12 женских черепов⁵. Автор отметил выраженную однородность серии и ее несомненное сходство с сериями центральноазиатского антропологического типа. Наибольшее сходство усть-талькинские черепа обнаруживают с черепами за-

байкальских бурят, которые являются, по мнению исследователя, их прямыми потомками. Особое внимание было уделено резко выраженной брахикрании изученной серии. Именно эта черта в краниологической характеристике усть-талькинцев позволила И. И. Гохману предположить их связь с носителями культуры плиточных могил Забайкалья. Таким образом, обнаруживая сходство как с древним, так и с современным населением региона, усть-талькинцы, по мнению автора, имеют самое прямое отношение к формированию центральноазиатской расы. Поставив вопрос о наличии европеоидной примеси у усть-талькинцев, основываясь на их сходстве по некоторым признакам с енисейскими кыргызами, И. И. Гохман ответил на него в принципе отрицательно, окончательно все же не исключив такую возможность.

Новые данные, полученные при раскопках городища Улан-Бор, неопровержимо доказали факт проживания в Прибайкалье в VIII–IX вв. европеоидной группы населения памиро-ферганского облика⁶. Было доказано также и среднеазиатское происхождение этой группы, которую, опираясь на данные письменных источников и археологии, И. И. Гохман связал с согдийцами⁷. Полученные выводы, а также наличие в составе бурят родовой группы с наименованием сартул, позволили автору указать на возможность у них (бурят) европеоидной примеси⁸.

Достигнутые результаты были кратко суммированы в совместной монографии В. П. Алексеева и И. И. Гохмана⁹.

В результате антропологического изучения средневекового населения Прибайкалья и Забайкалья установлено, что в исследуемый период здесь проживало в основном монголоидное население, неоднородное в пределах рас второго порядка. Отдельные группы населения характеризуются комплексом признаков байкальской и центральноазиатской групп популяций. В то же время доказано пребывание на территории Прибайкалья европеоидов памиро-ферганского облика. В качестве возможных предков средневекового населения

¹ Дебеч Г. Ф. Палеоантропология СССР // Тр. Ин-та этнографии АН СССР... С. 120.

² Мамонова Н. Н. Кочевники Забайкалья IX–XIII вв. по данным палеоантропологии // Антропол. сборник: Тр. Ин-та этногр. Нов. сер. Т. LXXI. – М., 1961.

³ Там же, с. 22.

⁴ Гохман И. И. Палеоантропологические материалы из могильника Усть-Талькин в Прибайкалье // Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР. Т. 21. – М.; Л.: Наука, 1963.

⁵ Там же, с. 339.

⁶ Гохман И. И. Среднеазиатская колония в Прибайкалье / И. И. Гохман // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. – М.: Наука, 1968.

⁷ Там же, с. 124.

⁸ Там же, с. 125.

⁹ Алексеев В. П., Гохман И. И. Антропология азиатской части СССР ... – С. 103–104.

фигурируют носители культуры плиточных могил, а его потомками являются, по всей видимости, современные буряты.

На всей территории этнической Бурятии фиксируется европеоидная примесь. Смешанность антропологического состава сказалась на повышении внутригрупповой изменчивости признаков. Выявились существенные различия и между отдельными сериями черепов. В Прибайкалье по большинству признаков сближаются усть-таькинская и древнемонгольская мужские серии.

Отличаются от них черепа представителей курумчинской культуры, у которых меньше высота черепа и ширина лба, значительно более наклонного, более грациальный лицевой отдел, слабее выступающий нос и меньшая глубина клыковых ямок. Главные отличия заключаются в долихокрании курумчинской серии и практически одинаковых величинах назомаллярного и зигомаксиллярного углов. Возможно, здесь имеет место случайное отклонение, т. к. численность серии навелика. Однако отмеченные при сравнении мужских черепов различия имели место и в женских черепах, что делает реальность таковых весьма вероятной.

Таким образом, можно связывать происхождение усть-таькинцев с предшествующим населением начала II тысячелетия н. э. Установление европеоидной примеси в серии X–XIV вв. делает вполне вероятным участие европеоидного компонента и в формировании населения Прибайкалья XVI в. Все краниологические серии раннемонгольской культуры западных областей Забайкалья очень сходны, кроме серии черепов из Еравны, значительно отличающихся от раннемонгольских большим продольным диаметром черепной коробки, более наклонным лбом, значительными величинами ширины основания черепа, длины основания лица, ширины глазницы и грушевидного отверстия. Для мужских черепов этой серии характерна резкая выраженность монголоидных особенностей. По многим признакам они имеют крайние значения среди современных и средневековых монголоидных серий региона.

Таким образом, в средние века население Западно-Забайкалья гетерогенно. В то же время обнаруживается сходство всех серий раннемонгольской культуры, что, возможно, связано с началом формирования здесь антропологической общности. Еравнинский же комплекс, по всей вероятности, был оставлен какими-то иными племенами, этнически отличающимися от племен раннемонгольской культуры.

В Восточном Забайкалье выделяются ундугунцы. Их отличает крайне широкая и очень низкая черепная коробка, огромная высота лица, лепториния, большой ортогнатизм, большая уплощенность переносья и лица на уровне назиона, более покатый лоб и менее глубокая клыковая ямка. Бурхотуйцы и «монголы» (древнемонгольская культура), наоборот, очень сходны.

Женские группы в большей степени гомогенны. Однако и здесь у ундугунцев выделяется более широкое и высокое лицо, с высокой орбитой и более уплощенными носовыми костями. По некоторым из перечисленных размеров ундугунские черепа сближаются с дарасунскими.

В целом полученные данные подтверждают предположение о происхождении населения древнемонгольской культуры от предшествующих им бурхотуйцев.

Обращаясь ко всему исследованному материалу, в первую очередь отметим сходство всех серий, связываемых исследователями-археологами с монгольскими племенами. Большинство погребений, откуда представлен материал, датируется X–XIV вв. В то же время выявляются связи древних монголов с населением предшествующего периода и в первую очередь с племенами шивэй, которым принадлежат памятники бурхотуйской культуры. Распространение монгольских племен по всей исследуемой территории происходило, видимо, из восточных районов.

Носители курумчинской, ундугунской культурных традиций и население, оставившее еравнинский погребальный комплекс, антропологически отличаются от ранних монголов. В то же время они различаются и между собой. Все это не исключает участия курумчинцев, ундугунцев и средневекового населения из Еравны в формировании населения Прибайкалья и Забайкалья монгольского времени.

В археологической литературе происхождение средневековых племен Прибайкалья и Забайкалья связывается, прежде всего, с населением культуры плиточных могил, хунну и сяньби.

В инвентаре средневековых погребений из Прибайкалья и Забайкалья прослеживаются многочисленные аналогии с археологическими культурами сопредельных территорий. В некоторых случаях выявленное сходство оказалось настолько существенным, чтобы интерпретировать его как результат не только культурных, но и генетических связей. Для прибайкальских племен в археологических работах отмечается сильное влияние западных соседей и в

первую очередь населения Минусинской котловины¹, а также существенные дальневосточные параллели². Средневековое население Западного Забайкалья VII–X вв. связывается с уйгурами эпохи каганатов³, а в отношении Восточного Забайкалья есть все основания полагать, что бурхотуйцев связывали родственные отношения с приамурскими племенами мохэ⁴.

При сравнении групп средневекового населения с сериями плиточников и сяньби выявляется сходство по большинству параметров. Некоторые зафиксированные отличия (более выраженный монголоидный комплекс у плиточников и сяньби), которые автор ранее был склонен интерпретировать как эпохальные, теперь находят объяснение в значительном европеоидном влиянии на предшественников средневековых племен. Исключение составляет серия курумчинской культуры, радикально отличающаяся от носителей культуры плиточных могил. С черепами сяньби различия велики, но не столь выражены.

Таким образом, есть все основания предполагать генетическую преемственность между «плиточниками» и средневековыми монгольскими племенами.

При сопоставлении хуннской серии со средневековыми материалами Г. Ф. Дебеца И. И. Гохман, как уже отмечалось при рассмотрении черепов из плиточных могил, констатировал отличие хунну и от средневекового населения Забайкалья⁵.

Материалы эпохи средневековья подтвердили правомерность сделанного заключения. Отметим, что по такому признаку, как черепной указатель,

хуннская серия значительно отличается от всех средневековых групп, за исключением курумчинской. Долихокранией и мезокранией характеризуются как мужские, так и женские черепа хунну и курумчинцев. Учитывая выявленные Б. Б. Дашибаловым археологические параллели между двумя культурами, свидетельства китайских летописей о происхождении курыкан (гулигань) от хунну⁶, можно предположить, что отмеченное морфологическое сходство не случайно. Возможно, что какая-то часть хуннских племен приняла участие в формировании антропологического типа населения курумчинской культуры. Впрочем, учитывая известную неоднородность хуннской серии, нельзя исключать их участие в сложении других средневековых групп населения Прибайкалья и Забайкалья.

Рассмотренными материалами исчерпываются данные о ближайших предшественниках средневекового населения на исследуемой территории. Синхронные серии из Минусинской котловины, Тувы и Приамурья подобраны для сопоставления на основании археологически выявленных контактов со средневековыми племенами Прибайкалья и Забайкалья.

Исходя из сведений письменных источников, можно предположить наличие генетических контактов между курыканами и уйгурами, с которыми связывают и западнозабайкальские племена VII–X вв. В антропологической литературе известна лишь одна серия, происходящая из погребений VIII–IX вв. в Туве, принадлежавших, по мнению исследователей-археологов, средневековым уйгурам⁷. Краниологические материалы исследованы В. П. Алексеевым. Автор отнес черепа из могильника Чааты к памиро-ферганской расе, при наличии небольшой монголоидной примеси, и предположил, что этот памятник оставлен пришлым населением⁸. Заметим, что и в археологической литературе нет единства мнений об этнической принадлежности

¹ Коновалов П. Б. Корреляция средневековых археологических культур Прибайкалья и Забайкалья; Дашибалов Б. Б. Археологические памятники курыкан и хори. – Улан-Удэ, 1995.

² Дашибалов Б. Б. Курумчинская культура Байкальской Сибири // Гуманитарные проблемы стран Азиатско-Тихоокеанского региона. – 2000. – № 2; Дашибалов Б. Б. На монголо-тюркском пограничье...

³ Хамзина Е. А. Археологические памятники Западного Забайкалья (поздние кочевники). – Улан-Удэ, 1970.

⁴ Ковычев Е. В. Этническая история Восточного Забайкалья в эпоху средневековья (по археологическим данным) // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. – Новосибирск: Наука, 1989.

⁵ Гохман И. И. Антропологические материалы из плиточных могил Забайкалья // Сб. музея антропологии и этнографии АН СССР. Т. 18. – М.-Л., 1958.

⁶ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах... Т. 1. С. 301; Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М., 1961. – С. 36.

⁷ Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. – М.: Изд-во МГУ, 1969.

⁸ Алексеев В. П. Основные этапы антропологических типов Тувы // Советская этнография. – 1962. – № 3.

рассматриваемых погребений¹. По всей вероятности, правы авторы, считающие, что могильник «оставило население, находившееся в подчинении у уйгуров, но отличавшееся от них в этническом отношении»².

Разумеется, серия «уйгуров» резко отличается от всех средневековых групп из Прибайкалья и Забайкалья, так же как другие серии памиро-ферганского облика, зафиксированные в регионе (Улан-Бор в Прибайкалье³, часть серии из Хархорина⁴).

Имеющиеся на сегодняшний день палеоантропологические материалы позволяют уверенно говорить о наличии европеоидной примеси у средневекового населения региона, но для точного определения места происхождения европеоидных элементов их пока недостаточно. И все же создается впечатление, что влияние памиро-ферганского компонента на формирование складывающейся антропологической общности либо было крайне незначительно, либо отсутствовало вовсе.

Кроме западных связей средневекового населения Прибайкалья и Забайкалья, археологические материалы указывают и на контакты в восточном направлении. Все авторы, обращавшиеся к материалам бурхотуйской культуры, отмечают их сходство с мохэскими памятниками Приамурья⁵. Е. В. Ковычев, обобщивший данные о средневековых памятниках Восточного Забайкалья, объяснил близость между культурами вхождением в их состав родственных племен⁶. Во многом сделанное предположение основывается на сообщениях китайских хроник о сходстве языка мохэ и шивэй⁷. Однако В. С. Таскин, автор наиболее пол-

ных переводов китайских летописей, относящихся к древним монголоязычным народам, высказал сомнение в справедливости этого утверждения, считая соответствующую фразу источника ошибочной⁸. Сопоставление краниологических серий бурхотуйцев и мохэ не выявило родственных связей между группами.

Сравнение по основным характеристикам показало близость современных бурят к средневековым монголоязычным племенам Прибайкалья и Забайкалья. Сказанное в полной мере относится также к монгольской и якутской сериям. Из отличий можно отметить особо крупные размеры лицевого отдела у якутов; сравнительно большой высотный диаметр черепной коробки у них же и у западных бурят. Специалистам-антропологам хорошо известны эти особенности выделенных групп.

В целом рассмотренный краниологический материал позволяет достаточно уверенно связывать этногенез монголов и бурят с монголоязычными племенами Прибайкалья и Забайкалья эпохи средневековья. Можно также предполагать их участие в формировании антропологического типа якутов, на который, по всей вероятности, оказали влияние и какие-то другие племена, отличающиеся от исследуемых по краниологическим особенностям. Население курумчинской культуры вряд ли, насколько позволяет судить небольшая численность материала, сыграло значительную роль в формировании типа якутов, монголов и бурят.

Обобщая результаты сопоставления средневековых племен Прибайкалья и Забайкалья с предшествующими, синхронными и современными группами, особо выделим сходство и вероятную генетическую преемственность антропологического состава населения региона от XIII в. до н. э. (культура плиточных могил) до настоящего времени. Таким образом, есть все основания связывать формирование центральноазиатской расы с территорией Прибайкалья и Забайкалья.

Сходство монголоязычных племен Прибайкалья и Забайкалья эпохи средневековья с современными представителями центральноазиатской расы⁹, казалось бы, должно служить достаточным

¹ Гаврилова А. А. Сверкающая чаша Енисея (к вопросу о памятниках уйгуров в Саяно-Алтае) // Древняя Сибирь. – Вып. 4: Бронзовый и железный век Сибири. – Новосибирск, 1974.

² Худяков Ю. С., Цвээндорж Д. Керамика Орду-Балыка // Археология Северной Азии. – Новосибирск, 1982.

³ Гохман И. И. Среднеазиатская колония в Прибайкалье // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. – М.: Наука, 1968.

⁴ Тумэн Д. Палеоантропологический материал монгольского времени из Хархорина // Археологийн судлал (Studia archaeologicae Institute Historiae Academiae Scientiarum Rei publicae Populi Mongolici). – Улаанбаатар, 1985.

⁵ Деревянко Е. И. Мохэские памятники Среднего Амура. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1975.

⁶ Ковычев Е. В. Этническая история Восточного Забайкалья...

⁷ Таскин В. С. Материалы по истории древних кочевых

народов... – С. 140; Викторова Л. Л. К вопросу о расселении монгольских племен... – С. 57.

⁸ Таскин В. С. Материалы по истории древних кочевых народов... – С. 364, прим. 4.

⁹ Ярхо А. И. Антропологический тип кемчикских

основанием для их отнесения именно к этому подразделению расовой систематики. Однако по ряду признаков выделенные группы сближаются и с эвенками, характерными представителями байкальской расы¹. Напомним, что к ней же уверенно отнес черепа из плиточных могил исследовавший их И. И. Гохман².

Все вышеизложенное заставляет с большой осторожностью подходить к определению места средневекового населения региона по отношению к подразделениям современной расовой систематики. Тем более, что «на палеоантропологическом мате-

танну-тувинцев // Северная Азия. – 1929. – № 5–6.

¹ Рогинский Я. Я. Материалы по антропологии тунгусов Северного Прибайкалья... – С. 105–126..

² Гохман И. И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР: Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР. Т. 36. – Л.: Наука, 1980. – С. 23.

риале очень трудно различать черепа байкальского и центральноазиатского типов»³.

Сопоставление средневекового населения Прибайкалья и Забайкалья с современными популяциями, относящимися к байкальской, центральноазиатской и южносибирской расам, показало промежуточное положение исследованных групп. Исключение составляют еравнинская и усть-талькинская серии, первую из которых можно связать с байкальской группой популяций, вторую – с центральноазиатской. Для расовой диагностики черепов курыкан и дарасунцев пока мало данных. Средневековые монгольские племена, при условии отсутствия европеоидной примеси, характеризуются байкальским комплексом признаков.

³ Алексеев В. П., Гохман И. И. Антропология азиатской части СССР. – М., 1984.

11

глава

Этногенез бурят

Как известно, понятие «этногенез» трактуется по-разному. Одни считают возможным говорить об этногенезе со времени появления имени народа, а другие уводят его корни в глубокую древность, говоря о «бесконечной дали этноса»¹, скрытой в толще веков не только рассматриваемого региона, но и других земель. Однако правильный подход заключается в поисках в многослойных пластах истории этнических и культурных черт предков изучаемого народа. Для этого одной археологии недостаточно, археология и палеоантропология при всей своей фундаментальной роли в исследовании этногенеза не в состоянии давать прямые ответы на этнические отождествления мертвых остатков материальной культуры и самого человека без опоры на данные этнографии, языкознания, фольклора, топонимики, этнонимии, иногда и письменных источников. Необходим комплексный подход к проблеме, и этногенез превращается в междисциплинарную науку.

Археология. О культурах каменного века не приходится говорить в плане этнической атрибуции, хотя тезис о бесконечной дали этноса справедлив и для этой эпохи. Но начиная с эпохи металла,

с развитием специализированных производств, экстенсивного скотоводства, расселением древних популяций и освоением новых ландшафтов в археологических культурах появляются этнокультурные признаки, сопоставимые с исторической этнографией современных народов. В главе о бронзовом и раннем железном веках говорилось о происхождении культуры плиточных могил, ее контактах с культурой курганов-керексуров и только в самых общих чертах – о ее протомонгольской принадлежности. В главе о хуннском периоде также говорилось о протомонгольских истоках культуры хунну, вобравшей в себя за счет контактов элементы культур ирано-тюркского круга. В рамках той и другой культур констатировались явления интеграции разных этносов, вместе с тем отмечались возможности некоторых ретроспективных сопоставлений из области этнографии и фольклора монгольских народов, но углубленное исследование в этом направлении требует специального рассмотрения.

В настоящей, завершающей главе первого тома все же представляется необходимым дать усиленную этнокультурную оценку позднейших археологических культур и попытаться рассмотреть их в контексте лингвистических, фольклорных, этнографических и даже письменных источников.

¹ Алексеев В. П. Этногенез. – М.: Высшая школа, 1982.

В главе «История археологических исследований Забайкалья» были названы монографические труды и специальные сборники статей по культурам и памятникам средневековья Предбайкалья и Забайкалья, в которых предпринимаются попытки решать проблему этнической атрибуции материалов. Хронологические рамки рассматриваемых в этих трудах памятников средневековья охватывают период от V до XVI вв. Если извлечь из этих монографий выводы по выделению археологических культур и их этнокультурной трактовке, то ситуация выглядит так¹:

- в Предбайкалье, с переходом на восточное побережье Байкала (Верховья Ангары и Лены, Приольхонье, Ольхон, Баргузинская долина, низовье Селенги), – курумчинская культура, датируемая первоначально VI–X вв., впоследствии ее хронология была расширена с V до XIV в.;

- в Предбайкалье же (южное Приангарье и Верхоленье) – усть-талькинская культура (XII–XIV вв.);

- в Западном Забайкалье (по долинам и притокам Селенги, Уды, Хилка, Джиды) – хойцегорская (VII–X вв.) и саянтийская культура (XI–XIV вв.);

- в Восточном Забайкалье (по долинам Хилка, Ингоды, Шилки, Онона) – бурхотуйская (IV–IX вв.), дарасунская (VI–X вв.), раннемонгольская (XI–XIV вв.), ундугунская культура (XII–XV вв.).

- исключение из этого ряда составляют выделенные А. В. Харинским в Предбайкалье елгинский этап (не называемый культурой) (II в. до н. э. – VIII в. н. э.) и в Приольхонье черенхынский этап (V–VII вв. н. э.).

Этнические определения культур выглядят следующим образом. Курумчинская культура, в рамках ее узкой датировки (VI–X вв.), этнически определяется как курыканская тюркоязычная², но в варианте широкой датировки (XI–XIV вв.) переходящая или преобразующаяся в «хори-монгольскую или хори-бурятскую»³.

¹Заметим, однако, что культурами назвать их можно только условно, в большинстве своем, кроме курумчинской, это лишь погребальные комплексы, т. е. могилы с одинаковым устройством, единым обрядом захоронения и одинаковым инвентарным комплексом.

²Окладников А. П. История Якутской АССР. Т. 1. – Л., 1955.

³Дашибалов Б. Б. Археологические памятники курыкан

Усть-талькинскую культуру В. С. Николаев определил как принадлежавшую тюркоязычным туматам⁴. Ранее отдельные погребения этого типа якутские археологи, вслед за Г. В. Ксенофонтовым, также связывали с тюркоязычными предками якутов, причем А. И. Гоголев предполагал их кимако-кыпчакскую принадлежность⁵. А. П. Окладников усть-талькинский могильник определял как бурятский, а сэгэнутский могильник связывал с «первыми монгольскими пришельцами XI в. в Прибайкалье»⁶. Бурятский археолог Б. Б. Дашибалов усть-талькинские могилы конкретизировал как булагат-бурятские, а сэгэнутские также как бурятские XVI–XVII вв.⁷

Хойцегорская культура трактуется как уйгурская⁸, но трансформирующаяся в своем развитии в раннемонгольскую саянтийскую, которую есть основания называть байырку-баргутской⁹.

Саянтийская культура, как таковая в отдельности, определяется как раннемонгольская¹⁰ или, по новой версии, кыпчакская¹¹.

и хори. – Улан-Удэ, 1995.

⁴Николаев В. С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV вв. – Владивосток-Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2004. – С. 149–157.

⁵Константинов И. В. Происхождение якутского народа и его культуры // Якутия в древности. – Якутск, 1975. – С. 136–139; Гоголев А. И. Историческая этнография якутов. – Якутск, 1986. – С. 72.

⁶Окладников А. П. Археологические данные о появлении первых монголов в Прибайкалье // Филология и история монгольских народов. – М., 1958.

⁷Дашибалов Б. Б. Погребальные памятники и обряды позднего средневековья Прибайкалья как источник по этногенезу бурят // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. – Новосибирск: Наука, СО, 1989. – С. 67.

⁸Сосновский Г. П. Архив ЛОИА, ф. 42.

⁹Коновалов П. Б. Корреляция средневековых культур Прибайкалья и Забайкалья // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 17.

¹⁰Дебев Г. Ф. Могильник железного века у с. Зарубино // Бурятияведение. – 1926. – № 2; Сосновский Г. П. Архив. ф. 42; Коновалов П. Б. Корреляция средневековых археологических культур Прибайкалья и Забайкалья // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 5–21; Именохоев Н. В. К вопросу о культуре ранних монголов (по данным археологии) // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири ... – С. 55–62.

¹¹Дашибалов Б. Б. Об этнической принадлежности мо-

Бурхотуйская культура определяется как сянби-шивэйская¹, или отуз-татарская², или сянби-тобашивэй //отуз-татарская (монгольская)³. Дарасунская культура трактуется как байырку-баргутская⁴ или байырку//тогуз-татарская (тюркоязычная)⁵; ундугунская культура – как тунгусо-монгольская (конные тунгусы или эвенки)⁶. В Предбайкалье до прихода курумчинцев предполагается обитание этнических групп охотников и собирателей, в большинстве тунгусоязычных и частично самодийско-и кетоязычных⁷.

Следует отметить, что настоящий расклад археологических культур – всего лишь начальная ступень исследования на уровне племенных, (эпохи средневековья), отождествлений, причем в большинстве случаев гипотетичных, в которых нетрудно заметить разночтения. Следующая ступень – языковая идентификация этнонимов – процедура не менее гипотетичная и неоднозначная, обусловленная различной трактовкой этнической идентичности таких племенных названий и их комбинаций, как курыкан-хори, байырку-баргут, теле-уйгур, тогуз-татар, отуз-татар, тоба-шивэй, шивэй-мохэ. Отсюда можно видеть, что археологические культуры Предбайкалья и Забайкалья этнически трудно дифференцируемы между тюркоязычными и/или монголоязычными этносами средневековья: теле-уйгурами, байырку-баргутами и курыканами-хори, а культуры Восточного Забайкалья также нелегко различимы между монголоязычными шивэй-тоба-монголами и тунгусоязычными шивэй-

мохэ-тунгусами, а также тюркоязычными или монголоязычными байырку-баргутами. Нельзя исключать и самодийские компоненты, учитывая топонимику.

В такой ситуации исследователям необходимы кроме накопления фактического материала методологические поиски решения проблемы этнокультурогенеза бурят, как, впрочем, и всех монголоязычных народов. В этом аспекте П. Б. Коноваловым был выдвинут тезис об этноэволюции и этнотрансформации тюрко-монгольских племен: формирование средневековых монголов. Он писал: «...археологические комплексы демонстрируют смену погребальных комплексов с тюркскими чертами на комплексы с признанными монгольскими элементами погребальной обрядности. Иначе говоря, на примере средневековой археологии ближнего Прибайкалья можно констатировать процесс этнотрансформации – явления, о котором пишут теоретики этнологической науки»⁸. Еще в 1989 г. им были описаны данные новых раскопок на г. Хойцегор, позволяющие прийти к мысли о зыбком различии между хойцегорскими и саянтуйскими погребениями⁹. Пример явления этнотрансформации / этноэволюции Коновалов усматривал в двухэтапном развитии курумчинской культуры¹⁰.

Антропология. Антропология является одной из наиболее важных связующих частей в составлении этнической картины в ее временном разрезе. Ракурс антропологических исследований для прояснения становления современного антропологического облика необходимо начинать с вопросов палеоантропологии.

Для территории Прибайкалья в этой области важнейшим шагом послужили работы Г. Ф. Дебеца, В. П. Алексеева, И. И. Гохмана, И. М. Золотаревой¹¹,

гил саянтуйского типа Юго-Восточной Сибири // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. – Владивосток, 2002. – С. 262–271.

¹ Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья. – Новосибирск: Наука, СО, 1984. – С. 124–126.

² Кириллов И. И., Ковычев Е. В., Кириллов О. И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2000. – С. 75.

³ Орлов Ю. С. История лесостепного Забайкалья (III в. до н. э. – X в. н. э.). – Чита, 2004. – С. 74.

⁴ Ковычев Е. В. Этническая история Восточного Забайкалья в эпоху средневековья (по археологическим данным). – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 21–27.

⁵ Кириллов И., Ковычев Е. В., Кириллов О. Дарасунский комплекс. – С. 69–72.

⁶ Там же, с. 76–78.

⁷ Харинский А. В. Предбайкалье в конце I тыс. до н. э. – сер. II тыс. н. э. – Иркутск, 2001. – С. 61–70; 106–113.

⁸ Коновалов П. Б. Этнические аспекты истории и культуры Центральной Азии (древность и средневековье): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Улан-Удэ, 2000. – С. 23–25.

⁹ Он же. Корреляция средневековых археологических культур... – С. 12–13.

¹⁰ Он же. Этнические аспекты истории Центральной Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – С. 143–146.

¹¹ Дебеч Г. Ф. Антропологические исследования в Камчатской области. – М., 1951; Алексеев В. П., Гохман И. И. Антропология азиатской части СССР. – М., 1984; Алексеев В. П., Трубникова О. Б. Некоторые проблемы таксономии и генеалогии азиатских монголоидов (краниометрия). – Новосибирск, 1984; Гохман И. И. Материалы по антропологии древнего населения низовьев Селенги // Краткие сообщения института этнографии. Вып. XX. – М., 1954; Золотарева

а также новейшая обобщающая работа А. И. Бураева¹.

Как показал А. И. Бураев, черепа курумчинской культуры представлены небольшой выборкой. Автор привлек антропологические материалы с западного побережья Байкала, а также черепа из долины Баргузина, что несколько ограничивает материал и позволяет допустить, что были использованы локальные группы курумчинцев. Автор охарактеризовал черепа курумчинской культуры следующим образом: «мезокранные, очень низкие по высоте, с относительно небольшим по ширине, высоким, плоским, мезогнатным лицом, умеренно уплощенным переносом и слабо выступающим носом, средними по ширине и высоте орбитами»².

Другую серию, относящуюся к культуре монгольского периода X–XIV вв., автор описывает следующим образом: «средние по длине, очень широкие, с резко выраженной брахикрацией, низкие черепа. Лоб средней ширины по абсолютному размеру, однако в сравнении с поперечным и скуловым диаметром, а также с его наибольшей шириной – узкий, немного покатый... Лицо высокое и широкое, мезогнатное по указателю выступания, ортогатное по лицевым углам...»³ В общем А. И. Бураевым отмечаются вариативность признаков и признание неоднородности населения Прибайкалья X–XIV вв., что позволяет поставить вопрос о европеоидной примеси у населения Прибайкалья указанного периода⁴.

Следующим хронологическим материалом являются сведения, относящиеся к XVI в., из серии усть-талькинских черепов. А. И. Бураев, исходя из характеристики И. И. Гохмана⁵, допускает возможность контактов монголоидного населения Прибайкалья с европеоидами в более ранние исторические периоды⁶, т. е. в средневековье.

И. М. Этническая антропология бурят // Этнографический сборник. Вып. 1. – Улан-Удэ, 1960.

¹ Бураев А. И. Средневековое население Прибайкалья и Забайкалья по данным краниологии. – Улан-Удэ, 2000.

² Там же, с. 18–19.

³ Там же, с. 32–33.

⁴ Там же, с. 33.

⁵ Гохман И. И. Палеоантропологические материалы из могильника Усть-Талькин в Прибайкалье // Сборник музея антропологии и этнографии АН СССР. Т. 21. – М.-Л., 1963. – С. 338–359.

⁶ Там же, с. 34.

Говоря о возможной связи между населением, оставившим плиточные могилы, и курумчинцами, А. И. Бураев отмечает огромную разницу в величине черепного указателя: «предположение об участии населения культуры плиточных могил в формировании курумчинцев, сделанное на основании археологических данных, пока не находит подтверждения на антропологических материалах»⁷.

Далее отмечается, что антропологические данные хунну, которые отличаются от средневекового населения Забайкалья, обнаруживают сходство с курумчинцами, из чего делается предположение о возможности участия хунну в формировании антропологического типа курумчинцев⁸.

А. И. Бураев приходит к выводу, что «монгольские племена Прибайкалья не являются прямыми потомками предшествующего населения, а пришли на эту территорию в начале II тысячелетия н. э. И в то же время, – пишет исследователь, – наблюдается яркая особенность, сближающая бурят с курыканами, – нарушение в соотношении величин назомалярного и зигомаксиллярного углов»⁹.

К указанным выше материалам необходимо добавить сведения А. П. Окладникова о находке на мысе Улан-Бор в долине р. Унги костяков и черепов, принадлежащих европеоидам таджикско-согдийского расового типа. Эти находки, по предварительным заключениям, относятся к позднекурыканскому времени (IX–X вв.)¹⁰.

Исследования в области антропологии современных бурят проводились И. М. Золотаревой в 1956–1957 гг.¹¹ Они велись во всех районах Усть-Ордынского округа, а также в Ольхонском районе Иркутской области и Тункинском районе Бурят-Монгольской АССР. И. М. Золотарева разделила бурят этих районов на следующие группы: 1) булагаты – буряты Аларского, Нукутского, Осинского, Боханского, Эхирит-Булагатского районов, 2) эхириты – буряты Баяндаевского и Ольхонского районов, 3) хонгодоры – буряты Тункинского района¹². Нуж-

⁷ Там же, с. 68.

⁸ Там же, с. 69.

⁹ Там же, с. 70, 75.

¹⁰ Окладников А. П. Новые данные по истории Прибайкалья в тюркское время (Согдийская колония на р. Унге) // Тюркологические исследования. – М.-Л., 1963. – С. 279.

¹¹ Золотарева И. М. Этническая антропология бурят // Этнографический сборник. Вып. 1. – Улан-Удэ, 1960.

¹² Там же, с. 11.

но отметить, что бурят Аларского района, на наш взгляд, необходимо было отнести к хонгодорам, так как в этом районе они представляют большинство; бурят Эхирит-Булагатского необходимо было разделить, так как в северной части района расселены преимущественно эхириты.

В целом автор пришла к следующим выводам.

1. Буряты на всей территории своего расселения должны быть отнесены к представителям центральноазиатского антропологического типа.

2. Особенности антропологического типа прибайкальских бурят, входящих в булагатскую племенную общность, сближают эту группу с якутами, что может рассматриваться как результат генетического родства через древний этнический пласт, принявший участие в формировании антропологического типа и западных бурят, и якутов.

3. Антропологический тип бурят не обнаруживает заметных следов байкальского антропологического типа.

4. Отсутствие существенных различий в антропологическом типе между восточными и западными бурятами указывает на общность их исходного антропологического типа, несколько видоизмененного затем под влиянием аборигенного населения¹.

Важно отметить, что «антропологические данные указывают на преобладающую роль пришлого, центральноазиатского компонента; ассимиляция местного, домонгольского по языку населения хотя и имела место, не являлась основным процессом при формировании бурятской народности»².

В целом имеющийся антропологический материал позволяет нам сделать следующие предварительные выводы. В эпоху средневековья (VI в.) на территорию Прибайкалья начинается массовый приток населения из центральноазиатских степей. Эти переселенцы являются монголоидами-курумчинцами и расселяются в пределах верховьев Лены, у истоков и по среднему течению Ангары и ее притоков. Они, по-видимому, сдвинули основные массы населения байкальского расового типа, т. е. тунгусов, заселявших прежде эти территории. Оставшиеся были быстро ассимилированы и оказали незначительное влияние на складывание дальнейших антропологических типов. В течение всего этого периода продолжалось заселение этого края выходцами из Центральной Азии. Также от-

мечаются европеоиды таджикско-ферганского расового типа. Очевидно, что из-за малочисленности они были ассимилированы в пределах нескольких поколений и практически не оказали влияния на дальнейшее сложение антропологических типов Прибайкалья. Эхом присутствия в Прибайкалье европеоидов, судя по всему, является наличие в крови современных западных бурят «арийских» антигенов HL A-A1 и HL A-B17. Сочетание этих антигенов встречается у якутов в 29,1 %, у западных бурят в меньшей степени³. Складывание различий между западными и восточными бурятами происходило во внутреннем кругу антропологических процессов, на что оказывали влияние субстратные группы ассимилированного бурятами населения.

В общем, отмечается разной степени преемственность между хунну и курумчинцами, курумчинцами и бурятами, в особенности западными.

Лингвистика. Современный бурятский язык является одним из языков монгольской группы, в которую также входят носители монгольского (халхаского), ойратского, калмыцкого, чахарского, ордосского, дагурского, баоаньского, дунсянского, могоурского и других языков⁴. Лингвистические материалы по современному бурятскому языку показывают преемственность от одного из наречий средневекового монгольского языка. При этом бурятский язык имеет особенности, которые отделяют его от наиболее близких ойратского (калмыцкого) и халхаского языков⁵. Эти особенности наблюдаются в области фонетики, морфологии, грамматики, лексики.

Бурятский язык разделяется на 4 крупных наречия: эхирит-булагатское, хоринское, хонгодорское и цонголо-сартульское. Каждое из них подразделяется на множество говоров. Особняком стоит говор нижнеудинских бурят, который имеет значительные отличия в фонетическом строе⁶.

³ Скрынникова Т. Д. Традиционное мировоззрение бурят и шаманизм // Методологические и теоретические аспекты изучения духовной культуры Востока. Вып. 2. – Улан-Удэ, 1997. – С. 6.

⁴ Санжеев Г. Д. Монгольские языки // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – М., 1998. – С. 306.

⁵ Дарбеева А. А., Дугаржапова Т. М. Бурятский язык // Языки Российской Федерации и соседних государств: энциклопедия. Т. I. – М., 1997. – С. 234–244.

⁶ Бураев И. Д. Проблемы классификации бурятских диалектов // Проблемы бурятской диалектологии. – Улан-Удэ, 1996. – С. 3–15.

¹ Золотарева И. М. Этническая антропология... – С. 27.

² Там же, с. 28.

Важным источником изучения проблем этногенеза и этнической истории являются материалы фонетики и лексики, в особенности исторической фонетики, т. е. сведения о становлении звукового строя бурятского языка и его диалектов.

Исходя из того, что тема невероятно широка, следует сразу очертить рамки объекта, т. е. наречия западных бурят. Таковыми являются эхирит-булагатское, хонгдорское наречия и нижеудинский говор. Эхирит-булагатское наречие, в свою очередь, делится на ряд говоров: кудинский, осинский, боханский, унгинский, баяндаевский, верхоленский (качугский), ольхонский, баргузинский и байкало-кударинский. Хонгдорский делится на аларский, тункинский, окинский¹.

Фонетические особенности бурятского языка выражаются, прежде всего, в наличии фарингального звука -h, развившегося на основе -s, отсутствующего в других северо-монгольских языках². И. Д. Бураев считает, что подобное направление развития -s могло быть следствием влияния одного из говоров эвенкийского языка³. Бурятский язык характеризуется развитием щелевых согласных на месте исконных аффрикат, т. е. $\check{c} \rightarrow \check{s}$, $\check{z} \rightarrow s$, $j \rightarrow j, z$ ⁴.

В западнобурятских наречиях также представлены звук -h и щелевые согласные. В фонетическом плане он также характеризуется разобщенностью, что выражается, например, в неравномерном распространении перелома гласного -i в первом слоге⁵. В западнобурятских говорах развилось сильное опереднение гласных, как и в ойратском языке, под влиянием исторического -i, а также образовались, как и в ойратском, долгие опередненные монофтонги на месте исторических дифтонгов и дифтонговых комплексов⁶.

Наличие фонемы -ө объясняется ее большей древностью, а также включением в более позднее время ойратских и монгольских племенных групп. Также в западных говорах, главным образом в эхи-

ритских, произошло развитие аффрикаты -j в щелевой -j. В. И. Рассадин считает появление щелевой -j поздним явлением⁷.

По нашему мнению, к указанному выше необходимо добавить сведения из области фонетики средневекового монгольского языка. Г. И. Михайлов отмечал, что в языке летописей Рашид-ад-Дина наблюдается пласт лексики с йотированными гласными, на месте которых в современных языках сохранились аффрикаты, например: *есаул*, *ясак*, *ярлык*, *яргучи*, *йил*, *ям* и т. д.⁸ Наличие в эхиритских-булагатских говорах щелевой -j в таком случае может указывать и на архаизм последних.

В целом западнобурятские наречия и говоры характеризуются как составная часть единого бурятского языка, принадлежащего монгольской группе языков, но как имеющая особенности фонетического и лексического характера, которые выделяют ее в целом на фоне северомонгольских языков.

Лексические отличия могут указывать как на культурное заимствование в случае с тунгусскими языками, так и на этнический компонент наряду с культурными заимствованиями – в случае с тюркскими языками. Наличие в западнобурятских говорах щелевой -j может указывать на архаизм, связанный с особенностями некоторых средневековых монгольских говоров.

Необходимо также отметить положения В. М. Наделяева о существовании циркумбайкальского языкового союза, в состав которого входят такие языки, как якутский, алтайский, киргизский, бурятский, халха-монгольский, эвенкийский, тувинский, древнетюркский уйгуро-огузского типа⁹. Все указанные языки обнаруживают сходство в фонетическом строе. Появление этого сходства, по мнению В. М. Наделяева, является результатом длительных контактов этих языков¹⁰. По нашему мнению, существование этой теории позволяет снять вопрос о влиянии фонетики эвенкийского языка на фонетику бурятского языка.

¹ Бураев И. Д. Проблемы классификации... – С. 3–15; Дарбеева А. А., Дугаржапова Т. М. Бурятский язык... – С. 234–244.

² Рассадин В. И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. – М., 1982. – С. 77.

³ Бураев И. Д. Проблемы классификации... – С. 3–15.

⁴ Рассадин В. И. Очерки по исторической фонетике... – С. 166.

⁵ Там же, с. 23–26.

⁶ Там же, с. 167.

⁷ Там же, с. 97–98.

⁸ Михайлов Г. И. Монгольский язык в летописях Рашид-ад-Дина // Краткие сообщения института народов Азии: сб. памяти Е. Э. Бертельса. Вып. 65. – М., 1964. – С. 122–123.

⁹ Наделяев В. М. Циркумбайкальский языковой союз // Исследования по фонетике языков и диалектов Сибири. – Новосибирск, 1986. – С. 3.

¹⁰ Там же, с. 3–4.

Фольклор (генеалогия). У бурят, как и у всех кочевых народов, до последнего времени в фольклоре сохранялась широко развитая генеалогическая традиция, уходящая далеко в глубь веков. Существуют предания о племенах и родах, а также легенда о происхождении всего народа в целом.

Наиболее ранними звеньями общепурятской генеалогической традиции в фольклоре являются предание о Буха-нойоне¹, легенда о шаманках Асуйхан и Хусыхэн, о Булагате и Эхирите, двух мальчиках, зачатых от небожителей. Далее по иерархической лестнице следуют Бурядай, Хоридой, Булагат и Эхирит². Важнейшая информация о раннем периоде формирования бурятской общности и ее связях с ойратской скрыта в легенде о Баргу-батаре и его сыновьях Оледое, Бурядае и Хоридое³. Имя Баргу-батара олицетворяет крупную баргутскую этническую общность, восходящую к племени **байырку** тюркско-уйгурского периода. Если в ранний период это племя обитало на севере Монголии, вблизи Байкала, во время кыргызской экспансии расселилось на восток до Аргуни и Буир-нура, то в период Киданьской и Монгольской империй оно было стеснено на запад, в районы ближнего Забайкалья и далеко в Предбайкалье, и в монгольских источниках эта земля называется Хол Баргуджин Тукум (Далекий Баргуджин Тукум) – по имени **баргуд** (монголоязычное переоформление этнонима «байырку/баегу» тюркского периода). Сложный характер бурятской этнической генеалогии раскрывается, что интересно, через генеалогическую легенду царского рода монголов. В последней⁴ зафиксированы: во-первых, генетическое родство царского рода с ойратами (четверо сыновей Дува-сохора олицетворяют племена олетов/ойратов, в бурятском родословии

Оледой – старший сын Баргу-батара), во-вторых, брачное родство хори с баргутами (Хоридой-мэргэн является зятем Баргудай-мэргэна), в третьих, брачное же родство хори с монголами (Алан-гоа выходит замуж за Добун-мэргэна)⁵. Добавим к тому же, что одинаковая этимология этнонима «бурят» и эпонима «Буртэ-Чино», олицетворяющего одноименное племя, указывает на генетическое родство бурят с монголами, уходящее в эпоху хунну⁶ (этимологию см. ниже).

К эпохе сложения баргу-бурятской генеалогии относится миф о Буха-нойоне, имя которого восходит к уйгуро-огузскому эпическому предку Букутегину / Буку-хану / Огуз-хану, а от него нить тотемического образа быка уходит опять же в хуннскую древность, где он изображен на серебряной пластине из хуннского «царского» кургана в Ноин-Ууле на севере Монголии⁷.

Этимологические изыскания имен племенных и родовых подразделений бурят в большинстве своем также приводят к историческим реалиям тюркского периода, а некоторых – к хунну-сяньбийской эпохе (см.: рубрика «Этнонимия»).

В булагатской племенной генеалогии важное значение имеют такие персонажи, как Тугалак, Булган-хара и Бузган-хара. Первопредком булагатов считается Булагат, его сыновья – Булган-хара и Бузган-хара. У сына Булган-хара Тугалака было 7 сыновей: Амасаган Алагуй, или Аха Ехэ Алагуй, Хузусаган Хурхут, Саган, Бирюха Тургэн, Боржиндалхай, Готол и Ашибагат. Наибольшее потомство отмечается у Сагана, от которого ведут происхождение остальные персонажи булагатской генеалогии.

У Сагана было три сына: Багай, Онга и Обогон. У Батая было 3 сына: Мандалхай, Батлай, Буин. У Онги – сын Бубай. У Обогона 3 сына: Хогой, Онгой, Онхотой. У Батлая, сына Батая, 7 сыновей: Мунхэлэй, Хухурдой, Шаралдай, Олой, Отонхой, Бабай, Осогор, из которых у Мунхэлэя был сын Харанут. У Бубая, сына Онги, было четверо сыновей: Булса, Ата, Бозо, Дурлай. У Хогоя, сына Обогона, было двое сыновей: Хорхон и Тэбшэхэн, у них соответственно сыновья Холтубай и Ирхидэй⁸.

¹ Подробнее см.: Шаракишинова Н. О. Миф о Буха-нойоне // Этнографический сборник. Вып. 3. – Улан-Удэ, 1962. – С. 128–137; Михайлов Т. М. О Буха-нойоне // Этнологические исследования. Вып. 1. – Улан-Удэ, 2000. – С. 15–28.

² Петри Б. Э. Далекое прошлое Бурятского края. – Иркутск, 1922; История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1. – Улан-Удэ, 1951. – С. 74–77.

³ Коновалов П. Б. Историко-археологическое обоснование этнической генеалогии бурятского народа // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии: мат-лы Всерос. семинара, посв. 125-летию Б. Э. Петри. – Иркутск, 2009. – С. 361–367.

⁴ Сокровенное сказание ... – § 9.

⁵ Коновалов П. Б. Историко-археологическое обоснование... – С. 363.

⁶ Коновалов П. Б. Этнические аспекты истории Центральной Азии... – С. 73–131.

⁷ Там же, с. 85–88.

⁸ НАРБ, л. ф. Маласагаева.

Янгут иногда считается приемным сыном Бузган-хара, а иногда причисляется к потомству Сагана. В свою очередь, приемным сыном Янгута считается Мунхалют¹.

Эхиритское генеалогическое древо строится по такому же принципу, что и древо булагатов. Первопредком считается Эхирит. Его сыном является Зонхи. У Зонхи было 5 сыновей: Малза, Хэнгэлдэр, Алагтай, Шоно, Худагсаган.

От Малзы потомство не указывается. У Хэнгэлдэра был сын Хадалай. У Хадалая 2 сыновей: Бура и Хамнагадай. У Алагтая сын Тылга. У Тылги – сын Сальша. У Сальши – сын Бахай. У Шоно было 8 сыновей, от которых произошло многочисленное потомство. У Худагсагана было 3 сына: Сэхир, Сахир и Тогто. У Сэхира – сын Олзон. У Сахира – сын Баяндай².

Хоринская генеалогия. У хоринцев основная линия родословной ветви восходит к легендарному Баргу(дай)-батору, сыном которого считается Хоридой-мэргэн. У последнего, в свою очередь, имелось 11 сыновей, давших якобы основу 11 хоринским племенам: галзут, шарайт, гучит, хуасай, хубдуд, харгана, худай, хальбин, бодонгут, батнай, саганууд.

В хоринском родословии есть ветви по женским линиям – от жен Хоридоя Шаралдай и Нагатай. От Шаралдай у Хоридоя родилось 5 сыновей: Галзут, Шарайт, Гушит, Хубдуд и Хуасай. От жены Хоридоя Нагатай было 8 сыновей: Харгана, Батанай, Бодонгут, Худай, Цаган(ут) и Хальбин. Имена двух сыновей забыты³, т. к. потомство от них не сохранилось. Этнический состав хоринцев изначально не был равным именно 11 кровнородственным племенам. По матрилинейной линии Шаралдай идет «пятеро шаралдаевых» (родов), по линии Нагатай – «восемь нагатаевых». Авторы хоринских летописей, стремясь согласовать данный факт с установившимся позднее делением племени на 11 родов, вынуждены были писать о том, что двое сыновей Хоридоя либо умерли в детстве, либо ушли на северную сторону Байкала и смешались с местными

бурятами, либо остались в Восточной Монголии⁴.

В качестве тотема хоринцы почитали лебедя, что отразилось в следующих строках шаманских призываний:

Хун шубуун гарбал манай,	Происхождение наше от
	птицы-лебедя,
Хуһан модон сэргэ манай.	Ритуальное дерево наше –
	береза.

Тотем лебедя считается исконным для представителей тюркского этнического мира. Подробный этимологический анализ названий ряда родов и их ответвлений (кукуров) выявил также вероятные тюркские этнические корни таких родов, как харгана, хальбин, хубдуд, худай, хуасай.

Вместе с тем среди некоторых родовых групп (галзут, шарайт) сохранились пережитки тотемного культа собаки, который в пределах рассматриваемого региона считается характерным для монгольских народов.

В целом генеалогия крупнейших бурятских племен, за исключением хонгодоров, представляет развитую генеалогическую систему, что указывает на длительный период становления.

Булагатская генеалогия, если учитывать наиболее ранний, тюркский пласт, начала формироваться еще в эпоху учурыкан. В этот же период начала складываться и генеалогическая традиция хори. Ранний тюркский этап в ее развитии отмечал Ц. Б. Цыдендамбаев⁵.

Эхиритская генеалогия, если учитывать роль икиресского звена, по-видимому, начала формироваться на рубеже I и II тысячелетий.

В основу развития большого племени хонгодоров в XVI–XVIII вв., очевидно, легло малое племя хонгодоров, вокруг которого сплачивались другие малые племена, выходцы из тех же районов Монголии, что и хонгодоры. Отсутствие большого племени хонгодоров за пределами Бурятии указывает на то, что этот союз сложился именно в Прибайкалье. Так как его формирование продолжалось в период XVI–XVIII вв., т. е. в сравнительно недавнее время,

¹ НАРБ, л. ф. Маласагаева; Манжигеев И. М. Янгутский бурятский род (опыт историко-этнографического исследования). – Улан-Удэ, 1960. – С. 22–31.

² НАРБ, л. ф. Маласагаева.

³ Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Улан-Удэ, 1972. – С. 84, 179.

⁴ Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники ... – С. 190.

⁵ Цыдендамбаев Ц. Б. Родословные таблицы бурят на письменном монгольском языке как источник изучения антропонимов // Бурятские антропонимы и топонимы. – Улан-Удэ, 1981. – С. 6.

хонгодоры не успели создать устоявшихся племенных легенд и генеалогического древа.

Этнонимия. На смену тюркским правящим элитам в Центральной Азии на рубеже I и II тысячелетий вновь выходят монгольские. Власть в степи сначала переходит к киданям, а впоследствии к монголам. Соответственно и в Прибайкалье – регионе, где сосуществовали тюркские и монгольские племена, меняется языковой вектор. На первые позиции выходит монгольский язык, что, по-видимому, и определило дальнейшее монголоязычие бурят. Со сменой языкового вектора меняются и геополитические условия. Примерно с X в. территория Прибайкалья уже становится известной как Баргуджин-Токум. Население Баргуджин-Токума неоднородно. В «Сокровенном сказании монголов» и у Рашид-ад-Дина упоминаются баргучины, булгачины, хори-туматы, керемучины, икиресы и др.

Баргу (баргуты). Этноним *баргу* ряд исследователей склонны сопоставлять со средневековым *байегу* китайских хроник, который, по-видимому, является тюркским этнонимом *байырку*. Племя *байырку* входило в состав токуз-огузов¹. По этимологии названий *баргут* и *байырку* в литературе существует 2 версии. Одна из них опирается на бурятский и монгольский словари, где термин *барга* означает «грубый, некультурный», *барга зон* – чернь²; *барга*, *баргут* (баргутский) – представители одного из монгольских племен³. Другая версия касается термина *байырку*, состоящего из двух слов: тюркское *бай* – «богатый» и этноним *ырку*, т. е. «богатый ырку» (есть топоним *Иркут* и этноним *Ирkit*)⁴. Эту версию поддерживает Б. З. Нанзатов: из «Древнетюркского словаря» термин *bajir* – «богатый, богатеть», вместе с усилительной частицей *-qu/-y* дает буквальное значение этнонима – «истинно богатый», (потому возможно предполагать его связь с этнонимом монгольского времени *баяут*, имеющим то же смысловое значение)⁵.

Однако предпочтительнее толкование Ц. Б. Цыдендамбаева, доказывающее смысловое тождество

этих этнонимов (цитирую): «Во всяком случае, встречаются любопытные факты, свидетельствующие о том, что тюрки имели обыкновение называть инородные племена путем перевода их самоназваний на тюркский язык. Известно, например, что тюрки называли баргутов байырки. Между тем выясняется, что тюркское слово *байырки* означает «примитивный; стародавний» (по: Юдахин К. К. Киргизско-русский словарь, с. 99) и, следовательно, вполне идентично монгольскому *барга* со значением «грубый, примитивный, стародавний, патриархальный»⁶.

Также заслуживает внимания и другая версия. В древнетюркском языке имеется лексема *barγu*, значение которой – «добыча»⁷. По смысловому значению термин оказывается синонимичным с этнотопонимом *курукан/уч-курукан* (см. ниже): т. е. исходя из тюркского значения слова *barγu* – «добыча», есть основание думать, что территория расселения *курукан* самими завоевателями – *куруканами* называлась как *Баргу*, т. е. «[земля] – добыча» или «добытая, [завоеванная земля]». За частью населения мог закрепиться и производный от *баргу* – термин *barγuči* ~ *barγuči* – «добытчик, завоеватель» [типологически сопоставимое с романским термином *‘conquistador’*]. В дальнейшем в монгольской языковой среде термин мог трансформироваться в *barγujin*. Таким образом, если исходить из тюркского значения *barγuči* – «завоеватель», то в таком случае термин *barγujin toqum* переводится как «земля завоевателей». Но это значение связано с тюркским господством в Центральной Азии. А что было потом?

Баргуджин-токум – этнотопоним раннемонгольского периода. Как указывал Т. А. Бертагаев «слово...токум, или *тукум*, в современных монгольских говорах звучит *төхүм*. У западных бурят *төхүм* означает «родина замужней женщины», точнее «местность, где она родилась» ... *токум / тукум / төхүм / тухим* – «родное место, родич, родичи», а в узком значении «родина жены». В целом он считал, что Баргуджин-токум этимологически можно расшифровать «родной баргуджин» или «родственный баргуджин»⁸.

¹ Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. – Новосибирск, 1989. – С. 141.

² Бурятско-русский словарь. – М., 1973.

³ Монгол-орос толь. – М., 1957.

⁴ Мельхеев М. Н. Топонимика Бурятии. – Улан-Удэ, 1969. – С. 19.

⁵ Нанзатов Б. З. Этногенез западных бурят. – Иркутск, 2005. – С. 20.

⁶ Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные... – С. 279.

⁷ Древнетюркский словарь. – Л., 1969. – С. 83.

⁸ Бертагаев Т. А. Об этимологии слов «баргуджин, баргут и тукум» // Филология и история монгольских народов. – М., 1958 – С. 174.

Баргуджин-токум – это то место, откуда родом дочь легендарного Баргудай-мэргэна, в лице которого персонифицирована древняя этническая общность, известная как племя *баргу*, а в лице его дочери Баргуджин-гоа мы имеем жену Хоридой-мэргэна, для которого ее родина и есть Баргуджин-токум. А так как хоринская земля была частью Баргуджин-токума, то последняя тоже считалась и родиной Алан Гоа – дочери Хоридой-мэргэна и невесты Добун-мэргэна, зачинателя Золотого рода монголов. С тех пор пошла традиция предков Чингис-хана вступать в брак с женщинами-баргутками.

Курыкан. Не до конца проясненным остается вопрос об этнической принадлежности курыкан и участии их в этногенезе бурят и якутов. Академик А. П. Окладников, исследуя проблему этногенеза якутов, в свое время положил начало миграционной теории происхождения якутов из Прибайкалья и выдавливания их из региона предками бурят. Несомненно, что значительный пласт в этногенезе якутов действительно имеет прибайкальские корни, однако, как отмечают современные археологические исследования в Южной Сибири, долине Енисея, Лены, Подкаменной Тунгуски, более значимую роль в этногенезе якутов сыграл другой, тюркский пласт, следы которого обнаруживаются по маршруту Енисей – Тунгуска – Лена. Таким образом, становится очевидным, что значительным пластом в этногенезе бурят являются и курыкане.

Проблема принадлежности курыкан к тому или иному языковому кругу часто решалась с помощью выявления этимологии их этнонима. Ю. Д. Талько-Грынцевич и П. М. Мелиоранский считали, что этноним происходит от монгольского *хуриган* – «ягненок, овца»¹. Г. Н. Румянцев сопоставлял курыкан и хори, считая их одним этносом². Позднее Г. Д. Санжеев предлагал сопоставлять этноним *курыкан* с *курканами* Рашид-ад-Дина и бурятским племенем *хурхад*, полностью отрицая возможность фонетических параллелей между «курыкан» и «хори», пред-

ложенных Г. Н. Румянцевым, и в то же время поддерживал его в том, что *курыкан* из тюркских языков не объясняется³. Г. В. Ксенофонов считал, что этноним объясняется бурятским *хюргэн* – *кюргэн* и тунгусским *курокан*, *куракан*, *курэкэн*, означающими «зять», считая этими «зятьями» тюрков, монголов и тунгусов⁴. В. В. Свинин поддержал версию *уч курыкан* (три зятя) – три рода, тюрков, монголов и тунгусов, связанных системой родства⁵. Т. А. Бертагаев предлагал версию о том, что этноним *бурят* произошел от *курыкан*⁶. В дальнейшем эта гипотеза подверглась критике⁷. Г. Н. Румянцев выдвигал гипотезу о том, что этноним *урианхан* ~ *урианхай* – это поздняя форма этнонима *курыкан*⁸. Д. В. Цыбикдоржиев попытался развить гипотезу о происхождении этнонима *урианхай* от *курыкан*⁹. Эта гипотеза была подвергнута критике Д. Д. Нимаевым¹⁰, который считает, что проблема этнической принадлежности курыкан значительно шире, чем поиски этимологии этнонима¹¹.

Исследователями практически не выдвигались гипотезы о тюркском происхождении этнонима, оно даже считалось невозможным. Однако в древнетюркском словаре есть слово *qurıqan* ~ *qorıyan*, которое полностью совпадает с этнонимом *курыкан*, или *qurıqan* древнетюркского словаря¹². Оказалось, что

³ Санжеев Г. Д. Заметки по этнической истории бурят // Современность и традиционная культура народов Бурятии. – Улан-Удэ, 1983. – С. 88, 93.

⁴ Ксенофонов Г. В. Ураангхай-сахалар: очерки по древней истории якутов. Т. 1. Кн. 2. – Якутск, 1992. – С. 195.

⁵ Свинин В. В. Основные этапы древней истории населения побережья озера Байкал // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск, 1974. – С. 20.

⁶ Бертагаев Т. А. Об этнонимах бурят и курыкан // Этнонимы. – М., 1970.

⁷ Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные... – С. 272–274; Санжеев Г. Д. Заметки по этнической истории бурят // Современность и традиционная культура народов Бурятии. – Улан-Удэ, 1983. – С. 101–105.

⁸ Румянцев Г. Н. Родоплеменной состав верхолениских бурят // Записки БМНИИ. Вып. XII. – Улан-Удэ, 1951. – С. 80.

⁹ Цыбикдоржиев Д. В. К вопросу о происхождении этнонима *курыкан* // Гуманитарные исследования молодых ученых Бурятии. – Улан-Удэ, 1996.

¹⁰ Нимаев Д. Д. Буряты: этногенез и этническая история. – Улан-Удэ, 2000. – С. 66.

¹¹ Нимаев Д. Д. Проблемы этногенеза бурят. – Новосибирск, 1988. – С. 70.

¹² Древнетюркский словарь... – С. 468.

¹ Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль-тегина // Записки Вост. отдела императорского Русского археологического общества. Т. XII. Вып. 2–3. – СПб., 1899. – С. 100; Талько-Грынцевич Ю. Д. Древние обитатели Центральной Азии // Тр. Троицкосавского-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Т. II. Вып. 1, 2. – М., 1900. – С. 67.

² Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят. – Улан-Удэ, 1962. – С. 128.

слово *qurīqan* ~ *qorīyan* переводится как *стан, военный лагерь* и имеет параллели в старописменном монгольском языке в виде *xoriya(n)* ~ *xoriya(n)*¹.

Таким образом, «курыкан», на наш взгляд, по сути своей представляет не этноним, а имя нарицательное по отношению к области и населяющей ее территориальной общности, по крайней мере на раннем этапе. Следовательно, термин *уч курыкан* – это «три военных лагеря».

Конечно, исходя из того, что термин имеет тюркское происхождение, можно полагать, что и сами его носители были тюрками. Но такое предположение ограничит решение вопроса и приведет к неправильному пониманию проблемы в целом. То, что эти три военных лагеря имеют отношение к одной из кочевых империй Центральной Азии, очевидно, не вызывает сомнения. Скорее всего, эти гарнизоны имеют отношение к I-му Тюркскому каганату, что совпадает со временем возникновения курумчинской культуры в Прибайкалье.

О том, что тюрки поддерживали племена, имевшие влияние на лесных обитателей, говорится в работе Н. Я. Бичурина². Б. Б. Дашибалов считает, что «курыканы осуществляли поборы с таежного населения Байкальской Сибири и частью своей добычи делились с орхонскими каганами»³. По нашему мнению, для того чтобы вести торговлю мехами с оседлыми соседями в таежной зоне Западного Прибайкалья, а именно в верховьях Ангары и Лены, тюрками был организован своеобразный военный дистрикт, изначально состоящий из 3 гарнизонов. Целью существования этих гарнизонов было обеспечение пушниной ханского двора для внешней торговли либо для других нужд. Обеспечить пушниной они могли лишь поставив в зависимое положение местные племена, каковыми были, вероятно, тунгусы, племена самодийского и енисейского (кетского) происхождения.

В эти гарнизоны могли привлекаться представители населения различного происхождения, как тюркского, так и монгольского, что было весьма характерно для Центральной Азии в древний и средневековый периоды ее истории.

Гарнизоны, вероятно, имели и хозяйственное сопровождение, куда входили те, кто должен был обеспечить дальнейшее существование военно-административной единицы в регионе Западного Прибайкалья. Это были люди, обладавшие навыками, которых не было у местных племен, – земледельцы, скотоводы, каменщики, кузнецы и пр. Вероятно, состав их был настолько разнороден, насколько распространялись границы Тюркского каганата, т. е. каменщиками-строителями, к примеру, могли оказаться жители Средней Азии, а кузнецами – представители соседних саянских тюркских или монгольских племен и т. д. К тому же в эти гарнизоны в дальнейшем могли привлекаться местные восточносаянские тюркские племена. В связи с описанной ситуацией и исходя из значения слова *qurīqan*, гипотеза о трех зятях теряет свою актуальность. Речь может идти лишь о гарнизонах с тюрко-монгольским составом, тунгусы и другие находились в подчиненном, данническом состоянии.

Таким образом, на исторической арене VI–VIII вв. представлен социальный организм, имеющий этнические черты, который именовался соседями *курыкан* или *уч курыкан*. В дальнейшем термин теряет свое значение в этом регионе, и на историческую арену выходят различные племена, некогда входившие в курыканскую общность в разных ипостасях.

Из их среды могли происходить не только часть якутов и хори, но многие известные нам племена, населявшие Прибайкалье в монгольский период.

Примечательно, что этноним *курыкан* не исчез окончательно. Упомянутый у Рашид-ад-Дина народ куркан⁴, а также бурятские *хурхад*, скорее всего, являются носителями древнего этнонима. У якутов, по имеющимся у нас данным, этот этноним не сохранился.

Интересными фактами в данном случае может помочь бурятская этнонимика. В среде бурят наряду с широко распространенными в тюрко-монгольском мире этнонимами присутствует значительный пласт этнонимов, не имеющих аналогов.

В период *уч курыкан* возникли две ключевые для бурятского этногенеза общности. Это булгад / булагат и хори-тумат, в дальнейшем хори.

Этноним «бурят». К этому же периоду, очевидно, относится и процесс происхождения и развития этнонима *бурят*. Ученые предлагали разные вер-

¹ Древнетюркский словарь... – С. 458, 468.

² Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. – М.-Л., 1950. – С. 301.

³ Дашибалов Б. Б. Археологические памятники курыкан и хори. – Улан-Удэ, 1995. – С. 146.

⁴ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – С. 125.

сии происхождения этнонима *бурят*//*буряад*. Доржи Банзаров полагал, что *бурят* – это фонетический вариант этнонима *бургут*//*бурут*¹. Т. А. Бертагаев связывал бурят с этнонимом *курукан*². Г. Д. Санжеев придерживался народной этимологии этнонима от *буриха* – «уклоняться»³. Б. Р. Зориктуев полагает, что этноним произошел от *бураа*+*д*, что означает «лесные племена»⁴. Были и некоторые другие предположения.

О происхождении имени *бурят* наиболее убедительной является версия, выдвинутая Ц. Б. Цыдендамбаевым⁵, согласно которой это имя происходит от тюркоязычного слова *бӧря* (*буре* или *бурю*) со значением «волк» в качестве тотемического названия племени/рода волка (по-бурятски и монгольски – соответственно *шоно* и *чоно/чино*). Тюркское *буре* /*бурю* /*бӧря* с ударением на втором слоге в устах носителей монгольского языка должно звучать и транскрибироваться как *бурез* / *бурюу* / *бӧрья*, а с прибавлением показателя множ. числа -*д*/т могли образоваться: *бурезд*, по-русски – «бурет» (по И. Георги, буряты XVIII в. называли себя *барга буретт*); *бурюуд* (сравни: часть киргизов, тьяньшаньские кара-киргизы, называются бурутами, у хакасов есть род бюрют/пюрют, а в пределах Алтайско-Саянского нагорья имя *бурят* передается в форме *пырат*); наконец – *боряад*/*буряад*.

Здесь обратим особое внимание на два момента: во-первых, на барга-буретское самосознание бурят XVIII в. во-вторых, на общее по своему существу происхождение этнонимов *бурят* и *бурут*, предполагаемое еще Д. Банзаровым. Г. Е. Грумм-Гржимайло считал его догадку вполне обоснованной и в подтверждение тому приводил данные о вероятности ответвления бурутов и бурят от одного корня или, во всяком случае о совместном обитании их в прошлом. Он так и писал: «...все же остается

несомненным, что некогда буруты жили в соседстве с бурятами в области, носившей название Барга, Баргуджин-токум. С ними соседнили и ойраты, в союз коих входили киргизы (кэргут)..., это доказывает имя барга, которое носит один из основных кара-киргизских родов»⁶.

Вернемся к тотемическому значению тюркоязычного этнонима *бури*/*бурю*/*боря* в переводе на монгольское *чино/чоно/шоно*. Роды *шоно* наиболее распространены среди эхиритских бурят околобайкаля, ойратов Монголии и Синьцзяна и калмыков Поволжья. Но самое интересное то, что это тотемическое имя носит легендарный прародитель царского рода монголов Алтан уруг – Золотой род по имени Буртэ-Чино, чьим потомком в 22-м поколении явился великий Чингис-хан.

Итак, мы принимаем этимологию Ц. Б. Цыдендамбаева, возводящего значение имени *бурят* к древнетюркскому *бури*, *буря*, *боря*, *бурю* – «волк», как единственно правильную. Такую же этимологию имеет имя главы царского рода монголов Буртэ-Чино, состоящее из одного и того же слова «волк» на тюркском и монгольском языках⁷.

В бурятских генеалогических легендах имя «бурят» передается как Бурядай (сын шаманки Асуйхан, брат Хоридоя, отец Ихириды и Булгада). Бурядай и Буртэ – это фонетические варианты одного и того же слова. Если разбить этноним на корневую основу и аффикс, получится *бури* ~ *буря* – «этнос» + *дай* ~ *тай* – этногендерный аффикс в различных вариантах. Таким образом, получается, что *бурядай* ~ *буртай* – мужчина из этноса *бури*. В этой связи заслуживает внимания мнение Б.Р. Зориктуева, который полагает, что фактором монголизация Прибайкальского региона послужило прибытие на эти земли древнего монгольского племени Буртэ-Чино⁸. Первая часть этнонима *Буртэ-Чино*, скорее всего, является параллелью тюрко-монгольскому этнониму *буритай* ~ *буридай*. На то, что во всех бурятских говорах в показателе -*тай*/*тэй* произносится долгий монофтонг [æ:] или [ε], указывает В. И.

¹ Банзаров Д. Собрание сочинений. – Улан-Удэ, 1997. – С. 102.

² Бертагаев Т. А. Об этнонимах *бурят* и *курукан* // Этнонимы. – М., 1970.

³ Санжеев Г. Д. Некоторые вопросы этнонимии и древней истории монгольских народов // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. – Улан-Удэ, 1983. – С. 47–49.

⁴ Зориктуев Б. Р. О происхождении и семантике этнонима «бурят» // Монголо-бурятские этнонимы. – Улан-Удэ, 1996. – С. 26.

⁵ Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники... – С. 274–279.

⁶ Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край: исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. – Л., 1926. – С. 537.

⁷ Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники... – С. 276–277.

⁸ Зориктуев Б. Р. Об этническом составе населения Западного Забайкалья во второй половине I – первой половине II тысячелетия н. э. // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1993. – С. 124.

Рассадин¹. Вообще этнонимы со значением «волк» в тюрко-монгольской среде имеют широкое распространение. Одним из ранних упоминаний монгольского *чино* являются, скорее всего, сяньбийские Чину – один из аймаков Сяньби². В дальнейшем какая-то часть носителей тюркских и монгольских этнонимов *бури* – *чину* могли смешаться, перейти на монгольский язык и оказаться в Прибайкалье, в дальнейшем в легендах именуясь *буртэ-чину* ~ *буритай-чину*. Термины *буритай/бурядаи*, с одной стороны, и *буртэ* – с другой представляют собой конечную фазу процесса параллельного развития этнонима. В дальнейшем у населения Прибайкалья этноним *буритай*, восходящий к *бури*, развился в *бурядаи*, восходящий к *буриадо/буряад*³.

К XVII в. этноним *бурят* почти утратил свое значение в местной среде, ввиду ее длительного пребывания в общинно-кочевой стадии развития в мирное время⁴, где на первый план вышли различные этнотерриториальные объединения, такие как булагаты по Ангаре, эхириты на верхней Лене, икинаты на Ангаре и Оке, ашибагаты на Уде и Оке, готолы на Иде, батулинцы на верхней Куде и др. В этот период этноним *бурят* теряет свое политическое значение у носителей, но широко употребляется соседними народами, от которых русские впервые узнают о *братах*. В основе термина *брат/братский*, очевидно, лежал тюркский (хакасский, алтайский) экзоэтноним *пырат~пурат*, в котором корень *пыра~пура* – фонетический вариант слова «волк».

С появлением русских в Западном Прибайкалье происходит смена общинно-кочевого развития на военно-кочевое, с передвижками и постепенной консолидацией населения. Для консолидационных процессов характерен возврат к общему этнониму, а также новая фаза в развитии этногенетических преданий и мифов, в которых Бурядаи становится родным отцом Эхирита и Булгада, а также родным братом Хоридоя. Все эти мифы в действительности подразумевают реальную историческую основу,

когда местное население прошло длительный этап этнических контактов, в результате которых к XVII в. сложилась общность с единым монгольским – протобурятским языком. Этноним *бурят* от средневекового распространения только на монголоязычные группы населения обретает общий характер для всех групп населения Прибайкалья, которые, в свою очередь, уже перешли на монгольский (бурятский) язык.

Булагат. Об этнониме *булгад*, представляющем одно из крупнейших бурятских этнических объединений, имеется множество разных гипотез. В «Истории Бурят-Монгольской АССР» авторы были склонны видеть в *булагачинах* Рашид-ад-Дина и ССМ предков современных *булагатов*. Значением слова *булгачин*, по их мнению, было «соболевщик»⁵. Поколебал устоявшееся мнение Ц. Б. Цыдендамбаев, указав на лингвистические несоответствия образования этнонима *булагад* от *булагачин*. Он изменил трактовку, т. к. не сомневался в происхождении этнонима от монголо-бурятского *булаган* + окончание мн. ч. -д, из чего смысл этнонима от «соболевщиков» перешел к «соболям». При этом он отрицал тотемистическое происхождение этнонима, усматривая в нем топонимические корни⁶. Г. Д. Санжеев высказал мнение, что таких племен, как *булагачины* – «соболевщики» и *керемучины* – «белковщики», не могло существовать в то время. Появились они из лексикона персидско-монгольской купеческой среды⁷. Мнения о топонимическом происхождении этнонима придерживался и Н. П. Егунов, считая, что этноним произошел от гидронимического термина *булаг* – «родник»⁸. Т. М. Михайлов считает, что этноним имеет тотемистические корни, он полагает, что соболь был тотемом каких-то групп древних прибайкальцев, от которых и распространился этноним *булагад*⁹.

Новой гипотезой о происхождении этнонима является версия Б. Р. Зориктуева. По его мнению,

⁵ История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1. – Улан-Удэ, 1951. – С. 81.

⁶ Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники... – С. 283–284.

⁷ Санжеев Г. Д. Заметки по этнической истории бурят... – С. 82–86.

⁸ Егунов Н. П. Бурятия до присоединения к России. – Улан-Удэ, 1990. – С. 108–109.

⁹ Михайлов Т. М. Из истории бурятского шаманизма. – С. 76.

¹ Рассадина В. И. Очерки по исторической фонетике... – С. 63.

² Сухбаатар Г. Сяньби. – Улаанбаатар, 1971. – С. 50–52.

³ Подробнее см.: Нанзатов Б. З. Этногенез западных бурят.

⁴ Подробнее см.: Марков Г. Е. Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии // Советская этнография. – 1970. – № 6. – С. 74–89.

этнотим происходит от тюркских слов *була* + *ат*, где *була* – «светло-желтый, буланый» (в значении масти животного), а *ат* – «лошадь», т. е. лошадь светло-желтой масти. Этот этнотим сложился, по предположению Б. Р. Зориктуева, из социальной прослойки населения, которая занималась разведением высокопородных лошадей именно этой масти. В итоге это название могло перерасти в этнотим и закрепиться за определенной группой населения. Между *була* и *ат* мог появиться звук *г*, из чего и получается *була'ат* ~ *булагат* ~ *булагад*¹.

Д. Д. Нимаев справедливо отметил в этой гипотезе ряд погрешностей. Исходя из лингвистических соображений, он отрицает возможность появления лишнего интервокального -г- в монгольских языках наблюдается совершенно противоположный процесс – ассимиляция этого интервокального -г-, например, письм. монг. *ulayan* > совр. монг. *улаан*. Также он указал на неправильное произношение этого этнотима как *булагат*, появившееся благодаря стилю русских документов XVII в. Наиболее реальной Д. Д. Нимаев считает гипотезу о топонимическом происхождении этнотима *булагад*². Так как в связи с опровержением версии Б. Р. Зориктуева Д. Д. Нимаевым был отмечен факт произношения этнотима его носителями как *булагад*, а не *булагад*³, поиски в разрешении этимологии необходимо начать с его основы *булга*.

Как справедливо заметил С. А. Токарев, в документах I-й половины XVII в. от якутских и верхоленских служивых людей фигурируют *булгадаи*, *булбудаи*, *бунгудаи*⁴. Перед нами предстает явно архаическая форма образования этнотима с помощью аффикса -дай, т. е. – *булга* + *дай*. Таким образом, перед нами предстает праформа этнотима – *bulya*.

Исходя из того, что в регионе современного пребывания булагатов в средневековье были расселены значительные группы тюркоязычного населения, а также под влиянием политической гегемонии в Центральной Азии тюркоязычных народов, с большой долей вероятности можно предполагать

тюркоязычие этнотима. В древнетюркском языке зафиксирована лексема *bulya* со следующими значениями: «1) перемешивать, смешивать; 2) мутить; 3) *перен.* досаждать, обижать, печалить, омрачать, вредить; 4) *перен.* возбуждать недовольство, сеять смуту»⁵. Наибольший интерес для нас представляют первое и последнее значения этого глагола – перемешивать и сеять смуту, и то и другое могли представлять семантику слова *bulya*, явившегося праформой позднего бурятского этнотима. В связи с этим следует упомянуть о существовании подобных этнотимов у тюрков Поволжья и донских степей средневековья – *булгар*, этимология которых вполне может соответствовать значениям древнетюркского глагола *bulya*.

Исходя из теории о стадийном развитии кочевого общества, т. е. о постоянном переходе от общинно-кочевой организации к военно-кочевой и обратно⁶, представляется возможным, что в один из переходных периодов была создана надплеменная структура – территориальная общность, которая для идентификации именовалась *bulya*, т. е. «смешанные» либо «смутьяны». В данном случае наиболее приемлемым переводом, по-видимому, является первый, т. е. «смешанные». Этим термином могли пользоваться как тюркские этносы Центральной Азии, долины Енисея, так и его носители.

В связи с существованием этого этнотима в полиэтнической среде, в западной части Прибайкалья, как известно, в свое время расселялись различные группы тюркского, монгольского, тунгусского, енисейского, возможно, даже самодийского происхождения, возникновение подобного этнотима, по нашему мнению, вполне допустимо.

Форму этого этнотима, зафиксированную Рашид-ад-Дином как булгачин, т. е. с аффиксом -чин, до наших дней сохранили *bulgātčid* (булгачины) Монголии, в аймаке Дундговь⁷. Носители этого же этнотима, но с тюркским окончанием множественного числа -дар – *bulyādār* расселены в северо-восточной части Увс аймака Монголии, на приграничье с Тувой⁸.

¹ Зориктуев Б. Р. Об этническом составе населения... – С. 125–128.

² Нимаев Д. Д. Буряты: этногенез и этническая история. – Улан-Удэ, 2000. – С. 142–144.

³ Там же, с. 142–143.

⁴ Токарев С. А. Расселение бурятских племен в XVII веке // Зап. БМГИАЛН. – Улан-Удэ, 1993. – С. 105.

⁵ Древнетюркский словарь... – С. 122.

⁶ Марков Г. Е. Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии // Советская этнография. – 1970. – № 6. – С. 87–89.

⁷ Этнолингвистический атлас МНР. – Л. 47.

⁸ Там же, л. 58.

Также среди окинских бурят известен этноним малого племени *булгы*¹ ~ *булга*, который, по-видимому, является осколком общности *bulγa*. Возможно даже, что племя *булга* прежде входило в состав тюркоязычных сойотов, ирkitов или хаасутов.

Итак, перед нами предстает праформа *bulγa* с этимологией «смешанный, перемешанный», к которой прибавляется окончание множественного числа -d, таким образом, *bulγa* + d → *bulγad*. Наряду с ним в начале XVII в. эхиритами употреблялся этноним в форме *bulγadaï*, где -daï – архаичный аффикс, означающий принадлежность к мужскому роду, а также к какому-либо этническому образованию. В средневековье этот термин был известен как *bulγačïn*, где -čïn – такой же аффикс, как -daï, но только по отношению к женскому роду. Архаизмы в форме *булга* и *булгачин* существуют и до наших дней.

Ко всему сказанному необходимо прибавить, что вариант этнонима – *bulγadar* – свидетельствует о древности его возникновения в регионе Прибайкалья. Распространение его в форме *bulγadar* свидетельствует о давних этнических контактах между населением Прибайкалья и района оз. Убсунур, а в широком понимании подразумеваются связи с ойратами и енисейско-саянскими тюрками вообще. Распространение же его в глубинке Монголии, в Дундгови, по-видимому, связано со средневековыми хори-туматами, потому что на той же самой территории, т. е. практически в тех же самых границах, что и булгачины, расселены туматы ~ *tumād*². Возможно, в средневековье какая-то часть *булга*, именующие себя булгачин, оказались в среде туматов (хори-туматов) и были переселены с ними в глубь Монголии.

Интересным в исследовании этногенеза бурят является этимология генеалогических предков булагатов, главным среди которых является ~Тугалак. Слово *тугалак* расшифровывается с помощью тюркоязычного материала, праформой его является *tuγluγ* – «имеющий знамя, бунчук»³, где *tuγ* – знамя⁴, -luγ – суффикс обладания⁵. И вот, в лице Туглука ~Тугалака перед нами предстает обобщенный образ предков – воинов, которые имели собственное

знамя, что было весьма значимым для кочевников. На курыканских писаницах встречаются рисунки воинов со знаменем⁶. О роли знамени у кочевников Центральной и Средней Азии А. П. Окладников писал: «Знамя имело значение священного фетиша племенного объединения, вокруг которого концентрировались все члены данного племени... Знамя как священная реликвия, как вещественный символ общеплеменного или родового объединения, с одной стороны, и знамя как символ достоинства вождя и его титула – с другой – были неразрывно связаны друг с другом. Без знамени не могло быть вождя или хана... Обладание знаменем было не только внешним выражением единства племени или главным признаком общеплеменной власти, но и непременным условием последней, священной гарантией влияния и господства вождя над всеми остальными членами этого объединения»⁷. А. П. Окладников показал большую значимость знамени для средневековых народов Великой степи, и не случайно предком булагатов назван Тугалак – «имеющий знамя» – собирательный образ воинственных предков, пришедших в Прибайкалье в далеком прошлом и объединившихся в общность *bulγad*.

Следующими в иерархии после Тугалака идут Булган-хара и Бузган-хара. В имени Булган-хара скрыто значение совокупности племен, составивших большое племя. *Булга*, как показано выше, имеет значение «смешанный», *qara* – в этом случае имеет значение не «черный», а «масса, толпа, простой люд»⁸, т. е. Булган-хара – «простые люди Булга». К ним и принадлежит большинство булагатских родов. Праформой слова *бузган*, по-видимому, является тюркское *buzay~buzayū* – «теленку»⁹. В этом случае, на наш взгляд, проявляется культ Буха-нойона – мифологического предка бурят, где теленок – олицетворение потомства быка – Буха-нойона. *Хара* – со значением «простой, обычный», но с другим оттенком, наиболее приемлемым его значением является «земной», т. е. противопоставленный небесному происхождению Буха-нойона. Значение термина *Бузган-хара* – «земное потомство Буха-нойона».

¹ Дугаров Б. С. О происхождении окинских бурят // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. – Улан-Удэ, 1983.

² Этнолингвистический атлас МНР. – Л. 47–65.

³ Древнетюркский словарь... – С. 584.

⁴ Там же, с. 84.

⁵ Там же, с. 656.

⁶ Окладников А. П., Запорожская В. Д. Ленские писаницы. Наскальные рисунки у деревни Шишкино. – М.-Л., 1959. – С. 121.

⁷ Окладников А. П. Конь и знамя на ленских писаницах // История и культура Бурятии. – Улан-Удэ, 1976. – С. 188–189.

⁸ Древнетюркский словарь... – С. 423–424.

⁹ Там же, с. 130.

Эхирит. Этимология названия *эхирит* в значении «близнецы» в бурятоведении хорошо известна: в устных преданиях бурят Эхирит и Булагат иногда выступают как братья-близнецы. Но из них племя эхирит идентифицируется с исторически известными икирессами периода создания и существования Монгольского государства Чингис-хана. Подробный анализ сведений об «*икиресах хонкиратского племени*» из «Сборника летописей» Рашид-ад-Дина дан в свое время Ц. Б. Цыдендамбаевым, который пришел к выводу о том, что какая-то часть хонкиратских икирасов (или инкирасов) могла проникнуть к лесным народам в начале чингисовых походов, когда еще шла борьба за насильственное объединение разрозненных монгольских племен. В этой связи он цитирует Рашид-ад-Дина: «...племена же инкирас, куралас, татар, катакин и салджиут, объединившись, избрали Джамукэ гур-ханом и замыслили вести войну с Чингиз-ханом... Чингиз-хан выступил [в поход] против непокорных племен и разбил их». Далее Цыдендамбаев пишет: «Не следует ли считать глухим отзвуком этого...события легенду о бегстве из Монголии мальчиков Эхирита и Булагата, переданную баргузинским летописцем Цыжиб Цыреновым...»¹. На эти данные опирается Б. З. Нанзатов, констатируя, что в основе имени *эхирит* лежит термин *ikire* – «близнецы, двойня». Таким образом, на основании рашид-ад-диновского выражения «икиресы хонкиратского племени» устанавливается связь эхирит-бурят с историческими хунгиратами (кунгиратами) эпохи Монгольской империи.

Хонгодор. В исследовании происхождения хонгодоров значительные успехи достигнуты в трудах Г. Р. Галдановой и Д. С. Дугарова. Г. Р. Галданова на основе собранных ею полевых этнографических данных среди закаменских хонгодоров – их шаманистских культов и обрядов, тотемических воззрений, имеющих общность как с хоринскими (а именно общность культа прародительницы Хун-шубун), так и с булагатскими (культ Буха-нойона) воззрениями, пришла к заключению: «Вероятно, хонгодоры в далеком прошлом были большим крупным племенем, состоящим из неоднородных этнических групп, ведущих свое происхождение от разных тотемов, мифических предков»².

Исследовательница ставит вопрос о тождестве хонгодоров и хонгирадов «Сокровенного сказания» и приходит к положительному его решению. Как известно, с хонгирадским Дэй-Сэченем сосватался кият-борджигинский Есугэй, женив своего сына Тэмуджина на его дочери Бортэ. Много о *хунгиратах* говорится в «Сборнике летописей» Рашид-ад-Дина. Анализируя эти сведения, Г. Р. Галданова пришла к предположению о неоднородности (точнее немонолитности. – П. К.) хунгиратской общности: например, хунгиратские икирасы вошли в античингисовский союз, в то время как хунгираты Дэй-Сэчена предупредили Тэмуджина о военных приготовлениях заговорщиков. Кроме того, ею подмечено, что когда племена татар, дурбан, салджиут и катакин сговаривались воевать с Чингис-ханом, они проживали по низовьям рек, сливающихся в р. Ангара, а когда кунгираты вместе с союзниками были разбиты, они бежали в те же места. В дальнейшем эти племена входили в удел Джучи, и большинство их было вовлечено в миграционные потоки по Казахстану и Средней Азии. Немногочисленная их часть, судя по преданиям хонгодоров, оставалась в пределах Западной Монголии, откуда приблизительно в конце XVI в. вернулась на свои породные земли в Прибайкалье. Согласно мнению Галдановой об уйгурском (?) происхождении хонгодоров, прибайкальские земли были освоены ими еще в IX в., после падения Уйгурского каганата³.

Этноним *хонгодор* не имеет однозначного толкования в бурятском написании *хонгоодор*. Оставляя в компетенции лингвистов филологическую сторону отождествления этнонимов *хонгодор* и *хонгирад/хунгират/кунгират*, Галданова ссылается на мнение филолога Ш.Р. Цыденжапова о том, что название *хонгодор* древнее, чем *хонгирад*, но имеет с ним общий корень хун – «лебедь» и что этноним *хунгирад* образован из хун – «лебедь» + *иргэд* – народ (т. е. «лебединый народ». – П. К.)⁴.

Оригинальную версию предложил Д. С. Дугаров. По его мнению, в основу термина легли тюркские *хун/хон* (кун) – «солнце» и *хуба* – «лебедь», носителями которых были «осколки прежде могущественных хунну»⁵. Ш. Р. Цыденжапов тоже по-

бурятские этнонимы. – Улан-Удэ, 1996. – С. 83–93.

³ Там же, с. 90–92.

⁴ Цыденжапов Ш. Р. Тайна Чингис-хана. – Улан-Удэ, 1992. – С. 33.

⁵ Дугаров Д. С. К проблеме происхождения хонгодоров

¹ Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники... – С. 277–278.

² Галданова Г. Р. Хонгодоры – хунгирады? // Монголо-

лагал, что тотемическая лебедица идет от хуннских времен¹.

Вышеизложенные этимологии не удовлетворили молодого исследователя Б. З. Нанзатова, предложившего новую версию. По его мнению, этноним *хонгоодор* разбивается на две части – *хонгоо* – «корень» и *дор* – «окончание». *Хонгоо* вполне сопоставим с древнетюркским *qoŋur*, имеющим следующие значения: 1) «сдавленный, хриплый, сиплый» (о голосе) 2) «рыжеватый, каштановый, коричневый, каурый» (о масти животного) 3) «вырывать, выдергивать»²; в данном случае наибольший интерес вызывает второе значение – каурый (масть). Следует упомянуть, что слово *qoŋur* в виде *хонгор* вошло и в монгольские языки. Вторая часть этнонима -дор, праформа -dar – окончание множественного числа, наиболее свойственное енисейским кыргызам в этом регионе в средневековье. Как отмечают Чжан Тайсянь, А. А. Шомаев и С. Г. Скобелев, об этом свидетельствует большое количество архаизмов в языке фуюйских киргизов, проживающих в провинции Хэйлунцзян КНР, переселенных туда монголами. Кроме того, в приведенном списке родов пять из шести имеют окончание на -дар, -дыр, -тыр: табындар, чигдыр, сандырдыр, былтырды, өргтыр³. Окончание в этнониме *хонгодор*, это – отголоски Кыргызского средневекового каганата, так же как и в этнониме *булгадар*.

Исходя из вышеописанного, наша гипотеза строится следующим образом: этноним *хонгодор* возник на базе тюрко-монгольского *qoŋur*, означающего масть животного, а именно «рыжеватый, каштановый, коричневый, каурый». В данном случае перед нами распространенный способ образования этнонимов от прилагательного, ввиду табуизации существительного, который и характеризовал это прилагательное (сравните например, *галзууд* – «яростные, бешеные»)⁴. Этнонимы

подобного типа распространены среди калмыков, о чем свидетельствует Г. О. Авляев, например: *буурул* – «седые, чалые»; *кюрюнгуд* – «коричневые, бурые»⁵. На вопрос, какое животное скрывает каурая масть, у нас на данный момент ответа нет, можно лишь предположить, что это может быть либо конь, либо бык.

Имеет смысл говорить и о связи между этнонимами *хонгодор* и *хунгират*. Как отмечала Г. Р. Галданова, «в XIII веке на западной части Прибайкалья среди прочих племен упоминаются хонгираты... большинство из которых были уведены на территории нынешней Средней Азии и Казахстана, где до сих пор отмечается название конгурат (конрат, конурат)... Та небольшая часть, которая осталась около Байкала, возможно, стала известна под названием хонгодор»⁶.

Нам представлены этнонимы, явно имеющие один корень -qoŋur, только в одном случае к корню прибавляется тюркское окончание мн.ч. -dar, а в другом монгольское -ad. Все это лишь свидетельствует о пестром этническом составе древних qoŋur'ов.

О том, откуда хонгодоры прибывали в Прибайкалье в XVI–XVIII вв., у ученых имеются разные мнения, но все они указывают на регион Северо-Западной Монголии (не Халхи)⁷. Это регион, где в наше время расселены различные группы тюркского происхождения – цаатаны, дархаты, сойоты, а также различные монгольские группы. Все это позволяет предполагать возможно раннее параллельное существование форм *qoŋurad* и *qoŋurdar* у разных частей прежде единой исходной группы. Широкое распространение этнонима *qoŋurad* ~ *кунгурат* ~ *кунгират* ~ *хонгират*, прежде всего, связано с тем, что его носители приняли активное участие в исторических событиях XII–XIII вв., и именно поэтому среди тюрков Средней Азии он распространился с монгольским окончанием. Относительно формы *qoŋurdar* ~ *хонгоодор* можно полагать, что его употребление ограничивалось лишь северо-западной Монголией, в непосредственной близости к тюркским саянским народам. Но, несмотря на близость, *qoŋurdar*'ы перешли на монгольский язык в ранний

// Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1993. – С. 207–235.

¹ Цыденжапов Ш. Р. Тайна Чингис-хана... – С. 32–33.

² Древнетюркский словарь... – С. 456.

³ Чжан Тайсянь, Шомаев А. А., Скобелев С. Г. Происхождение «фуюйских киргизов» // Этнические процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетии н. э. – Кемерово, 1994. – С. 227–232.

⁴ Цыдендамбаев Ц. Б. Родословные таблицы бурят на письменном монгольском языке как источник изучения антропонимов // Бурятские антропонимы и топонимы. – Улан-Удэ, 1981. – С. 6.

⁵ Авляев Г. О. Этнонимы-тотемы в этническом составе калмыков и их параллели у тюркских народов // Этнография и фольклор монгольских народов. – Элиста, 1981. – С. 66–67.

⁶ Галданова Г. Р. Хонгодоры – хунгирады... – С. 90.

⁷ Там же, с. 84.

период, по крайней мере до того, как предки ойратов и бурят утратили -г в позиции перед -d,t, но уже отделились от будущего халхаского массива, у которых -г в позиции перед -d,t сохранился¹.

Необходимо отметить, что и этот этноним сохранился в архаичной форме *хонгор хухен* в аймаках Булган и Хубсугул Монголии², а также среди калмыков в форме *хонгормуд*³. Интересно также то, что в XV–XVI вв. енисейскими кыргызами было создано этнополитическое объединение «Хонгор» или «Хонгорай» ~ «Хоорай». А впоследствии этим термином обозначались предки хакасов⁴.

Хори – племенной этноним, закрепленный за одним из крупнейших объединений бурят. Одно из ранних упоминаний этнонима встречается в Сокровенном сказании монголов, в § 8, в форме *хоритумат*. Ц. Б. Цыдендамбаев полагал, что такая форма означает подчиненность хоринцев туматам⁵, и нужно рассмотреть эти этнонимы раздельно. Однако по данным древнетюркского словаря появляется возможность предложить следующую версию. По всей видимости, слитный этноним *хоритумат*, по крайней мере в начальный период своего существования, относился к единому социальному организму. Возник он из парного слова *хоритума*, этимология которого – тюркская. Праформой этнонима были слова *qorġ* ~ *qoġ*, значение которого «оберегать, охранять»⁶, и *tuma* – «щит»⁷, в сочетании *qorġtuma* они могли нести смысловую нагрузку – «охрана, защита», либо «охранник, защитник» по отношению к индивиду. По-видимому, на одном из отрезков средневековья общность *qorġtuma* распалась на *qorġ* и *tuma*.

К тому же слово *qorġ*, вероятно, является основой лексемы *qorġan*//*qurġan*⁸. В таком случае *qorġtuma* ~ *qorġituma* – это одно из подразделений ку-

рыкан. После распада социального организма «курыкан» на исторической арене появляются новые этнические общности, как с новообразованными, так и со старыми этнонимами. Этноним *хори*, очевидно, является новообразованным из среды «трех станом», а подтверждением значения «охрана, защита», по Ц. Б. Цыдендамбаеву, являются этимологии хоринских этнонимов малых племен, где *кубдуг* – «панцирники»⁹.

Носителями этнонима *хори* были как тюркские, так и монгольские этнические группы, вошедшие в состав социальной общности *хоритумат*, переросшей в новый демосоциальный организм, у которых впоследствии сложилось мифологическое представление о родстве, выраженное в генеалогических легендах.

Несмотря на привлекательность этой новой версии, нельзя игнорировать другую издавна существующую версию этнонима *хор*, от которого происходит племенное название *хори*. Рассмотрим этот вопрос подробнее.

Ю. Н. Рерих полагал, что *хор* – не что иное, как тибетская транскрипция китайского *ху*, коим обозначались племена иранского и тюрко-монгольского корней¹⁰. То же самое пишет В. П. Васильев и замечает, что название *ху* давалось преимущественно жителям к западу от Китая¹¹.

Действительно, и кит. *ху*, и тиб. *хор* обозначают «варвар, кочевник, иноземец». Румянцев считает вероятным, что *хор* – это множ. число от *хо*- или *ху*-¹², но что же означает *хо* или *ху*, об этом он не говорит. Между тем нельзя игнорировать и такую возможную версию, что кит. *ху* не что иное как монг. *ху(н)* – «человек, люди», коим именовали китайцы прежде и раньше всего ближайших к ним монголызычных кочевников, т. е. случай не единичный в практике этнонимообразования, когда термины (человек, люди) становились именами народа. Вероятно, с этой основой *ху* связаны такие этнонимы, как *хуньхой*, *хуньи*, *хунну* и *дунху*, а в средние века *хун(ь)* (в тюркоязычном произношении название племени *кун*).

⁹ Цыдендамбаев Ц. Б. Родословные таблицы бурят... – С. 6.

¹⁰ Рерих Ю. Н. Тибет и Центральная Азия. – Самара, 1999. – С. 89.

¹¹ См.: Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят... – С. 127, прим. 3.

¹² Там же, с. 127.

¹ Рассадин В. И. Очерки по исторической фонетике... – С. 97.

² Этнолингвистический атлас МНР. – Л. 46.

³ Авляев Г. О. Этнонимы-тотемы... – С. 67.

⁴ Бутанаев В. Я. Этнополитическая общность «хонгорай» // Этносоциальные общности в регионе Восточной Сибири и их социально-культурная динамика. – Улан-Удэ, 1993. – С. 97–99.

⁵ Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники... – С. 225.

⁶ Древнетюркский словарь... – С. 458, 460.

⁷ Там же, с. 585.

⁸ Там же, с. 458, 468.

Этноним *хор*, применяемый к тюрко-монгольским и индо-иранским этносам Центральной Азии, мог возникнуть на ираноязычной основе от тохаров-юэчжэй, соседей цянов, и си-жунов – будущих тибетцев, и распространиться по всему евразийскому коридору в качестве основы не только многих этнонимов, но и топонимов, например, *хорват*, *хорасан*, *корё/коре* (*корейцы*)¹.

Вероятно, термин *ху* следует считать восточно-азиатским, возникшим на монголоязычной основе и распространившимся далеко на запад, на племена тюркского и иранского происхождения. Термин же *хор*, по-видимому, индо-иранский, распространившийся по всей Евразии, в т. ч. в Центральной и Восточной Азии среди тюрко-монгольских и тунгусо-маньчжурских племен. Следовательно, эти этнонимы указывают нам на важнейшие этно-исторические процессы древности, т. е. на встречное движение двух макроэтнических – диских и хуских (или динлинских и дунхуских) – массивов Центральной Азии, нашедшее свое отражение и в археологических комплексах курганов-керексуров и плиточных могил².

Именно в результате длительного контакта этноним западных этносов *хор* перешел на их восточных контактеров – *ху/хунну/дунху*, хотя, очевидно, не на всех: курыкан-хоринские исторические потомки унаследовали это ираноязычное наименование. С термином *хор/хоро-монгол* Г. Н. Румянцев связывал не только этнонимы *курыкан* (из орхонских рунических текстов), *кури/хури* или *фури* (мусульманских писателей), *хорлос* (по Рашид-ад-Дину), *хурхан* (из Юань-ши), но и современные *хори*, *хорчин*, *хурум-ша/хурумчи*, *хурхунд/куркут*³.

Далее несколько слов о родовых именах *галзут* и *шарайт*, входящих в хоринское племя в числе 11 других родов. Этноним *галзуд/т* означает «бешеные» (в смысле *галзуу нохой* – бешеные собаки). В числе эхиритских родов есть роды *галзут* и *нохой* (*нохой уруг*) – род собаки, есть также род *шарайт* – «рыжие» (в смысле *рыжие, желтые собаки*). Роды шарайд или

шаралдай имеются и среди булагатов, род шаранут (также рыжие) есть среди хонгодоров. Но считается, что они попали туда из племени хори, где роды галзут и шарайт входят в число 11 хоринских родов.

Мы обратили особое внимание на эти родовые этнонимы, чтобы показать, что истоки тотемического рода *нохой* – «собаки» и производных от него галзутов, шарайтов, как и истоки рода шоно – «волк» у эхиритов (см. выше) восходят ко времени ранних хунну и дунху (сяньби), когда они жили по южную сторону Гоби, на юго-востоке Центральной Азии и в Северном Китае и еще не была создана Хуннская держава. По китайским источникам (см. «Шань Хай-цзин»), там среди родственных племен ди и жун (жун-ди) периода Чжоу обитали *цюань-жуны* – «собаки-жуны», которые происходили от «красных» (т. е. рыжих) собак. Среди жунов было также племя гуань-жуны, почитавшие в качестве тотемов волка и оленя⁴. Вот туда и уходят, по нашему мнению, истоки тотемических родов волка, собаки, которые представлены не только в легендарно-мифологической традиции постхуннских этносов средневековья, но и в археологической культуре хунну – в изображениях быка/яка и оленя/лани в хуннской торевтике, ритуальные захоронения собаки в могилах⁵. Следы этих родов указывают нам путь движения во времени и пространстве от хунно-сяньбийской прародины, через тюрко-монгольские племена теле-огузов, из которых происходят байырку (баргуты), к протобурятским племенам булагат, эхирит, хори и хонгодор. Именно эти роды маркируют основной стержень этногенеза бурятского народа.

Таковы некоторые соображения, основанные на анализе родоплеменной номенклатуры и народной этнической генеалогии бурят. Они намечают достаточно отрывистые, но обширные и глубокие по времени истоки этно- и культурогенеза бурят, завершившегося в Байкальском регионе, на стыке Центральной Азии и Сибири.

Топонимика. Данные топонимики наряду со сведениями приведенных выше научных дисциплин имеют определенное значение для выявления этнического состава древнего населения.

Крупнейшая сводка по топонимике Бурятии была дана М. Н. Мельхеевым. По его материалам, в Прибайкалье обнаруживаются топонимы, которые в языковом плане принадлежат тунгусским, кетским,

¹ Дашибалов Б. Б. На монголо-тюркском пограничье: Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. – Улан-Удэ, 2005. – С. 46.

² Коновалов П. Б. Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Улан-Удэ, 2000. – С. 12–19.

³ Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят... – С. 121–128.

⁴ Коновалов П. Б. Этнические аспекты... – С. 88–90.

⁵ Там же, с. 76–88.

самодийским, тюркским, монгольским, иранским, славянским языкам¹.

Тунгусская топонимия. Топонимы тунгусского происхождения в основном распространены от Енисея по зоне тундры и лесотундры на юго-восток до Ангара-Ленского района, Северного Прибайкалья. К югу от этой территории, по левым притокам Ангары и Южному Прибайкалью, названий тунгусского происхождения значительно меньше. В этих районах они преимущественно принадлежат мелким урочищам и рекам.

Эвенкийские названия по содержанию связаны с характерными чертами природно-географических условий таежного ландшафта. В них подчеркиваются детали гидрографии, орографии, животного и растительного мира горно-таежных районов.

Отличительными чертами эвенкийских названий являются следующие суффиксы и частицы: -кан, -нга, -нда/-нда, -чан/-чон, -кит, -ма, -гли, -кта².

Кетская топонимия. Кетские топонимы Бурятии имеют ограниченное распространение на западной окраине и связаны, в основном, с коттами, населением бассейна р. Кан в XVII в. Однако в районе Кана коттские топонимы не обнаруживаются. Много их в бассейне р. Бирюсы (Оны), отчасти – р. Уды (Чуны), откуда коттов вытеснили буряты. Коттские топонимы в этом районе принадлежат мелким географическим объектам – небольшим рекам, из чего следует, что котты не были самыми древними обитателями этих мест.

Отличительным признаком кетской топонимии является компонент *шет/чет/сет/сес*, что означает «река, ручей».

Также, по мнению М. Н. Мельхеева, с этнонимом *кет* в Южном Прибайкалье можно связать топонимы *Кит-кит*, *Китой*³. Необходимо добавить, что в долине р. Балей присутствует топоним *Кет*.

Самодийская топонимия. Топонимы самодийского происхождения распространены в основном в Присянье и Приангарье. По мнению авторов «Истории Бурят-Монгольской АССР», 60 % топонимов Прибайкалья – самодийские⁴.

Отличительным признаком самодийских топонимов являются такие форманты, как *ой* – «малая река», *ба*, *ия* – «вода».

По мнению исследователей, тюркоязычные в XVII в. иркиты, сойоты, тофалары прежде были самодийцами⁵. В целом отмечается, что самодийская топонимия в южной части Прибайкалья имеет очень древние корни.

В итоге необходимо отметить, что наличие самодийских топонимов определяет Южное Прибайкалье как зону распространения самодийцев, что, по-видимому, может указывать на возможное участие некоторых групп самодийцев в этногенезе бурят. К подобным выводам можно прийти и по отношению к кетам, хотя участие их в этногенезе бурят представляется гипотетичным.

Тюркская топонимия. Топонимы тюркского происхождения широко распространены в Прибайкалье. По мнению М.Н. Мельхеева, этот пласт необходимо рассматривать как один из древнейших.

Названия священных для бурят гор Манхай и Байтог, р. Куды (Худай), по мнению Т. М. Михайлова, в основе имеют тюркские корни⁶.

Широко распространенными тюркскими формантами являются *-бай*, *-кай/хай*, *-кол/кул/хул*, *-таг/тог*, *-аба*, *-урях/-юрях*.

В целом тюркская топонимия в Прибайкалье широко распространена в местах расселения бурят, т. е. в степных долинах, что свидетельствует о преобладании тюркоязычия в средневековый период.

Иранская топонимия. К иранским по своему происхождению, вероятно, относятся топонимы на *-об* – «вода», *-дан/дон* – «река», *-таре* – «озеро».

Топонимы с указанными формантами немногочисленны и на территории Прибайкалья распространены дисперсно.

Необходимо указать, что возможная иранская семантика топонимов с указанными формантами определяется лишь предположительно.

Монгольская топонимия. Топонимия монгольского происхождения в Прибайкалье имеет харак-

¹ Мельхеев М. Н. Топонимика Бурятии. – Улан-Удэ, 1969. – С. 26–58.

² Там же, с. 28–32.

³ Там же, с. 32–33.

⁴ История Бурят-Монгольской АССР... – С. 50.

⁵ Подробнее см.: Малолетко А. М. Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. Т. 1. Предыстория человека и языка. Уральцы. – Томск, 1999. – С. 212–261.

⁶ Михайлов Т. М. Заметки о топонимах Усть-Ордынского национального округа // Тр. БИОН. Вып. 26. – Улан-Удэ, 1976. – С. 152–158.

терные черты бурятского языка¹, т. е. является бурятской. На территории расселения бурят бурятская топонимия преобладает. Топонимы бурятского происхождения распространены на всевозможные объекты топонимии – названия гор, рек, урочищ, озер, улусов и т. д.

Расселение и племенной состав населения Прибайкалья в XII–XVI вв.

Ойраты. Ойраты были, безусловно, одними из наиболее крупных этнических общностей в Центральной Азии и Восточной Сибири, сыгравших важную роль в этнополитической истории региона в XII–XVII вв. Вопросы относительно более ранних этапов этнической истории ойратов выглядят весьма сложными и остаются не до конца решенными.

Относительно спорного вопроса об этимологии этнонима мы придерживаемся варианта *ой-арад* – «лесной народ»². Выявляется определенная группа однотипных по образованию, т. е. двухкомпонентных по структуре, этнонимов в пределах интересующего нас региона – *кыр-гыз*, *уй-гур* (*кыр* – горы, горные хребты; *уй/ой* – лес, лесной; *гыз/гуз/гур* – народ). Ойраты «издревле были многочисленны и разветвлялись на несколько отраслей, у каждой в отдельности было определенное название... Всегда имели государя и вождя»³. Можно также добавить, что титулом «бек», известным еще с древнетюркского времени, среди лесных народов Прибайкалья и Южной Сибири владел только предводитель ойратов. Поэтому есть основания предполагать, что к началу XIII в. ойраты занимали доминирующее положение среди окружающего населения.

В 1201 г. ойраты, как известно, вошли в состав коалиции Джамухи, направленной против Темуджина. Судя по всему, именно после разгрома Джамухи они вынуждены были удалиться в сторону Восьмиречья и обосновать там ставку. Как сообщают источники, «ойратский Худуха-беки поспешил к

лесам в направлении Шисгиса»⁴. Тем не менее они, видимо, продолжали держать под контролем территории по западной (северной) стороне от оз. Байкал. И, услышав о готовящемся походе Чжочия к лесным народам, Худухе-беки пришлось принять срочные меры, соответствовавшие той ситуации. При этом он, очевидно, руководствовался не только интересами собственной безопасности, но и несколько далеко идущими замыслами: сохранить под своим влиянием хотя бы часть подвластных ему вассалов. Как показали последующие события, этот план ему полностью удался. У Рашид-ад-Дина, например, отголоски этих событий отражены следующим образом: «Хотя во времена Чингиз-хана они оказали некоторое сопротивление монголам, однако скоро прекрасно смирились и покорились, как это изложено в истории. Чингиз-хан поддерживал с ними связь – давал и брал девушек, и было у них между собою побратимство и свойство [анда-худай]»⁵.

Дополнительные подробности этого содержатся в «Сокровенном сказании»: «За то, что ойратский Худуха-беки первый вышел навстречу Чжочия с выражением покорности вместе со своими ойратами, государь пожаловал его и выдал за сына его Инальчи царевну Чечейген, царевну же Олуйхан выдал за Инальчиева брата Торельчи»⁶. Во многом благодаря этому обстоятельству ойраты оказались в относительно привилегированном положении и сумели сохраниться как этническое целое.

Баргуты. Считалось, что в XII–XIII вв. в Прибайкалье существовало 3 основных племенных объединения: 1) хори-туматы; 2) баргуты; 3) буряты, в состав которых входили булагачины, керемучины и, возможно, икиресы⁷.

Рашид-ад-Дин, рассматривая племена баргут, кори и тулас, сообщал о них следующее: «Эти племена близки друг с другом. Их называют баргутами вследствие того, что их стойбища и жилища находятся на самом краю местности и земель, которые населяли монголы и которые называют Баргуджин-токум. Из среды баргутов вышло также племя тумат»⁸.

¹ Мельхеев М. Н. Топонимика Бурятии... – С. 39–41.

² Банзаров Д. Собрание сочинений. Изд. 2-е, доп. – Улан-Удэ, 1997. – С. 102–105; Цыремпиллов В. Б. Об этимологии этнонимов *монгол*, *хори*, *бурят* и *ойрат* // Монголо-бурятские этнонимы. – Улан-Удэ, 1996. – С. 93–100; Авляев Г. О. Происхождение калмыцкого народа. Изд. 2-е, перераб., доп. – Элиста, 2002.

³ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей: в 3 т. Т. 1. Кн. 1. – М.; Л., 1952. – С. 118–119.

⁴ Козин С. А. Сокровенное сказание монголов. Монгольская хроника 1240 г. – М.-Л., 1941. – С. 144.

⁵ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей... – С. 118–119.

⁶ Козин С. А. Сокровенное сказание монголов... – С. 144.

⁷ Козин С. А. – С. 194–195; Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные...

⁸ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей... – С. 121.

Вероятно, этноним *баргут* первоначально представлял обобщенное название разных племенных групп, обитавших в отдаленных, относительно труднодоступных горно-таежных районах. Однако, в отличие от байырку (байегу), жизнедеятельность баргутов как самостоятельного племени в XII–XIII вв. мало отражена в источниках этого периода. Известно, что «в силу ярлыка Чингис-хана... подчинили племя баргут»¹. Баргуты (бархуны) еще упоминаются в числе покоренных войсками Джучи «лесных народов» в 1207 г.²

Сохранились достаточно отчетливые сюжеты преданий среди баргузинских эвенков о проживавших здесь в прошлом баргутах (хорчин-баргутах, солон-баргутах, монгол-баргутах). Сохранилась также память о так называемых «баргутских канавах» и прочих предметах старины³.

Вместе с тем в начале XVII в., судя по русским источникам, в Прибайкалье не было каких-либо племенных групп под названием «баргуты». Но в настоящее время баргуты компактной группой проживают в Хулун-Буирском аймаке АРВМ КНР. Отдельные родовые группы (кости) под таким названием встречаются среди населения современной Монголии и Калмыкии.

Важным представляется вопрос о причинах и времени ухода баргутов-хорчинов с ранее занимаемых земель. Согласно одним вариантам легенд, в долине начала расти береза, что было воспринято ими как предзнаменование прихода белых людей, и, избегая встречи с ними, баргуты решили покончить с собой. Согласно другим, баргуты просто ушли, увидев появление наростов на березах.

Поскольку подобные сюжеты весьма распространены, на их основании трудно сделать какие-то конкретные выводы. По мнению одних исследователей, баргуты ушли задолго до прихода русских, вероятнее всего, в результате столкновений с эвенками на почве землепользования⁴. Другие же склонны предполагать, что хорчины начали покидать насиженные места непосредственно перед появлением русских, наслышавшись об их лихоимствах⁵. Вто-

рая точка зрения представляется более реальной, ибо сюжеты легенд о баргутах-аборигенах имеют распространение также среди русского населения Забайкалья⁶.

Совокупность имеющихся данных больше склоняет к мысли, что беженцы из Баргузинской долины со временем составили основу так называемых *хуучин барга* – «старых баргутов», проживавших в настоящее время на территории Хулун-Буирского аймака. Согласно имеющимся источникам, на этих землях они появились примерно в середине XVII в., причем непосредственно из пределов Халхи, где, как известно, к тому времени также складывалась весьма непростая политическая обстановка. А район Хулун-Буира, оказавшийся временно на стыке интересов России, Маньчжурии, монгольских ханов, вплоть до 20-х гг. XVIII в. находился как бы в положении нейтральной территории, представляя удобное прибежище для разных групп кочевников в то смутное время.

В языке и культуре «старых баргутов» сохранились некоторые особенности, свидетельствующие об их прибайкальском прошлом. В языке выделяется ряд признаков, сближавших его с говорами ольхоно-кударинских и баргузинских бурят, например употребление звука «х» вместо фарингального «һ»: *ухуу* вместо *уһан* – «вода», *сах/саһан* – «снег», *хар/һара* – «месяц», или же наличие характерного аффикса *-уун*: *дзагуу* – вместо *загаһан* – «рыба», *давуу* – «место», *дабһан* – «соль», *саару* вместо *саарһан* и т. д.

Кроме того, в шаманских призываниях «старых баргутов» имеют место обращения к хозяевам и духам таких мест, как Уйхан (т. е. Ольхон), Бархан. Можно также отметить существование у них в прошлом интересного обычая ставить конское седло передом в северную сторону, т. е. в сторону своей прародины.

Баяуты. В долине Джиды и по прилегающим степным просторам располагались баяуты, подразделявшиеся на две основные ветви: джадай, т. е. живущие по р. Джиде, и кэхэрин, т. е. степные. Они с самого начала, еще со времен войны с тайджитами, встали на сторону Чингис-хана. Баяуты, особенно джадай, видимо, поддерживали тесные связи с населением Баргуджин-токума. В одном

¹ Там же, с. 166.

² Козин С. А. Сокровенное сказание монголов... – § 238.

³ Румянцев Г. Н. Баргузинские летописи. – Улан-Удэ, 1956. – С. 20.

⁴ Шубин А. С. Краткий очерк этнической истории эвенков Забайкалья (XVII–XX вв.). – Улан-Удэ, 1973. – С. 9–10.

⁵ Востриков А. И., Поппе Н. Н. Летопись баргузинских

бурят. Тексты и исследования. – М.; Л., 1935. – С. 10.

⁶ Тихонова Е. Л. Русские предания Восточной Сибири о заселении и освоении края. – Улан-Удэ, 2006. – С. 115–129.

месте Рашид-ад-Дин прямо упоминает их в числе племен, обитавших в пределах этой страны. Не случайно выходец из среды джадай-баяутов Буха был назначен проводником Джочи во время его похода к «лесным народам». Об участии баяутов в формировании племенных групп бурят пока не имеется соответствующих данных. По-видимому, значительная часть баяутов, вовлеченных в орбиту бурных событий того времени, оказалась впоследствии вне пределов своей первоначальной территории. Этноним *баяут*, очевидно, может быть сопоставлен с названием народности баят/баит, живущей в настоящее время на северо-западе Монголии, в районе Убса-Нура. По всей вероятности, отдельные их группы вошли в состав формирующихся народностей Средней Азии, волжских калмыков.

Меркиты. Бассейн р. Селенги в среднем течении, примерно от впадения Хилка до Уды, можно рассматривать как владения меркитов. Меркиты как этническая общность начинают фигурировать в источниках («мэйлици») еще с конца XI в., т. е. гораздо раньше, чем многие из известных народов и племен XII–XIII вв. Согласно «Ляо-ши», в 1093 г. киданьский военачальник Вотэла ходил в поход на меркитов и разбил их. Аналогичная история повторилась в следующем году. Очевидно, окончательная победа киданей над меркитами состоялась в 1102 г.¹

Меркиты, судя по всему, на этом не успокоились. Источники полны сообщений об их стычках с дальними и ближними соседями – то с монголами, имевшими непосредственное отношение к династии Чингисидов, то с кереитами. «В семилетнем возрасте» был угнан в меркитский плен будущий правитель кереитов Тоорил (Он)-хан. Меркитами был разорен улус Джамухи, анды Темуджина. «Это племя имело многочисленное, чрезвычайно воинственное и сильное войско», – отмечал Рашид-ад-Дин². Поэтому и в последующем война с меркитами заняла значительное место в борьбе Темуджина за создание единого Монгольского государства.

Делились меркиты на 3 ветви: увас (хоас), хаат и удуит. Последние, судя по уделенному им в источниках вниманию, представляли наиболее многочисленную и боеспособную часть племенного объеди-

нения. Удуит-меркиты делились, в свою очередь, на следующие подразделения: уйкур, мудан, тудаклин и джиюн.

Сторонником тюркизма меркитов выступил А. В. Тиваненко. Доводы его следующие. Подразделение уйкур в составе удуит-меркитов восходит к уйгурам. Этноним *хоас* – тюркского происхождения (ссылка на Ц. Б. Цыдендамбаева). Лингвистами выявлены компактный ареал «оканья» в Бурятии, который совпадает с предполагаемой территорией проживания меркитов, тюркская топонимика в рассматриваемом регионе и т. д.³ Однако, как представляется, указанные факты могут рассматриваться лишь как одно из доказательств вхождения в состав меркитов каких-то этнических групп тюркского происхождения. С не меньшим успехом то же самое можно было бы утверждать и в отношении многих других монгольских племен.

Так, явным монголизмом отдают имена некоторых предводителей меркитов: *Тохтоа* (от *тогто(хо)* – «остановиться, стать», *Чилаун* – «камень», *Мэргэн* – «меткий». Есть основания для сопоставления этнонима *меркит* с термином *мэргэн*, чему вполне соответствует отмеченный воинственный характер племени.

Конечная судьба меркитов оказалась весьма трагичной, ибо «Чингис-хан постановил, чтобы никого из меркитов не оставляли в живых, так как племя меркит было мятежное и воинственное и множество раз воевало с ним». В результате «немногие оставшиеся в живых или пребывали тогда в утробах матери, или были скрыты у своих родственников»⁴.

Тем не менее меркиты, по-видимому, не могли исчезнуть бесследно. Судя по имеющимся данным, часть убежавших на запад меркитов осела на территории Средней Азии. Среди волжских калмыков существуют две «аймачные» группы – *хо-меркит* – «благородные меркиты» и *ики-меркит* – «большие (старшие) меркиты»⁵. Может быть решен положительно и вопрос о существовании генетической связи между хоринским племенем хуасай с хоас (увас)-меркитами⁶.

³ Тиваненко А. В. Гибель племени меркитов. – Улан-Удэ, 1992. – 69 с.

⁴ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей... – С. 116.

⁵ Авляев Г. О. Происхождение калмыцкого народа: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Элиста, 1994. – С. 24.

⁶ Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят... – С. 241–242.

¹ Кычанов Е. И. Монголы в VI – первой половине XII в. // Дальний Восток и соседние территории в средние века. – Новосибирск, 1980. – С. 136–148.

² Рашид-ад-Дин. Сборник летописей... – С. 143.

Расселение и миграции крупнейших племенных объединений бурят

Хонгодоры. В XVI в. на территорию Западно-Прибайкалья начинают продвигаться монгольские племена из приграничных районов Северо-Западной Монголии, близкие бурятским племенам по языку. Важное место среди них занимало племя *хонгодор*, которое и дало свой этноним будущему хонгдорскому объединению. Формирование хонгдорцев как большого племени происходило именно в Прибайкалье на основе постоянно прибывавших переселенцев в период XVI–XVIII вв.

Исследователи отмечают бытующие в литературе противоположные мнения – об автохтонизме и миграционизме появления хонгдорцев в местах их современного расселения. Г. Д. Санжеев писал, что хонгодоры являются выходцами из Северо-Западной Монголии, о чем свидетельствуют, по его мнению, этнографические и лингвистические особенности аларских хонгдорцев. Аналогичной точки зрения придерживался Ц. Жамцарано, судя по материалам его архива¹. Г. Н. Румянцев, опираясь на предания о переселении аларских бурят-хонгдорцев, определял их как монголов, влившихся в бурятскую общность в течение XIV–XVI вв.² Зато Ц. Б. Цыдендамбаев на основе данных языка и родословных закаменских и тункинских хонгдорцев (устная традиция считает их ответвлением булагатов), идентифицировал их как бурят, но испытывавших миграционные передвижения в ареале Ойрат-Монголии и Юго-Западного Прибайкалья³.

Наряду с племенами, составившими хонгдорское объединение, в Западную Бурятию прибывает постоянный поток беженцев из различных районов Монголии, уходивших от междоусобных войн, экспансии маньчжуров. Преобладающими по численности в этом потоке были осколки ойратских племен – беженцев из Джунгарии. Основная масса поздних переселенцев прибывает в Прибайкалье

в XVI–XVII вв. Беженцы этой волны расселяются среди основного населения бурятских племен, главным образом на незанятых территориях и в периферийных районах. В языковом отношении они быстро ассимилируются. В целом эти переселенцы не оказывают значительного влияния на процессы развития стержневых этнических групп, хотя значительно разнообразят этническую карту региона.

Булагаты. В «Сокровенном сказании» и «Сборнике» летописей Рашид-ад-Дина в Прибайкалье упоминается народ булагачинов. Вполне очевидна его связь с поздними бурятскими булагатами (*булгад*). Интересным является и тот факт, что соседствующие с булагатами эхириты зачастую используют экзоэтноним *булгаши* и до наших дней.

Как справедливо заметил С. А. Токарев, в документах I-й половины XVII в. от якутских и верхоленских служивых людей фигурируют термины «*булгадаи, булбудаи, бунгудаи*»⁴. Перед нами предстает явно архаическая форма образования этнонима с помощью аффикса -дай, т. е. – *булга* + *дай*. Таким образом, перед нами предстает праформа этнонима – *bulya*.

Исходя из того, что в регионе современного пребывания булагатов в средневековье были расселены значительные группы тюркоязычного населения, а также под влиянием политической гегемонии в Центральной Азии тюркоязычных народов, с большой долей вероятности можно предполагать тюркоязычие этнонима. В связи с существованием этого этнонима в полиэтнической среде (в западной части Прибайкалья, как известно, в свое время расселялись различные группы тюркского, монгольского, тунгусского, енисейского, возможно даже самодийского, происхождения), возникновение подобного этнонима, по нашему мнению, вполне допустимо.

В настоящее время буряты булагатского происхождения представлены в нескольких этнотерриториальных группах. По переписи 1897 г., административные роды булагатского происхождения составляли почти половину бурятского населения.

Эхириты. Икиресы средневековых хроник являлись частью крупного племенного объединения икирес, в основном расселенного в Восточной Монголии. Подобные подразделения племен в истории

¹ См.: Галданова Г. Р. Хонгодоры – хонгирады? – Улан-Удэ, 1996. – С. 83–93.

² Румянцев Г. Н. Предания о происхождении аларских бурят // Этнографический сборник. Вып. 2. – Улан-Удэ, 1961. – С. 120–127; Он же. К вопросу о происхождении бурят-монгольского народа // Записки БМНИИ. Вып. 17. – Улан-Удэ, 1963. – С. 40–41.

³ Цыдендамбаев Ц. Б. Этническое прошлое закаменских бурят по данным их исторических легенд // Краеведение Бурятии. – Улан-Удэ, 1979. – С. 155–156.

⁴ Токарев С. А. Расселение бурятских племен в XVII веке // Записки БМГИЯЛИ. – Улан-Удэ, 1993. – С. 105.

Центральной Азии нередко и показывают общую тенденцию крупных перемещений в пределах Центральной Азии под влиянием различных факторов. Вполне вероятно, что икиресы, оказавшись в районе Верхоленья, объединили вокруг себя местные племена и в дальнейшем стали известны как одно из крупнейших бурятских племенных объединений *эхирид*.

Этноним по-бурятски – *эхирид/ихирид*. Носители качугского говора бурятского языка называют себя *эхириши*¹. В разрешении семантики этого этнонима нет разночтений. Этноним возник из тюркского *ikire* – «близнецы, двойня»². Термин *ikire* также глубоко укоренился в монгольском языке. В средневековой Монголии имел место этноним *икирес*, *икирас*³, который, по-видимому, является праформой для бурятского этнонима *эхирид* ~ *эхириши*. В данном случае налицо разница в окончаниях -с и -д, и то и другое означают множественное число в монгольских языках. В варианте *эхириши* предстает этногендерный аффикс -*ši*, который вновь указывает на архаизм этнонима.

Таким образом, в верховьях Лены произошла смена окончания -с в этнониме *икирес* на -д, т. е. *икирес* → *ихирид*.

Хоринцы. Гораздо больше подробностей представлено в средневековых письменных источниках X–XIV вв. о хори, или хори-туматах.

Одно из ранних и относительно подробных сведений о хоринцах следующее: «По той причине, что на родине, в хори-туматской земле, шли взаимные пререкания и ссоры из-за пользования звероловными угодьями, Хорилартай-Мерган решил выделиться в отдельный род – обок, под названием Хорилар... Здесь-то Добун-Мерган и просил руки Алан Гоа, дочери хори-туматского Хорилартай-Мергана, родившейся в Арих-Усуне, и таким-то образом Добун-Мерган женился»⁴.

Сочетание «хори-тумат» вернее рассматривать как название одного и того же этнического образования, впоследствии распавшегося, а не как обозначение союза двух племен. Под этим слово-

сочетанием подразумевается понятие «хоринский тумен (туман)». Традиция организации туменной системы войск восходит еще к хунну. Термин *тумэт*, первоначально выступавший как обозначение воинского соединения, со временем стал приобретать и этническое значение. В настоящее время этнические группы под названием тумат встречаются среди южносибирских тюрков и якутов; *тумэты* проживают в двух хошунах Внутренней Монголии.

Важное значение для интерпретации происходящих в Прибайкалье событий в период становления Монгольской империи имеет следующий эпизод из «Сокровенного сказания»: «Борохул же был послан против хори-туматского племени. Хори-туматами правила, по смерти своего мужа, Дайдухул-Сохора, Ботохой-Толстая. Достигнув их пределов, Борохул-нойон с тремя людьми пошел вперед своего войска. Когда он поздно вечером пробирался по невообразимо трудной лесной тропинке, туматские дозорные в тылу у него устроили засаду на этой самой тропе, захватили его и убили. Узнав об убийстве Борохула, Чингисхан очень разгневался и стал сам собираться в поход на туматов. Насилу его отговорили Боорчу с Мухалием. Тогда он послал дорбетского Дорбо-Докшина... Дорбо отрядил часть войска к той самой охранявшейся туматским караулом тропе, по которой хотел пройти перед тем отряд Борохула, и, обманув неприятеля этим ложным движением, сам направил войска по тропе, проложенной дикими буйволами. Когда же и лучшие из ратников стали колебаться, он приказал отборным ратникам нести наготове по десяти прутьев для понукания отстающих... И вот, поднявшись на гору, он внезапным ударом обрушился на пировавших беспечно туматов и полонил их»⁵.

Именно подобного рода яркие, запоминающиеся сюжеты послужили основанием для утверждений, что «одними из первых жертв нашествия монгольских завоевателей стали предки бурят и енисейские киргизы, не желавшие попасть в зависимость от Чингиса и упорно сопротивлявшиеся ему... имела место длительная упорная борьба бурятских племен с войсками монгольского хагана... Лесные народы Прибайкалья, в том числе бурятские племена, не принимали, по-видимому, прямого участия в варварских завоевательных походах монгольских

¹ Митрошкина А. Г. Бурятская онимистическая лексика в русских исторических документах // Актуальные проблемы востоковедения. Ч. II. – Улан-Удэ, 2001. – С. 142.

² Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Т. I. – М., 1974. – С. 252.

³ Рашид-ад-Дин. Собрание сочинений... – С. 78.

⁴ Козин С. А. Сокровенное сказание монголов... – § 8.

⁵ Козин С. А. Сокровенное сказание... – § 240.

феодалов на запад и восток. Они, самое большее, находились в даннической зависимости от монгольских хаганов, ограничиваясь уплатой дани»¹.

Однако восстановление действительного хода событий не допускает возможности для столь однозначной оценки. Из обращения к тексту «Сборника летописей» Рашид-ад-Дина, становится очевидным, что «Борагул-нойон» был послан не для покорения, а для умирения восставших туматов. Это произошло спустя 12 лет, в год барса» или в год быка», т. е. в 1218–1219 гг.²

Далее выясняется, что до похода Борохула «у Ботохой-Толстой, в плену у туматов, находились и Хорчи-нойон, и Худуха-беки. Пленение же Хорчи произошло при следующих обстоятельствах. Чингис-хан разрешил ему взять в жены тридцать самых красивых туматских девушек, и он поехал. Тогда же покорившиеся было перед тем туматы восстали и захватили нойона Хорчи в плен. Узнав о пленении Хорчи, Чингис-хан послал к туматам Худуху, как хорошего знатока лесных народов, но и Худуха-беки был также схвачен. Замирив окончательно туматский народ, Дорбо отдал сотню туматов семейству Борохула в возмещение за смерть его. Хорчи набрал себе тридцать девиц, а Ботохой-Толстую он отдал Худуха-беки»³.

Ясно, что поездка Хорчи-нойона с такой целью была возможна только к ранее покоренным племенам. Такое предположение подтверждается важным дополнением Рашид-ад-Дина к предыдущему периоду истории хори-туматов: «Их предводитель явился к Чингисхану, покорился и смирился»⁴.

В пользу того, что во время похода войск Чжочи к «лесным народам» в 1207 г. не происходило каких-либо крупных вооруженных столкновений, можно привести следующую цитату: «Милостиво обратясь к Чжочи, Чингисхан соизволил сказать: «Ты старший из моих сыновей. Не успел и выйти из дому, как в добром здравии благополучно воротился, покорив без потерь людьми и лошадьми лесные народы. Жалую их тебе в подданство»⁵.

¹ История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1. – Улан-Удэ, 1954. – С. 47.

² Рашид-ад-Дин. Сборник летописей... – Т. 1. Кн. 1. – С. 151; Т. 1. Кн. 2. – С. 176.

³ Козин С. А. Сокровенное сказание... – § 241.

⁴ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей... Т. 1. Кн. 1. – С. 323.

⁵ Козин С. А. Сокровенное сказание... – § 239.

После жестокого подавления их восстания хори-туматы перестали существовать как самостоятельное этническое целое, по крайней мере, как сколько-нибудь значительное. Согласно нашим источникам, они были отданы во владение ойратов. По-видимому, это обстоятельство сказалось, в частности, в том, что в современной калмыцкой этнонимии встречаются названия некоторых хоринских племен, таких как шарад, гучад. Отдача хоринцев во владение ойратских правителей привела, очевидно, и к изменению их места обитания. В последующем они стали кочевать в пределах Хангайского нагорья, куда основная масса ойратов перебралась после разгрома найманов.

Сказанное, конечно, не означает, что хоринцы были целиком уведены за пределы Прибайкалья. Какая-то их часть, обитавшая в более отдаленных горно-таежных районах, видимо, осталась по северной периферии ранее занимаемых ими же земель. Так, в верховьях Лены среди эхиритов встречаются хоринские племена галзуд, шарайт, гучит и хуасай. Такое представительство вовсе не случайно, ибо именно эти племена, согласно устной традиции самих хоринцев, могут рассматриваться как наиболее древние. О древности их отделения от остальной массы хоринцев может свидетельствовать, в частности, тот факт, что они практически не имеют особых представлений об этническом родстве со своими забайкальскими сородичами⁶.

Видимо, некоторая часть хоринцев ушла еще дальше на север, войдя со временем в состав будущей якутской народности.

Как известно, среди якутов встречается племя ногот, что является нечем иным, как искаженным вариантом монголо-бурятского *ноход* (*нохой*) – «собака». Весьма вероятно их связь с верхоленскими нохой-галзутовцами. Примечательно и то, что в Якутии они оказались вместе в одном Усть-Янском улусе с тумэтами. У якутов есть также род ботулу, название которого сопоставимо с именем Батлай. Устная традиция булагатов называет его прародителем одной из групп племен. В русских документах XVII в. некие «батулинцы» неоднократно упоминаются в районе оз. Байкал, причем неизменно рядом с хоринцами, что вряд ли можно считать случайным.

Отметим также, что в пантеоне некоторых якутских племен, в частности хоролоров, ботулу, важ-

⁶ Балдаев С. П. Родословные легенды и предания бурят. – Улан-Удэ, 1970. – С. 289.

ное место занимает тотем орла – *хотой*. И точно так же – Хан-Хото-баабай – называли местные шаманы-хозяина острова Ольхон, царя птиц, повелителя огня и солнца. Известно, что во многих вариантах мифов и преданий хоринцев именно остров Ольхон и озеро Байкал фигурируют в качестве исконного места их обитания.

Касаясь вопроса о последующем, малоисследованном периоде в этнической истории хоринцев, некоторые исследователи и любители старины обращали внимание на широкую распространенность старинной песни о загадочной стране Наян-Наваа. Одни эту местность пытались находить в отрогах больших Гималаев, другие – в пределах нынешнего Тибета или Кукунора. Отрывок из текста данной песни звучит следующим образом:

Аян (хан) заяа заяанай
Наи-Нава, минии лэ (миниез лэ гу)?
Байдан, Байдан байдалай
Бада-Его, минии лэ (миниез лэ гу)?

Походная жизнь от судьбы
Наи-Нава, ты моя (моя ли)?
Байдан-байдан от жизненной ситуации
Бада-Его, ты моя (моя ли)?

В последнее время выдвигался и иной вариант историко-географической интерпретации этой песни.

При Мункэ-хане (1251–1259) был предпринят ряд новых крупных завоевательных походов. Один из них организован под руководством Хулагу, брата Мункэ, для окончательного завоевания Ирана, Ирака и других стран Западной Азии. В состав походного войска, согласно существующим законам Монгольской империи, в первую очередь, очевидно, вошли племенные группы из Забайкалья и Северо-Западной Монголии, владений Толуя, затем Хулагу, где обитала в то время основная масса хоринцев.

В итоге хоринцы оказались в пределах современного Ирака, в провинции Найнава – предгорной возвышенности с обширными пастбищами по берегам рек Тигр, Большой и Малый Заба. Здесь же встречаются топонимы типа Бада Его, Айн-Зыяла и целых ряд других названий явно монгольского происхождения.

В преданиях обязательно подчеркивается очень большая удаленность края Наян-Наваа от нынешней Монголии. В них дана характеристика природно-климатических условий того «прекрас-

ного края с мягким климатом и вечнозеленой растительностью», где случалось, «кони топтали своими копытами изюм», т. е. виноград.

Развал монгольских династий в Месопотамии и сопредельных регионах вызвал, очевидно, и отток отдельных групп монголоязычного населения на свою исконную родину¹.

Во 2-й половине XVI в. хоринцы, судя по данным их летописей, оказались в ведении тумэтского Алтан-хана. Подобное стечение обстоятельств, по видимому, не было случайным. Алтан-хан, как известно, был одним из наиболее деятельных правителей Монголии, приверженцем, можно сказать, более-менее прогрессивных для своего времени взглядов.

В конце XVI в. принцесса Балжан-хатан была выдана замуж за Дай-хунтайджи, сына солонгутского Бубэй-Бэйлэ-хана. Люди 11 хоринских племен были отданы в качестве приданого (*инжи*). Последний после смерти своей жены взял молодую жену, которая оказалась не в ладах с невесткой Балжан-хатан. Тогда Дай-хунтайджи взял свою жену и свой народ 11 племен хоринских и «перекочевал побегом около 1594 г. по русскому летоисчислению в направлении между севером и западом». Далее, спасаясь от преследований войск Бубэй-Бэйлэ-хана, также в результате столкновений с тунгусами улятского племени они постепенно расселились дальше на север и запад, вплоть до западного побережья оз. Байкал².

Сэгэнуты, икинаты. По материалам легенд устанавливается, что племенем, более ранним по отношению к булагатам и эхиритам, а на первых порах даже превосходящим их по численности, в Прибайкалье называются *сэгэнуты*, которые в XVII в. представляли лишь малое племя в верховьях Лены – Цыганов или Цынгогарский улус³. С верховьев Лены в середине XVII–XVIII в. группы сэгэнутов проникают в баргузинские и кударинские степи. Ответ на вопрос, куда делись те многочисленные сэгэнуты, о которых булагаты и эхириты упоминают как о воинственных и грозных соседях, могут дать генеалогические легенды и предания. В частности, в генеалогических преданиях некоторых

¹ Доржин Ц. Ц. Легендарная земля Наян-Наваа и белое пятно бурятской истории (взгляд с позиций исторической географии). – Улан-Удэ, 2003. – С. 23–25.

² Бурятские летописи. – Улан-Удэ, 1995. – С. 6–7, 39–40.

³ Токарев С. А. Расселение бурятских племен... – С. 117–118.

малых племен упоминается о связи с сэгэнутами, например икинаты, по преданиям, происходят от Икинаты – племянника Сэгэнута¹. Это типичный пример становления у сформировавшейся территориальной группировки генеалогий искусственным путем. Подобные предания встречаются еще у некоторых малых племен, преимущественно расселенных на северной окраине территорий, занимаемых бурятскими племенами, у таких малых племен, как зунгар, быкот, ное, тугут, хайтал, шэбхэн.

Также сэгэнуты упоминаются в генеалогических преданиях манхольтов: у них девушка-сэгэнутка была вынуждена бросить своего ребенка Манхольта, которого нашел и воспитал Янгут. В этом предании, по нашему мнению, скрыт следующий смысл: некогда малое племя манхольтов ~ моголютов в силу обострившихся отношений было вынуждено покинуть территориальную группировку и перекочевать на другую территорию, входившую в породные земли янгутов, которые приняли их, разрешили кочевать в рамках отведенного им участка. Среди янгутов и застали в середине XVII в. манхольтов.

Косвенно сэгэнуты упоминаются и в преданиях хурумшинцев. Сюжет вкратце передается следующим образом: «Некогда девушка из племени хурумша по имени Хатархан была отдана замуж за сэгэнута. У нее родились сыновья, но вскоре ее муж умер. Родители мужа стали плохо к ней относиться, и она была вынуждена вернуться к родителям, на земли хурумшинцев. Впоследствии ее потомство образовало улус Хатар, в название которого легло имя Хатархан». Из этого предания становится ясным, что хурумша – племя древнего происхождения, существовавшее во времена могущества сэгэнутов, что подтверждает возможность возникновения общности в ранний курыканский период из социальной группы каменщиков. Таким образом, предания свидетельствуют не только о культурном пласте курыкан, но и о том, что на этой территории постоянно проживали *qorutci* ~ *хурумша* – «каменщики», возможные потомки согдов.

В общем, относительно сэгэнутов можно предполагать, что наряду с булагатами и эхиритами в Западном Прибайкалье существовал еще один демосоциальный организм – большое племя сэгэнут. Территория распространения сэгэнутов в то время могла распространяться от верховьев Лены на востоке до впадения в р. Ангарау р. Оки на северо-

западе, в центральной части включались долины р. Обусы и р. Уды.

В состав большого племени сэгэнут входили такие малые племена, как сэгэнут, икинат, зунгар, быкот, ное, манхольтов, тугут, шэбхэн, хайтал, из которых еще в период существования общности выделились манхольтовы. Общность, по-видимому, распалась примерно в XV–XVI вв., т. е. во время усиления булагатов и эхиритов и их территориальной экспансии. Общность распалась на неравномерные части: на востоке в верховьях Лены вплоть до XVII в. существовала общность сэгэнутов, которая включала в себя помимо самих сэгэнутов такие малые племена, как тугут, шэбхэн, дурлай, хайтал² и осколок ойратского племени торгоут³.

На западе образовался демосоциальный организм – большое племя икинат, в состав которого входили такие малые племена, как икинаты, зоты, зунгары, быкоты, ноеты, а также присоединившиеся к ним хурхуты, нагатай, занги. А. П. Окладников полагал, что количество икинатов, помимо кыштымов, составляло не менее тысячи человек⁴.

Эта общность в течение XVI в., по-видимому, расширяла территориальные границы, так как группы бурятского населения отмечались в верховьях р. Вихоревой на северо-западе, в верховьях Илим на северо-востоке, а *ноеты* – южное подразделение из долины Уды – распространялись в юго-западном направлении через Ангарау, Унгу в сторону Алари.

Керемучины. Также наряду с булагачинами в Прибайкалье упоминаются керемучины. Вполне вероятно связь этого этнонима с современными бурятскими племенами хэрмэшин, основным местом расселения которых являются верховья одного из притоков Баянзурхэ (в Верхоньене).

Термин созвучен бурятскому *хэрмэ(н)* – «белка»⁵, но его этимология вряд ли связана с названием этого зверька. Употребление термина в форме *кырма* в этнониме и топониме не случайно. Термин имеет тюркское происхождение от *qırmaçı* со значением «столяр»⁶, в котором *-çı* – суффикс

² Балдаев С. П. Предания о расселении кударинских и кабанских бурят // Записки БНИИК. Вып. XXV. – Улан-Удэ, 1958. – С. 167.

³ Там же.

⁴ Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). – Л., 1937. – С. 44.

⁵ Бурятско-русский словарь... – С. 649.

⁶ Древнетюркский словарь... – С. 446.

¹ Балдаев С. П. Родословные легенды... – С. 320.

деятеля¹, а *qırma* – «точеный»². Этноним *хэрмэшин* и топоним *кырма*, несомненно, между собой связаны, а огласовка последнего, очевидно, отражает его тюркизм, сохранившийся со средневековья. Социальность этнонима отражает его возникновение в эпоху «трех станов» (уч-курыканов), т. е. из общности, представляющей группу населения, занимающуюся определенной ремесленной деятельностью. В дальнейшем эта общность консолидировалась с подобными соседними группами населения, образ жизни унифицировался, т. е. в конечном итоге предстает социальный организм, имеющий этнические черты.

Татары, дурбаны, салджиуты и катакины в Прибайкалье. В Сборнике летописей Рашид-ад-Дина повествуется о многих центральноазиатских монгольских и тюркских племенах, в т. ч. о татарах. Средневековые татары – одно из наиболее известных племенных объединений Центральной Азии. Этноним *татар* был известен настолько широко, что в Европе так называли всех кочевников Центральной Азии. Впоследствии этот этноним закрепился за частью европейского тюркского населения на берегах Волги и Иртыша, в Крыму.

В данной работе речь пойдет о средневековых центральноазиатских татарах. Рашид-ад-Дин пишет, что татары имели множество ветвей, и в общем их насчитывалось 70 тыс.³ Места их кочевания определялись как близкие к границам Хитая, основным местом расселения считалась местность, именуемая Буир-наур. Таким образом, следуя тексту, основная масса татар расселялась в пределах юго-востока современной Монголии.

О племенном составе татар в тексте говорится: «... татарских племен, что известны и славны и каждое в отдельности имеет войско и [своего] государя, – шесть, идущих в таком порядке: татары-тутукульут, татары-алчи, татары-чаган, татары-куин, татары-терат, татары-баркуй»⁴.

Кроме общих данных о численности, расселении и крупнейших племенах татар в тексте упоминаются и некоторые интересные частные моменты. Так, Рашид-ад-Дин пишет: «... когда племена татар, дурбан, салджиут и катакин объединились вместе, они все проживали по низовьям рек. По слиянии

этих рек образуется река Анкара-мурэн... Утверждают, что эта река [Анкара] течет в одну область, по соседству с которой находится море...»⁵ Как полагает А. А. Семенов, редактор перевода и автор примечаний к «Сборнику летописей», в данном случае речь идет о левобережных притоках Ангара, которые впадают недалеко от ее истоков, т. е. недалеко от Байкала⁶.

В данном случае интересен такой факт, что некоторые татарские племена расселялись в левобережных притоках Ангара и даже заключали здесь союзы с дурбанами, салджиутами и катакинами [т. е. с племенами дурбэн, салджиуд и хатагин]. Племена с этими этнонимами есть и среди бурят. Племена хатагин, салджуд и дурбэд есть в составе этнотерриториальной группы селенгинских бурят, однако большинство этих племен вошли в состав бурят сравнительно недавно, в XVII–XVIII вв. Наиболее интересны племена двух этнотерриториальных групп западных бурят: в составе закаменских бурят в верховьях Джиды известны племена *салжуд* и *дурбэнгуд*⁷, а в составе китойских бурят в низовьях Китоа известно племя хатагин.⁸ По нашему мнению, западнобурятские племена салжуд, дурбэнгуд и хатагин вполне допустимо связать со средневековыми приангарскими салджиутами, дурбанами и катакинами.

Обращаясь к татарской проблеме, необходимо ответить на вопрос, кто были те татары, которые заключали союзы в Приангарье. Наиболее очевидной является близость таких этнонимов, как *терат* у татар и *тэртэ* у западных бурят, известных также как *тертеев*, *тураев* и *тыретский*. Впервые возможность сопоставления этнонимов *терат* и *тэртэ* предложил Бадамхатан⁹. Буряты племени тэртэ распространены в верховьях Джиды, в долине Зун-Мурэна, Иркуты и Унги.

По нашему мнению, также весьма вероятна связь этнонимов *тутуклиут/тутуклинут* у татар и *шошолог* у бурят. Основанием для подобного вывода служит их этимологический анализ. Этноним *tutuqli(n)ut* – *тутукли(н)ут* делится на основу *tutuq*

⁵ Там же, с. 101–102.

⁶ Там же, с. 102.

⁷ Галданова Г. Р. Закаменские буряты. – Новосибирск, 1992. – С. 28, 30.

⁸ Балдаев С. П. Избранное. – Улан-Удэ, 1961. – С. 75.

⁹ Бадамхатан С. Ховсголийн дархад ястан. – Улаанбаатар, 1965. – С. 67.

¹ Там же, с. 650.

² Там же, с. 446.

³ Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т.1. Кн.1. – С. 101.

⁴ Там же, с. 103.

–тюркский титул, имеющий значение «правитель»¹, -li – тюркский словообразовательный аффикс, указывающий на обладание и -(n)ut/-(n)ud – монгольское окончание множественного числа. Таким образом, значение этнонима *тутуклют* раскрывается как «имеющие правителя».

Этноним бурятского племени *шошолог*, известный также как *цысолик*, *чечеловцы*, *чеченовцы* и *шешоловцы*, в XIX в. в документах Тункинской степной думы записывался монгольским письмом как *ᠰᠠᠴᠠᠯᠠᠭ* (*чачалу*). Таким образом, при помощи старописьменного монгольского языка обнаруживается древний корень **ᠰᠠᠴᠠ** (**чача**), этим словом в средневековые называли военного правителя, иногда чача буквально переводится как «генерал»². В итоге этноним *шошолог* раскрывается как «имеющие военного правителя».

Связь между этнонимами *тутуклют* и *шошолог* вполне допустима. Значением обоих этнонимов является «имеющие правителя», но *тутуклют* – мирного [т. е. в мирное время], а *шошолог* – военного [т. е. в военное время]. По нашему мнению, часть средневековых приангарских татар-тутуклютов могли сменить этноним по двум причинам: либо со сменой общинно-кочевого периода военно-кочевым, либо в связи с преследованием Чингис-ханом татарских племен. По второй причине татары-тутуклют могли трансформировать этноним на близкий по значению – «скрыться от преследований». Близкий сюжет из преданий о былой многочисленности шошолоков и почти полном уничтожении племени врагами упоминает Г. Р. Галданова³.

Необходимо также указать, что тэртэ и шошолоки являются давними насельниками Приангарья, в XVII в. к приходу русских они расселялись в долине Иркутта и Унги, притоков Ангары, а шошолоки расселялись в низовьях Иркутта, в районе современного Иркутска, т. е. и те и другие были расселены в долинах притоков Ангары, так же как и средневековые приангарские татары. Близость расселения западнобурятских салжудов, дурбэнгутов и хатагинов указывает на осколки центрально-азиатских племен, переселившихся в Приангарье, впоследствии вошедших в состав бурят, а в средневековые заключавших союзы с татарами племен терат и тутуклют.

Таким образом, бурятские племена тэртэ и шошолог, по нашему мнению, сопоставимы со средневековыми приангарскими татарами в составе которых, очевидно, присутствовали известные Рашид-ад-Дину тераты и тутуклюты.

Дауры. Имеющиеся данные позволяют также предполагать, что кроме баргутов и некоторые другие отдельные этнические группы из числа коренных обитателей края в результате вторжения русских оказались в конечном счете за пределами современной этнографической Бурятии. Так, согласно отпискам ленских воевод Петра Головина и Матвея Глебова за сентябрь 1641 г., «... живет ... вверх по Витиму-реке даурский князец именем Ботога с товарищами, ... а живет де он, Ботога, на Витиме-реке на усть Карги-реки, на одном месте улусами, а юрты, де государь, у того князья Ботоги рубленные, и скота де, государь, у того князья Ботоги всякого, и соболя много, и серебра де у него есть, а то, де государь, он серебро Ботога и камни покупает на Шилке-реке у князя Ловкоя, от Ботоги, де государь, вверх по Витиму-реке и до Яравна-озера по обе стороны Витима-реки, даурские конные многие люди, а бой де у них лучной, а язык, де государь, у них свой, с якутским и тунгусским языком не сходится»⁴. Больше о даурах в Забайкалье, насколько известно, нет каких-либо сведений в русских документах того времени.

Реальность факта о проживании в прошлом на территории Забайкалья значительной численности даурского населения подтверждается дополнительными аргументами.

Согласно «Краткой географической энциклопедии», Забайкалье и частично Приамурье до XVII в. назывались Даурией⁵. Правда, при этом не указано, с какого времени сложилась такая традиция и в каких источниках впервые такое название зафиксировано. Там же указано, что после XVII в. это название сохранилось главным образом за Забайкальем. При этом выделяются Байкальская Даурия – от Байкала до Яблонового хребта, и Селенгинская Даурия – южная часть Байкальской Даурии к востоку от р. Селенги. Совершенно аналогичное определение на сей счет приводится в Большой Советской энциклопедии⁶.

⁴ Сборник документов по истории Бурятии XVII в. – Улан-Удэ, 1960. – С. 38.

⁵ Краткая географическая энциклопедия. Т. 1. – М., 1960. – С. 524.

⁶ БСЭ. Т. 7. – С. 562.

¹ Древнетюркский словарь. – С. 593.

² Там же, с. 135.

³ Галданова Г. Р. Закаменские буряты... – С. 13.

Имеется несколько работ, преимущественно научно-популярного плана, под одинаковым названием «Селенгинская Даурия». Однако ни один из авторов, похоже, не задавался целью разобраться в происхождении названия, принимая его как известную аксиому. В сделанном вскользь замечании В. В. Птицына, «с древности эта страна называлась Даурией, по имени коренных ее обитателей, бурят, называемых и поныне даурами от своих соседей, тунгусов и ороchon. От русских она получила официальное название Забайкалье или Забайкальская область... Вся Даурия, растянувшаяся на тысячу верст от Байкала и Витима до Аргуни и китайской границы..., разделяется по середине параллельно с Байкалом огромным, непроходимым, почти не исследованным Яблоновым хребтом, отделяющим Даурию Прибайкальскую от Нерчинской Даурии»¹.

Почти аналогичным образом определял границы рассматриваемой области И. А. Рукавишников². В. А. Обручев ограничился в основном геоморфологическими характеристиками края³.

Кроме того, представляет интерес одно сказание, записанное Б. И. Панкратовым⁴. В нем повествуется о том, что дагуры в свое время входили в племенной союз, которым правил некий Сааджигалди-хан. Этот хан потерпел поражение в войне с соседями и был вынужден уйти на запад. Уходя, он увел с собой большинство своих подданных. В предании ничего не говорится о том, какая судьба постигла Сааджигалди-хана и его подданных.

Очевидно, часть дауров, в силу неблагоприятно сложившейся этнополитической ситуации, вероятно, в результате распада империи Ляо, была вынуждена мигрировать в более западные районы. В свете всего вышесказанного, территорией, где дауры нашли прибежище, стало Забайкалье. Примерно к середине XVII в., после первых контактов и столкновений с русскими казаками, дауры компактными группами двинулись в сторону своих прежних мест обитания, в Приамурье. В источниках не отражено возникновение каких-либо особо конфликт-

ных ситуаций между даурами и русскими казаками в пределах Забайкалья.

В настоящее время дауры (дагуры) проживают в основном в провинции Хэйлунцзянь и Хулун-Буирском аймаке АРВМ КНР, также в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Общая их численность примерно 120 тыс. чел.

Выводы. В заключение главы уместно обратить внимание, прежде всего, на данные топонимики Бурятии. В ней присутствуют тунгусский, самодийский, частично кетский пласты, которые представляют более ранний этноязыковой фон и свидетельствуют об этническом субстрате, принявшем в той или иной степени участие в этногенезе бурят. К сожалению, на археологическом материале этот процесс мало исследован. В предбайкальских памятниках фиксируются черты, вероятно, самодийскоязычных и, возможно, кетоязычных этносов, в Восточном Забайкалье – тунгусо-маньчжурских. Очень слабые следы ираноязычной топонимики указывают на присутствие в регионе групп согдийского населения.

Широкое распространение тюркоязычных топонимов подтверждает участие тюркского населения в этногенезе бурят и, более того, указывает на возможное его присутствие еще с древности (следует иметь в виду однозначно не решаемые вопросы о носителях культуры курганов-керексуров, равно как и культуры хунну).

Топонимы монгольского происхождения также не исключают того, что они появились в древности (имея в виду вероятное монголоязычие населения культуры плиточных могил и возможное монголоязычие создателей империи Хунну). А численное преобладание монгольских топонимов связано с окончательной языковой монголизацией населения, начиная с киданьского времени. Роль Киданьской империи в монголизации тюрко-монгольского населения Центральной Азии декларируется как бы априори, но это скорее политический фактор, сыгравший роль в изгнании тюркоязычных этносов за пределы Монголии и Забайкалья. Но об участии киданей как родоплеменных единиц в этногенезе монголов и баргутско-курыканских предков бурят конкретных данных не имеется. Правда, дауры – племя киданьского происхождения (см. выше рубрику «Дауры»), вытесненные чжурчженями из Приамурья, – нашли прибежище в Восточном Забайкалье, но с приходом туда русских они покинули эту часть территории будущей Бурятии. Возможно, даурско-

¹ Птицын В. В. Селенгинская Даурия. – СПб., 1896. – С. 1.

² Рукавишников И. А. Очерки хозяйственного быта бурят Селенгинской Даурии. – Иркутск, 1923. – С. 3.

³ Обручев В. А. Селенгинская Даурия. – М., 1929. – С. 5.

⁴ Панкратов Б. И. Даурский язык: введение // Страны и народы Востока. – СПб., 1999. – С. 132–148.

киданьским этническим наследием является этническая группа ононских хамниганов Агинского Бурятского национального округа Забайкальского края (в литературе существует такая гипотетическая версия).

В Западном Забайкалье и Ближнем Прибайкалье археологические материалы трудно дифференцируемы между тюркоязычными и монголоязычными этносами средневековья ввиду взаимоинтеграции и нивелировки культурных черт. На этом фоне важное значение приобретает правильная трактовка курумчинской культуры – единственного в регионе археологического комплекса, который можно называть полноценной культурой. Если признать ее как таковую, она приобретает ключевое значение в 2 ракурсах: 1) в узких рамках Прибайкалья VI–XIV вв. эта культура демонстрирует в своем эволюционном развитии сочетание в основном тюркских и монгольских черт; 2) оценка ее в генетическом аспекте в широких и глубоких хронологических рамках позволяет говорить о том, что она сочетает черты центральноазиатских и восточноазиатских культур, восходящих к хунну-дунхуской древности.

При сопоставлении материалов письменных источников и этнонимии с археологическими можно сделать следующие предварительные выводы.

Исходя из того, что термин *курукан* имеет значение «стан, военный лагерь», нельзя строить предположения о моноплеменном характере объединения, скотоводческо-земледельческое население которого составляло около 50 тыс.¹ Судя по всему, население – выходцы из Центральной Азии – изначально было двуязычным, говорило на наречиях тюркского и монгольского языков.

Ряд племенных и родовых этнонимов (хор/хори, шоно, нохой, галзут, шарайд своим происхождением восходят к этническим процессам и фольклорно-мифологическому наследию хунно-сяньбийской эпохи. Антропологический материал, указывающий на промежуточное между хунну и бурятами положение курумчинцев, а также на наличие в нем европеоидного субстрата, подтверждает, что формирование современного расового типа бурят происходило на базе пришлого населения из Центральной Азии². Европеоидный субстрат был настолько минимален, что его отголоски отмечаются

в территориальных группах в разной степени³. Необходимо также учитывать, что изменения в антропологическом типе происходят и под влиянием внешних природных факторов. Период в полтора тысячелетия пребывания в других климатических условиях мог повлечь значительные перемены во внешнем облике.

У бурят практически отсутствуют признаки байкальского расового типа, который в Прибайкалье представлен эвенками и тофаларами, что указывает на незначительный процент ассимилированных тунгусов в составе бурят⁴. Об их наличии все-таки свидетельствуют материалы этнонимии. Тунгусскими по происхождению этнонимами являются *готол*, *муруй*, *бахай*, *хулмэнгэ*. Из этнонимов, связанных с тунгусами, можно назвать – *хамнагадай*, *онхотой*.

О присутствии в Прибайкалье европеоидов-согдийцев свидетельствуют археологические материалы. Прежде всего, это материалы захоронений европеоидов таджикско-ферганского типа. Также характерным материалом является наличие инвентаря, который характерен только для Средней Азии⁵. Причем отмечаются попытки воспроизведения среднеазиатского инвентаря на месте, что также указывает на именно культурное присутствие. Под среднеазиатским влиянием в Прибайкалье, очевидно, были созданы многочисленные оросительные каналы, необходимые для земледелия, а также получило развитие земледелие: археологами были найдены такие злаки, как пшеница, ячмень, просо и др.

Но так как согдийцы были относительно немногочисленны, они были быстро ассимилированы и не оставили следов во внешнем облике. Материалы свидетельствуют об этнонимах, возникших на основе имен нарицательных, означающих профессиональную принадлежность: *хэрмэшин* – «столяр», *хурумша* – «каменщик». Возможно, что в основу носителей этих этнонимов в средневековье легли группы мужского согдийского населения,

¹ Ханхараев В. С. Буряты... – С. 27–28.

² Золотарева И. М. Этническая антропология...; Бураев А. И. Средневековое население...

³ Золотарева И. М. Этническая антропология...; Она же. Некоторые данные по этнической антропологии населения Забайкалья // Записки БМНИИ. Вып. XXIV. – Улан-Удэ, 1957. – С. 203–240.

⁴ Золотарева И. М. Этническая антропология... – С. 27.

⁵ Окладников А. П. Новые данные по истории Прибайкалья в тюркское время (Согдийская колония на р. Унге) // Тюркологические исследования. – М.-Л., 1963. – С. 273–281.

которые прибыли на территорию Прибайкалья для строительства военных укреплений, поселений. Их потомки в дальнейшем могли продолжать начатое

предками на протяжении нескольких поколений, но со временем культурная унификация достигла и этих групп населения.

Заключение

Длившийся десятки тысяч лет период, именуемый древностью и средневековьем, самый продолжительный в истории человечества и чрезвычайно значимый, поскольку в это время происходили события, повлиявшие на становление современной культуры в широком смысле, складывание региональных экономических особенностей, изобретение формирование разнообразных социально-политических, религиозно-идеологических и философских систем, в целом определяющих облик современного человечества.

Выделенные на территории Бурятии памятники эпохи раннего и среднего палеолита показывают, что развитие население региона десятки и сотни тысяч лет назад проходило в общем русле эволюции всего человечества. В эпоху верхнего палеолита, а возможно и раньше, начинают формироваться отличия в орудийной и хозяйственной деятельности, связанные с различием природно-географических климатических условий, появлением специфичных способов охоты на разных животных, различными способами собирания разнообразных растений, употребляемых в пищу. Раскопки на памятниках Варварина гора, Толбага, Подзвонкая, Каменка и других показывают, что в это время происходило формирование отдельных зон, все более отличавшихся друг от друга по технологии изготовления орудий из камня и кости, и обособление групп населения по ряду признаков.

Раскопанные стоянки эпохи неолита, расположенные по берегам рек и озер Забайкалья, дают представление об изменениях, происходивших в технологии изготовления изделий из камня. Появляются разнообразные изделия из кости, в большей части орудия для охоты и рыбной ловли, которая в неолите становится одним из основных источников пищи. Повсеместно распространяется керамическая посуда – этот своеобразный маркер отдельных групп населения. В неолите помимо стоянок появляются погребения людей, образующие компактные могильники, свидетельствующие о формировании достаточно сложных представлений об окружающем мире, о становлении социальных групп, связанных кровным родством.

В эпоху энеолита и ранней бронзы на территории Центральной Азии появляется население с навыками ведения скотоводческого хозяйства. Памятники этого времени, относящиеся к афанасьевской культуре, открыты в Западной и Центральной Монголии. В дальнейшем население этой культуры адаптируется к степным пространствам, и в результате совершенствования хозяйственных навыков постепенно происходит формирование кочевого скотоводства и кочевого образа жизни. Вообще, время возникновения кочевого скотоводства является одной из актуальных проблем в номуадистике. По результатам проведенных исследований, это могло происходить в карасукскую эпоху

и на ранних этапах становления культур керексуров, дворцовой и плиточных могил. Именно в это время начинают формироваться основные черты кочевого образа жизни: подвижное скотоводческое хозяйство, подтверждаемое находками костей домашних животных, присущих кочевникам, по этнографическим данным, — лошади, овцы, крупного рогатого скота, козы. В источниках эпохи Шан-Инь (XVII–XIII вв. до н. э.) и Чжоу (XIII–VII вв. до н. э.) содержатся сведения о «северных варварах», ведущих необычный, с точки зрения оседлых земледельцев, подвижный образ жизни, нашедший отражение в расхожей формулировке «в поисках воды и травы следуют вслед за скотом». Описание переносных жилищ из прутьев и войлока содержится в письменных источниках о хунну. В эпоху древних кочевников в широкий обиход входит металлическая конская сбруя, сначала из бронзы, затем из железа.

Надо полагать, что уже в эпоху ранних кочевников население всех природных зон центральноазиатских степей имело возможность при благоприятных условиях иметь довольно большие стада скота. Возможность создавать немалое количество прибавочного продукта в виде разнообразной животноводческой продукции имела и оборотную сторону — легко отчуждаемую собственность. Для их защиты необходима была система безопасности не только для одного семейства, но и для целого ряда семейств, объединенных в кровнородственные группы. Для защиты не только скота, но и пастбищных территорий необходимо было объединение родов в более крупную таксономическую единицу, определяемое как племя или вождество. Однако скотоводы объединялись не только для защиты своих стад и территорий. При благоприятном стечении обстоятельств они не упускали случая завладеть скотом более слабых соседей, захватить пастбища и по возможности поставить их в зависимое положение. Такая ситуация складывалась в степях, по всей видимости, с самого начала формирования скотоводческого хозяйства и способствовала созданию нестабильного положения для простых скотоводов.

В это время уже начинается имущественная и социальная дифференциация, подтверждаемая появлением грандиозных погребальных сооружений с богатым сопровождающим инвентарем, возникавших по всей территории степной Евразии. Сложный процесс перерастания или перехода племенной организации к общественно-политической системе более высокого уровня, связывается с появлением вождей, наделенных как талантами военачальника, политического деятеля, так и человеческими качествами, притягательными для всех слоев населения. В полной мере этим требо-

ваниям отвечали предводители хунну, сяньби, жуэней, тюрков, уйгуров, киданей, монголов. Наблюдая за их деятельностью по источникам, можно представить, как шел сложный и противоречивый процесс объединения родов и племен и формирование кочевых империй. Во время их существования наступает внутренняя стабилизация общества, прекращаются набеги и междоусобные военные действия. С введением административного контроля над завоеванной территорией устанавливаются определенные маршруты кочевков, равномерно распределяются пастбища, что удовлетворяет мирное кочевое население. Элита общества также использует создавшуюся обстановку для упрочения власти и накопления богатств. Таким образом, кочевые общества, включая почти все слои населения, были заинтересованы в создании сильной централизованной власти, хотя ряд объективных и субъективных причин приводил к тому, что вместо мирной жизни кочевые государства становились на путь завоевательных войн.

После падения династии Юань большая часть монгольской знати, воинов, чиновников и их семьи бежали в Монголию. В течение ряда десятилетий продолжались военные действия китайской династии Мин и потомков Чингис-хана. Однако ни одна из сторон не добилась сколько-нибудь значительного перевеса. Существовавшее зыбкое равновесие сил было нарушено усилением и военным вторжением маньчжурской династии Цин, создавшей могущественную империю от Желтого моря до Тянь-шаня.

На территории Монголии, Прибайкалья и Забайкалья начинается становление новых этнических общностей, таких как буряты, халха, джунгары-ойраты, чахары.

Раннее формирование бурятского народа происходило на территории Прибайкалья, и главную роль здесь сыграли монголоязычные народы, известные в письменных источниках как булагачин, керемучин, икересы, хори. Большое значение имели народы, окружавшие основные очаги сложения бурятского этноса, такие как баяуты, ойраты, баргуты. Хотя исследование сложного процесса этногенеза бурят имеет уже относительно давнюю историю, многие его стороны освещены еще не в достаточной степени. Использование всех доступных материалов: археологических, этнографических, лингвистических, исторических — часто приводило к выводам, отражавшим как недостаточную разработанность методологических позиций, так и недостаточную глубину проработанности материалов. Зачастую это приводило к созданию обобщений и концепций, уязвимых для критики настолько, что до сих пор нет четко обоснованной концепции, при-

нимаемой большинством научного сообщества. Хотя надо отметить, что в последние годы трудами бурятских этнографов и историков проделана значительная работа по освещению как отдельных сторон, так и созданию общей картины этнической истории бурятского народа.

Со времени выпуска «Истории Бурятии» в 1959 г. значительно увеличилось количество археологических материалов, полученных на территории Республики Бурятия. Здесь сложился коллектив специалистов-археологов, ведущих исследования по всем хронологическим периодам, имеющих опыт по изучению всех типов памятников на территории Бурятии. В результате появилась возможность создания коллективных обобщающих работ по древней и средневековой истории республики, что и осуществлено в первом томе «Истории Бурятии». Координация действий между археологами и историками Республики Бурятия, Иркутской области, Забайкальского края и Монголии способствует плодотворному изучению древней истории региона, повышению уровня археологических исследований и изданию качественных трудов по истории региона.

Список сокращений

АГУ – Алтайский государственный университет
 АИЧПЕ – Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
 АН МНР – Академия наук Монгольской Народной Республики
 АН СССР – Академия наук СССР
 АРВМ КНР – Автономный район Внутренняя Монголия КНР
 БГУ – Бурятский государственный университет
 БИОН БФ СО АН СССР – Бурятский институт общественных наук Бурятского филиала Сибирского отделения АН СССР
 БКНИИ – Бурятский комплексный научно-исследовательский институт
 БМАССР – Бурят-Монгольская Автономная Советская Социалистическая Республика
 БМАЭ – Бурят-Монгольская археологическая экспедиция
 БМНИИИК – Бурят-Монгольский научно-исследовательский институт истории и культуры
 БМНИИИКЭ – Бурят-Монгольский научно-исследовательский институт истории, культуры и экономики
 БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук
 БФ СО АН СССР – Бурятский филиал Сибирского отделения Академии наук СССР
 ВА – Вестник археологии
 ВГО – Всесоюзное географическое общество
 ВДИ – Вестник древней истории
 ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
 ГРВЛ – Главная редакция восточной литературы
 Зап. БМГИЯЛИ – Записки Бурят-Монгольского государственного института языка, литературы, истории
 Зап. ВСОРГО – Записки Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества
 Записки ИИМК РАН – Записки Института истории материальной культуры Российской академии Наук
 ИАЭ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук
 ИГПУ – Иркутский государственный педагогический университет
 ИГТУ – Иркутский государственный технический университет
 ИГУ – Иркутский государственный университет

- ИИА АН КССР – Институт истории, археологии академии наук Казахской ССР
 ИИМК АН СССР – Институт истории материальной культуры академии наук СССР
 ИИМК, фонд Г. П. Сосновского – Институт истории материальной культуры, фонд Г. П. Сосновского
 ИИФиФ СО АН СССР – Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения академии наук СССР
 ИМБТ СО РАН – Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук
 ИОН БНЦ СО РАН – Институт общественных наук Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук
 ИРГО – Императорское Русское географическое общество
 КНР – Китайская Народная Республика
 КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
 КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии
 ЛГУ – Ленинградский государственный университет
 ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии
 МАЭ АН СССР – Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера)
 МГУ – Московский государственный университет
 МИА СССР – Материалы и исследования по археологии СССР
 МИБ – Материалы по истории Башкирской АССР
 МНР – Монгольская Народная Республика
 НГУ – Новосибирский государственный университет
 ПИДО – Проблемы истории докапиталистических обществ
 ПС ВСОРГО – палеоэтнологическая секция Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества
 РАСК – Региональная археологическая студенческая конференция
 РАЭСК – Региональная археолого-этнографическая студенческая конференция
 РГО – Русское географическое общество
 РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
 СА – Советская археология
 СО – Сибирское отделение
 СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
 СО РГО – Сибирское отделение Русского географического общества
 СОИРГО – Сибирское отделение Императорского Русского географического общества
 ССВ – север-северо-восток
 ТКАЭЭ – Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция
 ТКОПОРГО – Троицкосавско-Кяхтинское отделение Приамурского отдела Русского географического общества
 ТОИПК ГЭ – Труды Отдела истории первобытной культуры (Государственный Эрмитаж)
 ЧГПИ им. Н. Г. Чернышевского – Читинский государственный педагогический институт им. Н. Г. Чернышевского

СИНХРОНИСТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

Периоды и возраст тыс. лет	Предбайкалье и Забайкалье Археологические культуры, памятники и этнические группы	Центральная и Восточная Азия Археологические культуры и памятники
Нижний палеолит 2600–150	(≈700–150 тыс. л. н.) Русло Гыршелунки Гора Хэнгэрэктэ Засухино Георгиевское-I	Цаган-Агуй (слои 5–13 Большого грота) Местонахождение у горы Ярх Нарийн-Гол-17
Средний палеолит 150–40	Хотык Ирэн-Хада 1 Хэнгэр-Тын Скальная Хэнгэр-Тын 2 Барун-Алан 1 (слой 7)	Орхон-7 (горизонт 7) Мойлтын ам (горизонты 4, 5) Орок-Нор-1, 2 Цаган-Агуй (слой 4 Большого грота)
Верхний палеолит 40–11	Стоянка Арембовского; Макарово-IV. Толбагинская культура и типологически близкие ей памятники: (44–30 тыс. л. н.) Толбага; Подзвонкая; Варварина Гора; Каменка (комплексы А, С); Хотык; Археологическая культура с бифасами (Хэнгэрэктэ): (35–25 тыс. л. н.) Барун-Алан (слой 6); Хэнгэр-Тын 3 «Святилище» (слой 6) Куналейская культура и типологически близкие ей памятники: (30–25 тыс. л. н.) Куналей; Каменка (комплекс В)	Орхон-1; Орхон-7; Цаган-Агуй (слой 3 Большого грота) Мойлтын-Ам Толбор-4 (горизонты 4–7) Толбор-15 (горизонты 5–7)
	Средний этап верхнего палеолита (25 – 18 тыс. л. н.): Сухая Падь; Санный Мыс; Усть-Кяхта-16; Усть-Кяхта-14; Мальта; Буреть; Игетейский Лог-I	Орхон-1 (горизонт 2 раскопов 1, 2, 3) Орхон-7 (горизонт 1 раскопа 2; гори- зонты 1, 2 раскопа 3)
	Финальный этап верхнего палеолита (18 – 11 тыс. л. н.): Студёное-1 (горизонты 14–17); Студёное-2 (горизонт 3); Санный Мыс (горизонты 3-5); Усть-Кяхта-3; Усть-Кяхта-17; Аршан-Хундуй; Верхоленская Гора;	Толбор-15 (горизонты 3, 4); Толбор-4 (горизонты 2, 3); Мойлтын ам (горизонт 1);
Мезолит 11–8	Студёное-1 (горизонты 10–13); Студёное-2 (горизонт 2); Усть-Менза-1 (горизонты 9–12); Ошурково (горизонты 1–3);	грот Чихэн-Агуй (голоценовые слои); Хере-уул; Рашаан-Хад;

<p style="text-align: center;">Неолит 12-4</p>	<p>Ранний неолит – 11-12 – 5,5 тыс. л. н.: Начальный неолит – 7,5 тыс. л. н. 11-12 тыс. л. н.: Усть-Каренга (слой VII), 8,3-7,5 тыс. л. н.: Красная Горка (слой 2), Кибалино (слой 2). Ранний неолит – 7,5-5,5 тыс. л. н. <i>Стоянки:</i> Мухино (слой VI), <i>Могильники:</i> Фофаново (I группа), Бухусан (погребения № 20, 21), Старый Витим-2. <i>Одиночные погребения:</i> Нижняя Джиллинда, Верхний Мангиртуй и др.</p> <p><i>Поселения:</i> Студеное-1 (слои 8, 9), Усть-Менза-1 (слои 7,8). Чиндантский этап – Чиндант, Дворцы (слой 3).</p> <p><i>Погребальные комплексы:</i> Усть-Менза 5, Мельничное.</p> <p><i>Поселения:</i> Улан-Хада (слой 10), Усть-Хайта (слои 5 и 5а). <i>Могильники:</i> Китойский, Усть-Бельский, Локомотив, Хоторук и др.</p> <p>Развитой неолит – 5,5-4,5 тыс. л. н. <i>Поселения:</i> Посольск (слои 2А-2Б), Катунь-1 (слои 7-6), Окуневая-4 (слой 4), Ярцы Бай-кальские (южный комплекс, слой 2; центральный комплекс, слой 2б), Муханские озера (слой 2). <i>Могильники:</i> Бухусан (погребения № 3, 6, 13 и др.).</p> <p><i>Поселения:</i> Студеное-1 (слои 6,7), Усть-Менза (слой 6), Косая Шивера (5). Будуланский этап – Арын-Жалга (слой 2), Дарасун (слой 2). <i>Погребальные комплексы:</i> Шилкинская пещера.</p> <p><i>Поселения:</i> Горелый лес (слои 5, 5а), Усть-Хайта (слой 4), Улан-Хада (слой 9), Саган-Заба (слои 3-4). <i>Могильники:</i> серовская культура – Серово, Сарминский мыс, Хужир-Нуге-6, Улярба (5-я группа) и др. Верхоленский могильник («архаическая» группа)</p> <p>Поздний неолит – 4,5-4,0 тыс. л. н. <i>Поселения:</i> Посольск, Нижняя Березовка (слой 2), усть-юмурченская культура – Усть-Юмурчен, Усть-Каренга (слой 2).</p> <p><i>Поселения:</i> Студеное-1 (слои 2-5), Усть-Менза-1 (слой 3-5), Алтан (слои 9-15). Амаголонский этап – Амаголон (слой 9), Черемушки Амаголонский этап – Амаголон (слой 9), Черемушки, Молодовск (слой 2).</p> <p><i>Поселения:</i> Улан-Хада (слой 8), Усть-Белая (слой 2а).</p>	<p>Ранний и развитой неолит: <i>Поселения:</i> Толбор-15 (слой 1а), Тамсаг-Булаг, Овоот, Барга Элс. Шабарак-усу, Зуух, Баянзаг. <i>Погребальные комплексы:</i> Тамсаг-Булаг, Дзун-Ульдзит, Баруун-Ульдзит</p> <p>Поздний неолит: <i>Погребальные комплексы:</i> Норовлийн-уул</p> <p>Амаголонский этап – Амаголон (слой 9), Черемушки, Молодовск (слой 2).</p>
--	---	---

<p>Энеолит и ранний бронзовый век (середина III тыс. до н. э. – начало II тыс. до н. э.).</p>	<p>Харгинский этап – вторая половина III тыс. до н. э. <i>Поселения:</i> Харга, Дворцы (слой 2), Ишахан.</p> <p>Северобайкальский этап (вторая половина III тыс. до н. э. – начало II тыс. до н. э.). <i>Поселения:</i> Посольск, Бурхан, Байкальское-3 и 4, Богучанская-13, Северобайкальск-1, Лысая Сопка 1</p> <p>Глазковский этап (конец III тыс. – начало II тыс. до н. э.). Глазковская культура <i>Поселения:</i> Ярцы Байкальские (южный комплекс, слой 1; центральный комплекс, слой 2). <i>Могильники:</i> 2-я группа могильника Фофаново, Глазковский могильник, Улярба (1, 2-я группы) и др.</p> <p>Хэнтэйский этап (начало II тыс. до н. э.) Хэнтэйская культура <i>Поселения:</i> Кулькисон, Ярцы Байкальские (центральный комплекс, слой 1в), Усть-Менза-1 и 2 (слой 2), Студеное (слой 1б), Алтан (слой 5)</p>	<p>Афанасьевская культура (сер. III – нач. II тыс. до н. э.) <i>Петроглифы:</i> р. Чулуут – Чулуут-1–3, 7. <i>Погребальные комплексы:</i> Алтан-санда (Архангайский аймак), Шатар-Чулуу (Баянхонгорский аймак), Кургак-гови (Хуурай говь)-1 (Улан-хус сомон, Баянхонгорский аймак). Каменные жезлы в Манхан сомоне Ховд аймака</p>
<p>Эпоха развитой, поздней бронзы и раннего железа (сер. II тыс. до н. э. – III в. до н. э.)</p>	<p>Культура курганов-керексуров и оленных камней: сер. II тыс. до н. э. – VI в. до н. э.</p> <p>Западное Забайкалье <i>Могильники:</i> Нижний Бургултай, Подлопатки, Улзыт, Капчеранка, Бурдуны, Верхний Ичетуй, Баин-Хара, Шартыкей, Цаган-Усун, Цаган-Челутай, Гутай и др.</p> <p>Культура плиточных могил: сер. II тыс. до н. э. – II в. до н. э.</p> <p>(Гришин Ю. С. сер. II тыс. до н. э. – II в. до н. э.; Цыбиктаров А. Д.: чулутский этап – XIII – VIII вв. до н. э.; ацайский этап – VIII – VI вв. до н. э.; Диков Н. Н.: тапхарский и саянтуйский этапы – VIII – II вв. до н. э.)</p> <p>Западное Забайкалье <i>Могильники:</i> Тапхар, Саянтуй, Сотниково, Татаурово, Сухой Ключ, Ара-Суджи, Хаара Усу, Чулуты, Улзыт-6, Ацай-2, Хужир-2, 4, Пестерево, Нижний Бургалтай и др.</p> <p>Восточное Забайкалье <i>Могильники:</i> Оловянное, Ононск, Усть-Иля, Будалан, Урульга, Хуготуй, Малый Батор и др.</p> <p>Дворцовая культура – XVI – III вв. до н. э. (Кириллов И. И., Кириллов О. И.: XVI – III в. до н. э.; Гришин Ю. С.: сер. II тыс. до н. э. – III в. до н. э.; Цыбиктаров А. Д.: II тыс. до н. э. – VI в. до н. э.) <i>Могильники:</i> Дворцы, Жигурхинка, Булак. Дарасун, Александровка, Жипковщина и др.</p>	<p>Культура курганов-керексуров и оленных камней (сер. II тыс. до н. э. – VI в. до н. э.)</p> <p>Монголия, аймаки: Селенга, Булган, Хубсугул, Забхан, Хобдо, Арахангай, Убурхангай, Баинхонгор, Тов, Хэнтэй, Гоби-Алтай, Китай: Синьцзян. Россия: Тыва</p> <p>Культура плиточных могил: сер. II тыс. до н. э. – II в. до н. э.</p> <p>Монголия, аймаки: Селенга, Булган, Хубсугул, Арахангай, Убурхангай, Баинхонгор, Тов, Хэнтэй, Дорнод, Умнэговь, Сухбаатор</p> <p>Китай: Юг Внутренней Монголии, Северный Тибет (?)</p> <p>Чандманьская культура (VIII – III вв. до н. э.) Монголия – Убсунур</p> <p>Культура дунху (XI – III вв. до н. э.) Китай: Северный Китай, Внутренняя Монголия <i>Могильники:</i> Сяцзядянь, Чжаньду, Пиньян, Саныцзяцзы, Саоданхэ</p> <p>Культура ранних хунну (VIII – III вв. до н. э.). Северный Китай – Внутренняя Монголия <i>Могильники:</i> Сяцзядянь, Няньшаньгэнь, Дунняньгоу, Таухунбала, Маоцингоу, Даодуньцзы, Юйхуанмяо, Вянгунь, Янлан.</p>

Эпоха развитой, поздней бронзы и раннего железа (сер. II тыс. до н.э. – III в. до н.э.)	<p>Империя Хунну (209 г. до н.э. – 93 г. н.э.)</p> <p>Культура хунну – кон. II в. до н.э. – I в.н.э. Западное Забайкалье <i>Поселения и городища:</i> Иволгинское, Баян-Ундэр, Дурены, Енхор, Баргай.</p> <p><i>Могильники:</i> Ильмовая падь, Черемуховая падь, Енхор, Баргай, Оргойтон, Эдуй, Бурдуны, Царам, Дэреустуйский Култук, Иволгинский и др.</p> <p>Предбайкалье Елгинский этап (II в. до н.э. – VIII в. н.э.) Восточное Забайкалье Зоргольская культура (II в. до н.э. – IV в. н.э.)</p> <p><i>Могильники:</i> Зоргол, Дурой, Большая Канга и др.</p>	<p>Империя Хунну (209 г. до н.э. – 93 г. н.э.)</p> <p>Культура хунну (кон. II в. до н.э. – I в.н.э.)</p> <p><i>Поселения и городища:</i> Тэрэлжийн Дэрэвэлжин, Хурэт дов, Гуа дов, Боро и др.</p> <p><i>Могильники:</i> Ноин уул, Гол мод, Дуурлиг нарс, Тахилтын хотгор, Дуулга уул, Морин толгой, Зараа толгой, Тэвш уул, Нухтийн ам, Улаангом салхит, Худгийн толгой, Ээзгийнтын хужирт, Солби уул, Хиргис хоолой, Барун хайрхан и др.</p>
	<p>Государство Сяньби (155 – 235 гг. н.э.)</p> <p>Восточное Забайкалье Зоргольская культура (II в. до н.э. – IV в. н.э.)</p> <p><i>Могильники:</i> Зоргол-1, Дурой1-, 2, Большая Канга-1</p>	<p>Государство Сяньби (155 – 235 гг. н.э.)</p> <p>Период «шестнадцати государств» пяти северных племен (304–439 гг. н.э.) <i>Могильники:</i> Чжалай нор, Ваньгун, Лабудалинь, Лаохэшэнь, Иминь, Синьлуншань, Люцзяцзы</p>
Эпоха железа (средневековье)	<p>Предбайкалье и Западное Забайкалье</p> <p>Курумчинская культура Черенхынский этап (V – VIII вв.н.э.)</p>	<p>Жужанский каганат (нач.V века – 552 г. н. э.)</p> <p>Монголия <i>Поселения и городища:</i> Мумэчен (Момтолгой) – Арахангайский аймак</p> <p>Внутренняя Монголия Сюаньяньмэн</p>
	<p>Курумчинская культура Черенхынский этап (V – VIII вв. н.э.) Куркутский этап (VI – VII вв. н.э.)</p> <p>Восточное Забайкалье</p> <p>Бурхотуйская культура (VI – X вв. н.э.) <i>Поселения:</i> в долине р.Шилки <i>Могильники:</i> Бурхотуй, Ононск, Кункур, Оловянная, Агинское и др.</p> <p>Дарасунская культура (VI – IX вв. н.э.) <i>Могильники:</i> Дарасунский, Чиндант, Воробьиная падь и др.</p>	<p>I Тюркский каганат (552 – 630 гг. н.э.)</p> <p>581 г. – распад государства на Западный и Восточный каганаты</p> <p>Каганат 9 племен Сеяньто (630–646 гг.) Хойху (уйгур) (646–682 гг.)</p> <p>II Тюркский каганат (682–744 гг.н.э.)</p> <p><i>Памятники:</i> поминальные комплексы Бильге-кагана, Кюльтегина, Тоньюкука и др.</p>

Эпоха железа (средневековье)	<p>Курумчинская культура Харанцинский этап (сер.VIII – XII в.н.э.) Бодонский этап (VIII – X вв. н.э.)</p> <p>Раннемонгольская культура Хойцегорский этап (VII – X вв. н.э.) <i>Могильники:</i> Хойцегор, Енхор и др.</p> <p>Бурхотуйская культура (VI – X вв. н.э.)</p> <p>Дарасунская культура (VI – IX вв. н.э.)</p>	<p>Уйгурский каганат (742 - 840 гг.н.э.).</p> <p>744 г. – образование Уйгурского каганата <i>Поселения:</i> город Хара Балгас, Бай Балык</p>
	<p>Восточное Забайкалье <i>Поселение:</i> Коктуй <i>Оборонительный киданьский вал</i> («Вал Чингис-хана»)</p>	<p>Империя Ляо (916 г. – 1125 гг. н.э.) 924 г. – вторжение в Центральную Азию <i>Поселения:</i> городища Чин Толгой, Улан Хэрэм и др.</p>
	<p>Предбайкалье Усть-Талькинская культура (XII – XIV вв. н.э.) Ангинский этап (XII – XIV вв. н.э.)</p>	<p>Империя Цзинь (1115 – 1234 гг. н.э.) 1115 г. – образование чжурчженской империи Цзинь</p>
	<p>Курумчинская культура Харацинский этап (X – XII вв.н.э.)</p> <p>Раннемонгольская культура Саянтуйский этап (X – XIV вв. н.э.) <i>Могильники:</i> Баргай, Саянтуй, Енхор и др.</p>	<p>Период образования ранних монгольских государств и империи Чингис-хана (X – XIII вв. н.э.) Хамаг монгол улс (...–1147 гг.) Кереитское, Найманское, татарские ханства 1206 г. – Великий курултай, Чингис-хан</p>
	<p>Предбайкалье, Западное Забайкалье Усть-Талькинская культура (XII – XIV вв. н.э.) Ангинский этап (XII – XIV вв. н.э.)</p> <p>Курумчинская культура Телятниковский этап (XIII – XIV вв.н.э.)</p> <p>Раннемонгольская культура Саянтуйский этап (X – XIV вв. н.э.) <i>Поселения:</i> Нарсатуй, Сутай, Темниковское,</p> <p>Восточное Забайкалье Раннемонгольская культура (X – XIV вв. н.э.) <i>Поселения:</i> Хирхира, Кондуй</p> <p>Ундугунская культура (XII – XV вв. н.э.) <i>Могильники:</i> Ундугун</p>	<p>Образование империи Юань (XIII – XIV вв. н.э.) 1234 г. – завоевание Северного Китая 1279 г. – завоевание Южного Китая</p>

<p style="writing-mode: vertical-rl; transform: rotate(180deg);">Средневековье</p>	<p>Усть-Талькинская культура (XII – XIV вв. н.э.) Сарминский этап (сер. XIV – нач. XV в.)</p> <p>Курумчинская культура Телятниковский этап (XIII – XIV вв.н.э.)</p> <p>Раннемонгольская культура Саянтуйский этап (X – XIV вв. н.э.)</p> <p>Ундугунская культура (XII – XV вв. н.э.)</p> <p>Вхождение Прибайкалья и Забайкалья в состав Российской империи</p>	<p>Политическая раздробленность Монголии (XV – XVII вв. н.э.) 1368 г. – падение монгольской династии Юань Монголо-ойратские войны Джунгарское, халхаское и южномонгольское ханства</p> <p>Вхождение Монголии в состав империи Цин</p>
---	--	--

Сведения об авторах

Бураев Алексей Игнатьевич – к.и.н., н.с. отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Данилов Сергей Владимирович – д.и.н., заведующий отделом истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Дашибалов Баир Бальжинимаевич – д.и.н., г.н.с. отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Ивашина Лариса Гавриловна – к.и.н., в.н.с. отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Именохоев Николай Владимирович – н.с. отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Наизатов Баир Зориктуевич – к.и.н., н.с. отдела истории Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Коновалов Прокопий Батюрович – д.и.н., в.н.с. отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Крадин Николай Николаевич – д.и.н., в.н.с. отдела средневековой археологии Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН.

Лбова Людмила Валентиновна – д.и.н., г.н.с. Института археологии и этнографии СО РАН.

Нимаев Даба Дамбаевич – д.и.н., в.н.с. отдела истории Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Симухин Александр Ильич – к.и.н., м.н.с. отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Ташак Василий Иванович – к.и.н., в.н.с. отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Убугунова Вера Ивановна – д.б.н., г.н.с. лаборатории агрохимии и биогеохимии Института биологии СО РАН.

Цыбиктаров Александр Дондопович – д.и.н., профессор, заведующий кафедрой – Всеобщей истории Бурятского государственного университета.

Цыденова Наталья Владимировна – н.с. отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН.

Именной указатель

А

Абазай
Абаоцзи 214
Абрамова З.А. 21,22
Авляев Г.О.269,270,273,275
Агапитов Н. Н. 233,241
Акишев К.А. 161
Алагтай 260
Алагуй 259
Алан-гоа 195,259
Алексеев В.П. 94, 95, 97, 98, 148-150, 165, 243, 248, 250, 252, 255
Алкин С. В. 159, 162
Алтан-хан 217, 279
Альтхайм Ф. 157
Амасаган 259
Амбагань
Ангархаев А.
Аристов Н. 154
Арих-усун
Асеев И.В. 33, 255
Асуйхан 259, 264
Ата Бозо
Аха ехэ Алагуй 259
Ашибагат 259, 265

Б

Балжан-хатан 279
Банзаров Д. 20, 156, 195, 264, 273
Бань Гу 154, 195, 198
Барадин Б. 20
Баргу-батор 259
Баргудай-мэргэн 219, 259, 262
Баргуджин-гоа 262
Бартан 224
Батай 259
Батанай 260
Батлай 259, 278
Батсайхан З. 157
Бахай 260, 284
Баяндай 260
Бергман Ф. 154
Бердникова Н.Е. 90, 101
Бернштам А.Н.
Бертагаев Т. А. 261, 262, 264
Бестужев Н.А. 18
Бирюха-Тургэн 259
Бичурин Н.Я. 154, 162, 165, 194, 196, 200, 204, 205, 250, 263
Блейер И. 154
Бодонгут 260
Бодончар 195

Боорчи 223, 231
 Боржин-далхай 259
 Боровка Г.И.
 Борохул 277, 278
 Бортэ
 Бортэ-Чино 165, 218, 219, 221, 268
 Ботога 282
 Ботохой-Толстая 277
 Бранд А. 266
 Бретшнейдер Э.
 Бубай 259
 Бубэй-бэйлэ-хан 279
 Бузган-хара 259, 260, 267
 Буин 259
 Буку-тегин 259
 Буку-хан 259
 Булагат 254, 256-260, 263, 265-268, 270, 276, 278-280
 Булган-хара 259, 267
 Булса 259
 Бура 260
 Бураев А.И. 10, 34, 148, 64, 165, 243, 256, 284
 Бураев И.Д. 257, 258
 Бурядай 259, 264, 265
 Буха-нойон 259, 267, 268
 Бэр И.

В

Ван Говэй
 Ван хан
 Варенов А. В. 159, 163
 Васильев В. П. 270
 Вебер А.В. 101, 114
 Вельтман А. 154
 Венелин Д. 154
 Ветров В.М. 27, 72, 74, 77, 78, 79
 Викторова Л.Л. 173, 247, 251
 Витковский Н.И. 19
 Владимирцов Б.Я. 222
 Волков В.В. 129, 142, 145, 149
 Ву-лин
 Вэй Люй 178
 Вэй Чжэн 235
 Вэй Шоу 235
 Вэнь-ван

Г

Галданова Г.Р. 268, 269, 276, 281, 282
 Галданов 24, 260

Герасимов М.М. 20, 21, 22, 47, 74, 92, 94, 96, 99, 111, 115, 116, 118
 Герасимова 75, 92, 99
 Глебов М. 282
 Гмелин И. Г. 18, 244
 Го Сусинь 159
 Гоа Марал 165
 Гоголев А.И. 246, 254
 Головин П. 282
 Горюнова О.И. 82, 83, 106, 120
 Готол 259
 Гохман И.И. 92, 94, 95, 99, 130, 142, 147, 148-150, 164, 165, 243, 248, 250, 251, 252, 256, 257
 Грач А.Д. 144
 Гришин Ю.С. 22
 Громов В.И. 30, 118
 Грумм-Гржимайло Г.Е. 264
 Грязнов М.П. 22, 145
 Гуан-у
 Гумилев Л.Н. 157, 158-160, 166, 172
 Гушит 260
 Гэн Бин 196

Д

Давыдов Д.П. 18, 146
 Давыдова А.В. 21-23, 156, 158, 180, 183, 184, 186, 197,
 Дай-хунтайджи 279
 Данилов С.В. 25-27, 138, 227, 234
 Данильченко Д.П.
 Дашибалов Б.Б. 26, 241, 242, 250, 254, 263, 271
 Даян-хан
 де Гинь 154
 де Гроот 154
 Дебец Г.Ф. 20, 92, 96, 164, 245, 247, 248
 Дервянко А.П. 39, 91
 Дерфер Г. 155
 Джамуха 221
 Джочи Хасар 228
 Диков Н.Н. 17, 21, 22, 138, 145
 Добун Мэргэн 219, 220, 259, 262, 277
 Дорбо 277, 278
 Доржсурэн Ц. 156, 157
 Доу Сянь 196
 Дува-сохор 259
 Дугаров Д.С. 268
 Дульзон А.П. 155
 Дурлай 259, 280
 Дэй-Сэчен 268

Е

Е Лун -ли 216
 Егунов Н.П. 34, 265
 Елюй Амбагань 214
 Елюй Даши 215
 Елюй Лубугу 214
 Елюй Тэла 214
 Емельянова Ю.А. 106
 Есугей 220
 Есунке 228

З

Заднепровский Ю. А. 160
 Зайцев М.А. 25, 168, 245
 Замятнин С.Н. 30
 Золотарева И.М. 255, 256, 284
 Зонхи 260
 Зориктуев Б.Р. 34, 246, 264-266

И

Иакинф 154
 Ибн Батутта 226
 Ивашина Л.Г. 10, 24, 30, 72, 77, 85, 88, 91, 95, 105, 106, 108, 114-116
 Идес И. 226
 Йер-Су 195
 Икинат 280
 Иловайский Д. 154
 Именохоев Н.В. 10, 25, 26, 138, 147, 193, 239, 240, 245, 246, 254
 Ин Чжэн 166
 Ин Шао Цзинь 161
 Инальчи 273
 Иностранцев К.А. 154, 173
 Ирхидэй 259

К

Карасев Г.Л.
 Карпини П. 226
 Кастрен М. 154
 Кириллов И.И. 20, 27, 28, 30-33, 51, 58, 91, 119, 208, 237, 246, 254, 255
 Кириллов Н.В. 19
 Кириллов О.И. 33, 255
 Киселев С.В. 22, 160, 173, 226, 227, 228, 229
 Клапрот Ю. 154
 Клеменц Д. 19
 Кляшторный С.Г. 174
 Ковычев Е.В. 28, 29, 33, 208, 225, 238, 245, 246, 250,

251, 254

Козлов П.К. 19, 155, 157, 201
 Колосов В.К. 28
 Комиссаров С.А. 159, 160, 161, 162, 163, 164
 Конев В.П. 75, 76, 80, 92
 Коновалов П.Б. 10, 20, 23, 24-26, 91, 95, 99, 108, 138, 157, 159, 160, 164, 165, 169, 175, 180, 185, 186, 193, 198, 199, 219, 239, 245, 246, 250, 254, 256, 259, 271
 Конопацкий А.К. 74
 Константинов А.В. 28, 74
 Константинов М.В. 8, 19, 28, 30, 31, 48, 51, 53, 54, 62, 64, 66, 79, 82, 91, 103, 107, 120, 138, 246, 254
 Кормушин И. В. 243
 Короткова И.А. 15
 Коскинен 154
 Крадин Н.Н. 10, 170, 171, 173, 183
 Кропоткин П.А. 19, 164
 Ксенофонов Г.В. 254, 262,
 Кызласов Л. Р. 234, 238, 239, 250
 Кычанов Е.И. 170, 173, 215, 275
 Кюнгер Н.В. 154, 216, 250

Л

Лаошан-шаньюй 170
 Ларичев В.Е. 21, 22, 32, 160, 162, 164
 Лбова Л.В. 10, 27, 28, 29, 30, 40, 42, 55, 78, 79
 Лебединская Г.В. 95
 Левин М.Г. 92, 94-97, 99
 Ленхобоев Г.Л.
 Ли Лин 171, 175, 177
 Ли Му 166
 Ли Цзиньзэн 159
 Лигдэн-хан
 Линк Д.В. 101, 114
 Лопатин И.А. 19
 Лю Бан 168, 171
 Лю Сюй 235

М

Мак-Говерн 154
 Малза 260
 Мамонова Н.Н. 21, 22, 75, 86, 91, 94, 96-99, 112, 150, 248
 Мандалхай 259
 Манхोलют 280
 Маодунь 166
 Махалов А.И. 20
 Медведев Г.И. 63
 Мельхеев М.Н. 261, 271-273
 Мессершмидт Д.Г. 17, 226
 Мешерин М.Н. 28, 38

Миллер Г. 18, 244
 Миняев С.С. 23, 155, 157, 159, 160, 162, 163, 179, 181, 188-199
 Митрошкина А.Г. 276
 Михайлов Г.И. 258, 265
 Михайлов Т.М. 34, 259, 264, 272
 Михно Н.П. 20
 Михно П.С. 19
 Мицуно С. 157
 Мовиус Х. 47, 61
 Мовсесян А.А. 94, 96
 Модэ 159, 166-173, 176
 Моллесон В.С. 19
 Моллесон М.И. 19
 Мостиц А.П. 19, 46, 67, 68
 Мочанов Ю.А. 36, 58, 79
 Му-ван 200
 Мункэ-хан 279
 Мунхалют 260
 Мунхэлэй 259
 Мухали 223, 231, 277
 Мэн Тянь 166
 Мэнчен-Хэлфен О.
 Мюллер Ф. 154

Н

Наваан Д. 157
 Нагатай 260
 Надеяев В.М. 258
 Нанзатов Б.З. 10, 34, 261, 265, 268, 269
 Наяа 223, 231
 Нейман К. 154
 Нидерле Л. 154
 Николаев В.С. 33, 254
 Нимаев Д.Д. 10, 34, 246, 247, 262, 266
 Номоконова Т.Ю. 82, 83

О

Обогон 259,
 Обручев В.А. 10, 13, 18, 19, 135, 283
 Овчинников М. П. 241
 Огуз-хан 259
 Окладников А.П. 18-24, 28, 30, 31, 46-48, 51, 58, 61-63, 74, 75, 83, 88-91, 96, 114, 115, 118-120, 145, 146, 156, 208, 216, 226, 227, 233, 234, 245, 246, 254, 256, 262, 267, 281, 284
 Олёдой 259
 Олзон 260
 Олуйхан 273
 Онги 259
 Онгой 259
 Онхотой 259

П

Павлинская Л.Р. 34
 Павлуцкий А. И. 18, 19
 Павлуцкий В. 245
 Падерин И. В. 19
 Паллас П. С. 18, 244
 Панкратов Б.И. 283
 Панов В. 154
 Паркер Э. 154
 Петри Б.Э. 20, 111, 241, 247, 259
 Погодин А. 154
 Позднеев Д.
 Поло М.
 Полосьмак Н. В. 158, 160, 163
 Поляков И.С. 19
 Попов В.В. 20, 156
 Потанин Г.Н. 19, 32
 Пржевальский Н.М. 19
 Птицын В.В. 46, 51, 283
 Пуллиблэнк Э. 155
 Пэрлээ Х. 156

Р

Радлов В.В. 18, 32, 154
 Рассадин В.И. 258, 265, 270
 Рашид-ад-Дин 218, 234, 258, 261-263, 265, 267, 268, 270, 273, 275-278, 281, 282
 Ремюза А. 154
 Рерих Ю.Н. 270
 Риалль Ж. 154
 Рижский М.И. 22
 Риттер К. 154
 Ровинский П.А. 18
 Рубрук Г. 22, 226, 234
 Руденко С.И. 157, 199, 200
 Рукавишников И.А. 283
 Румянцев Г.Н. 34, 243, 246, 262, 270, 271, 274, 275, 276,
 Рыгдылон Э.Р. 20, 21, 89, 233
 Рычков Ю.Г. 94

С

Сааджигалди-хан 283
 Савельев Н.А. 82, 90, 101
 Савинов Д.Г. 33, 177, 239
 Саган 82, 259, 260
 Сальмони А. 200
 Сальша 260
 Санжеев Г.Д. 257, 262, 264, 265, 276
 Сахир 260

Свинин В.В. 23, 25, 245, 262
 Семенов А.А. 281
 Семина Л.В. 82, 102, 138
 Сен-Мартен В. 154
 Сергеев Г.П. 20, 21, 237
 Симухин А.И. 10, 138
 Скобелев С.Г. 269
 Смолев Я.С. 19
 Сосновский Г.П. 20, 21, 46, 89, 155, 156, 226, 254
 Спафарий Н. 17, 226
 Стариков В.С.
 Стрелов Е. Д. 241
 Су У 177
 Сулержицкий Л.Д. 75, 96, 112
 Сухбаатар Г. 162, 265
 Сыма Цянь 161, 171
 Сыма Чжень 161
 Сэгэнут
 Сэр-Оджав Н. 156, 157
 Сэхир 260
 Сю Чэн 163

Т

Талько-Грынцевич Ю.Д. 19, 24, 91, 98, 143, 147, 155-158, 164, 197, 201, 226, 237, 244, 247, 262
 Таньшихуай 206, 207
 Таскин В.С. 9, 148, 154, 161, 171, 195, 202, 205, 206-209, 235, 244, 251
 Ташак В.И. 10, 27, 28, 29, 38, 42, 48, 53, 55, 66, 68
 Таян-хан 223
 Теплоухов С.А. 155
 Тиваненко А.В. 26, 27, 117, 275
 Титов Е.И. 20
 Тоба Гуй 208
 Тогон-хан 207
 Тогорил 220
 Тогто 260
 Токарев С.А. 266, 276, 279
 Толль Н. 154
 Толуй
 Томсен 18
 Торбат Ц. 157
 Торельчи 273
 Трифионов А.П. 27
 Трубникова О.Б. 94, 95, 98, 255
 Тубшиннима 34
 Тугалак 259, 267
 Тугутов Р.Ф. 21
 Тумань 166
 Түмэн Д. 95, 149, 150, 166-168, 251
 Тылга 260
 Тьерри А. 154

Тэбшэхэн 259
 Тэмуджин 149, 219, 220, 223, 225, 226, 269
 Тянь Гуаньцзинь 159, 160, 163
 Тянь Цзынмин 159

У

У Энх 159, 162, 164
 Угэдэй 223
 Уйфальви 154
 Умай 195
 Умехара С. 157
 Услар П. 154

Ф

Фань Е 154, 194, 289
 Фишер И. Э. 244
 Фудзита Р. 157

Х

Хабул хан
 Хадалай 260
 Хальбин 260
 Хамзина Е.А. 19, 21, 22-24, 82, 91, 106, 114, 135, 138, 250
 Хамнагадай 260
 Хан-Хото-баабай 279
 Харанут 259
 Харгана 260
 Харинский А.В. 106, 233, 255
 Хатархан 280
 Хирт Ф.
 Хлобыстин Л.П. 23, 114
 Хогой 259
 Холтубай 259
 Хоридой 259
 Хоридой-мэргэн 259, 260, 262
 Хорилартай-мерган 277
 Хорилтай
 Хороших П. П. 20, 233
 Хорхон 259
 Хорчи-нойон 278
 Хоуорс Х. 154
 Хрдличка А. 94
 Хуасай 260
 Хубдут 260
 Хубилай 224
 Худагсаган 260
 Худай 260, 272
 Худуха-беки 272, 273, 278
 Худяков Ю.С. 143, 251

Хузусаган 259
 Хулагу 279
 Хурхут 259
 Хусыхэн 259
 Хэнгэлдэр 260
 Хючжуй-князь 194

Ц

Цаган(ут) 38, 260
 Цзинь Фэньи 159, 163
 Цзюйдихоу 171, 175
 Цинь Ши-хуанди 166, 169
 Цыбенев Б.Д. 10
 Цыбикдоржиев Д.В. 262
 Цыбиков Г.Ц. 20
 Цыбиктаров А.Д. 10, 25-33, 102, 117, 129, 130, 141-144, 148, 149
 Цыдендамбаев Ц. Б. 34, 246, 260-262, 264, 265, 268-270, 273, 275, 276
 Цыденжапов Ш.Р. 268, 269
 Цыденова Н.В. 72, 82, 83, 106, 110, 111
 Цыренов Ц. 268
 Цэвээндорж Д. 39, 157, 251

Ч

Черных Е.Н. 22, 74, 78, 79, 98, 110, 112-114, 116, 118
 Черский И.Д. 19
 Чечейген 273
 Чжан Тайсянь 269
 Чжочи 273, 278
 Чжун Кань 159, 162, 164
 Чжунхан Юэ 153, 171
 Чжэн Индэ 216
 Чингис-хан 10, 194, 215-223, 225, 226, 228, 231, 246, 262, 264, 268, 275 и далее по тексту

Ш

Шао Вэй Чжао 261
 Шарайт 260
 Шаралдай 259, 260
 Шварц Ф.
 Шиги-Хутуху 223
 Шмидт И. 154
 Шомаев А.А. 269
 Шоно 260
 Шун Вэй 159

Э

Эгами Н. 157
 Эрдэнэбаатар Д. 157
 Этуген 195
 Эхирит 259, 260, 265, 268

Ю

Юдахин К.К. 261

Я

Ядринцев Н.М. 19
 Янгут 260, 280
 Ярославцева Л.Г. 74

Географический указатель

А

Абакан 174
 Автономный район Внутренняя Монголия КНР 7, 15, 33, 157, 159, 161, 162, 163, 164, 166, 177, 208, 229, 277
 Ага (р.) 237
 Агинский аймак 20
 Агинское 22
 Акшинский район 15
 Алан 29, 39, 42, 55, 277
 Аларский район 256, 257
 Аларь (р.) 280
 Алашань 166
 Алтай 32, 33, 42, 124, 128, 129, 142, 143, 149, 150, 160, 163, 167, 200, 211, 223, 238
 Алтайские горы 212, 264
 Амурский край 245
 Ангара (р.) 47, 96, 97, 98, 150, 167, 177, 232, 233, 241, 242, 257, 263, 265, 268, 272, 280, 281, 282
 Ангари-Ленский район 272
 Ангкола округ 241
 Анкара-мурэн 281
 Ара-Хангайский аймак 123
 АРВМ КНР 9, 274, 283
 Аргунь (р.) 14, 17, 18, 131, 208, 218, 226, 229, 246, 259, 283

Арих-усун 277

Ари-Богдо 43

Афрасиаб 234

Б

Байдэн 168
 Байкал 11, 17, 18, 23, 27, 58, 59, 64, 71, 82, 83, 89, 90, 94, 95, 97, 98, 101, 102, 103, 106, 110, 113, 114, 117, 119, 129, 131, 135, 169, 131, 135, 169, 176, 177, 210, 212, 214, 225, 226, 232, 233, 235, 240, 241, 254, 256, 259, 260, 262, 269, 273, 279, 281, 282, 283
 Байкало-Становое нагорье 11
 Байкальская Азия 18, 25, 28, 42
 Байкальская Даурия 282
 Байкальский хребет
 Байкальское 27, 106
 Байтог гора 272
 Бактрия 212
 Балеевка 26
 Балей (р.) 272
 Бальзино (оз.) 18
 Бамбуйка (р.) 27
 Баргуджин-токум 261, 262, 264, 273, 274
 Баргузин (р.) 20, 23, 176, 241
 Баргузинская долина 19, 23, 24, 26, 129, 132, 232, 254, 256, 274
 Баргузинская котловина 15

Баргузинский район 24
 Баргузинский хребет 11
 Барун-Ульдзыт 91
 Баян Ундэр 26, 33, 174, 179, 184, 192, 196, 237
 Баянгол 24, 237
 Баяндаевский район 256
 Баянзурхэ 280
 Баян-Ульгэйский аймак 123, 151
 Баян-Хонгорский аймак 123
 Беклемишево 135
 Белая (р.) 21, 47, 74
 Бильчир 25
 Бирюса (р.) 272
 Бичурская впадина 13
 Бичурский район 23, 24, 54, 78
 Бичурское межгорное понижение 14
 Богдо-уула
 Большая Харга 105, 114
 Большое Еравнинское озеро 72
 Боргойская степь 13, 19
 Боршовочный хребет 237
 Боханский район 256
 Брянка (р.) 20
 Будулан 22, 245
 Буир-наур (оз.) 259, 281
 Булган аймак 270
 Бурку 234
 Бурхотуй 248
 Бурятия 4, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30 и далее по тексту
 Бурятская АССР 13, 14, 23, 83
 Бухусан 24, 72, 74, 76, 84, 86, 87, 88, 89, 91, 100, 101, 104, 115, 116, 237, 238
 Бэйшань 200

В

Варварина гора 286, 23, 30, 48, 51, 54
 Верхнеангарская впадина 14
 Верхнеангарский хребет 14
 Верхнеудинск 20, 89, 146, 155, 156, 158
 Верхнеудинский округ 18, 19
 Верхний Амур 206
 Верхний Мангиртуй 78, 79, 91
 Верхняя Ангара 27
 Верхняя Лена 242
 Верховья Амура 88
 Верхоленье 254, 277, 280
 Витим (р.) 25, 27, 72, 76, 77, 78, 88, 88, 90, 91, 101, 282, 283
 Витимское плоскогорье 11, 14, 19, 72
 Витчик 22

Вихорева (р.) 280
 Внутренняя Азия 15, 16
 Внутренняя Монголия 15, 33, 157, 159, 161, 162, 164, 166, 167, 177, 208, 229, 277
 Восточная Азия 17, 33, 39, 40, 72, 94, 271
 Восточная Монголия 32, 91, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 129, 130, 131, 143, 218, 238, 240, 246, 260, 276
 Восточная Сибирь 11, 16, 26, 27, 29, 32, 36, 42, 46, 47, 48, 50, 53, 58, 61, 62, 64, 71, 78, 96, 106, 138, 233, 262, 270, 273, 274
 Восточное Забайкалье 11, 14, 20, 22, 24, 28, 30, 31, 32, 33, 50, 79, 89, 91, 92, 103, 115, 117, 118, 119, 121, 123, 130, 132, 133, 135, 139, 141, 208, 216, 217, 224, 226, 227, 228, 231, 235, 237, 240, 243, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 254, 255, 283
 Восточно-Саянская горная страна 11
 Восточно-Сибирская тайга
 Восточно-Сибирская горно-металлургическая область 139
 Восточный аймак 151
 Восточный Туркестан 169, 207, 211, 214
 Восточный Тяньшань 212

Г

Ган (р.) 229
 Ганзуринский хребет 11, 13
 Ганьсу 162
 Ганьцюаньшань горы 194, 195
 Гаоли
 Гаочан 210
 Гималаи 279
 Гирин 32, 164
 Гоби 18, 121, 129, 159, 160, 166, 167, 178, 271
 Гобийская зона Монголии
 Гобийский Алтай 39
 Горно-Алтайская область 145
 Горный Алтай 123
 Гуджир-Мыгэ-Хапчагай-Ундур-Илису 247
 Гусиное озеро 25
 Гусиноозерско-Удинская впадина 13
 Гыршелунка (р.) 38

Д

Дай округ 167, 177
 Дайбо горы 216
 Дайду 224
 Дайлин 172, 175
 Дальний Восток 58, 275
 Дарасун 27, 135
 Даурия 15, 282, 283
 Делюн-Уранский хребет 14

Джида (р.) 18, 21, 24, 26, 71, 101, 132, 138, 142, 155, 172, 176, 178, 179, 182, 213, 225, 237, 240, 245, 254, 274, 281

Джидинская впадина

Джидинский район 23, 24, 135, 144, 235

Джидинский хребет 11, 14

Джунгария 212, 276

Дзун-Ульдзыт 91

Диринг-Юрях 36

Дунбэй 32, 141

Дунда-Киреть 91, 93

Дундговь аймак 266, 267

Дуньхуан 206

Дурены 26, 156, 157, 178, 181, 183, 237

Дэлюн Болдок 220

Дэрестуйский Култук 24, 26, 155, 156, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 196, 202, 222, 237, 245

Е

Евразийская степная зона 15

Енисей (р.) 82, 90, 101, 167, 177, 220, 240, 262, 266, 272

Енхор 26, 176, 182, 191, 225, 240, 245

Еныскей 21

Еравна 119, 249

Еравнинская котловина 14

Еравнинские озера 18, 20, 72, 84, 88, 104, 115, 118, 237

Еравнинский район 14, 24, 76

Ехэ-Арал 20

Ж

Желтая река 18

Желтое море 287

З

Забайкалье 7, 9, 11, 13, 14, 15, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 27, 28, 29, 30, далее по тексту

Забайкальский край 11, 15

Загустай 237

Заза-Еравнинская котловина 88

Заиграевский район 23, 48, 55

Западная Монголия 9, 32, 121, 123, 124, 126, 128, 129, 131, 142, 143, 149, 150, 151, 167, 178, 182, 211, 224, 264, 268, 286,

Западная Сибирь 16, 58, 128

Западное Забайкалье 9, 11, 14, 19, 20, 23, 23, 24, 26, 28, 29, 30, 31, 33, 39, 40, 46, 48, 50, 53, 54, 55, 68, 72, 79, 101, 102, 107, 118, 131, 132, 133, 139, 141, 144, 145, 156, 176, 182, 183, 186, 192, 193, 212, 213, 224,

226, 227, 228, 231, 234, 235, 237, 238, 244, 245, 247, 249, 250, 254, 264, 284

Западное Прибайкалье 240, 248, 263, 265, 276, 280

Западный Китай

Западный Саян 130

Зарубино 20, 21, 247, 254

Зун-мурэн

Зусы (хр.) 14

И

Иволга (р.) 18, 72, 146, 179

Иволгинская долина 18, 24, 232

Иволгинский район 18, 24, 138

Ида (р.) 242, 265

Икатский хребет 11, 14

Илга (р.) 242

Илим (р.) 28, 280

Ильмовая падь 20, 24, 26, 155, 156, 175, 180, 186, 187, 188, 190, 191, 196, , 197, 198, 199, 200

Ингода (р.) 17, 22, 27, 132, 208, 237, 254

Инчжоу область

Иньшань 166

Иргень (оз.) 22

Иркут (р.) 261, 281, 282

Иркутск 23, 282

Иркутская область 36, 38, 47, 256, 288

Исинга (оз.) 24, 76, 88

Итанца (р.) 132

Итырхэ бухта 242

К

Казахстан 36, 40, 128, 135, 145, 160, 161, 211, 268, 269

Калакан (р.) 27

Калар (р.) 27

Калганская лесостепь 15

Калинино 28

Кан (р.) 272

Карга (р.) 282

Каренга (р.) 27, 77, 78

Кенон (оз.) 22

Керулен (р.) 214, 217, 220, 222, 225, 246

Кибалино 24, 25, 26, 72, 73, 245

Кижингинский район 24, 104, 108, 138

Китай 17, 39, 40, 121, 124, 127, 128, 130, 141, 153, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 166, 167, 168, 169, 171, 173, 174, 177, 193, 202, 206, 207, 210, 212, 214, 215, 226, 227, 238, 239, 270

Китой (р.) 281

Кия (р.) 28

Кличкинский серебро-свинцовый рудник 19

Конда 90
 Кондуй 22, 226, 228
 Корея 157, 214, 243
 Котловина Больших озер 122, 129
 Котокель (оз.) 20, 138
 Куда (р.) 242, 245, 265, 272
 Кудара 21
 Кударинская впадина
 Кудинские степи 13, 129
 Кудун (р.) 91
 Кудуно-Кижингинская впадина 13
 Кукунор 279
 Кулькисон (оз.) 24, 72, 101, 104, 105, 108
 Кумын 21
 Кумыхта 90
 Куналей 28, 30, 54, 55, 104, 106, 107
 Кункур 135
 Курбинский хребет 11
 Кури 234
 Курумканский район 24
 Кучи 212
 Кыринская котловина 15
 Кыринский район 15
 Кяхта 19, 20, 21, 24, 155, 237
 Кяхтинский район 14, 23, 24, 48, 65

Л

Лабудалинь 218
 Ламская гора 139, 144
 Левые Кумаки 139
 Лена (р.) 96, 97, 98, 110, 240, 242, 245, 254, 257, 262, 263, 265, 277, 278, 279, 280
 Луженки 22
 Лунчэн 172, 194
 Ляодун (п-ов) 166, 206
 Ляонин 32, 162
 Ляохахэ (р.) 160
 Ляохэ (р.) 160

М

Малая Харга (оз.) 105, 114
 Малханский хребет 29
 Малый Куналей 54, 106
 Малый Хамар-Дабан 14
 Манхай (г.) 228, 242, 245, 272
 Маньжурия 30, 121, 157, 159, 160, 164, 167, 214, 274
 Минуса 238
 Минусинская котловина 32, 33, 96, 121, 123, 128, 130, 135, 139, 150, 151, 166, 169, 177, 201, 202, 213, 250

Михайловка 138
 Могсохон улус 91
 Молодовск 27, 91, 115
 Монголия 6, 7, 11, 15, 22, 24, 25, 28, 30, 31, 32, 33, 34, 38, 39, 40, 42, 43, 50, 71, 89, 98, 99, 101, 102, 103, 117, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 129, 130, 134, 139, 141, 143, 144, 145, 147, 148, 149, 150, 151, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 163, 164, 166, 167, 168, 174, 177, 178, 182, 193, 196, 199, 200, 201, 207, 210, 211, 213, 214, 215, 224, 227, 233, 238, 259, 260, 264, 266, 267, 268, 274, 275, 276, 277, 279, 281, 283, 287, 288
 Монгольский Алтай 197, 210, 225
 Моностой
 Моностойский хребет 11, 13
 Морской хребет 14
 Муйско-Куандинская впадина 14
 Мури (р.) 242
 Муханские озера 80, 82, 83, 85, 86
 Мухино 23, 24, 72, 74
 Мухоршибирский район Бурятии 106
 Муя (р.) 27, 77, 100

Н

Наньшань 129, 200
 Нань-Шань 200
 Нарсатуй 26, 225, 227
 Нерча (р.) 217, 235
 Нерчинская Даурия 283
 Нерчинский горный округ 19
 Нерчинско-Заводская лесостепь
 Нижнеангарск 27
 Нижний Бургултай 25, 144
 Нижний Жирим 245
 Нижняя Березовка 21, 72, 83, 89, 90, 101, 118, 135
 Нинся-Хуэйский автономный район 163
 Новая Брянь 91
 Новая Шишковка 91
 Новоселенгинск 19
 Новоселиха 27
 Ноин-Уул 33, 155, 156, 157, 175, 178, 196, 202, 259
 Номохоново 21
 Нонни (р.)
 Нукутский район 256
 Нукуты 242

О

Обуса (р.) 280
 Ока (р.) 265
 Окошки 231
 Оленгуйская котловина 15

Оловянная 22
 Ольхон 75, 101, 106, 113, 129, 133, 232, 242, 254, 274, 279
 Ольхонский район 256
 Она (р.) 14, 29, 39, 55
 Онкули 23, 116
 Онон (р.)
 Ононск
 Ордос
 Орду-Балык
 Орхон (р.)
 Оса (р.)
 Осинский район
 Ошурково

П

Парфия 212
 Пекин 39, 163, 224
 Пенджикент 234
 Пестерево 25, 235
 Поворот 91
 Подкаменная Тунгуска (р.) 262
 Подлопатки 19, 25, 64
 Посольск 73, 81, 82, 101, 113, 105
 Предбайкалье 11, 24, 31, 101, 120, 132, 220, 225, 231, 233, 234, 245, 254, 255, 259
 Приамурье 89, 101, 235, 242, 245, 250, 251, 282, 283
 Приаргунье 27, 208
 Прибайкалье 18-20, 23, 26, 29, 30, 34, 67, 71, 75, 79, 89, 92-99, 101-103, 110-118, 120, 124, 131, 144, 148, 150, 164-166, 212, 233, 234, 239-241, 243-252, 254-257, 260-263, 265, 269, 271-274, 276-281, 284, 285, 287
 Прибайкальская горная система 11
 Прибайкальская Даурия 283
 Прибайкальский район 24, 40
 Прибайкальский хребет 11
 Приморье 242, 245
 Приольхонье 26, 75, 82, 98, 101, 114, 176, 225, 254
 Приононская равнина 15
 Присаянье 272
 Прихубсугулье 125
 Пхеньян 161

С

Самарканд 234
 Самсоново 28
 Санный Мыс 21, 23, 28, 30, 58, 72, 82, 83, 118
 Саяно-Алтай 116, 142, 145, 150, 161, 166, 177, 193, 211, 239, 242, 251
 Саяно-Алтайская горная страна 177
 Саяно-Алтайский регион 174

Саяно-Алтайское нагорье 7
 Саянтуй 21
 Саяны 58, 167, 177, 200, 211
 Святой Нос (п-ов) 83, 106
 Северная Азия 8, 29, 30, 58, 72, 76, 94, 98, 111, 208, 251, 252, 259
 Северная Корея 161
 Северная Монголия 125, 142, 143, 149, 156, 167, 177, 186
 Северное Прибайкалье 252, 272
 Северный Байкал 20, 27, 106
 Северный Китай 33, 124, 160, 162, 163, 164, 166, 201, 202, 206, 210, 217, 223, 271
 Северо-Восточная Азия 36, 40, 58, 79
 Северо-Западная Монголия 122, 142, 269, 276, 279
 Северо-Муйский хребет 14
 Селенга (р.) 8, 13, 14, 18-21, 26, 28, 29, 46, 59, 65-68, 71-75, 82, 89, 91, 95, 99, 101, 110, 131, 132, 135, 142, 155, 174, 176, 178, 179, 182, 185, 213, 225-227, 234, 235, 237, 240, 241, 245, 247, 254, 255, 275, 282, 283
 Селенгинск 18, 19, 23, 24
 Селенгинская Даурия 46, 51, 282, 283
 Селенгинский аймак 21
 Селенгинский район 14
 Селенгинское среднегорье 11, 13, 14, 15
 Селендума 19
 Семиречье 161, 212, 214
 Сennyр 14
 Синьцзян 9, 178, 193, 201, 264
 Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР 7, 129, 211, 283
 Сирикта (р.) 91, 93
 Согд 212
 Солонцово 224
 Соцал 22
 Средний Байкал 102
 Средняя Азия 9, 30, 36, 61, 121, 128, 154, 162, 163, 167, 194, 200, 201, 205, 212, 214-216, 223, 227, 233, 234, 242, 243, 250, 263, 264, 267, 268, 269, 275, 284
 Суджа 24, 155, 157, 178, 196, 199
 Сунгари (р.) –
 Сутай 20, 21, 26, 227
 Сухой ручей 20
 Суюань (провинция) 210
 Сэпхен (гора) 20
 Сяньби (гора) 206

Т

Талькин (р.) 242
 Тамцак-Булак 91
 Тамчинская впадина 13
 Тапхар 21, 83, 237, 245, 248
 Тарбагатайское межгорное понижение 14

Татаурово 21
 Телятниково 24
 Темник (р.) 227
 Тибет 7,18,30,129,145,207,270,279
 Тибетское нагорье 200
 Токчин 27
 Тола (р.) 210,214,220
 Тологой 73,91
 Торейская равнина 15
 Тува 32,33,121,123,124,128,129,142-145,149,150,160,213,227,250,266
 Тувинская котловина 32
 Тугнуй (р.) 226,227
 Тугнуйская впадина 13
 Тугнуйская котловина 14
 Тугнуйское межгорное понижение 14
 Тулту-Дабан 74,91,99
 Тунка 19,247,248
 Тункинская долина 19,20,241
 Тункинский острог 18
 Тункинский район 135,256
 Турка (р.) 14
 Туркестан 32
 Турфан 210
 Турфанская котловина 212
 Тухэшань горы 216
 Тыва 9,16,130,144,177,213
 Тэбшэ Уула 196
 Тэвш-уул 123

У

Убса-Нур 275
 Убса-Нурский аймак 123
 Убурхангай 196
 Увс аймак 266
 Увэр-Хангайский аймак 123
 Уда (р.) 14,20,21,29,59,71,82,83,101,132,142,176,225,254,265,272,275,280
 Укыр-Манхай 242
 Улан-Бургаский гольцово-таежный район 14
 Улан-Бургасы 11,14
 Улдза (р.) 122
 Улзыг 25,26,149,150
 Улясутай 19
 Унга (р.) 234,242,256,280,281,282,284
 Уоян 27
 Урга 19
 Урдюкан 22
 Урулюнгуй (р.) 226,229
 Урумчи 212
 Усть-Кяхта 23,28,29,46,59,64-69,245

Усть-Ордынский округ 233,256,272
 Усть-Талькин 242,248,256
 Усть-Черная 22
 Усть-Янский улус 278
 Ухоуцин (р.) 207
 Ухуань гора 206
 Ушканьи острова 114

Ф

Фофаново 22,74,75,77-80,95,100,102,111,112

Х

Хайлар (р.) 218
 Хайласан 20
 Хакасия 149,177,238
 Халха 159,166,269,274
 Халха-Монголия 159
 Хамар-Дабан 11
 Хангай 15,122,125,195,196,200,210
 Хангайское нагорье 178,195,196,278
 Харанхой 21,237
 Харга 24,72,101,102,104-106,113-115,118,119,122,237,238
 Хархорин 251
 Хашхай (гора) 242
 Хиагда 24
 Хилок (р.) 14,19,23,24,28,31,48,55,59,79,91,102,104,106,107,132,142,155,176,178,225,227,237,254,275
 Хинган 15,129,166,169,193,213,218
 Хирхира 226,229
 Ховд аймак 33,199
 Хойцегор гора 26,255
 Холмские гольцы 14
 Хорезм 212,231
 Хоринская степь 18
 Хоринский аймак 20
 Хоринский район 24,38,42,48,55,58,83,132,148,237
 Хуай-хуан 210
 Хуанхэ (р.) 141,159,162,210
 Хуаншуй (р.) –
 Хубсугул аймак 270
 Хубушань горы 216
 Худун 14
 Худунский хребет 11,13
 Хужир-Дэби 21
 Хулунбуирский аймак 9,208,229,274,283
 Хулун-Буирский–
 Хуртэй 108
 Хэбэй 162
 Хэйлунцзян 164,269,283

Хэнань 162
 Хэнгэрэктэ 29,38,39,40,42,43,55,58
 Хэнтэй 15,122,129,195,196
 Хэнтэйская горная система 178
 Хэнтэйский аймак 33,156
 Хэнтэй-Чикойское нагорье 11,123

Ц

Цаган-Дабанский хребет 11,13
 Цаганский хребет 11,13
 Цаган-Хуртэйский хребет 11,13
 Центральная Азия 6-11,16,18,19,25-27,29-33,39,40,48,58,64,91,95,102,120,121,124-126,128-131,141-145,147,149-153,157,158,160,162,164,165,167,170,173,178,183,185,194,195,201,202-206,208-210,212,214-217,219,220,226,227,234,240,241,250,255,257,259,261-264,266,267,269-271,273,276,277,281,283,284,286
 Центральная Монголия 9, 32,121-123,125,128,131,142,143,149,178,211,218,240
 Центральный аймак 156
 Цинхай 162
 Ципиканские (горы) 14
 Цяньдуй (горы) 216

Ч

Чач 212
 Черемуховая падь 21,24,168,176,186-188,190,191,196
 Чивыркуйский залив 82,83,114
 Чикой (р.) 18,19,21,23,24,26,28-30,46,59,66,71,91,107,120,132,142,155,156,157,176,178,181,225,237
 Чикойско-Мензенская горно-таежная провинция 120
 Чиндант 27,245
 Чита (р.) 20
 Читинская котловина 15
 Читинская область 13,22,23,28,120
 Чойбалсановский аймак 156
 Чулуты 25,123
 Чулутын-Гол (р.) 123
 Чулуут (р.) 145
 Чуна (р.) 272

Ш

Шангу округ 177
 Шаньси 162,168
 Шара-Мурэн (р.) –
 Шевья 135
 Шилка (р.) 22,132,208,237
 Шишкино 242,267
 Шэньси 162

Э

Эдуй 24
 Эргунэ 218,229
 Эргунэ кун 218,219,220
 Эхирит-Булагатский район 256,257

Ю

Юго-Восточная Азия 36,47
 Юго-Восточная Сибирь 26,34,232,239,243-247,250,254,255,271
 Юго-Западное Забайкалье 22,24,28,102,117,155,245
 Южная Бурятия 25,129,130,142,143,151,186
 Южная Маньчжурия 164
 Южная Монголия 121,123,143
 Южная Сибирь 16,30,32,33,46,90,121,129,142,158,165,166,185,194,201,204,210,213,216,233,234,241,251,262,264,269,273
 Южногобийский аймак 123
 Южное Забайкалье 24,25,26,31,119-126,144,150,151
 Южное Приангарье 50
 Южное Прибайкалье 131,272
 Южно-Муйский хребет 14
 Юмурчен (р.) 27,90
 Юньчжун (округ) 177
 Юньян 194

Я

Яблоново-Черское среднегорье 14
 Яблоновый хребет 27,119,131,282,283
 Якутия 24,36,38,58,71,72,79,88,89,95,102,254,278
 Янь округ 167
 Яньжань 196

Литература

- Абдулов Т. А., Пилипчук Н. П. Поселение Лысая Сопка на Северном Байкале // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. – Иркутск, 1982. – С. 55–70.
- Авляев Г. О. Этнонимы-тотемы в этническом составе калмыков и их параллели у тюркских народов // Этнография и фольклор монгольских народов. – Элиста, 1981.
- Авляев Г. О. Происхождение калмыцкого народа. – Элиста, 2002.
- Агапитов Н. Н. Прибайкальские древности // Изв. ВСОРГО. – 1881. – Т. 12. – № 4–5. – С. 1–22.
- Акишев К. А. Саки среднеазиатские и скифы европейские (общее и особенное в культуре) // Археологические исследования в Казахстане. – Алма-Ата, 1973. – С. 43–58.
- Аксенов М. П., Ветров В. М., Инешин Е. М., Тетенькин А. В. История и некоторые результаты археологических исследований в бассейне р. Витим (Витимское плоскогорье и Байкало-Патомское нагорье) // Байкальская Сибирь в древности. – Вып. 2. – Иркутск. – 2000. – Ч. 1. – С. 4–35.
- Алексеев В. П. Географические очаги формирования человеческих рас. – М.: Мысль, 1985. – 236 с.
- Алексеев В. П. География человеческих рас. – М.: Мысль, 1974. – 351 с.
- Алексеев В. П. Этногенез. – М.: Высшая школа, 1982.
- Алексеев В. П. Основные этапы антропологических типов Тувы // Сов. этнография. – 1962. – № 3. – С. 49–58.
- Алексеев В. П., Гохман И. И. Антропология азиатской части СССР. – М., 1984. – 208 с.
- Алексеев В. П., Гохман И. И., Тумэн Д. Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии (каменный век – эпоха раннего железа) // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск, 1987. – С. 208–241.
- Алексеев В. П., Трубникова О. Б. Некоторые проблемы таксономии и генеалогии азиатских монголоидов (краниометрия). – Новосибирск, 1984. – 129 с.
- Алкин С. В. Погребения с подбоем в Центральной Азии // Палеоэтнология Сибири: тез. докл. XXV РАСК. – Иркутск, 1990. – С. 68–70.
- Амоголонов А. А., Филиппова И. В., Данилов С. В., Оборонительные сооружения хунну // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2000. – С. 277–281.
- Ангархаев А. Истоки. – Улан-Удэ, 1999.
- Антропологические типы древнего населения на территории СССР. – М., 1988. – 208 с.
- Артамонов М. И. Сокровища саков. – М.: Искусство, 1973. – 280 с.
- Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. – М., 1989. – 243 с.
- Асеев И. В. Прибайкалье в средние века (по археологическим данным). – Новосибирск, 1980. – 152 с.
- Асеев И. В., Кириллов И. И., Ковычев Е. В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья. – Новосибирск, 1984. – 201 с.
- Асеев И. В. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла. – Новосибирск, 2003. – 208 с.

- Атлас Забайкалья (Бурятская АССР и Читинская область). – М.: ГУГК, 1967.
- Бадамхатан С. Хөвсгөлийн дархад ястан. – Улаанбаатар, 1965.
- Базалийский В. И. К проблеме культурно-хронологических особенностей погребальных комплексов эпохи позднего мезолита – неолита Байкальской Сибири // Социогенез в Северной Азии. – Ч. 1. – Иркутск, 2005. – С. 35–42.
- Базаров Д. Собрание сочинений. – Улан-Удэ, 1997.
- Базаров Д.-Д. Б., Константинов М. В., Иметхенов А. Б. и др. Геология и культура древних поселений Западного Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1982. – 163 с.
- Балдаев С. П. Родословные легенды и предания бурят. – Улан-Удэ, 1970.
- Балдаев С. П. Избранное. – Улан-Удэ, 1961.
- Балдаев С. П. Предания о расселении кударинских и кабанских бурят // Записки БНИИК. – Вып. XXV. – Улан-Удэ, 1958.
- Банзаров Д. Собрание сочинений. – М., 1955. – 374 с.
- Банзаров Д. Собрание сочинений. Изд. 2-е дополненное. – Улан-Удэ, 1997.
- Батсайхан з. Хунну (археология, этнография, история). – Улаанбаатар, 2002.
- Банникова И. А. Растительный покров: структура высотной поясности // Горная лесостепь Восточного Хангая (МНР). – М.: Наука, 1983.
- Бердникова Н. Е. Усть-Бельский керамический пласт (к постановке проблемы) // Тезисы докладов всесоюзной конф. «Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири». – Ч. 2. – Улан-Удэ, 1986. – С. 36–38.
- Бернштам А. Н. Очерки истории гуннов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1951. – 255 с.
- Бертагаев Т. А. Об этимологии слов «баргуджин, баргут и тукум» // Филология и история монгольских народов. – М., 1958.
- Бертагаев Т. А. Об этнонимах бурят и курыкан // Этнонимы. – М., 1970.
- Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.-Л., 1950. – Т. 1, 2; 1953 – Т. 3.
- Большая Советская Энциклопедия. – Т. 7. – С. 562.
- Бураев А. И. Антропология Прибайкалья и Забайкалья (древность и средневековье). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2006. – 211 с.
- Бураев А. И. Краниология средневекового населения Прибайкалья и Забайкалья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1993. – 18 с.
- Бураев А. И. Средневековое население Прибайкалья и Забайкалья по данным краниологии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – 128 с.
- Бураев И. Д. Проблемы классификации бурятских диалектов // Проблемы бурятской диалектологии. – Улан-Удэ, 1996.
- Бурятские летописи. – Улан-Удэ, 1955.
- Бурятско-русский словарь.
- Бутанаев В. Я. Этнополитическая общность «Хонгорай» // Этносоциальные общности в регионе Восточной Сибири и их социокультурная динамика. – Улан-Удэ, 1993.
- Варенов А. В. Скифские памятники Алтая, Ордоса и происхождение сюннуской культуры // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая: тез. науч.-практ. конф. – Барнаул, 1995. – С. 123–125.
- Варенов А. В. Древнее население Алтая и происхождение сюнну // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезающих языков и культур: тез. докл. междунар. конф. – Новосибирск, 1995. – С. 12–15.
- Вебер А. В., Линк Д. В. Неолит Прибайкалья: Итоги и перспективы изучения // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 1. – С. 135–146.
- Ветров В. М. Керамика усть-каренгской культуры на Витиме // Древнее Забайкалье и его культурные связи. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 123–130.
- Ветров В. М. Работы Иркутского педагогического университета в Муйской котловине // Археологические открытия 2001 года. – М.: Наука, 2002. – С. 403–404.
- Ветров В. М. Работы на местонахождении Старый Витим-II в Муйской котловине // Археологические открытия 2002 года. – М.: Наука, 2003. – С. 345–346.
- Ветров В. М. Ритуальный комплекс в устье р. Каренга (долина р. Витим) и некоторые проблемы неолита Восточной Сибири // Известия Лаборатории древних технологий. – Иркутск, 2008. – С. 28–43.
- Ветров В. М., Задонин О. В., Инешин Е. М. Многослойное местонахождение Нижняя Джилинда (Сивакон)-I в Бамбульской котловине // Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья. – Новосибирск: Наука, – 1993. – С. 106–111.
- Ветров В. М., Инешин Е. М., Ревенко А. Г., Секерин А. П. Артефакты из экзотических видов сырья на археологических памятниках Витимского бассейна // Байкальская Сибирь в древности. – Вып. 2. – Ч. 1. – Иркутск, 2000. – С. 98–116.
- Ветров В. М., Трифонов С. П. Новые данные по археологии верхней части долины Витима // Археология и этнография Восточной Сибири. Тез. док. – Иркутск, 1978.
- Викторова Л. Л. К вопросу о расселении монгольских племен на Дальнем Востоке в IV в. до н.э. – XII в. н.э. // История и филология стран Востока: Уч. зап. ЛГУ. Сер. востоковед. – Вып. 7. – Л., 1958. – С. 41–67.

- Викторова Л. Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. – М.: Наука, 1980. – 224 с.
- Волков В. В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. – Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1967. – 148 с.
- Волков В. В. Оленные камни Монголии. – Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981. – 254 с.
- Воробьев М. В. Культура чжурчженей и государства Цзинь. – М., 1983. – 365 с.
- Востриков А. И., Поппе Н. Н. Летопись баргузинских бурят. Тексты и исследования. – М.-Л., 1935.
- Гаврилова А. А. Сверкающая чаша Енисея (к вопросу о памятниках уйгуров в Саяно-Алтае) // Древняя Сибирь. – Новосибирск, 1974. – Вып. 4: Бронзовый и железный век Сибири. – С. 177–183.
- Галданова Г. Р. Хонгодоры – Хунгирады? // Монголо-бурятские этнонимы. – Улан-Удэ, 1996.
- Галданова Г. Р. Закаменские буряты. – Новосибирск, 1992.
- Гао Син. Расщепление нуклеусов местонахождения Чжоукоудянь-15 // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3. – С. 2–12.
- Гарутт В. Е., Юрьев К. Б. Палеофауна Иволгинского городища по данным археологических раскопок 1949–1959 гг. // Археологический сборник. – Вып. 1. – Улан-Удэ, 1959. – С. 80–82.
- Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек). – М., 1955. – 585 с.
- Герасимов М. М. Река Селенга и Белая // Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг. – М.-Л., 1941. – С. 318–321.
- Герасимов М. М., Черных Е. Н. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. – Л.: Наука, 1975. – С. 23–48.
- Герасимова М. М. Черепа Фофановского могильника (р. Селенга) // Древности Байкала. – Иркутск: Изд-во Ирк. гос. ун-та, 1992. – С. 97–110.
- Гоголев А. И. Историческая этнография якутов. – Якутск, 1986. – С. 72.
- Горюнова О. И., Воробьева Г. А. Археология и палеогеография развитого бронзового века Предбайкалья // Культура народов евразийских степей в древности. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1993. – С. 94–117.
- Горюнова О. И., Лыхин Ю. П. Археологические памятники п-ва Святой Нос (оз. Байкал) // Древнее Забайкалье и его культурные связи. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 130–147.
- Гохман И. И. Антропологическая характеристика черепов из Иволгинского городища // Тр. БКНИИ. – Вып. 3. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1969. – С. 166–173.
- Гохман И. И. Антропологические материалы из плиточных могил Забайкалья // Сб. музея антропологии и этнографии АН СССР. – Т. 18. – М.-Л.: Наука, 1958. – С. 428–443.
- Гохман И. И. Антропологическое изучение Забайкалья в Троицко-Кяхтинском отделении Русского географического общества // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. – Вып. 7. – Л., 1977. – С. 158–164.
- Гохман И. И. К вопросу об антропологических особенностях древних скотоводов в Забайкалье // Сов. этнография. – 1967. – № 6. – С. 95–100.
- Гохман И. И. Материалы по антропологии древнего населения низовьев Селенги // КСИЭ. – 1954. – Вып. 20. – С. 59–67.
- Гохман И. И. Палеоантропологические материалы из могильника Усть-Талькин в Прибайкалье // Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР. – Т. 21. – М.-Л.: Наука, 1963. – С. 338–359.
- Гохман И. И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР: сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР. – Т. 36. – Л.: Наука, 1980. – С. 5–34.
- Гохман И. И. Среднеазиатская колония в Прибайкалье // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. – М.: Наука, 1968. – С. 108–126.
- Гохман И. И., Влчек Э. Э. Древнее погребение из Худжирта (Центральная Монголия) // Новые коллекции и исследования по антропологии и археологии: сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР. – Т. 44. – СПб.: Наука, 1991. – С. 48–64.
- Грач А. Д. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве // Труды ТКАЭЭ. – Т. 1. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – С. 8–72.
- Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, 1980. – 256 с.
- Гришин Ю. С. Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. – М.: Наука, 1975. – 136 с.
- Гришин Ю. С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного века лесостепного Забайкалья. – М.: Наука, 1981. – 201 с.
- Гришин Ю. С. Проблемы периодизации неолита и энеолита Прибайкалья и Забайкалья. – М.: Старый сад, 2000. – 128 с.
- Гришин Ю. С. Производство в Тагарскую эпоху // МИА. – 1960. – № 90. – С. 136–207.
- Громов В. И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР // Тр. Ин-та геологии АН СССР. – М., 1948. – Вып. 69.
- Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2: Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. – Л., 1926. – 896 с.
- Грязнов М. М. Бронзовый кинжал с озера Котокель // Бурятияведение. – 1929. – Вып. 1–2 (9–10). – С. 134–141.
- Гумилев Л. Н. Хунну. Средняя Азия в древние времена. – М.: Изд-во вост. лит., 1960. – 292 с.

- Давыдов Д. П. О древних памятниках и могильных остатках аборигенов Забайкальской области Верхнеудинского округа // Зап. СОРОГО. Кн. 2. – Иркутск, 1856.
- Давыдова А. В. Новые данные о поселении хунну в Дуренах // Археологические открытия 1979 года. – М., 1980.
- Давыдова А. В. Иволгинское городище // СА, XXV, 1956.
- Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1: Иволгинское городище. – СПб.: Фонд «АзияТИКА», 1995. – 287 с.
- Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2: Иволгинский могильник. – СПб.: Фонд «АзияТИКА», 1996. – 176 с.
- Давыдова А. В. Иволгинский комплекс (городище и могильник) – памятник хунну в Забайкалье. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. – 111 с.
- Давыдова А. В. К вопросу о роли оседлых поселений в кочевом обществе сюнну // Краткие сообщения Института археологии. – 1978. – № 154. – С. 55–59.
- Давыдова А. В. Об общественном строе хунну // Первобытная археология Сибири. – Л., 1975. – С. 141–145.
- Давыдова А. В., Миняев С. С. Комплекс археологических памятников у села Дурены. – СПб.: Фонд «АзияТИКА», 2003. – 164 с.
- Давыдова А. В., Шилов В. П. Предварительный отчет о раскопках Нижне-Иволгинского городища в 1949 г. // Зап. БМНИИ. – 1951. – Вып. 13. – С. 71–101; 1952. – Вып. 14. – С. 94–116.
- Данилов С. В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. – Улан-Удэ, 2004. – 201 с.
- Данилов С. В. Ильмовая падь – некрополь хунну // Палеоэкология человека Байкальской Азии. – Улан-Удэ, 1999. – С. 82–86.
- Данилов С. В. К проблеме городов хунну // Международная конференция «100 лет гуннской археологии. Номадизм – прошлое, настоящее и будущее в глобальном контексте и исторической перспективе. Гуннский феномен»: тез. докл. – Ч. 1. – Улан-Удэ, 1996. – С. 20–22.
- Данилов С. В. Наземные здания хунну // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. – Т. 1. – Вып. 1: Археология и этнография. – Новосибирск, 2005. – С. 65–70.
- Данилов С. В. Раскопки здания на хуннском городище Баян Ундэр в Джидинском районе Республики Бурятия // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. – Владивосток, 1998. – С. 111–114.
- Данилов С. В. Средневековое здание в Нарсатуе и некоторые проблемы истории Монгольского государства 13–14 вв. // Традиционная культура народов Байкальского региона: возрождение и развитие. – Улан-Удэ, 1999. – С. 33–34.
- Данилов С. В. Средневековые поселения Западного Забайкалья // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии. – Новосибирск, 1992. – С. 137–145.
- Данилов С. В. Строительные традиции кочевников Центральной Азии // Россия и АТР. – Владивосток, 2005. – № 2. – С. 108–114.
- Данилов С. В. Темниковское поселение и некоторые вопросы этногенеза бурят // Мир Центральной Азии: мат-лы междунар. науч. конф. – Т. 1: Археология, этнология. – Улан-Удэ, 2002. – С. 21–25.
- Данилов С. В., Коновалов П. Б. Новые материалы о курганах-керексурах Забайкалья и Монголии // Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ, 1988. – С. 61–80.
- Данилов С. В., Жаворонкова Т. В. Городище Баян Ундэр – новый памятник хунну в Забайкалье // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. – Улан-Удэ, 1995. – С. 26–36.
- Дарбеева А. А., Дугаржапова Т. М. Бурятский язык // Языки Российской Федерации и соседних государств: Энциклопедия. – Т. 1. – М., 1997. – С. 234–244.
- Дашибалов Б. Б. Об этнической принадлежности могил саянтийского типа Юго-восточной Сибири // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. – Владивосток, 2002.
- Дашибалов Б. Б. Археологические памятники курыкан и хори. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. – 189 с.
- Дашибалов Б. Б. Археологические памятники Ольхона в системе западных и восточных взаимосвязей // Палеоэкология человека Байкальской Азии. – Улан-Удэ, 1999а. – С. 96–108.
- Дашибалов Б. Б. Истоки: от древних хори-монголов к бурятам. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. – 124 с.
- Дашибалов Б. Б. Курумчинская культура Байкальской Сибири // Гуманитарные проблемы стран Азиатско-Тихоокеанского региона. – 2000. – № 2. – С. 35–44.
- Дашибалов Б. Б. Кыпчаки в Восточной Сибири // Средневековые древности евразийских степей. – Вып. 15. – Воронеж, 2001. – С. 167–174.
- Дашибалов Б. Б. Монголо-маньчжуро-корейский центр активности в истории центральноазиатских народов // Геохимия ландшафтов, палеоэкология человека и этногенез: тез. междунар. симпозиума. – Улан-Удэ, 1999. – С. 432–433.
- Дашибалов Б. Б. На монголо-тюркском пограничье: Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – 202 с.
- Дашибалов Б. Б. Находки культуры «курумчинских кузнецов» из раскопок Б.Э. Петри // Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тысячелетиях н. э. – Кемерово, 1994. – С. 190–207.
- Дашибалов Б. Б. О дальневосточных традициях в культуре бурят и монголов // Вестник ДВО РАН. – 2004. – № 2. – С. 55–59.
- Дашибалов Б. Б. Об оседлости древних монголов // Культурные традиции Евразии. – Вып. 4. – Казань, 2004б.

- Дашибалов Б. Б. Средневековые торговые фактории в Баргуджин-Токуме // Древности Востока. – М., 2004а. – С. 148–157.
- Дашибалов Б. Б. Погребальные памятники и обряды позднего средневековья как источник по этногенезу бурят // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. – Новосибирск: Наука СО, 1989.
- Дашибалов Б. Б. Типология городищ Байкальской Сибири // Вторая дальневосточная конференция молодых историков. – Владивосток, 1992б.
- Дашибалов Б. Б. Хунну и сяньби в сложении культуры хори-монголов // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Улан-Удэ, 2010. – С. 191–195.
- Дебец Г. Ф. Антропологический состав населения Прибайкалья в эпоху позднего неолита // Русский антропологический журнал. – 1930. – Т. 19. – Вып. 1–2.
- Дебец Г. Ф. Антропологические исследования в Камчатской области // Тр. Ин-та этногр. СССР. Нов. сер. – Т. 17. – М., 1951. – 204 с.
- Дебец Г. Ф. Итоги и задачи доисторической археологии в Западном Забайкалье // Жизнь Бурятии. – 1926. – № 4–6. – С. 102–107.
- Дебец Г. Ф. Итоги и задачи палеоэтнологии в Западном Забайкалье // Первый Восточно-Сибирский краеведческий съезд. – Иркутск, 1925. – С. 102–107.
- Дебец Г. Ф. Могильник железного века у с. Зарубино // Бурятияведение. – №. 2. – Верхнеудинск, 1926.
- Дебец Г. Ф. К характеристике остеологических особенностей южносибирской расы // Антропологический журнал. – 1934. – № 3. – С. 142–150.
- Дебец Г. Ф. Опыт выделения культурных комплексов в неолите Прибайкалья // Известия Ассоциации научно-исследовательских институтов при физико-математическом факультете МГУ. – 1930. – Т. 3. – № 2а. – С. 151 – 169.
- Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер. – Т. 4. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 392 с.
- Деревянко Е. И. Мохэские памятники Среднего Амура. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1975. – 250 с.: ил.
- Деревянко А. П., Олсен Д., Цзвэндорж Д., Кривошапкин А. И., Петрин В. Т., Брантингхэм П. Д. Многослойная пещерная стоянка Цаган-Агуй в Гобийском Алтае (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1. – С. 23–36.
- Деревянко А. П. Три сценария перехода от среднего к верхнему палеолиту // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 4. – С. 2–38.
- Дерфер Г. О языке гуннов // Зарубежная тюркология. – М., 1986. – С. 71–134.
- Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. – Улан-Удэ, 1958. – 137 с.
- Динесман Л. Г. Киселева Н. К., Князев А. В. История степных экосистем Монгольской Республики. – М.: Наука СО, 1989.
- Дорж Д. Неолит Восточной Монголии. – Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1971. – 170 с.
- Доржин Ц. Ц. Легендарная земля Наян-Наваа и белое пятно бурятской истории (взгляд с позиции историч. географии). – Улан-Удэ, 2003.
- Доржсүрэн Ц. Раскопки могил хунну в горах Ноин-Уула и на р. Хуни-гол (1954–1957 гг.) // Монгольский археологический сборник. – М., 1962. – С. 36–44.
- Древнетюркский словарь. – Л., 1969. – 696 с.
- Дульзон А. П. Гунны и кеты // Изв. СО АН СССР. Сер.: Обществ. науки. – 1968. – № 11. – Вып. 3. – С. 137–142.
- Дугаров Б. С. О происхождении окинских бурят // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. – Улан-Удэ, 1983.
- Дугаров Д. С. К проблеме происхождения хонгодоров // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1993.
- Думан Л. И. К истории государств Тоба Вэй и Ляо и их связей с Китаем // Уч. зап. Института востоковедения. – Т. 11. – М., 1955. – С. 9–27.
- Думан Л. И. Общественный строй сяньби и тоба III–IV вв. н.э. // Вопросы истории и историографии Китая. – М., 1968. – С. 45–87.
- Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи). – М., 1979. – 607 с.
- Егунов Н. П. Бурятия до присоединения к России. – Улан-Удэ, 1990.
- Евтюхова Л. А. Развалины дворца в «земле Хягас» // КСИИМК. – 1947. – Вып. 21. – С. 79–84.
- Жамбалтарова Е. Д., Конев В. П. Фофановский могильник: Материалы 1987–89 и 1996 года // Историко-культурное наследие Северной Азии: Итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2001. – С. 171–172.
- Жамбалтарова Е. Д., Лбова Л. В. Предварительные данные о погребении на р. Хилок у с. Верхний Мангиртуй на юге Забайкалья // Социогенез Северной Евразии: прошлое, настоящее и будущее. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. – С. 66–70.
- Заднепровский Ю. А. Происхождение и этническая атрибуция срубных могил периода II в. до н. э. – II в. н. э. в Северной Корее // Изв. СО РАН. Сер.: История, филология и философия. – 1991. – Вып. 1. – С. 53–61.
- Золотарева И. М. Этническая антропология бурят // Этнографический сборник. – Вып. 1. – Улан-Удэ, 1960.

- Зориктуев Б. Р. О происхождении и семантике этнонима «булагат» // Вопросы социально-экономического и культурного развития общества: исторический опыт и современность. – Улан-Удэ, 1989.
- Зориктуев Б. Р. О происхождении и семантике этнонима «бурят» // Монголы-бурятские этнонимы. – Улан-Удэ, 1996.
- Зориктуев Б. Р. Прибайкалье в середине VI – начале XVII века. – Улан-Удэ, 1997. – 104 с.
- Зориктуев Б. Р. Об этническом составе населения Западного Забайкалья во второй половине I – первой половине II тысячелетия н.э. // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1993.
- Зуев Ю. А. Тамги лошадей из вассальных княжеств // Тр. Института истории, археологии АН Казахской ССР. – 1960. – Т. 3. – С. 93–140.
- Зуев Ю. А. Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Алма-Ата, 1967. – 21 с.
- Иваньев Л. Н. Неолитическое погребение в Худунской впадине // Кр. сообщ. БКНИИ. – Вып. 1. – Улан-Удэ, 1959. – С. 95–96.
- Ивашина Л. Г. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. – Новосибирск: Наука, 1979. – 155 с.
- Ивашина Л. Г. Новые материалы по археологии бронзового века Забайкалья // Известия СО АН СССР. Сер.: Обществ. науки. – 1975. – № 1. – Вып. 1. – С. 101.
- Ивашина Л. Г. Новые находки неолитического времени в Западном Забайкалье // Проблемы археологии и этнографии Сибири. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1982. – С. 75–76.
- Ивашина Л. Г. О раннем неолите Западного Забайкалья // Культуры и памятники эпох камня и раннего металла Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 81–88.
- Ивашина Л. Г. Поселения эпохи позднего неолита – раннего металла у озер Кулькисон и Харга // По следам древних культур Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 52–57.
- Ивашина Л. Г., Климашевский Э. Л. Могильник Бухусан (результаты работ 1970 г.) // Якутия и ее соседи в древности. – Якутск: Изд-во ЯФ СО АН СССР, 1975. – С. 79–87.
- Именохоев Н. В. Древние тюрки, ранние монголы: проблемы этнической атрибуции археологических культур Западного Забайкалья // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Улан-Удэ, 2010. – С. 309–313.
- Именохоев Н. В. К вопросу о выделении археологических культур средневековых кочевников Центральной Азии. – Улан-Удэ, 2005. – С. 11–15.
- Именохоев Н. В. К вопросу о культуре ранних монголов (по данным археологии) // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. – Новосибирск, 1989. – С. 55–62.
- Именохоев Н. В. Раннемонгольская археологическая культура // Археологические памятники средневековья в Бурятии и Монголии. – Новосибирск, 1992. – С. 23–48.
- Именохоев Н. В. Раннемонгольская культура. Истоки формирования // Проблемы истории Бурятии. – Улан-Удэ, 1993. – С. 49–51.
- Именохоев Н. В. Средневековый могильник у с. Енхор на р. Джиде (предварительные результаты исследования) // Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье. – Улан-Удэ, 1988. – С. 108–129.
- Именохоев Н. В., Коновалов П. Б. К изучению погребальных памятников монголов в Забайкалье // Древнее Забайкалье и его культурные связи. – Новосибирск, 1985. – С. 69–86.
- Иметхенов А. Б. Природа переходной зоны на примере Байкальского региона. – Новосибирск: Наука СО, 1997.
- Иностранцев К. А. Хунну и гунны. – Л., 1926. – 152 с.
- История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1. – Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1951. – 574 с.
- Каталог гор и морей: Шань Хай-цзин. – М.: Наука ГРВЛ, 1977. – 125 с.
- Качалова Н. К., Мандельштам А. М. Поселения и могильники на мысах Бурхан, Шибэтэй и Нюргон (остров Ольхон) // Сборник научных трудов «Древности Байкала». – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1982. – С. 73–77.
- Кириллов И. И. Восточное Забайкалье в древности и средневековье. – Иркутск, 1979. – 96 с.
- Кириллов И. И., Ковычев Е. В., Литвинцев А. Ю. Граффити на бересте сяньбийского могильника Зоргол-1 // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока: тез. докл. XXXVIII РАЭСК, посв. 90-летию акад. А. П. Окладникова. – Улан-Удэ, 1998. – С. 54–56.
- Кириллов И. И., Ковычев Е. В., Кириллов О. И. Дарасунский комплекс археологических памятников. Восточное Забайкалье. – Новосибирск, 2000. – 175 с.
- Кириллов И. И., Рижский М. И. Очерки древней истории Забайкалья. – Чита: Изд-во ЧГПИ, 1973. – 137 с.
- Кириллов Н. В. Несколько указаний на археологические остатки в Верхнеудинском округе // Изв. ВСОРГО, 1897. – Т. 23. – № 2.
- Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 362 с.
- Киселев С. В. Древнемонгольские города. – М., 1965.
- Киселев С. В. Древние города Монголии // Сов. археология. – 1957. – № 2. – С. 91–101.
- Киселев С. В. Древние города Забайкалья // Сов. археология. – 1958. – № 4. – С. 107–119.
- Киселев С. В. Город монгольского хана Исункэ // Сов. археология. – 1961. – № 4. – С. 103–127.
- Ковычев Е. В. Монгольские погребения из Забайкалья // Новое в археологии Забайкалья. – Новосибирск, 1981. – С. 73–79.
- Ковычев Е. В. История Забайкалья (I – сер. II тыс. н.э.). – Иркутск, 1984. – 81 с.

- Ковычев Е. В. Средневековое погребение с трупосожжением из Восточного Забайкалья и его этнокультурная интерпретация // Древнее Забайкалье и его культурные связи. – Новосибирск, 1985. – С. 50–59.
- Ковычев Е. В. Этническая история Восточного Забайкалья в эпоху средневековья (по археологическим данным) // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. – Новосибирск: Наука, 1989. – С. 21–27.
- Ковычев Е. В., Яремчук О. А. Погребальный обряд могильника Зоргол-1 // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии: мат-лы XL РАЭСК. – Т. 3. – Новосибирск, 2000. – С. 60–69.
- Комиссаров С. А. Комплекс вооружения Древнего Китая: Эпоха поздней бронзы. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1988. – 120 с.
- Комиссаров С. А. Археологические памятники шаньжунов // Петр Алексеевич Кропоткин – гуманист, ученый, революционер: тез. Рос. науч. конф. – Чита, 1992. – С. 95–96.
- Коновалов П. Б. Две ветви монгольского этногенеза: докл. рос. делегации // VIII международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, 5–12 авг. 2002 г.) – М., 2002. – С. 60–66.
- Коновалов П. Б. О хуннской ветви этногенеза в центральной Азии // Древние кочевники Центральной Азии (история, культура, наследие). Мат-лы междунар. науч. конф. – Улан-Удэ: изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – С. 76–83.
- Коновалов П. Б. К истокам этнической истории тюрков и монголов // Этническая история народов Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, Наука, 1993. – С. 5–29.
- Коновалов П. Б. Корреляция средневековых археологических культур Прибайкалья и Забайкалья // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. – Новосибирск, 1989. – С. 5–20.
- Коновалов П. Б. Некоторые итоги и задачи изучения хунну // Древние культуры Монголии. – Новосибирск, 1985. – С. 41–50.
- Коновалов П. Б. Неолитическое погребение возле Дунда-Киреть на р. Хилок (Южная Бурятия) // Вопросы краеведения Бурятии. – Вып. 8. – Улан-Удэ, 1975. – С. 139–145.
- Коновалов П. Б. Этнические аспекты истории и культуры Центральной Азии: Автореф. дис. докт. истор. наук. – Улан-Удэ, 2000.
- Коновалов П. Б. О хуннской ветви этногенеза в Центральной Азии // Древние кочевники Центральной Азии (история, культура, наследие): мат-лы междунар. науч. конф. – Улан-Удэ, 2005. – С. 76–83.
- Коновалов П. Б. Погребальные сооружения хунну (по материалам раскопок рядовых могил) // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. – Новосибирск: Наука СО, 1975.
- Коновалов П. Б. Об этническом сознании средневековых монголов // «Тайная история монголов»: источниковедение, филология, история. – Новосибирск, 1995. – С. 26–48.
- Коновалов П. Б. Отчет о раскопках неолитической стоянки Мухино // Рукописный отдел БНЦ СО РАН. – 1962. – № 3303.
- Коновалов П. Б. По следам Ю. Д. Талько-Грынцевича (Археологическая разведка хуннских погребений в Южном Забайкалье) // Тр. БИОН. – 1970. – Вып. 12. Сер.: Востоковедение: Материалы по истории и филологии Центральной Азии. – Вып. 4. – С. 156–167.
- Коновалов П. Б. Усыпальница хуннского князя в Суджи (Ильмовая падь, Забайкалье). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. – 98 с.
- Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье. – Улан-Удэ, 1976. – 219 с.
- Коновалов П. Б. Этнические аспекты истории Центральной Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – 214 с.
- Коновалов П. Б. Историко-археологическое обоснование этнической генеалогии бурятского народа // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии: Мат-лы Всероссийского семинара, посв. 125-летию Б. Э. Петри. – Иркутск, 2009.
- Коновалов П. Б., Данилов С. В. К изучению плиточных могил Забайкалья и Монголии // Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье. – Улан-Удэ, 1988. – С. 27–39.
- Коновалов П. Б., Данилов С. В. Средневековые погребения в Кибалино // Новое в археологии Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1981.
- Коновалов П. Б., Данилов С. В., Именохоев Н. В. Бронзовый меч из села Петропавловка (р. Джиды, Бурятия) // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Бурятии и Монголии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. – С. 59–61.
- Коновалов П. Б., Кириллов И. И. Состояние и задачи археологии Забайкалья // По следам древних культур Забайкалья. – Новосибирск: Наука СО, 1983.
- Коновалов П. Б., Зайцев А. Хуннский меч из коллекции музея археологии Бурятского научного центра СО РАН // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока: тез. докл. XXXVIII рег. археол.-этногр. студ. конф., посв. 90-летию акад. А. П. Окладникова. – Улан-Удэ, 1998. – С. 56–58.
- Коновалов П. Б., Миллер Б. К., Баярсайхан Ж., Эгиймаа Ц., Ли К., Логан Д. К. Полевые исследования на хуннском некрополе Тахилтын хотгор (Монгольский Алтай, Ховд аймаг) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: мат-лы междунар. науч. конф. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. – С. 212–220.
- Конопацкий А. К. Древние культуры Байкала. – Новосибирск: Наука, 1982. – 176 с.
- Константинов И. В. Происхождение якутского народа и его культуры // Якутия в древности. – Якутск, 1975.
- Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. – Улан-Удэ; Чита: Изд-во ИОН БНЦ СО

- РАН; ЧГПИ им. Н. Г. Чернышевского, 1994. – 265 с.
- Константинов М. В., Базарова Л. Д., Семина Л. В. Древнее поселение Посольское (Новые материалы) // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Бурятии и Монголии. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. – С. 18–26.
- Кормушин И. В. О тюрко-монгольских связях древнего периода // Владимирцовские чтения-IV. – М., 2000. – С. 58–62.
- Коротков И. А. Географическая закономерности распределения лесов в Монгольской Народной Республике // Ботанический журнал. – 1976. – Т. 62. – №. 2.
- Крадин Н. Н. Вероятная численность кочевого населения Бурятии в хуннскую эпоху // Вперед... в прошлое: к 70-летию Ж. В. Андреевой. – Владивосток: Дальнаука, 2000. – С. 161–173.
- Крадин Н. Н. Империя хунну. – М.: Логос, 2001. – 311 с.
- Крадин Н. Н., Данилов С. В., Коновалов П. Б. Социальная структура хунну Забайкалья. – Владивосток, 2004. – 105 с.
- Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингис-хана. – М.: Вост. лит., 2006. – 557 с.
- Краткая географическая энциклопедия. – Т. 1. – М., 1960.
- Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с монголо-тибетской экспедицией П. К. Козлова. – Л., 1925. – 58 с.
- Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. – М., 1979. – 327 с.
- Ксенофонов Г. В. Ураангхай-сахалар: очерки по древней истории якутов. – Якутск, 1992. – Т. 1. – Кн. 2.
- Кузьмин Я. В., Ветров В. М., Джалл Э. Дж. Т., О'Малли Ж. М. Радиоуглеродное датирование керамики усть-каренгской культуры Верхнего Витима и хронология начального неолита Восточной Азии // Байкальская Сибирь в древности. – Вып. 2. – Ч. 1. – Иркутск, 2000. – С. 181–188.
- Кухарев В. В., Именохоев Н. В. Олений камень из комплекса Тамчинского дацана // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. – С. 112–118.
- Кызласов Л. Р. Древняя Тува. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 208 с.
- Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – 211 с.
- Кызласов Л. Р. Ранние монголы // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века. – Новосибирск, 1975. – С. 170–177.
- Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. – М., 1997. 319 с.
- Кычанов Е. И. Монголы в VI – первой половине XII в. // Дальний Восток и соседние территории в средние века. – Новосибирск, 1980.
- Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. – М.: Вост. лит., 1961. – 491 с.
- Лавренко Е. М., Карамышева З. В., Никулина Р. И. Степи Евразии. – М.: Наука, 1991.
- Ларичев В. Е. Предисловие // Китай в эпоху древности. – Новосибирск, 1990. – С. 7.
- Ларичев В. Е. О происхождении плиточных могил Забайкалья // Археологический сборник. – Улан-Удэ, 1959. – С. 63–73.
- Лбова Л. В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – 240 с.
- Лбова Л. В. Палеолит Западного Забайкалья: итоги, проблемы, перспективы // Этносоциальные общности в регионе Восточной Сибири и их социокультурная динамика: тез. док. – Улан-Удэ, 1993.
- Лбова Л. В., Перевалов А. В. К проблеме геохронологии палеолитических комплексов полигона Хотык // Палеоэкология плейстоцена и культура каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Наука СО, 1998. – Т. 2.
- Лбова Л. В., Жамбалтарова Е. Д., Конев В. П. Погребальные комплексы неолита – раннего бронзового века Забайкалья (формирование архетипов первобытной культуры). – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2008. – 248 с.
- Лбова Л. В., Хамзина Е. А. Древности Бурятии: карта археологических памятников. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – 221 с.
- Лбова Л. В., Резанов И. Н., Калмыков Н. П. и др. Природная среда и человек в неоплейстоцене (Западное Забайкалье и Юго-Восточное Прибайкалье). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. – 208 с.
- Левин М. Г. Антропологический материал из Верхолесского могильника // Антропологический сборник: тр. Ин-та этногр. Нов. сер. – Т. 33. – М., 1956. – С. 299–318.
- Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока // Тр. Ин-та этногр. Нов. сер. – Т. 36. – М., 1958. – 359 с.
- Лопатин И. А. Краткий отчет о действиях Витимской экспедиции в 1865 г. // Зап. ВСОРО. – Кн. 9, 1867.
- Лынша В. А. Мезолит юга Средней Сибири: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1980. – 16 с.
- Малолетко А. М. Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. – Т. 1. – Уральцы. – Томск, 1999.
- Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. – Новосибирск, 1989.
- Мамонова Н. Н. Антропологический тип древнего населения Западной Монголии по данным палеоантропологии // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР: Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР. – Т. 36. – Л.: Наука, 1980. – С. 60–74.
- Мамонова Н. Н. Датирование погребений эпох неолита, энеолита и бронзы Прибайкалья методом радиоуглеродного

- анализа (к вопросу периодизации) // Горизонты антропологии: тр. междунар. науч. конф. памяти акад. В. П. Алексеева. – М., 2003. – С. 426–437.
- Мамонова Н. Н. Древнее население Ангара и Лены в серовское время по данным палеоантропологии (к вопросу о межгрупповых различиях в эпоху неолита) // Палеоантропология Сибири. – М., 1980. – С. 64–88.
- Мамонова Н. Н. К антропологии гуннов Забайкалья: (По материалам могильника Черемухова падь) // Расогенетические проблемы в этнической истории. – М., 1974. – С. 201–228.
- Мамонова Н. Н. К вопросу о древнем населении Приангарья по палеоантропологическим данным // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М., 1973. – С. 18–28.
- Мамонова Н. Н. К вопросу о межгрупповых различиях в неолите Прибайкалья // Вопр. антропологии. – 1983. – Вып. 71. – С. 88–103.
- Мамонова Н. Н. Кочевники Забайкалья IX–XIII вв. по данным палеоантропологии // Антропологический сборник. – Т. 71. – М., 1961. – С. 207–241.
- Мамонова Н. Н. Новые находки неолитических черепов в Забайкалье // Зап. БКНИИ. – 1957. – Вып. 23. – С. 118–135.
- Мамонова Н. Н., Сулержицкий Л. Д. Возраст некоторых неолитических и энеолитических погребений Прибайкалья по радиоуглеродным данным // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири: итоги и перспективы. – Иркутск, 1986. – С. 15–20.
- Мамонова Н. Н., Сулержицкий Л. Д. Опыт датирования по С14 погребений Прибайкалья эпохи голоцена // Сов. археология. – 1989. – № 1. – С. 19–32.
- Манжигеев И. М. Янгутский бурятский род (Опыт историко-этнографического исследования). – Улан-Удэ, 1960.
- Марков Г. Е. Некоторые проблемы общественной организации кочевников Азии // Советская этнография. – № 6. – 1970.
- Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. – М.: Наука, 1984.
- Материалы по истории сюнну. – М.: Наука, 1968; 1973. – Вып. 2. Перевод, комм. В. С. Таскина.
- Махалов А. И. Древнее погребение из долины р. Читы. – Чита, 1930.
- Медведев Г. И. Хозяйственный уклад мезолитического населения Усть-Белой // Мезолит Верхнего Приангарья. – Ч. 1. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1971. – С. 111–126.
- Мелиоранский П. М. Памятник в честь Кюль-Тегина // Зап. -вост. отд. Императорского Русского археологического общества. – Т. XII. – Вып. 2–3. – Спб., 1899.
- Мельхеев М. Н. Топонимика Бурятии. – Улан-Удэ, 1969.
- Мельхеев М. Н. Карты расселения и перемещения бурятских родо-племенных групп по данным топо- и этнонимии // Этногр. сб. – Вып. 6. – Улан-Удэ, 1974.
- Мешерин М. Н. Древние находки у села Гыршелун // Петр Алексеевич Кропоткин – гуманист, ученый, революционер: тез. Рос. конф. – Чита: Изд-во Читинского пед. ин-та, 1992. – С. 62–65.
- Миллер Г. Ф. История Сибири. – Т. 1. – М.-Л., 1937. – 607 с.
- Минерт Л. К. Древнейшие памятники монгольского монументального зодчества // Древние культуры Монголии. – Новосибирск, 1985. – С. 184–209.
- Миняев С. С. Элитный комплекс сюннских захоронений в пади Царам // Российская археология. – 2007. – № 1. – С. 49–58.
- Миняев С. С. Дырестуйский могильник. – СПб., 1998. – 233 с.
- Миняев С. С. Исчезнувшие народы. Сюнну. – Природа. – 1986. – № 4. – С. 42–53.
- Миняев С. С. К проблеме происхождения сюнну // Бюллетень международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. – М., 1985. – Вып. 9. – С. 70–78.
- Миняев С. С. Культура скифского времени Центральной Азии и сложение племенного союза хунну // Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства: тез. докл. – Кемерово, 1979. – С. 75–76.
- Миняев С. С. О дате появления сюнну в Ордосе // Проблемы хронологии в археологии и истории. – Барнаул, 1991. – С. 108–120.
- Миняев С. С. Происхождение сюнну: современное состояние проблемы // Проблемы археологии степной Евразии: тез. докл. конф. – Ч. 2. – Кемерово, 1987. – С. 142–145.
- Миняев С. С., Сахаровская Л. М. Сопроводительные захоронения «царского» комплекса № 7 в могильнике Царам // Археологические вести. – 2002. – № 9. – С. 86–88.
- Митрошкина А. Г. Бурятская онимистическая лексика в русских исторических документах // Актуальные проблемы востоковедения. – Ч. II. – Улан-Удэ, 2001.
- Митрошкина А. Г. К этимологии этнонима «бурят» // Проблемы бурятской филологии и культуры. – Иркутск, 1995.
- Михайлов Т. М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен до XVIII века). – Улан-Удэ, 1980.
- Михайлов Т. М. О Буха-нойоне // Этнологические исследования. – Вып. 1. – Улан-Удэ, 2000: 15–28.
- Михайлов Т. М. Заметки о топонимах Усть-Ордынского национального округа // Труды БИОН. – Вып. 26. – Улан-Удэ, 1976.
- Михайлов Г. И. Монгольский язык в летописях Рашид-ад-Дина // Краткие сообщения института народов Азии и Африки: сборник памяти Е. Э. Бертельса. – Вып. 65. – М., 1964.
- Мовсесян А. А. Некоторые аспекты популяционной генетики современного и древнего населения Сибири // Вопросы

антропологии. – 1973. – Вып. 45. – С. 72–82.

Монгол-орос Толь. – М., 1957.

Мостиц А. П. Археологические находки в окрестностях слободы Усть-Кяхты // Протоколы общего собрания ТКОПОИРГО. – 1894. – № 3. – С. 10–18.

Мочанов Ю. А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1977. – 263 с.

Мочанов Ю. А. Древнейший палеолит Диринга и проблема внутропической прародины человечества. – Новосибирск: Наука, 1992. – 254 с.

Мочанов Ю. А. Дюктайская бифасиальная традиция палеолита Северной Азии. – Якутск: Академия наук Республики Саха (Якутия); Центр арктической археологии и палеоэкологии человека, 2007. – 200 с.

Мочанов Ю. А., Федосеева С. А. Абсолютная хронология голоценовых культур Северо-Восточной Азии // Якутия и ее соседи в древности. – Якутск, – 1975. – С. 38–49.

Наделяев В. М. Циркумбайкальский языковой союз // Исследования по фонетике языков и диалектов Сибири. – Н., 1986.

Налетов П. И. Стратиграфия центральной части бурятской АССР. – М.: Госгеолтехиздат, 1980.

Нанзатов Б. З. Этногенез западных бурят (VI–XIX вв.). – Иркутск, 2005. – 155 с.

Нестеров С. П. Народы Приамурья в эпоху раннего средневековья. – Новосибирск, 1998. – 183 с.

Николаев В. С. Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV вв. – Владивосток-Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2004. – С. 149–157.

Нимаев Д. Д. Буряты: этногенез и этническая история. – Улан-Удэ, 2000. – 190 с.

Нимаев Д. Д. Проблемы этногенеза бурят. – Н., 1988.

Новгородова Э. А. Древняя Монголия. – М.: Наука, 1989. – 384 с.

Номоконова Т. Ю., Горюнова О. И. Неолитические комплексы многослойного поселения Катунь-1 (Чивыркуйский залив, оз. Байкал) // Известия лаборатории древних технологий. – Вып. 2. – Иркутск: Изд-во ИГТУ, 2004. – С. 117–123.

Обручев В. А. Селенгинская Даурия. – М., 1929.

Обручев В. А. Геология Сибири. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – Т. 1.

Окладников А. П. Сибирь в древнекаменном веке. Эпоха палеолита // История Сибири. – Т. 1: Древняя Сибирь. – Л., 1968. – С. 37–94.

Окладников А. П. Новые палеолитические местонахождения Южной Сибири // КСИИМК, 1940. – Вып. 7.

Окладников А. П. История Якутской АССР. – Т. 1. – Л., 1955.

Окладников А. П. Археологические данные о появлении первых монголов в Прибайкалье // Филология и история монгольских народов. – М., 1958. – С. 200–213.

Окладников А. П. Археологические работы на Дальнем Востоке в 1954 г. // Тез. док. на Сессии ОИИ, Пленуме ИИМК, Учен. сов ИЭ. – Л., 1955.

Окладников А. П. Археологические исследования в Бурят-Монголии (1947–1950 гг.) // Известия АН СССР. Сер.: История и философия. – 1951. – Т. 8. – № 5. – С. 440–450.

Окладников А. П. Археологические исследования в Бурят-Монголии в 1947 г. // ВДИ, 1948. – № 3.

Окладников А. П. Бурхотуйская культура железного века в Юго-Западном Забайкалье // Тр. БКНИИ. – 1960. – Вып. 3. – С. 16–30.

Окладников А. П. Древнее Забайкалье: Культурно-исторический очерк // Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. – Ч. 2: Забайкалье. – Новосибирск, 1975. – С. 6–20.

Окладников А. П. Изучение древней истории в Восточно-Сибирском крае // Сов. краеведение. – 1935. – № 1. – С. 75–78.

Окладников А. П. К вопросу о мезолите и эппалеолите в азиатской части СССР (Сибирь и Средняя Азия) // МИА СССР. – 1966. – № 126. – С. 213–223.

Окладников А. П. Многослойное поселение Санний Мыс на р. Уде, в 35 км ниже Хоринска, Бурятской АССР (раскопки 1968 г.) // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. – Вып. 2. – Новосибирск, 1971. – С. 7–86.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. I и II // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1950. – № 43. – 411 с.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. 3 // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1955. – 374 с.

Окладников А. П. Новые данные по истории Прибайкалья в тюркское время (Согдийская колония на р. Унге?) // Тюркологические исследования. – М.-Л., 1963. – С. 273–281.

Окладников А. П. Олений камень с реки Иволги // Сов. археология. – 1954. – Вып. 19. – С. 207–220.

Окладников А. П. Кяхтинский музей и его вклад в археологию Забайкалья // Тр. Кяхтинского музея краеведения им. В. А. Обручева и Кяхтинского отделения ВГО. – Улан-Удэ, 1961. – Т. 18.

Окладников А. П. Палеолит Забайкалья: общий очерк // Археологический сборник. – Вып. 1. – Улан-Удэ: БурГИЗ, 1959. – С. 2–26.

- Окладников А. П. Конь и знамя на ленских писаницах // История и культура Бурятии. – Улан-Удэ, 1976.
- Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII–XVIII вв.). – Л., 1937.
- Окладников А. П. Работа Бурят-Монгольской археологической экспедиции в 1947–1950 гг. // КСИИМК. – 1952. – Вып. 45. – С. 40–47.
- Окладников А. П. Следы доисторических культур на севере Селенгинской Даурии // Северная Азия. – 1928. – Т. 3. – С. 63–69.
- Окладников А. П. Шилкинская пещера – памятник древней культуры Верхнего Амура. – МИА. – 1960. – № 86. – С. 9–71.
- Окладников А.П., Деревянко А. П. Тамцаг-Булак – неолитическая культура Восточной Монголии // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. – Вып. 5. – Улан-Удэ, 1970. – С. 3–20.
- Окладников А. П., Запорожская В. Д. Ленские писаницы. Наскальные рисунки у д. Шишкино. – М.-Л., 1959.
- Окладников А. П., Кириллов И. И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.
- Орлов Ю. С. История лесостепного Забайкалья (II в. н.э. – X в. н.э.). – Чита, 2004.
- Остолопов Н. О. О происхождении, вере и обрядах якутов // Любитель словесности. – 1806. – Ч. 1. – С. 118–147.
- Отрывки о Сибири. – СПб., 1830.
- Павлуцкий А. Краткое описание так называемых чудских древностей Кличкинского серебро-свинцового рудника Нерчинского горного округа // Зап. СОРГО. Кн. 9–10. – Иркутск, 1867.
- Падерин И. В. О могилах близ Улясутая и Селенгинска // Изв. ВСОРГО, 1876. – Т. 7. – № 2–3.
- Паллас П. С. Путешествие по провинциям Российской империи. – СПб., 1773. – Ч. 1–3.
- Панкратов Б. И. Даурский язык: введение // Страны и народы Востока. – СПб., 1999.
- Петри Б. Э. Далекое прошлое Бурятского края. – Иркутск, 1922.
- Петри Б. Э. Далекое прошлое Прибайкалья. – Иркутск, 1928.
- Полосьмак Н. В. Некоторые аналоги погребениям в могильнике у дер. Даодуньцзы и проблема происхождения сюннуской культуры // Китай в эпоху древности. – Новосибирск, 1990. – С. 101–107.
- Попов В. В. Отчет о деятельности Бурят-Монгольского научного общества имени Доржи Банзарова с 1 октября 1926 по 1 января 1928 // Бурятияведение. – Верхнеудинск, 1928. – № 4 (8). – С. 150–159.
- Преображенский В. С., Фадеева Н. В., Мухина Л. И., Томилов Г. М. Типы местности и природное районирование Бурятской АССР. – М.: Наука, 1959.
- Птицын В. В. Селенгинская Даурия: очерки Забайкальского края. – СПб., 1896. – 306 с.
- Пэрлээ Х. Киданьские города и поселения на территории МНР // Монгольский археологический сборник. – М., 1962.
- Пуллиблэнк Э. Язык сюнну // Зарубежная тюркология. – М., 1986. – С. 29–70.
- Равский Э. И., Алексеев М. Н. Четвертичный период в Восточной Сибири // Хронология и климат четвертичного периода. – М., 1960. – С. 159.
- Радлов В. В. Сибирские древности // Материалы по археологии России. – 1884. – Т. 1. – Вып. 8. – № 15.
- Рассадин В. И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. – М., 1982.
- Рассадин В. И. Присаянская группа бурятских говоров. – Улан-Удэ, 1996.
- Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – 222 с.
- Рерих Ю. Н. Тибет и Центральная Азия. – Самара, 1999.
- Решиков М. А. Степи Западного Забайкалья. – М.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Рогинский Я. Я. Материалы по антропологии тунгусов Северного Прибайкалья // Антропологический журнал. – 1934. – № 3. – С. 105–126.
- Руденко С. И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. – М.-Л., 1962. – 203 с.
- Рукавишников И. А. Очерки хозяйственного быта бурят Селенгинской Даурии. – Иркутск, 1923.
- Румянцев Г. Н. Родоплеменной состав верхоленских бурят // ЗБМНИИ. – Вып. XII. – Улан-Удэ, 1951.
- Румянцев Г. Н. Баргузинские летописи. – Улан-Удэ, 1956.
- Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят. – Улан-Удэ, 2002. – 261 с.
- Румянцев Г. Н. Предания о происхождении аларских бурят // Этногр. сборник. Вып. 2. – Улан-Удэ, 1961.
- Румянцев Г. Н. Происхождение хоринских бурят. – Улан-Удэ, 1962.
- Рыгдылон Э. Р. Городища Усть-Ордынского Бурят-Монгольского округа Иркутской области // Сов. археология. – 1955. – № 22. – С. 177–189.
- Рыгдылон Э. Р. Неолитические находки на Нижне-Березовской стоянке // Сов. археология. – 1950. – № 12. – С. 287–288.
- Рыгдылон Э. Р. Отчет об археологических разведках в 1936 г. // Архив ЛОИА, ф. 42. – № 397.
- Рычков Ю. Г. Некоторые популяционно-генетические подходы к антропологии Сибири // Вопросы антропологии. – 1969. – Вып. 33. – С. 16–33.
- Рычков Ю. Г., Мовсесян А.А. Генетико-антропологический анализ распределения аномалий черепа у монголоидов Сибири в связи с проблемой их происхождения // Человек, эволюция и внутривидовая дифференциация. – М., 1972. – С. 114–132.
- Савельев Н. А. Неолит юга Средней Сибири (история основных идей и современное состояние проблемы): автореф.

- дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1986. – 25 с.
- Савинов Д. Г. Минусинская провинция хунну. – Спб.: ИИМК–СПбГУ, 2009.
- Савинов Д. Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л., 1984. – 175 с.
- Санжеев Г. Д. Заметки по этнической истории бурят // Современность и традиционная культура народов Бурятии. – Улан-Удэ, 1983.
- Санжеев Г. Д. Некоторые вопросы этнонимии и древней истории монгольских народов // Этнические и историко-культурные связи монгольских народов. – Улан-Удэ, 1983.
- Санжеев Г. Д. Монгольские языки // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – М., 1998.
- Сандаг III. Образование единого Монгольского государства и Чингисхан // Татаро-монголы в Азии и Европе. – М., 1977. – С. 23–47.
- Сборник документов по истории Бурятии XVII в. – Улан-Удэ, 1960.
- Свинин В. В. Основные этапы древней истории населения побережья озера Байкал // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск, 1974.
- Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. – Т. 1. – М., 1974.
- Семина Л. В. Керамика эпохи неолита и бронзы Юго-Западного Забайкалья // Древнее Забайкалье и его культурные связи. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 104–122.
- Сергеева Н. Ф. Древнейшая металлургия меди юга Восточной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1981. – 152 с.
- Сергеева Н. Ф., Хамзина Е. А. Бронзовые изделия из Посольска на Байкале // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск: ИГУ, 1975. – Вып. 3. – С. 176–183.
- Симухин А. И. Бронзовый котел из Забайкалья // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Алматы; Омск, 2004. – С. 245–247.
- Симухин А. И. Медно-бронзовые изделия из местонахождения Хубоо // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. – Т. 1. – М.: ИА РАН, 2008. – С. 447–450.
- Симухин А. И. Случайная находка из Забайкалья // Nota Bene: Сборник науч. тр. – Вып. 1: Случайная находка. – Новосибирск, 2007. – С. 95–100.
- Симухин А. И. Технология изготовления бронзовых удил из фонда Музея истории Бурятии им. М. Н. Хангалова // Северная Евразия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология: мат-лы Всерос. конф. с междунар. участием, посв. 100-летию со дня рожд. М.М. Герасимова. – Т. 2. – Иркутск: Оттиск, 2007. – С. 175–181.
- Скрынникова Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. – М.: Наука, 1997. – 215 с.
- Скрынникова Т. Д. Традиционное мировоззрение бурят и шаманизма // Методологические и теоретические аспекты изучения духовной культуры Востока. – Вып. 2. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ, 1997.
- Сокровенное сказание монголов. – Улан-Удэ, 1990. – 148 с.
- Сокровенное сказание монголов: Монгольская хроника 1240 г. / Введ. в изучение памятника, пер., тексты, глоссарий С. А. Козина. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 619 с.
- Сосновский Г. П. Дзрестуйский могильник // ПИДО. – 1935. – № 1–2.
- Сосновский Г. П. Итоги работ Бурят-Монгольского археологического отряда Академии наук СССР в 1928–1929 гг. // Проблемы Бурят-Монгольской АССР. – Т. 2. – М.-Л., 1936. – С. 320.
- Сосновский Г. П. Плиточные могилы Забайкалья // Тр. ОИПК ГЭ, 1941. – Т. 1.
- Сосновский Г. П. Нижне-Иволгинское городище // Проблемы истории докапиталистических обществ. – № 7–8. – С. 150–156.
- Сосновский Г. П. О поселении гуннской эпохи в долине р. Чикой // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. – 1947. – Вып. 14. – С. 35–39.
- Сосновский Г. П. Ранние кочевники Забайкалья // Краткие сообщения института истории материальной культуры. – 1940. – Вып. 8. – С. 36–42.
- Сосновский Г. П. Раскопки в Ильмовой пади // Сов. археология. – 1946. – № 8. – С. 51–67.
- Сосновский Г. П. Следы пребывания палеолитического человека в Забайкалье // Тр. комис. по изуч. четвертич. периода. – Т. 3. Вып. 1. – М.: АН СССР, 1933. – С. 23–40.
- Спафарий Н. Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая в 1675 г. // Зап. ВСОРГО, 1882. – Т. 10. – Вып. 1. – С. 142.
- Стрелов Е. Д. К вопросу о доисторическом прошлом якутов (по поводу брошюры проф. Б. Э. Петри «Доисторические кузнецы в Прибайкалье») // Саха Кескиле. – 1926. – Вып. 3. – С. 25.
- Стариков В. С. О литературе киданей // Литературные связи Монголии. – М., 1981.
- Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР. – М., 1982. 302 с.
- Стрелов Е. Д. К вопросу о доисторическом прошлом якутов (по поводу брошюры проф. Б. Э. Петри «Доисторические кузнецы в Прибайкалье») // Саха Кескиле. – 1926. – Вып. 3. – С. 5–25.
- Сухбаатар Г. Монголчуудын эртний овог. – Улаанбаатар, 1980.
- Сэр-Оджав Н. Археологические исследования в МНР // Монгольский археологический сборник. – М., 1962. – С. 5–10.
- Талько-Грынцевич Ю. Д. Древние аборигены Забайкалья в сравнении с современными инородцами: сравнительно-

- антропологический очерк // Тр. Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отд. Русского географического о-ва. Т. 8. Вып. 1. – СПб., 1905. – С. 32–51.
- Талько-Грынцевич Ю. Д. Древние обитатели Центральной Азии // Тр. ТКОПОРГО. Т. 2. Вып. 1–2. – М., 1900. – С. 61–76.
- Талько-Грынцевич Ю. Д. Материалы к палеознологии Забайкалья // Протокол ТКОРГО. – 1896. – № 8. – С. 14–31.
- Талько-Грынцевич Ю. Д. Материалы к палеознологии Забайкалья // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела император. РГО 1901 г. Т. 4. Вып. 2. – М., 1902. – С. 32.
- Талько-Грынцевич Ю. Д. Материалы к палеознологии Забайкалья // Тр. Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Русского географического об-ва. Т. 1. Вып. 3. – М., 1898–1900. – С. 35–76.
- Талько-Грынцевич Ю. Д. Население древних могил и кладбищ забайкальских. – Верхнеудинск, 1928. – 14 с.
- Талько-Грынцевич Ю. Д. Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади // Труды Троицкосавско-Кяхтинского отделения Приамурского отдела РГО. Т. 1. Вып. 2. – М., 1898. – С. 1–77.
- Таскин В. С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. – М.: Наука, 1984. – 486 с.
- Таскин В. С. Материалы по истории кочевых народов в Китае в III–V вв. Вып. 1: Сюнну. – М.: Наука, 1989. – 288 с.
- Материалы по истории сюнну. – М.: Наука, 1968. – 177 с.
- Материалы по истории сюнну. Вып. 2. – М.: Наука, 1973. – 171 с.
- Татаро-монголы в Азии и Европе. – М.: Наука, 1977. – 507 с.
- Ташак В. И. Датирование верхнепалеолитического поселения Подзвонкая и начало верхнего палеолита на юге Бурятии // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Т. 1: Археология. Этнология. – Улан-Удэ, 2000. – С. 25–29.
- Ташак В. И. Местонахождение Аршан-Хундуй (опыт исследования и интерпретации) // Байкальская Сибирь в древности. Вып. 2. Ч. 1. – Иркутск: ИГПУ, 2000. – С. 161–180.
- Ташак В. И. Палеолитические и мезолитические памятники Усть-Кяхты. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. – 130 с.
- Ташак В. И. Символизм в начале верхнего палеолита Западного Забайкалья // Зап. ИИМК РАН № 4. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. – С. 55–70.
- Ташак В. И. Усть-Кяхта-17 – многослойное поселение на р.Селенге // Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 47–64.
- Ташак В. И. Элементы нижнего палеолита в каменной индустрии аланских стоянок // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: мат-лы Всерос. науч. конф. – Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. – С. 145–147.
- Ташак В. И. К обоснованию новой археологической культуры в верхнем палеолите Забайкалья // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 8: Востоковедение. – 2010. – С. 234–241.
- Ташак В. И. Комплекс палеолитических местонахождений Ирэн-Хада // Палеоэкология человека Байкальской Азии (путеводитель к полевым экскурсиям). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – С. 55–61.
- Ташак В. И. Палеолитические материалы древнего поселения Хэнгэр-Тын-3 «Святылище» // Палеолитические культуры Забайкалья и Монголии (новые памятники, методы, гипотезы). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – С. 41–55.
- Тиваненко А. В. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1989.
- Тиваненко А. В. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху средневековья. – Новосибирск: Наука СО, 1994.
- Тиваненко А. В. Древнее наскальное искусство Бурятии. – Новосибирск: Наука СО, 1990.
- Тиваненко А. В. Гибель племени меркитов. – Улан-Удэ, 1992.
- Тихонова Е. Л. Русские предания Восточной Сибири о заселении и освоении края. – Улан-Удэ, 2006.
- Ткачев В. Н. К реконструкции дворца Угэдэя в Каракоруме // Известия вузов. Строительство и архитектура. – 1984. – № 8.
- Токарев С. А. Расселение бурятских племен в XVII веке // Записки БМГИЯЛИ. – Улан-Удэ, 1993.
- Торбат Ц. Хуннугийн иргэдийн булш. – Улаанбаатар, 2004.
- Тортика А. А., Михеев В. К., Кортнев Р. И. Некоторые эколого-демографические и социальные аспекты истории кочевых обществ // Этнографическое обозрение, 1994. – № 1.
- Тревер К. В., Луконин В. Г. Сасанидское серебро. – М., 1987.
- Трубникова О.Б. К классификации неолитических серий Северной и Восточной Азии по краниометрическим признакам (методы многомерной статистики) // Палеоантропология Сибири. – М., 1980. – С. 89–105.
- Тумэн Д. Вопросы этногенеза монголов в свете данных палеоантропологии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1985. – 20 с.
- Тумэн Д. Палеоантропологический материал монгольского времени из Хархорина // Археологийн судлал (Studia archaeologicae Instituti Historiae Academiae Scientiarum Reipublicae Populi Mongolici). – Улаанбаатар, 1985. – С. 85–97.
- Тянь Гуаньцзинь. Цзиньняньлай нэймэнгу дицойдэ сюнну каогу – Археологические исследования хунну в районе Внутренняя Монголия за последние годы // Каогу сюэбао. – 1983. – № 1. – С. 19.
- У Энх. Лунь сюнну Каогу яньцзюжундэ цзигэ вэньти // Каогу сюэбао. – 1990. – № 4. – С. 422.
- У Энх, Чжун Кань, Ли Цзиньцзэн. Могильник сюнну в деревне Даодуньцзы уезда Тунсинь в Нинся // Китай в эпоху древности. – Новосибирск, 1990. – С. 101.

- Угольников Ю. Н., Уголькова В. С. Древности Тункинской котловины. – Кемерово: Сириус, 2001. – 226 с.
- Ульчи: Каталог коллекции Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск, 2004. – 86 с.
- Фань Вэнь-лань. Древняя история Китая от первобытно-общинного строя до образования централизованного феодального государства. – М., 1958. – С. 235.
- Федоров-Давыдов Г. А. Статистические методы в археологии. – М., Высшая школа, 1987. – 216 с.
- Фишер И. Э. Сибирская история с самого открытия Сибири – СПб., 1774. – 631 с.
- Хамзина Е. А. Археологические памятники Западного Забайкалья (поздние кочевники). – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. – 141 с.
- Хамзина Е. А. Археологические исследования в Бурятии за 50 лет // Исследования и материалы по истории Бурятии. – Улан-Удэ, 1973. – С. 31.
- Хамзина Е. А. Археологические памятники Бурятии. – Новосибирск: Наука СО, 1982. – 153 с.
- Хамзина Е. А. Клад бронзовых изделий из Закамны // Новое в археологии Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 41–45.
- Хамзина Е. А. Неолитическое погребение с Новой Шишковки // Археологический сборник. – Вып. 1. – Улан-Удэ, 1959. – С. 127–128.
- Хамзина Е. А. Новые находки бронзовых изделий в Забайкалье // Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока: тез. докл. и сообщ. – Иркутск: ИГУ, 1960. – С. 72–73.
- Хамзина Е. А., Ярославцева Л. Г. Посольская стоянка (по материалам раскопок Е. А. Хамзиной, 1959 г.) // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Т. 1: Археология. Этнология. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – С. 64–68.
- Ханхараев В. С. Буряты в XVII–XVIII вв.: Демографическая история и этнические процессы. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000.
- Харинский А. В. «Городища» побережья озера Байкал в железном веке: автореф. дис. канд. ист. наук. – Новосибирск, 1994. – 18 с.
- Харинский А. В., Емельянова Ю. А., Рыков Г. К. Северо-западное побережье озера Байкал в бронзовом веке: по материалам стоянок // Известия лаборатории древних технологий. – Вып. 7. – Иркутск, 2009. – С. 126.
- Харинский А. В. Предбайкалье в конце I тыс. до н.э. – середине II тыс. н.э. Генезис культур и их периодизация. – Иркутск, 2001. – 199 с.
- Харинский А. В. Приольхонье в средние века. Погребальные комплексы. – Иркутск, 2001. – 238 с.
- Хлобыстин Л. П. К истории нерпичьего промысла на Байкале // Советская археология. – 1963. – № 1. – С. 12–19.
- Хороших П. П. Исследования каменного и железного века Иркутского края // Изв. Биол.-геогр. ин-та. – Т. 1. Вып. 1. – Иркутск, 1924. – 51 с.
- Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск, 1986. – 268 с.
- Худяков Ю. С. Херексуры и оленные камни // Скифская эпоха Алтая: Тез. к конф. – Барнаул, 1986. – С. 40–43.
- Худяков Ю. С. Херексуры и оленные камни // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск, 1987. – С. 136–162.
- Худяков Ю. С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. – Новосибирск: Наука, 1991. – 189 с.
- Худяков Ю. С., Комиссаров С. А. Кочевая цивилизация Восточного Туркестана. – Новосибирск: Наука, 2002. – 156 с.
- Худяков Ю. С., Цэвээндорж Д. Керамика Орду-Балыка // Археология Северной Азии. – Новосибирск, 1982. – С. 85–94.
- Цыбикдоржиев Д. В. К вопросу о происхождении этнонима «курыкан» // Гуманитарные исследования молодых ученых Бурятии. – Улан-Удэ, 1996.
- Цыбиктаров А. Д. Бурятия в древности: история (с древнейших времен до XVII в. – Улан-Удэ, 1999. – 264 с.
- Цыбиктаров А. Д. Бронзовый век Западного Забайкалья // Новое в археологии Забайкалья. – Новосибирск: Наука СО, 1981.
- Цыбиктаров А. Д. К проблеме культурно-исторической ситуации в Центральной Азии в эпоху бронзы и раннего железа // Археология и этнология Дальнего Востока и Центральной Азии. – Владивосток, 1998. – С. 92–99.
- Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Забайкалья и Монголии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1989. – 24 с.
- Цыбиктаров А. Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998. – 288 с.
- Цыбиктаров А. Д. Культурное и хронологическое соотношение херексуров и памятников монгун-тайгинского типа Горного Алтая, Тувы, Монголии и Южного Забайкалья // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Вып. 2. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2004. – С. 35–49.
- Цыбиктаров А. Д. Место культуры плиточных могил в древней истории Забайкалья // Сибирь в панораме тысячелетий: мат-лы междунар. симпоз. – Т. 1. – Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1998а. – С. 600–608.
- Цыбиктаров А. Д. Новые материалы по хунну Южного Забайкалья // Археол. и этногр. исследования в Вост. Сибири (итоги и перспективы): тез. док. науч. конф. – Иркутск, 1986.

- Цыбиктаров А. Д. Плиточные могилы и херексуры Южной Бурятии // Палеоэкология человека Байкальской Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ, 1999.
- Цыбиктаров А. Д. О конструкции плиточных могил // Памятники эпохи палеометалла в Забайкалье. – Улан-Удэ, 1988.
- Цыбиктаров А. Д. О датировке херексур в Южной Бурятии, Северной и Центральной Монголии // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири: тез. докл. – Барнаул: Изд-во ИИФиФ и АГУ, 1988. – С. 130–132.
- Цыбиктаров А. Д. Территориальный аспект изучения херексур и курганов монгун-тайгинского типа Центральной Азии // Мир Центральной Азии. Т. 1: Археология. Этнология. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. – С. 67–74.
- Цыбиктаров А. Д. Херексуры Бурятии, Северной и Центральной Монголии // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. – С. 38–47.
- Цыбиктаров А. Д. Центральная Азия на заре бронзового века (конец III – I-я половина II тыс. до н.э.). – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2006. – 236 с.: ил.
- Цыбиктаров А. Д. Центральная Азия на заре бронзового века (проблемы этнокультурной истории Монголии и Южного Забайкалья в конце III–начале II тыс. до н.э.) // Археология, этнография и антропология Евразии. – № 3. – Новосибирск, 2002. – С. 107–123.
- Цыдендамбаев Ц. Б. Этническое прошлое закаменских бурят по данным их исторических легенд // Краеведение Бурятии. – Улан-Удэ, 1979.
- Цыдендамбаев Ц. Б. Родословные таблицы бурят на письменном монгольском языке как источник изучения антропонимов // Бурятские антропонимы и топонимы. – Улан-Удэ, 1981.
- Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные как источники по истории бурят. – Улан-Удэ, 2001. – 256 с.
- Цыденжапов Ш. Р. Тайна Чингис-хана. – Улан-Удэ, 1992.
- Цыденова Н. В. Комплексы неолита – раннего бронзового века поселения Ярцы Байкальские // Материалы семинара «Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг.», посв. 125-летию со дня рождения Б. Э. Петри. – Иркутск, 2009. – С. 333–339.
- Цыденова Н. В. Поселение неолита – средневековья Муханские Озера (Западное Забайкалье) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия История, филология. – 2009. – Т. 8. Вып. 4: Археология и этнография. – С. 123–131.
- Цыденова Н. В. Развитие микропластинчатого расщепления в раннем неолите в Западном Забайкалье (на примере материалов стоянки Красная Горка) // Материалы международной конференции «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири». – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. – С. 53–56.
- Цыденова Н. В. Ярцы Байкальские – центральный комплекс // «Nomadic heritage studies». – Т. 8. Fasc. 10. – Ulaanbaatar, 2008. – P. 127–139.
- Цыденова Н. В., Хамзина Е. А. Керамические материалы Посольской стоянки: корреляции и варианты интерпретации // Известия лаборатории древних технологий. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2006. – С. 323–332.
- Цыремпилов В. Б. Об этимологии этнонимов монгол, хори, бурят и ойрат // Монголо-бурят, этнонимы. – Улан-Удэ, 1996.
- Чернецов В. Н. Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 10–17.
- Чжан Тайсянь, Шомаев А. А., Скобелев С. Г. Происхождение «Фуюйских киргизов» // Этнические процессы в Южной Сибири и Центр. Азии в I–II тыс. н.э. – Кемерово, 1994.
- Шавкунов Э. В. К вопросу о датировке средневековых памятников Приморья // Тр. БКНИИ СО РАН. – Вып. 3. – Улан-Удэ, 1960. – С. 174–193.
- Шавкунов Э. В. Опыт реконструкции древних этнонимов в иероглифической записи // Новейшие археологические исследования на Дальнем Востоке СССР. – Владивосток, 1976. – С. 52–70.
- Шабхаев Б. С. Эколого-экономические факторы развития хунну в Западном Забайкалье (кон. III в. до н.э. – I в. н.э.). – Автореф. дис. канд. истор. наук. – Улан-Удэ, 2005.
- Шаракшинова Н. О. Миф о Буха-нойоне // Этнограф. сб. – Вып. 3. – Улан-Удэ, 1962.
- Шиобин Чжан. Следы пребывания китайцев в Сибири // Труды палеоэтнологической секции ВСОРГО. – Иркутск, 1926. – С. 166–171.
- Шмыгун П. Е., Филиппов А. К. Нижний комплекс стоянок Курла // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1982. – С. 15–24.
- Шнирельман В. А. Происхождение скотоводства. – М.: Наука, 1980. – 333 с.
- Шубин А. С. Краткий очерк этнической истории эвенков Забайкалья (XVIII–XX вв.). – Улан-Удэ, 1973.
- Шулунова Л. В. Языковые контакты монгольских и тюркских племен Прибайкалья (на материале топонимики) // Этнокультурные процессы в Юго-Вост. Сибири в средние века. – Новосибирск, 1989.
- Шукин Н. С. Поездка в Якутск. – СПб., 1844. – 231 с.
- Эгами Н. Древняя культура Севера. Эпоха Фу (Исследования о культуре сунну) // Кодай хоку-хо бунка. – Токио, 1948. (на яп. яз.).

Эгами Н. Экономическая жизнь сюнну // Труды XXV Международного конгресса востоковедов. – Т. 5. – М., 1963. (на рус. яз.).

Этнолингвистический атлас МНР. – Улаанбаатар. 1979.

Юнатов А. А. Основные черты растительного покрова МНР. – М.: Изд-во АН СССР, 1950.

Яремчук О. А. Особенности погребального обряда населения Восточного Забайкалья в хунно-сяньбийскую эпоху // Забайкалье в геополитике России. – Улан-Удэ, 2003. – С. 72–75.

Ярославцева Л. Г. Многослойное поселение Мухино // Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья. – Новосибирск: Наука, 1993. – С. 128–138.

Ярхо А. И. Антропологический тип кемчинских танну-тувинцев // Северная Азия. – 1929. – № 5–6. – С. 127–132.

Архив ЛОИА, фонд Г. П. Сосновского, № 42, № 164

Архив ЛОИА, фонд Г. П. Сосновского, № 42, № 297

Архив ЛОИА, фонд Г. П. Сосновского, № 42, № 397

Gochman I. Tomtosova L. The anthropological composition of Eastern Siberia in the light of the latest paleoanthropological finds in Yakutia // Studies in ethnography and anthropology. – P. 1. – Moscow, 1983. – P. 57–67.

Gochman I. Tomtosova L. The anthropological composition of Eastern Siberia in the light of the latest paleoanthropological finds in Yakutia // Studies in ethnography and anthropology. – P. 1. – Moscow, 1983.

Hrdlicka A. Crania of Siberia // American J. Of Physical anthropology. – 1942. – Vol. 29. – № 4.

Miller Br. K., Francis Allard, Diimaajav Erdenebaatar, Christine Lee. A Xiongnu Tomb Complex: Excavations at Gol Mod-2 Cemetery, Mongolia (2002-05) // Mongolian Journal of Anthropology, Archaeology and Ethnology. – Ulaanbaatar, National University of Mongolia. – 2006. – Vol. 2. – № 2 (271). – P. 1–21.

Tian Likun. The Comparison between Three Yans Cultures and the Archaeological Remains of Gaogoliao // Collected works for the Tenth anniversary of the archaeology department of Jilin University. – Jilin University, 1998. – P. 328–341.

Weber A. W., Goriunova O. I., Konopatskii A. K. Prehistoric Seal Hunting on Lake Baikal: Methodology and Preliminary Results of the Analysis of Canine Sections // Journal of Archaeological Science. – 1993. – №. 20. – P. 629–644.

Содержание

Предисловие	5
Введение.....	7
Глава 1. Физико-географическая характеристика Бурятии.....	11
Глава 2. История археологических исследований Забайкалья	17
2.1. Изучение древностей Бурятии в середине XVII – начале XX в.	17
2.2. Археологические исследования в 1920–1950 гг.	20
2.3. Исследования в 1960–2010 гг.	23
Глава 3. Эпоха нижнего и среднего палеолита	35
3.1. Нижний палеолит	38
3.2. Средний палеолит.....	41
Глава 4. Верхний палеолит.....	45
4.1. Развитие взглядов на верхний палеолит Забайкалья	46
4.2. Культуры раннего этапа верхнего палеолита Забайкалья	48
4.3. Средний и финальный этапы верхнего палеолита Забайкалья	58
Глава 5. Мезолит.....	61
5.1. Основные проблемы и принципы выделения мезолитического периода	61
5.2. Дискуссии по поводу мезолита в Восточной Сибири и Забайкалье	62
5.3. Мезолитические памятники Забайкалья и их материальная культура	64
Глава 6. Неолит	71
6.1. Ранний неолит	72
6.2. Развитой неолит	82
6.3. Поздний неолит	89
6.4. Одиночные погребения	91
6.5. Антропология Бурятии эпохи неолита	92
Глава 7. Энеолит и ранний бронзовый век.....	103
Глава 8. Эпоха развитой, поздней бронзы и раннего железа	127
8.1. Общая характеристика эпохи	127
8.2. Бурятия в эпоху бронзы и раннего железа	131
Глава 9. Эпоха Хунну.....	153
9.1. Источники и историография хунну	153
9.2. Происхождение и ранняя история хунну	158
9.3. Образование Хуннского государства	167
9.4. Политический строй державы Хунну	170
9.5. Экономические основы жизни хунну	173
9.6. Западное Забайкалье в составе Хуннской империи	176
9.7. Духовная культура: религиозные воззрения, изобразительное искусство хунну	194
Глава 10. Эпоха средневековья.....	203
10.1. Древние монгольские этносы (сяньби, жужани)	204
10.2. Ранние тюрки и монголы	210
10.3. Этнокультурные процессы (по данным археологии)	234
10.4. Антропология	247
Глава 11. Этногенез бурят	253
Заключение	287
Список сокращений	289
Синхронистическая таблица	291
Сведения об авторах.....	297
Именной указатель	298
Географический указатель	304
Литература	311

Научное издание

История Бурятии

в трех томах

Т. 1 – Древность и средневековье

Печатается по решению ученого совета
Учреждения Российской академии наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения РАН

Ответственный редактор *С. В. Данилов*
Научный редактор *П. Б. Коновалов*
Редактор издательства *Е. И. Борисова*
Художник и автор макета *Д. Т. Олоев*
Верстка *Т. А. Олоевой*

Подписано в печать 06.06.2011. Формат 84х108 1/16. Гарнитура Times New Roman.
Бумага мелованная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 34,5. Уч.-изд. л. 35,5. Тираж 3000 экз.

Издательство БНЦ СО РАН
670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 8.

Изготовлено PrintLETO

